

Кинжал убийцы

ДЖУЛЬЕТ Э.
МАРКЕННА

Кинжал убийцы

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЖУЛЬЕТ Э.
МАРКЕННА

JULIET E.

McKENNA

The Assassin's Edge

ДЖУЛЬЕТ Э.

МАККЕННА

Кинжал убийцы

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
M15

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Juliet E. McKenna
THE ASSASSIN'S EDGE

Перевод с английского Ю.А. Кряклиной

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения
Time Warner Books UK, a division of Time-Life Entertainment Group, Ltd.
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 24.09.04. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 6000 экз. Заказ № 2811.

Маккенна Д.Э.

M15 Кинжал убийцы: Фантаст. роман / Д.Э. Маккенна; Пер. с англ. Ю.А. Кряклиной. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 606, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-025956-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0311-4 (ОАО «ЛЮКС»)

Эйнаринн. Мир, которым правит магия, подвластная лишь избранным великим мастерам, живущим на загадочном острове Хадрумал.

Мир, где прошлое и настоящее сплелись в опасной игре, которую, сама того не зная, начала смелая воровка, украсившая один из величайших магических артефактов древности...

Мир, который в силах спасти от зловещей Силы эльетиммов — магов ледяных островов — лишь бесстрашный воин-одиночка, поклявшийся некогда отомстить эльетиммам за смерть друга...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Juliet E. McKenna, 2002
© Перевод. Ю.А. Кряклина, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Посвящается Марион и Майклу, Коринн и Хелен, Рею и Джорджу. За поддержку в течение стольких лет.

ГЛАВА 1

Обращение ректората ко всем ученым и менторам Университета Кола

По давней традиции во время празднования Равноденствия и Солнцестояния наш университет принимает гостей из других учебных заведений. Принимает с неизменным радушием и заботливостью, предполагающей также посещение роскошной, живописной городской ярмарки. Сей коммерческий вклад к тому же является источником процветания Кола. Все наши студенты и ученые в общении с гостями и горожанами обогащают свой жизненный опыт. Поэтому ректорат не потерпит повторения инцидентов, омрачивших торжество последнего весеннего Равноденствия.

Посвящая себя целиком науке, мы постоянно слышим в свой адрес обвинения неучей. Они упрекают нас в праздности и неумении производить что-либо практически ценное. Мы выше подобных насмешек, ибо уверены, что любые успехи торговцев и архитекторов, ремесленников и их гильдий несопоставимы с достижениями науки. Но все эти рассуждения о достоинстве теряют смысл, когда Стража бросает в тюрьму наших студентов, ученых и даже иных менторов, вступивших в драку с гостями из Ванамского университета. Эти позорные баталии происходили в тавернах, где завсегдатаями являются простые портовые грузчики.

Хуже того, теперь пошли пересуды, будто вышеупомянутые ссоры случались не из-за денег, или бытовых неурядиц, или благосклонности дамы, но из-за научных разногласий. Наш университет становится посмешищем среди населения. Ректорат считает это оскорблением, причем более серьезным, чем причиненный ущерб городу. Разбитые окна, двери и винные бутылки можно возместить золотом, однажды запятнанную репутацию никогда не восстановить.

Дабы избежать впредь подобных оскорблений, ректорат предлагает всем менторам и ученым проявить благоразумие во взаимодействии со студентами, приняв к сведению следующее.

Утверждать, что Темар Д'Алсеннен — не тот, за кого он себя выдает, так же бессмысленно, как отрицать заслуги Верховного мага Хадрумала в возвращении к жизни Д'Алсеннена и его людей. Равно нелепо утверждать, что все это — ложь на службе некоего всеохватного, странно-неопределенного заговора, в коем участвуют Верховный маг, менторы Ванама и даже сам император Тадриола. Подобная глупость наносит сокрушительный удар по репутации нашего университета.

Однако, несмотря на высокомерные заявления некоторых ученых Ванама, возвращение Темара Д'Алсеннена в Тормалин не отвечает и на сотую часть вопросов о причинах падения Старой Империи. Он не может объяснить нам, почему свержение с престола Немита Безрассудного и Немита Последнего вызвало Хаос, а не плавный переход к новой императорской династии. Попытка Д'Алсеннена основать свою колонию не имела никакого отношения к тем событиям. Это было незначительное предпринятие по сравнению с другими, развернутыми в то время в Старой Империи, наиболее заметным из которых стало бесплодное покорение Гидесты. То, что эта колония не имела особой важности для Собрания Принцев, ясно отражено в анналах. Вместо того чтобы направлять ресурсы на помощь Д'Алсеннену, все Дома сосредоточили свои усилия на подавлении раскольных мятежей в Каладрии и восстаний в Энсеймине.

Д'Алсеннен может предложить нам лишь свое личное, весьма ограниченное мнение, ибо он не видел целостной картины,

будучи юным и неопытным эскавайром мелкого Дома, удаленного от столицы и не имеющего никакого влияния. Он уже пересек океан и находился в Кель Ар'Айене до наступления последних, критических, лет правления Немита и, погруженный в летаргию, пребывал под заклинанием задолго до самого яростного периода войны между Домами Т'Алеона и Ден Модрикала. Хотя его воспоминания и предлагают некоторые любопытные сведения, проливающие свет на те важные события, они незначительны в совокупности установленных исторических фактов.

Очевидно, развалу Империи действительно способствовал пока лишь частично объясненный крах эфирной магии. Масштабы его воздействия, вне зависимости от подтвержденных случаев голода, междуусобиц и периодических опустошений, вызванных Черной оспой, несомненно, будут предметом пристального изучения. В конечном счете пришла пора дать объективную оценку роли эфирной магии в управлении Старой Империей. Мы, ученые Кола, не вправе медлить, предпринимая такие исследования. И незачем нам болезненно реагировать на похвалбу Ванамы, будто участие их менторов в экспедициях Планира в Кель Ар'Айен дает ванамским ученым неоспоримое превосходство в этих вопросах.

Кол — главный порт на пути в Хадрумал. Мы должны отбросить привычную сдержанность в отношениях с магами и приглашать их к участию в наших трапезах и наших дебатах. Немалую пользу способна принести и переписка наших алхимиков с магами, изучающими свойства природных стихий. Наш университет был основан учеными, которые спасли все что можно из древней храмовой библиотеки Кола, сожженной во времена Халоса. Теперь очевидно, что те храмы были центрами эфирного знания в Старой Империи. Ученым и менторам следует искать это ценное знание, спрятанное в наших собственных архивах. У нас больше странствующих ученых, чем у Ванамы, многие из которых обучают сыновей и дочерей тормалинских Домов, а также отпрысков лескарских герцогов и каладрийских баронов. Их архивы могут дать бесценный материал для дальнейшего изучения, и ректорат направляет письма всем, кто имеет пра-

во носить серебряное кольцо нашего университета, дабы заручиться их поддержкой.

Вместо того чтобы тратить время и силы в тщетных попытках доказать превосходство нашего университета над Ванамским посредством кулачных боев, каждый ментор, ученый и студент должен способствовать укреплению нашего авторитета с помощью глубоких научных исследований.

ВИТРАНСЕЛЬ, КЕЛЛАРИН, 15-е ПОСТВЕСНЫ, ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ТАДРИОЛА ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОГО

Меня разбудил звук бьющейся посуды. Вслед за ним слышались невнятные проклятия, вернувшие дремлющее сознание в дом моего детства. Но когда я открыла глаза, все вокруг оказалось незнакомым. Настойчивый дневной свет беспрепятственно проникал в дверь, расположенную в совершенно неожиданном месте. Коли на то пошло, когда я последний раз спала с небрежно открытой дверью?

Воспоминание развеяло дымку сна. Я не в Энсеймине, несмотря на то что кто-то снаружи ругается на языке моего детства. Полмира отделяет меня от родины, я на другой стороне океана, хотя большинство людей были уверены, что он непроходим. Это Витрансель, первое поселение Келларина, недавно получившее свое название; колония, все еще пытавшаяся встать на ноги после года напряженного труда с целью покорения сей дикой земли.

Однако что бы ни происходило снаружи, оно может обойтись без меня. Я не вылезу из кровати, если только не грянет настоящий бунт. Повернувшись на другой бок, я натянула на плечи льняную простыню, щека утонула в ласковом пухе подушки. Подушка — мой трофей от праздничного убоя гусей и кур. Сколько еще дней предстоит мне копать в куриных внутренностях, прежде чем у меня будет перина, лениво подумала я.

Все, бесполезно: я проснулась. Села со вздохом и, смахнув волосы с глаз, осмотрела спаленку. Мне доводилось спать в комнатах и получше — в каменных трактирах с шерстяными ковриками на полах, дабы приглушить шарканье сапог по полированным половицам, гобеленами на стенах, не допускавшими случайных сквозняков, и ценами такими высокими, что уже не имела значения лишняя медь, которая обеспечивала любезность трактирных слуг и горничных. Впрочем, я спала и в худших, бедных тавернах, где считалось удачей разделить кровать с незнакомцами, а подхваченные от них паразиты были единственной ценой, которую приходилось платить. Но самый убогий трактир был лучше морозной ночи под арками рынка, когда я отдавала последний медяк, чтобы убедить стражника смотреть в другую сторону.

Я подошла к окну и открыла ставни яркому солнцу. Нет, я не собираюсь жаловаться на теплую, чистую комнату с первыми весенними травами, раскиданными по полу. Ветерок охладил голое тело, и я поискала чистую рубаху среди груды одежды и мелочей, сваленных на новом красивом комод. Райшед купил его для меня у соседа-плотника за свою трехдневную работу с отвесом, резцом и зубилом. Возможно, мой возлюбленный не пошел по стопам своего отца, но он не забыл его уроки. Надо бы прибраться, подумала я, садясь на старый дорожный сундук Райшеда и натягивая бриджи.

Среди беспорядка на комод мое внимание привлекла яркая кожа заново переплетенной книги. Это был сборник старинных песен, полных намеков на древнюю магию. Я нашла его в прошлом году. В одной веселой детской балладе имелись чары, чтобы вызвать эльфов, которые выполняют работу по дому. Эта мысль, как всегда, растрогала меня. С другой стороны, целый ряд более мрачных текстов предупреждал глупцов не связываться с невидимыми силами, дабы по неразумию не пробудить гнев Элдричского Народца. Я слишком стара, чтобы верить в невинных чужаков, кои превращаются в серо-голубых обитателей царства теней и набрасываются на тех, кто их оскорбил. Но у меня есть свои причины избегать

соблазнов Высшего Искусства. Если бы я использовала эфирные трюки и заклинания, чтобы читать мысли противника или видеть еще до броска, как упадут его руны, я бы притупила свои навыки, много раз спасавшие меня от опасностей, о доброй половине которых Райшед ничего не знает.

Звяканье снаружи побудило меня вновь подойти к окну. Крепкая женщина в практичных коричневых юбках, наклонившись, собирала осколки глиняной посуды, рассыпанные на дорожке между запущенным огородом нашего дома и аккуратными грядками дома напротив. Пролитая жидкость темнела на земле у ее ног.

Я облокотилась на подоконник.

— Что-то уронила, Зигрида?

Женщина выпрямилась и, отряхивая платье, огляделась по сторонам. Я помахала.

— А, Ливак, доброе утро. — Улыбка бросила лучики морщин на ее обветренное лицо. — Это Деглейн несет убытки. — Она осторожно понюхала дно кувшина, куда складывала остальные черепки. — Пахнет тем пойлом, что варят Пейт и его дружки.

Я нахмурилась:

— Не похоже на Дега. Не было случая, чтобы он приходил домой пьяным, когда на дворе уже позднее утро.

— При этом грязно ругался и выбрасывал хорошие горшки, — укоризненно добавила Зигрида. — Но он наемник, в конце концов.

— Не такой, как Пейт, — возразила я.

Допустим, Деглейн приехал в Келларин, чтобы втыкать меч в того, кто пожелает зла колонии. Но вот уже год, как он вернулся к навыкам, полученным в далекой юности, и половина колонистов знают его просто как лудильщика.

Зигрида хмыкнула, заправляя прядь седых волос под льняной шарф, завязанный на голове.

— Я не вижу больше осколков.

— Скотина тут не ходит и копыт не поранит, — заметила я.

— Не в том дело, моя девочка. — Зигрида посмотрела на меня, заслоняясь от солнца ладонью. Ее рука, загрубевшая от работы и покрытая старческими пятнами, задела немного кокетливую кружевную отделку шарфа. — Пора тебе вставать, сударыня лентяйка. Можешь принести ведро воды, чтобы это смыть. — Она шаркнула ногой в крепком башмаке по влажной земле, потом оглянула деревья, на краю постоянно отступающего леса, который окаймлял поселение. — Мне не хочется знать, кого запах спиртного мог бы выманить из той чаши.

Я ухмыльнулась:

— Сию минуту, госпожа.

Я буду принимать упреки Зигриды, пока огонек в ее теплых карих глазах опровергает ее нагоняй, и кроме того, мне выгодно делать ей одолжения.

Уборка подождет. Я расправила простыни на матрасе, смахивая на пол случайные волоски: ярко-рыжие — с моей головы, выющиеся черные — с головы Райшеда. Кровать у нас была солидная, из дерева, отполированного золотистым воском, с сеткой из хорошей пеньковой веревки. Райшед не собирался спать на каком-то комковатом тюфяке или на лавке. Нижние слуги спят на таком, но не мужчины, избранные для повышения среди всех присягнувших на службу сыеру Д'Олбриоту, чуть ли не самому богатому и влиятельному принцу Тормалина.

Затем я с сомнением посмотрела на простыни. Матрас еще благоухал соломой, собранной в золотые дни осени, но белье не сегодня завтра требовало стирки. За нашим домом находилась хорошая прачечная, но целый день поддерживать огонь, чтобы вскипятить воду в медном котле, да помешивать палкой кипящие простыни — это вряд ли назовешь развлечением. До приезда сюда я не утруждала себя стиркой. Для этого имелись прачки, а я кочевала из трактира в трактир, зарабатывая игрой и время от времени менее почтенными занятиями.

Я вытащила из-под одеяла верхнюю простыню и свалила ее на побитый сундук у изножья кровати. Райшед хранит в нем свои пожитки с аккуратностью, вмуштрованной в него десятью годами казарменной жизни. Он заслуживает комода вроде моего, решила я. Райшед обеспечил Керса лучшей мастерской — такой нет ни у одного лесоруба колонии. Все они теперь взялись за столярное дело, поскольку больше не требовалось дополнительных балок и стропил. Весеннее Равноденствие уже открыло навигацию, и Керсу пора было подумать о рынках для своих прекрасных изделий в тех самых странах, что когда-то составляли Тормалинскую Империю. Я с первого взгляда оценила качество его работы. В девичестве, которое казалось еще более далеким, чем земли, оставленные нами позади, я была горничной, полировала ценную мебель. Так вот — она в пять раз уступает нашей новой кровати по мастерству, с которым эта кровать сделана.

Но Зигрида просила меня принести воды. Что ж, следует принести воду, прежде чем думать о стирке. Я оставила простыню и спустилась по узкой лестнице, втиснутой в угол кухни, которая занимала всю заднюю половину нашего маленького деревянного дома. Взяв с табурета свой нож, брошенный там накануне вместе с курткой, я отрезала ломтик ветчины, висящей над очагом. Копченая, она аппетитно пахла можжевельником и шиповником. Жуя на ходу, я отправилась на поиски ведра в крошечную судомойню, которую Райшед отгородил от кухни ширмой. В каменной раковине — кропотливым творении моего возлюбленного — охлаждалась бутылка слабого пива, но я ее не тронула. Если я иду к колодцу, то обойдусь водой. Я вообще-то не любила эль на завтрак, и Райшед тоже, но за зиму наши запасы тормалинского вина истощились.

Выйдя через заднюю дверь, я зашагала по булыжникам, положенным Райшедом, чтобы мы могли добираться до ворот, не замочив ног. В этот момент к дому Деглейна, через дорогу, подбежала девушка. Его дом был близнецом нашего, солнечный свет отражался от белого слоя извести, еще све-

жей поверх дранки и штукатурки, надежно скрывающих деревянный каркас. Было интересно наблюдать за их строительством. Райшед объяснял, как одна часть всей своей тяжестью опирается на другую, а та держит что-то еще и в результате дом стоит прочно.

Ярко-желтая шаль на голове девушки привела меня в замешательство, но затем я узнала ее.

— Катрис! Все в порядке?

Не обращая на меня внимания, она заколотила в дверь Деглейна. Наемник осторожно выглянул в щелку: Увидев Катрис, он широко распахнул дверь и попытался заключить девушку в объятия.

Катрис решительно оттолкнула его:

— Ты воняешь!

Ответ Дега не был столь пронзительно ясен, как возмущенный крик девушки, поэтому я не разобрала его слов, но мигающие глаза и небритое лицо были вполне красноречивы.

— Я не буду спать в постели мужчины, который валится на нее в одеждах и пьяный как свинья, — истерично завизжала Катрис.

— Думаешь, мать знает, что она здесь? — Зигрида подошла к забору на своей стороне четко очерченного прохода, разделяющего наши владения. Когда есть целый континент для расселения, не будет свар по поводу границ, от которых страдают жители тесно понатыканных городков Энсеймина с их беспорядочной застройкой.

— Она не слишком обрадуется, когда узнает, — заметила я.

Катрис была единственной и нежно любимой дочерью одной из семей южного Тормалина, приехавших в прошлом году, чтобы начать новую жизнь на этой неприрученной земле. По-моему, они слишком серьезно относились к своему назначению. Зигрида жила на севере, недалеко от границы с Лескаром, то есть была значительно ближе к земле.

Что бы ни сказал Дег в свое оправдание, этого хватило, чтобы Катрис разрыдалась. Она не сопротивлялась,

когда наемник неуклюже обнял ее, вытирая ей слезы краем шали.

Зигрида наблюдала, как пара исчезла внутри.

— Думаешь, заварится каша?

— Может — да, может — нет. — Я пожала плечами. — Но нам лучше приготовить ложку, чтобы сбить пену.

Вообще колонисты и наемники, нанятые для их защиты, довольно легко поладили друг с другом, но было несколько неудобных моментов. Сыновьям и дочерям трезвых фермеров импонировали вольные нравы солдат, что не наилучшим образом отражалось на душевном спокойствии их родителей.

— Пошлешь за командиром корпуса? — спросила Зигрида.

— Возможно.

Хэлис, ныне командующая наемниками, много лет была моей подругой, и сейчас мне не оставалось ничего лучшего, как служить ее неофициальным заместителем.

— Ты видела сегодня Райшеда? — Я привыкла спать допоздна, а мой возлюбленный вставал с рассветом, чтобы заниматься тем или иным из несметного количества своих проектов, касающихся Витранселя.

— Уэрдел зашел за ним ранним утром. Они будут на глиняных полях. — Голос Зигриды потеплел от одобрения: она любила Райшеда.

Я тоже улыбнулась. Мне по душе наш дом, все городки Энсеймина на четыре пятах состоят из таких домов, но Райшед считал деревянные здания не более чем временными. В прошлом году, до того как осеннее Равноденствие закрыло океан для кораблей, он завербовал сына кирпичника, знакомого его братьям-каменщикам в Зьютесселе, и заставил половину мужчин колонии копать глину, пообещав им долю кирпичей и черепицы. Как только прошли слабые морозы мягкой келларинской зимы, Райшед напомнил всем об их обещании помочь со строительством навеса для сушки, пока Уэрдел месит и формует выветрившуюся глину, чтобы испытать свою новую печь. Воодушевленный скорым началом, мой

возлюбленный несколько ночей подряд донимал меня объяснениями, как превращать негашеную известь в строительный раствор.

Я лениво покачала ведром на веревочной ручке.

— Ты печешь сегодня хлеб?

Веточка ярких цветов, вышитая вокруг шнуровки зелено-го лифа Зигриды, была припорошена мукой.

— А что? — Женщина склонила голову набок.

Я подняла ведро.

— Вода для тебя сегодня в обмен на каравай-другой?

Зигрида засмеялась.

— Свежий хлеб будет стоить тебе дороже, чем несколько ведер. — Она поджала губы и нахмурилась, от чего ее морщины стали глубже. — Можешь поработать после обеда в моем саду, пособишь мне с ягодными кустами.

Я в притворном ужасе покачала головой:

— Много просишь.

— Тогда пеки сама, моя девочка. — Улыбка и смеющиеся глаза омолодили ее на добрый десяток лет.

Я махнула рукой, сдаваясь:

— Принесу воды, а потом зайду за хлебом.

Зигрида кивнула и исчезла за дверью. Я направилась к соседнему роднику, одному из многих родников Келларина, бьющему из камней обильной чистой струей. Прогулка оказалась приятной. Как только Зимняя Ведьма сняла свой дозор, благословение Халкарион осыпало группу деревьев вокруг источника пряными, благоухающими цветами. Мэвелин не оспаривала власть Лунной Девы поздними морозами или внезапными штормами, и даже люди, которые только на словах признавали ту и другую богиню, совершили все традиционные обряды благодарности в недавнее Равноденствие.

Пока зима держала всех вблизи от дома, вынуждая заниматься благоустройством, вокруг источника был построен широкий каменный бассейн, поэтому мне не пришлось долго ждать, чтобы опустить свое ведро в воду рядом с ведрами об-

ремененных хлопотами хозяек и не слишком усердных девиц, отправленных сюда матерями. Я понимала, отчего так угрюмы их лица. Я покинула дом почти в таком же возрасте, убегая от тяжелой работы и злобы, от обязанности служить чьим-то капризам, и все, что меня поддерживало, я могла бы сейчас назвать вольнолюбием невежественной юности. Нет, я не дулась из-за поручений, когда была самой ненадежной горничной моей матери, но использовала любую возможность вырваться из дома, чтобы больше узнать о жизни и положить в карман хотя бы немного денег, которые удавалось заработать улыбкой или шуткой.

— Ливак, доброе утро. — Одна из суетливых женщин одобрительно кивнула на мое наполнившееся до краев ведро. — Наконец-то день стирки, верно?

Я тотчас взъерепенилась.

— Мне об этом неизвестно, Мидда. Скажи, ты не слышала, кто собирается работать прачкой, а?

Мидда казалась озадаченной.

— Нет.

— Ну ладно, — пожала я плечами. — Но если наткнешься на нее, передай, что я буду у нее на пороге с тяжелым узлом каждый рыночный день.

Я улыбнулась, а Мидда нахмурилась, подумав, что в Витранселе происходит что-то, о чем она не слышала. Она учит допрос своим сплетницам, и, если повезет, распространившийся слух подтолкнет ту или другую женщину выставить свою лохань, чтобы опередить мою мифическую прачку.

Однако мне придется найти способ заплатить кому-то за стирку. Сразу пригорюнившись, я пошла обратно, покачивая ведром: интересно, насколько его можно наклонить, прежде чем вода начнет выплескиваться? Значительная часть тех небольших денег, что имелись у колонии, лежала в запертом сундуке под половицами нашей спальни. Но мне от них не было никакой пользы. Работа являлась деньгами Келларина, и это умения Райшеда вписывали приход в наш гроссбух, чтобы

купить мне самые красивые тарелки у гончаров и самые мягкие одеяла прямо с ткацких станков.

Не то чтобы у меня не было собственных талантов, просто их негде было применить. Я всегда могла найти людей, готовых скоротать вечер за дружеской игрой в руны или в Белого Ворона, но эти мирные ремесленники и фермеры не привыкли делать ставки на свое везение в рунах, и после первого же сезона у них начисто пропало желание держать пари против моих Лесных птиц, сгоняющих с доски их Ворона.

Я подняла ведро и зачерпнула горсть воды. Халкарион спаси меня, но я бы отдала весь тот сундук с деньгами за бочонок приличного вина. Берегись, кисло подумала я, ты не единственная, кто сыт по горло водой и элем. Какие бы плоды ни принесли Зигриде ее малина и смородина после моей неумелой помощи, они предназначены не для пирогов. Зигрида сама мне это сказала. Но ягодные вина никогда не сравнятся по вкусу с бархатистым обольщением Анговского красного или ароматной прохладой белых вин с реки Ферл.

Одна праздная мысль вызвала другую, и я остановилась как вкопанная. Скоро ветры поствесны доставят к нам корабли, и, спорю на что угодно, они привезут безделушки для искушения колонистов и те необходимые вещи, что мы еще не можем сами производить. Купцы из Тормалина потребуют денег, а не каких-то обещаний будущей работы. Если наемнуть на это людям вроде Мидды, если заставить их волноваться, сразу появится больше желающих попотеть за мои деньги. Коли на то пошло, торговцы на стоянке, не имея обычных развлечений, охотно рискнут бросить руны. За одну праздную зиму мои пальцы не настолько утратили гибкость, чтобы я не облегчила кошелек какого-то купца из Зьютесселы.

У меня поднялось настроение, ведь меня осенила новая идея. Наверняка те корабли везут вино. Если я скуплю все что смогу, то буду иметь кое-что получше для обмена на вещи и услуги, чем ослиная работа, за которую я берусь, просто чтобы не сидеть сложа руки и не жить за счет Райшеда. Я бы не взяла его деньги там, дома, и не собираюсь де-

лать это здесь, в Келларине. Не хочу, чтобы меня называли его содержанкой.

На обратном пути те же самые корабли могут отвезти мои письма в Тормалин. Я задумалась: как переправить их потом в более далекие торговые центры — Релшаз и Пеорл? Как присягнувший Д'Олбриоту, Райшед имел право пользоваться Императорской курьерской почтой, но станет ли она доставлять частные письма от людей, которые оставили службу своему принцу? У меня есть друзья в нужных местах, друзья, которые могут отправить целый корабль вин и крепкого спиртного через океан с моим именем, проставленным на каждой бочке. Если я стану человеком, к которому вся колония обращается за вином, куда это может меня привести?

Нестройный топот за спиной прервал мои размышления. Мидда и ее подруги бросились врассыпную, как куры на дворе фермы. Запорхали белые передники — это женщины подхватывали юбки, чтобы какой-то невнимательный солдат не наступил на подол. Хотя Райшед не назвал бы этот сброд солдатами, и даже Хэлис признавала, что они вряд ли стоят своей платы. Я немного ускорила шаг, когда небритая толпа прошла мимо меня и остановилась перед дверью Деглейна, на пьяных рожах — злобный оскал.

— Дег! Эй, Дег, мы не закончили игру!

Я узнала этот мерзкий голос. Пейт не понял намек, когда осенью Хэлис предложила расплатиться с ним, советуя вернуться к более прибыльным войнам, как сделали многие наемники, поскольку колония процветала и целый год ей никто не досаждал.

Большинство оставшихся бойцов вспомнили подобно Деглейну свои старые ремесла. А те, кто ничего не умел, занялись охотой, обдирали кору с поваленных деревьев для дубильщиков, перетаскивали бревна туда, где строился следующий дом. В конце концов, работы хватало для всех. Но я ни разу не видела, чтобы Пейт и его дружки хоть палец о палец ударили. Впрочем, был один случай. Когда с новых полей, отвоеванных у леса, увозили молоть снопы, эти молодчики с

большой неохотой забивали дубинками убегающих крыс. Несмотря на их хваленое мастерство владения клинком, все они увильнули от осеннего забоя свиней, овец и коров, которым не хватало корма на зиму. Райшед откровенно презирал Пей-та, сравнивая его с одной из жирных черных пивавок, живущих в восточных болотах. Единственная работа, которую этот ублюдок сделал с начала года, и работой-то назвать нельзя. Он только утопил несколько щенков гончих, слишком хилых, чтобы кто-то их взял, когда Райшед сказал Темару, что Витранселю не нужна свора бродячих собак.

Я вошла в свои ворота и тщательно их заперла, прислушиваясь к нарастающему шуму голосов, в которых слышались акценты всех канав по пути от Тормейла до Великого Леса. Дверь через дорогу распахнулась.

— Заткни свою пасть, пока я тебе ее не заткнул! — проревел Деглейн.

Наемники загалдели. Одни пытались успокоить спорщиков, другие их подстрекали.

— Никто здесь не ищет неприятностей, — крикнул один невероятный оптимист.

— Пейт говорит то, что думает, вот и все. — Эта тирада была наспигована зловредным ожиданием. — А твою девицу кто только не лапал.

Неровное кольцо мужчин раздвинулось. Два человека закружились внутри него, не спуская друг с друга глаз.

— Я бы срезал ломтик с ее окорока, — согласился кто-то с неуместной серьезностью пьянчуги.

Я облокотилась на забор. Народ, выходявший из соседних домов, делал то же самое.

— Ее ляжки открываются, как ворота в ветреный день. — Изрекавший похабшину наемник изготовился к бою с Деглейном и, гадко улыбаясь, стрелял глазами в его пах. Это был долговязый человек с многодневной щетиной на длинном лице и прилизанными черными волосами, зачесанными со лба. Его красная вышитая одежда некогда была дорогой, но суровая жизнь и неопрятные манеры превратили ее в

обвисший грязный мешок. — Я не единственный, кто разгуливал по ее двору.

Со всех сторон поднялся гогот в ответ на старый тост наемников:

— За распутных женщин и плотно сидящие сапоги!

— Ты лживый ублюдок, Пейт.

Деглейн шагнул ближе, и Пейт попятился. Дег был на несколько пальцев ниже ростом, но шире в плечах и с большей массой мускулов под накопленным за зиму жирком. На нем ловко сидели рыжевато-коричневые бриджи, легкий ветерок теребил тонкое полотно рубахи, облепляя крепкий торс. Дег нахмурился, его суровое лицо исказилось, густые брови почти потерялись в непокорных каштановых волосах.

— Она вынашивает ублюдка, а ты, дурак, позволяешь повесить его на себя, — насмехался Пейт. — Добро пожаловать к моим обедкам, если сможешь их переварить.

— Я заставляю тебя жрать навоз за такое вранье!

Один из братьев Катрис, весь красный от ярости, пробрался сквозь толпу. По-юношески нескладный, длинноногий, он напоминал цаплю на ходулях. Какой-то дружок Пейта сделал ему подножку, и юноша растянулся под оскорбительный хохот. Но Глейн пришел не один, его разозленный приятель сноровисто двинул любителя подножек кулаком в почки. Некоторые колонисты усваивали приемы наемников.

— Сэдриновы потроха! — Мужчина рухнул на колени и, как ни странно, не спешил встать.

Видя, что Пейт отвлекся, Деглейн ударил его снизу в челюсть. У наемника лязгнули зубы, но силы удара не хватило, чтобы сбить его с ног. Спокойная жизнь среди колонистов заставила Дега забыть, как тверды и быстры кулаки наемников. Он чуть замешкался, прежде чем отступить, и Пейт инстинктивно врезал ему кулаком в живот. Деглейн, ругаясь сквозь стон, согнулся пополам.

— Возвращайся к своим молоточкам, — усмехнулся Пейт. — Ты дерешься, как кошка в перчатках.

Этот гад ждал восторгов своих прихлебателей, но он слишком рано праздновал победу. Деглейн вбил плечо, мощное, как у быка, в тощие ребра Пейта и опрокинул его на задницу.

— Будь у меня собака такая же никчемная, как ты, я бы ее повесил. — Дег прижал своего мучителя к земле и успел нанести несколько весомых ударов, пока двое наемников не оттащили его, пустив в ход кулаки и ноги в тяжелых сапогах.

— Я так пну твою задницу, что у тебя кишки полопают-ся! — Пейт снова был на ногах. Выносливость — важное качество для наемника, и этот ублюдок им обладал. Размазывая кровь, текущую из рассеченной брови, он с грязной руганью направился к Деглейну.

Здоровяк бился с друзьями Пейта, ему помогали двое в темных бриджах и старомодных куртках колонистов. По мере того как подходило все больше наемников, чтобы поддержать Пейта, колонисты, вышедшие просто поглазеть, поневоле вступали в бой, не позволяя обойти с флангов Деглейна и остальных. Сначала они лишь мягко отражали удары, но наемники, для которых драться так же естественно, как дышать, восприняли эту оборону как прямое нападение. Видя, что их попытки защититься вызывают свирепое возмездие, колонисты быстро отбросили сдержанность.

— Ты идешь за Хэлис? — Зигрида стояла в дверях и, неодобрительно качая головой, смотрела на расширяющуюся потасовку.

— Поглядим, чем кончится дело.

Я облокотилась на забор. Достаточно крепкий, он не позволит растоптать крапиву, растущую на нашем участке. Чопорную репу моих соседей тоже защищали частоколы и живые изгороди, поставленные для того, чтобы лесные звери не объедали молодые побеги.

— Наемники, — уничтожающе процедила Зигрида. — Им для драки, как кошкам в канаве, никакого повода не нужно.

Я промолчала. Дебоши в лагерях наемников — дело обычное, особенно в конце долгой и скучной зимы, когда мужчины готовятся к опасностям и барышам нового сезона сраже-

ний. Хэлис не станет беспокоиться, пока кто-нибудь не получит настоящую рану. Обильной кровью были испачканы рубахи и куртки, но никто не лежал на земле, где сапоги могли бы разбить ему ребра. Некоторые разделились на пары и, применяя борцовские захваты, топтались в пыли, они пытались сделать подсечку и свалить противника. Двое так и упали вместе, не расцепляя объятий. Затем они отползли в сторону, и один протянул руку другому, чтобы оттащить его от Глейна, который вел свою маленькую битву. Насколько я могла судить, он был не единственным колонистом, кто обрадовался возможности отплатить за скрытое и явное пренебрежение, накопившееся за последние несколько сезонов.

По ходу драки эта пара переместилась ближе ко мне, и я узнала наемника, которого Глейн осыпал молниеносными ударами, не обращая внимания на свои разбитые костяшки. Жаль, но парня ждал суровый урок. Его жертвой был толстый борец по имени Тейви, на его грязную рубаху капала кровь из разбитой нижней губы. За зиму наемник отрастил живот, как у бабы на сносях, и теперь платил тяжелую цену за свою лень. Затем я увидела, что Тейви решил уравнивать шансы и потянулся за кинжалом у себя на поясе.

— Ну, нет! — Я щелкнула пальцами в сторону Зигриды, но не сводила глаз с толстяка. Он наступал с ножом на несчастного Глейна, которому по крайней мере хватило ума отходить как можно быстрее. По счастливой случайности он пытался к моим воротам. Я взяла камень из кучи, которую еще прошлой осенью откопала в нашем огороде в несвойственном мне приступе энтузиазма. Я взвесила камень в ладони — твердый, тяжелый, с одним зазубренным краем. Это Хэлис хватает и роста, и веса, чтобы браться за меч наравне с мужчинами и заставить их проглотить насмешку. У меня нет ни такого мастерства, ни склонности, поэтому я развивала меткость. Что мне сейчас нужно, так это возможность ударить Тейви, не вышибая мозги какому-то дураку, который окажется на пути. И желательно поспешить, пока он не догнал Глейна.

Улучив момент, я с силой бросила камень. Он угодил как раз в руку с ножом. Это дало Глейну мгновение, чтобы собрать слабеющие силы и натянутые нервы. Удар его кулака по голове наемника был отчетливо слышен в общем гаме, и я поморщилась.

Но тут Глейну не повезло. Он бросил Тейви прямо на Пейта. Потасовки со всех сторон временно отогнали высокого наемника от Деглейна. Возбешенный, Пейт повернулся: кто это бросил дружка к его ногам?

— Дерешься за честь сестры? — Пейт искоса посмотрел на парня, хищная улыбка изогнула его губы. — Зря стараешься!

— Только дотронься до Катрис своей грязной рукой, и я ее отрежу. — У Глейна предательски дрогнул голос, выдавая его молодость. Юный и глупый, парень не понимал опасности, когда вытащил свой рабочий нож. Пейт отступил, но недалеко. Он лишь подобрал более длинный, более острый кинжал, выроненный Тейви.

— Вот что я скажу тебе, мальчишка. Сперва я вобью в тебя капельку смирения, а потом насажу на вертел твой безволосый зад и посмотрю, кто из вас лучше, ты или твоя сестра.

Я знала, что вкусы Пейта не распространяются на мальчишек, но эта угроза смутила Глейна, как того и хотел наемник. Слегка согнув колени, он принял стойку опытного бойца. Парень стоял спиной ко мне, и я видела, как дрожит его рука. Но наш забор препятствовал дальнейшему отступлению. Глейн попытался бочком отойти. Пейт бросился вперед, и я сделала свой ход.

Вода из моего ведра угодила наемнику прямо в лицо. Задохнувшись от холода и шока, он резко вскрикнул, и все испуганно застыли. Первый прилив боевого энтузиазма быстро проходил.

— Глейн! — рявкнула я. — Убери нож и иди домой.

Хорошо воспитанный парень, привыкший повиноваться старшему женскому голосу, он пустился наутек, пока не вспом-

нил о своем мужском долге. И тогда он вернулся и спрятался за Деглейном.

Отлепив с глаз промокшие волосы, Пейт обнаружил, что остался без противника. Злобно хмурясь, он повернулся ко мне.

— Ливак! Ах ты, зараза!

— И тебе доброе утро, — улыбнулась я. — Вижу, ты еще не мылся, вот я и решила избавить тебя от хлопот самому идти за водой.

Пейт угрожающе ткнул в меня пальцем.

— Я устрою тебе хлопоты, швабра рыжая.

— Это вряд ли, — заверила я наемника, все еще улыбаясь.

Забор достаточно высок, и, чтобы до меня добраться, Пейту придется его перепрыгнуть. А я буду в доме и запру дверь на засов прежде, чем он поставит ногу на частокол.

— Кто меня остановит? — Пейт грозно шагнул ко мне. Остальные бросили драку, чтобы наблюдать за новым развлечением. — Где твой мужик? Почему бы мне не порвать твою рубаху, чтобы знала — твое место на спине с поднятыми пятками?

— Только дотронься до нее, и будешь жрать свои яйца, — зарычал Деглейн, но дружки Пейта образовали прочную преграду между ним и мной.

Я посмотрела мимо этого ублюдка и улыбнулась.

— Спасибо, Дег, но Пейт сейчас узнает, что рост не имеет значения.

Пейт изобразил отвратительную ухмылку. Он возвышался надо мной больше чем на голову и прекрасно это осознавал.

— Очень даже имеет, грязная шлюха, и ты в этом сейчас убедишься.

Я с притворным разочарованием покачала головой.

— Когда же ты наконец усвоишь, Пейт?

Теперь ему оставался один большой шаг до ограды, и лицо у него стало напряженным, как у лисы, заведшей мыш.

— Усвою что?

Я сделала шаг назад, вынуждая его подходить.

— Что женщины хороши не только для облегчения зуда в твоих штанах. Мы можем за себя постоять.

— Ты ставишь на себя против меня? — Наемник хохотнул. — Я сорву куш!

И тут Хэлис сильно ударила его по затылку. Прежде чем Пейт успел прийти в себя и замахнуться ножом, она одной рукой схватила его гладкие черные волосы и запрокинула ему голову, а другой сдавила горло. Будучи одного с ним роста и шире в плечах, моя подруга без труда удерживала мерзавца.

— Нет, но я поставлю на Хэлис против тебя в любой день от Солнцестояния до Равноденствия, — сказала я Пейту.

Ярость в его глазах утасла до мгновения паники, а затем до горькой пустоты, по мере того как Хэлис продолжала его душить. Запыхавшийся внук Зигриды стоял позади нее, широко открыв глаза, и я подмигнула ребенку. Он засмутился и побежал обратно к бабуле.

Хэлис бросила вялое, бесчувственное тело на землю.

— Оттащите его в кровать, а когда очнется — если очнется — пусть придет ко мне за наказанием. — Она повернулась и сердитым взглядом обвела толпу наемников. Все потупились, не смея бросить вызов ее авторитету. — Когда оттащите его, спускайтесь к реке и скажите Минейру, что я вас послала. Если вы не знаете, как убить время, и тратите его на эти глупости, то он найдет вам применение. Шевелитесь!

Подгоняемые ее словами, наемники торопливо удалились. Пейта унесли два его дружка.

Хэлис обратила испепеляющий взгляд на колонистов.

— А вам что, нечего делать? — Она подобрала упавший кинжал Пейта и кинула его мне.

Я поймала кинжал и лениво подбросила несколько раз. Это должно напомнить людям, что я не какая-то бесцветная малявка, которую Райшед держит только для того, чтобы согревала его простыни. Все мигом вспомнили про кучу срочных дел и тут же испарились.

— Хэлис... — Деглейн шагнул вперед, потирая содранный кулак, на руке ясно отпечатались следы зубов. Глейн болтался позади него, на щеке и лбу темнели синяки.

— Тобой я займусь позже, — с угрозой пообещала моя подруга, удерживая взгляд Дега, пока наемник не отвернулся. Расправив плечи, он повел Глейна к своему дому, где на пороге ждала Катрис, прижимая желтую шаль к заплаканному лицу.

Хэлис провела широкой ладонью по русым волосам, которые она стригла так же коротко, как все солдаты. Теперь, когда на виду осталась только я, ее лицо с грубыми чертами стало добродушным.

— Раз уж я здесь, можно и пообедать. А пока мы едим, ты расскажешь мне, из-за чего разгорелся этот сыр-бор.

ОСТРОВНОЙ ГОРОД ХАДРУМАЛ, 15-е ПОСТВЕСНЫ

— Думаешь, между наемниками и колонистами часто бывают такие стычки?

Это говорил молодой, жилистый мужчина с задумчивыми карими глазами и рыжеватой бородкой. Его редкие песочные волосы были подстрижены так коротко, что казались почти невидимыми. Он слишком рано начал лысеть, ибо был почти одних лет со своим спутником, который все еще мог похвастаться гривой черных волос. Довольно длинные, они бы рассыпались по плечам, если развязать кожаный шнурок, удерживающий их сзади. Оба спутника были сухощавы, но на этом сходство между ними кончалось. У темноволосого лицо имело желтоватый цвет, и он был заметно выше приятеля, на белокожем лице которого стали видны веснушки, когда мужчины вышли из тени дверного проема на утреннее солнце.

— Не беспокойся, Ливак и Хэлис держат все в руках, — весело ответил темноволосый, засовывая руки в карманы зеленой куртки. Его наряд был куда более непринужденным по

ткани и покрою, чем практичная одежда его спутника, сшитая из буйволово́й кожи.

— Ливак ума не занимать, — задумчиво сказал борода-тый. — А как тебе показалась Хэлис, когда ты с ней путеше-ствовал?

— Она так же проницательна, как некрасива. — Высокий улыбнулся. — Не думаю, что с теми наемными мечами воз-никнут неприятности. Однако мы можем упомянуть об этом нашему уважаемому Верховному магу, если ему нужен повод, чтобы послать от Хадрумала в Келларин своих представите-лей. — Судя по тону, темноволосый явно не думал, что это потребуется.

Прятели свернули с длинного изгиба большака в древ-нюю арку ворот из выветренного камня, прорезанную в баш-не, которая темной громадой вставала на фоне ясного неба, почти бесцветного в такой ранний час. Громко топая по пли-там, мужчины пересекли двор; большинство окон были за-крыты ставнями. Их собратья-маги еще не пробудились к но-вому дню векового изучения магии.

Черноволосый открыл обитую железом дверь, ведущую на темную лестницу. Единственное окно на самом верху едва освещало дубовые ступени, и мужчины остановились, выжи-дая, пока глаза привыкнут к мраку. Затем стали подниматься, ступая нога в ногу, нетерпение ускоряло их шаги. Наконец приятели обменялись взглядами, и светловолосый быстро постучал в дверь.

— Войдите.

Неожиданно резкий ответ вызвал на их лицах одинаковое удивление.

Темноволосый открыл дверь.

— Верховный.

— Шив. — Хозяин комнаты стоял к ним спиной у стола, заваленного книгами и документами. Он оглянулся, привет-ствуя их отрывистым кивком. — Узара. Чем могу помочь?

— Мы думали пригласить тебя позавтракать с нами, — промямлил Шив и неуверенно замолчал.

— Ты кого-то ждешь? — Узара не скрыл изумления при виде парадной мантии Верховного мага — дорогого платья из шелка, такого же темного и блестящего, как вороново крыло. На переде мантии выступали магические символы, вышитые матовой черной нитью. Волосы у Планира были такие же черные, как его платье, не считая тронутых инеем висков.

— Как видишь, — коротко ответил Верховный маг.

Шив не осмелился улыбнуться.

— Мы хотели обсудить Келларин.

— А что с ним? — Планир сложил аккуратную стопку маленьких томов, которые он извлек из книжной груды на своем столе.

— В этом году там будет масса событий, — не очень убедительно начал темноволосый маг. — К концу прошлой осени колония вполне созрела для расширения, и теперь, когда миновало Равноденствие, их ничто не удержит.

— Целый новый континент ждет своего открытия, — вмешался Узара. — Хадрумал может предложить всяческую помощь. Маги сделают разведку более быстрым и безопасным делом.

— Маги вообще или вы двое в частности? — Мрачные серые глаза Планира уставились на бородатого мага. Стрельчатые окна впускали в комнату утренний свет и бросали резкие тени на угловатое, гладко выбритое лицо ее хозяина.

— Ты же знаешь, что нас интересует Келларин, Верховный, — медленно ответил Узара.

— Любому кораблю, желающему пересечь океан, нужен маг на борту, — пожал плечами Шив. — Это вполне можем быть и мы.

— Позвольте не согласиться, — устало хмыкнул Планир. — Эта работа идеально подходит для магов, которые только что закончили обучение и которым нужен урок по сопоставлению теории и практического применения магии.

— Мы могли бы присматривать за ними из Келларина, — предложил Узара. — Использовать свое знание океанов и прибрежных течений, чтобы помочь им в случае надобности.

— Вы не считаете свои обязанности здесь более важными? — Слабая улыбка исчезла с лица Планира. — Обычно принято платить за полученные знания, передавая их дальше. И углубляя их в общении со сверстниками. Как насчет ваших учеников?

Узара неуверенно посмотрел на Верховного мага.

— Мы научили их всему, что знаем сами. Обычно в Равноденствие ученики переходят к новым наставникам, поэтому мы подумали, что будем свободны...

— А вы подумали о тех, кто, возможно, планирует передать своих учеников вам? Герион уже упоминал двух девушек, которые, по его мнению, извлекут пользу из твоих уроков, Зар. — Планир указал на крыши Хадрумала, видные из окна, шпили высоких башен и длинные скаты притулившихся рядом небольших зданий. — Вы оба теперь имеете вес в Совете, вас уважают в Залах. Многих интересуют ваши идеи о совместном творении магии.

Узара открыл рот, но Планир остановил его коротким взмахом руки.

— Вы полагаете, что поднаторели во всем, чему может научить вас Хадрумал? Я не помню, чтобы Шаннет освободила тебя, Шив, от твоих занятий с ней. — Он устремил на темноволосого мага твердый взгляд. — Что она думает о твоих планах? Надеюсь, ты ей сообщил?

— Нет, — выдавил Шив. — Как ты прекрасно знаешь, ей ненавистно любое упоминание о Келларине.

— Потому что Вилтред, любовь ее юности, умер там, а Отрик, друг ее старости, вернулся умирающим. — Верховный маг изучающе смотрел на него из-под тонких черных бровей.

— Тебе не нужно напоминать мне об этом, — резко ответил уязвленный Шив.

— Нет? — От голоса Планира повеяло холодом. — Разве опасность, которая оказалась для них роковой, исчезла?

— Эльетиммы уже больше года не предпринимали никаких шагов против колонии, — возразил Шив, решительно сохраняя спокойствие.

— Но возможность, конечно, остается. И поэтому там требуются маги, у которых есть в запасе нечто большее, чем умение поддерживать огонь по ночам или отыскивать самое подходящее место для колодца, — заметил бородач.

— В прошлом году они причинили немало зла на севере. Ты знаешь это лучше других. — Верховный маг плавно скрестил руки на груди. — Несмотря на твои успехи в расстройстве их планов, Зар, я не думаю, что они отказались от надежды на союз с Горными Людьми. От твоего пребывания в Келларине мы могли бы серьезно пострадать, если вдруг окажется, что нам нужна помощь твоих знакомых, которых ты приобрел среди Лесного Народа и жителей горных крепостей.

— Когда бы мы ни столкнулись с эльетиммской угрозой, это будет что-то другое. Ледяные островитяне не появлялись в Архипелаге с тех пор, как Райшед разоблачил их заговор. — Темноволосый шагнул вперед. — И горцы будут теперь настороже, это любому дураку ясно. Эльетиммы снова обратят свои взоры на юг. В случае их нападения ученики вряд ли сумеют защитить колонию. Если же мы будем там, то будем знать, с чем имеем дело и как с этим лучше бороться.

— Так они все-таки представляют угрозу или нет? — недоуменно спросил Планир. — Ты только что сказал, что больше года не было никаких признаков. Возможно, тебе следовало бы продумать свои доводы, прежде чем продолжать наше обсуждение?

Шив покраснел и ничего не ответил.

— У Келларина есть наемники и своя собственная магия, не забывай об этом. — Планир едва заметно улыбнулся. — Во всяком случае, мы с императором Тормалина пришли, откровенно говоря, к соглашению по поводу Келларина. Он предоставит колонии независимость, пока Хадрумал делает то же самое.

Узара казался озадаченным.

— Я не понимаю, чем мы с Шивом можем помешать этому.

— Твоя скромность делает тебе честь, Зар. — Голос Верховного чуть потеплел. — Подумай о репутации, которую ты имеешь в Тормейле. Маг, почти в одиночку выгнавший эльетиммов из гор в прошлом году. Конечно, такой силой и доблестью только и мог обладать один из магов, которые заново открыли потерянную землю Келларина позапрошлым летом и сражались вместе с могущественными чародеями вроде бесподобного Шива, чтобы защитить ее людей, даже ценой смерти таких достойных, как Вилтред.

— Сарказм тут вряд ли уместен, — огрызнулся Шив.

— Прости, я не хотел насмехаться. — Несмотря на ранний час, Планир казался усталым. — Я понимаю, что вы интересуетесь Келларином и имеете тесные связи с тамошними людьми, но вы можете присматривать за ними отсюда.

Он взглянул на Шива, которому не удалось сохранить простодушный вид.

— Не говори, что ты не гадаешь на них, потому что я тебе не поверю. Нет, не беспокойся об этом. Гадай сколько угодно, мне все равно. И если беда приплывет с Ледяных Островов, можешь оказать Келларину любую помощь по своему усмотрению. Радость императора будет слишком велика, чтобы он стал препираться, и он же первый будет приветствовать гибель эльетиммских кораблей, сожженных до ватерлинии магическим огнем или утопленных, как крысы в бочке, колдовским штормом.

— Я ценю твою уверенность, но у нас по-прежнему нет надежной защиты против эльетиммских колдунов, — с горечью сообщил черноволосый маг.

— Тогда зачем уезжать? Разве здесь вы не были бы в большей безопасности? — настаивал Планир. — Ты снова себе противоречишь, Шив.

— Здесь мы вряд ли продвинемся дальше в понимании эфирной магии, — немедленно возразил Узара. — Мне нужно работать с адептами в Келларине, чтобы разобраться даже в

том немногом, что мы узнали за зиму, и тем более чтобы понять, как Высшее Искусство связано с нашей магией. Возможно, мы даже поймем, как две эти магии могли бы работать вместе, а не подавлять друг друга.

— Надежда, которую я высказываю Совету всякий раз, когда некий скептик подвергает сомнению ценность твоих исследований. — Верховный маг насмешливо поднял брови. — Конечно, ты добьешься лучших успехов, окруженный двадцатью поколениями знания, собранного в библиотеках Хадрумала, нежели разрываясь между своими исследованиями, спасением кораблей от опасных течений и прослеживанием рудных жил для колонии?

— Мне нужно обсудить мои теории с барышней Гуиналь, — стоял на своем Узара. — Она — ведущий адепт, в конце концов.

— Ах да, Гуиналь. — Планир медленно наклонил голову. — Но как же Аритейн, Зар? Она не может вернуться в горы к своему народу. Эти Шелтии, хранители их знаний, вполне справедливо могут предположить, что Аритейн рассказала тебе все, что знает об их древней эфирной магии. Если Шелтии ее когда-нибудь схватят, для девушки это будет означать смерть. Не так ли ты говорил?

— В Хадрумале она в безопасности. — Шив равнодушно пожал плечами.

Верховный маг сурово посмотрел на Узару.

— Ты часто жаловался мне, Зар, что ей не выказывают должного уважения. Известные тебе аргументы говорят о том, что Высшее Искусство не более чем второсортная магия, недостойная внимания Хадрумала. Ты оставишь Аритейн одну со всем этим?

Узара начал выходить из себя.

— Она может поехать с нами в Келларин.

— Ты сумел ее уговорить? — изумился Планир. — Я считал, что Аритейн ощущает себя беглянкой, вынужденной жить в Хадрумале ради спасения своей жизни. Это единственное

место, где она может скрыться от Шелтий, творящих Высшее Искусство, чтобы выследить ее, не так ли?

— Я уверен, Гуиналь могла бы защитить ее в Келларине, — натянуто ответил Узара, но его растерянное лицо опровергало эти слова.

— А ты не думаешь, что древнее родство ее племени с эльетиммами сделает Аритейн еще менее желанной среди колонистов, чем здесь? Разве можно забыть, как страшно они пострадали от рук Ледяных островитян. — Планир нахмурился. — И что, если Шив прав? Что, если эльетиммские колдуны ищут новую мишень для своей ненависти и атакуют Хадрумал, например? Что будет с нами, если и Гуиналь, и Аритейн, единственные два человека с реальным знанием такой магии и, что еще важнее, умеющие ей противостоять, окажутся на другой стороне океана?

— Почему ты чинишь столько препятствий, Верховный? — напрямую спросил Шив.

— А почему вы двое не продумали все последствия своих действий? — рявкнул Планир. — Неужели я ничему вас не научил? Эта идея целиком ваша собственная? Или ее подсказал кто-то другой? Троанна, например?

— Я не отчитываюсь перед Троанной, — буркнул Шив.

Узара тут же подхватил:

— Я твой ученик, Планир, и больше ничей.

— Тогда почему этот план делает вас такими зашоренными? — резко спросил Планир. — Скажи мне, Зар, твое желание видеть Гуиналь чисто академическое? Ты игнорируешь свою романтическую склонность к этой даме?

— Нет, но это не мешает мне выполнять свой долг перед Хадрумалом. — Узара отчаянно покраснел. — Как тебе не мешает твоя привязанность к Лариссе.

— Думаю, нам лучше поговорить об этом в другой раз, — торопливо вмешался Шив. Он схватил Узару за рукав. — Как ты говоришь, Верховный, есть другие аспекты, которые нам следует более основательно обдумать.

Он вытолкнул Узару за дверь и быстро закрыл ее. Бородатый маг с видимой досадой вырвал у Шива свою руку, и приятели молча спустились по лестнице.

— Что все это значит? — взорвался Узара, когда они вышли во двор. — Я знаю, в последнее время Планир отличился вспыльчивостью, но это было просто невыносимо!

— Может, мы выбрали неудачный момент? — с сомнением предположил Шив. — Верховный выглядел чересчур усталым. Как ты думаешь, что заставляет его жечь полночные свечи? Ларисса?

Узара покачал головой:

— Теперь она проводит с ним намного меньше времени. Я слышал, Лариссу это огорчает.

— А чего она еще ждала, позволив Планиру затащить ее в постель? — В голосе Шива было мало сочувствия. — Она его ученица.

— Планир искренне ее любит, — ответил Узара.

— Но он не делит с Лариссой свои заботы. С ней он только отдыхает. Должно быть, Верховному не хватает Отрика, — печально добавил черноволосый маг, шагая по узорчатой тени, падающей от окна, теперь открытого утренней прохладе.

— Нам всем его не хватает, — вздохнул Узара. — И с кем Планир может поговорить теперь, когда старый пират мертв?

— Перида не думает, что ему дадут возможность долго скорбеть по Отрику. — Шив состроил гримасу. — Мне придется мыть посуду до следующего рыночного дня. Перида поспорил со мной, что нам просто не разрешат уехать.

Узара оглянулся на высокое окно Планира.

— Возможно, нам следовало раскрыть Верховному весь план, — неуверенно заметил он.

— Мы договорились, что будем действовать поэтапно, — твердо заявил Шив. — Но интересно, кого это Планир ждет в такую рань? Может, поэтому у него такое вздорное настроение?

Они замолчали, встретившись в воротах с парой зевающих учеников. Выйдя на большак, Узара повел Шива к менее

величественным зданиям, где торговцы Хадрумала приступали к своим мирским делам.

— Как насчет хлеба с сыром? — Шив кивнул на маленькую лавку. Ее прочные ставни были теперь опущены, образуя прилавок, уставленный бутылками с водой и вином и полными корзинами свежих булочек из соседней пекарни.

— Не мешало бы часок посмотреть, кто будет приходить и уходить, — согласился Узара.

ВИТРАНСЕЛЬ, КЕЛЛАРИН, 15-е ПОСТВЕСНЫ

— Если хочешь выпить чего-то другого, нам придется совершить набег на твой погреб. — Я бухнула на стол перед Хэлис бутылку эля.

Она принесла из буфета глиняные кубки.

— С чего ты взяла, что у меня осталось вино?

— А то я тебя не знаю!

В переднюю дверь постучали, и я удивилась, кто это так официален. Мы сидели в главной комнате, слишком маленькой, чтобы называться залом, несмотря на то что этот дом мог похвастаться отдельной кухней.

— Войдите.

Дверь открылась, и появился Тедин, внук Зигриды.

— Бабуля передает поклон и хлеб на обед командиру корпуса.

— Скажи ей спасибо. — Хэлис улыбнулась мальчонке, который едва дорос до пряжки на ее поясе. — А ты нынче был молодцом. Не потерял головы и бежал быстро.

Тедин потупился, довольно улыбаясь щербатым ртом, затем положил каравай на стол и убежал.

— У твоего мужчины что-нибудь имеется в кладовой? — спросила подруга, когда за мальчишкой закрылась дверь.

Я пошла взглянуть. Хорошо зная, что мне нельзя доверить даже стручки гороха, Райшед отвечал за всю нашу кухню и съестные припасы.

— Есть свежий сыр. — Я осторожно понюхала влажный муслиновый мешочек, висевший на крючке. — Пирог с бараниной и луком и соленые грибы.

Должно быть, Райшед оказал кому-то огромную услугу, раз получил такие драгоценные остатки зимних запасов какой-то хозяйки. Я с сомнением всмотрелась в ярлычок на каменной баночке, закрытой вошеной тканью и завязанной бечевкой.

— Маринованные каперсы?

— Я их с детства не видала. — Хэлис отнесла еду на стол. — Наши старухи делали их для подношения усыпальнице Дрианон.

Я пожала плечами и начала резать хлеб.

— Райшед не поставил бы их в кладовую, если бы их нельзя было есть.

Хэлис открыла банку, попробовала один каперс, одобрительно кивнула и положила себе еще.

— Что будет делать шайка Пейта у Минейра, чтобы заслужить свою корку хлеба? — спросила я, взяв большой кусок вкусного пирога с бараниной.

• Подруга ухмыльнулась.

— Ставить сети в реке. Полдня в холодной воде остудят их пыл.

Я попробовала каперс. Он оказался слабо ароматным, с горчинкой, довольно приятный.

— Что ты собираешься делать с Пейтом?

Хэлис намазала на горбушку мягкий белый сыр.

— Отправлю его в Эдисгессет. — Пытаясь говорить с набитым ртом, она запнулась на названии, которое колонисты дали рудному поселку в горах выше по течению. — Пусть сезон-другой поносит уголь для топок.

— У них хватит руды для летней плавки? — усомнилась я.

— Они открыли добычу задолго до Равноденствия, — ответила подруга. — И чем скорее у нас будет металл, тем лучше для торговли. Отправлять в Тормалин мех и древесину — это,

конечно, хорошо, но такой груз занимает страшно много места для своей цены.

— Это смотря какие меха. Некоторые стоят дороже золота, как и красивые перья для вееров тормалинских дам.

Побывав дома прошлым летом, Райшед задался целью ловить птиц с ярким хвостом.

— Хм-м. — Глотая, Хэлис жестикулировала ножом. — Лично я хочу найти тех гусениц, что делают шелк. Если бы Келларин смог разрушить алдабрешскую монополию, мы были бы обеспечены на всю жизнь.

— Если бы вонь была ветчиной, нищие ходили бы сытые. — Я медленно выпила эль. — Я полагаю, можно попытаться в винной торговле. Как ты думаешь, Каролейя заинтересуется? Она по-прежнему будет в Релшазе?

— Она там зимовала. — Моя подруга налегла на еду. — Но я не знаю, на какую весеннюю ярмарку она собиралась заглянуть, в Коле или Пеорле, и она не говорила, куда направится после этого.

— Будем надеяться, что получим от нее весточку с первым же кораблем.

Наверняка Каролейя очаровывает сейчас путешественников, едущих домой через все страны, что когда-то составляли Тормалинскую империю. И облегчает их кошельки, набитые на ярмарках Равноденствия больших городов. Я с легкой тоской подумала об азартных играх, которые прошли без меня.

Мысли Хэлис по-прежнему были в Келларине.

— Ты хочешь открыть свою лавку или только брать заказы и комиссионные за их выполнение?

— Я еще не думала. — Я взяла яблоко из миски.

— Тогда подумай и поставь свои фигуры на доску, пока еще кому-то в голову не пришла та же мысль, — твердо заявила Хэлис. — Это слишком хорошая идея, чтобы ее упустить. В моем погребе так же сухо, как утром во рту у пьяницы. Кстати о пьяницах. Пейт действительно ухлестывал за Катрис?

— Понятия не имею, где она махала юбками до Солнцестояния. — Я очистила яблоко, сморщенное от долгого хранения и мягкое под жесткой кожицей, но сладкое — память о солнце прошлого лета. — Она встречается с Деглейном с начала предвесны. За это я могу ручаться.

Кроме слежки за соседями, зимой было очень мало развлечений.

Подруга задумалась.

— Тогда это его ребенок.

— Если Пейт не зажал ее в темном углу. — Я протянула Хэлис пол-яблока.

Наемница покачала головой:

— Он весь такой елейный, но рисковать бы не стал. Бежать здесь некуда, кругом один лес. А этот мерзавец знает, что за изнасилование я выпорю любого так, что у него ребра будут видны. — Она отрезала своим ножом еще один кусок пирога. — Кто ударил первым?

— Деглейн, — неохотно сообщила я. — Но это Пейт нарывался на драку. Дег просто хотел отоспаться после пьянки.

— Весы Рэпонины не отличают золото от свинца. — Хэлис скривилась. — Закон наемников гласит: кто начал драку, тот получает более тяжелое наказание. Пусть хоть на пенни, но тяжелее.

— Ты отправишь Дега в Эдисгессет? — Я полагала, что нам следует подбросить гирьку на весы бога правосудия. — Он все еще наемник? Он ведь с прошлого года занимается ремеслом.

Хэлис почесала голову.

— Я исполосую задницу Пейта, если я подцепила его вшей, — пробормотала она. — Это хороший вопрос. Если Дег окончательно связал свою судьбу с колонией, тогда он будет проблемой Д'Алсеннена.

— Очень скоро он будет связан с колонийской семьей, если матери Катрис есть что сказать на этот счет, — заметила я.

Наемница хихикнула.

— Вот уж не думала увидеть Деглейна в ярме.

— К Солнцестоянию он будет не один такой, — высказала я свое мнение.

Хэлис кивнула на рыжие волосы, задевающие мой воротник.

— Отращиваешь свадебную косу, чтобы положить на алтарь Дрианон?

Я издевательски фыркнула.

— А ты что думаешь?

— Что думает Райшед? — парировала она, глядя на меня в упор. Как близкая подруга, Хэлис могла позволить себе такие вольности.

— Не суй свой нос, куда не просят, — отрезала я. — Лучше вот о чем подумай. С каждым браком и с каждым проходящим сезоном граница между наемниками и колонистами будет все больше стираться. И пока игра не началась, нам следовало бы разработать правила. — Что будет поинтересней стирки.

Хэлис кивнула:

— Давай попробуем отловить Д'Алсеннена. Пора этому парню заняться своими обязанностями, — добавила она со вкусом.

Избегая веселого взгляда подруги, я, как положено, убрала со стола и вымыла посуду. Только с ножом у горла можно заставить меня признаться в этом, особенно моей матери-экономке, но, честно говоря, меня воротит от этих обязанностей. И Райшеду хватило ума не ждать постоянно чистого белья и безупречного дома, чему его мать посвящает каждую свою минуту. Я по-прежнему считала это пустой тратой времени, даже теперь, когда новизна такого количества досужего времени, имеющегося в моем распоряжении, стиралась.

Ночью прошел мелкий дождь, в садах и огородах ярко зеленели всходы, согреваемые щедрым солнцем Келларина. Я с удовольствием вдохнула чистый воздух, вдвойне благодатный после смрада множества канав, который досаждал даже самым лучшим городкам. Куда ни глянь, деревянные дома

усеивали холмистый пейзаж. К некоторым уже были пристроены крылья, чтобы вместить растущие семьи. Места для расширения хватало, каждый земельный участок отмерялся с размахом, с учетом свинарника и курятника, а также большого огорода при кухне. Правда, мне от той щедрости было мало проку. Я выросла в большом городе, куда фрукты и овощи прибывали на тележках уличных торговцев.

— Тебе надо завести огород, — предложила Хэлис.

Несмотря на все годы, проведенные с мечом на боку, она осталась деревенской жительницей, поскольку была дочерью мелкого собственника в том приграничном краю, где гористая земля слишком бедна, чтобы Лескар, Каладрия или Далазор могли проявить к ней интерес.

— Чтобы мне земля забивалась под ногти? — фыркнула я. — Нет уж, пусть другие потеют, а я заплачу.

Кто-то захочет вскопать мой огород, чтобы получить деньги и потратить их, когда придут первые корабли.

На общем выгоне, ограниченном тропинками, уже принимающими ширину и постоянство дорог, паслись козы. Мы прошли мимо парня, который пытался вбить колышек в землю, пока животное тыкало его своими злобными рогами.

— От Пейта меньше пользы, чем от того козла, — заметила я, — и воняет он хуже. Ты не можешь просто отослать его обратно в Тормалин?

Хэлис засмеялась.

— Пейт еще может пригодиться. К примеру, встать между мной и каким-то Ледяным островитянином.

Пробравший меня озноб не имел никакого отношения к пушистым белым облакам, набегающим на солнце.

— После того как Эйрест увез свой отряд в Лескар, у нас осталось не так много приличных бойцов.

Интересно, кому из постоянно воюющих герцогов хватило золота и везения, чтобы заручиться его услугами?

— Мы увидим знакомые лица еще до середины навигации, — беззаботно откликнулась Хэлис. — Аллин говорила

мне, что в последнюю половину зимы по всему Лескару прокатилась лагерная лихорадка.

— Лессай не дурак, уж он бы постарался избежать заразы.

Но лейтенант Эйреста все же предпочел уехать прошлым летом. Может, земля и ценна, сказал он за прощальной бутылкой, и, положим, ее нельзя украсть или подделать, но трудно потратить поле на выпивку или услужливую шлюху. Я не могла с этим спорить.

Хэлис добродушно обменивалась шутками с колонистами, которые работали на своих огородах, и с разными знакомыми, торопящимися по своим делам. Деревенская жизнь — это то, с чем она выросла. В деревне все знают друг друга как облупленных. Но я, промышляя игрой и воровством, не привыкла задерживаться на одном месте. Дочь вanamской служанки, я родилась и жила в самом оживленном из больших городов, беря пример с матери, которая всегда держалась особняком, и не только для того, чтобы избежать жалости в глазах людей, склонных свысока относиться к незамужней женщине с внебрачным ребенком от менестреля.

Я улыбалась и болтала, но меня по-прежнему выбивало из колеи то, что люди, которых я едва считала соседями, так легко меня узнают. Полжизни я старалась оставаться незаметной, и вот теперь страдаю от популярности моего возлюбленного. Половине этих людей Райшед помог с постройкой дома, а с остальными вел дела в качестве неофициального заместителя Темара Д'Алсеннена. И все-таки надо бы как-то намекнуть сим людям, что это не дает им никаких прав на меня.

Наконец мы дошли до большой реки, вьющейся по широкой плодородной равнине между холмами и морем. Далеко в устье неясно виднелся массивный корпус «Эринго», самого большого корабля Келларина, надежно стоящего на якоре, пока команда готовилась к своему первому океанскому плаванью. Как только трюмы заполнятся товарами, они поднимут паруса, чтобы укрепить доверие к Келларину там, дома. Ближе к нам, над затопленными приливом стапелями, вы-

рубленными год назад из ила, торчали голые ребра недостроенных кораблей.

Хэлис проследила за моим взглядом.

— Надо, чтобы наши каравеллы обследовали берега до второй половины лета.

— Думаешь, эльетиммы попытают счастья в этом году? — Я не собиралась скрывать от подруги мое опасение. — Они не собаки, чтобы извлечь урок из той взбучки, которую мы им устроили.

— Хотят лезть на рожон, пусть лезут. Мы будем как следует им противостоять, — уверенно заявила Хэлис. — Пейт и его шайка быстро возьмутся за ум, когда встанет выбор: дать отпор врагу или валяться с расколотым черепом. И я сказала Д'Алсеннену, что буду муштровать всех парней-колонистов, достаточно толковых, чтобы не разmozжить себе голову мечом.

Я знала наверняка, что Райшеда эта идея не вдохновила. Его беспокоило, что парням придется разрываться между верностью Д'Алсеннену и соблазнами жизни наемников. Впрочем, это не мое дело. У меня были заботы посерьезнее.

— А как быть с эльетиммской магией? Мечи против нее бессильны.

— Зато стрелы луков и арбалетов убивают колдуна, как любого другого человека. — Хэлис посмотрела на далекий океан. — Не представляю себе, чтобы Гуиналь и юная Аллин позволили их черным кораблям подкрасться незамеченными. Давай надеяться на лучшее и готовиться к худшему. С милостью Сэдрина, все, что придется делать тем кораблям, это исследовать побережье.

Хэлис свернула на тропинку, идущую вдоль реки к заново отделанной резиденции Темара, которая находилась выше по течению. Мимо, подметая широкими юбками траву, прошла женщина с чинным платком на голове.

Я посмотрела ей вслед.

— Это мать Катрис.

Женщина подозвала одну из лодок, снующих в мирных водах реки.

— Похоже, отправилась к Гуиналь. Давай узнаем, что думает обо всем этом барышня, прежде чем припрем к стёнке Д'Алсеннена. — Хэлис пронзительно свистнула, и наемник по имени Ларн тут же повернул к нам свою лодку. Уроженец озерного края Энсеймина, здесь он зарабатывал свой хлеб, перевоза людей и грузы вверх и вниз по реке.

— Хочешь, чтобы я подождал? — Как все разумные наемники, он с уважением относился к своему командиру.

Хэлис покачала головой:

— Обратно мы сами доберемся.

Я опасливо ступила в лодку. Она была больше той скорлупки, что неслась через устье с матерью Катрис, но все равно выглядела не слишком надежной.

— Когда же ты научишься плавать? — хмыкнула подруга.

Я показала ей язык.

— Вряд ли странствующему игроку пригодится это умение. — Ванам находится в самой дальней из бывших провинций Тормалинской империи и далеко от любых океанов.

Сев, я инстинктивно схватилась за скамейку. Пока Ларн налегал на весла, я разглядывала противоположный берег реки. Опутывающая все растительность за зиму увяла, оголив каменные руины. Тем отчетливее стали видны следы разрушения первой колонии Келларина, основанной задолго до того, как о Витранселе даже могли подумать.

Не только взгляды и приоритеты разделили колонистов и наемников. Поразительно, но Темар Д'Алсеннен и его последователи, полные надежд на лучшую жизнь, пересекли океан целых тридцать поколений назад, повернувшись спиной к предсмертным дням Старой Империи Тормалина. Если верить их тоскливым воспоминаниям, первые несколько лет все казалось раем. Но затем случилось первое роковое нападение эльетиммов, предков тех самых Ледяных островитян, которые в последние годы досаждают обеим сторонам океана. Те ранние поселенцы, кого не убили, бежали вверх по реке, что-

бы скрыться в пещерах, обнаруженных во время поиска металлов. Древняя магия погрузила их в бессмертный сон, пока любопытство и предприимчивость Верховного мага не открыли невероятную правду, утаиваемую в течение стольких лет благодаря Хаосу, который наступил после смерти Немита Последнего.

Я насмеялась над растерянностью самодовольных магов Хадрумала, когда стало ясно, что древняя магия Тормалина не имеет ничего общего с их властью над воздухом, землей, огнем и водой. Я с интересом обнаружила, что те же самые эфирные заклинания могут твориться с помощью древних песен Лесного Народа, чья кровь течет в моих жилах благодаря любви моего бродячего отца к моей матери-служанке. С другой стороны, тот факт, что Высшее Искусство заперло колонистов, беспомощных и бессмертных, в тених между этим миром и Иным, по-прежнему вызывал у меня содрогание. А еще следовало учесть недоверие Райшеда к Высшему Искусству. Меня не настолько привлекала эта магия, чтобы лишиться из-за нее своего возлюбленного. Я вдруг осознала, что рассеянно кручу на пальце кольцо, которое он мне подарил.

Как всегда, мысли Хэлис были более приземленными.

— Почему Райшед так помешался на кирпичах? Здесь что, мало камня для его счастья? — Она кивнула на яркие шрамы, оставленные на темной от старости серой каменной кладке. Пусть только эти развалины, которые можно использовать в качестве каменоломни, напоминают колонистам о тех потерянных годах, когда они пребывали во сне под заклинанием. И больше ничего.

— Мало. Они же с Темаром настаивают, чтобы все выгребные ямы были выложены камнем. А ты видела, какие они планируют склады, рыночные залы и мастерские?

Мне показывали чертежи, исчерпывающе подробные: каждый фундамент будет каменным, а стены сверху — из кирпича, который предстоит изготовить Уэрделу. Прошное Витранселя будет поддерживать его будущее; надо повернуться ли-

цом к настоящему, а не к давно исчезнувшему прошлому — так решил Д'Алсеннен.

На другом берегу реки я осторожно вышла из лодки. В мостиках и сапогах, мы легко нагнали мать Катрис. Женщина торопилась, но шуршащие нижние юбки стесняли ее движения.

За поворотом гравийной дорожки показалось высокое здание. Окружающая его стена была недавно починена и резко выделялась среди руин с обеих сторон. Это ныне обветшалое жилище построил давно умерший мессир Ден Реннион, один из организаторов злополучной затеи с колонией. Оно же стало и первым убежищем колонистов в тот безумный сезон, когда Планир их разбудил. Мы все вместе сражались под этими стенами, наемники, маги и древние тормалинцы, когда напали эльетиммы, твердо решив уничтожить конкурентов, претендующих на эту землю. Гуиналь — официально барышня Тор Приминаль — ухаживала за ранеными в этой древней усадьбе, используя свое животворное Высшее Искусство против эльетиммских заклинаний. К тому времени, когда пострадавшие либо умерли, либо выздоровели, Гуиналь как-то незаметно заставила перекрыть крышу и укрепить защитную стену. Напрасно все предлагали ей, как самой знатной дворянке из первоначальной колонии, переехать за реку, которая спасала всех нас от вонючих кипящих снадобий. Предпочитая ходить к аптекарям, а не заполнять самой свою кладовую, я и понятия не имела, сколько едких ингредиентов требуется для производства индиго.

— Говорить будешь ты, — предупредила я подругу.

Хэлис покачала головой:

— Ты не можешь вечно винить ее из-за Райшеда.

— Я не виню, — возмутилась я.

Подруга бросила на меня скептический взгляд.

— Слепой в тумане и то увидел бы, как твой Райшед не доверяет Высшему Искусству.

— Да я одна сделала больше для поисков потерянной эфирной магии, чем половина ученых Ванама, — запротестовала я. — В прошлом году я привезла кучу знаний из Леса и Гор.

— Ты все еще точишь зубы на Гуиналь из-за того, что случилось с Райшедом, — мягко заметила Хэлис.

Мое пренебрежительное фыркание вышло не слишком убедительным. Дрианон свидетельница, иногда я ловлю себя на том, что наблюдаю за Райшедом, когда он спит, ищу, не осталось ли следов колдовства, которое поработило его когда-то. Тела колонистов были запечатаны в пещере Эдисгессета, когда заклинание Гуиналь перенесло их личности, их жизненные сущности в кольца, драгоценности, а в случае Темара Д'Алсеннена — в его меч. Те жизненно важные залогов были отправлены обратно в Тормейл, чтобы оказать помощь, но те немногие, кто спасся от разрушения Кель Ар'Айена, нашли свою Империю в сетях анархии. Помощь так и не пришла.

Я не знаю, как были разделены тело и сознание. Мысль о том, что Гуиналь называет более сложным Высшим Искусством, ужасает меня. В конце концов, — и ученые Ванама до сих пор спорят с магами Хадрумала относительно причины, — эти спящие умы вызывали сновидения у тех, кому судьба или прихоть некоего бога отдавали во владение какой-то артефакт. Первые намеки об истинной судьбе пропавшей колонии возникли из противоречий и преувеличений в легендах.

Но Планир Черный, сказочный Верховный маг Хадрумала, не из тех, кто полагается на волю случая или даже самого Сэдрина. Он сделал так, чтобы Райшеду подарили меч Темара Д'Алсеннена, в надежде, что сходство между этими мужчинами образует связь, которая протянется через тени и придет ответы, нужные Планиру. Это сработало, еще как сработало, но я по-прежнему считала муки Райшеда, когда ищущий ум Темара захватил его тело, слишком высокой ценой.

Однако лишь глупцы спорят из-за партии, которая закончилась. Все руны собраны для новой игры, и я намеревалась наилучшим образом использовать свою удачу и удачу Райшеда.

Мы прошли вслед за матерью Катрис через почерневшие ворота, теперь укрепленные новым, светлым деревом. Во дворе древней усадьбы было оживленно, Гуиналь не одна находилась на этой стороне реки. Каменщики очищали камень, взятый из развалин, а несколько мужчин изучали какой-то план, держа в руках колышки и веревку для разметки. Я вспомнила, как Райшед говорил про печь, необходимую здесь для того, чтобы прокаливать известняк в известь для его драгоценного строительного раствора.

Игнорируя всех, возмущенная матрона вбежала в широкий холл.

— Барышня, барышня, уделите мне минутку, будьте добры.

Мы последовали за ней, и я сморщила нос от слабого запаха краски. Подняв голову, я обнаружила, что со времени моего последнего визита крышу заново обшили панелями и начали расписывать потолок. Первая законченная картина религиозного содержания показывала Сэдрину, перебирающего ключи у двери в Иной мир, и Полдриона, который вез в ладье новых мертвых через реку, текущую среди теней.

Я поискала взглядом Гуиналь и нашла ее у длинного стола, заваленного остро пахнувшей зеленью с ранними голубыми и желтыми цветами. Барышня была чуть ниже меня ростом и изящно сложена, стройная талия уравнивала округлые бедра и грудь, привлекающую взгляды мужчин. Она носила такое же рабочее платье из сукна, как и у других женщин, и тоже изрядно запачканное, но золотая цепь на талии тем не менее свидетельствовала о ее ранге, а на цепи висели ключи, нож и сетчатый кошелек. Женщины, сортирующие травы для немедленной варки или связывания в пучки для сушки, с любопытством уставились на мать Катрис. Оживленный гул разговора принял спекулятивный оттенок.

— Госпожа Чевен.

Гуиналь провела краснолицую матрону в боковой проход, где ширмы из ивовой лозы отгораживали эркеры, создавая иллюзию уединенности. Я одарила любознательных женщин ослепительной улыбкой, а Хэлис с суровым видом прислони-

лась к косяку, побуждая большинство вернуться к своим банкам и бутылкам для тинктур.

— Один из тех грязных... — Матери Катрис не хватало слов, чтобы выразить свое презрение. Ее тормейлский акцент усилился от эмоций, а громкий голос эхом отражался от каменных стен. — Он называет мою девочку шлюхой, говорит, что она спит с любым, кто позовет, и утверждает, что это его ребенок. — Она задохнулась от ярости, потом вдруг сникла. Полные щеки задрожали, в глазах заблестели слезы.

— Успокойся. — Подталкивая госпожу Чевен к табурету, Гуиналь посмотрела в нашу сторону. — Здесь командир корпуса Хэлис, и я полагаю, по тому же самому делу. — Она поманила нас с бессознательной властью.

Моя подруга неторопливо подошла к ней. Я держалась на шаг сзади.

— Госпожа Чевен, барышня Тор Приминаль. — Хэлис поклонилась, и Гуиналь машинально сделала книксен по древнему обычаю. — Это верно, что я пришла предупредить насчет Пейта. Он всеми силами стремится причинить неприятности Деглейну, и клевета на Катрис — это лучшее, что он смог придумать. Была драка...

Госпожа Чевен охнула, и Хэлис подняла руку, чтобы ее успокоить.

— Пейт проиграл, он почувствует остроту моего языка и получит должное наказание. Но я хотела поговорить с тобой о Деге, барышня. — Она посмотрела на Гуиналь. — Там, в Лескаре, я, как командир корпуса, приказала бы высечь его за связь с девушкой, если она этого не хотела. Если хотела, но забеременела, я бы расплатилась с Дегом и обещала бы ему все муки демонов Полдриона, когда-нибудь узнав, что он бросил ее и ребенка. Но я бы все равно призвала его к ответу за то, что он нанес первый удар в драке.

— Но здесь не Лескар, — закончила Гуиналь невысказанную мысль Хэлис.

— Деглейн хороший человек, он не будет драться, если его жестоко не оскорбить. — Госпожа Чевен выглядела озабо-

ченной. — Мы с отцом были так рады, что Катрис встречается с ним. Они говорили о свадьбе в предстоящее Солнцестояние. Если бы мы все еще придерживались старых обычаев, они бы давным-давно были обручены.

— Деглейн с прошлого года работает лудильщиком, — сказала Хэлис. — Он и сейчас подчиняется мне, как наемник? Я бы не хотела спорить из-за этого.

Барышня сама села на табурет.

— Нет, я так не думаю.

— Я не хочу давать Пейту повод раздувать неприязнь между наемниками и колонистами. Кажется, пришло время договориться о новых правилах: где действует приказ Д'Алсеннена и где имеет силу моя власть. — Хэлис смотрела на Гуиналь, изучая ее лицо в форме сердечка, потом решительно повернулась к госпоже Чевен. — Но Пейт определенно подчиняется мне, и я прослежу, чтобы он как следует отведал моей плетки. Пейт больше не будет чернить имя Катрис.

— Это удовлетворяет твою жалобу, не так ли? — Барышня рассеянно пригладила каштановые косы, уложенные кольцом на макушке, и я заметила зеленые пятна на ее мягких, изящных руках и грязь под аккуратно подстриженными ногтями.

Привычка повиноваться любому человеку знатного происхождения заставила пожилую женщину встать.

— Думаю, да.

— Пошли ко мне Катрис. — Гуиналь ободряюще улыбнулась. — Я посмотрю, как там ее ребенок.

— Это было бы очень любезно, барышня. — Госпожа Чевен вздохнула с облегчением. — Это ее первенец... ну, есть вещи, о которых девушка не спрашивает у матери. — Она взглянула на нас с Хэлис и, краснея, сделала прощальный книксен Гуиналь.

— Женщины в Старой Империи никогда не носили бриджи? — Я весело смотрела ей вслед.

— Мне об этом неизвестно, — усмехнулась Гуиналь, но мимолетная улыбка не коснулась ее светло-карих глаз.

— Высшее Искусство может тебе сказать, точно ли Дег — отец? — прямо спросила Хэлис.

— Возможно. — Дворянка задумалась. — Но какое это имеет значение, если он любит Катрис и признает ребенка?

— Я бы хотела заранее знать, если он родится с носом Пейта, — строго ответила моя подруга. — Для начала я отправлю Пейта обратно за океан до родов Катрис.

— Которые почти наверняка будут предосенью. — Незащищенное лицо Гуиналь на какой-то миг помрачнело. — Еще одна. Дрианон знает, где мы найдем достаточно нужных трав. — Она посмотрела на длинный стол, где женщины все еще старательно разбирали травы, шепотом переговариваясь и украдкой поглядывая в нашу сторону. — Удивительно, как за эту зиму еще удалось что-то сделать, когда столько младенцев ожидается между сенокосом и жатвой.

Я так и не решила, чего больше в голосе дворянки — неодобрения или зависти. Не важно, я не собираюсь ни принимать роды, ни рожать, и я дважды об этом позабочусь, готовя свой запас трав, как только лоза Халкарион зацветет на этой стороне океана.

Хэлис тоже интересовало другое.

— Нам нужен Д'Алсеннен... — Она прервала себя, когда двое мужчин с воинственными лицами торопливо вошли в холл и устремились к Гуиналь.

— Барышня...

— Госпожа...

Один был колонистом, я его смутно узнала. Другой — ремесленником, приехавшим в прошлом году, после того как Д'Алсеннен нанес визит в Тормейл, чтобы уладить несколько вопросов с императором Тадриолом, и начал вербовать новую кровь в необходимые ремесла.

— Это поросята, — начал один.

— Я заплачу, когда их забьют, — запротестовал второй. Его тормалинский уже был окрашен древними интонациями и смешанными акцентами наемников, которые объединялись в самобытный говор Келларина.

— Их десять в помете, — воззвал первый к Гуиналь. — Нам с женой не съесть столько колбасы! Нам нужны дрова, а у него они сложены до самых стрех...

— И я сам их колол, сам проливал пот, — перебил того ремесленник. — А свинью твою покрывал хряк Истла, не ты!

— Я разговариваю с барышней. — В голосе Хэлис слышалась зловещая резкость, и мужчины отступили на шаг.

Колонист неловко скрутил шапку в своих квадратных руках.

— Прошу прощения, гос... — он проглотил слово «госпожа», когда Хэлис свирепо глянула на него.

— Если хочешь, чтобы Д'Алсеннен распространил свою власть на Деглейна, командир, обсуди это с ним. — Гуиналь встала, разглаживая перед своего простого платья. — У меня здесь дел больше чем достаточно.

— Вижу. — Моя подруга нахмурилась, и спорщики снова попятились, но я не думаю, что ее гнев был направлен на них. — У тебя уже есть обученные адепты? Почему они не разделяют твои обязанности?

Барышня напряглась.

— Мы немного продвинулись за зиму, но из-за такого количества дел время занятий ограничено.

— И всегда быстрее и легче сделать все самой, чем показывать кому-то другому, — добавила Хэлис. — Зачем рисковать, что они все напутают?

Ее голос был твердый и в то же время сочувственный. Она посмотрела на Гуиналь с высоты своего роста и улыбнулась. Надо заметить, что улыбка — редкая гостья на лице моей подруги.

— Все это, конечно, здорово, но ты должна позволить людям учиться на их собственных ошибках.

— Это мне решать, как лучше обучать практикующих Высшее Искусство. — Дворянка вздернула подбородок, и на ее лице застыло выражение ледяного высокомерия. — Спешка часто не в ладах с мудростью, а мы вряд ли можем себе позволить даже самые мелкие ошибки. Добрый вам день. —

Гуиналь резко кивнула и быстро пошла к ждущим ее женщинам, оставив двух спорщиков в полной растерянности.

Хэлис направилась к выходу. Следуя за подругой, я обратила внимание, что она рассеянно потирает бедро, сломанное пару лет назад. Знания Гуиналь и исцеляющая сила ее Высшего Искусства спасли Хэлис от участи калеки, а моя подруга — человек, который всегда отдает долги, независимо от того, нуждается дворянка в ее помощи или нет.

— Этой девушке нужно тратить чуть больше времени на себя и гораздо больше спрашивать с других. Я не могу вспомнить, когда мы в последний раз говорили без помех. Обязательно кто-то влезет со своими жалобами, ссорами или просьбами дать совет по какой-то мелочи. — Хэлис бросила на меня свирепый взгляд. — Вокруг того стола не было ни одного из адептов, которых она якобы обучает.

— Не смотри на меня, — предупредила я. — Мои Лесные чары — только примитивное Высшее Искусство, и другое меня не интересует.

То, что Гуиналь едва скрывала свое презрение к такой незначительной магии, не вызывало у меня никакой любви к этой дворянке.

— Ты могла бы научиться более сложному Высшему Искусству, — возразила Хэлис. — У тебя явные способности к колдовству.

— Я не хочу.

— Ты имеешь в виду, Райшед не хочет? — парировала Хэлис.

— Когда это я пряталась за мнением мужчины? — фыркнула я.

Райшед не говорил мне, что не хочет, чтобы я изучала Высшее Искусство с Гуиналь. Вероятно, мой возлюбленный ничего не сказал бы, если бы я стала брать уроки. Но ему это все равно не понравилось бы. И этого было достаточно, чтобы склонить чашу весов в сторону моих собственных сомнений. Конечно, интересно узнать, как Гуиналь творит свои

заклинания без песен — единственного известного мне способа призывать эфирную силу. Но я не настолько любопытна. Уметь зажигать огонь или замечать следы — это хорошо, но я-то знаю, что Высшее Искусство может проникать в человеческие головы и даже убивать, не оставляя на теле никаких следов. Люди, обладающие такой силой, всегда вызывали у меня подозрение, несмотря на их самые лучшие намерения. А тех, кому я доверяю, я могла бы сосчитать на пальцах одной руки.

Моя подруга хмурилась.

— Д'Алсеннен немного владеет эфирной магией, верно? Ему следует больше приналежать на постройках.

Интересно послушать, как Хэлис ему это скажет. Это точно будет занятнее стирки. Новая мысль осенила меня.

— Если Лессай вернется, Сутал, вероятно, тоже приедет. Она бы сняла часть бремени с Гуиналь.

Подруга нехотя кивнула:

— Нам бы не помешал настоящий хирург.

Обратно через реку мы переехали на плоскодонной лодке, груженной вынутыми из древних стен камнями. Я еле дождалась, когда она причалит к берегу у пристани, построенной на месте высадки самых первых поселенцев Келларина. Среди мужчин, складывавших камни на берегу, там, где их не затопит прилив, я заметила Уэрдела и помахала ему.

— Где Райшед?

Он упер пыльные руки в бока.

— Пошел с Д'Алсенненом к сушильням.

Я взглянула на подругу.

— Хочешь пойти за ними?

Хэлис оглядела здания, которые придавали Витранселю облик настоящего городка. Поначалу колонисты и наемники пристраивали навесы к остаткам древних стен и крыш — слабая защита против той первой неопределенной зимы. Спустя полные восемь сезонов последние из временных укрытий сложились, по мере того как новые здания твердо заявляли свои

права на землю. У нас даже появилось неправильной формы пространство, которое люди называли рыночной площадью. Первый участок земли, ко всеобщему одобрению, достался пивовару. Его крепкий дом теперь предлагал единственную пивную Келларина, где я время от времени нахожу партнеров для дружеской игры в руны среди тех, кто заходит промочить горло. Длинное низкое здание рядом с ним прикутило ткацкие станки, неофициально поделенные между мужчинами и женщинами, которые умели справляться с ними. Вокруг двери, как обычно, толпился народ с шерстью, чтобы обменять ее на пряжу или готовую ткань. Чердак этого здания служил складом для красильщиков и сукновалов, занимающихся своей вредной работой ниже по течению.

Хэлис грозно смотрела на впечатляющее здание в верхней части рыночной площади. Оно определенно создавало атмосферу власти: крыши аккуратно покрыты камнем, а не гонтом, стены полностью очищены от пятен старости и плесени. Лазурно-голубое полотнище с ярко-зеленым гербом робко свисало с троса, ожидая возвращения Темара, который поднимет его к фронту. Подхваченное услужливым ветром, оно покажет эмблему из трех заходящих друг за друга листьев каменного дуба.

— Хорошо, конечно, что Темар вывешивает свой флаг, но как только люди видят, что его опять нет на месте, они направляются со своими спорами прямо к Гуиналь. Нам нужна какая-то магия, чтобы каждое утро приклеивать задницу этого парня к стулу. — У Хэлис блеснули глаза. — Высшее Искусство или магия стихий, мне все равно.

Я хихикнула.

— Шив мог бы сделать такое одолжение. Давай посмотрим, чем торгуют, пока ждем. — Я указала на большое здание справа от резиденции Темара. Оно быстро стало центром меновой торговли и сделок среди колонистов и наемников. Я могла бы найти что-то, стоящее нескольких кирпичей Райшеда.

ОСТРОВНОЙ ГОРОД ХАДРУМАЛ, 15-е ПОСТВЕСНЫ

— Мастер Очага, госпожа Наводнений.

Испуганная служанка сделала книксен тучному мужчине, величаво входящему во двор, со всех четырех сторон окруженный зданиями. Едва взглянув на нее, толстяк надменно махнул широким рукавом бархатной мантии. Его спутница не обратила на девушку никакого внимания, идя по плитам прямо к двери Планира. Ее обветренное лицо выражало нестигаемую решимость. Женщина с видимым нетерпением подержала дверь для своего спутника, но не произнесла ни слова и стала быстро подниматься по лестнице. Догнав ее на самом верху, мужчина ударил толстой рукой в дверь Планира. На трех его пальцах багровели рубиновые кольца.

— Войдите.

Верховный маг сидел у пустого камина в мягком кресле с высокой спинкой, в одной руке книга, в другой бокал фруктового сока, сбоку, на маленьком столике, — усыпанная крошками тарелка.

— Троанна, Калион, прошу, угощайтесь. Есть тминный хлеб и утренняя выпечка. Выпьете что-нибудь? — Он встал.

Калион, покрасневший от натуги после крутой лестницы, улыбнулся при виде щедро накрытого стола. Усевшись, он сунул под спину подушку и расстегнул высокий ворот алого платья с ворсом, еще свежим от щетки портного.

— Спасибо, Верховный, немножко сливового ликера... и побольше воды, — добавил он поспешно.

— Просто воды, пожалуйста.

Троанна без улыбки села на стул, игнорируя еще теплые сладобные булочки с золотистой глазурью, разрезанные для подслащенных взбитых сливок и варенья, которые подавались в хрустальных вазочках. Пока Калион жадно наполнял тарелку, она расправляла юбки изумрудного платья, сшитого в каладрийском стиле, предпочитаемом большинством женщин Хадрумала. Платье Троанны было таким же строгим, как ее лицо, его не оживляла даже обычная вышивка. Светло-карие глаза

женщины изучали Планира, в них светился ум, который ясно давал понять, что она не просто седая, беззубая матрона, стоящая на пороге унылой старости.

— Мы пришли обсудить назначение нового мастера Туч.

— Или госпожи Туч. — Мгновенно насторожившись, Калион оторвался от стола с завтраком. — Верховный, ты видел результаты, полученные Велиндрой из ее прошлогоднего плавания вокруг Мыса Ветров? Она показала себя чрезвычайно талантливой.

— Я еще не имел удовольствия читать ее журнал. — Планир улыбнулся, разливая напитки у дорогого инкрустированного буфета. Он махнул рукой на стопку книг на столе, возвышавшуюся над головой Троанны. — У меня так много дел.

— Тебе следует найти время, чтобы рассмотреть всех кандидатов, — сплетя руки на коленях, заявила госпожа Наводнений, не впечатленная этой грудой.

— Такая чрезмерная задержка вызывает толки в Залах, — предупредил Калион, намазывая сливовый джем на булочку точными взмахами ножа.

— Я тщательно оцениваю каждого кандидата. — Верховный маг указал на книгу, которую отложил в сторону при их появлении. — Это трактат Рафрида о взаимодействии ветров южного моря и зимних ветров с северных гор.

Он передал Троанне хрустальный стакан и поставил графин воды вместе с бокалом рубинового ликера перед Калионом.

— Если бы Рафрид хотел стать мастером Туч, он бы не принял руководство Залом Хайвана. — Толстяк подчеркнул свои слова, ткнув в сторону Планира пустой ложкой из-под сливок.

— Мастер или госпожа, нам нужен кто-то для координации должного изучения этой стихии, — настаивала Троанна.

— Совершенно верно. — Калион подлил в свой бокал с ликером немного воды. — Верховный, что я должен делать, когда ученик приходит ко мне с вопросом, который следовало бы направлять мастеру Туч?

— Твои таланты с воздухом хорошо известны. — Планир вернулся в свое кресло и, поставив локти на подлокотники, соединил кончики пальцев. Его лицо излучало добродушие. — Думаю, вы оба в силах справиться с такими вопросами.

— Это не ответ, и ты это знаешь, — резко откликнулась Троанна. — Те, кто приезжает сюда изучать свое родство, заслуживают руководства ведущих мастеров в каждой стихии.

— Согласен. — Верховный маг посерьезнел. — Вот почему я не спешу с таким ответственным решением.

— Ты только тянешь кота за хвост, — возразила госпожа Наводнений.

Толстяк с небрежным видом взял еще одну булочку.

— Было бы вполне разумно, если б ты предложил Совету две или три кандидатуры и просил голосования. Есть множество прецедентов для таких назначений.

— Совет не выберет Рафрида, — предупредила Троанна. — Он не может быть мастером Туч и в то же время руководить Залом.

Калион принужденно засмеялся.

— Он не может бегать за двумя зайцами.

Планир посмотрел на него без улыбки.

— Ты имеешь что-то против?

Холодок в голосе Верховного мага не тронул госпожу Наводнений.

— Ты говоришь, что слишком занят? Возможно, тебе пора сложить с себя некоторые обязанности. Пусть Совет выберет нового мастера Камней вместе с мастером Туч, в котором мы нуждаемся.

— Или госпожу, — ввернул Калион.

Планир равнодушно пожал плечами:

— Я не первый Верховный маг, который одновременно является и мастером стихии.

— Рано или поздно все они отказывались от меньшей должности, — без обвиняков сказала Троанна. — Я думала, тебе хватит ума гораздо быстрее понять эту необходимость, Планир.

— Верховный, ты, естественно, был очень занят, оберегая Хадрумал от потрясений, происходящих в мире последние несколько лет. — Пухлый подбородок мастера Очага был вымазан сливками, но сей маленький казус нисколько не поколебал искренности мага. — Я не сомневаюсь в твоих талантах, но можешь ли ты честно признаться, что у тебя есть время для оценки идей какого-то ученика по образованию горных пород?

— Что, если опять появятся эльетиммы с их странными заклинаниями? — перебивая его, безжалостно заговорила Троанна. — Хадрумал сможет оставаться в стороне, если они снова будут угрожать Тормалину или Келларину? К тебе, как Верховному магу, побегут в панике император Тадриол, герцоги Лескара, Каладрийский Парламент и кто бы там ни был еще, чтобы просить помощи.

— Что, если они нападут на Хадрумал? — Румяные щеки Калиона побледнели, глаза стали мрачными от воспоминаний. — Мы видели их ненависть к нам, магам. Тебе понадобится полная связь мастеров стихий. Только их поддержка позволит творить объединенную магию, чтобы остановить тех колдунов.

— Вряд ли до этого дойдет. — Планир беззаботно отпил фруктового сока.

— Нет? — язвительно спросила госпожа Наводнений. — Отрик был моим другом, а Высшее Искусство убило его разум. Я не могу это забыть. И я не хочу сидеть у постели новых живых трупов, потому что ты был занят спорами из-за учеников, когда надо было защищать кого-то еще.

— Забудь на время эльетиммов, Верховный. — Отодвинув еду, Калион с серьезным видом облокотился на стол. — Судя по тому, что я вижу, твои обязанности Верховного мага даже без них возрастают с каждым сезоном. Хадрумал обязался помогать этим людям в Келларине. Им нужно наше магическое искусство, чтобы просто переплыть океан, не говоря уже о чем-то большем. Ты передал приглашения магам в Солуре, кто захотел бы обучаться здесь. Ты гово-

ришь о продолжении работы среди Горного и Лесного племен после того, как Узара открыл наличие у них урожденных магов. У нас есть ментор Тонин, который пытается раскрыть секреты Высшего Искусства, и ученые Ванамы, приезжающие сюда, пока наши маги посещают их университеты. Все это требует твоего внимания, и чем дальше, тем больше. Ты должен подумать о том, чтобы снять с себя лишнюю ношу. Это все, что мы просим.

— Возможно. — Морщинка залегла между тонкими черными бровями Планира. — Я был бы глупцом, если бы позволил моим лепешкам подгореть, потому что я никого не подпускаю к сковородке, верно? Если Хадрумалу нужен новый мастер Камней, Узара — очевидный кандидат.

Троанна с подозрением сузила глаза.

— Чем он проявил себя в изучении магических искусств за последнее время?

— Они с Шивом исследуют совместную работу магов в меньших сочетаниях, чем полная магическая связь, — заметил Верховный маг.

— Не представляю, откуда у Зара взялись успехи, когда все прошлое лето он с каким-то отребьем таскался по глуши материка. — Мастер Очага откинулся назад и скрестил толстые руки на солидной талии. — Он даже не представлял Хадрумал никому из влиятельных лиц.

— А потом впустую потратил зиму, ломая ногти, потому что пытался выковырять эфирное знание из того сборника старых Лесных песен и всяких там мифов, которые могла вспомнить эта Горная девушка, которую он сюда притащил, — презрительно добавила госпожа Наводнений. — Если ментор Тонин желает потакать своему интеллектуальному любопытству, то на здоровье. Но маги должны заниматься своим делом.

— Тебе бы не хотелось, чтобы у нас было свое Высшее Искусство для борьбы с эльетиммами? — мягко спросил Планир.

— Мне бы хотелось, Верховный, если бы имелись реальные успехи, — с искренним сожалением сказал Калион. — Но у нас нет ничего, кроме простейших трюков, верно?

Троанна серьезно посмотрела на него.

— Мы должны встретить эфирное нападение с надежной, испытанной магией, творимой полной связью мастеров Стихий.

— Есть и другие кандидаты на мастера Камней, помимо Узары. — Толстяк едва дал госпоже Наводнений договорить. — Гален изучает основные предположения, подкрепляющие наше понимание стихии земли.

— Я понятия не имел. — Верховный маг задумчиво покачал головой. — Но он не устраивал дискуссий, о которых я знаю, а я слежу за такими вещами, ибо земля является моим родством. Калион, тебе следовало бы намекнуть Галену поделиться его выводами, иначе люди так и будут думать, что он умеет только сплетничать. — В небрежном добродушии Планира слышалась колкость.

— Узара слишком молод, чтобы пользоваться доверием у старших магов, — заявила Троанна непререкаемым тоном. — У него нет опыта, чтобы претендовать на превосходство в своей стихии, несмотря на его громкую репутацию искателя приключений.

— А Гален так долго находится в тени Калиона, что вообще не имеет собственной репутации. — Планир спокойно встретил строгий взгляд Троанны. — Кто даст гарантию, что он сочувственно отнесется к юношескому смятению своих воспитанников или сможет проявить необходимую дипломатию, когда два мага будут спорить из-за ученика? Мастер должен иметь не только глубокие знания, и вам это известно лучше, чем другим.

Он вскочил, пересек комнату и остановился у окна.

— Нет очевидного кандидата на мастера — или госпожу — Туч, равно как и на мастера Камней. Верно, я мог бы предложить Совету по горсти кандидатур на того и другого, но вы думаете, кто-нибудь получит общее согласие? Я — нет. И я,

несомненно, не хочу, чтобы Хадрумал раскололся на фракции и злословил за спиной друг у друга, когда, как ты правильно говоришь, Троанна, мы должны остерегаться угрозы извне. Эльетиммы притихли с тех пор, как их попытка устроить восстание в горах была сорвана, но мы пока не можем ослаблять бдительность. Калион, твои надежды на усиление нашего влияния на материке могут в конце концов осуществиться с этим новым взаимопониманием, к которому мы с Тадриолом пришли по поводу Келларина. Даже видимость разногласия среди нас могла бы разрушить всю ту работу, что ты провел, дабы убедить людей в возможности Хадрумала помочь им. Много ли надо, чтобы воскресить подозрения и заблуждения, которые губят репутацию магов на материке.

Его речь не произвела впечатления на Троанну.

— «Если» и «но» — не оправдание для бездействия, Планир, — заявила она. — Эта ситуация нетерпима, и твой долг, как Верховного мага, разрешить ее.

Толстое лицо Калиона смялось от неудовольствия.

— И быстро.

— Поспесишь — людей насмешишь, — предупредил Верховный маг. — Я уверен, наилучший кандидат появится со временем.

Госпожа Наводнений хмыкнула.

— Пока будешь искать идеального, пропустишь хорошего. Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

— Я найду тебе ответную пословицу завтра, — улыбнулся Планир.

Троанна встала.

— Это не тема для шуток.

Она посмотрела на Калиона, и толстяк неохотно поднялся. Женщина молча вывела его из комнаты и громко хлопнула дверь.

Долгую минуту Верховный маг не сводил свои серые глаза с дубовых досок, потом швырнул мантию на спинку кресла. Усталость, неожиданная в такой ранний час, прорезала глубокие морщины на лице, лишая его живости. Планир подо-

шел к окну и увидел, как Калион и Троанна исчезают под аркой ворот. Вытянув руку, он изучил огромный бриллиантовый перстень своей должности. Солнце играло на граненом драгоценном камне, окруженном изумрудом, янтарем, рубином и сапфиром, — древними символами магических стихий. На соседнем пальце тускло блестело помятое серебряное кольцо. Какая бы эмблема ни украшала его, она давным-давно стерлась.

Верховный маг сжал кулак и закрыл глаза с гримасой сожаления и досады. Сосуды, из которых пили Калион и Троанна, слегка задрожали, слабое дребезжание шло от стола под ними. Остаток сливового ликера вдруг вспыхнул ярким пламенем, а нетронутая вода в большом стакане вскипела и забурлила. Рифленая чаша бокала сложилась внутрь, длинная ножка поникла. Пустой стакан осел рядом с ним, от воды остался один пар, широкое основание растеклось в бесформенную лужицу. Полированное дерево под ними не пострадало.

— Ребячество, — упрекнул себя Планир, прежде чем с озорной усмешкой открыть глаза. — Но приятное. — Швырнув теперь холодное и твердое стекло в ведро для золы у камина, он снял с крючка на двери поношенную куртку и, на ходу надевая ее, легко сбежал с лестницы.

ВИТРАНСЕЛЬ, КЕЛЛАРИН, 15-е ПОСТВЕСНЫ

— Почему люди так рвутся делать тебе подарки? — Я вышла вслед за подругой из здания рынка.

— Красота тут ни при чем, все дело в обаянии. — Хэлис протянула мне лукошко, высланное мятой.

Я взяла липкую конфету и кивнула на резиденцию Темара.

— Его светлость вернулся.

На фронте весело развевался поднятый флаг.

— Посмотрим, что он скажет в свое оправдание. — Подруга скривила губы.

— Помни о манерах, — предупредила я ее с притворной серьезностью.

— Это ты мне? Да я служила герцогине Марлирской! — Хэлис прикинулась возмущенной.

— А кого уволили за пощечину ее болтливой дочери? — напомнила я.

— Она это заслужила, — засмеялась подруга.

Мы свернули на узкую дорожку между рынком и резиденцией Темара. Внутри резиденции стучали молотки и визжали пилы. Зданию требовалось придать вид, достойный титула сьера. Работы по внутренней отделке начались давно, но много раз прерывались и откладывались. Двое мальчишек чуть старше Тедина сидели в дверном проеме, старательно выпрямляя старые гвозди. Один сгреб несколько штук с потускневших от дождя плиток у своих ног. Фрагменты выложенных из них узоров, засыпанные гравием, и обломки колонн, погребенные в новом камне стен, — последнее, что осталось от огромного дворца, который здесь когда-то стоял. Но крыша давным-давно обвалилась, а от мощных стен уцелело лишь несколько рядов кладки, поэтому колонисты просто взяли их как ориентир для новых зданий, воздвигнутых вокруг остова старого особняка. Мы прошли мимо резных украшений, настолько стертых дождями, что было непонятно, что на них изображено.

Единственный изящный вход, сохранившийся с тех времен, вел теперь в личные покои Д'Алсеннена в задней части этого нового высокого здания. Хэлис без церемоний толкнула дверь. Когда плотники отделают приемные, архив и салоны, необходимые для ранга, в котором утвердил его император, Темар сможет превратить это помещение в подходящее жилье для слуг сьера Д'Алсеннена, но пока нижний этаж выглядел голым. Грубые ширмы в одном конце маскировали кухню и простую деревянную лестницу, которая вела наверх, в личную спальню Темара.

Д'Алсеннен и Райшед стояли у длинного стола в противоположном конце, сосредоточенно изучая большое количество карт. С ними было еще двое, тоже склонившихся над пергаменами.

— Мастер Гретист провел свой корабль вплоть до этого большого водопада. — Темар постучал длинным пальцем по карте. — На парусных баржах мы сможем подняться выше.

Итак, они планируют еще одну экспедицию. Если Райшед поедет, возможно, мне стоит присоединиться. Без него лето в Витранселе обещает быть не слишком интересным.

— Волок через тот участок будет тяжким испытанием. — Степенная черноволосая женщина в домотканой тунике поверх некрашенных юбок провела линию сломанным ногтем. — Там земля еще более неровная, чем склон на этой стороне. — Она подняла голову при нашем приближении.

— Розарн; — фамильярно кивнула ей Хэлис.

Простая внешность этой женщины была обманчивой: Розарн служила наемницей дольше всех остальных, исключая Хэлис, и как только Темар отдаст приказ, она будет в сапогах и кожах, а кинжалы, вложенные в ножны на бедре и запястье, будут готовы прорубить ей путь сквозь чащу, которую даже белка предпочла бы обойти кругом. Половина командиров корпусов в Лескаре ищут Розарн, если им нужно разведать вражеские позиции или разузнать о возможном наступлении. Она специализируется на задачах, требующих ловкости и смекалки.

— Как далеко ты добрался, Васпрет? — Райшед, любовь если не всей моей жизни, то, несомненно, последних трех лет, рассеянно пригладил свои черные кудри.

— В осеннее Равноденствие я был здесь. — Васпрет поставил толстый палец на пергамент. Коренастый, обветренный, с манерами такими же грубыми, как его переломанный нос, он приехал в Кель Ар'Айен в числе первых поселенцев и ходил под парусами с давно умершим мастером Гретистом, проводя первые исследования берегов этого материка.

— Чтобы проследить путь Вахила Ден Ренниона, нам нужно использовать пещеры. — Что бы они ни планировали, Розарн явно с нетерпением ждала этого. Я не раз слышала, как она говорит, что целый неизведанный континент, где нет опасности получить лескарскую стрелу в живот, — это подарок Талагрины.

Д'Алсеннен от природы был белокож, и весеннее солнце еще не прогнало его зимнюю бледность, но даже с другого конца стола я увидела, как он побелел. Райшед остро посмотрел на Розарн, и тень набежала на его карие с янтарными крапинками глаза. Затем он увидел меня и улыбнулся, любовь смягчила строгие очертания его длинной челюсти и широкого лба. Я улыбнулась в ответ, и мелкие неприятности этого дня исчезли, как утренний туман с реки.

— Нам нужен сухопутный маршрут, который соединит две реки, — вымолвил Темар с излишней твердостью. Он искал другую карту. — Мы же не потащим фургоны и мулов через пещеры, даже если Мизаен сотворил чудо и путь, которым шел Вахил, все еще проходим.

И ты бы предпочел в одиночку встретиться с армией эльетиммов, чем провести какое-то время за пределами дневного света, мой мальчик. Я понятия не имела, кто из них первоначально боялся темноты: Д'Алсеннен или Райшед в своем далеком детстве. Возможно, сказалось заточение в бессолнечных пещерах Эдисгессета, которое они оба испытали, пойманные в сети Высшего Искусства. Как бы то ни было, теперь их обоих мучил постоянный страх замкнутого пространства, и я продолжала просыпаться с открытой дверью спальни, потому что Райшед не мог спать с закрытой.

Но мой возлюбленный был на две горсти лет старше парня. Он крепко сжал зубы, чтобы справиться с приступом паники.

— Есть какой-нибудь шанс, что недостающие артефакты потерялись в пещерах, прежде чем Вахил добрался до кораблей?

Вахил Ден Реннион, друг детства Темара и вот уже двадцать поколений лежащий пеплом в своей урне, взял на себя нелегкую задачу: унести спящие умы людей Келларина подальше от жадных рук эльетиммов. Он нашел путь через пещеры, изрезавшие горы между рекой Витранселя и другой рекой, которая течет на юг, ко второму поселению, едва основанному к тому времени, когда появились враги. Я бы не поставила на это и свинцовое пенни, но, вопреки всем шансам, Вахил добрался домой через океан, где его ждали только новые напасти. Империя рушилась вокруг ушей Немита Никчемного. Все знатные Дома были слишком заняты спасением собственной шкуры, чтобы думать о колонии, почти сброшенной со счетов еще год назад.

Поэтому сокровища рассеялись, их истинная ценность долгие годы оставалась неизвестной. Затем маги, работающие с алхимиками в университете Ванама, возбудили любопытство Планира рассказами о странных снах, преследующих ученых. В тех снах им виделась жизнь до Хаоса. И когда мы разбудили колонистов и Д'Алсеннен обнаружил, что ему придется управлять колонией, он постарался вернуть все что можно. Парень даже убедил императора Тормалина помочь ему, однако в огромной пустоте пещеры, которая так долго их всех защищала, по-прежнему лежат спящие. Их немного, но от этого становится еще горше. Гуиналь посещает их каждое Равноденствие и Солнцестояние, обыскивая свои знания в поисках ключа, чтобы разбудить несчастных без артефактов, которые привязывают их к заклинанию.

— Полагаю, это возможно, — нехотя признал Темар. Его бледные как лед глаза прятались под узкими бровями, придавая ему сходство с ястребом. Волосы парня, такие же черные, как у Райшеда, были тонкие и прямые и подстрижены, как у солдат.

— Нам следует послать кого-то на поиски, — твердо сказал Райшед.

Как и Темар, он дал себе слово найти утраченные артефакты. Это стало одной из причин, побудивших сьера Д'Ол-

бриота уволить моего возлюбленного со службы. Принц видел, что чувство долга все больше разрывает его между интересами Д'Алсеннена и Д'Олбриота.

Угловатое лицо Темара озарилось. Похоже, на парня снизошло вдохновение.

— Гуиналь могла бы придумать заклинание, чтобы найти в пещерах что-то, содержащее магию.

— Почему бы тебе не усовершенствовать свое Высшее Искусство, вместо того чтобы вечно полагаться на барышню? — резко спросила Хэлис.

Д'Алсеннен взглянул на нее с удивлением.

— У меня нет времени, чтобы изучать Высшее Искусство.

— Сьер сам решает, на что тратить свое время. — Моя подруга щелкнула ногтем по уголку карты, который свешивался с края стола. — Что теперь? Составление карты побережий? Поиск металлов?

— Разведка маршрута к Хафрейнсору, — убежденно произнес парень.

Когда император своим указом предоставил независимость Келларину (так современный язык преобразовал древнее название Кель Ар'Айен), Темар с энтузиазмом взялся за преобразования. Одним из его первых и пока что немногих дел в качестве сьера было наименование поселений в честь их основателей: Витрансель — в честь Анселя Ден Ренниона, Хафрейнсор — в честь Хафрейна Ден Феллэмиона. Он хотел дать подобное название и рудному поселку, но оно не прижилось, не выдержало языка наемников, коверкающего святой для колонистов Старый Высокий тормалинский. Компромиссом стал Эдисгессет, всеми теперь признанный.

Хэлис смерила его взглядом, который заставил бы съежиться любого наемника.

— Я могу назвать десяток человек, которые справятся с этим заданием не хуже тебя.

Д'Алсеннен задумчиво потер рот.

— Ты думаешь, мне следует заняться чем-то другим?

— Проводить больше времени в Витранселе, — откровенно заявила Хэлис. — Делать что-то из мелкой работы, которая обременяет Гуиналь с восхода и до заката. Каждые две минуты кто-то просит ее совета, потому что тебя никогда нет на месте. Барышне с лихвой хватило бы дел, если б она занималась только Высшим Искусством, леча этих глупцов, то заболевших, то поранившихся. Но Гуиналь еще настаивает на опеке всех посевов и животных и осматривает их при всякой возможности. Она себя изнуряет. Так недолго и загнуться, мой мальчик.

— Обсудим это позже. — Розарн свернула хрустящие карты. — Я посмотрю, как там успехи у кораблестроителей.

— Я думаю...

Розарн с извиняющейся улыбкой отвернулась от возмущенного Темара и, захватив Веспрета, направилась к двери. Не важно, что Тадриол Предусмотрительный, император Тормейла, пятый из этой династии, постановил, что Темар является ныне сьером Д'Алсенненом, принцем того Дома и повелителем Келларина. Прежде всего Розарн подчинялась своему командиру корпуса.

Темар сел во главе стола и расправил плечи. Не имея готового ответа, он повелительно поднял руку. Бридил, молодая женщина, овдовевшая еще до первого падения Келларина, прибежала с подносом стеклянных кубков и кувшином. У сьера в отличие от остальных были слуги.

Мы с Райшедом освободили место среди пергаментов, и Бридил налила всем подозрительно бледного вина. Хэлис села без приглашения, но мой возлюбленный подождал кивка Д'Алсеннена.

— Конечно, я помогу Гуиналь, — натянуто промолвил Темар. — Ей нужно только попросить.

— Ты можешь себе это представить? — Обезоруживающая усмешка Хэлис смягчила грубые черты ее лица. — Чтобы она добровольно отказалась от своих знатных обязанностей, не говоря уже о гордости? Возьмись за более легкое дело. Поскольку ты часто отсутствуешь, все усвоили привычку бежать

к барышне. Тебе нужно внушить людям, что они должны приходить к тебе.

— У Гуиналь нет ни одного знающего адепта, чтобы разделить ее ношу, верно? — заметил Райшед.

— У меня нет времени изучать Высшее Искусство, — повторил Д'Алсеннен, слегка краснея.

Мы с Райшедом переглянулись. Не только гордость заставляла Гуиналь хранить молчание, а Темара — пользоваться каждым удобным случаем, чтобы сбежать и исследовать Келларин, оставляя ее управлять Витранселем. У них был короткий роман до крушения надежд колонии, и как часто бывает с неопытными любовниками, они глубоко ранили друг друга, порвав отношения.

— А у кого здесь оно есть? — заметила я небрежным тоном. — Гуиналь требует от всех слишком большой самоотверженности.

Думаю, я не единственная, чье любопытство к Высшему Искусству спасовало перед лицом суровых требований, предъявляемых барышней к потенциальным адептам.

— Может, нам стоит узнать, не готова ли барышня Тор Арриал вернуться из Тормейла, — предложил Райшед.

— Хочешь ее спросить, милости прошу, но не жди этого от меня, — откровенно сказал Д'Алсеннен. — Пусть хоть десять Тадриолов назначат меня ее сьером, для Авилы я все равно буду мальчишкой.

Барышня Тор Арриал, грозная пожилая дворянка, знала Темара с его крайне зеленой юности и редко позволяла ему об этом забыть.

Я посмотрела на Райшеда.

— Авила выполняет ценную службу там, где она есть. Передает нам новости Тормалина и следит, чтобы мы получали приличные товары, а не то, что завалилось на портовых складах.

И ведя новую жизнь в Тормалине, она хоть отчасти могла забыть о тяжелых утратах, связанных с Келларинном.

— Без Авилы и ее Высшего Искусства у нас не будет возможности послать сообщение императору. — Темар выпятил челюсть. — Я не призову ее обратно.

Никто не собирался с этим спорить. Если когда-нибудь снова появятся эллетиммы, мы все хотим иметь средство быстро вызвать подкрепление.

Хэлис кивнула:

— Но где еще мы можем найти людей с эфирными навыками?

У меня появилась идея.

— Как насчет ученых из Ванамы? Тех, кто прошлым летом приезжал к Гуиналь и все расспрашивал ее об утраченной эфирной магии? У них была целая зима на изучение сведений, что мы нашли в том году в Горах и Лесу. Наверное, у них уже есть какие-то практикующие?

Еще до того как получить дополнительные познания, ментор Тонин и его ученые достаточно владели Высшим Искусством, чтобы разорвать заклинание в пещере Эдисгессета. Именно так мы разбудили Гуиналь и Темара, а за ними и остальных.

— Как насчет магов? Почему бы не завербовать еще несколько человек? — рассуждал Райшед. — Может, те, кого там Хадрумал пошлет с первыми кораблями, согласятся остаться на сезон-другой?

— Когда мы их ждем? — встрепелась я.

— Я просил Гуиналь узнать у Авилы. — Темару не удалось сохранить хладнокровие, когда он поймал раздосадованный взгляд Хэлис.

— Ты ничем не лучше других.

— Аллин могла бы связаться с магами в Тормейле и спросить у них, — подсказал Райшед.

— Где она? — прорычала наемница.

— Помогает Уэрделу усовершенствовать его печь, — немного смущенно признался Райшед.

Хэлис щелкнула пальцами, подзывая рыжеволосого сына Бридил, очень усердного паренька, который служил пажом у Темара.

— Пойди и найди госпожу Аллин.

Мальчишка, ухмыльнувшись, стремглав убежал. Я глотнула вина и скривилась. Оно было до того разбавленным, что потеряло всякий вкус.

— Бридил может приготовить тебе настой, — предложил Д'Алсеннен.

— Из пыли, оставшейся на дне ее банок? — съязвила я. — Или какой-то неизвестной травы? Спасибо, но я не хочу отравиться.

У нас уже был недавно такой случай. Один любитель настоев устроил себе быстрый путь к Полдрионову парому в тщетной попытке заменить местными травами закончившиеся пряности.

Темар стиснул зубы. Мэвелин взыскала не так уж много жертв с Келларина за эту зиму, но парень тяжело переживал каждую утрату.

— Есть новости из Эдисгессета? Рудокопы готовы начать плавку?

Эти вопросы несколько его отвлекли.

— Да, и как можно скорее.

— Что ты собираешься делать с медью? — поинтересовалась я.

— Торговать ею с Тормейлом. — Д'Алсеннен казался озадаченным. И вдруг улыбнулся. — Возможно, в обмен на пряности и приличное вино.

— Нам нужно железо. — Райшед был серьезен. — Мы не нашли никаких следов железной руды, и нашим кузнецам приходится заново использовать каждый ржавый обломок.

— Деньги могли бы упростить торговлю с Тормейлом, — заметила я. Райшед поднял брови, но мой невинный вид обманул бы кого угодно. — И здесь наличная медь тоже пришлась бы кстати. Она избавила бы тебя и Гуиналь от разбора мелких жалоб по поводу обменов и тому подобного.

— Чеканка денег — ремесло, требующее квалификации. — Темар нахмурился.

— Я знаю человека, который мог бы этим заняться. Предложи ему достойную плату, и он пересечет океан.

— Тот корноухий гидестанец? — Хэлис вспомнила его имя. — Кьюин?

Д'Алсеннен тщательно выбирал слова.

— Вряд ли император станет благодушно терпеть наши вольности с его деньгами.

Я рассердилась.

— Я не предлагаю чеканить фальшивые монеты. А как насчет твоей собственной головы на нескольких пенни?

— Это было бы прекрасной декларацией независимости. — Под веселостью Райшеда скрывалась серьезность. — Келларин должен твердо стоять на ногах.

Темар все еще сомневался. Одной из привлекательных его черт было отсутствие надменности, которая обычно сопровождает знатную кровь. Мы с Хэлис решили, что не дадим парню шанса ее приобрести.

Райшед, с другой стороны, хотел, чтобы Д'Алсеннен гордо тверже держал поводья власти в Келларине.

— Над этим определенно стоит подумать.

Я заметила, что Темар покосился на карты.

— Если ты хочешь проследить те пещеры, почему бы не попросить помощи у Хадрумала? Шив мог бы взять на себя реки, а Узара найдет любые пустоты, начиная с кроличьей норы. — Я путешествовала с Узарой по диким краям Леса и Гор и видела, как расширился кругозор мага далеко за узкие горизонты Хадрумала.

— Хорошая идея. — Райшед потянулся за пергаментом, который украдкой изучал. — Два мула в упряжке лучше, чем один.

— Возможно. — Аристократическая вежливость Д'Алсеннена никого из нас не одурачила. Он так и не избавился от глупой юношеской ревности к Узаре, проявлявшему интерес к Гуиналь.

— Чтобы иметь больше магов, в первую очередь стоит пригласить этих двоих.

Я знала, что Хэлис думает так же, как я. С присущей ей сдержанностью Гуиналь дала понять, что принимает ухаживания Узары. Дружелюбный маг, коему хорошо известны требования и подвохи магического искусства, мог бы помочь упрямой девушке признать, что и ее возможностям есть предел.

— Где Джемет? — рявкнул Темар, отпивая свое жалкое вино.

Райшед взглянул на него с состраданием. Я не была так снисходительна. Допустим, Д'Алсеннен стоит перед трудной задачей добиться успеха Келларина, но не слишком ли мой возлюбленный склонен оправдывать этого молодого дворянина?

Хлопнувшая дверь нарушила неловкое молчание — и вслед за пажом Джеметом в зал вбежала Аллин. Из всех магов, встреченных мною с тех пор, как одна авантюра познакомила меня с Шивом и доставила мне столько неприятностей, сколько я и представить себе не могла, Аллин меньше всего походила на фантазию энсейминского певца баллад. Она не была стройной магиней, чья пленительная красота сводит мужчин с ума, а волшебная сила потрясает землю и небеса. Аллин была невысокая, пухлая и до того невзрачная, что рядом с ней даже Хэлис выглядела сносно. К тому же девушка легко краснела, и сейчас, запыхавшаяся, она была совершенно алой.

— Присядь.

Я предложила ей свой табурет и разбавленное вино. Мне нравилась Аллин; ее готовность помогать в любом деле, магическом или нет, подарила ей много друзей в Келларине. Не то чтобы девушка это осознавала. Последний ребенок большой семьи, она привыкла к скромности, но эта скромность доходила до смешного, и Темар был не единственным, кто твердо решил научить эту юную магиню ценить себя так же высоко, как ценят ее другие.

— Чем могу помочь? — Пока Аллин пила вино, ее лихорадочный румянец исчезал.

— Ты не могла бы связаться с Казуелом? — вежливо попросил Д'Алсеннен. — Спросить, не знает ли он, когда нам ждать первые корабли?

Девушка повернулась к Джемету:

— Будь добр, принеси свечу и зеркало.

Паж сбегал за предметами для заклинания, потом встал рядом с Темаром, пожирая магиню своими голубыми глазами.

Аллин шелкнула пальцами, чтобы вызвать заколдованное пламя, и осторожно поймала в зеркале отражение неестественно красного огня. Она творила свою магию с гораздо меньшей церемонией, чем большинство магов, с которыми я имела сомнительное счастье познакомиться. Но даже это преуменьшенное действо заворожило Джемета, да и Бридил украдкой выглядывала из кухонной двери. Родившиеся в наше время ремесленники все еще неловко отступали при сотворении магии, но первые колонисты жили в эпоху, когда Высшее Искусство применялось повсеместно. Они не делали различия между эфирными заклинаниями Гуиналь, приносящими им пользу, и иными способностями урожденных магов. По их мнению, магия любого рода означала, что Келларин во время атаки эльетиммов больше никогда не будет беззащитным и неспособным позвать на помощь.

Красноватое свечение на металле сжалось в яркую слезинку, затем снова растеклось по зеркалу, как рубиновое вино по бокалу. Сосредоточенность придала достоинство пухлому лицу Аллин, когда сияние в центре поблекло, оставив жгучее кольцо вокруг края, и зеркало отразило миниатюрную сцену. Мы увидели шикарно обставленную спальню, где знакомая фигура торопливо натягивала бриджи.

— Доброе утро, Казуел, — вежливо поздоровалась магиня.

— Что за срочность не позволяет подождать, пока я позавтракаю? — Кончив возиться с пуговицами, Казуел провел рукой по взъерошенным каштановым волосам, еще не уложенным в модные волны и не напomaженным.

— Эсквайр Д'Эвуар, — Темар встал рядом с Аллин и наклонил голову в благовоспитанном поклоне, — я прошу прощения. У нас уже довольно поздно.

Он говорил с аристократической четкостью, которую Казуел всегда воспринимал как должное уважение. Но, по-моему, таким способом Д'Алсеннен скрывал свое раздражение, вызванное претенциозностью этого мага.

— Сьер Д'Алсеннен. — Тон Казуела резко перешел от грубого к заискивающему. Возможно, Дом Темара исчез в Хаосе, но если император постановил его воскресить, то этого было достаточно, чтобы заставить Казуела пресмыкаться.

— Все в Тормейле уже давным-давно позавтракали, — прошептал Райшед мне на ухо, когда встал за спиной и обнял меня сильными руками.

Я откинула голову и тоже прошептала:

— С каких это пор Каз стал эсквайром Д'Эвуаром?

В тех же самых балладах, где внешность Аллин была бы такой же прекрасной, как ее душа, обширные познания Казуела во фрагментарной истории Старой Империи были бы тайным знанием, необходимым для спасения принцессы или возвращения на трон короля. Но вся его ученость служила одной-единственной цели: доказать, что его купеческая семья имеет право на древний титул. Затем Планир поддерживал его изыскания для своих собственных таинственных целей, и Каз нечаянно помог спасти людей Келларина.

— Темар помог заполнить недостающие ветви на его фамильном дереве. — Райшед кивнул на далекий образ. — Император одобрил его эмблему на Солнцестояние, и наш эсквайр Д'Эвуар теперь связующее звено между Планиром и Тадриолом и официальный канал для любого принца, желающего пообщаться с Келлариним.

Итак, Каз вознагражден всем возможным доступом к великим мира сего и ко всем благам Тормейла, каких только его снобистская душа могла пожелать.

— Нам нужно знать, когда придут первые корабли из Бремилейна или Зьютесселы, — стал объяснять Темар, когда Аллин как-то приблизила лицо Казуела к зеркалу.

— Но первый уже должен был прибыть. — Казуел затеребил безвкусную позолоченную рыбу-брошь, которая скрепляла украшенный оборками воротник шелковой рубахи.

— Вряд ли бы я спрашивал, если б он прибыл, — вежливо заметил Д'Алсеннен.

— Он отплыл двенадцатого предвесны, — настаивал маг. Наступила пауза. Все мысленно подсчитывали дни и фазы Большой и Малой лун.

— Это очень рано для плавания. — Райшед с сомнением сдвинул брови. Выросший в южном порту, в Зьютесселе, он больше нас всех знал о капризах времен года.

— Особенно когда у тебя на борту нет ни мага, ни эфирного адепта, чтобы справляться с океанскими ветрами и течениями. — Неприятное удовлетворение сделало красивое лицо Казуела отталкивающим.

— Я не понимаю, — резко сказал Темар.

— Этот корабль нанят на золото Ден Харкейла, — педантично начал Казуел.

— Авила говорила мне о подготовке, — перебил его Д'Алсеннен.

— Сьер Ден Харкейл отправил своих клерков во все архивы, куда он мог получить доступ. — На лице Казуела мелькнула зависть. — Они откопали каждый клочок пергамента, рассказывающий о плаваниях Ден Феллэмиона, и сьер пришел к выводу, что можно пересечь океан без магической помощи. О ней нет упоминаний ни в одной из историй Немита Мореплавателя.

— Потому что в те времена никто, имеющий хоть крупицу разума, не решился бы отправиться в открытый океан без адепта на борту, — глухо произнес Темар.

— Почему мессир Ден Харкейл считает себя вправе игнорировать и Планира, и барышню Тор Приминаль, которые

утверждают, что на корабле должен быть или маг, или адепт, а еще лучше — оба? — презрительно спросила Хэлис.

— Он уверен, что острова посреди океана — это и есть тот секрет, который позволил Ден Феллэмиону достичь Келлари-на, — неохотно изрек Казуел.

Д'Алсеннен закусил губу.

— Сатайфер? — Он до такой степени был обеспокоен, что использовал повседневное название, придуманное наемниками для этих островов, а не причудливое Гараскайзел, которое он дал им в своем указе.

— Это возможно? — Райшед перевел взгляд с Темара на огорченную Аллин.

— Судно попало в беду?

— Я не знаю. — Д'Алсеннен задумчиво пожевал костяшку пальца.

Хэлис заботило другое.

— Я бы не стала утверждать, что чего-то нельзя сделать только потому, что это никогда не делалось.

— В наше время корабли крепче тех, что использовал Ден Феллэмион. — Райшед выглядел встревоженным. — И моряки привыкли плавать по океану благодаря росту торговли с Инглизом.

— Половина знатных Домов в Тормалине хотели бы урвать кусок от келларинской торговли, — сказала я. — Они будут посылать своих колонистов, чтобы захватить землю, и не станут целовать твою руку, если могут остаться безнаказанными.

Аллин категорически покачала головой:

— Сам мастер Туч Отрик всегда говорил, что невозможно пересечь океан без магической помощи.

— Он сказал то же самое, когда узнал о Сатайфере? — Хэлис изучала карту. — Если бы корабль сумел добраться до этих островов, взять пресной воды, точно сориентироваться с твердой земли по звездам и солнцу, то ему бы ничего не стоило одолеть второй этап пути. — Она посмотрела на Аллин. — Отрик ввел этот фактор в свои расчеты?

— Я не знаю. — Девушка запнулась, внезапно засомневавшись.

— Император постановил, что любой земельный акт должен иметь мою печать, — настаивал Темар.

— Мы выбросим людей обратно в море, в то время как принц послал их сюда, обещая новую жизнь? — мрачно спросил Райшед.

— Тадриол собирается плавать вдоль побережья, чтобы лично проводить в жизнь свои указы, а? — встала я.

Хэлис решительно ткнула пальцем в Темара.

— Как насчет людей, которые не признают указ Тадриола? Вон в Лескаре сколько времени идут войны из-за земли.

— Давайте не будем накликать беду. — Д'Алсеннен хмурился. — Если корабль разбился...

— ...нам лучше всего поискать обломки или уцелевших, — закончил Райшед его мысль.

— Ты могла бы нам сказать, куда их вероятнее всего принесут течения? — Темар посмотрел на Аллин.

— «Звон» выяснит его судьбу, — вместо нее ответил Казуел с раздражающей снисходительностью. — Налдет на борту. Я предупредил его, что высокомерие Ден Харкейла обязательно приведет к несчастью.

— «Звон»? Корабль Ден Кастевина уже в пути? — Д'Алсеннен взмахом руки велел всем умолкнуть. — Когда его можно ожидать?

Казуел оскорбился.

— Они ушли тридцать седьмого предвесны.

— Перед самым полнолунием Большой. — Райшед сузил глаза. — Они должны быть здесь в ближайшие десять дней.

— С магом на борту новолуние Малой — для них не проблема. — Хэлис делала свои собственные подсчеты.

Аллин не казалась такой уверенной.

— У Налдета родство с огнем, а не с воздухом или водой.

— Паррайл тоже на борту, — пренебрежительно обронил Казуел. У меня аж рука зачесалась от желания его ударить. —

Один из учеников ментора Тонина. Он достаточно владеет Высшим Искусством, чтобы помочь.

— Спасибо тебе за эти известия, эсквайр Д'Эвуар, и за твоё время. Нам больше не следует тебя задерживать. — Темар кивнул Аллин, и она прозаично задула свечу. Подобострастное прощание Казуела растаяло, как струйка голубого дыма, выходящая от фитиля.

Д'Алсеннен запустил пятерню в свои короткие встопорщенные волосы. Взгляд у парня был затравленный.

— Дастеннин прости меня, но я почти надеялся, что корабль Ден Харкейла пошел ко дну. — Он взывал к богу моря не по привычке или из лицемерия.

— Они знали, на какой риск идут. — Хэлис подобно мне была не склонна сочувствовать. — Рано или поздно за глупость приходится платить.

Райшед подошел к незаконченной карте побережья между Витранселем и Хафрейнсором.

— Где они могли бы высадиться, если рассчитывают водрузить свое собственное знамя?

Хэлис отняла карту.

— Пока мы строим догадки, эти корабли того и гляди появятся. Мы должны принять меры и быть готовы встретить любой вызов. Темар, ты называешь себя сьером. Пора тебе проводить в жизнь свои указы. И нам нужно знать, как далеко будет простираться твоя власть. — Она усмехнулась. — Именно это я и пришла обсудить в первую очередь. Ты намерен потребовать верности от моих парней, связывающих свою судьбу с колониjsкими семьями? А если потребуешь, то станешь держать их в строгости, в которой они нуждаются?

— А что стряслось? — Райшед сел на край стола, настороженно глядя на наемницу. Он знал цену дисциплине среди солдат и не раз намекал Д'Алсеннену, что пора ему создать свой отряд присягнувших на манер милиции мессира Д'Олбриота. Темар упорно избегал этой темы, заявляя, что не понимает обычаев, придуманных в смутные времена Хаоса.

Я опустилась на оставленный табурет Райшеда и, достав свой нож, начала лениво чистить ногти, пока Хэлис объясняла ситуацию с Дегом и Катрис. Д'Алсеннен собрался с мыслями и предложил возродить некоторые из древних обычаев, принятых в доме его деда. Райшед посоветовал кое-что изменить в свете большей независимости, которую предоставляют своим арендаторам нынешние тормалинские принцы. Хэлис нехотя одобрила предложенное им послабление тем крутым и скорым мерам, посредством которых она держит наемников в строю. Даже Аллин осмелилась высказать несколько нерешительных замечаний по параллельным системам влияния и власти Хадрумала.

Я никогда не интересовалась правосудием и всю жизнь предпочитала не связываться с ним. В одних городках я наказывала себе играть честно, следить за манерами и полагаться на Халкарион, оберегающую мою удачу. В других местах это означало идти на риск и самой заботиться о своем везении. А иногда приходилось надеяться на быструю лошадь, чтобы она унесла тебя от погони, когда какой-то дурак с пустым кошельком побежит жаловаться страже.

Я подрезала ногти и подумала, не интереснее ли будет пойти домой и заняться стиркой.

ГЛАВА 2

*Кадану Ленчу, декану и ментору Университета Кола,
От Оста Джилдомена, регистратора в магистрате
Релшаза*

Дорогой Кад,

Ты просил меня следить за интересными новостями, касающимися эфирной магии. Не уверен, что это интересно, но я подумал, тебе захочется узнать, как могут разгораться страсти у некоторых людей.

Твой друг Ост.

*Предостережение всем разумным людям от товарищества
рационалистов города Релшаза перед лицом нового суеверия*

Каждый ясно мыслящий человек радуется тому, что нынешнее поколение поднялось над ложью и мифами, которые так сковывали наших предков. Пагубное влияние магии на робких и запуганных наконец подавлено, и коварная попытка религии одурманить умы доверчивых разбита. Теперь мы обязаны дать отпор новым вредным небылицам, ибо нас атакует ложь, сочетающая худшие элементы магии и догмы.

Эфирная магия, называемая также Высшим Искусством, широко превозносится как ответ на любое несчастье, пости-

гающее нерадивых. Она даст хлеб ленивым, поможет тем, кто страдает из-за собственной распущенности, и одарит незаслуженным богатством недостойных. Если верить половине тех рассказов о могуществе, какое приписывается этому древнему знанию, Высшее Искусство могло бы снять даже луны с небес. Требуется лишь немного подумать, чтобы понять: все эти надежды имеют не больше ценности, чем серебро лунного света, блестящее в сточной канаве. Те несколько лиц, якобы владеющие этими мнимыми заклинаниями, пребывают далеко от наших берегов и, кроме того, принадлежат к тормалинской знати. Какие бы незначительные плоды ни принесло их знание, они неизбежно будут предназначены тем, кто рожден править. Простому народу предлагаются лишь подделки: перевранные заклинания невежественных жрецов, мечтающих вновь поймать легковверных в ловушку имитацией благочестия.

Противодействуйте утешительной глупости упорством в изучении материального мира. Напоминайте каждому другу, соблазненному ложью и пустыми обещаниями, об истинной пользе, которую дает прогресс во всех областях естествознания. Мы не должны возвращаться к тем наивным дням, когда изучение пропорций было делом мистиков, а не реалистов, когда анатомов сторонились из-за посягательства на привилегию Полдриона, а алхимики и аптекари получали одни насмешки за свои труды. Давайте смотреть вперед, на преимущества, которых мы добьемся благодаря четкой работе ума, объясняя богатство живого мира, открывая секреты болезней и смерти, составляя карты небес и цикла сезонов и отвечая на множество других вопросов.

Магия какой бы то ни было природы обещает незаслуженные блага, но давайте не забывать о слишком дорогой цене, которую в прошлом платили те, кто поддался подобным искушениям. Ни один рационально мыслящий студент-историк не может отрицать, что Хаос, охвативший Старую Империю, не имел бы такого разрушительного действия, не призови невежественные правители в своем неумном стремлении к власти и наживе беспринципные силы магов. Злобное магическое искусство несло страдание всем землям от океанского побережья Тормалина до Великого Леса за Энсеймином.

Никакое возрождение не могло начаться, пока аморальных магов не выдворили с наших берегов, не изгнали на тот остров, где урожденные маги скрываются по сей день.

Возможно, Высшее Искусство не предлагает таких катаклизмов воздуха и земли, но его коварная угроза не менее зловеща. Рассмотрите свидетельство этого Темара Д'Алсеннена, в последнее время чествуемого в Тормейле. Он говорит о заклинаниях, вплетенных в каждый аспект управления. Их фальшивое обещание побудило Старую Империю расширяться все дальше, полагаясь на хрупкие нити Высшего Искусства, связывающие все воедино. Не было никакого понимания, лежащего в основе этой магии. Атакуя врага заклинаниями вместо честной силы оружия, невежественные колдуны Д'Алсеннена срубили сук, на котором сидели. Стоило перерезать одну нить, как сеть Высшего Искусства опутала всю Империю. Посеянные семена Хаоса дали свои ростки, а огонь и вода опрометчивых магов помогли им расцвести пышным цветом. Д'Алсеннен приписывает эфирной магии свое спасение и спасение своих людей, даже не признавая, что то же самое колдовство держало их всех под землей в течение двадцати четырех поколений. Это было не спасение, но лишь трусливая отсрочка зловещего дня. Какой рациональный человек сочтет такую судьбу предпочтительнее честной смерти?

Не слушайте тех, кто уверяет вас, будто последние поколения магов имеют и мудрость и благоразумие. Оставайтесь бдительными, чтобы превратное мнение об этом архаичном Высшем Искусстве не привело вас к мысли, будто магия какой-либо природы имеет некие права на наши просвещенные времена.

САТАЙФЕР, ЗАПАДНЫЕ ПОДХОДЫ, 18-е ПОВЕСТВЫ

Острова поднялись из безбрежного океана с пугающей внезапностью. Острые хребты вытянулись цепью поперек вод. Под их сомкнутыми гребнями вызывающе горбились поросшие лесом холмы, словно крутые валы под бесконечными

голубыми небесами, неохотно отдавая окружающему морю узкую полоску пляжа. Соревнуясь с ними в скупости, море бросало на берег ничтожную полоску бурунов. Легкие волны апатично поднимали белое кружево пены, прежде чем отступить к сверкающим глубинам. Никакие рифы не угрожали кораблю, когда он, избегая меньших островков, стремился к узкому проливу между двумя изумрудными мысами.

Вереница плывущих облаков бросала свет и тень на неугомонные воды, уже блестящие от мимолетных вспышек. Так рыба играет в воде, ускользая от пытливых глаз. Лежащий впереди остров казался безмятежной зеленой мозаикой, не потревоженной ровным ветром, который быстро нес корабль к берегу. Спокойные краски деревьев-великанов с пятнами яркой зелени от нового прироста и подлеска складывались в неподвижные узоры, обрамленные темно-оливковой массой поднимающихся пиков. Ветер переменился, и влажные запахи земли на минуту победили едкую соль морского бриза, и крики морских птиц пронзили скрип и гудение снастей и парусов.

— Скорей бы сойти на берег!

— Слышу истинный крик души, Паррайл.

Мужчина, цепляющийся за перила, слабо улыбнулся.

— А, Налдет, добрый день.

— Мое почтение, господа, но уйдите с дороги. — Мимо торопливо прошел матрос, ловко ступая босыми ногами по качающейся палубе. Несмотря на холодный ветер, он был в одной рубашке и рваных штанах до колен. — Почему бы вам не спуститься вниз к остальным пассажирам? — Не дожидаясь ответа, он ловко взобрался по вантам на марс.

Паррайл с тревогой посмотрел на Налдета:

— Боюсь, это выше моих сил.

— Сюда.

Маг повел его к сложенному на палубе грузу, для надежности покрытому сетью. Он с опаской взглянул на матросов, ловко меняющих конфигурацию кремовой парусины, вздымающейся на высоких фок- и грот-мачтах «Звона».

— Все еще не привык к качке?

— Я-то привык, а мой желудок — нет. — Ученый неохотно сел, вытягивая шею, чтобы видеть даль сквозь путаницу тросов и блоков. — Надо смотреть на горизонт. Это мне один из матросов сказал.

— Я стараюсь держать корабль ровно, — небрежно заметил Налдет.

Паррайл выдавил улыбку.

— Спасибо, Мастер Маг.

— Не за что, Мастер Ученый. — Налдет сидя отвесил комичный поклон. Опершись спиной на корабельную шлюпку, закрытую брезентом, он широко зевнул, потом огляделся. Его неприметное лицо оживилось. — Это плавание показало мне, как мало я знаю о работе воды. Но ветры были попутные, поэтому я не думаю, что мы потеряли слишком много времени.

— Спасибо Дастеннину. — Напряженность Паррайла имела мало общего с преданностью богу моря. Почти одних лет с магом, ученый тем не менее выглядел намного моложе — благодаря вздернутому носу, мальчишеским чертам лица и жестким каштановым волосам, которые трепал ветер.

Налдет лениво постучал ногой по плотно уложенному дубовому настилу.

— Мастер Джид говорил, что мы должны встать на якорь и сойти на берег как раз к обеду. — Он засмеялся. — Как я понимаю, ты не завтракал?

Паррайл глубоко вздохнул.

— Нет. И я бы предпочел не говорить о еде. — Ученый рассеянно потянул шнуровку своей простой льняной рубахи, которую он носил под скромной суконной курткой.

— Прости.

Налдет посмотрел на корму, где капитан и старшие члены команды деловито совещались перед бизань-мачтой с косыми парусами. Они разошлись, ловко скользя по трапу на главную палубу, чтобы заняться порученными им делами. Капитан остался на юте. Осматривая лежащий впереди архи-

пелаг, он разговаривал с рулевым; широкие ладони последнего баюкали румпель, управляющий массивным рулем корабля. Капитан, высокий седовласый мужчина с черными бровями, привычно хмурился. Год за годом он всматривался в солнце и ветер, и с каждым годом углублялись морщины на его обветренном лице. Он носил мягкие башмаки, длинные штаны из простого голубого сукна и удобную свободную рубашу, почти такую же, как у мага и ученого. Но если Налдет оставил свой выбор на кожаной куртке, в каких ходила половина команды, капитан поддерживал достоинство своего звания безрукавкой из теплой серой шерсти, подпоясанной кожаным ремнем с красивой медной пряжкой.

— Сатайфер — название одного этого острова или всей группы? — спросил Паррайл, чтобы чем-то себя отвлечь. Он не ждал ответа.

Тем не менее Налдет ответил:

— Думаю, всей группы. Вряд ли кто-нибудь называл тут отдельные острова. Я вообще не уверен, что кто-нибудь их исследовал. — Маг не сводил любопытных карих глаз с быстро растущей громады самого большого острова. — Тот, кто этим займется, должен назвать своим именем хотя бы одну скалу. Что скажешь? Неплохая слава, да?

— Тебе этого хочется?

Маг заметно растерялся.

— Нет, я направляюсь в Келларин.

Паррайл на миг задумался.

— Мне показалось, тебя не слишком интересует колония, когда мы были там в прошлый раз.

— Я был рад оттуда сбежать. — Веселое лицо Налдета слегка помрачнело. — Я никогда раньше не видел, как убивают людей. Нет, конечно, люди умирают, и с этим ничего не поделаешь. Полдрион бросает руны, но когда убивают тех, кого ты знаешь... — Он помолчал, вновь переживая ту боль. — Прости. Ты потерял друзей, я знаю.

— Я хочу помочь Келларину в память о них.

В бесхитростных словах Паррайла не было упрека, но Налдет ответил быстро, словно оправдываясь.

— Я сделал тогда столько, сколько мог. И решил, что будет лучше вернуться в Хадрумал и поделиться тем, что мне удалось узнать. Планир и остальные маги уехали задолго до меня.

Но в мягких карих глазах Паррайла застыла давняя скорбь. Неловкость повисла между молодыми людьми, когда по всему кораблю зазвучали крики матросов, ободряющих и предупреждающих друг друга. Холмы выросли и приблизились. Маневры со снастями сопровождались ревом команд с задней палубы и хлопанием послушных парусов. Пролив между центральным островом и его небольшим соседом серебряной лентой вился между зелеными берегами. Белые птицы понеслись к «Звону» и закружили над кильватером, громко крича от тревоги и любопытства.

— Когда ты вернулся в Ванам? — спросил Налдет чуть обвиняющим тоном.

Паррайл с усилием вернулся к настоящему.

— Мы уехали в начале прошлой осени, вскоре после тебя. К Равноденствию прибыли в Зьютесселу, а к середине предзимы я уже был в Ванаме. Я поклялся никогда больше не ступать на борт корабля. — Ученый содрогнулся, и вдруг его лицо озарилось. — Но ментор Тонин меня уговорил. Как я понимаю, ты тоже едешь для консультации с барышней Гуиналь? Я слышал, Узара отправлялся на поиски эфирного знания с той женщиной с Лесной кровью, Ливак. Он действительно привез в Хадрумал одного из Горных адептов Высшего Искусства?

— Да, девушку по имени Аритейн, но я не имею к этому никакого отношения. — Налдет выглядел удивленным. — Я просто помогаю этому кораблю не сбиться с курса. А потом посмотрю, какая работа есть в Келларине. Мое родство с огнем, и я слышал, горняки Эдисгессета будут плавить руду этим летом. — Маг усмехнулся. — Но если ты хочешь ухаживать за барышней, милости просим.

— Я не собираюсь ни за кем ухаживать. — Ученый попытался скрыть досаду под маской непоколебимого достоинства. — Мне казалось, ты выполняешь приказы Верховного мага.

— Да, если я — один из трех магов, еще стоящих на ногах, когда все остальные выведены из игры эльетимскими колдунами. Там, в Хадрумале, я всего лишь мелкая рыбешка. — В небрежном ответе Налдета проскользнуло разочарование.

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

— Я подумал, что в Келларине добьюсь большего. — Природная словоохотливость мага взяла верх над осторожностью. — Неплохо, конечно, бесконечно обсуждать теории и предположения. Но гораздо приятнее, когда простые люди радуются твоей помощи, а не смотрят так, будто у тебя две головы, если ты предлагаешь им поджечь сырые дрова.

Он бы сказал больше, но крики матросов стали громче и настойчивей. Мастер Джид проревел внезапную команду, и «Звон», развернувшись на широких парусиновых крыльях, ринулся в пролив. Волнение открытого океана уступило место спокойным водам между двумя островами. Зеркально-гладкие там, где они отражали яркое солнце, и кристально-прозрачные в тени хмурого утеса, они не скрывали рифы, темнеющие под самой поверхностью.

Бросив настороженный взгляд на пробегающих мимо матросов, Налдет подтолкнул ученого к борту.

— Давай посмотрим, что там.

Следуя за изгибом берега, корабль обогнул нависающую скалу. Впереди показалась лощина. Она полого спускалась к галечной бухте, предлагавшей удобную якорную стоянку. Берег меньшего острова был разбит на мелкие мысы. За ними прятались крохотные заливы, а выше складки земли сливались с зелеными холмами.

Паррайл потянул носом.

— Мясо коптится?

— Они это сделали! — Налдет изумленно указал на корабль, вытасненный на берег. Его мачты накренились, когда отлив оставил судно без поддержки. У него был такой же длин-

ный корпус, как у «Звона», подходящий и для открытых, и для прибрежных вод, прямые паруса на фок- и грот-мачтах, невысокие надстройки на носу и корме — дань последней моде — и низкие перила, защищающие среднюю часть корабля, чтобы облегчить погрузку и выгрузку товаров, перевозимых в просторном трюме.

— Корабль Ден Харкейла? — Ученый прищурился, но на мачтах не было ни одного флага.

— Не могу сказать. — Налдет покачал головой, заметно раздосадованный. — Если им повезло, это еще не значит, что повезет всем остальным.

Паррайл искал лучший обзор.

— Может, это келларинский корабль?

— Паруса!

Оба подняли голову и увидели, что наблюдатель на марсе указывает за корму.

— Еще один корабль? — вслух удивился Налдет.

— Мастер маг, мастер ученый! — Резкий оклик капитана заставил их побежать на ют.

— Кто-нибудь из вас получал известие о других кораблях? — требовательно спросил мастер Джид, когда Налдет добрался до верха трапа.

Маг покачал головой:

— Со мной никто не связывался. .

— Из Бремилейна ничего не было? — Капитан всматривался за корму, пытаясь опознать чужака. Примерно на четверть длиннее «Звона», с такими же удлиненными очертаниями, он нес внушительный груз парусов, вооруженный для скорости и нападения. Фок- и грот-мачты несли по три прямых паруса вместо двух «Звона», и это не считая блинда под бушпритом и двух задних мачт с косыми парусами. Причудливая резьба украшала его корму и перила, а фигура на носу изображала голову акулы. Когда он приблизился, стало отчетливо видно название, дерзко намалеванное внизу: «Бешеный Пес».

— Мастер Паррайл?

— Я ничего не слышал, но Высшее Искусство не всегда надежно работает над океаном, — поспешил смягчить свой ответ ученый.

— Паруса по носу!

Оценив скорость судна, стремительно приближающегося сзади, Джид посмотрел вперед, где появился второй корабль, выйдя из укрытия за изгибом берега. Этот мог быть построен по тем же самым чертежам, что и «Бешеный Пес», но более строгий корабельный плотник довольствовался простыми перилами вокруг марсов и палубных надстроек. На носу тоже не было украшений, не считая медного шипа и названия «Морская Лисица», вырезанного под ним и выкрашенного в черный цвет.

— Зубы Даста, это ловушка! — взорвался Джид.

— Руль еле действует, мы слишком медленно идем, — прошипел рулевой, проверяя румпель огрубевшей рукой.

— Все наверх! — проревел капитан. — Маг, вызови нам ветер!

— Флаг за кормой! — Наблюдатель, вцепившись в трос, наклонился под опасным углом.

Когда «Бешеный Пес» поднял на грот-мачте яркий алый вымпел, «Морская Лисица» ответила ему таким же.

— Это не тормалинская эмблема, — засомневался Паррайл. — Кто поднимает флаги со змеей?

— Пираты, — рывкнул с ненавистью капитан. Он прищурился, определяя курс «Морской Лисицы», теперь стремившейся преградить им путь.

Налдет не отрывал взгляд от искры голубого света, которую выращивал в ладонях. Он слегка развел руки, и искра превратилась в переливающуюся сферу, пронизанную лазурным светом, настолько ярким, что стало больно глазам.

— Быстрее, маг! — Рулевой оглянулся через плечо, когда паруса «Бешеного Пса» украли тот небольшой ветерок, на который мог надеяться «Звон», запертый между островами.

Наблюдатель закричал от страха и ярости — стрелы ударили в паруса «Звона». Послышались крики матросов, ранен-

ных в руку или ногу. Один несчастный тяжело рухнул на палубу, вопя и царапая ногтями смертоносное древко, проткнувшее ему живот.

Паррайл сбил Налдета с ног. Проклятие мага так и осталось невысказанным: блестящие наконечники стрел вонзались в доски настила, на которых он только что стоял. Мастер Джид тащил рулевого под ненадежное укрытие кормовых перил. Рулевой давился собственной кровью, глубоко в его груди застряла стрела. От потрясения магия Налдета рассеялась беспорядочными слабыми порывами.

Мастер Джид встал на колено у румпеля, подпираясь другой ногой. Его рука была тверда.

— Нам нужен ветер, мастер маг.

— Ты можешь использовать воду, чтобы их остановить? — дрожащим голосом спросил Паррайл.

— Нет, это прямая антитеза. — Налдет старался успокоить трясущиеся руки, когда между ними возникло слабое сапфировое свечение. Он уже делал это раньше, напомнил себе маг. Если он хочет когда-нибудь стать равным Калиону или Отрику, то должен справляться с такими проблемами. Если останется жив...

Вторая гибельная туча стрел вылетела из снастей корабля-преследователя.

— Они ищут магический свет. — Паррайл присел у кормовых перил, чтобы помочь рулевому.

— Проклятие! — Необузданная сила вырвалась из рук Налдета. В последний момент он ухитрился швырнуть ее в грот-мачту, и «Звон» покачнулся — паруса вдруг наполнились и смело потащили судно по воде.

— Осторожно, рифы! — Моряк на фок-мачте настойчиво замахал рукой.

— Осторожно, шлюпки! — послышался крик из средней части корабля.

Матросы лихорадочно жестикулировали, указывая то вперед, то назад. Флотилия баркасов выскакивала из заливов меньшего острова, где пряталась до сигнала «Морской Лиси-

цы». Паррайл взглянул за корму и увидел вторую голодную свору, развертывающуюся веером по обе стороны «Бешеного Пса». Потные гребцы налегали на весла, каждая лодка набита пиратами, и у всех в руках мечи. На каждом носу человек угрожающе размахивал кошкой.

Мучительная гримаса исказила лицо Налдета. Маг изо всех сил боролся, чтобы подчинить себе порывистые потоки воздуха, налетающие со всех сторон. Синевато-багровые вспышки магии закружились вокруг него, и наконец ровный ветер наполнил паруса «Звона». Пираты за кормой разразились бранью — корабль стал удаляться, заколдованный ветер оказался сильнее их гребцов. Под носом «Звона» раздались тревожные крики, а через мгновение их заглушил треск раскалывающегося дерева.

Джид покачал головой:

— Остановись, или мы их протараним!

«Морская Лисица» находилась прямо по курсу, вдоль ее бортов выстроились пираты. Капитан вел судно прямо на путь «Звона», уверенный, что более тяжелый корпус «Морской Лисицы» выдержит удар.

— Что же делать? — Налдет стоял, придавленный нерешительностью.

— Помоги нам повернуть! — Джид силился направить корабль мимо пиратской кормы.

Присев под перилами, ученый пытался остановить кровотечение из раны рулевого.

— *Зистра фейдра эн ал дрет.* — Его голос дрогнул посреди заклинания. Рулевой отхаркнул сгусток алой крови и, сделав глубокий, содрогающийся вдох, свалился мешком на руки Паррайла.

Глухие удары зазвучали со всех сторон корабля. Баркасы догнали «Звон». Пираты бросали кошки с меткостью, приобретенной опытом, и вместо каждой веревки, перерезанной отчаянным матросом, еще две глубоко вонзали свои железные когти под тяжестью мужчин, лезущих снизу. Пираты уже валили через перила, их парусиновые куртки были пропита-

ны смолой, чтобы отражать удары немногих клинков, которые нашлись у матросов. Оказавшись на палубе, каждый пират выхватывал пару коротких мечей или кинжалов. Медные кастеты в их руках ждали того момента, когда теснота помещений не позволит ударить клинком.

— *Зистра фейдра эн...* — снова начал ученый, но поперхнулся, увидев кошку, которая взмыла высоко над перилами и ударила матроса, стоявшего у трапа на ют. Матрос пронзительно закричал, острые как бритва зубья пропоролы ему лицо и грудь.

Инстинкт привел ярко горящий огонь в протянутую ладонь Налдета. Маг бросил его прямо в лицо головорезу, который первым ступил на палубу и оказался возле кричащего матроса. Малиновое от магии пламя с ревом горна обернулось вокруг пирата. Волосы ярко вспыхнули и тотчас сгорели, кожа головы почернела и растрескалась, лицо было искажено от боли. На какое-то мгновение показалась кровоточащая плоть, а уже через миг всепоглощающий огонь оборвал безмолвный крик пирата. Он упал, обугленная голова смотрела пустыми глазницами, опаленные руки покрылись волдырями, только ноги в сапогах остались нетронутыми. Искры ухватились за смолу в его тлеющей куртке, и магический огонь жадно побежал по палубе, оставляя за собой выжженный след. Прыгнув к кошке, он расплавил ее в бесформенный комок и, поглощая веревку, отправился вниз, на поиски свежих жертв, сидящих в баркасе. Их крики были слышны даже в оглушительном шуме свирепой схватки на борту.

— Маг, там! — Мастер Джид махнул рукой на новые паруса.

Гафельный шлюп, ловкий и маневренный, устремлялся в бухту. Длинной едва в две трети «Звона», с единственной мачтой, несущей прямой и гафельный паруса, и с кливерами над бушпритом, уже убранными, чтобы повернуть судно. Дерзкий красный вымпел развевался на его мачте, черная змея корчилась вдоль него.

Налдет в исступлении схватился за взвихренный воздух, но град камней из роготок ударил со всех сторон, нанося ему

жестокие ушибы. Маг в отчаянии соткал хрупкий щит, но было уже поздно. Мастер Джид упал с кровоточащей раной на голове. Без его направляющей руки «Звону» оставалось лишь безвольно дрейфовать.

Паррайла рвало, но он на четвереньках полз к капитану. Слезы лились по лицу ученого, однако он, скрежеща зубами, размеренно твердил заклинание.

Налдет безумным взглядом смотрел на шканцы, где команда сражалась с пиратами, которые словно саранча лезли на палубу. Боцман Джид упал, сраженный рубящим клинком. Рядом с ним корабельный плотник пытался защититься нагелем, одновременно протягивая руку упавшему товарищу. Пират отрубил ее и замахнулся для смертельного удара, но боцман на последнем вздохе пнул его. Пират пошатнулся, и однорукий моряк превратил его лицо в кровавую кашу твердым дубовым стержнем, но другой головорез сразил его, шагая прямо по телам поделщика и его жертвы.

— *Нис тал элд ар фен.* — Паррайл вытер желчь с подбородка. Он стоял на коленях рядом с мастером Джидом, но его глаза были устремлены на убийцу-пирата. Головорез закричал и прижал руки к лицу, забыв про мечи, он вертелся волчком и потирал глаза.

— Сейчас он у меня получит! — возликовал Налдет. Он выдернул копьё молнии из клубящихся над головой серых и белых туч и спалил пирата, но голубое эхо магии, вспыхнувшее вокруг Налдета, привлекло несколько стрел. Хуже того, пираты внизу как по команде шагнули к корме.

Паррайл схватил мага за тунику. Потом глубоко вдохнул и четко произнес заклинание. Налдет застыл от страха, но вот пираты, уже готовые его убить, остановились в растерянности, как свора гончих, потерявших след. Повернутые к корме, они, казалось, смотрят сквозь него.

Ужасом наполнились глаза Паррайла.

— Что теперь?

— Держись. — Осененный вдохновением, Налдет протянул ему дрожащую руку.

Паррайл ухватился за нее, как тонущий за соломинку.

— Но мастер Джид...

Поздно. Лазурная спираль силы привязала его руки к бортам, ноги оставили палубу за мгновение до того, как магия ввергла его в темноту. Паррайл застонал: его многострадальный желудок пытался вновь опустошиться. Затем он увидел тусклый свет и понял, что они с Налдетом оказались под палубой. Панические голоса загалдели в широком трюме, там переживали долгие дни плавания среди своих коек и сундуков с дорогими пожитками те, кто надеялся на жизнь в Келларине.

— Что происходит? — крикнул мужской голос.

— Пираты! — страдальчески ответил Налдет. — Они убивают всех!

Страх, вызванный этим известием, угрожал превратиться в настоящую истерию, но все умолкло через несколько минут, когда в дальнем конце трюма открылся люк, выставив напоказ белые, испуганные лица внизу.

— Выходите! — Смуглый гидестанец поманил окровавленной перчаткой.

Несчастный юноша у самого трапа дико огляделся, ища совета, но все, кто стоял рядом, опустили глаза.

— Выходите, все! — с угрозой потребовал гидестанец.

Парень медленно взобрался по трапу и завизжал, когда его голова показалась над палубой и чьи-то руки неожиданно вытащили его из люка.

— И остальные! — Казалось терпение гидестанца подходит к концу.

Еще кого-то подтолкнули к трапу, за ним потянулись остальные. Волна тел принесла Налдета и Паррайла ближе к снопам безжалостного солнечного света. Со всех сторон их окружали шепот страха и неровное дыхание горя.

— Мы не творим никакой магии или заклинаний. — Ученый больно впился пальцами в руку Налдета, едва маг открыл рот. — Мы должны прожить достаточно долго, чтобы послать весть в Хадрумал или куда-то еще, куда угодно.

Давка привела обоих к трапу, и у них не осталось выбора, кроме как лезть вверх — Паррайл первый, Налдет следом за ним. Когда они выбрались на палубу, грубые руки толкнули их к неподвижной толпе, сгрудившейся вокруг грот-мачты. Люди в домотканой одежде, с простыми лицами ремесленников и фермеров жались друг к другу, наблюдая, как пираты небрежно швыряют за борт тела убитых. Паррайл узнал парусных дел мастера, рулевого и фермера из Далазора, чье имя он позабыл.

Несколько человек смотрели широко открытыми глазами на бак, где голый по пояс пират связывал оставшихся матросов. Хотя некоторые вырывались из рук бандитов, большинство повиновалось с угрюмой покорностью, но один ухитрился освободиться. Бешено накидываясь на пиратов, он сбил с ног одного и пнул в пах другого, крича какое-то непонятное ругательство. Оно умерло на губах матроса, когда полуголый пират ударил его по затылку железным ломом. Подняв труп за пропитанные кровью жесткие волосы, он показал его как предупреждение и матросам, и пассажирам.

— Так будет с теми, кто причиняет беспокойство!

Налдета затошнило при виде проломленной головы, где белая кость блестела среди волос вокруг кроваво-серой массы. Маг с трудом глотнул, и его ужас неожиданно отступил перед лицом отчаянного спокойствия: Налдет заставил себя оценить создавшееся положение. По крайней мере они с Паррайлом одеты почти так же, как остальные пассажиры. Первый раз в своей сознательной жизни он выдохнул благодарность Сэдрину. Кричащие мантии и цвета стихий, модные в Хадрумале, сразу выдали бы в нем мага.

Связав несопротивляющихся матросов, пираты занялись пленниками. Они срезали ножи и кошельки с поясов, срывали драгоценности с шей и запястий и сваливали добычу в прозаичную плетеную корзину, с которой какая-то хозяйка отправлялась на рынок.

— Твои кольца. — Бандит указал окровавленным ножом на пальцы фермера в золотых кольцах, и на его тощей физио-

номии появилась злобная усмешка. — Снимай, или я их отрежу.

Налдет не стал сопротивляться, когда грубые руки обыскивали его куртку и карманы бриджей, срывали кошелек со шнурка, который маг носил под рубахой. Затем пират с крысиной рожей потянулся к руке Паррайла.

— Кольцо! — приказал он.

Убитое выражение на лице Паррайла мало отличалось от окружающих лиц, но Налдет увидел дополнительную боль в глазах ученого, когда тот отдавал серебряную эмблему Ванама — с трудом заработанный символ долгих лет учебы и самоотречения.

Погруженный в тяжкие раздумья, маг не сразу понял, почему все замолчали. Пираты вытянулись в струнку, повернувшись к дальним перилам. Налдет увидел одинокую мачту шлюпа, который ему не удалось поразить магией. Вымпел со змеей лениво колыхался взад-вперед, насмехаясь над проигравшими.

Самый высокий мужчина из всех, кого Налдет когда-либо видел, перелез через борт с ловкостью, поразительной для такого верзилы. Пираты громко закричали, затопали ногами и загремели оружием в буйном ликовании. Высокий галантно махнул рукой, отвечая тем, кто стоял на баке, и маг заметил, что у него не хватает мизинца на правой руке. Его черные вьющиеся волосы упали бы ниже плеч, если б не были стянуты в безжалостную косичку. Его широкие плечи выдержали бы любой груз, но он был одет как дворянин, которому никогда не приходилось пачкать руки.

Он повернулся к своим головорезам, чтобы выразить им одобрение, и Налдет увидел на лице пирата довольную улыбку, углубившую морщины вокруг глаз. Это был мужчина в расцвете сил, его зубы белели на фоне аккуратно подстриженной бороды, чуть тронутой сединой.

— Хорошая работа, парни! А теперь немного помолчим.

Его зычный голос прекрасно соответствовал бочкообразной груди. Не жалея начищенных сапог, верзила пнул в сто-

рону чей-то окровавленный труп и подошел к замершим в ужасе колонистам.

— Добрый вам день. — Он низко поклонился с показной вежливостью. — Я Мьюрдарч, и я — их вождь... — Его улыбка казалась роковой. — Мы пираты. Вы пленники, хотя у вас будет выбор насчет этого. Мы заберем все, что найдем на этом корабле. Тут у вас выбора нет. — Он ухмыльнулся в ответ на придушенный писк протеста. — Но мы разделим все по справедливости, потому что так принято в моем флоте. Если вы хотите получить долю, все, что вам нужно сделать, это присягнуть мне на верность и делать то, что я велю. Проявите талант к нашей жизни, и вы увидите, что он будет признан. Происхождение здесь не играет роли. Имеют значение только способности.

Он небрежно провел рукой по своей синей бархатной тунике, вышитой и подпоясанной серебром. Ветерок ерошил батистовые рукава его рубахи.

— Я не обещаю вам долгую жизнь, но клянусь всем святым, она будет веселой. Мы развлекаемся так же охотно, как грабим, — беззаботно продолжал Мьюрдарч. — Вино, женщины, хорошая еда... Если вы больны, мы обеспечим вас лечением и комфортом. Если вы получите увечье в бою, мы вас не бросим, всегда есть работа, которая не требует меча. Когда вы принесете мне достаточно трофеев, чтобы выкупить свою жизнь, вы будете вольны уйти с тем, что успели скопить. Но большинство останется, чтобы еще больше разбогатеть.

Пираты, ловившие каждое его слово, засмеялись, но Налдет услышал искреннее веселье, а не лесть, которую он ожидал, и это еще больше его встревожило.

— Вы, дамы, можете работать на нас, как хотите. — Мьюрдарч обратил серьезное лицо к матери, обнимающей дочь, которая только-только начала расцветать. — Ни один мужчина не возьмет вас против вашей воли, или будет за это оскоплен. Поделитесь своей благосклонностью, и вам заплатят за любезность, или зарабатывайте свое содержание шитьем, стиркой, стряпней, уходом за больными. — Он пожал плечами. —

Или дайте клятву вместе с мужчинами, ходите вместе с ними в наряды и зарабатывайте равную долю. Где Оталин?

Один головорез из пропитанной кровью четверки на баке шагнул вперед, и пираты одобрительно взревели.

— Мы не удерживаем женщин у очагов и прялок, если это им не по душе.

Крикнув что-то насмешливое связанным матросам, Оталин разорвал куртку и рубаху и обнажил груди, доказывая свою принадлежность к женскому полу. Пожалуй, за всю свою жизнь Налдет не видел ничего менее эротичного.

Мьюрдарч хлопнул в ладоши, и тут же воцарилась тишина.

— Каждый, кто подвергнет опасности мой флот, расстанется с жизнью. Каждый, кто начнет драку на корабле, будет повешен, — сказал он с затаенной угрозой. — Вы можете сводить счеты на берегу, ни к кому при этом не апеллируя. Если вы сможете жить по нашим законам, вы получите столько золота, сколько вам и не снилось. Если не сможете, будете отрабатывать свою жизнь, но я предупреждаю вас — это долгий путь к свободе. Самый быстрый выход — не работать, тогда вы не будете есть и скоро умрете. Если таков ваш выбор, быть посему. У вас есть время до завтрашнего утра, чтобы все обдумать, а затем я захочу услышать решение от каждого из вас.

Мьюрдарч повернулся и кивнул пиратам на юте.

— Ведите его сюда.

Маг услышал резкий вздох Паррайла, когда мастера Джидда столкнули с трапа на палубу. Капитан грузно упал, в его спутанных седых волосах темнела кровь. Легко спрыгнув к нему, пиратка Оталин рывком поставила его на ноги. Моряк был бледен, под глазами темнели синяки, он нетвердо стоял со связанными за спиной руками, но зубы его были сжаты.

— Добрый день, капитан. — Мьюрдарч наклонил голову, обращаясь к нему как равный к равному. — Думаю, тебе ясно, что ты теперь в моем флоте? — Он не ждал ответа. — Капитан

должен всегда оставаться со своим кораблем, верно? Я делаю все возможное, чтобы так и было. Поэтому у тебя есть выбор.

— Стать пиратом и грабить честных людей? — прорычал Джид с презрением. — Никогда.

— Я сказал, у вас есть время до завтра, чтобы принять решение. — Мьюрдарч опять улыбнулся той роковой улыбкой. — Нет, я хочу спросить тебя о другом. Кто маг?

Джид смотрел на главаря пиратов. Лицо капитана было бесстрастным.

— Кто маг? — повторил Мьюрдарч мягко и ядовито. — Выдай его. Он не принес тебе большой пользы, верно?

Сердце Налдета застучало так громко, что оглушило его. Дыхание застряло в горле, и от страха подвело живот.

Джид молчал, уставясь на пиратского вождя. Он боится отвести глаза, чтобы не взглянуть на него ненароком, понял Налдет. Оцепенев от шока, маг хотел одного — отвернуться от этого жуткого зрелища, но не посмел, чтобы не встретить чей-то обвиняющий взгляд, не увидеть чей-то указующий перст, который отдаст его этому зверю. Мысли таяли в отчаянии и ужасе.

Мьюрдарч внимательно изучал Джиду.

— Нет, ты его не сдашь, верно? Тебе нужны уговоры. Но я человек слова. Я позволю тебе остаться с твоим кораблем.

Пираты засмеялись, и Налдет увидел на их лицах свирепое ожидание. Оталин толкнула Джиду к грот-мачте, и пассажиры рассеялись в тревоге. Мьюрдарч небрежно вытащил один из кинжалов, висевших в ножнах на его серебряном поясе, и полуголый пират спрыгнул с бака. Он нес молоток и острые железные гвозди длиной в полруки. Мьюрдарч разрезал пути на руках Джиду, но два головореза уже ждали, чтобы схватить капитана. Главарь шагнул в сторону, и его молодчики поставили Джиду спиной к мачте; затем, вывернув ему руки, с двух сторон прижали его кисти к дереву.

По кивку Мьюрдарча полуголый пират вогнал гвоздь в ладонь капитана, прибывая ее к мачте. Джид вскрикнул от боли.

— Даст прокляни твое семя!

Мьюрдарча это не тронуло.

— Покажи мне мага.

Капитан покачал головой, так сильно кусая губу, что кровь побежала по подбородку.

Мьюрдарч кивнул, и второй гвоздь вбили до упора. К крику Джиды присоединились рыдания со всех сторон.

— Покажи мне мага.

Но капитан молчал.

Несмотря на страдальческий шепот со всех сторон, Налдет не издал ни звука. Он просто не мог этого сделать.

Пиратский главарь с сожалением покачал головой, когда подбородок Джиды упал на грудь. Сильными пальцами он схватил моряка за волосы и рывком поднял его голову.

— До завтра. — Повернувшись спиной к Джиду, он неторопливо пошел к борту. — Давайте их на берег. — Он перемахнул через перила на свой гафельный шлюп.

Как только Мьюрдарч оставил палубу, пираты замахали нагелями, подталкивая людей плоской стороной мечей, — так они сгоняли запуганных пассажиров в одну кучу. Паррайл схватил потрясенного мага за локоть и потащил за собой. Пожилой мужчина с испачканными руками красильщика затравленно взглянул на них из-под опущенных бровей. Сам обмирая от страха, ученый с трудом глотнул. Во рту стояла мерзкая горечь, а горло саднило от изжоги. Эти люди не выдадут их палачам, верно? Ведь магия может оказаться их единственным спасением. Паррайл опустил глаза, сосредоточиваясь на том, чтобы двигаться вместе с толпой и заставлять идти Налдета. Его охватил ужас — вдруг кто-то из них двоих сделает нечто такое, что привлечет нежелательное внимание.

Пираты отсчитывали своих пленников по головам, как овец, отправляя их в ждущие баркасы. Рябой бандит, который командовал высадкой, не терпел задержек. Женщина с дочерью уперлась у веревочных лестниц, сброшенных с корабля, и по его кивку два дюжих пирата перекинули ее через борт. Женщина захныкала, повиснув в воздухе.

Стоявший внизу пират хохотал, пока падающая туфля не угодила ему в лицо.

— Осторожно, ты, корова!

Схватив за нижние юбки, он дернул женщину вниз. Послышался треск ткани. Если бы пират в лодке не схватил бедняжку за руку, она б упала в темную воду. Но женщина была слишком испугана. Она не понимала, что ее спасают, и вырывалась с истошным криком.

Мужчина засмеялся, но без ехидства.

— Леди, ваша ступка мне без надобности.

— Еще бы, при таком-то выборе. — Его напарник, потирая ушибленное лицо, смотрел вверх на ноги дочери, беспомощно висевшие над ним. Он схватил ее за икры, и пираты наверху отпустили девушку. Мерзавец скользнул шершавой рукой по чулкам, под юбки, а другой рукой поймал ее за талию.

Девушка дернулась в его объятиях и в панике плюнула ему прямо в лицо.

— Как ты смеешь!

— Прошу прощения, сударыня моя. — Похотливо улыбаясь, он с нарочитой осторожностью убрал руки. — Найди меня, если передумашь.

Паррайла и Налдета толкнули к перилам. Ученый больно пнул мага по лодыжке, и эта боль ненадолго прогнала шок из остекленевших глаз Налдета. Паррайл кивнул на веревочный трап. К его облегчению, маг ухитрился кое-как слезть в баркас. Ученый дрожащими руками схватился за веревки. Ногти впивались в просмоленную пеньку, когда Паррайл торопливо спускался, боясь упасть, но еще больше страшась последствий, если он упадет.

— Остальные ваши! — Пират, на небритой щеке которого все еще блесст слюва, махнул кораблю и повернулся к своим гребцам. — Все за весла!

Пассажиры съежились на центральных банках, мать рыдала на груди дочери. Налдет невидящими глазами смотрел

вперед, но Паррайл изогнулся, чтобы посмотреть, куда их везут.

Он увидел грубый бревенчатый частокол, стоящий недалеко от берега. Кору с бревен не обдирали, а на их заостренных концах еще белели свежие следы топора. На общипанной траве между каменистым пляжем и густыми зарослями, покрывающими склоны холма, раскинулись грубые укрытия, навесы и шатры. Возвращавшиеся пираты подбрасывали дрова в костры, над пламенем закачались чайники и котелки. Те несколько головорезов, которые прятались на берегу, вышли из кустов и частокола. Их радостные крики далеко разносились над гладкими водами бухты. Солнце было теплым, ветерок мягким, и острова выглядели зелеными и гостеприимными. Паррайл почувствовал себя совершенно несчастным.

Под днищем захрустела галька, и баркас замер на отмели.

— Выходите да поживее!

Когда они полезли через борта, оступаясь в воде глубиной по колено, Паррайл быстро огляделся, ища какой-нибудь путь к спасению. Он был не одинок в своих чаяниях.

— Бежать некуда, уж простите, — презрительно обронил пират. Он не смотрел на ученого, но Паррайл все равно покраснел, униженный издевательским смехом нескольких скотов, ждущих у кромки воды.

— Сегодня вы ночуете в частоколе. — Коренастый мужик с бритой головой и заплетенной каштановой бородой подошел к пленникам. Он не был одет для аборджа, но его бриджи и куртка из буйволовой кожи отличались покроем и качеством, которые Паррайл скорее ожидал бы встретить на улицах Ванама. — Дайте утром клятву, что вы присоединитесь к нам, и у вас появится собственный угол. — Он широким жестом обвел ветхий лагерь.

Когда все смирно направились к частоколу, Паррайл толкнул Налдета в середину группы. Ученый надеялся, что мрачное отчаяние на лице мага будет принято за поражение, тяжело придавившее всех остальных. Пираты же, казалось, стремились разогнать уныние.

— Мьюрдарч — великий вождь, — сообщил загорелый мускулистый юноша в рубаше, расшнурованной до пояса. — Вам стоит подумать о его предложении. Для таких, как мы, нет лучшего шанса разбогатеть по эту сторону двери Сэдрина.

— У нас хорошая жизнь, — согласился его товарищ, хлопая по дорогой перевязи с позолоченными и эмалевыми украшениями. В другой руке он держал бутылку вина и весело шурился на яркое солнце, которое насмехалось над страданиями пленников.

Паррайл спросил себя, откуда взялось вино и кто за него умер. Пленники дошли до частокола, и их бесцеремонно втокнули в грубые ворота. Загремел деревянный засов, и на глаза ученого невольно навернулись слезы. Сердито поморгав, он схватил Налдета за руку. Маг стоял, оцепенелый, и Паррайл встряхнул его, прежде чем подтолкнуть в тень узкой деревянной площадки, идущей вдоль всего частокола. Она давала их символическим стражникам хороший обзор и самого частокола, и бухты с лагерьем.

— Мы должны послать сообщение, — прошипел ученый и тут же испугался, не услышал ли кто его настойчивый шепот.

Налдет беззвучно разевал рот, вперив в него непонимающий взгляд.

Паррайл начал злиться. Его страх и тошнота отступали под первыми вспышками гнева.

— Мы единственные, кто может вызвать помощь.

Налдет содрогнулся и трясущейся рукой потер рот.

— Откуда? — выдавил он.

Ученый облизал сухие губы.

— Из Хадрумала?

Однажды великие маги уже защитили ментора Тонина и его учеников. Могучая магия, сотворенная Планиром, Отриком и Калионом, заставила врагов Келларина униженно просить пощады. Все это казалось таким далеким и немудреным по сравнению с их нынешним затруднительным положением.

Лицо Налдета слегка оживилось.

— Мне нужно наколдовать пламя, чтобы с кем-нибудь связаться. — Маг огляделся. — И нужно что-то блестящее, что-то металлическое.

Паррайл тоже посмотрел по сторонам.

— Они не оставили никому даже шпильки для волос.

— И никакого огня. — Налдет задрожал. — Ночь будет холодной.

— Любое пламя выдаст тебя, как мага. — Ученый пожалел о своих словах, увидев, что удушающий страх вновь угрожает хрупкому спокойствию Налдета. — Думай, парень! Что нам делать?

Маг исторг глубокий нервный вздох.

— А ты не можешь использовать Высшее Искусство?

Паррайл обнял ноющий живот.

— Я могу попробовать, но что, если нас кто-то услышит? — Он оглянулся на других пленников, но все были погружены в собственное страдание. Одни цеплялись друг за друга, другие сидели, потерянные и одинокие.

— Думаешь, они нас сдадут? — глухо спросил Налдет.

— Мастер Джид не сдал, — дрогнувшим голосом молвил ученый.

— Он еще не мертв... и мы с тобой тоже. — Маг сжал плечо Паррайла в неуклюжей попытке утешения. — Я кое-что придумал. Я могу соткать воздух, чтобы скрыть твои заклипания, верно?

Ученый выдавил тусклую улыбку.

— Давай посмотрим, с кем я сумею связаться.

Он пошел к грубо вытесанной стойке, поддерживающей сторожевую площадку, и, прячась за ней, сел лицом к глухой стене частокола. Налдет плюхнулся рядом на вытоптанную траву. Он согнул колени, положил на них локти и, повесив голову, сделал вид, будто дремлет. Только Паррайл мог видеть, как напряжено тело мага, которому требовалась полная концентрация, чтобы ни одна искра магического света не выдала чар.

— Когда...

Тишина, поглотившая его несмелый вопрос, подсказала ученому, что он может начать свое заклинание. Паррайл заставил себя дышать медленно и ровно, сосредоточиваясь на воспоминании о Ванамском университете и изгоняя трагическую реальность. Он представил аудиторию, где ученые делятся своими теориями, проводя лекции и демонстрации, пыльную библиотеку, где труды давно умерших соперников стоят плечом к плечу в плотных рядах книг. Со страстным желанием, от которого заныло сердце, Паррайл сфокусировал свои мысли на тесном доме ментора Тонина. В этих стенах его наставник, увлеченный поисками утраченного знания древних, заражал своим энтузиазмом студентов, добросовестно обучая даже тех, кого он взял только ради толстых кошельков их отцов. Их золото хранило крышу над головами других, более бедных, но старательных, таких как Паррайл.

Ученый произнес заклинание, которое должно было нести его слова к Тонину, но не почувствовал ничего. Образ в его мысленном зоре остался неподвижным и безжизненным, как расписная панель. Паррайл попытался снова, но возбуждение, знакомое ему по прошлым творениям Высшего Искусства, так и не пришло. Где же та вибрирующая связь, дивное чувство прикосновения эфира, который соединяет все живое, где мысль, говорящая с мыслью, свободная от оков расстояний или различий? Ванам был так же недосягаем, как солнце, безмятежно парящее в зените.

Он делает что-то не так? Но Паррайл творил это Высшее Искусство с ментором Тонином еще до того, как помог своему наставнику разбудить спящих Келларина. Он творил его намного эффективнее после того, как барышня Гуиналь объяснила видимые противоречия в их знаниях, распутывая противоположные заклинания, которые сводили на нет их усилия. Безнадежная тоска охватила Паррайла. Он так хотел поделиться своими зимними открытиями с Гуиналь. Особенно теми, вплетенными в любовные песни, которые он мог бы ей спеть.

Возможно, ему стоит попробовать ту, более старую, более простую форму Высшего Искусства? Паррайл закрыл глаза, чтобы лучше слышать безмолвную мелодию, звучащую в его голове. Что за песню пел Тримон, когда заблудился, скитаясь в глубине Леса, и просил Лунную Деву зажечь звезды, чтобы указать ему путь домой? Сработает ли она, спетая неслышно в стихийной тишине, окружающей его со всех сторон? Сможет ли Паррайл удержать мотив? Он никогда не был хорошим певцом, но другого выхода нет. Охваченный решимостью, ученый всем своим существом сосредоточился на древней балладе.

Злобная тьма сплела тени над головою
И расставляет силоч тайный со всех сторон,
Чтобы Тримона связать исподтишка, без боя...
Но слышен сигнал Любви: «Поберегись,
Тримон!»

Арфу берет Тримон, струны перебирает,
Песней встречая день; негою дышит грудь.
Бродит в деревьях сок, солнце весны играет,
Чтоб у Тримона был весел и светел путь.

*Дриат ал ар торал, фриа мен дел ард эндал Кариол ваз ар
джерд, ни мел аз мистар фал.*

Заклинание скрыто в этом джалквезане, не так ли? Непонятные припевы Лесных песен творят свое давно забытое Высшее Искусство. Паррайл запел в молчаливой решимости, вплетая дорогие ему воспоминания о Гуиналь в каждую нотку отчаяния путешествующего бога и его страсти к далекой Халкарион, богине девичества и тайны. Ритм песни запульсировал в крови ученого, согревая его с головы до ног в ликовании, граничившем с экстазом. Паррайл задохнулся, и восторг исчез.

— Ну? — Налдет сбросил чары, глядя на него с напряженным вниманием.

Ученого била дрожь. Прошло не меньше минуты, прежде чем он смог говорить.

— Я не знаю, — признался он слабым голосом.

На них упала тень. Оба виновато подняли головы и с облегчением узнали фермера, который рассеянно сплетал пальцы, оставшиеся без колец.

— Так что вы, парни, скажете, когда они придут за нами утром?

ВИТРАНСЕЛЬ, КЕЛЛАРИН, 18-е ПОСТВЕСНЫ

— Мессир Д'Олбриот не любит открытые собрания, верно?

Я оглядела быстро наполняющийся зал. Дверь едва успевала закрываться, одного за другим впуская любопытных. Я должна была признать, что новая приемная Темара выглядит впечатляюще. Последние несколько дней Райшед только тем и занимался, что уговаривал людей помочь, и они с энтузиазмом взялись за дело. Деревянные панели, к которым я прислонялась, еще нуждались в краске или лаке, но больше не придется втискивать посетителей между козлами и досками торгового зала.

— Ни один съер в наше время их не любит. — Райшед считал головы. — Это старый обычай. Так вел свои дела дед Темара. И у этого обычая есть свои преимущества. Каладрийский Парламент, например, открыт для всех, и половина лескарских герцогов проводят свои собрания на открытом воздухе. — Присягнув Д'Олбриоту, Райшед изъездил весь Тормалин и половину тех стран в придачу. — Сделки за закрытыми дверями порождают слухи о нечестности, которые плодятся как кролики. — Он почесал шрам на руке, след таких слухов. Прошлым летом в Тормейле его и Д'Алсеннена из-за них чуть не убили.

— Надеюсь, Темар не даст превратить этот прием в состязание по крику? Что, если все попытаются говорить одновременно?

Я посмотрела на помост. Съер Д'Алсеннен сидел в кресле с высокой спинкой. Подлокотники украшала резьба в виде

листьев каменного дуба с зубчатыми краями. Темар был в куртке по келларинской моде, а не в одном из кричащих сюртуков Тормейла, которые валялись у него где-то в сундуке. Куртка выглядела изумительно. Должно быть, Бридил полночи шурилась у свечи, чтобы вышить зеленые листья на сером шелке.

Гуиналь сидела рядом с ним в более простом кресле, обитом яркой красно-коричневой кожей. На этом фоне прекрасно смотрелось ее дымчато-голубое платье. Его покрой не был ни древним, ни современным. Его шили с тем расчетом, чтобы как можно лучше подчеркнуть фигуру и потратить как можно меньше дорогого дамаста. Скромное кружево прикрывало глубокий вырез, небольшие бриллианты сверкали под блестящим водопадом ее распущенных волос. Барышня беседовала с Темаром. Насколько я могла вспомнить, это был их первый разговор после Равноденствия.

— Что, если Гуиналь примет противоположную точку зрения? — спросила я Райшеда.

— Они оставят споры на потом, поскольку оба выросли в знатных Домах и понимают, как важно соблюдать приличия. — Мы заняли два табурета из тех, что стояли вдоль стен, и Райшед вытянул перед собой длинные ноги. — Они знают, что Келларин держится на доброй воле. Никто из них не рискнет подрывать ее публичной перебранкой.

Интересно, понимает ли Темар, сколько той доброй воли зависит от талантов Райшеда? Как человеку Д'Олбриота, ему часто приходилось объединять самых разных людей, с помощью шутки и смеха добиваться выполнения поставленной задачи, укрепляя свой авторитет сталью в голосе, а если нужно — и сталью в руке. Он делал то же самое для Д'Алсеннена, с тех пор как мы сюда приехали.

Мой возлюбленный с легкой улыбкой наблюдал за Гуиналь.

— Она сказала тебе, что при дворах Старой Империи каждого, кто начинал горячиться, укрощали Высшим Искусством?

Сказала, и меня эта идея совершенно не обрадовала. Я обзирала толпу. Среди просто любознательных лиц мелькало несколько решительных.

— Кто идет первым?

— Кто первым пришел, того первым слушают. — Райшед нетерпеливо посмотрел на Д'Алсеннена. — Я сказал Темару, что лучше бы люди сообщали ему о своем деле до начала собрания. Тогда он стал бы слушать их, учитывая степень важности.

— Ты не берешь это на себя? — Я надеялась, что мой тон не оставил сомнений, какого ответа я жду.

— Я не клерк, — решительно заявил мой возлюбленный. — Пора молодому Олбарну исполнять обязанности ранга, которым он так кичится.

Не успел Райшед договорить, как на помосте, выйдя из задней двери, появился Олбарн Ден Домезин. Этот отпрыск древнего тормалинского рода, несомненно, приветствовал указ императора, что несколько оставшихся дворян Келларина отныне должны считаться младшими ветвями, привитыми на дереве Д'Алсеннена. Возможно, кому-то следовало сказать Олбарну, что Тадриол просто обошел путаницу законов, угрожающих связать Темара по рукам и ногам, когда обиженные и расчетливые сьеры предъявили древние права и фальшивые претензии в судах Тормейла.

Олбарн уселся за стол, поставленный сбоку от кресел. Там его ждал открытый незапятнанный гроссбух, набор перьев и чернила. Для человека, жаждущего, чтобы его признали как назначенного преемника Темара, он был не слишком полон энтузиазма.

— Бедный парень, сам марает бумагу вместо того, чтобы командовать писцами, — заметила я с издевкой. — Ничего, хочешь пожать плоды, сперва посеи.

— Я не видел, чтобы ты много сеяла. — Райшед бросил на меня недоуменный взгляд. — Но сегодня утром я споткнулся о Фраса, который возился в нашем огороде. С чего бы это?

— Он так же ловок с рунами, как с той мотыгой. — Я беззаботно вытянула руки. — Но работу он сделает. — И я выстирала постельное белье, поэтому чувствовала себя впрямую немного развлечься.

Протолкавшись через толпу, Хэлис подошла к нам и подвинула табурет.

— Ну, и долго мы собираемся бездельничать?

— Ждем их кивка. — Вверху на помосте Гуиналь что-то доказывала Темару, сопровождая свои слова резкими жестами. — Что она думает об этой идее?

— Разумный обычай, который давно пора использовать. — Хэлис усмехнулась. — Если мы убедим барышню прогнать всех, кто станет досаждать ей вне этих заседаний, возможно, она научится хоть как-то расслабляться.

Райшед положил мне руку на бедро, требуя промолчать.

— Вон идет старый баран, чтобы сломать лед.

Седовласый мужчина вышел вперед, вежливо кланяясь Олбарну, прежде чем встать перед Темаром и Гуиналь. Толпа притихла.

— Мое почтение, мессир, барышня.

— Мастер Дрэг. — Д'Алсеннен наклонил голову, а Гуиналь любезно улыбнулась мужчине.

Он кашлянул.

— Я насчет этих земельных даров. Я хотел узнать, нельзя ли немного разбить наши участки. Там, дома, мы получали землю в разных местах, тут луг, там пашня, поэтому никому не доставались все камни или болото.

Темар кивнул:

— Но здесь достаточно земли, чтобы всем дать хорошую почву.

— А как насчет града или бури? — возразил Дрэг с уверенностью тертого калача. — Будь благословенна Ларазион, погода здесь довольно мягкая, но если все посевы одного человека находятся на одном поле, то любое несчастье может сгубить весь его урожай.

Толпа поддержала его согласным шепотом, но я увидела несколько воинственных лиц, твердо решивших поспорить с выступающим. Фермерам, прибывшим из Тормалина, хочется точно знать, где проходят их границы, и иметь полное право их укрепить.

Д'Алсеннен наклонился, чтобы посоветоваться с барышней, прежде чем ответить мастеру Дрегу.

— Твое беспокойство обоснованно, и я думаю, многие его разделяют. Но в равной степени многие предпочитают иметь землю в одном огороженном месте. Мы предлагаем всем, кто желает обменяться частью своих владений с другими, собраться завтра в торговом зале. Мы можем зарегистрировать обмены в официальной грамоте...

Крик Гуиналь раздался как гром с ясного неба. Она вскочила и, схватившись за виски, затрясла головой, будто лошадь, подвергшаяся атаке шершней. Ее волосы растрепались, но барышня ничего не замечала. Теряя сознание, она упала прямо к ногам Темара, который едва успел подхватить ее. Глухой стук от ее удара о полый помост эхом прокатился в тишине, рожденной всеобщим потрясением.

Райшед, со своими длинными ногами, игнорировал лестницу, а я одолела ее в два прыжка. Хэлис не отставала от нас ни на шаг.

— Она дышит? — спросила я. Лицо Гуиналь было жуткого цвета, губы бескровные.

Д'Алсеннен разорвал кружево, скрепленное на ее груди серебряной брошью с сапфирами.

— Сердце бьется, прямо колотится. — Мы все могли видеть пульсацию в бледной впадинке шеи.

Райшед поднял ее на руки.

— Через заднюю дверь. — Хэлис помогла ему встать.

— Останься здесь. — Я придержала Темара, затем толкнула его к креслу. — Продолжай, или пойдет слух, что она мертва и уже лежит на погребальном костре.

Хэлис открыла перед Райшедом заднюю дверь и поманила меня кивком головы.

— Мы сообщим, как только узнаем, в чем дело.

Д'Алсеннен взял себя в руки и повернулся к оцепеневшему собранию.

— Кажется, барышня заболела. — Он повысил голос. — Но она не пожелала б никакой суматохи и первая настояла бы на продолжении разговора.

Что верно, то верно, подумала я, закрывая дверь. Однако эта мысль не принесла облегчения.

Райшед, хмурясь, стоял посреди зала. Каменные стены все еще были голые, но Бридил делала все возможное, чтобы придать уют этому помещению. По бокам широкого камина разместились скамьи с высокими спинками, немного неуместные в гостиной сфера, но добротные, на них лежали яркие подушки с льняными чехлами, вышитыми экономкой.

Хэлис побросала подушки на пол и полезла в ларь под сиденьем за одеялом.

— Ливак, пусть та женщина найдет нам приличное вино.

Я побежала к кухне и забарабанила в дверь. Бридил открыла, испуганная.

— Барышня Гуиналь заболела, — выпалила я. — Принеси вино или белое бренди, если у Темара припрятана бутылка.

Когда экономка убежала, я пошла искать растопку среди загромождения у камина. Райшед бережно положил Гуиналь на пол.

— Она шевелится?

— Еле-еле, — ответила Хэлис, растирая хрупкие запястья дворянки своими мускулистыми руками. — Кто-нибудь из вас слышал о какой-то заразе?

Мы все посмотрели друг на друга, качая головами. Дрианон спаси нас от еще одной вспышки лихорадки, которая оставила Тедина сиротой на попечении бабушки. Особенно если в этот раз у нас не будет Гуиналь, чтобы сдержать распространение заразы.

Райшед щелкнул замочком цепи на талии барышни.

— Где шнуровка у этого проклятого платья?

— Под мышкой. — Я снова повернулась к камину. — *Талмия меграла элдрин фрес.* — Пламя вспыхнуло среди хворостинок, и я подкормила его более крупными ветками. Возможно, Гуиналь презирает такое примитивное Высшее Искусство, но она не может отрицать его пользу. Я увидела перо, торчащее из подушки, и, вспоминая, как моя мать ругала легкомысленную горничную, выдернула его.

Появилась Бридил с подносом.

— Поставь туда, — велел Райшед, указав на низкий стол между скамьями.

Гуиналь застонала, тихо, как от острой боли. Мой возлюбленный встал на колени возле нее.

— Ты можешь сказать, что с тобой?

Райшед не обещал ей, что все будет хорошо. Его темные глаза осматривали бледную кожу барышни, не появилась ли сыпь или какой-то другой скверный знак. Сестра Райшеда умерла от пятнистой лихорадки, а мы с Хэлис видели немало людей, здоровых на рассвете и мертвых к закату.

Хэлис смахнула в сторону спутанные волосы Гуиналь и пощупала лоб, нет ли жара. Девушка резко вдохнула и открыла безумные карие глаза, как человек, разбуженный от ночных кошмаров. Она попыталась сесть, но Хэлис не позволила. Я налила кубок темно-рубинового вина и встала рядом с Райшедом.

Взгляд Гуиналь был странно далеким.

— Паррайл?

— Что с ним? — встревожилась Хэлис.

— Он в беде? — спросил Райшед.

Казалось, барышня не слышит их вопросов. Я подождала перо и помахала тлеющим остатком у нее под носом. От едкого дыма Гуиналь закашлялась, и ее возмущенные глаза сфокусировались на мне.

— Случилось страшное несчастье! — Она села, кровь прилила к ее губам и щекам, прогоняя мертвенную бледность.

Я подала ей вино.

— Что-то с кораблем?

— Паррайл в ужасе. — Барышня судорожно вздохнула. — Просто чудо, что ему удалось сотворить какое-то Высшее Искусство!

— Ты можешь сказать нам, где он? — Райшед встал, стараясь не слишком на нее давить.

— На суше или в море? — уточнила я вопрос.

Гуиналь выпила кубок до дна и только потом заговорила:

— На суше, я думаю, но не в Келларине. Я почувствовала океан, мешающий его заклинанию. — Она поставила кубок и крепко сплела пальцы на коленях.

— Беда в море налетает быстро и яростно. — Райшед был крайне встревожен. — Особенно вблизи побережья. Ты можешь сама связаться с Паррайлом?

К барышне возвращалось ее неизменное самообладание.

— Дайте мне минутку.

Мы с Хэлис уселись на низкий стол, стараясь не выдавать нетерпения.

Гуиналь опустилась на край скамьи и, разглаживая юбки, глубоко вдохнула. С досадой взглянув на порванное кружево, она медленно сложила руки под грудь. Потом закрыла глаза и проговорила с размеренным спокойствием:

— *Лар торал эн мар фордас, ей знамир раз тел. Паррайл эндаleyа вер атал седаз ар морнал.*

От ее пронзительного крика мы все подскочили. Хэлис схватилась за несуществующую рукоятку меча, опрокинув на пол поднос и кубки.

— Что? — Райшед напрягся, готовый к действию.

— Он боится за свою жизнь. — Барышня дрожала, как человек, оставшийся среди зимы без плаща.

— Море штормит? — Я вспомнила, что этот парень такой же плохой моряк, как я.

— Он не один. Он боится за людей, которые с ним. — Лоб Гуиналь избородили морщины, темные глаза смотрели внутрь. Дворянка подняла руку, и я увидела на ее ладони следы от ногтей. — Его окружают опасные люди, воров и убийцы.

— Эльетиммы? — Райшед грозно нахмурился.

— Нет, — протянула Гуиналь. — Я их не чувствую.

— Ты можешь поговорить с Паррайлом? — Мой возлюбленный едва сдерживался, чтобы не зашагать по залу от досады.

— Он до смерти испуган. — Барышня удрученно покачала головой. — Он меня не услышит, а мне, чтобы посмотреть через его глаза с помощью Высшего Искусства...

Я не стала ждать объяснений.

— Нам нужно гадание. Я найду Аллин и успокою душу Темара, — сказала я и улыбнулась Гуиналь. Вспомнив о своем публичном обмороке, барышня смутилась: стыдливый румянец прогнал остатки бледности. Униженная, дворянка выглядела удивительно юной.

Оставив ее с Райшедом и Хэлис, я осторожно проскользнула через заднюю дверь на помост в зале для приемов. Олбарн, опустив голову, быстро строчил, а Д'Алсеннен продолжал отвечать на просьбы людей, взывающих к его авторитету сьера. Пока дело шло довольно гладко.

— Если это — подношение усыпальнице, там оно и должно оставаться. — Костлявая женщина, подбоченившись, стояла перед Темаром.

— Госпожа Белдан, вы высказали свое мнение. Пожалуйста, позвольте сказать госпоже Треде!

Меня поразила твердость парня.

Его кресло заслоняло от меня вторую женщину, но, судя поговору, она была из первых колонистов.

— Я ничего не знаю о нынешних порядках за океаном, но мы придерживаемся старого обычая. — Чувствовалось, что она старается говорить умиротворяюще. — Если я даю Дрианон кухонный горшок в знак благодарности, я жду, что богиня приведет к своей усыпальнице того, кому он нужен. Я не хочу, чтобы он целую вечность собирал пыль.

— Кухонный горшок — это не подношение...

— Спасибо. — Темар пресек язвительную реплику госпожи Белдан. — Кто-нибудь претендует на ответственность за усыпальницу? Кто-нибудь готов принять жреческий сан?

Все собравшиеся посмотрели друг на друга со смущением и неохотой. На другой стороне океана ни жрецов, ни членов братства, необходимых для содержания усыпальниц, не выбирали. Всякий сан переходил там по наследству из поколения в поколение, но здесь не было такой традиции.

Когда неуверенное бормотание охватило весь зал, я подошла к Д'Алсеннену.

— С Гуиналь все хорошо, она просто упала в обморок. — Это ободрило парня, хотя я не была совершенно уверена, что это правда. — Паррайл попал в беду и использовал Высшее Искусство, чтобы позвать на помощь. Это застало барышню врасплох, к тому же он не слишком опытен, что еще больше осложнило дело. — Я заметила, что люди жадно шагнули к помосту, и прикинула, сколько плохих новостей можно им сообщить, чтобы не дать разыгаться их живому воображению.

— В какую беду? — Темар уставился на меня своими бледно-голубыми глазами.

Я не собиралась строить догадки, когда вокруг столько ушей.

— Нам нужна Аллин. Ты знаешь, где она?

— С мастером Шенредом.

Я похлопала Д'Алсеннену по плечу.

— Ты отлично справляешься. Продолжай в том же духе.

Сьер позволил себе гримасу досады, пока я не ушла. Направляясь к задней двери, я услышала, как он вернулся к незавершенному вопросу, тщательно подбирая слова.

— Нам следует основать братство, чтобы согласовать такую практику для усыпальницы. Все, кто желает служить, должны сообщить свое имя Олбарну, и можно будет тянуть жребий. Те, кто предпочитает другой обряд, могут воздвигнуть свою собственную усыпальницу.

В гостиной Бридил заметала осколки, Хэлис поддерживала огонь, а Гуиналь неподвижно сидела на скамье. Райшед копался в картах Темара. Когда я вошла, он поднял голову и улыбнулся мне.

— Ты не в курсе, где Шенред? — спросила я.

Райшед немного подумал.

— Попробуй заглянуть на бойню.

Я вышла на мощенную плитками дорожку и побежала вдоль реки мимо пригорка, который заслонял виды и звуки кровавого предприятия мастера мясника. Аллин была возле склада. В фартуке поверх платья с закатанными рукавами, она осторожно пробовала рукой чан с рассолом.

— Все дело в испарении, — серьезно объясняла магиня. — Вода прямо противоположна моему огненному родству, поэтому надо точно соблюдать равновесие.

— Простите, что вмешиваюсь, но Д'Алсеннену требуется магия, — учтиво сказала я.

Шенред вздохнул:

— Тогда ступай, девушка.

— Я вернусь, как только смогу, — пообещала Аллин.

— Ничего с ним не случится. — Мясник улыбнулся девушке. — На то он и рассол.

Я заставила магиню идти быстро, чтобы Шенред не услышал наш разговор.

— Как хорошо ты знаешь Паррайла? Достаточно, чтобы гадать на него?

— Не думаю. — За искренним сожалением Аллин последовало любопытство. — А что?

— Он в беде, и нам нужно узнать, насколько это серьезно, — прямо ответила я.

— Налдет на том же корабле, верно? — Она вытерла руки о передник. — Я знаю Налдета и его брата.

— Значит, будешь гадать на Налдета.

Мы вернулись в резиденцию Темара, стараясь не бежать, чтобы не привлекать чрезмерного внимания.

Когда мы вошли, Аллин сорвала фартук.

— У нас есть?.. Хорошо, спасибо.

Райшед уже достал широкую серебряную чашу и наполнил ее водой из красивого глазурованного кувшина, а Хэлис расставляла на столе бутылки и пузырьки.

— Мы принесли тебе все чернила и масла, какие только Бридил удалось найти.

Аллин быстро выбрала стеклянный флакон зеленого масла с веточками трав. Она осмотрительно откупорила его и капнула несколько капель на поверхность воды.

— Боюсь, я не смогу долго удерживать изображение, — предупредила она.

Яркая зелень масла исчезла, когда оно растеклось по воде, и в воздухе слегка запахло тимьяном. Аллин положила руки на края чаши и решительно выпятила круглую челюсть. Я присоединилась к Райшеду, занявшему место сбоку от магии, Хэлис и Гуиналь встали с другой стороны. Мы старались не толкать девушку, но всем хотелось увидеть, что обнаружит ее магия.

Невидимая масляная пленка засияла, словно под лучами солнца. Золотисто-зеленый блеск сгустился, сияющие дорожки опускались на дно, постепенно расплываясь, пока цвет не заполнил всю чашу. Жидкость потемнела до травянистого оттенка, затем до темно-оливкового, и, поначалу слабое, отражение сформировалось на зеркальной поверхности.

— Не трясите стол. — Высунув язык, Аллин сосредоточилась на чаше.

— Это корабль? — Я увидела океанское судно, вытасненное на галечный берег самой лучшей якорной стоянки Саттайфера.

— Это корабль Ден Харкейла. — Райшед указал на голову барана, которой была украшена корма.

Хэлис нахмурилась:

— Далеко на нем не уплывешь.

Описывая круги, магия показала нам содранную обшивку и голые шпангоуты корабля, который напоминал теперь тушу мертвого животного.

— Зачем им доски? — удивилась я.

Аллин тут же послала чары на берег. Мы увидели грубые укрытия, разбросанные по траве, частью — парусиновые, частью — собранные из крышек люков и дверей. Сундуки и

бочки были сложены под грубыми сетями, утяжеленными корабельными блоками.

— Кто они? — Хэлис убрала руки за спину и осторожно наклонилась, чтобы изучить маленькие фигурки. Одни, босые, в безрукавках, двигались целеустремленно, другие, в сапогах и плащах, расхаживали неторопливо.

— Пираты, — холодно сказал Райшед. — Отбросы морей.

— Где Паррайл? — Гуиналь посмотрела на Аллин и снова на чашу, беспокойство на ее лице сменялось досадой.

— Я ищу Налдета, — напряженным голосом ответила магиня.

Это было сродни полету над лагерем на спине морской птицы. Чары донесли нас до зарослей кустарника, который окаймлял лес, и мы увидели внизу грубый частокол.

— Они не просто остановились, чтобы набрать воды, — пробормотала Хэлис.

Райшед глядел исподлобья.

— Кто там внутри?

Заостренные бревна и тяжелые ворота не стали преградой для магии Аллин. Мы рассматривали пленных, запертых внутри.

— Вон он. — Я не видела Налдета с позапрошлого года, но у игроков хорошая память на лица.

— Паррайл. — Гуиналь прижала ладони к щекам, в ее темных глазах заблестели слезы.

— Аллин, ты можешь еще раз показать нам бухту? Северную сторону.

Магиня откликнулась на просьбу Райшеда, и образ в чаше сместился. Меня сразу замутило.

— Вон их корабль, — кивнул мой возлюбленный. — «Звон».

Мы увидели второй корабль, стоящий на якоре в проливе.

— Его не обдирают на доски, — заметила я.

— Его грабят. — Хэлис обратила наше внимание на груженные баркасы, направлявшиеся к берегу.

— Но Келларину нужны те товары, — с болью воскликнула Гуиналь.

— А пиратам нужен корабль. — Хэлис указала на алый вымпел, хлопающий на верхушке грот-мачты.

— И со всем этим портовым отребьем им незачем шадить экипаж. — Весло баркаса зацепило плавающий труп, и Райшед нахмурился. — Они легко наберут себе новую команду.

Хэлис зашипела, когда в проливе появился стройный однопалубный пинас, а за ним — два мощных океанских скоростных судна. На всех трех развевались алые флаги с черной эмблемой змеи.

— Это целый флот, чума их побери.

— Простите. — Аллин задохнулась, потому что изображение внезапно мигнуло и исчезло.

— Мы видели достаточно, — заверил ее Райшед. — Я приведу Д'Алсеннена.

Он круто повернулся и ушел. Оставшиеся стояли в задумчивом молчании.

Хэлис посмотрела на Аллин:

— Ты могла бы связаться с Налдетом?

— И показать всем, что он — маг? — Я скептически подняла брови. Незаметность Высшего Искусства имела свои преимущества.

Наемница скорчила гримасу.

— Верно, его бы тут же убили.

— Ты не можешь забрать его оттуда? — спросила я Аллин. Магия Шива однажды вытащила меня из тюремной камеры.

— Без полной магической связи — нет, — печально сказала девушка. — Слишком далеко.

— Эльетиммы использовали Высшее Искусство, чтобы перемещать людей, куда захотят. — Хэлис взглянула на Гуиналь. — Ты не могла бы...

— Я не могу полагаться на силу эфира на таком расстоянии, тем более над водой.

Обе магини посмотрели друг на друга с взаимным сожалением.

— Значит, придется действовать по старинке, — бодрым тоном заключила я.

— Пираты? — Темар вбежал в зал. Его открытое лицо выражало потрясение.

— Они захватят весь Сатайфер, если мы ничего не сделаем, чтобы их стряхнуть. — Хэлис пошла за картой, которую изучал Райшед.

— Как скоро мы сможем отплыть? — Д'Алсеннен оперся руками на стол.

Наемница подняла голову.

— Ты же не думаешь плыть туда в одиночку?

Темар выпятил челюсть.

— У нас есть «Эринго», и прибрежные корабли, и достаточно людей и оружия, чтобы их заполнить.

— Пахари и ремесленники. — Хэлис сунула большие пальцы за пояс, обхватив пряжку. — Нам нужны опытные бойцы против пиратов, мой мальчик.

— Я командовал когортой...

Райшед прервал горячее возмущение Д'Алсеннена.

— Допустим, «Эринго» больше, чем пиратские корабли, которые мы только что видели, но он также тяжелее, выше и медлительнее. Они зажмут нас в тиски, если мы не будем осторожны.

— Прибрежные суда более проворны. — Но уверенность Темара была поколеблена.

Мой возлюбленный указал на чашу с водой.

— Не более, чем «Звон», а его захватили.

— Нам нужен полный корпус наемников, — твердо заявила Хэлис.

— Сколько потребуется времени, чтобы это устроить? — жестко спросил Райшед. — Дай той банде полсезона, чтобы окопаться, и их уже ничем не выкуришь. Скорость так же важна, как тяжесть ответа.

— А тебе надо только свистнуть, и сразу появятся корабли, набитые солдатами? — съязвила моя подруга.

— Да, появятся. Как только Аллин свяжется с Казуелом, а тот сообщит Д'Олбриоту об опасности, с которой мы столкнулись.

— Казуел может отправить письма командирам корпусов, которые мне должны, — парировала Хэлис. — Он может воспользоваться Императорской курьерской почтой.

— Нет. — Темар стал таким же бледным, какой была Гуиналь: — Я не побегу к Д'Олбриоту, как ребенок, не справляющийся с уроками. И я не позволю Келларину еще глубже увязнуть в долгах ни у тормалинских принцев, ни у наемников, если меня не прижмут к порогу Сэдрина.

Хэлис и Райшед повернулись к нему, как две створки одной двери.

Но парень не отступил.

— Мы вызовем горняков из Эдисгессета.

— Где мы найдем для них мечи? — возразила Хэлис.

Я неохотно подняла руку.

— Если вы привезете сюда всех горняков, кто будет сторожить пленников на рудниках?

Этот аргумент вынудил всех замолчать.

— Они дали слово не воевать. Никто из них нам не угрожает. — У Гуиналь дрожал голос.

Райшед, Хэлис и Темар старались не смотреть друг на друга. Я была рада, что они понимают, как было бы несвоевременно сейчас снова начинать тот спор.

Аллин не терзалась подобными сомнениями.

— Они пришли сюда, чтобы убить всех. Это Ледяные островитяне!

— Они сдались, как только их вожди были убиты, — настаивала барышня.

Совершенно верно, но, прости меня Сэдрин, это доставило нам кучу неудобств. Не видя перспективы получить выкуп за пленных, Хэлис потребовала сразу их убить, и Райшед бы назвал это заслуженной казнью противника. Но Темар уперся, не желая проливать еще больше крови. Поэтому молчаливых, угрюмых эльетиммов отправили вверх по реке добывать

руды под бдительным оком горняков, привычных к жестоким нравам. Судя по тому, что я слышала, несчастные случаи и болезни косили пленников довольно эффективно, хотя не настолько быстро, чтобы удовлетворить Хэлис. Гуиналь, с другой стороны, протестовала против такого обращения всякий раз, когда посещала Эдисгессет, чтобы страдать над спящими в той пещере. Темар всячески открешивался от этой проблемы, вообще редко появляясь на рудниках.

— Д'Олбриот пошлет тебе необходимую помощь, — твердо сказал Райшед, глядя на парня. — А если ты беспокоишься, что будешь тем самым ему обязан, обратись к Тадриолу. Он твой сюзерен, ты имеешь право на его поддержку.

— Что фактически закрепит его власть как сюзерена, — возразил Д'Алсеннен. — Если тормалинская кровь прольется за Келларин, половина сьеров, которые хотели вышвырнуть нас отсюда в прошлом году, настоят на том, чтобы Тадриол потребовал себе долю из нашей земли и предложил их людям защищать ее.

— Чем связываться с Императорской когортой, лучше вызвать пару корпусов наемников. Это не займет больше времени, — ввернула Хэлис. — Потом расплатимся с ними, и дело с концом.

— Расплатимся чем? — Темар с досадой развел руками. — Если они не потребуют золото вперед, все равно придется дарить им землю. А эти люди понятия не имеют, как ее возделывать. Их это даже не интересует.

— Зачем рисковать чьей-то жизнью? — заволновалась Гуиналь. — Высшее Искусство вместе с магией стихий благополучно проведут корабль через океан и без остановки на Саттайфере.

— Не будь душой, — с презрением бросил Д'Алсеннен. — Эти острова нужны нам как воздух. Заняв их, пираты возьмут нас за горло.

— Никто не рискнет сюда плыть, если на пути будет лагерь пиратов, — вежливо объяснила Хэлис. — Даже без необходимости делать остановку.

— Эта угроза убила бы всю нашу торговлю. — Райшед посмотрел на Темара. — И с той базы они будут грабить все океанское побережье. А когда англизская торговля окажется в их руках, император будет действовать, не спрашивая твоего согласия. Если тормалинские когорты ступят на Сатайфер, нужно, чтобы это произошло на твоих условиях, а не на ультиматуме Тадриола.

— Вот поэтому тебе нужны наемники. — Хэлис похлопала свитком пергамента по сапогу. — Заплати им пиратскими трофеями.

— Нет! — возразила Гуиналь. — Мы бы тогда ничем не отличались от тех воров!

С меня было довольно.

— Как насчет Хадрумала? Число солдат не имеет такого большого значения, если есть маги, швыряющие горсти огня или пронзающие врага молнией. Любой корабль, большой он или малый, потонет, если магия пробьет дыру ниже ватерлинии.

Большую часть своей жизни я старалась избегать магию. Но с тех пор как я поневоле ввязалась в эти дела, я начала ценить ее применение в нужном месте в нужное время.

— А что Верховный маг потребует взамен? — с вызовом спросил Д'Алсеннен.

— Если ты хочешь разрыва с Тадриолом, то участие Планира его обеспечит, — сказала Хэлис. — Это будет знаменательный день для тормалинских подозрений насчет амбиций магов.

— Это причинило бы столько же вреда келларинской торговле, как пираты, — неохотно признал Райшед.

— Не думаю, что Планир мог бы помочь.

Тихие слова Аллин были почти не слышны, но Темар остановился и посмотрел на нее.

— Продолжай.

Девушка порозовела.

— Конечно, Планир мог бы использовать свою магию, но я не думаю, что он на это пойдет. Как Верховный маг, он не

захочет вовлекать Хадрумал. Совет расколот из-за этой проблемы — должны ли маги вмешиваться в мирские дела...

Райшед шикнул на возмущенного Темара.

— И что?

— Сражаться с эльетиммами совсем не то, что с пиратами, — объяснила Аллин, бросив виноватый взгляд на Гуиналь. — Эльетиммы — магическая угроза, а пираты — это просто пираты. На Планира давят, чтобы он выдвинул нового мастера Туч...

— И это гораздо важнее, чем жизнь или смерть Келларина, — язвительно перебил ее Темар.

Хотя его гнев не был направлен на Аллин, девушка вспыхнула и быстро наклонила голову, показывая всем уложенные кольцом косы. Я пообещала себе в самом скором времени открыть Темару глаза на молчаливую преданность магини к этому бесчувственному олуху.

— Но как же Паррайл? — Гуиналь начинала злиться.

— Давайте посмотрим на расположение островов. — Хэлис развернула на столе свой пергамент.

— По крайней мере мы поймем, какие силы нам понадобятся, — сказал мой возлюбленный Д'Алсеннену.

Я посмотрела на три головы, склонившиеся над пергаментом. Если Хэлис была упряма, как осел, то Райшед и Темар составляли достойную пару упрямых быков. Их спор обещал затянуться надолго.

Гуиналь бросила в спину Д'Алсеннена испепеляющий взгляд и вернулась на скамью у камина.

Я похлопала Аллин по плечу. Девушка снова подняла голову.

— Планир ведь не может следить за каждым магом, верно? Аллин смотрела с недоумением.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы у нас были маги, которые помогали бы нам, не ставя в известность Планира, то никто бы не смог его за это обвинить. А мы, глядишь, сумели бы найти более быстрый способ покончить с пиратами, чем посылать против них вся-

кие мечи. — Я покосилась на Райшеда, который явно пытался не дать Хэлис и Темару вцепиться друг другу в горло. Я никогда не разделяла их с Хэлис пристрастие к бою, и если магия способна избавить моих друзей от риска получить пиратский меч в живот, я испробую все средства, чтобы заставить руны упасть по-моему.

— Я сделаю все возможное, — дрожащим голосом произнесла Аллин.

— Я не прошу, чтобы ты боролась с ними в одиночку! — От досады я заговорила громче, чем хотела, и поймала любопытный взгляд Райшеда. — Давай прогуляемся.

Мы вышли на мощенную плитками дорожку. Не смея оглянуться, я спросила себя, сколько у нас есть времени, прежде чем Райшед придет выяснять, что я замышляю.

— Ты можешь связаться с Шивом? — спросила я Аллин. — Ты не слишком устала?

— Только не для магии огня. — Ее губы тронула скромная улыбка. — Знаешь, Шив прав. Чем больше чар я творю, тем сильнее становлюсь.

Я вдруг осознала, что несколько человек, пришедших на собрание Темара, с жадным любопытством следят за нами с конца дорожки. Я одарила их улыбкой и повернулась, чтобы увести Аллин в огород, который старательная Бридил разместила на задах особняка.

— Где найти тихое место, чтобы ты могла спокойно работать? — осведомилась я.

— В усыпальнице, — предложила девушка. — Никто не помешает нам молиться.

— Хорошая идея.

Райшед не скоро догадается искать меня там. Мы направились к святилищу, которое пожилые женщины колонии посвятили Дрианон. Маленькое каменное здание за рыночной площадью было окружено садиком, где не было видно ни одного сорняка среди распускающихся цветов. Дверь уже усеивали ленты и лоскутки, прибитые в знак какой-то милости, просимой у богини. Я сама думала повесить здесь ленточку —

просто намереть Дрианон, что было бы неплохо, если б корабли предстоящего лета привезли восторженных девушек, готовых работать прислугой и занять свое место в этой новой жизни. Ну, этого не случится, пока мы не избавимся от пиратов.

Стены внутри были свободны от сомкнутых рядов урн, которые мы бы увидели там, в Энсеймине, что меня, например, только радовало. В центре стояла статуя Дрианон, слишком изящная для такой простой усыпальницы. Это была заслуга Темара. Прошлым летом он обошел половину скульптур в Тормейле, прежде чем остановиться на одном, которого он считал и достаточно искусным, и набожным, чтобы изваять этот красивый, зрелый образ Королевы Урожая. У нее было спокойное, мудрое лицо и пшеничный венок на голове. Осенние плоды высыпались из ее сложенных ладоней. У ее ног, обутых в сандалии, лежало несколько подношений, в основном домашняя утварь, которая так оскорбила чувства госпожи Белдан. Имелось одно гранатовое ожерелье. Оно скорее являлось показной демонстрацией набожности, обычной в наше время, и мне стало любопытно, смогу ли я придумать хоть один уважительный повод забрать его, чтобы Дрианон не прогневалась? Я отбросила эту идею, когда Аллин взяла полированную оловянную тарелку.

— Дай, пожалуйста, лучину.

Я вытащила из ящика возле курильницы длинную щепку и наблюдала, как девушка творит свою магию пламени и металла.

— Шив?

Я неслышно обошла кругом и встала подле магини.

— Шив, это я, Ливак. — Я посмотрела в яркий круг, прожигающий дыру в олове, и увидела мага, мирно сидящего за своим кухонным столом.

— Чему обязаны таким удовольствием? — развеселился Шив, а его любовник Перид дружески помахал рукой. Аллин широко улыбнулась и кивнула в ответ, отчего ее челка едва не загорелась.

— Никакого удовольствия, — мрачно откликнулась я. — Нам нужна твоя помощь. Пираты встали лагерем на Сатай-фере и уже захватили два корабля. Гадай сам.

Шив засомневался.

— Планир...

Я резко оборвала его.

— Я не хочу обращаться к Планиру. Аллин говорит, что у него куча причин держаться в стороне. Мне нужен ты и Узара, если он согласится.

— Все остальные, кто мог бы помочь, потребуют в уплату свой кусок Келларина, — добавила магиня. — Или просто будут спорить, должны ли они вмешиваться или нет, пока Полдрион не заберет всех на ту сторону.

Шив откинулся назад, пытаясь найти слова, чтобы выразить свою тревогу.

— Ты должен мне, Шив, — предупредила я. — Ты и Узара. Сначала ты шантажировал меня, чтобы заставить работать на Планира, и после этого только копил долги. — Я скромно улыбнулась, давая Шиву понять, что все выигрышные руны находятся в моей руке. — Я требую вернуть тот долг.

Аллин подавила смехок, и пламя лучины затрепетало.

— Это Дарни выкручивал тебе руки, не я, — возразил Шив. — Во всяком случае, я столько раз спасал твою шкуру, что мы давно квиты.

— А кто вытащил тебя с Ледяных Островов? — не растерялась я. — А кто убедил лорда Финвара отдать ту вонючую старую книгу, в которой ты так нуждался?

— Что именно ты от меня хочешь? — спросил Шив. — Ради чего я должен вызвать гнев Планира?

— Налдет и Паррайл в плену, — сообщила я без обиняков, чем приковала внимание и мага, и его друга. — Вместе с командой, пассажирами и теми, кто плыл на другом корабле. Кроме того, эти корабли везли грузы, необходимые Келларину.

— Вы не вернете все это, полагаясь лишь на меня и Зара, — покачал головой Шив. Он говорил правду. — За это придется

сражаться. Мы переместимся к вам и поддержим вас своей магией, — предложил он.

— И я, — сразу добавила Аллин.

— Райшед, Хэлис и Темар сейчас спорят о том, как лучше всего действовать, — призналась я. — Но вряд ли у Келлари-на хватит людей.

Я обдумала эту проблему. Если Шив сказал, что одной магией с пиратами не справиться, придется ему поверить, что бы там ни утверждали баллады. Значит, нам нужен по крайней мере еще один корабль.

— Ты мог бы помочь с этим, верно? Привести корабль с другой стороны океана и сыграть наковальню, когда люди Темара придут с кувалдой?

— Набрать наемников? — Даже через заклинание было видно, что Шив сомневается. — Где?

— В Бремилейне, Зьютесселе, где угодно. В любом городе на океанском побережье, который ты достаточно хорошо знаешь, чтобы перенестись туда магией. В портах всегда болтаются матросы, которые согласятся вступить в бой, если предложить им достаточно денег, — убеждала я его. — Потом мы все вместе сделаем дело и отряхнем его прах с наших ног. Чем быстрее мы сможем действовать, тем меньше людей окажется в очереди к парому Полдриона.

— Я сам погадаю и тогда скажу, что я думаю. — Шив старался выиграть время.

Я решила временно прекратить давление на него.

— Передай Узаре, что это великолепный способ произвести впечатление на Гуиналь. Большинство поклонников являются с пошлым букетом цветов или с лентами.

Перид засмеялся, и я послала ему воздушный поцелуй. Мне нравился этот художник.

— Я свяжусь с Аллин на закате, по нашему времени, — строго молвил Шив и, щелкнув пальцами, разорвал заклинание.

Я посмотрела на девушку:

— Давай пока не болтать об этом, ладно?

ОСТРОВНОЙ ГОРОД ХАДРУМАЛ, 18-е ПОСТВЕСНЫ

— Прибили, как крысу к забору, — с отвращением изрек Шив, но его руки, легко прикасающиеся к широкой глиняной тарелке с гаданием, не дрогнули.

— Он еще жив. — Побледневший Узара стиснул отвороты своей темно-коричневой мантии.

Маги сидели в опрятной кухне Шива, где каждая скворода висела на своем крючке над широким очагом, а тарелки и миски были аккуратно расставлены на полках у окна.

— И может протянуть еще несколько дней. — Пери́д провел толстыми пальцами по своим русым кудрям. — Вы хотели найти веский повод, чтобы ехать в Келларин, верно? — Он повесил чайник над тихо горящим огнем и выбрал банку пряностей из красочной коллекции на полке.

— Будь осторожен со своими желаниями, они могут исполниться, — грустно заметил Шив.

— Теперь Планир не сможет нам запретить, верно? — Узара рассеянно провел пальцем по жилке в высокобленном столе.

— Давай спросим. — Остановив гадание, Шив раскатал рукава своей льняной рубахи цвета зеленых листьев и с нарочитым вниманием продел в манжеты серебряные запонки.

— Не позволяй Верховному превратить тебя в жабу, — мягко предупредил Пери́д, выливая чернильную воду из тарелки в каменную раковину.

Шив поднял легкий плащ, брошенный на стул.

— Если что, Зар найдет ведро, чтобы принести меня домой.

Бородатый маг усмехнулся и, помахав рукой, последовал за Шивом к передней двери этого узкого дома. За обитой железом дверью открывалась неприметная улица с двумя одинаковыми рядами серых каменных домов, стоящих лицом друг к другу. Бульжная мостовая между ними была усеяна мусором, сметенным с вымощенных плитами тротуаров гордыми хозяйками.

На перекрестке, где эта боковая улица встречалась с большаком, топтался усердный юноша, предлагая услуги подметальщика. Шив бросил парню медяк, но не стал ждать, когда он поработает своей метлой. Маг быстро пошел через палатки и ларьки, выставленные вдоль широкой проезжей части большака, не обращая внимания на зазывные крики торговцев.

Узара отмахнулся от мальчишки, сующего ему корзину рыбы.

— Как поведем разговор? — резко спросил он.

— Как получится.

Шив обошел ручную тележку с вощенными кругами желтого сыра, сложенными высокой горкой. Он не замедлил шаг, когда рынок остался позади и дорога начала подниматься на мелкий холм, где высились Залы — сердце Хадрумала. Вдоль всего пути стояли здания поменьше, каждый верхний этаж выступал на длину руки дальше, чем нижний. Это были дома и мастерские поставщиков продовольствия, сапожников, торговцев мануфактурой, портных и всех прочих, кто снабжал это святилище магии всем необходимым для повседневной жизни.

— Зар!

Маг оглянулся.

— Планир! А мы как раз идем к тебе.

— Я решил выполнить кое-какие дела, чтобы встряхнуть из горла архивную пыль. — Верховный маг сунул два маленьких запечатанных бумажных свертка в карман своей куртки. Ее бархат местами протерся, а первоначальный густо-фиолетовый цвет полинял до синего.

Шив склонил голову набок, изучая Планира.

— Есть новости из Келларина.

— Плохие новости, — уточнил Узара.

Верховный маг поднял брови.

— Поговорим об этом не в столь оживленном месте.

Он повел их к узким воротам, почти невидимым в густой тени домов с обеих сторон. Планир коснулся замка, и ворота

со скрипом открылись. Впустив Шива и Узару, Верховный маг снова запер замок еще одним касанием магии.

— Мы не хотим, чтобы дети или животные отравились, — улыбнулся он.

Вдоль высокой ограды сада росли деревья. Внутри низкие стены и живые изгороди делили его на восемь равных частей. Высаженные на грядках пряные травы и цветы — одни высокие, другие ползучие, одни яркие, другие тускло-зеленые — переплетались в пестрые узоры. На дальней стороне лекарственного сада вторые ворота давали доступ к залитому солнцем фруктовому садику, где среди цветов жужжали пчелы. Порывистый ветерок приносил опьяняющие ароматы, освежая после сухого каменного дыхания большака.

— Давайте сядем, — добродушно предложил Планир.

— Пираты высадились на Сатайфере, тех островах в центре океана, — без предисловий начал Шив.

Узара огляделся, но никого, кроме них, не было среди аккуратных рядов методично подписанных растений.

— У них несколько кораблей и огромное число людей.

Шив указал на прозрачный водоем в сердце сада.

— Гадай сам.

Планир покачал головой и медленно пошел к каменной скамье в беседке из ароматных лоз.

— Нет, нет, я доверяю вам обоим.

— Так что ты собираешься предпринять? — требовательно спросил Шив.

— Они уже захватили два корабля, направлявшиеся в Келларин. — Лицо Узары помрачнело. — Превратили команду и пассажиров в рабов.

— Тех, кого еще не убили, — добавил Шив. — Капитана прибили гвоздями к его собственной мачте.

Планир поморщился.

— Зачем делать такое? — Он сел.

— Налдет и Паррайл были на том захваченном корабле. — Узара присел на край скамьи.

— Они пока живы. — Шив стоял, переминаясь с ноги на ногу. — Но кто знает, сколько это продлится.

— Что мы предпримем? — допытывался Узара, переводя взгляд с Шива на Планира.

Верховный маг выдернул ромашку из деревянной цветочницы.

— Налдет связался с тобой?

— Нет, но вряд ли у него есть такая возможность. — В голосе Узары звучал слабый упрек.

— Значит, Д'Алсеннен послал сообщение? Благодаря любезности Аллин? — Планир вдыхал слабый яблочный запах размятой травы.

Под сапогами Шива захрустел гравий. Маг скрестил руки.

— Ливак убедила Аллин сообщить нам.

Планир задумчиво поджал губы.

— Значит, это не официальная просьба о помощи Хадрумала. Мы знаем, что планирует Д'Алсеннен?

— Они говорят о том, чтобы послать людей и корабли, — медленно произнес Узара.

— Но здесь есть сложности, — подхватил Шив. — Наемники...

— Да, ситуация шекотливая, — кивнул Планир. — Как и все, что касается Келларина. — Он отбросил ромашку. — Я ценю ваше предупреждение. Как только Д'Алсеннен попросит моей помощи, я свяжусь с Казом. Вряд ли император предоставит нам полную свободу действий, но мы сделаем все что можем, если, конечно, Совет не выдвинет слишком много возражений.

Молодые маги уставились на него в ужасе.

— Но Налдет — один из нас! — Узара вскочил. — И имя Хадрумала будет проклято в Ванаме, если Паррайл умрет.

— Менторы прекрасно знают, что плавание в Келларин связано с риском, — отрезал Планир.

— С риском погибнуть в шторме, возможно, — воинственно париовал Шив. — Но не остаться в плену у пиратов.

— Мы можем помочь, мы можем разрешить этот конфликт с наименьшим кровопролитием, — стоял на своем Узара.

— Допустим. — Верховный поднял глаза на двух разъяренных магов. — Мы можем это сделать, верно? Вмешаться, потрясая угрозой необученной магии, и никакой принц или власти материка не остановят нас, если мы решим их игнорировать. — Он улыбнулся. — Но мы уже говорили об этом, и не раз.

Шиву было не до смеха.

— Да, Верховный, и мне, например, это надоело.

— Какой прок в силе, если она никогда не помогает людям? — Узара был настроен не менее решительно, чем Шив.

— Дорогой мой, ты вступаешь в союз с Калионом и его идеями. — От голоса Планира повеяло холодом. — Я понятия не имел.

— Прости, но это неправда, и ты это знаешь. — Узара с трудом сдерживал негодование.

— Калион хочет, чтобы его чествовали богатые и могущественные, чтобы они смотрели ему в рот и делали, что он говорит, — с презрением ответил Шив. — А мы лишь хотим спасти жизни, которым грозит гибель!

— Это пираты, Шив, — терпеливо сказал Планир. — Они стали головной болью Тормалина, и, да, они могут оказаться серьезной проблемой для Д'Алсеннена. Но в этом нет ничего нового. Сьеры, следящие за океанским побережьем, очищали свои берега от пиратов и мародеров в течение поколений. Это не внезапная катастрофа, где нужен Верховный маг, чтобы спасти шею Тадриола. Неоправданное вмешательство Хадрумала только всколыхнет старые предубеждения против магии, и кровавые баллады о высокомерии магов обойдут все таверны от Инглиза до Мыса Ветров.

— Но мы-то что делаем, дабы противостоять такому невежеству? — возразил Шив. — Можно говорить, что мы не интересуемся материком, если это не вопрос жизни и смерти, и

некий правитель не умоляет нас на коленях, но что это даст нам в обозримом будущем?

Узара продолжил его мысль с гораздо большей сдержанностью.

— Если простой народ видит, что магия доступна лишь для сильных мира сего, он просто обязан негодовать.

— Маги занимаются своим повседневным ремеслом по всей Старой Империи, — равнодушно заметил Планир. — Ученики возвращаются домой в конце каждого сезона.

— Но они возвращаются не для того, чтобы распространять знания, — парировал Узара. — Большинство просто устают от нашей изоляции на этом острове или находят жизнь ученого малопривлекательной, когда научатся достаточно управлять своим родством, чтобы не представлять опасность для себя и окружающих.

— Именно страх в первую очередь приводит их сюда, — кивнул Шив. — Или их отправляют по причине векового предубеждения. Многие ли из тех, кто отсюда уехал, творят что-нибудь существенное, а не занимаются мистификациями, чтобы облегчить себе жизнь или поразить легковверных?

— Ты бы не хотел, чтобы урожденные маги, сыновья и дочери, приезжали в Хадрумал, стремясь научиться полезным искусствам? — воззвал Узара. — Зная, что дома их радушно примут обратно и будут ценить за то, что они умеют делать?

— Что-то я не слышал о магах, голодающих у обочины. — Планир сорвал еще одну ромашку. — Даже самый слабый маг может заработать на пропитание своим ремеслом.

— Если у него достаточно толстая шкура, чтобы терпеть колкости вроде тех, что я слышал в Энсеймине в прошлом году, — с досадой сказал Узара.

— И издевки рационалистов, — рывкнул Шив. — Не знаю, что хуже: Энсеймин, Каладрия и все прочие, слепо верящие страшилкам времен Хаоса, где каждый маг представляет опасность, или эти умники, которые говорят, что магия — такое же надувательство, как устарелая вера в богов, и так же не-

уместна в их поисках количественных объяснений этого мира и его явлений.

Планир улыбнулся возмущению долговязого мага.

— Самый зашоренный философ или тупоголовый рационалист не может отрицать реальность стихийного огня, сжигающего их подметки. — Он повернулся к Узаре. — И повторное открытие Высшего Искусства, полагаю, отплатило им за презрение к религии. Много ли старых знаний ты откопал в храмах Кола и Релшаза?

— Больше, чем я ожидал, но еще больше было утрачено после Хаоса из-за невежества и предубеждения. — Узара твердо посмотрел на Планира. — Мы будем ждать, когда знания Хадрумала постигнет та же участь? Когда черви и гниль пожрут наши труды, а маги превратятся в ярмарочных шутов?

— Посмотри на народ Аритейн в Горах. — Шив простер руку. — Их практикующие Высшего Искусства, Шелтии, ничего не делают, когда Горных Людей прогоняют с их земли, из их лесов и рудников, — и они теряют уважение с каждым шагом и каждым поколением.

— Насколько я понял объяснения Аритейн, Шелтии воздерживаются от любых действий, потому что в прошлом эфирными силами серьезно злоупотребляли те кланы, которых выгнали в океан и которые стали эльетиммами. Ты сам видел тиранию Высшего Искусства на Ледяных Островах. — В серых глазах Планира блеснул вызов. — Когда эльетиммы предложили помощь и Горные Люди ухватились за этот шанс, зверское Высшее Искусство островитян поставило их на грань войны с городами низин и еще больше дискредитировало невинных Шелтий.

— Должна быть золотая середина между бездействием и злоупотреблением, — настаивал Шив. — Посмотри на Келларин. До Хаоса эфирная магия была повседневной частью жизни. Колонисты не боятся магии какого бы то ни было вида или природы.

— Не слишком ли мы отклонились от сути? — Планир встал. — Какое это имеет отношение к пиратам?

Оба мага молчали.

— Наша помощь в Витранселе показала бы и тормалинским, и далазорским купцам, что маги помогают всем, не только богатым и влиятельным, — наконец медленно ответил Шив. — А торговцы, вернувшись домой, рассказали бы об этом другим.

— Гуиналь и Аллин работают вместе, насколько возможно, — с надеждой заговорил Узара. — Изучая, как их искусства дополняют друг друга, можно сделать ценное открытие для Хадрумала.

— И будет что предъявить Совету. — Лицо Верховного мага было непроницаемым. — А если вы потерпите неудачу?

Шив и Узара посмотрели на него неуверенно.

— Что, если после сезона в Келларине вы останетесь без сил, замученные пустяковыми требованиями? — Планир небрежно махнул рукой. — Мне трудно представить, чтобы даже самые скучающие ученики присоединились к вам, дабы целыми днями чинить горшки. А что заинтересует там наших более искусных магов? Вы хотите, чтобы мастера Хадрумала с их уникальной магией ухаживали за больными животными или раскапывали завал рудника, случившийся из-за какого-то болвана, который думает, что магия позволяет ему экономить на креплении? Что, если Келларин постигнет некая катастрофа, которая окажется вам не по плечу? С другой стороны, что, если вы отведете какое-то несчастье и все решат, будто теперь вы станете спасать их от всякой напасти, начиная с порезанного пальца? Возможно, не страх неудачи сдерживает Шелтий, но страх последствий успеха.

Планир ткнул пальцем в Узару, потом в Шива.

— Как именно вы планируете избавить эти острова от пиратов? Как вы намерены добраться до Сатайфера? Ни один из вас там не был, поэтому вам понадобится корабль. Где вы его найдете? Умение направлять ветер и волну — это, конечно, хорошо, но вам все равно понадобятся матросы, чтобы брать рифы на парусах и натягивать канаты или что там еще. Они не станут это делать из любви к Налдету или в надежде

на лучшее будущее для магов. У вас хватит золота, чтобы их нанять?

— Золото мы найдем, — зло ответил Шив. — Мы хотим помочь спасти Налдета, Паррайла и остальных бедолаг, кому удастся остаться в живых. Ты разрешаешь нам ехать?

Планир изучал отполированный ноготь.

— Нет.

Узара посмотрел на него внимательно.

— Ты нам запрещаешь?

— О нет. — Планир поднял глаза. — Как Верховный маг, я обязан пресекать опасные замыслы, но вам я доверяю.

— Так мы можем ехать? — спросил Шив с легким смущением.

— Это решать только вам. — Планир улыбнулся. — Как я сказал, любой может поехать в Келларин, на свой страх и риск, разумеется.

Планир встал, и молодые маги расступились, чтобы его пропустить.

— Заприте за собой ворота. — И он исчез между высоких домов.

— Так мы едем? — Шив посмотрел на Узару.

— Он не сказал, что нельзя. — Маг с песочными волосами поскреб бороду.

Шив глубоко вдохнул.

— Верно. Где мы найдем корабль?

— В Зьютесселе? — с сомнением предложил Узара. — Ты много времени провел в порту?

— Давай решать проблемы по очереди. — Шив нахохлился, выходя из сада. — Прежде чем мы что-то предпримем, я должен рассказать Периду.

В молчании оба мага вклинились в утреннюю суету Хад-румала.

— Что происходит? — удивился Узара, когда они последний раз повернули за угол.

Его неожиданный вопрос прервал размышления Шива. Приоткрыв рот, маг уставился на свой дом, где два непово-

ротливых парня вытаскивали кровать через узкий дверной проем.

Как только подошли к двери, на пороге появился Пери́д. Он посторонился, чтобы выпустить седовласого мужчину, который отсчитал в его ладонь золотые монеты.

— А это тебе на счастье. — Художник порылся в кармане и вручил мужчине серебряное пенни.

— Доброе утро, Шив, — кивнул седовласый и пошел за своей покупкой к третьей двери в их ряду.

— Мастер Риен, — машинально поздоровался Шив и бросился за Пери́дом в дом. Узара, снедаемый любопытством, не отставал от него.

В передней комнате все еще господствовал широкий наклонный стол художника, но все пергаменты уже были сложены в аккуратные пачки, перевязанные новыми лентами, отдельные для каждого этапа работы — от чистых листов, разлинованных для пера и чернил, до ярких рисунков и украшений, нуждающихся только в позолоте. Пери́д достал деревянный футляр из сундучка с разноцветными пузырьками и начал складывать в него перья.

— Я же сказал, что в следующий раз, когда ты отправишься на поиски по приказу Верховного или кого-то еще, я поеду с тобой. — Его голос звучал ласково.

Узара быстро наклонил голову, пряча улыбку.

— Вообще-то мы едем не по указанию Планира, — признался Шив.

— Тем лучше. — Пери́д осторожно закрыл футляр. — Вы давно уже твердите о том, что пора начать самостоятельную жизнь. — Он ухмыльнулся, глядя на их виноватые лица. — Пока вы распивали настои на кухне, я работал здесь и слышал все ваши планы по оздоровлению магии.

Стук в дверь избавил Шива от ответа.

Пери́д открыл. Вошла худая женщина, которая стала немедля с живым интересом осматривать комнату, нервно поправляя на голове светло-коричневый шарф.

— Стало быть, уезжаете?

— Уезжаем, Абайя. — Пери́д провел хозяйку на кухню. — Поэтому, если хочешь взять что-то из постельного белья или кастрюль, милости прошу, клади деньги на стол и забирай.

— В Кол, да? — Женщина взглянула на Пери́да. — У тебя там сестра, верно? — Ее глаза заблестели при виде экзотического набора банок с пряностями. — Вы же не потащите их с собой? Они бы мило смотрелись в моей гостиной.

— Не такая уж это большая тяжесть, — дружелюбно возразил Пери́д, но встал горой перед своей коллекцией.

— За аренду заплачено до конца сезона. — Абайя покачала головой, продолжая с интересом обозревать кухню. — Должно быть, срочное дело отзывает вас, раз вы оставляете эти деньги старому Барлу. Очаг не успеет остыть, как он кого-нибудь сюда поселит.

Художник не поддался на откровенность.

— Если поселит, скажи Барлу, чтобы послал ту сумму, которую будет нам должен, моей сестре.

Абайя засмеялась:

— Скажу, а как же. Напиши-ка мне ее адрес.

— И передай старику, что я глаз с него не спущу, — добавил Шив.

Женщина захлопала глазами, не веря, что это шутка.

— Не волнуйтесь, мальчики, уж я прослежу, чтобы он обошелся с вами по-честному. — Она поспешно обняла Пери́да. — Ох, надеюсь, наши новые соседи будут такими же хорошими, как вы. А знаете, что на Солнцестояние моя дочь выходит замуж? У нее нет большого запаса приданого, поэтому я схожу и приведу ее, если вы не против. — Абайя снова обняла художника, но Шив ловко уклонился от ее объятий, поэтому женщине пришлось довольствоваться прощальным взмахом руки.

Пери́д проводил соседку до выхода и, закрыв за ней дверь, обернулся.

— Не смейся, Узара. Вот увидишь, половина Зала прибежит узнать, почему ты собираешь вещи.

Узара положил маленький портрет, который взял со стола Перида.

— Значит, мы уезжаем навсегда.

Перид взглянул на него, потом на Шива.

— Вы же не думаете, что вернетесь назад? После всего сказанного?

САТАЙФЕР, СТОЯНКА ФЕЛЛЭМИОНА, 19-е ПОСТВЕСНЫ

— Ты проснулся?

— Я почти не спал. — Налдет встряхнулся, глаза сонные, сам весь всклокоченный. — В чем дело?

— Думаю, это еда.

Паррайл, помятый и мрачный, сидел под укрытием наблюдательной площадки частокола. Обняв колени, он смотрел, как приоткрылись тяжелые ворота и впустили троих мужчин и женщину. Они волочили корзину.

Налдет передернулся, словно его тошнило.

— Я не голоден.

На мальчишеском лице Паррайла застыла мрачная решимость.

— Мы должны поддерживать свои силы, если хотим отсюда выбраться.

— Как выбраться? — Налдет торопливо огляделся, не заметил ли кто-нибудь его отчаяния, но другие пленники уже становились в угрюмую очередь. Вернулся Паррайл с мягким караваем под мышкой, его руки были заняты куском желтого сыра и сочным мясистым окороком.

— Вот что они коптили. Это какое-то лесное животное.

— Страшное, как смертный грех, зато вкус отменный, — заметил над ними чей-то голос.

Испуганные, оба вскинули головы и увидели на площадке пирата. Он радушно кивнул:

— Мы не так плохо живем.

Налдет и Паррайл настороженно переглянулись и принялись за еду.

— Вот вы двое, руки у вас мягкие да одежда новая, небось, не часто доводилось голодать. — Пират повысил голос, привлекая внимание троих парней, сидевших кучкой недалеко от магов. — Присоединяйтесь к Мьюрдарчу, и боль пустого живота останется только воспоминанием, клянусь.

— Откуда ты родом? — робко спросил Паррайл.

— Я? — Пират прислонился к потрескавшейся коре часокола. — Из деревушки под названием Гостранд. Это в трех днях пути от Инглиза вверх по Далазу. Холмы там уже высокие, и можно не бояться паводков.

— Далеко ты уехал от дома.

Это не тот гидестанец, что вытаскивал их вчера из трюма, понял Налдет.

— Зато сейчас я в пятьдесят раз богаче, чем был бы на своем смертном одре, если бы остался. Любой человек в команде Мьюрдарча получает за свою работу столько, сколько она стоит. — Пират еще раз многозначительно посмотрел на троих юношей. — Я достаточно ломал спину за те жалкие гроши, что какой-то ублюдок из Инглиза, разодетый в шелка, платил нам за годовую добычу. А сам, гад, продавал ту руду на юг, выручая по десять золотых монет за каждую серебряную, что он за нее заплатил.

Внезапная активность заглушила слова пирата: рев команд, ответные крики, глухой стук и грохот бочек и тюков за часоколом. Ученый подтолкнул Налдета, кивая на приставную лестницу, которую еще один пират тащил по утопанной земле, чтобы пленники могли подняться на сторожевую площадку. Маг с сомнением поглядел на Паррайла, но полез за ним наверх.

Имущество с разграбленного «Звона» было сложено под парусиновыми навесами на открытом пространстве перед часоколом. Мьюрдарч обозревал добычу, прогуливаясь вдоль навесов в алой льняной рубахе и черных бриджах. Переплетенные золотые цепи охватывали его талию и блестели на

солнце. За ним по пятам шла темноволосая женщина в тускло-зеленом платье, держа наготове гроссбух и перо.

Свист Мьюрдарча пронесся по лагерю, созывая пиратов, которые занимались делами возле своих шатров и хижин.

— Ты слышишь, что он говорит? — тихо спросил ученый.

Налдет покачал головой.

— Все подробно записано, поэтому никаких споров не будет, — сообщил пират с одобрением. — Те, кто в прошлый раз был последним по жребию, теперь идут первыми.

Мужчина и женщина после кивка Мьюрдарча взяли рулон ткани и бочку. Женщина в зеленом сделала запись в гроссбухе, когда мужчина осторожно покати́л прочь тяжелую бочку, а его спутница понесла на плече рулон. Оба улыбались во весь рот. Следующий мужчина остановился, чтобы поговорить с Мьюрдарчем, после чего ушел с сундучком, веревочные ручки которого чуть не лопались от тяжести.

— Это были инструменты моего дяди, — мрачно сказал один из парней. — Прощай, мое ученичество.

Подошел еще один пират, утрюмый человек со шрамами на руках, как давно зажившими, так и свежими, красными.

— Дай клятву Мьюрдарчу и заработай сколько-нибудь, чтобы обменять на них. У тебя что, договор с твоим дядей? Здесь нет хозяев, мой мальчик, которые станут забирать все деньги и с неохотой давать тебе половину обещанной платы. Во всяком случае, я бы не вернулся к жизни наемного ремесленника, вкалывающего полный день за мизерную ставку. — Он засмеялся и помахал рукой, щедро унизанной кольцами. Вид богатства портили грязные ногти. — Я зарабатываю в три раза больше за половину этого времени!

— Ты, должно быть, тормалинец, судя по выговору, — осторожно заметил Налдет.

Пират посмотрел на него:

— Из Саворгана. А что?

Налдет пожал плечами:

— Ничего, просто поддерживаю разговор.

Пират вновь повернулся к ученику.

— У тебя уже готов ответ для Мьюрдарча?

Парень испугался.

— Я не уверен.

— Вас спросят после дележа. — Пират кивнул на терпеливую кучку людей, ждущих с ведрами и жестяными кружками возле бочек соленой рыбы и сушеного гороха.

К женщине в зеленом присоединился пират с песочными волосами, который теперь открывал шеренгу бутылочек и бутылей. Он опасливо попробовал на вкус содержимое одной, прежде чем ее поднять.

— Растительное масло.

Одна из пираток замахала рукой и подбежала, чтобы его взять. Пряный уксус и горчичное масло были разобраны с такой же готовностью, но женщина в зеленом прогнала мужчину, пожелавшего банку касторки. Пират с песочными волосами ополоснул рот водой из меха, который висел у него на поясе, и сплюнул, прежде чем пробовать дальше.

— Кто она? — Налдет смотрел, как растет куча приправ и предметов роскоши, складываемых у ног женщины.

— Инджелла, — боязливо буркнул пират со шрамами. — Женщина Мьюрдарча.

Инджелла огляделась и окликнула седого мужчину в рваных матросских штанах. Старик был бос, плоть оставила живописные следы на его голой спине. Когда женщина указала на свои новые пожитки, он вздрогнул, словно ожидая удара.

— Такова будет ваша участь, если не принесете клятву, — заметил пират с дружеским участием. — Раб для всех и никому не друг.

Паррайл дернул Налдета за рукав, и они незаметно отошли в сторону.

— Что собираешься делать?

— Поклянусь, наверное, — беспокойно прошептал маг.

Ученый побледнел под слоем грязи.

— Ты не боишься стать клятвopеступником?

— Не думаю, что Рэпонин будет ко мне в претензии. — Налдет тщетно пытался улыбнуться.

Новая суматоха привлекла всеобщее внимание. Рослый пират тащил от воды какого-то юношу. Малый придерживал расшнурованные бриджи, но выпустил их и споткнулся, когда они упали и опутали лодыжки. Не дав ему одеться, громила потащил его дальше. Голые ягодички парня белели на солнце, лицо горело от унижения.

Пират бросил несчастного ничком перед Мьюрдарчем. Его жесты красноречиво выражали негодование, хотя порывистый ветер уносил слова. Главарь слушал с напряженным вниманием, затем перевернул парня носком сапога и наклонился над перепуганным юношей.

— Какая будет рука? — захихикал тормалинский пират.

— Что он сделал? — спросил Паррайл.

— Срал, где не надо. — Пират осуждающе поцокал языком. — Мьюрдарч велел не гадить в бухте. Спускай штаны там, где прилив очистит камни, или получишь вот это.

Появился коренастый бандит в буйволовоy куртке на голое тело, размахивающий плеткой из пяти перевитых ремней. Паррайл узнал в нем того, кто прибывал Джиды к мачте, и вздрогнул, когда с парня сорвали рубаху и привязали к ранготному дереву, стоймя вкопанному у воды. Мьюрдарч поднял руку, чтобы все видели. Это была четырехпалая рука, которая вызвала общий шепот одобрения.

Тормалинский пират кивнул:

— Это проучит парня, не калеча его.

Но бандит с плеткой приступил к делу с охотой, колючие удары разрывали кожу юнца, кровь брызгала во все стороны. Почувствовав тошноту, Налдет и Паррайл отвернулись и увидели, что целая орава пиратов вошла в частокол — поболтать с пленниками.

— Думаешь, многие пойдут в пираты — просто ради возможности одеваться как сутенеры в рыночный день? — Маг наблюдал за лысым бандитом в нелепой рубахе с кружевами, который заигрывал с боязливой на вид девушкой.

Ученый проследил за его взглядом. Пират экспансивно жестикулировал, без сомнения, предлагая всевозможные соблазны. Елейно улыбаясь, он не собирался отпускать девушку, глядя грубыми пальцами ее волосы и щеку.

— Мьюрдарч сказал, что изнасилование запрещено. — Паррайлу сделалось нехорошо, когда слабые протесты девушки пошли на убыль. Она стояла, онемев от страдания, тогда как пират по-хозяйски обнял ее за плечи.

— Швырять девушку на землю и разрывать ей нижние юбки, возможно, запрещено. — Налдет потер руки, словно у него болели пальцы. — Но запугивать бедную цыпочку, чтобы она сама легла, кажется, позволено.

Зазвенел корабельный колокол, и пираты, дружелюбно беседующие с пленными внутри частокола, резко сменили курс.

— Спускайтесь, — приказал тормалинец на сторожевой площадке.

Под его неумолимым взглядом Налдет и Паррайл бросились вниз, торопясь затеряться в толпе пленников. Ворота широко открылись, и появился Мьюрдарч.

Главарь пиратов встал в центре: улыбка радушная, рост угрожающий, по бокам суровые приспешники с пронизательными глазами.

— Ты первый.

Он вызвал мужчину средних лет, нервно крутящего в руках платок.

— Я просто мельник, ваша честь, — выпалил мужчина.

Мьюрдарч кивнул:

— И теперь благодаря вашему кораблю у нас есть пшеница. Ты будешь молотить ее для нас? Полтора сезона сухарей пробудили во мне любовь к свежему хлебу.

Мельник съежился, его лицо сморщилось от замешательства.

— Я никак не придумаю, что лучше...

— Думай, сколько тебе нужно. — Мьюрдарч ободряюще положил руку на его плечо, прежде чем кивнуть головорезу с

плоским лицом и татуировками по всей руке. — А пока начни платить свои долги.

Татуированный крепко держал мельника, пока бандит, который сек мальчишку, снимал с него сюртук, рубаху, носки и башмаки. Татуированный окольцевал шею мельника толстым кожаным ремнем и потащил его прочь.

— Не хочешь молоть пшеницу, будешь носить мешки, старый дурень.

— Дай мне знать, когда надумаешь, — добродушно крикнул Мьюрдарч, прежде чем указать на следующего человека, который встретился с его взглядом.

Бывший матрос торопливо поклонился.

— Я присягну, но не буду участвовать в набегах.

— Честно сказано, — произнес Мьюрдарч странно официальным тоном. Он выпрямился в полный рост. — Ты клянешься во всем повиноваться мне, обращаться со всеми, присягнувшими мне, как со своими братьями и сестрами по клятве? Ты отдаешь свою судьбу в мои руки согласно клятве, которой мы все доверяем?

— Да, — прошептал матрос.

— Я клянусь, — подсказал бандит с плетью, свирепо хмурясь.

— Я клянусь.

Долгую минуту Мьюрдарч созерцал новобранца.

— Ступай к Инджелле. Поставь крестик или отпечаток большого пальца против своего имени в книге личного состава, и она выделит тебе место.

Следующие несколько человек также принесли клятву, кое-кто — с видимой неохотой. Две женщины, заикаясь от страха, твердили, что не примут участия ни в каком пиратстве. Мьюрдарч обращался с обеими с изысканной учтивостью. Нескольких непокорных раздели и уволокли куда-то работать, других бросили в заднюю половину частокола. Налдет и Паррайл хмуро наблюдали, как пираты копаются в куче одежды и обуви, снятых с пленных. Некоторые из учеников, которые

принесли клятву Мьюрдарчу с подозрительным энтузиазмом, присоединились к ним.

— Ты клянешься во всем повиноваться мне, обращаться со всеми, присягнувшими мне, как со своими братьями и сестрами по клятве? Ты отдаешь свою судьбу в мои руки, согласно клятве, которой мы все доверяем? — Мьюрдарч улыбался женщине, которую накануне едва не уронили в воду.

— Я кля... — Она запнулась и с трудом сглотнула комок в горле. — Я кля... — Она дернула за ворот сорочки под корсажем, но ворот не был ни высоким, ни тугим. — Я кля... — Женщина закашлялась, и ее лицо покраснело. Хватая ртом воздух, она упала на четвереньки, а Мьюрдарч бесстрастно смотрел на ее мучения.

— Мама! — закричала ее дочь и рванулась к ней, но татуированный схватил девушку и широкой ладонью зажал ей рот.

Женщина корчилась, задыхаясь, как раненое животное, на ее губах появилась смертельная голубизна.

Остальные пленники застыли в шоке, но мало кто из пиратов, и мужчин, и женщин, уделили несчастной внимание. Разве что с сожалением покачали головой.

Паррайл расширил от ужаса глаза и подтолкнул локтем Налдета.

— Высшее Искусство, — беззвучно проговорил он.

Маг дрожал, сжав кулаки. Пот выступил у него на лбу.

— Она сама виновата, — благодушно объяснил Мьюрдарч. — Она хотела принести клятву, не собираясь ее выполнять. О, разве я не сказал? Мы не потерпим здесь лжи. Попробуйте, и вы умрете, как эта бедная дуручка. Подумайте, прежде чем принимать решение. — Он улыбнулся дочери мертвой женщины. Пират с татуировками уже отпустил ее, и девушка рыдала над трупом.

После этого дело пошло с ужасающей быстротой. Кто-то давал клятву, кто-то отказывался, и, наконец, не осталось спасения для Паррайла или Налдета.

— Я не могу присягнуть тебе, — нетвердым голосом произнес ученый, опережая вопрос Мьюрдарча.

Главарь пиратов смерил Паррайла безжалостным взглядом с головы до ног.

— Возможно, ты еще передумашь. Инджелла говорила мне, что ей нужен клерк. — Он кивнул, и Паррайла передали татуированному пирату и бандиту с плеткой. Они грубо раздели его и швырнули в сырую тень сторожевой площадки, где жались другие пленники.

Он едва восстановил дыхание, когда на утоптанную траву рядом с ним приземлился Налдет. Маг поморщился, осторожно отодвигая кожаный ошейник от полосы, которую тот оставил на его шее.

— Ублюдок даже не дал мне встать.

— Подъем. — Татуированный оглядел съезжившихся пленников. — У вас нет ни имени, ни друзей, и будет так, если вы не присягнете Мьюрдарчу. Вы выполняете любой приказ, какой вам дают, и получаете еду. Нет работы, нет еды. Ладно, можете начать со сбора дров.

Паррайл протянул руку, чтобы помочь Налдету подняться, но свирепая палка огрела его по запястью.

— Раз он не может стоять, пусть сидит тут, пока не сохнет с голоду. — Это был гидестанский пират, но теперь в его глазах не осталось и намёка на дружбу. — Каждый раб сам за себя, и вы, белоручки, и остальные.

Паррайл отступил, прижимая руку к груди.

Маг настороженно молчал, пока гидестанец не стал заигрывать с дочерью умершей женщины. Девушка тщетно пыталась сохранить скромность, оставшись в порванной сорочке, на ее пепельном лице все еще алел след от пиратской ладони.

— Если они используют Высшее Искусство, мы должны сообщить Гуиналь, — прошептал Налдет.

Лицо Паррайла перекошилось от боли.

— Я попробую сегодня ночью. — Он поморщился. — Боюсь, этот мерзавец сломал мне запястье.

ГЛАВА 3

*Керану Тонину, ментору Ванамского университета,
От Румека Дорта, архивариуса Ден Кастевина, Тормейл*

Посылаю тебе копии самых последних документов, касающихся пиратов. Это все, что мне удалось отыскать, поскольку мы редко имеем дело с такими вещами. Я, конечно, поспрашиваю тут, может, найдется что-то еще, что я смогу для тебя переписать. Когда в следующий раз заглянешь в наши края, не забудь купить мне выпивку и объяснить, что все это значит.

Архив судебных заседаний осеннего Равноденствия, проводимых в Чаноле во второй год правления Тадриола Предусмотрительного. Эсквайр Бердел Ден Дженнелъ председательствует в качестве судьи, согласно указу, скрепленному Императорской печатью.

Свидетели суда выбраны жребием из арендаторов Ден Хификена, Ден Фисса и Тор Иншола.

Краткий отчет морских дел, беспристрастно рассмотренных и завершившихся вынесением приговора, что засвидетельствовано лицами, призванными на эту службу.

Капитан «Литорины» доставлен в суд после того, как его корабль был захвачен судами Ден Фисса 35-го постлета по по-

дозрению в пиратстве. Капитан отказывается назвать свое имя, и его не удалось выяснить у команды, даже после столь длительного и строгого тюремного заключения. Три разных его имени сообщены суду, но ни одно не может считаться достоверным. На корабле находились товары, украденные, как было доказано, из порта в Черлите и с потерпевшего крушение «Альбатроса», корабля, принадлежащего Тор Иншолу и выброшенного на скалы южнее Устричного мыса. Капитан и команда приговариваются к выжиганию клейма вора на правой руке и порке на пристани Черлита, чтобы все капитаны и хозяева судов могли увидеть их лица и в будущем с презрением отказываться от их услуг. Те, кто докажет право собственности на свои товары, могут потребовать их обратно у чиновника по находкам от кораблекрушений, служащего у Ден Дженнеля. Все невостребованное имущество будет передано усыпальнице Дастеннина и использовано братством для помощи вдовам и сиротам моряков.

Малбис Калтрам доставлен в суд сержантом Ден Хификена. Он был арестован после того, как от трех разных лиц поступили обвинения в его причастности к пиратству. В его погребах найдены шелка, вина и ценные пряности, но Калтрам не может представить ни счетов, ни торговых партнеров, чтобы доказать право собственности на эти товары. Он утверждает, что купил их для личного употребления. Однако Калтрам не занимается ни ремеслом, ни торговлей, которые могли бы объяснить и большое количество денег, найденных в его сейфах, и чрезмерные запасы предметов роскоши. Свидетели из Черлита, допрошенные порознь, опознали в Калтраме человека, который общается с известными пиратами. Среди его личных бумаг были найдены береговые карты, составленные Лоцманской Академией Зьютесселы. Калтрам никогда не числился в списках академии, и, следовательно, его владение такими картами незаконно. Кроме того, мастер лоцманов прислал свое письменное показание, данное под присягой, что эти самые карты были выданы рулевому «Морской Звезды». Данный корабль Ден Ренниона был захвачен пиратами в десятый год правления Тадриола Благоразумного.

Все, кто находился на борту, были преданы мечу, кроме нескольких человек, случайно выживших по милости Сэдрина. Один такой моряк, Эвадин Тарл, был вызван в суд и опознал в Калтраме одного из тех самых пиратов. Калтрам приговаривается к повешению в цепях на пристани в Калавене на Солнцестояние. Его тело будет просмолено для лучшей сохранности, чтобы и дальше предупреждать каждого, кто хотел бы последовать его примеру.

Кемиш Дозин предстал перед судом по доброй воле, чтобы ответить на многократные обвинения его соседа, Румека Старна, будто он, Дозин, не раз плывал с пиратами. Дозин проживает в Саворгане и не имеет официального занятия, бросив учиться на столяра несколько лет назад. Его прежний мастер не дал ему никакой характеристики. Представленные свидетели подтвердили, что Дозин время от времени нанимается рабочим на речные баржи, но отрицают, что он когда-либо плывал на океанском судне. Коменданты портов в Калавене, Черлите и Зьютесселе не нашли его фамилии в судовых списках ни одного из кораблей. Старн не смог привести никаких доказательств, кроме своего голословного обвинения. Дозин обращается к владельцу таверны «Черная Крыса» за подтверждением у Старна крупных игорных долгов перед Дозином. Таким образом, данное обвинение отклонено. Старн должен уплатить штраф в двадцать пять крон усыпальнице Рэпонины в Саворгане не позднее Солнцестояния. В случае неуплаты штрафа он будет пригвожден к позорному столбу на время праздника.

Фалм Астар, в последнее время работавший аптекарем в Таннате, предстал перед судом по настоянию сьера Ден Сакориза, дабы официально заявить о своем согласии покинуть империю в ее нынешних границах. В противном случае Ден Сакориз потребует объяснить присутствие Астара на пиратском судне «Медуза», захваченном 7-го предосени кораблями Ден Хификена, после сообщения о его неспровоцированном нападении на английское торговое судно «Буревестник». Суд соглашается с этим,

хотя нет никаких доказательств, что Астар участвовал в том нападении, ибо судно было взято на abordage и вся команда повешена на рее. Поэтому капитану Ден Хификена было указано вернуть Астара на суд Ден Сакориза как прежнего арендатора того Дома. Проведенное следствие не нашло доказательств, которые подтвердили бы показания Астара, будто пираты похитили его с улицы в Таннате для оказания им врачебной помощи. Его не держали взаперти на борту корабля; нет доказательств, что с ним плохо обращались или к чему-либо принуждали. Сержант Ден Сакориза также свидетельствует, что жена Астара подавала Страже многочисленные жалобы на его жестокое обращение с ней и ее детьми. Расследование смерти одного ребенка от отравления настойкой опия еще не было доведено до завершения. Астар обязуется покинуть тормалинские земли до конца нынешнего сезона, взяв с собой столько вещей, сколько он сможет нести в руках, и только ту одежду, что на нем надета. Суд принимает его ходатайство и не будет далее его преследовать. Если Астар вернется, то будет казнен, и тот, кто исполнит приговор, может обратиться к Ден Сакоризу за соответствующим вознаграждением.

ВИТРАНСЕЛЬ, КЕЛЛАРИН, 20-е ПОСТВЕСНЫ

— Поставь все фигуры на соответствующие места, прежде чем делать решающий ход. — Я подвинула своего Яблочного Дрозда по дорогой игровой доске Темара, чтобы прогнать Белого Ворона Аллин от маленьких Мраморных Деревьев, где он был бы в безопасности. Агатовая Сова преграждала путь к убежищу в виде фигурки Зарослей, а еще дальше устроили засаду Сороки. Мы играли за столом в резиденции Д'Алсен-нена. Остальные занимались подготовкой к экспедиции, на которой настаивал Темар. Не сумев добиться своего, Райшед и Хэлис нехотя согласились с ним.

Аллин вздохнула:

— Налдет был так добр ко мне, когда я приехала в Хадрумал, и он, и его брат. Думаешь, мне стоит связаться с Джедартом?

Я откинулась на спинку стула.

— Зар передаст ему новости, я уверена.

Возможно, уже передал, но это не моя забота. Я не хотела, чтобы Аллин изнуряла себя, поскольку она — наш единственный магический ресурс. Я видела, как Шив и Узара теряли сознание, отдав слишком много сил своим стихиям, а эта девушка весь вчерашний день гадала, чтобы помочь Веспрету начертить подробную карту Сатайфера. Хэлис чуть не лопалась от самодовольства, когда Аллин обнаружила четвертый пиратский корабль, пусть это был всего лишь одномачтовый шлюп.

Аллин изучила положение на игровой доске, совершенно не заметив лазейку, которую я ей оставила.

— Забыть не могу, как избивали того человека... — Девушка содрогнулась.

— Быть чьим-то пленником, да еще полуголым не слишком весело, — согласилась я. Эту неопровержимую истину я испытала на собственной шкуре. — Но их кормят, и погода будет только теплее. И дай-то Сэдрин, чтобы им недолго осталось терпеть.

Аллин кивнула, но вид у нее все равно был несчастный. Открылась входная дверь, и появилась Гуиналь.

— Где Хэлис?

— Говорит с рудокопами. — Я кивнула в сторону приемного зала. — С Темаром и Рашем. Они скоро должны закончить.

Они обсуждали, сколько человек вернуть из Эдисгессета, не подвергая медные рудники угрозе восстания пленных эльстиммов.

— Хэлис собрала всех своих наемников? — нахмурилась Гуиналь.

Я кивнула:

— Мы с Хэлис убедили Деглейна и всех его приятелей, что, какие бы ремесла они ни оттачивали, они все еще находятся под ее командованием. — На это ушло несколько долгих вечеров в пивной. Когда я вчера вернулась, Райшед уже спал, а сегодня он ушел прежде, чем я проснулась.

— Ко мне приходил Пейт. И знаете, что сказал? Его люди считают, что их нанимали только в Келларин. — Гуиналь неодобрительно поджала губы. — Он говорит, что не поедет на Сатайфер.

— Хэлис объяснит Пейту, что он ошибается, — заверила я барышню. Моя подруга с наслаждением выбьет дурь из этого елеяного вдохновителя сброда.

— Подожди с нами. — Аллин предложила дворянке блюдо кексов, испеченных Бридил.

Гуиналь нехотя взяла кекс.

— Надеюсь, Темар не настаивает на том, чтобы брать всех подряд, кроме больных и увечных. Что толку выгонять пиратов, если Келларин за это время протянет ноги.

— Ты связалась с «Диадемой»? — забеспокоилась вдруг Аллин.

Барышня кивнула:

— Мастер Хелед не слишком обрадовался, но Эмелан уверен, что они сумеют обойти пиратов стороной. А как насчет «Стремительного»?

Магиня отщипнула кусочек кекса.

— Бролл даст течению унести их на юг, а затем повернет к Хафрейнсору.

— Долгое будет плавание, — заметила я.

— Долгое, но безопасное. — Аллин пожала плечами. — И с Броллоном на борту у них не будет проблемы с пресной водой.

— Преимущество, которое корабли с магами имеют над кораблями с практикующими Высшего Искусства, — с сожалением признала Гуиналь. Однако обсуждение магии немного улучшило ее настроение.

— Тебе уже удалось связаться с Паррайлом? — небрежно спросила я.

— Нет. — Барышня пригладила свои безупречные косы. — Я думала проникнуть ночью в его сны, но связь ускользнула. — Она поправила цепочку на талии. — Вряд ли бедный парень спал настолько глубоко, чтобы видеть сны.

— И немудрено, — заметила я.

— Это вовсе не компрометирует твоё мастерство, — серьёзно заявила Аллин.

— Возможно. — Гуиналь натужно улыбнулась. — Расстояние над водой — самая большая проблема, боль, разрывающая эфир.

— Как это? — нахмурилась девушка-маг. Она всегда интересовалась Высшим Искусством. Особенно волновала её одна мысль: как удастся Гуиналь черпать коллективную волю и веру людей, ни о чём таком не ведающих?

— Возможно, будет легче, если мастер Джид умрет. — Удивительно, обычно невозмутимая дворянка, казалось, стыдится своих слов. — Его боль поистине ужасна и приводит в беспорядок эфир. Страдание из-за его мучений накладывается на мысли его людей.

— Все равно что творить магию туч во время ливня, — понимающе кивнула Аллин.

Я же почувствовала себя круглой душой.

Гуиналь взглянула в мою сторону:

— Представь, что ты пытаешься петь, когда кто-то кричит тебе в ухо.

Тёмные глаза Аллин наполнились слезами.

— Утром, когда я гадала, мастер Джид ещё был жив.

— Центральная мысль в его уме — защитить Налдета, — печально молвила дворянка.

Я подумала о том, что сказала мне Хэлис вчера ночью за рюмкой белого бренди. Чтобы атаковать такую удобную для обороны позицию сравнительно малым числом людей, нужен источник внутренних сведений. Любой маг, говорящий с Налдетом, выдаст его своей магией, поэтому разговор с Паррайлом через эфир остается нашей единственной надеждой. Я

посмотрела на фигурку Белого Ворона, тщательно выбирая свои следующие слова.

— А не мог бы кто-нибудь из вас отпустить мастера Джиду на попечение Полдриона? — Если те, кого я люблю, должны подвергаться опасности, я сделаю все, чтобы ее уменьшить.

— Это не в моих силах. — Дочь благочестивой деревенской семьи Лескара, Аллин была шокирована.

Гуиналь повернулась ко мне, и я твердо встретила ее взгляд. Барышня придерживалась древних верований, давным-давно ставших мифами и балладами. Но она обучалась Высшему Искусству исцеления, а значит, часто работала с больными и умирающими.

— Он умрет через день-другой.

— Разве Острин требует, чтобы смерть была бессмысленной мукой? — Я видела, как хирурги наемников зывали к богу исцеления и гостеприимства, давая безнадежному больному последнее питье, чтобы не заставлять Сэдрина нетерпеливо звенеть ключами.

Что-то в глазах Гуиналь подсказало мне, что барышня делала то же самое.

— Будь я там, я бы могла принести ему облегчение.

Я посмотрела на доску и представила себе, что играю Вороном вместо Аллин. Предлагать сопернику поменяться сторонами — это отличный прием, обычно срабатывающий в пивных. Главное, чтобы противник сделал хорошую ставку, пока он уверен, что мне не выиграть при той безнадежной позиции, в которую я его загнала. Это нередко набивало мои карманы и, что важнее, научило меня одной простой истине: возможностей всегда больше, чем кажется на первый взгляд.

— Гуиналь, ты когда-нибудь пыталась творить Высшее Искусство на том, кого видишь в гадании?

Барышня покачала головой.

— Узара предлагал, но я так и не попробовала.

Аллин терзали сомнения.

— Высшее Искусство и магия стихий так часто мешают друг другу...

— Вы могли бы избавить мастера Джиду от боли, — перебила я ее.

— ...что могло бы в достаточной степени очистить эфир, чтобы я связалась с Паррайлом. — Гуиналь смотрела на меня так пристально, словно читала мои мысли своим Высшим Искусством. — Хорошо. Аллин, ты не погадаешь для меня?

Девушка поколебалась, но не посмела отказаться. Бедняжка слишком привыкла, что все ей приказывают. Я давно собиралась заняться ее воспитанием, но сейчас лишь обрадовалась, что магиня такая покладистая.

— Конечно, барышня.

Аллин пошла к дальнему концу стола, где теперь постоянно находились вода, чаша, чернила и масла. Ей не потребовалось много времени, чтобы вызвать образ мастера Джиду: лицо посерело, голова поникла, рот открывался то ли от жажды, то ли от нехватки воздуха. Его глаза были открыты, но казались мутными и сонными. От прибитых кистей по дереву мачты растеклась черная кровь. Свежие, яркие струйки лились, когда усталость или судорога вызывали невольное движение, умножая муки капитана.

— Милосердие — долг высшего по отношению к низшему, — пробормотала Гуиналь с внезапной решимостью. — *Ферат аза най, элар мемрен фелдар. Острин аграл фре, талат мемрен тор.*

Ритм заклинания напомнил жалобную песнь, которую мой отец-менестрель играл над мертвым ребенком одной из моих теток. Внезапная рябь побежала по поверхности гадания, хотя никто не прикасался к чаше. Вдруг видение пригвожденного моряка исчезло.

— Простите. — Аллин не сводила глаз с чаши. — Что-то пошло вразрез с магией.

Гуиналь чуть не заплакала, но быстро взяла себя в руки.

— Не сработало. Я это почувствовала.

Меня кольнула запоздалая вина. Не стоило требовать от барышни непосильного.

— Ты сделала все возможное. — И в то же время я была донельзя раздосадована.

Дверь приемного зала открылась — вошли Темар, Райшед и Хэлис, поглощенные новым спором.

— Итак, мы еле-еле набрали боевой отряд, — заявила Хэлис, резким жестом отсекая протест Темара. — Как мы охватим Сатайфер с флангов без пары больших кораблей?

Я подняла руку.

— Я знаю, где мы достанем еще один. — Хоть чего-то я сегодня достигла.

Хэлис воззрилась на меня с живым интересом, Темар — с внезапной надеждой, а Райшед — с ласковым подозрением.

— Шив и Узара в Зьютесселе, — объяснила я. — Утром они говорили с Аллин.

— Я рассказала им о Налдете. Они считают, что обязаны помочь. — Девушка почти не покраснела, приукрашивая истину.

Темар улыбнулся ей с восхищением.

— Сколько человек они могут собрать? Что советует Планир?

— Ты не свяжешься с ними прямо сейчас? — настойчиво попросил Райшед.

Хэлис кивнула:

— Если ты восстановилась со вчерашнего дня.

Аллин стала пунцовой, но я надеялась, что все припишут это ее застенчивости, а не чувству вины. Девушке приказали не творить магию по крайней мере до сегодняшнего полудня. Но утром Аллин сама убедила меня, что вполне отдохнула и готова узнать, что затевают Шив и Зар. Мы с Хэлис отошли от стола — дали возможность магине дотянуться до широкого серебряного зеркала и подсвечника, принесенного из спальни Темара.

— Эх, было бы у меня несколько хороших корпусов да горсть магов для связи, — тихо заметила Хэлис, пока Ал-

лин творила свои чары. — Я бы вручила лескарский трон тому герцогу, который предложил бы мне самые большие деньги.

— А как, по-твоему, древние когорты Тормалина ухитрились разгромить армии Каладрии? — неожиданно заговорил Темар. — Координировать отряды с помощью магии — все равно что иметь в полтора раза больше людей.

— Именно это нам и понадобится, чтобы выйти победителями из боя, — подтвердил Райшед.

— Вот поэтому каждого будущего адепта учат этике Высшего Искусства, — процедила Гуиналь, неодобрительно глядя на Темара.

— Шив? Это Аллин. — Девушка улыбнулась в зеркало. — Как у вас дела?

Заклинание показало нам Шива и Узару в обшитой деревянными панелями комнате, обставленной с простой элегантностью. Освещение приобрело полупрозрачность, которую создает вода за окном.

— Где вы? — спросил Райшед.

— На стороне океана, — ответил Узара. — В трактире под названием «Сад Грифона».

Райшед весело присвистнул.

— Для людей Планира, как всегда, все самое лучшее.

Окрашенное охровыми тонами изображение в зеркале задрожало, яркий ободок вокруг него сжимался.

— Аллин? — Темар положил ладонь ей на плечо.

Девушка кивнула:

— Это Шив и Узара укрепляют связь.

Изображение прояснилось, и голос Шива потерял металлическое звучание.

— Раш, как лучше всего нанять здесь корабль?

— Обратитесь к коменданту порта, — посоветовал Райшед.

Маг соорудил гримасу.

— Он говорит, что все или уже в море, или вот-вот отплывут.

— Тогда обойдите портовые таверны и найдите капитана, неуживчивого на вид. Предложите ему больше того, что он уже получил. — Райшед какой-то миг колебался. — Хотя вам понадобятся наличные деньги, а не обещание доли в конечной выплате.

Шив и Узара обменялись взглядом, который не нуждался в пояснениях.

Райшед захрустел пальцами.

— Есть один ростовщик по имени Рентуан. Он сидит в ювелирной лавке на Рыбачьей улице, там, на стороне Залива. Скажите ему, что я прислал вас за приданым Китрии.

Поскольку единственная сестра Райшеда давно лежала пеплом в урне, пароль был удачным.

— Я возьму тебе каждое пенни, — вытянул из себя заверение Темар, взглянув на моего возлюбленного.

Пусть только попробует не возместить, подумала я. То золото — знак уважения Д'Олбриота к Райшеду, хотя прагматизм и побудил съера вернуть его клятву.

— Вам нужен капитан не слишком щепетильный, который не станет возражать против заполнения его трюмов бойцами, а не грузом, — посоветовала Хэлис. — И который сможет приструнить ваших портовых крыс.

— Смотрите, чтобы вас самих не арестовали за подготовку пиратства, — поспешно вставил Райшед.

Темар наклонился ближе к зеркалу.

— Мы не хотим, чтобы известие об этом дошло до императора, — сказал он заговорщицки, понизив голос.

— Или до любого избранного или присягнувшего, — добавил Райшед. — Помните, Зьютессела — город Д'Олбриота.

— Шив, ты много времени провел в портах? — спросила я.

— Нет, — возмущенно отрезал маг. — Почему меня все время об этом спрашивают?

Темар обратился к Райшеду.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы им помочь?

Мой возлюбленный покачал головой:

— Чтобы Д'Олбриот об этом не услышал? Нет.

— Я совсем не уверена, что им удастся это сделать, — прошептала мне Хэлис. — Боюсь, им просто перережут горло. Там должна быть ты или я.

— Но мы нужны здесь. — Я прикинула, кто еще мог бы иметь и необходимый опыт, и готовность нам помочь. — Каролей не упоминала, где Сорград и Грен останутся на зиму?

Хэлис покачала головой:

— Они уехали в Солуру — это последнее, что я слышала. Даже Императорская курьерская почта не доставит туда письмо настолько быстро, чтобы от него был прок.

Или связующие чары Аллин улучшались, или Узара обладал необычайно острым слухом.

— Я мог бы связаться с Сорградом. — Он походил на утопающего, который заметил веревку.

— Вы могли бы перенести их к себе магией? — спросила я.

— Вероятно, — задумчиво протянул Шив. — Если мы будем работать вместе.

— Кто эти люди? — спросил Темар у Райшеда.

— Наемники, среди прочего. — Он бросил на меня задумчивый взгляд. — Мы не встречались, но Хэлис и Ливак о них высокого мнения.

Райшед подошел и положил руки мне на плечи. Обхватив своего возлюбленного за талию, я спрятала лицо у него на груди. Его уютные объятия помогли успокоить совесть, которая грызла меня из-за той просьбы к Гуиналь, а также помешали Хэлис поймать мой взгляд. Я видела на ее лице жгучий вопрос, на который пока не хотела отвечать.

Моя подруга перенесла внимание на Шива.

— Попробуйте что-нибудь узнать о пиратах со змеей на флаге. Только смотрите, чтобы вам не перерезали горло.

Темар сжал плечо Аллин.

— Ты устаешь. Этого пока довольно.

Шив кивнул:

— Я свяжусь с тобой, когда мы установим контакт с Сорградом. — Он сделал жест, и связь через бесконечные лиги разорвалась, оставив зеркало пустым кругом.

Хэлис повернулась ко мне.

— Как он хочет связаться с Сорградом? Я думала, маги могут говорить только с магами.

Я пожала плечами:

— Прошлым летом выяснилось, что Сорград — урожденный маг.

У Хэлис отвисла челюсть. Затем ее лицо потемнело от гнева.

— Ты мне не сказала!

— Это не мое дело, — возразила я. — Если ищешь драки, обсуди свои претензии с Сорградом.

Моя подруга покачала головой:

— Когда я думаю о тех случаях, когда могла бы использовать мага...

Как и я, Хэлис считала, что от магов следует держаться подальше, но с тех пор как нас втянули в дела Келларина, она стала ценить их пользу.

— Привлеку магию к лескарским войнам — и ты лишь добьешься объединения остальных герцогов против того, за которого ты сражаешься, — сказал Райшед. — Хотя, как знать, может, это помогло бы закончить их проклятые междоусобицы.

Он ухмыльнулся, но Хэлис оставалась мрачной.

— Сорград не принес бы тебе никакой пользы, — сказала я ей начистоту. — Он ничего не умеет. Его изгнали из Гор за то, что он родился магом, поэтому магия всегда была для него только проклятием.

Если мы, жители низин, остерегаемся чародеев, то это ничто по сравнению с ненавистью, которую питают к ним Горные Люди под руководством их Шелтий. Когда я сама это увидела, то поняла, почему Сорград всю жизнь подавлял свое нежеланное родство.

— Хватит ссориться, у нас есть дела поважнее, — с удивительной властностью произнес Темар. — В когортах нас учили узнавать о своих врагах все что можно. Кто способен рассказать нам больше об этих пиратах?

Я вздохнула.

— Если б мы только могли спросить Отрика.

Беспутный мастер Туч, которого нам так не хватало, всю жизнь изучал работу ветров, плавая по морям-океанам с теми, кто брал его на борт. Это не раз оказывались пираты.

— Велиндра долго плавала в том году вдоль океанского побережья, — нерешительно сообщила Аллин.

— Она не брезгает портовыми отбросами, верно? — Я развеселилась. Мы почти не были знакомы, но Велиндра запомнилась мне как одна из тех магов, что являют миру фасад безмятежной отчужденности. Возможно, она имела и скрытые глубины.

Темар обеспокоенно посмотрел на Аллин.

— Ты не должна себя утомлять.

Девушка положила свои маленькие, мягкие пальцы на его длинные, загрубевшие от работы.

— Со мной все в порядке, правда. В конце концов, это магия огня, и, ты знаешь, Шив прав. Чем больше магии я творю, тем лучше у меня получается.

Я заметила, как Гуиналь с застывшим лицом смотрит на Темара и Аллин.

— Велиндра в Хадрумале. — Девушка установила новую свечу и зажгла ее, шелкнув пальцами. — Думаю, она в самом деле надеется стать госпожой Туч.

Если Велиндра обманывается, то все ее труды пойдут на-марку. Заклинание Аллин застало ее в библиотеке за широким столом в окружении открытых томов, положенных друг на друга.

— Аллин? — В голосе Велинды не слышалось большой радости. Она быстро надвинула чистый лист пергамента на неразборчивый и выцветший манускрипт, который изучала.

— Привет, Велиндра. — Аллин заметно нервничала. — Сьеру Д'Алсеннену нужна твоя помощь.

— Какого рода помощь? — Лицо белокурой магини казалось совсем бледным на фоне дубовых полок с потемневшими от старости книгами.

— Ты лучше всех знакома с океанским побережьем, — вежливо объяснил Темар. — Пираты высадились на Сатайфере, и мы хотели спросить, не знаешь ли ты их?

Ответ Велиндры был осмотрительным:

— Возможно.

— У главаря алый вымпел со змеей, — сообщил Д'Алсеннен. — Сам он темноволосый, необычайно высокий и бородатый.

Магиня подняла белесые брови.

— Похоже на негодяя по имени Мьюрдарч.

Райшед сжал мои плечи, и мы оба невольно шагнули ближе к столу.

— Он был капитаном капера в Инглизе, — начала Велиндра.

Темар непонимающе посмотрел на Райшеда.

— Торговцы играют по правилам Инглиза, или они не торгуют вообще, — с презрением ответил мой возлюбленный. — Главы гильдий объявляют награду за корабли, игнорирующие их расценки или приходящие из портов, на которые наложен запрет. Каперы за ними охотятся.

— Большинство захватывает и честные корабли, которые встречаются им на пути, — добавила Велиндра.

Райшед сурово кивнул:

— Они продают грузы торговцам, которые не задают вопросов, или сьерам, которые выдают их за товары из своих собственных поместий. Так где был этот Мьюрдарч в последнее время?

Велиндра пожала плечами:

— В Регине, я полагаю.

Теперь не только Темар смотрел на Райшеда вопросительно.

— Это самый южный порт на побережье залива, настоящее змеиное гнездо, — объяснил мой возлюбленный. — Пираты знают, что корабли законопослушных Домов не станут преследовать их вокруг Мыса Ветров. Сами же они готовы рискнуть, когда альтернатива — висеть в цепях на пристани. Если они благополучно высадятся в Регине, то продадут все улики жителям Архипелага.

— После чего спокойно поплывут на север вдоль побережья залива с невинным грузом алдабрешских пряностей, шелков и драгоценных камней, — закончила Велиндра.

— А зачем этот Мьюрдарч подался на Сатайфер? — поинтересовалась я.

— У него большой зуб против Инглиза, — объяснила магиня. — Он взял письмо гильдии с объявлением награды за корабль Ден Ладжана. Сьеру удалось откупиться, но уже после того, как Мьюрдарч отплыл.

— Выходит, Мьюрдарчу не заплатили? — догадался Райшед.

— Хуже. Он захватил корабль и распродал товары в Черлите, затем приехал в Инглиз, рассчитывая получить выкуп за команду у Ден Ладжана. Главы гильдий отказались выплатить награду и велели ему возместить Ден Ладжану убытки из собственного кармана. Мьюрдарч отказался, и они объявили награду уже за его голову и корабль.

— Значит, каждый второй пират стремится прибить его шкуру к своей мачте? — предположил Райшед.

Велиндра покачала головой:

— Вовсе нет. Никто его не тронет. Мьюрдарч — умный человек, он умеет внушать и верность себе, и уважение. Даже если Инглиз поднимет награду, чтобы соблазнить какого-то отчаянного капитана, страх последствий взбунтовал бы его команду. На каждую историю о храбрости или дерзости Мьюрдарча приходятся две о его жестокости.

— Откуда он родом? — Я не раз находила ключи к слабостям человека в его происхождении.

— Рассказывают всякое. — Велиндра начала загибать пальцы с нелепо обкусанными ногтями. — Внебрачный сын какого-то знатного Дома. Один из двух сыновей главы инглизской гильдии, который держит в своих руках и легальную торговлю, и пиратство. Обездоленный вождь каких-то далазорских кочевников, бежавший к морю от своих врагов. Остальные легенды еще фантастичнее.

— Откуда он взялся — не так важно. Важнее, где он сейчас, — твердо сказал Темар. — Мадам маг, мы были бы рады...

— Сожалею, эсквайр, о, прошу прощения, мессир, но я остаюсь в Хадрумале. — Велиндра обратилась к Аллин: — Здесь открываются самые широкие возможности. Ты училась у мастера Калиона. Кажется, его влияние на подъеме. Они с Троанной склоняют Совет заняться назначениями. Возможно, скоро мы увидим и нового мастера Туч, и нового мастера Камней.

Мне почудилось, или в глазах блондинки действительно зажегся расчетливый огонек?

— Аллин, ты случайно не знаешь, куда делся Узара, а? Сияние магического круга потускнело.

— Прости, — задыхнулась девушка. — Я слишком устала. — Зеркало ярко вспыхнуло и тут же погасло, стирая пыльное лицо Велиндр.

— На самом деле я не устала. — Аллин виновато посмотрела на Темара. — Но я не хочу навлечь неприятности на Шива и Зара. Думаете, она мне поверила?

— Значит, Хадрумал не знает, что они затевают? — Райшед уставился на меня, и его взгляд обещал допрос вместо любовной болтовни в постели.

Я жизнерадостно улыбнулась.

— Думаю, Верховный маг знает, что происходит у него за спиной и что творится у него под носом. Раньше он всегда знал.

Мой возлюбленный недоуменно поднял брови.

— Если мы не вмешиваем Планира именем Темара, тот жирный ублюдок Калион не сможет использовать его инте-

рес к Келларину в качестве палки для битья, — объяснила я со всей рассудительностью. Потом снова улыбнулась Райшеду и заслужила нейтральную усмешку, которая успокоила мою душу.

ЗЬЮТЕССЕЛА, ТОРМАЛИН, 20-е ПОСТВЕСНЫ

Шив беспокойно посмотрел на Узару через стол, покрытый белоснежной льняной скатертью.

— Ты действительно хочешь привлечь эту парочку?

— У тебя есть другие предложения? — осведомился Узара. — Нам не повезло нанять корабль, имея дело с честными людьми.

— Поэтому мы будем иметь дело с двумя заведомо нечестными? — Шив скривился. — Которые могут исчезнуть с деньгами Райшеда быстрее, чем масло в пасти собаки?

— Я бы предпочел рискнуть деньгами, чем оказаться зарезанным в портовом переулке, — откровенно признался Узара. — Во всяком случае, они бы не предали ни Ливак, ни Хэлис.

— Поверю тебе на слово, ведь это ты с ними путешествовал. — Но Шива его слова не убедили.

— Мне они понравились, — заявил Перид из угла, набиная кожаную сумку бутылками и кистями из окованного медью сундука.

— Допустим, как гости дома они были очаровательны, но я слышал от Ливак истории, от которых у меня чуть волосы не завились. — Шив провел рукой по своим совершенно прямым волосам. — И эти братья, как она сама: никогда не делают ничего бескорыстно. А что мы можем предложить?

— Сорград утверждал, что не желает обучаться магии. Но Ливак как-то намекнула, что именно за этим он поехал в Солуру. — Взгляд Узары стал далеким. — Ты знаешь, что он обладает двойным родством?

Шив кивнул:

— Тем более жаль, что такой талант пропадает даром.

— Подумай, — нетерпеливо заговорил Узара, — Сорград созвучен огню и воздуху. Это дает нам четыре стихии на троих.

Шив взглянул на него недоверчиво.

— Думаешь, мы могли бы создать полную магическую связь с необученным горцем?

— Возможно, не полную, — допустил Узара. — Но это шанс, реальный шанс увидеть, на что мы способны, если объединим свои стихии. В Хадрумале о таком и мечтать не стоит. Там обязательно кто-нибудь наябедничает Калиону или Троанне.

— Возможно. — Шив забарабанил пальцами, потом решительно стукнул по столу. — Разговорами сыт не будешь. Тебе лучше связаться с Сорградом и узнать, что он думает.

Перид повесил сумку на плечо.

— Пойду заработаю вам на свечи. — Он поймал протянутую руку Шива. — Дай мне знать, как только назначите дату отплытия. Несколько портретов маслом принесли бы больше денег, чем чернильные и акварельные эскизы. — Он сжал пальцы мага и пружинистым шагом вышел за дверь.

Узара смущенно уставился вслед художнику.

— У нас хватает денег для таких вещей.

— Перид рисует и чертит не ради денег. — Шив засмеялся. — Это просто удобный предлог. Он бы потратил последний медяк на обрывки пергамента или уголь и даже не вспомнил бы про хлеб.

Узара оживленно потер ладони.

— Ну что, попробуем найти Сорграда? — Он потянулся к маленькому дорожному зеркалу. — Подашь мне свечку?

Но не успел Шив дойти до каминной полки, как дверь снова открылась.

— Смотрите, кого я встретил на лестнице, — объявил Перид.

— Ларисса, — невежливо буркнул Шив.

Узара разинул рот.

— Ты что здесь делаешь?

— Добрый день. — Ларисса села на стул Шива и застенчиво оправила лавандовые юбки, прикрывая ноги в сапожках. Потом расшнуровала короткий серый дорожный плащ. Упав с плеч девушки, он открыл застегнутый на все пуговики лиф платья с высоким воротом и длинными рукавами. Но несмотря на скромность наряда, магиня держалась с бессознательной чувственностью. Период машинально извлек из сумки материалы для наброска.

— Чему обязаны таким удовольствием? — резко спросил Шив.

Высокие скулы Лариссы порозовели.

— Я хочу поехать в Келларин.

Оставшись без стула, Шив сел на кровать, прямо на богато вышитое покрывало.

— Тебя послал Верховный?

— Нет. — Избегая его взгляда, Ларисса перебросила за спину толстую светло-каштановую косу.

— Тогда как ты узнала, что мы здесь? — мягко спросил Узара.

— Планир сказал, что вы плывете в Витрансель, — с некоторым вызовом ответила Ларисса. — Вы должны были находиться здесь или в Бремилейне. Я умею гадать.

— Думаешь, мы поверим, что Планир не следит за каждым твоим шагом? — язвительно протянул Шив.

— Шиввалан! — воскликнул Период.

— Почему он должен следить? — набросилась Ларисса на долговязого мага. — Чем я заслужила такой интерес? У меня ведь нет настоящего таланта, разве не так говорят? Двойное родство, но оно не сравнится и с половиной истинных способностей. Как бы еще я продвинулась в Совет, не играя роль грелки Верховного мага? Какая от меня может быть польза? Я умею лишь то, чему научилась в постели Планира. — Горечь сквозила в ее сарказме. — Или ты из лагеря тех, кто думает, что талант у меня есть, только не к магии, конечно, а к тому,

чтобы спать с нужным человеком и, утолив его похоть, выведывать его секреты? Или ты один из тех, кто воображает, будто я веду более дальновидную игру и просто жду, чтобы предать его в угодку Калиону или Троанне? — Она притворно всплеснула руками.

Узара погладил бороду.

— Я вижу, ты в курсе текущих сплетен.

— Всегда находятся люди, которые считают, будто я должна знать, что обо мне говорят. — Обида умерила негодование Лариссы.

— Но сами они с теми сплетнями, естественно, не согласны. — Пери оторвался от своего наброска и многозначительно взглянул на Шива. — И они защищали тебя, действительно защищали.

— Ты ученица Верховного мага, и ты спишь в его постели, — неохотно изрек Шив. — Дунь в пыль, и она будет щипать глаза.

— Ты никогда не терял голову из-за любви, Шив? — Голос Лариссы слегка задрожал, угрожая ее самообладанию.

— Конечно, терял. — Тон Перида не оставил места для спора.

Узара откашлялся в хрупкой тишине.

— Но почему ты хочешь присоединиться к нам?

Ларисса засопела.

— Если я потеряла голову из-за любви, то хадрумальские сплетники говорят то же самое о Планире. Или, как утверждает Калион, он потерял голову из-за похоти. Мастеру Очага так больше нравится, ибо это все упрощает. Троанна просто не одобряет, из принципа, что немного забавно для женщины, которая дважды была замужем и у которой Дрианон знает сколько детей. — Ларисса бросила на Узару несчастный взгляд. — Кого ни послушай, я подрываю авторитет Планира. Та стерва Эли намекала, что он не назначит нового мастера Туч, пока не придумает какую-то уловку, чтобы поддержать мою кандидатуру. По ее словам, Планир готов использовать

свой собственный дар, чтобы скрыть мои недостатки перед Советом.

Шив был потрясен.

— Это смешно.

— Если мое присутствие склоняет чашу весов против Верховного мага, то я лучше уйду. — Голос ее окреп. — Я докажу, на что я способна, и даже Калион со своими подхалимами не сможет это отрицать. Вы изучаете совместное творение стихий в менее строгих сочетаниях, чем полная магическая связь. У меня двойное родство, и у меня достаточно знаний. Мне есть что вам предложить.

— Вообще-то мы здесь не за этим. — Узара поскреб бороду. — Пираты захватили Сатайфер, те острова на пути к Келларину. Мы собираемся помочь Д'Алсеннену выгнать их.

— Я тоже могу помочь, — не растерялась Ларисса.

— Верховный не хочет, чтобы мы вмешивали Хадрумал, — твердо сказал Шив. — Император такого не потерпит. Но если ты поедешь с нами, то поневоле втянешь Планира.

Ларисса фыркнула.

— Никто в Тормейле не знает, что я сплю с Верховным.

— Все в Хадрумале знают, — сказал Шив. — Калион первый разгласит сей пикантный секрет, если решит, что это дискредитирует Планира среди влиятельных Домов.

— Пусть сьер Д'Алсеннен решает, нужна ли ему моя помощь, — заупрямилась Ларисса. — Спросите его.

— Я не уверен... — нерешительно начал Узара.

— Если ты только что прибыла, тебе нужна комната, — вмешался Перид, дабы предупредить категорический отказ Шива. — Попробуем снять тебе комнату здесь?

— Хорошо бы. — Ларисса благодарно приняла его находчивое предложение, которое позволяет ей уйти с достоинством. — Продолжим позже.

Шив решительно захлопнул дверь, его зеленые глаза пылали от возмущения.

— Только этого нам не хватало!

— Тебе ее не жаль? — Узара явно сочувствовал девушке.

— Она должна винить только себя, — отрезал Шив, но его осуждению не хватило запальчивости.

— По-твоему, Планир должен жить как какой-то солурский анахорет, потому что маги предпочитают сплетничать о его любовницах, а не заниматься своими исследованиями? — парировал Узара.

— Зар, мы не можем ее взять! — Темноволосый маг развел руками.

— И кто ей об этом скажет? Ты?

Шив поджал губы.

— А нельзя просто уехать без нее? Ларисса никогда не была в Келларине или на Сатайфере, поэтому не сможет туда перенестись.

Узара взял в руку серебряное зеркальце.

— Нам надо спешить. Раз мы не хотим принять помощь Лариссы, нам тем более не обойтись без Сорграда.

— Выбирать из двух зол, — проворчал Шив.

— Перестань жаловаться и передай мне свечку.

Получив свечу, Узара зажег ее легким взмахом руки.

— Давай не забывать, что наша цель — помочь Келларину, а не грызться между собой.

Шив нахмурился, но ничего не возразил.

— Ты сможешь дотянуться до Солуры?

— Если не смогу, тебе придется на них гадать.

Бородатый маг занялся своими чарами. В следующий миг зеркальце вспыхнуло янтарным огнем. Узара испуганно отшатнулся.

— Сорград, это я.

Встав за плечом Узары, Шив увидел две хорошо знакомые фигуры, удирающие от заклинания, которое так неожиданно открылось рядом с ними. Братья спрятались в канаве у обочины пустой дороги. У обоих были тонкие белокурые волосы и яркие голубые глаза коренных горцев. Тот, что первым осторожно всмотрелся в магическую пустоту, был приземистее брата, хотя на первый взгляд они выглядели удивительно похожими.

— Зар? — недоверчиво спросил Сорград, потом широко улыбнулся. — Как жизнь, приятель? — Он смахнул несколько увядших листьев со своего одеяла и сел на него, скрестив ноги.

— Это так магическая связь выглядит с другой стороны, да? — Грен, неожиданно развеселившись, плюхнулся рядом с братом. — Ты когда-нибудь заставлял кого-нибудь в объятиях дамы? Или кого другого?

— Мы получили известие от Ливак. — Узара сразу перешел к делу. — Пираты высадились на островах посреди океана. На тех, которые используют корабли, направляющиеся в Келларин, как стоянку.

— Я помню карту. — Проницательные глаза Сорграда посуровели. — Уверен, у Планира есть какой-то хитрый план, чтобы их утопить.

— Пираты? — Грен с любопытством поднял палец, намереваясь ткнуть им в заклинание, и Сорград хлопнул его по руке.

— Планир говорит, что это не его забота, — язвительно обронил Шив. — Хадрумалу нет дела до пиратов.

— Райшед и Хэлис набирают отряд в Келларине, а мы надеемся сделать то же самое в Зьютесселе, — продолжал Узара. — Ливак сказала, вы могли бы помочь.

— В Зьютесселе? — Сорград толкнул ухмыляющегося брата в ребра, призывая к молчанию. — Не знаю ее, но порты везде одинаковы, что в Коле, что в Пеорле, что где-нибудь еще. — Он нахмурился. — Мы не на той стороне Лагонтара.

— Мы доедем на чем-нибудь до гавани Нестар и найдем корабль до Кола. — Грен уже стягивал свое одеяло кожаным ремнем и разыскивал среди листьев потертую кожаную котомку.

— От Кола до Аттара, потом через Лескарский залив. Пока мы до вас доберемся, будет уже поздно. — Сорград покачал головой. — Но я могу дать вам парочку советов, чтобы вас не ограбили.

— Мы не можем оставить Ливак и Хэлис извиваться на ветру, — упрямо заявил Грен. — И почему им должна достаться вся добыча?

— Это интересный вопрос. — Сорград улыбнулся. — Даже совет должен стоить какого-то серебра.

— Вы не поможете нам просто ради Ливак? — Шив казался разочарованным.

— Тебе бы играть в маскарадах, чародей, — засмеялся Сорград. — Ливак первая поднимет меня на смех, если я не потребую справедливой награды.

Узара пожал плечами:

— Д'Алсеннен может заплатить вам долю из тех трофеев, что успели захватить пираты.

— Мы сами ее выберем, — отрубил Грен.

Маги посмотрели друг на друга.

— Если Хэлис согласится, — осторожно сказал Узара.

— Но нам нужен от вас не просто совет. Мы хотим перенести вас сюда, чтобы вы сами это сделали. — Шив наклонился ближе к зеркальцу. — Сорград, какой магии стихий ты научился в Солуре? Насколько ты продвинулся?

У Сорграда окаменело лицо.

— Не настолько, чтобы окупить эту поездку.

— Ты имеешь какое-нибудь представление о перемещениях? — спросил Узара.

— Это заклинание тесно связано с воздушным родством, — ободрил Сорграда Шив. — Попробуй, у тебя должно получиться.

— Ага, когда рак свистнет. — Сорград упрямо покачал головой.

— Тогда мы сами перенесем вас сюда. — Шив рассеянно потер ладони о бедра.

Грен насторожился.

— Уронишь меня в океан, чародей, и я не утону, пока не заставлю тебя об этом пожалеть, — пригрозил он.

— Сорград, я знаю, ты можешь вызвать пламя свечи. Поддержи эту связь, чтобы помочь нам. — Узара положил зеркальце на стол, и Шив торопливо сел напротив.

— Как? — нехотя поинтересовался Сорград.

— Нашупай огонь, — велел Шив. — Используй его, чтобы сохранить этот световой круг.

Зеркало теперь лежало, и Узара позволил себе скептически взглянуть на товарища.

Но Шив сосредоточился на зеркале.

— Все, что ты должен делать, это поддерживать отражение.

Заклинание потускнело, и нерешительный голос Сорграда принял металлический отзвук.

— Так, что ли?

— Сойдет, — заверил его Узара. — Если мы будем работать очень быстро, — добавил он Шиву, понизив голос.

Узара положил руки на стол и глубоко вдохнул, уставясь невидящим взглядом на белую скатерть. Когда он провел руками по кругу в противоположных направлениях, лазурный след задержался на полотне как воспоминание о голубом небе за тонким облаком. Узара поднял руки, держа в ладонях раздувающийся шар серовато-синего магического света. Сфера росла, ее сероватый оттенок превратился в чистое индиго, постепенно бледнея и переходя в цвет летнего, чуть золотистого вечернего неба. Огромный голубой пузырь окружил магов и исчез за пределами комнаты.

Плотно закрыв глаза, Шив вытянул руки и соединил ладони. Затем растопырил пальцы, и бирюзовое сияние оплело сеткой его кисти. Блеснув, как молния в ясном небе, оно тут же исчезло. Маг нахмурился. Появились новые светящиеся нити, но все еще не толще паутины, отражающей лунный свет. Шив глубоко вдохнул, и ажурный узор силы заблестел ультрамарином. Маг с бесконечной осторожностью развел руки. Пряди магического света стали толще и сплелись, нити лопались и вновь соединялись, свиваясь в кольца, которые быстро поднимались вверх. Растянувшись, магическая спираль стала тоньше, бледнее. Она достигла окна и улетела.

— Что-то должно происходить? — раздался из серебряного зеркальца любопытный голос Грена.

— Ты мне скажи, — коротко ответил Сорград.

Голова Узары склонилась к столу. Шив вытер пот со лба тыльной стороной руки.

— Проклятие!

— Значит, мы все-таки останавливаем телегу? — разочарованно произнес Сорград, ухмыльнувшись.

— Слишком далеко, — задыхаясь, проговорил Узара. — Мы ведь работаем не в своей стихии.

— У нас почти получилось. — Шив согнул руки и нахмурился. — Мы должны были забрать хотя бы одного.

— Мы идем оба или не идем вообще, маг. — В приглушенном голосе Сорграда слышалась непреклонность.

Узара посмотрел на Шива:

— Мы могли бы сделать это с помощью Лариссы.

Шив застонал:

— Ты серьезно?

— Есть другие предложения? — Узара смахнул с ладоней слабые остатки сияния. — Может, попросишь Императорскую курьерскую почту упаковать Казуела в ящик и прислать сюда?

Шив потер виски.

— Не знаю, с кем было бы больше хлопот.

— Мы должны что-то предпринять, — огрызнулся Узара. — Если не хотим вернуться к Планиру с поджатыми хвостами.

— Ладно, — согласился Шив без всякого энтузиазма. — Пусть Ларисса поможет нам перенести их сюда. Это даст ей какой-то опыт в комбинировании родства, которым она можем помахать перед друзьями Калиона. Но мы не берем ее на Сатайфер, согласен?

— Не знаю, интересно ли вам, но я вас еле вижу. — Огорченный голос Сорграда быстро затихал.

Узара повел рукой, и меркнувшее заклинание восстановилось.

— Нам нужна помощь еще одного мага. Не уходите далеко, и, когда вы понадобится, мы вас найдем.

— А ты не думаешь, что у нас есть свои планы на этот день? — донесся издали озорной протест Грена.

Ответ Сорграда нельзя было расслышать, так как связь разлетелась на сверкающие осколки, которые утонули в отражении зеркала.

— Проклятие! — Узара сердито загасил свечу.

— Пошли. — Шив направился к двери. — Они не могли далеко уйти.

Перид и Ларисса оказались единственными людьми в просторной комнате, занимающей большую часть первого этажа трактира. Слишком большая, чтобы называться кабинетом, слишком опрятная, чтобы быть просто пивной, с чисто выскобленными столами и стульями с реечными спинками, она могла предложить уютный уголок для двоих, а также место для веселых посиделок больших компаний. Занавески колыхались на открытых окнах, свежий морской ветерок выметал из углов запахи вина и ночной пирушки. Ларисса и Перид сидели у широкой арки камина, на столе между ними стоял поднос. Художник со знанием дела отмерил травы в шарик из серебряной сетки, защелкнул его и опустил в изящную керамическую чашку.

— Настой? — предложил он, когда подошел Шив. — Это местная смесь, довольно приличная, хотя и тяжеловатая от липовых листьев.

— Пожалуй.

Шив сел.

— Ларисса, — начал он и умолк, когда служанка в переднике наливала в кувшин кипятка из висящего над огнем чайника.

— Как оказалось, нам нужна твоя помощь в одном заклинании. — Узара пододвинул стул от соседнего стола и уселся на него верхом.

Шив подождал, пока служанка принесет недостающие чашки.

— Но, пожалуйста, после этого подумай еще раз, стоит ли тебе отправляться с нами. Все это плавание обещает быть крайне опасным.

Ларисса устала в свою чашку, тыкая ложкой в металлический шар с заваривающимися травами. Ее светло-карие глаза покраснели, а в руке Шив разглядел носовой платок Перида.

— Что я должна сделать?

— Присоединиться к нам для перемещения. — Узара убедился, что служанка его не слышит. — Нам нужно перенести двух человек из Солуры.

— Из Солуры? — Девушка изумленно подняла глаза.

— Из Западной Солуры, — уточнил Шив, добавляя холодной воды в настой, который вручил ему Перид.

— Это страшно далеко. — Ларисса наморщила нос в раздумье. — Нам нужно, чтобы вокруг было как можно больше воздуха, желательно где-то снаружи, на высоте.

Художник передал Узаре хрустальную вазочку меда, увидев, что бородатый маг скривился, попробовав свой напиток.

— Возьмите карету и езжайте на перевал. Туда все ездят полюбоваться видами.

— А там найдется укромное местечко? — поинтересовался Узара.

Перид кивнул:

— Рядом с площадью, на самой вершине, есть парк с монументами. Сьеры Ден Этот и Тор Тот потратили целые сундуки денег, чтобы себя обессмертить, не понимая, что через пару десятков лет о них никто и не вспомнит.

Шив усмехнулся.

— Ты уже все нарисовал в Зьютесселе?

— По крайней мере три раза, — заверил его Перид.

— Тогда поехали? — Узара встал.

Ларисса осушила свою чашку и, выжидательно подняв брови, посмотрела на Шива. Маг вздохнул и поставил недопитый настой.

На улице ярко светило солнце и даже хорошо пригревало. Обмахиваясь рукой, Ларисса расстегнула высокий воротник. Мимо, закутанные в шелка и несколько слоев муслина, а не шерсти, проходили элегантные дамы южного Тормалина. Фасоны их платьев были более разнообразными и менее строгими, чем официальные наряды Хадрумала.

— Сюда! — Перид поднял руку, когда наемный экипаж высадил стайку хихикающих девиц у модистки напротив. — На смотровую площадку, будь добр, — велел он кучеру.

Узара помог Лариссе сесть рядом с Шивом, который молча уставился в окно. Стук обитых железом колес по булыжникам заполнил карету.

— Интересно, семья Райшеда строила что-нибудь из этого? — заговорил Перид, как только трактиры и лавки торгового квартала сменились особняками. Побеленные стены под квадратами красных черепичных крыш прятались в тени деревьев, ароматных от цветов. Крепкие каменные ограды окружали эти жилища, иногда открытые ворота позволяли увидеть внутри оживленные дворы. На выложенных плитками тротуарах по обеим сторонам дороги также толкался народ. Умелые слуги доставляли мешки и бочки, работники несли инструменты и материалы. Няньки сгоняли малышей, скачущих от радости, подальше от громяющих телег и карет, а лакеи сопровождали на уроки хмурых юношей и девушек, недовольных таким надзором.

Узара изучал мелькающий за окном город.

— Братья Райшеда живут на другой стороне перешейки, не так ли? — откликнулся он наконец. — Во всяком случае, эти дома построены пять или шесть поколений назад, до того, как торговля с Инглизом начала приносить доход. Как по-твоему, Шив, когда их построили? В царствование Алеона Галантного или Иншола Резкого?

Шив не ответил. Ларисса снова любовалась своими руками, поэтому Перид и Узара, переглянувшись, умолкли.

Налегая на хомуты, лошади тянули карету по извилистой дороге все выше к перевалу, который прорезал глубоко-

кую расселину в зубчатых горах к северу и югу от перешейка. Дома здесь были меньше и стояли теснее, но, судя по окнам на фасадах, в каждом имелось три или четыре этажа, не считая мансард под коричневой и охровой черепицей. Булыжная мостовая кончилась, сменившись грунтовой дорогой. Из-за нагруженной подводы выбежала девушка с алым веером, пугая верховую лошадь. Возмущенно заржав, та отпрянула и наткнулась на упряжку их кареты. Нарекания кучера и дерзкие ответы девушки внесли резкие ноты в окружающую городскую суету. Внутри экипажа сохранялось молчание.

— Приехали, — с решительным воодушевлением объявил Перид. Пока он расплачивался с кучером, Узара вышел и учтиво предложил руку Лариссе. Магиня отмахнулась от нее с вымученной улыбкой.

— Ну, и где мы? — Шив осмотрел широкую площадь, вырубленную в скале, чтобы сделать плоской вершину перевала. С обеих сторон к океану спускались зазубренные утесы. По отвесным стенам и каменистым осыпям карабкались отважные травы и цветы, стараясь удержаться на скудной, выжженной солнцем почве.

— Эта дорога соединяет две гавани. Построившие ее принцы добились императорского соизволения навечно отдать им дорожные пошлины. Здесь они их и собирают. — Перид кивнул на тяжелые фургоны, гроыхавшие по выложенному плитами пространству. Они только что поднялись по широкой дороге, которая вела к невидимому порту более крупной, более старой половины города, глядящей на более спокойные воды Каладрийского залива, а не на изменчивые течения океана. Галеры, которые казались отсюда детскими игрушками, усеяли ярко-голубые воды, уходящие к горизонту.

Узара наблюдал, как человек в мундире со значком какого-то тормалинского принца неспешно подошел к возчику груженой подводы. Возчик предъявил амулет, и солдат кивнул, но остальных он направил к длинному ряду водопойных колод в тени раскачиваемых ветром деревьев.

— Сколько бы это ни стоило, оно должно быть выгоднее плавания вокруг Мыса. И время экономится, и никакого риска.

— Берегись! — Перида оттащил Лариссу в сторону — за ее спиной зафыркали усталые лошади. Их бока тяжело вздымались, когда возчик наконец ослабил поводья.

— Ферд, отнеси декларацию клерку Ден Ренниона! Шевелись, парень!

Мальчишка прыгнул с задка телеги и убежал, а возчик, понукая недовольную упряжку, направился к свободному месту рядом с группой мужчин. Те как раз делили груз, который они только что сюда привезли, между двумя фургонами, нетерпеливо ждущими товары из Каладрии, Лескара и более далеких стран.

Шив взирал на кипящую вокруг деловую жизнь.

— Они, поди, уже раз десять окупили расходы на эту дорогу.

— Скорее, сто, — высказал свое мнение Перида. — Но сьер всегда найдет применение лишним деньгам. — Он кивнул на отделение солдат, прогуливавшихся вокруг массивной статуи Дастеннина. Бог моря стоял в короне из водорослей, мантия разбивала пенную волну вокруг его ног, бронзовые руки, позеленевшие от древности, были протянуты в благословении к обоим морям.

Ларисса закрыла глаза и подставила лицо спокойному ветру.

— Мне кажется, я могла бы коснуться здесь самого неба, — восхищенно молвила она.

— Великолепное место для работы с воздухом, — согласился Узара, полный надежды. — Даже я это чувствую.

Шив обернулся к Периду.

— Императорский указ не запрещает творить магию на открытом воздухе, но я не горю желанием доказывать это присягнувшим Ден Ренниона. Ты сказал, здесь есть более уединенные места?

— Сюда.

Перид повел их к мощной башне на южной стороне площади. Со своим расширенным основанием из плотно подогнанных камней, которое незаметно соединялось с лежащей внизу скалой, эта башня походила на удивительное дерево, выросшее из живого камня.

— Разве сьер Ден Реннион не был одним из первых патронов келларинской колонии? — спросила Ларисса, кивая на мужчин со значками в виде серебряной головы орла на их медного цвета куртках. Они преграждали вход в башню скрещенными пиками.

— То был его брат, мессир Ансель. — Шив взглянул на широкий балкон, опоясывающий тонкую середину башни. — Нынешний сьер — не друг Темару.

Возбужденные голоса неслись над огромной площадью, люди на балконе ахали, восхищаясь панорамой. Еще выше находилась сторожевая комната, где дежурили присягнувшие, глядя на восток и на запад. А над ними распростер широкие бронзовые крылья огромный орел, навечно застывший в парении.

Ларисса склонила голову набок.

— Если вы найдете магов с нужным родством и уговорите их работать вместе, мы бы вполне могли проводить корабли вокруг Мыса Ветров. Тогда Д'Алсеннену не пришлось бы платить за привилегию в виде этих сложных и мелочных процедур проезда через перешеек.

— Не уверен, что Темар захочет таким образом утереть императору нос. — Шив отмахнулся от назойливого парня с подносом сладостей.

— Куда мы идем? — неуверенно спросила Ларисса у Перида, который повел Узару к очереди из хорошо одетых торговцев и смиренных горожан, ждущих получения доступа к легендарной башне и ее балкону. Одни держали рекомендательные письма, другие полагались на более простое средство — магнетизм блестящих монет. Улыбчивые лакеи предлагали им вино и настой под полотняным навесом, трепещущим на ветру.

— Не знаю.

Шив ускорил шаг, и девушка поспешила за ним.

— Представить себе не могу, чтобы кто-нибудь построил более величественный монумент, чем башня Ден Ренниона, — говорил Перид Узаре. — Но это никого не останавливает. — Он указал на памятники из камня и металла, установленные как попало на неровной площадке между мощной башней и изрезанным трещинами горным склоном.

Шив поднял брови, читая выпененный панегирик какому-то давно умершему Тор Леорилу, выгравированный на массивной мраморной урне.

— Ты сказал, что мы сможем найти укромный уголок?

— Сюда. — Перид повел магов мимо памятников — от скучно функциональных до откровенно причудливых. Они оставили позади гранитного быка в натуральную величину, свирепо бьющего копытом свой постамент, и дошли до могучего бронзового дракона, пораженного ярь-медянкой. Он сражался с цепями, идущими от ошейника к металлическим столбам, врытым в землю. Его крылья бросали глубокую тень на полурыбу-полусобаку, которая беззаботно нежилась на высокой куче раковин гребешка, вырезанных из одной мраморной глыбы. Сзади находилось пустое пространство, надежно заслоненное и от взглядов прохожих, и от любопытных глаз на балконе башни.

Шив одобрительно кивнул:

— Все равно нам следует работать быстро.

— Я постою на страже. — Перид удалился и небрежно сел на постамент дракона, выживая из кармана уголь и пергамент. Узара подавил улыбку.

Шив повернулся к Лариссе и вопросительно поднял брови. Собравшись с силами, девушка протянула руки, которые слегка дрожали, выдавая ее напряжение. Узара завершил треугольник, и все три мага сосредоточились на воздушном промежутке между ними. Единственным звуком был размеренный скрип от угля Перида.

— Душа моя, — мягко сказал Шив, — нам было бы легче, если бы нас ничто не отвлекало.

— Простите.

Послышалось виноватое шуршание, затем наступила тишина.

Пристальный взгляд Лариссы не дрогнул. Она сосредоточилась на голубом мерцании в самом центре. Та прядь магического света была толщиной с волосок, но поражала своей сапфировой яркостью. Слабая улыбка изогнула полные губы Лариссы: магия расщепилась, снова и снова удваиваясь, нити расплывались и трепетали на любопытном ветру, обвиваясь вокруг магов.

— Узара? — вымолвила она.

Бородатый маг старательно извлек из скалы под ногами серо-голубую дымку. Она парила внизу, едва различимая, как воспоминание о тумане. Но поднимаясь к небесно-голубому колдовству Лариссы, она обретала плотность, втягивалась в заклинание девушки подобно дыму, идущему вверх по трубе, а ее холодный цвет становился все ярче, пока не засверкал живой лазурью.

— Получается, Шив, — выдохнул Узара с ликованием.

Бирюзовый блеск собрался в лужицу под пляшущими усиками света. Окаймленная сиянием рябь побежала по нему, вырастая в аквамариновые волны. Они взметнулись, чтобы присоединиться к магии Лариссы, сталкиваясь с отполированной солнцем голубизной. Завитки белого света довели зеленоватое творение Шива до той же самой сапфировой чистоты. Играющие среди памятников ветерки закружили вокруг сомкнутых рук магов, любой, рискнувший подлететь слишком близко, уносился в колдовство.

Перид выругался от неожиданности, когда две фигуры прорвались вдруг через невозможно узкую границу заклинания. Магия развеялась по ветру, словно обрывки сна.

— Это я! — Художник торопливо попятился от обнаженного кинжала в руке Сорграда.

Грен почему-то споткнулся, проходя через заклинание. Он перекувырнулся, как ярмарочный акробат, и через мгновение снова стоял на ногах.

— Ой! — Грен ухмыльнулся и убрал в ножны клинок. — Тебе обязательно надо научиться этому заклинанию, Град.

Широко раскрыв глаза, Перид смотрел мимо него на Шива.

— Это было невероятно. — Он покачал головой. — Как я смогу когда-нибудь нарисовать те цвета?

Сорград высоко подбросил нож и, поймав его на лету, долгим взглядом окинул Лариссу.

— Сударыня, — произнес он потеплевшим от восхищения голосом.

— Это Ларисса. — Узара замялся, не зная, как лучше ее представить. — Планирова...

— ...ученица. — Девушка протянула руку.

Сорград низко поклонился и коснулся ее губами.

Грен довольствовался вульгарной ухмылкой. Он дернул свой воротник, чтобы поправить мятую рубашу, и что-то звякнуло в кармане его поношенной куртки.

— От чего вы бежали? — нахмурился Шив, разглядывая молодого горца.

— От стражников. — Сорград держал в руке две котомки, одну он бросил младшему брату. По сравнению с растрепанным Греном он выглядел почти изысканно. Рубаша его отличалась чистотой, серебряные пуговицы на куртке отполированы, сапоги намаслены. Длинные волосы Грена были кое-как связаны на шее обрывком кожи. Волосы Сорграда — аккуратно подстрижены и зачесаны назад и даже блестели дорогой помадой.

— Что хотела Стража? — машинально спросил Узара.

— Был там один ювелир, — начал Грен со счастливой улыбкой.

— Не у всех есть бездонные мешки золота, как у Планира. — Сорград вытащил из кармана горсть серебряных цепочек и убрал их в котомку. Потом миролюбиво посмотрел на Шива.

— Планир зарабатывает свои деньги или кует их? — Грен стоял рядом с Лариссой, ее смуглость оттеняла белизну его кожи. В лазурных глазах горца светился неподдельный интерес. — Алхимики ездят в Хадрумал, верно? Все говорят, будто они нуждаются в помощи магов, чтобы превращать простые металлы в драгоценные.

— Может, пойдем? — предложил Перид, подавая Лариссе руку.

Грен пристроился к девушке с другого боку, и они втроем неторопливо зашагали к площади. Остальные слегка отстали.

— Что ж, давайте искать корабль, — решил Сорград. — Незачем тянуть, если предстоит бой.

— Мы обращались и к коменданту порта, и к управляющим разных принцев, — мрачно сообщил Узара.

— Я найду того, кто сочтет удачей взять ваши деньги. — Уверенность Сорграда граничила с угрозой.

Перид оглянулся, рукой заслоняя глаза от солнца.

— Мы все едем в порт?

Сорград покачал головой:

— Мне нужны только эти двое, чтобы изображали богачей и помалкивали.

— Вы остановились в приличном трактире? — Грен предупредительно улыбнулся Лариссе. — Давайте подождем там.

— Ларисса не просто ученица Планира, — прошептал Шив Сорграду.

Горец пожал плечами:

— Я его здесь не вижу. Впрочем, сам выбирай: оставить Грена с ней, рискуя, что он отрежет ломтик от пирога Верховного, или взять его в порт после того, как ваша магия только что погубила его надежды на хороший бой.

— Перид проследит, чтобы все было пристойно, — заметил Узара.

— Пока не сбежит, пытаюсь придумать, как нарисовать заклинание, — нахмурился Шив. — Ладно, давайте найдем две кареты.

Перид уже свистел, подзывая фиакры. Грен посадил Ларису в первую карету, проявив изысканную учтивость, которая не вязалась с его грязной одеждой.

— К Лоцманской академии, будь любезен. — Подавляя страх, Узара вслед за Сорградом и Шивом сел во второй экипаж, и кучер стегнул лошадь. Спустившись с перевала, они с грохотом покатили по улицам, запруженным людьми. Одни занимались покупками, другие продажами; торговля — источник богатства обеих половин Зьютесселы.

Через некоторое время Узара откашлялся.

— Сорград, как обстояли твои дела в Солуре?

Экипаж накренился, поворачивая за угол, и только после этого горец с отворачиванием покачал головой.

— Все, что сказал мне Джилмартен, оказалось правдой. Каждый урожденный маг должен поступить в ученики к какому-то другому магу, и каждый мастер магии связан клятвой с тем или иным бароном. Лучшим, что я нашел, были искренние доброхоты, порывающиеся записать меня к кому-нибудь из своего круга. А худшими стали тупоголовые ублюдки, которые посадили меня в тюрьму и призвали местного палача, чтобы заклеить меня как необученного мага.

— Очевидно, ты сбежал. — Шив посмотрел на него оценивающим взглядом. — Используя магию?

— Отмычки и талант Грена к разбиванию голов, — без улыбки ответил Сорград.

— Мы могли бы поделиться с тобой некоторыми секретами, — обронил Узара с нарочитой небрежностью.

— Просто чтобы ты мог помочь Ливак и Хэлис, — добавил Шив.

— Как мило с вашей стороны. — Горец на сей раз был удовлетворен. — Я собирался сделать это условием моего сотрудничества.

— Я думал, мы уже договорились о цене, — мягко возмутился Шив.

— То была цена Грена, — со всей серьезностью заверил его Сорград.

Узара засмеялся:

— Мы уже недалеко. Что будем делать, когда доберемся до порта?

— Найдем подходящую таверну, где вы будете сидеть тихо, прикидываться богатыми и даже не сморкаться как маги. В такой таверне, какая нам нужна, на магов сразу бросятся с ножами, — пояснил горец прозаичным тоном.

— Значит, мы ищем свою команду пиратов? — предположил Шив.

Сорград улыбнулся:

— Нет, мы ищем корабль. Команду я пойду искать, когда стемнеет. И я возьму с собой Грена, потому что скорее всего придется иметь дело с контрабандистами. Если завяжется драка, я бы предпочел, чтобы за моей спиной был он, если вам все равно.

— Мы можем вызволить себя из беды, — запротестовал Шив.

— Прежде всего надо уметь в нее не попасть, — парировал горец.

— Если мы используем магию в какой-то драке, известие об этом прилетит к Д'Олбриоту быстрее, чем пчелы к меду, — сказал Шиву бородатый маг.

— Какова ставка Д'Олбриота в этой игре? — Сорград перевел взгляд с Узары на Шива и обратно. — Думаю, пора объяснить мне, что происходит. Начнем с самого простого: почему вы двое прогуливаете уроки Хадрумала?

Перемежаемые частыми репликами Шива, объяснения Узары заняли всю дорогу через грязные ряды дешевых домов, втиснутые между роскошными владениями торгового сословия и широко раскинувшимися портовыми районами. Теперь с обеих сторон высились склады с глухими стенами и дверями, запертыми изнутри на засовы. Вскоре карета миновала довольно протяженное здание, куда судовладельцы и капитаны посылают за деньги своих рулевых и лоцманов, чтобы те узнали тайны океанского побережья, его ветра и течения. Кучер

остановился на маленькой площади, где влажно пахло отливом, и постучал по крыше.

— Дальше я не поеду.

Шив стоял с Сорградом, пока Узара расплачивался с возницей.

— Откуда начнем? — вслух поинтересовался он.

Горец кивнул на человека, продающего свежесваренные креветки из булькающей на маленькой жаровне кастрюли.

— У тебя есть чашка?

У магов чашек не оказалось, поэтому каждому пришлось заплатить за кривобокую посудину — брак какого-то гончара, — куда поместилось по полной ложке испускающих пар креветок. Сорград извлек из кармана серебряный кубок с короткой ножкой и, пока продавец его наполнял, перекинулся с ним несколькими словами.

Кивая магам, горец повел их прочь, держа креветку между зубами, — надо оторвать ей голову, прежде чем разгрызть остальное.

— Тот малый говорит, что есть один капитан, который рискует остаться на мели. Его нанял торговец, чьи кредиторы в любой день начнут выламывать двери.

— Он сказал тебе это за три порции креветок? — Трудности с очищением креветки одной рукой и зубами не скрыли того факта, что Шив находится под впечатлением.

Сорград пожал плечами:

— Я обещал заплатить в десять раз больше, если сведения окажутся верными.

Узара лизал обожженный палец. Он провел рукой над своими креветками, которые внезапно перестали испускать пар.

— Где мы найдем этого капитана?

— В кабачке под названием «Луна и Гребец», так что будьте осторожны, — предупредил Сорград. — И если ты снова используешь магию, Зар, я сломаю тебе пальцы.

Горец повел их по зловонному проулку между запертыми складами и торговым двором с высокими стенами, посыпан-

ными сверху битым стеклом. Еще несколько поворотов вывели их на шумную пристань. Сорград окликнул мужчину, который волок по скользким булыжникам тяжелые сани на железных полозьях. Грузчик указал направление, деловито мотнув головой.

— Туда.

Сорград пошел к таверне, где на облезлой вывеске был изображен человек, плывущий по мелководью под Малой луной. Ее полный круг разливал свой таинственный свет, а старшая сестра едва показывала узкий серпик. Здание выглядело респектабельнее, чем ожидал Шив, и он протянул руку к уже приоткрытой двери.

Кинжал с глухим стуком вонзился в косяк рядом с его рукой.

— Нет, сюда. — Горец выдернул свой клинок и указал в переулок рядом с таверной.

Маги сделали, как им велели. Стоя в тени, Сорград наблюдал с минуту, прежде чем обратить внимание на крупного мужчину.

— Ну и что, по-вашему, он тут делает?

Почти одного роста с Шивом, этот человек был гораздо шире его в плечах, мускулы бугрились под тесной рубахой из линялого красного полотна и курткой с пряжками. Он говорил с торговцем, который передавал узлы с одеждой, корзины с бутылками и несколько ящиков помятых фруктов парню, стоявшему в широкой плоскодонной лодке, привязанной к толстым сваям причала. Торговец остановился, разглядывая океанские корабли на якоре в безопасной гавани. Их было несколько, и у каждого сновали лодки с торговцами, соблазняющими матросов всякими мелочами: мол, берите да выкладывайте деньги.

— Дарни! — в ярости воскликнул Шив. — Значит, так Планир нам доверяет, а?

— Он сбрил бороду, — с одобрением заметил Сорград. — Теперь он больше смахивает на тормалинца, верно?

Черноволосый, с темной кожей, этот здоровяк, несомненно, мало чем отличался от нелюбопытных прохожих. Такое сходство не назовешь случайным.

— Возможно, у него какое-то дело, не имеющее ничего общего с нашим, — предположил Узара.

— Даже нанимаясь куда-то наемником, Дарни работает на Планира, — мрачно изрек Шив.

— Мы можем как-то от него избавиться? — поинтересовался Узара.

— Вы действительно хотите порвать с Хадрумалом? — Сорград удивился, но, подумав, предложил: — Я могу всадить нож ему в спину в каком-нибудь глухом переулке, но биться с таким бугаем средь бела дня я не стану. А то, чего доброго, сбежится толпа присягнувших и испортит веселье.

— Я не имел в виду убить его, — в ужасе запротестовал Узара.

— Что, по-вашему, он делает? — Шив не сводил глаз с Дарни.

К торговцу подошла женщина, чтобы узнать, с кем он разговаривает. Она была высокая и крепкая, с волосами, выкрашенными в невероятный цвет, и нарумяненная как кукла. Еще несколько женщин толпились неподалеку, все в платьях с глубоким вырезом и голыми ногами под грязными юбками. Среди них были две тощие девушки. Одна из них, та, что постарше, с неумолимым видом, крепко держала запястья второй, совсем молоденькой. Дарни обернулся к толстухе, но ни его резкие жесты, ни устрашающее лицо сутенершу не испугали. Она явно не впервой видывала таких, как он, и только покачала головой. Дарни круто повернулся и пошел дальше по пристани. Торговец и сутенерша с обидой смотрели ему вслед.

— Ждите здесь.

Сорград побежал по булыжникам. Толстуха встретила его алчной улыбкой. Они немного поговорили, затем горец направился обратно к магазинам с самой юной шлюхой, отпущенной той, которая ее держала.

— Зачем она ему, как ты думаешь? — с тревогой спросил Узара, в то время как Сорград покровительственно положил руку на тонкую талию девушки.

— Я уговорю Перида нарисовать тебе картину.

Однако Шив и сам казался озадаченным.

Горец завел девушку в переулок.

— Сколько у вас с собой денег? — спросил он у магов.

— Прошу прощения? — растерялся Узара, но Шив уже полез за кошельком, который он благоразумно засунул в бриджи.

Сорград расстегнул рубаху и снял с шеи несколько золотых и серебряных цепочек.

— Я сказал той старой гримзе, что нас трое, поэтому у тебя будет время убежать, прежде чем они начнут тебя искать. — Он сгреб марки и кроны, протянутые Шивом, и вложил их в дрожащие руки девушки с синяками на запястьях. — Заплати какому-нибудь возчику, чтобы отвез тебя на другую сторону перевала до наступления ночи. — Он спрятал драгоценности ей в лиф. — Продай это, прежде чем продавать себя, цыпочка.

Девушка безнадежно посмотрела на него огромными глазами.

— Мой папа утонул в том году, а кровавый понос забрал младенца и с ним мою маму. Наша тетка взяла малышей, но...

На Узару снизошло вдохновение.

— На Рыбачьей улице есть ювелирная лавка. Найди там человека по имени Рентуан. Скажи ему, Райшед Татель хочет, чтобы он тебе помог.

Искра жизни осветила перепуганное лицо девушки.

— Да, судари.

Она повернулась и побежала по улочке прочь от причалов, прижимая кулаки с деньгами к своей худосочной груди.

Глядя ей вслед, Сорград покачал головой:

— Не детское это дело продавать себя матросам.

Шив смотрел на Узару.

— Райшеду не понравится, что ты подрываешь его репутацию у этого ростовщика.

— Не уйти ли нам, пока та толстая мадам не пришла выяснять, что мы сделали с ее крошкой? — Узара озабоченно взглянул на сутенершу. К счастью, та отвлеклась на горсть подошедших матросов. — Она сказала что-нибудь о деле Дарни?

— Он ищет девушку, которая, как он считает, хочет уехать за океан. Судя по описанию, он охотится за вашей Лариссой. — Сорград наблюдал за оживленно торгующейся сутенершей. — Пора, быстрее.

Ни Шив, ни Узара не мешкали — горец незаметно для всех вывел их из переулка на пристань. Они миновали первую таверну за «Луной и Гребцом», но по указанию Сорграда вошли в следующую — ветхое заведение, пропахшее кислятиной.

— Вон туда.

Горец провел их мимо толпы мужчин, ждущих, когда боцман с ними расплатится. Причитающиеся им суммы были написаны мелом на их широкополых шляпах из промасленной кожи или на правом плече их темных кожаных курток. Возле заветного сундука торчал коренастый тип с дубинкой, готовый у любого отбить охоту пожить чужими деньгами.

— Думаю, нам стоит предложить Дарни место в этой игре, — заявил Сорград.

Шив прислонился к столбу.

— Ливак его не выносит.

— Не Ливак собирает здесь отряд головорезов, имея для поддержки только вас двоих, выдающих себя за господ. — Сорград ухмыльнулся. — Между прочим, Ливак принимает руны такими, какими они падают. И я — тоже. Дарни большой и страшный, и он полезен в бою. Мы неплохо сработались, когда вместе сражались в Горах, а это много значит.

— Если Планир так беспокоится о Лариссе, что послал за ней Дарни, надо дать ему знать, что она в безопасности. —

Узара вдруг понял, что стоит в липкой луже эля, и с отвращением посмотрел под ноги.

Шив поджал губы.

— Думаешь, он здесь для того, чтобы вернуть ее в Хадрумал?

— Возможно, — ответил Узара.

— Если мы берем в плавание такую красотку, ей понадобится свой сторожевой пес, — сказал Сорград. — Иначе Грен станет играть ее защитника и перерезать горло каждому, кто подойдет слишком близко.

— Дарни не дурак. — Шив покосился на Узару. — Рано или поздно он найдет и Лариссу, и нас. Разве не лучше вести разговор на наших условиях?

Узара кивнул:

— Может, Дарни проговорится насчет того, что думает Планир о нашей маленькой экспедиции.

— Давайте догоним его. — Сорград уже направлялся к двери.

Шив скорчил гримасу.

— Куда ни поверни, кругом одни осложнения. — Он решительно ткнул пальцем в Узару. — Ливак сообщишь ты.

У ЮЖНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ САТАЙФЕРА, 44-е ПОСТВЕСНЫ

Для человека, который так не любит море, я слишком много времени проводила на кораблях.

— Все еще тошнит? — спросил корабельный плотник. Он проходил мимо, когда я стояла, облокотившись на перила «Эринго».

— Нет, но спасибо за участие. — Я взглянула на марс, где несколько матросов так же жадно, как я, следили за горизонтом. — «Ламинарии» и «Огненного Гольяна» еще не видно?

Леммел пожал плечами:

— Когда будет видно, мы услышим.

Он встал рядом со мной, глядя рукой перила, как человек, ласкающий любимую гончую. Плотник любил этот корабль, всегда стремился указать мне на какое-то его достоинство и объяснял каждому, кто хотел слушать, что «Эринго» на четверть длиннее самого большого из пиратских кораблей, да еще и в полтора раза шире. Верно, соглашался обычно Хот, парусный мастер, и парусов у нас больше, и оснастка лучше. Я так и не решила, действительно ли они лучше всех знают этот корабль или просто безнадежно пристрастны. Капитаны приходят и уходят по прихоти владельца, и команды нанимаются от плаванья к плаванью, но я узнала, что боцман, рулевой, корабельный плотник и парусный мастер остаются с судном с момента закладки киля до тех пор, пока оно либо не разобьется, либо не сгниет от старости. Некоторые даже возят с собой жен и детей, размещая их на нижних палубах в своих каютах с парусиновыми стенами. Но Темар запретил брать семьи в это плавание.

— Не бойся пиратов, моя девочка, — продолжал Леммел. — С такими высокими бортами и крутым баком нас не так-то просто взять на abordаж. А кормовая надстройка дает Д'Алсеннену наилучший обзор боя.

Когда плотник отправился дальше, я взглянула на корму, но Темара там не было. Он находился внизу, на главной палубе, и, увидев меня, подошел.

— Долго еще, как ты думаешь?

Я оглянулась на морскую гладь, такую спокойную в это тихое раннее утро. Где-то там, еще невидимые, лежали острова, которые мы намерены отнять у пиратов. Где-то там, под пологом леса, келларинские наемники шли убивать. Райшед на одном мысе, Хэлис — на другом, они подкрадывались к сторожевым постам, которые выдало нам гадание Аллин. Где-то там прятались в бухтах два келларинских каботажных судна, проскользнувшие туда под покровом лунной ночи и всяческих маскировок, какие могли сотворить магия Аллин и Высшее Искусство Гуиналь. Дастеннин, Халкарион и все

остальные боги, сделайте так, чтобы те корабли вернули нам наших людей!

— Недолго, — ответила я, но в этом слове крылось больше надежды, чем уверенности.

— Мы заставим ублюдков пожалеть о том дне, когда им взбрело в голову заявить свои права на Сатайфер, — пробормотал Темар.

Мужчины Келларина, спящие на просторных нижних палубах «Эринго», ему в этом помогут.

Я взглянула на солнце, все еще широкое, словно отлитое из мягкого золота.

— Поспесишь — людей насмешишь.

Так ответил бы Райшед, и Хэлис тоже, но им лучше потопиться, если мы хотим, чтобы наша атака застала пиратов еще сонными.

Палуба под ногами качнулась, когда «Эринго» сделал медленный поворот. «Кувшинка» и «Звезда» повторили его маневр. На всех кораблях прямые паруса были убраны, оставлены лишь треугольные на коротких бизань-мачтах, позволяющие ходить кругами. Я искренне надеялась, что матросы тянут нужные канаты и мы не столкнемся, пока топчемся в ожидании на одном и том же участке моря.

— Я должен был пойти с ними, — в досаде проворчал Д'Алсеннен.

— Ты не привык к такому бою. Это не то что мчаться по далазорским равнинам, чувствуя за спиной половину императорской армии, — сказала я ему.

— Знаю, знаю. Подкрасться, ударить и убежать. Райшед и Хэлис только об этом и говорят.

Вместо ответа я уклончиво промывчала. Темар все еще страдал, что его исключили из этой потехи, но Райшед и Хэлис были непреклонны. Тормалинские войны эпохи гордых завоеваний не имеют ничего общего с подлыми междоусобицами — этой гнойной язвой Лескара. Здесь требовался грязный бой.

Однако мне не больше, чем Д'Алсеннену, нравилось сидеть на корабле сложа руки. Бездействие казалось невыноси-

мым после тех лихорадочных дней в Келларине, когда Паррайл поднял тревогу. Мы все призывали фермеров, горняков и ремесленников наточить оружие и ярость до убийственной остроты. Мы с Хэлис усадили всех наемников отчищать ржавчину с мечей и вспоминать свою прежнюю изобретательность.

Темар посмотрел на корму и каюты под палубой надстройки.

— Может, у Аллин есть новости. Или Гуиналь сумела связаться с Паррайлом, ведь теперь между ними нет такого большого количества воды.

— Пусть они спят, — твердо заявила я.

Если я не могу помочь друзьям с оружием в руках, я позабочусь, чтобы магические ресурсы этого похода расходовались экономно. Гуиналь переносила качку еще хуже меня, и от напряженных попыток творить Высшее Искусство во время самого плаванья дворянку мучила страшная головная боль. Аллин не так устала, но вид пиратских пленников — грязных, постоянно избиваемых и унижаемых, — причинял девушке ужасные страдания. После того как мы выбивались из сил, чтобы вывести корабли Витранселя в море, нам пришлось три досадных дня стоять вдаль от островов, ожидая, когда корабль Шива и Узары проделает более долгий переход из Тормалина. И это несмотря на то что магия расчищала им путь через волны и надувала их паруса магическими ветрами.

Д'Алсеннен снова взглянул на закрытую дверь.

— Я хочу знать, как дела у людей Шива.

— Сорград и Грен воюют больше лет, чем ты живешь на свете.

Сэдриновы потроха, из-за своих собственных опасений я заговорила снисходительным тоном. А ведь руны всегда могут лечь не так, как хотелось бы, и ловкость рук тут не имеет значения.

— Ладно, идем, — согласилась я.

По дороге Темар не забыл улыбнуться и успокаивающе помахать любопытным матросам. Пусть хоть земля разверз-

нется под ногами, эти дворяне будут улыбаться. Я тихонько стукнула в дверь.

— Войдите, — ответил задумчиво-печальный голос Аллин. Однако печаль лучше неприкрытой боли.

Девушка гадала, сидя за столом, подвешенным к балкам верхней палубы. Его деревянный бортик и смоченная водой скатерть придавали ее чаще некоторую устойчивость, но лужицы меркнувшего сияния показывали, где заколдованная вода расплескалась через край.

— Это называется: ты отдыхаешь? — упрекнула я Аллин.

В следующий раз я вынесу из каюты все, что можно использовать для магии. Но боюсь, тогда девушка вернется к гаданию в бочке воды, которая стоит на палубе для матросов. Она прекратила это только тогда, когда поняла, что никто не хочет из нее пить. Хотя магиня капала туда всего лишь цитрусовое масло.

— Как дела на севере? — Темар рассеянно сплел пальцы.

— Смерть по всему пляжу. — Таинственные отражения превратили хмурое лицо Аллин в маску из света и тени.

Я заглянула в гадальную чашу и увидела треугольную бухточку между сплошными серыми утесами. Даже упрямые растения не росли на их ломких камнях, побежденные совместными атаками волны и ветра. Вымпел Д'Алсеннена развевался на крыше большой, но грубо сколоченной хижины, спрятанной под скалой. Среди пней недавно срубленной рощи лежали трупы.

— По крайней мере на этом островке снова действует власть Келларина, — с удовлетворением заметил Темар.

— Это начало, — согласилась я.

Важное начало: гадание Шива обнаружило крупный пиратский форпост на этом изрезанном северном берегу самого западного острова Сатайфера.

Аллин подняла голову.

— Если вы хотите, чтобы я связалась с Узарой, мне придется бросить гадание. — Ее глаза наливались скорбью.

— Не трать свои слезы на этих паразитов, — строго велел Д'Алсеннен, но слегка обнял ее для утешения.

Я попыталась различить знакомые фигуры среди безымянных грабителей, обирающих трупы. Соломенная голова склонилась над рукой мертвеца.

— Грен, конечно? — Я нагнулась ближе к чаше, но отшатнулась с проклятием — внезапный пожар вспыхнул на одной стороне бухточки.

Аллин улыбнулась сквозь слезы.

— Это твой друг Сорград?

Точно, белокурый человек с показной небрежностью грел руки у пламени.

— Он самый и, похоже, жжет баркасы.

В миниатюрном мире гадания Сорград казался совсем маленьким, особенно рядом с громадной фигурой, которой мог быть только Дарни. При взгляде на этого дородного воина меня по-прежнему охватывала злость. Меня бы не было здесь, если б он не шантажировал меня, заставляя работать на Планира. Все, что я хотела тогда, это продать одно ценное изделие из серебра, пока владелец не узнал о его исчезновении. Но Дарни понял, что оно краденое, и мое сотрудничество стало ценой моей свободы. Однако, напомнила я себе, переверни те руны, и мы бы с Райшедом никогда не встретились. Получается, я все-таки выиграла в той игре, верно?

— Никто не сбежал? — забеспокоился Темар.

Если сбежал, наша затея еще не пойдет ко дну, но начнет быстро набирать воду. Чтобы схватить пиратского главаря за бороду в его логове, нам нужно атаковать с двух концов того узкого пролива, который разделяет два главных острова Сатайфера. Мы должны знать, что сзади не таится какая-то неожиданность, готовая ударить нас в спину.

— Никто. — Аллин повела рукой, и гадание устремилось обратно к воде. Мы увидели пиратский пинас, лежащий на боку в прибое. Морские рачки и водоросли облепили его мелкий корпус, открытый насмешкам с палубы вы-

сокого трехмачтового океанского корабля, подходящего к широкому пляжу.

— Это, должно быть, «Ураган», — выдохнул Д'Алсеннен.

— Деньги Райшеда потрачены не зря, — заметила я.

Шив и Узара нашли корабль, по длине не уступающий пиратским хищникам, но более тяжелый, с более высокими бортами и надстройками на носу и корме. Паруса у них были одинаковые, позволяющие ходить круто к ветру. Пока мы смотрели, «Ураган» встал на якорь, держась подальше от трех мачт пины, глубоко зарывающихся верхушками в бледный песок, и путаницы промокших тросов и парусов на бесполезных реях. Среди плавающих на воде обломков покачивались трупы, песок пляжа был тускло-красным от крови тех немногих, кто успел добраться до берега.

— Чья это была работа? — с восхищением спросил Темар.

Вид поверженного судна на меня лично действовал угнетающе. Неприятно думать, что корабль так легко опрокинуть.

— Общая — Лариссы и Шива. — Девушка вгляделась в чашу. — Хотела б я иметь такую силу.

— Когда ты работаешь со своей стихией, она у тебя есть. — Гуиналь лежала на койке с влажной тряпкой на лбу. Я думала, она спит.

— Тебе лучше? — Д'Алсеннен не сводил глаз с гадальной чаши.

— Нет, — отрезала дворянка.

— Принести тебе что-нибудь? — Я была рада отвлечься. Образ в чаше покачивался, не совпадая с движением «Эринго», и это вызывало у меня тошноту.

Сжав губы, Гуиналь ухитрилась чуть мотнуть головой.

— Хорошо бы тебе попробовать какую-то из настоек Хэлис. — Говорят, оставь в покое рычащую собаку, но моему возлюбленному может понадобиться эта упрямая девушка. Значит, ее надо поставить на ноги. Я посмотрела на Темара. — Однажды Шив применил магию, чтобы избавить меня от морской болезни. Когда мы встретимся, попроси его полечить Гуиналь.

Барышня нетерпеливо хлопнула рукой. По крайней мере это доказывало, что она не совсем ослабела.

— Все, что мне нужно, это целебный настой из свежесобранных трав.

— Тебе удалось ощутить что-нибудь из мыслей Паррайла?

Мне стало интересно, не маскирует ли нейтральный тон Темара нашу общую досаду на Гуиналь. Конечно, я сочувствовала ей, лично зная, что такое морская болезнь, но ее манеры все больше меня раздражали.

Барышня свесила ноги с койки и села, осторожно засовывая тряпку в кувшин с крышкой.

— У него болит рука. Кажется, она сломана.

— Значит, у вас с Паррайлом столько же шансов сотворить Высшее Искусство, как у меня выиграть в Ворона у Ливак. — Унылые шутки Темара были еще неудачнее, чем моя стряпня.

Гуиналь неистово покраснела.

— Я делаю все-все возможное...

— Ты можешь сказать, не ранен ли Налдет? — перебила ее Аллин, проявляя или полное отсутствие такта, или нечто противоположное.

Дворянка обуздала свои эмоции.

— Я этого не чувствую.

— Не стоит волноваться. — Темар потрепал магиню по плечу. — Скоро мы их вытащим и исцелим любые раны.

Аллин посмотрела на него с раздражением.

— Магам трудно контролировать свое влияние на стихию, когда их терзает боль или лихорадка. Они творят магию, сами того не желая. Именно это и побудило Планира изучать целительские практики Солуры.

Которые основывались на обрывках эфирного знания. А те, в свою очередь, навели Верховного мага на след сначала Высшего Искусства, а в конечном счете — потерянной келларинской колонии. Наверно, Планир чувствует себя как человек на ярмарке Солнцестояния, который видит, как его выигрыш снова и снова удваивается в ряде счастливых ставок на

бегах. Или Верховный маг познал то пустое неверие, с каким игрок уходит от стола, разорив и себя, и своих нерожденных внуков?

— А мы, практикующие Высшего Искусства, совершенно не способны творить заклинания, когда нас отвлекает боль, — кисло заметила Гуиналь.

— Если все вокруг Наддета начнет полыхать, пираты мигом смекнут, что он — маг.

После чего дела у бедняги пойдут совсем плохо. Готова поставить на это любые трофеи, какие только способны порадовать сердце Грена.

— Чем скорее Шив и Узара смогут вытащить их оттуда, тем лучше, — горячо выдохнула Аллин.

— Нам бы только подобраться достаточно близко, — согласился Темар.

На палубе раздался топот бегущих ног.

— Мессир!

Д'Алсеннен оказался у двери раньше меня только потому, что мне пришлось обходить стол.

— Они возвращаются. — Матрос ухмылялся до ушей.

Мы с Темаром кинулись к борту, чтобы увидеть самим. Действительно, «Ламинария» и «Огненный Гольян» медленно продвигались к нам. Ветер и без магической помощи был попутный, но уже начинался прилив, толкая их обратно к островам. На мачтах обеих кораблей развевались вымпелы Д'Алсеннена, вдоль бортов толпились радостно кричащие люди.

— Как далеко разносится шум над водой? — спросила я Темара с внезапной тревогой.

— Ветер за нас, — заверил он меня с мальчишеской ухмылкой.

Я лучше молодого съера скрывала свое нетерпение, но все равно, казалось, прошло полсезона, прежде чем «Ламинария» встала бок о бок с нами. Команда «Эринго» свесила с борта плетеные соломенные кранцы, и матросы на палубе «Ламинии» приготовили багры, чтобы спасти нас от слишком

жесткого столкновения. Они напрасно беспокоились. Корабли сошлись с мягкостью поцелуя любимого. С «Эринго» сбросили сети и веревочные лестницы. Я посмотрела вниз с высоты трех дополнительных палуб нашего корабля.

— Райшед! — Темар первым его увидел и сразу окликнул.

Райшед заткнул за пояс красную промасленную тряпку, которой вытирал свой меч, убрал клинок в ножны и полез к нам. Он оперся на перила и поцеловал меня, прежде чем спрыгнуть на палубу.

— Мы расправились с ними прежде, чем они это поняли, — ухмыльнулся Райшед, вымазанный грязью от прелых листьев и чего-то зеленого. На его бриджах из буйволовой кожи темнели пятна — вероятно, кровь, а ржавые пятна на рубахе — кровь, без сомнения.

— У них и часовых-то, считай, не было, — уточнил позади него Веспрет. — А те, что были, сладко спали в лесу. — Он порылся в кармане и начал распутывать вощеную веревочную удавку.

— Ни одна крыса не сбежала, — похвалился Райшед, опережая вопрос Д'Алсеннена.

— Вы не брали пленных. — Гуиналь с обвиняющим видом стояла в дверях каюты.

Темар раздраженно фыркнул, но Райшед спокойно встретил пристальный взгляд дворянки.

— Нет, но мы взяли раненых. Они бы оценили твою заботу.

Нескольким наемникам, мужчинам и женщинам в окровавленной одежде, с ранами на руках и ногах, помогали перелезть через борт «Эринго».

— Вот и «Огненный Гольян». — Аллин тоже вышла на палубу и показала на судно Хэлис.

«Эринго» покачнулся, когда второй корабль встал у его борта с меньшей точностью, и моя подруга, поймав канат, уже лезла наверх с полным пренебрежением к опасной щели между этим небольшим судном и «Эринго».

— Сколько ушло? — спросил Райшед.

— Горсть, может, больше, — проворчала Хэлис, не скрывая горечи. — Охотничий отряд, будь он неладен. Возвращаться эти мерзавцы не спешили, но живо дали деру, когда поняли, что происходит.

Лицо Розарн вытянулось от досады.

— Мы за ними погнались, — запротестовала она.

— Дело было трудное, — искал оправдания Темар, но, заметив презрительную усмешку Хэлис, умолк.

— Даже если они знают местность, они будут медленнее пробираться через лес, чем мы по воде. — Райшед обдумывал ситуацию. — Мы не видели сигнальных огней. Значит, они не должны поднять тревогу прежде, чем мы атакуем.

— Мы обязаны атаковать, несмотря ни на что. Прилив уже начался. — Хэлис твердо решила использовать фазы лун. Полная Большая и половина Малой создавали почти идеальные условия. Приливы и отливы больше не будут такими сильными до двойного полнолуния ближе к концу предлета. — Сьер Д'Алсеннен, кого я могу взять для пополнения?

Раненые с «Огненного Гольяна» поднимались на борт.

Темар поспешно достал список тех, кто считал себя невезучим, ибо вытащил не ту руну и не участвовал в первой атаке. Гуиналь тем временем расстегнула манжеты своего серого платья и засучила рукава.

— Пошли, Аллин.

Они направились к мужчине, корчившемуся от боли, держась за окровавленный живот; он бился затылком о доску, к которой был привязан.

Райшед посмотрел им вслед.

— Жаль, что Шив не сумел нанять хирурга, — пробормотал он.

Я стиснула своего возлюбленного в неистовых объятиях. От его рубахи пахло вековыми деревьями и древесным дымом.

Райшед поцеловал меня в макушку.

— Они уже захватили Часовой остров?

Я кивнула, ударив его в подбородок. Райшед лязгнул зубами.

— Прости. Да, Аллин только что гадала. — Я потянула красную тряпку, заткнутую у него за пояс. — Что это?

— Подарок для тебя. — Райшед вытащил его с озорной улыбкой. — Змея со сторожевого поста.

— Ты уверен, что у вас в роду не было пиратов? — поддразнила я его. — Гляди, не то пристрастишься к этому, как кот к сливкам.

— Я просто делаю то, чему меня учили. — Он привлек меня к себе для долгого поцелуя, который обещал бессонную ночь, как только нам представится возможность.

— Просто будь осторожен. — Я посмотрела в его бархатные карие глаза.

— Буду. — Райшед стоял неподвижно, и его взгляд согревал мне сердце. — Ты тоже.

— Вряд ли я сильно пострадаю, нянчась с Аллин и ее светлостью, — язвительно парировала я.

— Ты самая подходящая женщина для этой работы, — улыбнулся Райшед, признавая мою досаду.

Пронзительный свист Хэлис отозвал его прочь. Они перебросились несколькими словами и собирались вернуться на свои корабли. Но Темар перехватил Райшеда. Через минуту мой возлюбленный неохотно кивнул. Д'Алсеннен побежал по палубе и исчез за бортом, торопясь добраться до какого-то из двух малых судов. Он не увидел, как Райшед бессильно покачал головой, а я увидела.

— Ливак! — поманила меня Аллин.

Она стояла на коленях возле раненого, появившийся откуда-то грубый фартук защищал ее платье. Девушка стирала кровь с запекшейся раны поперек груди парня и остановилась только для того, чтобы швырнуть мне его порванную и испачканную рубаху.

— Посмотри, что из нее можно сделать.

Я вытащила нож и начала разрезать более чистую ткань на бинты. Палуба «Эринго» то поднималась, то опускалась

подо мной, когда наша воссоединенная флотилия направилась прямо в пролив между островами. Течение несло нас все быстрее, пока я промывала, смазывала и забинтовывала незначительные, по счастью, раны, перевязывала вывихнутые лодыжки и окровавленные костяшки, приносила то и это по приказу Гуиналь и вежливым просьбам Аллин. Лескарская девушка-маг применяла те навыки, которым научилась у своей матери в измученном сражениями герцогстве Карлузе. Она шептала слова утешения, тогда как Гуиналь работала, непрерывно читая тихое заклинание. Бьюсь об заклад, что доброй половиной своих завоеваний Старая Империя обязана собственным адептам, ограничивающим потери с помощью Высшего Искусства. Большая часть эфирного знания сосредоточивалась тогда в усыпальнице Острина в Бремилейне. В ту эпоху бог гостеприимства больше интересовался врачеванием. Я не имела ничего против, если мастерство Гуиналь вернет наших людей домой целыми и невредимыми.

Пролив заметно сузился. С обеих сторон холмы подступали все ближе к кромке воды. Деревья были выше наших мачт, тут и там голые темные скалы зловеще нависали над головой. Матросы на марсе «Эринго» смотрели во все стороны, чтобы не пропустить врага. Наблюдатели на носу не сводили глаз с затененных вод, высматривая рифы. «Ламинария» и «Огненный Гольян» украдкой скользили в нашем кильватере, их сестры «Звезда» и «Кувшинка» держались чуть позади.

— Аллин, мы почти на месте. — Я отсчитывала береговые ориентиры, полученные из гадания.

— Я готова. — Девушка хотела развязать свой испачканный кровью фартук.

— Нет, оставь, — велела я. Маскировка не ахти какая, но, может, с ним враги не различат мага среди простого люда на палубе. — Тебе отсюда хорошо видно?

Аллин нахмурилась.

— Не очень.

— Попробуй встать на трап.

Я не хотела, чтобы девушка торчала на юте, на самом виду, но, помоги нам Дрианон, она была слишком мала ростом. Между тем Гуиналь приказала легкораненым отнести самых тяжелых на нижние палубы. Лицо дворянки оставалось мрачным, но руки, сложенные на талии, были твердыми и не тербили плетеный веревочный пояс.

— Вижу паруса!

Все на мгновение застыли, а потом бросились по своим местам. Темар, Райшед и Хэлис раз за разом повторяли этот план, и если кто-нибудь что-то напутает, я лично позабочусь, чтобы он объяснялся с Сэдрином.

Первый из сигнальных флагов — косой красный крест на белом поле — взвился на мачте, трос гудел, как сердитый шершень. Четыре малых корабля развернулись веером из-за «Эринго», преграждая фарватер. Когда мы огибали камни, давным-давно скатившиеся с разбитого утеса, я увидела первый пиратский корабль, на его алом вымпеле извивалась черная змея. Акула под бушпритом означала, что это «Бешеный Пес», и он выглядел ужасно внушительным в этих ограниченных водах.

На палубе не осталось никого, кроме бойцов Келларина, готовых к схватке и жаждущих ее. Гуиналь присоединилась ко мне у дверей кормовых кают, а Аллин села на широкие ступени трапа, ведущего на ют. Горящие глаза магини впились в медленно приближающееся судно. Из-за «Бешеного Пса» выскочили баркасы, набитые пиратами. Одни потрясали клинками, сверкающими на солнце, другие готовили багры. Гребцы боролись с усиливающимся приливом, и весла глубоко зарывались в воду.

— Мягко, — прошептала Гуиналь.

— Я знаю. — Внимание Аллин сосредоточилось на пиратском корабле.

Только я стояла без дела.

Лодки «Бешеного Пса» разошлись, как стая волков, загоняющая одного несчастного оленя. Но не зря наша флотилия расположилась так, чтобы не дать пиратам пройти мимо нас

в одном из самых узких мест пролива. Затем самый первый баркас резко накренился, словно ударился о скалу, скрытую под темной водой. Рулевой закричал на пирата, сидящего на носу, их перебранку заглушили тревожные крики, когда лодка вновь содрогнулась, но никакого звука дерева, скребущего по камню, не было. Баркас, плывущий за ней, застыл как вкопанный в неподатливой воде, а соседний неистово закачался из стороны в сторону, зачерпывая бортом воду. Выпрыгнув из тонущей лодки, пираты быстро поплыли к берегу. Некоторые исчезли под зеркальной гладью из-за тяжести клинков и сапог. Иные искали подмоги у товарищей. Но им не повезло. Тянущиеся вверх руки попадали под удары ног и рукояток мечей — они били по пальцам, цепляющимся за борта. Три или четыре человека доплыли до одного баркаса, и все разом попытались влезть в него. Лодка перевернулась. Сидевшие в ней пираты тоже оказались в воде, осыпая громкой бранью этих болванов.

— Они делают за Шива его работу. — Я пыталась разглядеть, что происходит за кормой пиратского судна, но оно заслоняло весь вид на пролив. Не важно, главное — удержать их внимание.

Аллин по-прежнему не сводила глаз с «Бешеного Пса». Какие-то матросы бросали с бортов канаты и сети барахтающимся в воде пиратам. Большая часть команды поднялась на реи — убрать паруса. Но они сопротивлялись, враждебные ветра дергали их туда и сюда, выхватывая тросы из рук, льняные валы хлопали во все стороны. Мягкий ветерок продолжал нести нас вперед, пиратов же атаковал их собственный, персональный шторм. С треском, подобным удару грома, лопнули огромные фордуны, регулирующие изгиб мачт. Один хлестнул человека, и тот с криком упал на палубу. Другой пират запутался в снастях и был задушен, потеряв опору. Все больше тросов лопалось, и крепкие деревянные блоки летали, словно падающие звезды, разбивая плоть и кости. Оставив всякую мысль о парусах, пираты мертвой хваткой, достойной самих демонов Пол-

дриона, вцепились в мачты, которые теперь бешено раскачивались и зловеще скрипели.

— Там! — указала Гуиналь.

В то же мгновение сверху донесся клич наблюдателя, и второй сигнальный флаг взвился на флагштоке — прямой золотой крест на красном поле. Пираты вводили в бой свой второй корабль.

— Готова, Аллин? — Я встала рядом с девушкой.

«Морская Лисица» осторожно пошла вперед, пытаясь избежать неестественных шквалов, терзавших ее товарища по доку.

Аллин осматривала мачты и носы обоих вражеских судов. Когда я услышала первый злобный свист стрелы, ее рука бросилась вперед. Вспыхнули ступки пламени — стрелы загорелись на лету, — и едкая вонь горелых перьев поплыла в неподвижном воздухе. Следом раздалось шипение: раскаленные наконечники гасли в море.

— Арбалеты, — предупредила я, увидев, как стрела глухо ударила в грот-мачту «Эринго».

Аллин крепко сплела пальцы. Мужчины на нашем корабле пригнулись: вынужденные менять направление, стрелы арбалетов все еще могли причинить немалый вред. Одна пронеслась по палубе рядом с нами, оставив в настиле обугленную борозду.

Магия или просто случай отбросили сноп горящих ярким пламенем стрел обратно в паруса пиратского судна.

— Давай, Аллин, — подбодрила я девушку. — Ты знаешь, что надо делать.

Ее пухлое лицо было искажено страданием, но тяжелое, просоленное полотнище все же сгорело, словно осенняя паутина, угодившая в пламя свечи. Ветер подхватил обрывки пылающей ткани, чтобы поджечь другие паруса. Огонь побежал по снастям, пожирая их, как дорожки лампового масла. Рей затрещали и вспыхнули, железные скрепы, соединяющие верхнюю часть грот-мачты с нижней, расплавились в аду, который раньше был марсом. Жидкий металл капал, мгновенно

убивая людей на палубе, а затем вся стенага повалилась, будто срубленное могучее дерево, которым она когда-то была в некоем далеком лесу. С грохотом рушась назад, она снесла бизань-мачту, палуба юта исчезла под убийственной тяжестью дерева и парусов.

Точно так же скроенная буря теперь окружила «Морскую Лисицу». Оттуда понеслись настойчивые крики, когда «Ламинария» и «Огненный Гольян» повернули к галечному берегу, где лежали разграбленные «Звон» и барк Ден Харкейла. «Кувшинка» и «Звезда» поддерживали «Эринго» в блокаде пролива, лучники Витранселя были готовы подрезать крылья баркасам, которые еще держались на плаву и стремились добраться до суши.

«Бешеный Пес» горел с ревом горна. «Морская Лисица» оставалась беспомощной, пиратские суда дрейфовали врозь. Я мельком увидела позади них нечто похожее на жаркое ма-рево, рябившее воздух. Не важно. У меня хватало других, более неотложных забот. «Огненный Гольян» и «Ламинария» приготовились к отправке отрядов Райшеда и Хэлис на берег, чтобы там сразаться с пиратами. Зловещая сила собиралась между хижинами и частоколом, построенными кровью и слезами несчастных пленников.

Аллин решительно вдохнула, и магический огонь перепрыгнул с «Бешеного Пса» на «Морскую Лисицу». Мачты занялись в один миг, как деревья в лесном пожаре. Матросы в отчаянии прыгали в воду, некоторые падали горящими факелами.

— Нет! — Гуиналь посерела от ужаса.

— Это бой. — Думая, что она упадет в обморок, я схватила ее под руку.

— У них есть Высшее Искусство, госпожа моя, Высшее Искусство! Я не знаю, у кого, но они убивают им. — К моему изумлению, отчаянный голос Паррайла раздался в моей голове: — Пленники, давшие ложную клятву, погибают от удушья. Они пытаются найти ваших магов, я слышу, как они ищут. Они убьют каждого мага, до которого смогут

добраться. — Он говорил быстро, и его страдание огнем опалило мой ум.

— Прекрати свою магию, — закричала я Аллин. — Сейчас же! — Нельзя допустить, чтобы вражеские заклинания превратили ее в едва дышащий труп.

Девушка уставилась на меня в растерянности.

— У них есть эфирная магия, она ищет вас, — задыхаясь, проговорила Гуиналь.

Даже румянец Аллин исчез при этом известии.

— Мы должны предупредить остальных.

Я снова посмотрела за горящую ярким пламенем «Морскую Лисицу», но по-прежнему увидела лишь мерцающую дымку.

— Как?

Мы договорились о сигнальных флагах едва ли не на все случаи жизни, но такого никто не ожидал.

— Я свяжусь с Узарой. — Аллин нашарила в кармане фартука пучок рваных бинтов и подняла пустую металлическую чашку из-под мази.

— Тебя слишком легко атаковать, — возразила я.

— Мы можем прикрыть ее Высшим Искусством. — Лицо Гуиналь словно застыло; она схватила меня за руку. — Просто делай, как я. Вспомни, как мы вместе творили Высшее Искусство против Крамизака.

Узара исповедует теорию, что вера — это ключ к эфирной магии. Решительно отбросив все сомнения, я вызвала в памяти яркий образ Гуиналь, разбивающей оборону того колдуна во время прошлого нападения эльетиммов. Она скандировала тогда заклинание, а я вторила, и как ублюдок ни злился, он ничего не мог поделать, и Райшед с Темаром порубили его на куски.

— *Тар амал эс риал андал зер, фез амал тар риал сурамер.*

Древние слова не имели смысла, но их ритм был знаком, как дыхание. Что это — зов Лесной крови или просто воспоминание о далеком детстве, когда мой отец — стран-

ствующий менестрель — пел мне на ночь песни в комнате на чердаке?

Я услышала голос Аллин, приглушенный, словно доносящийся издали, из густого тумана.

— Паррайл говорит, что у пиратов есть Высшее Искусство. Мы должны все прекратить.

В этот момент что-то прошмыгнуло мимо меня, но ничего не было видно. Гуиналь сильнее сжала мои руки, пока пальцы не стали неметь. Глядя прямо сквозь меня, она повторяла свое заклинание с острой выразительностью. Я вдруг поняла, что меня пробирает непреодолимая дрожь, которую старики называют сквозняком от плаща Полдриона. Я держала руки Гуиналь так же крепко, как она — мои. Я должна верить, что она может сделать это, или мы обе погибнем. Если моя вера — это все, что стоит между магами и Высшим Искусством, убивающим их разум, я буду твердить заклинание, пока не отсохнет язык.

Аллин выкрикивала приказы. Я слышала беготню со всех сторон, но не могла отвести глаз от лица Гуиналь. Затем молодая дворянка растворилась передо мной, повиснув в воздухе как тень. Я моргнула, и Гуиналь снова была тут, но двери кают позади нее, корма, Аллин и все остальное стали нереальными, словно дым. Все исчезло в безликом сером тумане. Казалось, «Эринго» и все на борту — это просто обман зрения, подобно воспоминанию о пламени свечи, задумой в темной комнате.

Я прикусила губу и ощутила металлический вкус крови. Я все еще слышала крики Аллин. Я все еще вдыхала противный запах пота — запах моего страха — и гарь «Бешеного Пса». Я все еще чувствовала палубу под ногами и руки дворянки, сжимающие мои пальцы как тиски. Я представила себе ее лицо, каждую деталь ее платья. Гуиналь втянула меня в это и, Дрианон спаси меня, она меня отсюда вытащит, иначе ей не поправится.

Цвета побежали по краям серого тумана. Они ускользали, когда я пыталась на них посмотреть, но вскоре обрели силу и

глубину. Появились какие-то формы, поначалу трудноразличимые, ибо мое истинное окружение накладывалось на те образы из царства Полдриона.

Мы были в частоколе с пленниками. Я бы вырвала свои руки у Гуиналь, но барышня держала их крепко.

«Мы здесь не более чем тени». Ее невысказанные слова эхом прокатились в моей голове, и я вспомнила, как поклялась однажды, что пусть лучше окажусь изнасилованной, чем снова почувствую то мерзкое вторжение чужой воли.

Кучка пиратов распахнула ворота, размахивая мечами и дубинками. Два пленника в лохмотьях сидели у самого входа. Их грубо поставили на ноги, заломив руки за спину. Остальные попятились, слишком испуганные, чтобы бежать, сломленные как телом, так и духом. Я попыталась разглядеть Паррайла или Налдета среди этой измученной и грязной толпы.

Еще три человека стремглав вбежали в частокол, двое мужчин и одна женщина, все трое не слишком высокие и примерно одного возраста с Темаром и Гуиналь. Женщина была в оливковой юбке, мужчины — в серовато-коричневых бриджах; со своими светлыми волосами, они могли сойти за родственников Сорграда. Все трое носили рубахи, зашнурованные до самой шеи, но я тем не менее заметила под ними безошибочный блеск серебра. Единственными эфирными колдунами, носящими цепи, были...

— Эльетиммы. — Ненависть Гуиналь прозвенела в моей голове.

Первый колдун грубо сжал руками голову пленника, и он скорчился в тех беспощадных тисках. Я не слышала криков несчастного, но эхо его боли отозвалось в заклинании Гуиналь, и я почувствовала ее как удар в затылок. Бросив пленника, эльетимм с той же жестокостью схватил второго. Мужчина дернулся в конвульсии, и меня снова ударило болью, но озадаченный колдун в ярости отшвырнул его в сторону.

Эльетиммка пролаяла какой-то приказ, и пираты двинулись вперед. Пленники в ужасе бросились врассыпную, будто овцы, внезапно обнаружившие волка в своем загоне. Один

парень побежал к воротам, но два пирата повалили его на землю. Видя его вдавленным в грязь, второй эльетимм положил руку на сальные волосы мальчишки. Сердито качая головой, колдун выхватил у пирата дубинку и в зверской досаде разнес своей жертве череп.

Я увидела Налдета и Паррайла. Оба пытались спрятаться за чужими спинами, но то же самое делали и остальные. Они напоминали стаю гусей, удирающую от своры собак. Борясь друг с другом, пленники выталкивали более слабых, и те становились легкой добычей алчных пиратов. Вскоре поплатился жизнью из-за врожденной мягкости и Паррайл.

Пират с прогнившим носом потащил ученого к эльетиммке. Паррайл был без рубахи, весь грязный, но даже под грязью были видны ребра и синяки — свидетельства непрестанной жестокости. Ученый споткнулся и упал, но пират не дал ему встать на ноги и поволок по загаженной земле. Он бросил парня лицом вниз перед колдуньей, встал коленями на его ноги и вывернул ему руки за спину. Паррайл отчаянно закрутил головой, пытаясь избежать прикосновения женщины.

К моей невыразимой радости, боль исказила лицо эльетиммки, едва она дотронулась до него, но, увы, на ее крик сбежались другие колдуны.

— Кто ты? Откуда ты? С кем ты говоришь?

Я не знаю эльетиммского, но поняла их резкие вопросы, эхом заматававшиеся вокруг моих мыслей.

Ученый закутался в непокорность.

— Не скажу.

— Кто тебя научил? — Страх и ненависть проскользнули в вопросе эльетимма, но его Высшее Искусство разрезало Паррайла как нож.

Словно мелькнувшую страницу в открытой и тут же хлопнутой книге, я увидела ментора Тонина, наставника Паррайла в далеком Ванаме.

— Ты не можешь противиться нам. — Злое удовлетворение окрасило хор мыслей эльетиммов. Тот миг единства прошел, и все трое напали на ученого с безжалостным допросом.

— Кто ты?

— Где твои друзья?

— Кто предал Мьюрдарча?

Неужели мы так и будем на это смотреть? Я хотела встряхнуть Гуиналь за плечи, настоять, чтобы она вытащила оттуда парня, чтобы сделала что-нибудь, но я не посмела. Вдруг эти ублюдки насторожатся? Вдруг они поймут, что мы подслушиваем? Страх за себя и за Паррайла комом встал в моем горле, едкий, как желчь.

Бесцветный огонь на миг осветил реальность. Далекий частокол побледнел, и я отчетливо увидела «Эринго». Страшная боль от сломанной кости пронзила мое запястье, хотя я знала, что это не моя травма.

— Будь они прокляты! — Горькие слова Гуиналь вновь крепко привязали меня к ее воле. Я снова увидела частокол, увидела зверя-пирата, который выкручивал посиневшую руку Паррайла. Ученый зарыдал и начал биться головой о землю, слезы лились из его сощуренных глаз.

Все три эльетимма столпились как стервятники, вокруг парня, не дожидаясь, когда их добыча перестанет дышать. Безносый пират торопливо отполз, он явно испугался этих тощих чужаков. Обнимая сломанную руку, Паррайл свернулся в беспомощный комок, от его непокорности больше не было пользы.

Эльетиммы соединили руки. Вместе с ними и мы с Гуиналь явственно увидели обнаженную жизнь Паррайла. Дорогие воспоминания запорхали мимо меня, как цветные страницы, вырванные из драгоценной книжки детских сказок и рассыпанные по равнодушной земле. Паррайл был любимым ребенком, тем более что детские хвори унесли многих его братьев и сестер к чуткой заботе Полдриона. Его отец, скромный клерк в купеческом доме, экономил на всем, чтобы послать своего многообещающего сына в Ванам, мать утирала слезы,

утешая себя, что все эти жертвы — ради ее любимца. Не ленивый и не богатый, студент Паррайл был на посылках у более денежных учеников, дабы иметь что-то на пропитание, но даже тогда ходил голодный, если какой-то заманчивый свиток или пергамент опустошал его кошелек. Гордость ментора Тонина согревала молодого ученого, поддерживала его уверенность в своих талантах, научила его выпутывать нити смысла из клубка суеверий и искаженных молитв — все, что Хаос оставил от эфирного знания.

Эти воспоминания колдуны разорвали на части, в отчаянии они искали то, что Паррайл знал, а они — нет. Терзаемый жгучей болью в руке, ученый лежал, беспомощный, и не сопротивлялся, когда они подвергли холодному изучению его первый визит в Келларин. Они увидели его нервным и возбужденным в группе ментора Тонина, Паррайл был захвачен тем, как сухая теория его исследований обретает плоть и кровь реальности. Но после нападения эльетиммов тот интерес сменился ужасом. Друзья и маги лежали мертвые со всех сторон, и никто, кроме Паррайла, не мог разбудить спящих колонистов. По дороге к спрятанной пещере Эдисгессета он призвал всю свою решимость и волю, чтобы победить малодушные сомнения.

Я с удивлением обнаружила, что Паррайл меня боялся, но это мимолетное впечатление исчезло как дым в пылающем огне его преданности Гуиналь. Изумленный ее красотой, ученый хранил в памяти ее спящее лицо, застывшее в тусклом свете пещеры, — такое, каким он впервые его увидел и какое парило сейчас перед всеми нами. Тот первый восторг сопровождал юношу постоянно. Каждое слово барышни было для Паррайла как милость, каждое ее действие выглядело доказательством ее благородства и добродетели. Даже его возвращение в Ванам не поколебало эту верность, и когда появился шанс вернуться, страстное желание ученого быть полезным своей госпоже окрашивало все его мысли и поступки.

Меня захлестнули ярость, отвращение, негодование, словно этого бедного парня раздели догола на потеху ревушей толпе. Эльетиммка вскинула голову и уставилась прямо на меня.

— Даридж, Мойн!

Эта тварь, без сомнения, видела нас обеих. Ее сверлящий взгляд проникал сквозь завесу того заклинания, каким прикрывала нас Гуиналь.

Эльетиммы бросили Паррайла и двинулись к нам.

— Гуиналь? — пискнула я.

Но барышня не хуже меня видела опасность.

— Вы оскверняете эфир своим прикосновением. — Презрение Гуиналь хлестнуло колдунов, и эльетиммская тройца отшатнулась. — Мне следует выжечь то испорченное знание из самых глубин ваших умов. Неужели вы думаете, что можете использовать против меня свои грязные приемы?

Она подняла руку, бестелесный призрак, но эльетиммы попятись, словно перед ними стоял некий мифический воин, весь в блестящих доспехах и с пылающим мечом.

Один из колдунов, тот, которого звали Даридж, споткнулся о Паррайла. Быстро, как кусающая лиса, он схватил его за волосы.

— Если мы не можем коснуться тебя, то он в наших руках.

Он злобно пнул ученого в пах. Второй колдун, Мойн, наступил на сломанное запястье Паррайла. Ученый едва реагировал, и я почувствовала горестное беспокойство Гуиналь, вторящее моей тревоге.

Ужасный мир иллюзии замерцал вокруг меня. Мойн ухмыльнулся, словно удовлетворенный дьявол.

— Ты достаточно сильна, чтобы поддерживать свою магию перед лицом его боли?

— Ялда! — Не сводя глаз с Гуиналь, Даридж поманил к себе эльетиммку.

Женщина подняла пиратскую дубинку и с ядовитой улыбкой обрушила ее на голову Паррайла. Из его ушей и носа

хлынула кровь. Колдунья наносила удары снова и снова, пока Даридж пинал его в живот, а Мойн кованными сапогами в незащищенную спину.

Последние муки безгрешного юноши исчезли как сон, но я знала, что этот кошмар мне не приснился, даже когда палуба «Эринго» вновь стала твердой и надежной. Гуиналь трясущимися руками закрыла лицо и убежала в каюту, содрогаясь от рыданий.

У Аллин расширились глаза.

— Что случилось?

— У них эльетимские колдуны, — сообщила я ей. — Мы должны убраться отсюда.

Я вдруг поняла, что насквозь промокла от пота. На рубаше проступили темные пятна, бриджи липли к ногам. Ветер охладил меня снаружи, но внутри у меня и так царил ледяной холод.

— Мы уже уходим. — Аллин показала на черно-желтые клетчатые флаги — сигнал к отступлению. «Ламинария» и «Огненный Гольян» направлялись к нам. Пираты, которые с радостью зарезали бы всех на борту, в досаде остались стоять на гальке. — У нас нет людей, чтобы сражаться без помощи магии.

Матросам «Эринго» с огромными усилиями удалось осторожно провести нас мимо тлеющих обломков «Бешеного Пса» и «Морской Лисицы». «Ураган» поворачивал в более широкой части пролива за горящими корпусами. Теперь его все прекрасно видели, так как покров магии был сброшен из-за страха эфирной атаки на Шива, Зара и Лариссу. Вот тебе и наш план подобраться к пиратам достаточно близко, чтобы забрать пленников. Увы, но вновь обретенная уверенность магов в работе со стихией воздуха оказалась ненужной. Флотилия Витранселя сомкнула ряды позади «Эринго». Используя все преимущества ветра и прилива, мы бежали на север по проливу, оставляя позади свои разбитые надежды.

— Что с Паррайлом и Налдетом? — встревоженно спросила Аллин.

— Паррайл мертв, — мрачно ответила я.

— А Налдет? — Ее голос дрогнул.

— Не знаю. — Хотя я могла угадать судьбу мага, если он себя выдаст.

ГЛАВА 4

*Кадану Ленчу, декану,
От Сала Гавьяла, библиотекаря*

Ты просишь меня и моих помощников перерыть все ящики мусора, который наши предки поленились выбросить. Но ты хоть представляешь, какая это неблагодарная работа? То, что не выцвело до неразборчивости, либо порвано в клочья мышами, либо источено жуками. Это благочестивое послание — единственная находка из всего архива, собранного неким жрецом в первый год царствования Немита Последнего.

Приглашение в усыпальницу Острина

Я очень рад узнать, что ты присоединишься к нашей семье адептов и принесешь в наши литургии аромат знаменитых гармоний Кола. Ты присоединишься к служителям из великих храмов Релшаза и Драксимала, а также множества более скромных усыпальниц Каладрии и далекого Энсеймина. Мы — представители всех рангов знати, от самых малых Имен, считающих честью владеть единственным Домом, дающим приют и сьеру, и его арендаторам, до Имен с высокими привилегиями, которыми пользуются самые могущественные принцы Собрания.

Различия не имеют значения в нашем отдаленном пристанище. Уповая на милость Острина, мы радушно принимаем всех как равных. Приди в это уединенное место со смирением и разумом, освобожденным от всех помех превосходства, и ты научишься всему, чему мы можем тебя обучить. Постигай секреты Высшего Искусства со старанием и благочестием, и ты вернешься, многократно повысив свое мастерство, чтобы служить своему Дому и тем, кто верен ему по рождению или присягнул по выбору.

Мы стремимся совершенствовать искусство врачевания, дабы почтить Острина, которому мы верны превыше всего. Направляемые Дрианон, мы бережем тех, кто совершает опасное путешествие из Иного мира в этот через лоно женщины. Когда один год сменяется другим, мы учимся читать знаки Ларазион, сулящие бурю и солнце, а умоляя Дрианон благословить землю, мы можем увеличить ее плодородие. Добейся дисциплины, чтобы обратить свой ум от вещей видимых к невидимым, и ты можешь просить помощи Аримелин в разговоре с теми, кто от тебя далеко. Под опекой Халкарион ты сможешь путешествовать по бесконечным путям, отмеченным лунами.

Когда боги даруют силы как высшую награду, они требуют взамен серьезной ответственности. Помогая тем, кому положено вершить правосудие в своих владениях, ты поклянешься отвечать перед Рэпонином за правду, которую ты извлекаешь из лживых языков или мыслей людей, не желающих говорить. Твоя искренность никогда не будет испытана так жестоко, как в скорбную минуту утешения тех, кто переходит на попечение Полдриона. На тебя будет возложен долг успокоить страхи умирающих, когда их жизнь предстанет перед испытующим взглядом Сэдрина.

Мы вправе чувствовать удовлетворение и даже гордость, исполняя наше Высшее Искусство, но давай не забывать, что такое мастерство, каким обладаем мы, даруется только милостью богов, коих мы почитаем как должно. Служа им, мы, жрецы этой усыпальницы, клянемся сбивать спесь с каждого, кто склонен злоупотреблять знанием, которое мы ему доверяем.

САТАЙФЕР, СЕВЕРНЫЙ ЧАСОВОЙ ОСТРОВ, 1-е ПРЕДЛЕТА

Я стояла в дальнем конце залива и смотрела на море. Белые рюши пены украсили таинственные воды, блестящие как черный шелк под серебряным светом Большой луны. Она безмятежно плыла в ясном ночном небе, идеальный круг в ореоле нежного сияния. Ее меньшая сестра стояла у горизонта, спрятав свой лик под косо наброшенной вуалью, — скромная служанка бледной красавицы, которая ждет своей очереди в танце небес. Морской ветер наполнял воздух очищающей свежестью. Время от времени ее перебивала сладость незнакомых цветущих деревьев, невидимых в темноте нехоженого леса, покрывавшего эту не потревоженную до сих пор частичку суши. Волны ритмично набегали на песок, словно баюкая младенца в колыбели, а тихие голоса позади меня обсуждали какое-то неспешное дело. Я повертела в пальцах плоский камень.

— Красиво, не правда ли? — Пери́д присоединился ко мне.

— Гм-м, — промычала я.

— Что-то не так?

Он спрашивал не из любопытства. Художник лишь предлагал по-дружески выслушать меня. И у него был к этому настоящий талант.

Я откашлялась.

— Шив когда-нибудь рассказывал тебе о Джерисе?

О мягком, доверчивом Джерисе. Я так и не успела объяснить ему, что только приятный флирт и случайная похоть привели меня в его постель, а не возвышенный роман его воображения.

— Ученый из Ванама. — Пери́д кивнул. — Его убили эльетиммы.

— Так же, как Паррайла. — Главное — не заплакать. — Нет, хуже. Его пытали.

Я сама удивилась своему внезапному гневу. Все, чем занимался Джерис, было поиском древних знаний для Планира вместе с Шивом и Дарни, которые должны были уберечь его от беды. Так за что же его похитили, за что истязали, за что разбили его невинные иллюзии?

— Пора остановить подонков, несущих повсюду смерть и страдание. — Я запустила камень в море, чтобы дать выход своей ярости. Он запрыгал по волнам, высекая из черноты серебряные искры, один, два... всего шесть раз.

— Здорово. — Художник посмотрел себе под ноги. — Хочешь еще?

— Нет, спасибо. — Я придерживу остальной гнев. Его жар лучше, чем холодная пустота за грудиной при воспоминании о всех тех, кто умер от рук эльетиммов. — Ты чего-то хотел?

Повернуться к Периду означало признать, что шум за моей спиной — не уютная повседневная суета. С одной стороны пляжа сомнительная команда, которую Сорград набрал для Шива, все еще распределяла добычу из тайников, найденных в соседнем лесу и в скалах Розарн и Веспретом. Наемники Витрансея давно поделили свои трофеи и укладывались спать вокруг своих костров на другой стороне пляжа. Между ними отдельными кучками расположились поселенцы Келларина, которые остались здесь после того, как «Эринго», «Кувшинку» и «Звезду» поспешно снабдили провизией из пиратских запасов и отправили бороться с ветром и течением к южному концу пролива. Его следовало блокировать, прежде чем пираты добудут годный для плаванья корабль и попытаются сбежать.

— Полночь миновала. — Перид задрожал, хотя ночь стояла не очень холодная.

Я взглянула на него.

— Ты никогда не думал, что будешь проклинать тот день, когда ты не родился магом?

— На что это похоже? — Он искал нужное слово. — Когда тебя используют для Высшего Искусства?

У меня по спине побежали мурашки, но я старалась побороть отвращение. Эльетиммский колдун, копающийся в моей голове, — это было хуже любого изнасилования, а я знала достаточно изнасилованных женщин, чтобы не говорить об этом с легкостью. Но как описать то чувство, когда тебя использует Гуиналь? Больше похоже на продажу или покупку безучастного тела за кошельки серебра?

— Это не так плохо, — соврала я.

— Я бы все равно предпочел, чтобы меня не использовали. — Обычно безмятежные глаза художника помрачнели. — Но боюсь, у нас нет выбора.

— Уходить во время полосы невезения значит гарантировать свои потери, — непринужденно заметила я. — Единственный способ победить — это остаться и играть.

— Даже когда кто-то удваивает ставки?

Пронзительный свист избавил меня от ответа. Грен махал нам рукой, не обращая внимания на раздраженные взгляды тех, кого он разбудил.

— Пора идти, — бодрясь, сказала я Периду.

Мы двинулись в обход взрыхленного и грязного песка. Там спешно вырыли яму для трупов, поскольку они привлекали множество крабов и мух. Пробираясь мимо храпящих куч одеял и перевернутых сапог, мы дошли до грубой хижины, которую так услужливо построили для нас пираты. Я поймала взгляд Дарни, смотрящего из своего укрытия — натянутого куса промасленной кожи, — и быстро отвернулась. Только его бесцеремонного вторжения мне сейчас не хватало.

Грен стоял у двери, его глаза блестели от ожидания, светлые волосы казались почти бесцветными в полутьме.

— Барышня говорит, что они уже должны спать.

— Кто бы с этим спорил, — зевая, подошел Узара, и мы все вместе зашли внутрь.

Гуиналь стояла у доски, принесенной с разбитого пинаса и положенной на козлы. Райшед с Темаром расставляли табуреты. В хижине влажно пахло свежей древесины и немного — застарелым потом. В тених за светом ламп гро-

моздилось имущество, брошенное пиратами, надеюсь, достаточно мертвыми, чтобы потребовать его обратно. Едкий жар горящего масла запершил у меня в горле.

Барышня подняла голову.

— Начнем.

Я села рядом с Райшедом, Темар и Перид — напротив нас. Все выглядели довольно угрюмо, кроме Грена, занявшего место в торце. Его полные энтузиазма глаза были устремлены на дворянку, все еще стоявшую во главе стола.

— Мы должны узнать об этих эльетиммах все что можно, не насторожив их при этом. Самый лучший способ — просмотреть их сны. Но для этого мне нужна сила в эфире, которую я просто не нахожу, поскольку кругом океан и нет привычных ресурсов усыпальниц. — Не считая этих немного необычных объяснений, Гуиналь была такой же выдержанной, как всегда, ни следа истерики, охватившей ее днем. — Если вы поможете мне, у нас должно получиться.

Я искренне на это надеялась. Там, в Витранселе, спокойная вера госпожи Чевен, мастера Дрэга и других обеспечила прочный фундамент для заклинаний барышни. Здесь же собрались в основном наемники и матросы, плавающие столь круто к ветру, что их самих впору вешать за пиратство. Ни у тех, ни у других я не заметила особой набожности.

— Ливак немного знакома с простейшим использованием Высшего Искусства, и у нее есть ее Лесные инстинкты. Райшед должен был почерпнуть что-то из твоего обучения, Темар, благодаря Высшему Искусству, которое вас связывало. — Гуиналь одарила Д'Алсеннена удивившей его улыбкой.

Я сжала под столом руку Райшеда. Только я знала всю глубину ужаса, который испытал мой возлюбленный, когда пойманный в ловушку ум Темара прорвался сквозь ограничивающее заклинание, слепо сражаясь, чтобы захватить себе тело Райшеда.

Барышня продолжала. Возможно, она выкладывала все это ради Узары, но скорее для того, чтобы вселить в нас уверенность.

— Я все еще не знаю, как, но в прошлом Соргрэн, бесспорно, оказался неприступным как для Шелтий, так и для эльетиммов.

— Никто не залезет ко мне в голову без спросу, — пожал плечами Грен.

— А я здесь только для количества, верно? — немного вымученно сострил Перид.

Гуиналь бросила на него твердый взгляд.

— Ты — художник. Ты видишь дальше непосредственного и физического. Такая восприимчивость и требуется от адепта. Просто сосредоточься и делай, как я.

Она села, протянув руки Темару и Райшеду, и мы образовали круг. Райшед стиснул мою левую руку, а толстые пальцы Грена весело сжали правую. Я покосилась на него в безмолвном предупреждении, но горец в ответ лишь бодро подмигнул. Д'Алсеннен и Перид уставились на Гуиналь. Барышня закрыла глаза. Темар сделал то же самое, а через минуту — и Райшед. Я же так и не смогла заставить себя зажмуриться.

Гуиналь перевела дух и открыла глаза. Я виновато закрыла свои.

— Мне очень жаль, Райшед. — Барышня покачала головой. — Твое недоверие к Высшему Искусству слишком явно.

На лице моего возлюбленного промелькнула досада. Он отпустил руку Гуиналь и виновато поцеловал меня.

— Простите.

— Можешь посторожить со мной, вдруг что-нибудь пойдет не так. — Узара сидел у двери, все это время пристально наблюдая за Гуиналь.

— И что мы будем тогда делать? — пробормотал Райшед себе под нос, направляясь к магу.

— Ну что, продолжим? — Д'Алсеннен требовательно протянул руки.

Мы с Греном переставили табуреты, чтобы плотнее сомкнуть круг. Как только рука Гуиналь коснулась моей, барышня начала тихое заклинание, и грубая хижина вокруг меня ис-

чезла почти так же, как раньше исчезал «Эринго». Остальных я различала довольно ясно, но за кольцом наших сомкнутых рук все словно заволокло дымом. На этот раз я увидела не новое место, а новое лицо. Оно парило в воздухе между нами, неподвижное, расслабленное во сне. Это была женщина, Ялда. Серебряная цепь — знак эльетиммских колдунов — блестела на ее шее.

Гуиналь открыла глаза:

— Сосредоточьтесь на ней.

Где-то в глубине своего ума я слышала то первое закливание, все еще связующее нас общими ритмами. Но Гуиналь как-то разделила свои мысли на несколько отдельных нитей, каждая со своим средоточием. Может, в этом и заключен секрет более сложного Высшего Искусства? Но это не труднее, чем запоминать расклад рун, предвидеть следующую ставку противника и все это время смотреть в оба, не появилась ли Стража.

Однако я по-прежнему не была уверена, что хочу научиться этому более сложному Высшему Искусству. Эмоции закружились в нашем кругу. Перид вставил колдунью в воображаемый овал миниатюрной рамы, выхватывая детали, вроде морщинок у глаз. Грен сравнивал ее, не слишком лестно, со знакомой златовласой танцовщицей, и я постаралась игнорировать его предположения о том, что находится под ночной сорочкой Ялды. Темар видел в ней только врага и был полон решимости получить те знания, какие могли бы помочь нашему делу.

Всего этого следовало ожидать. Но что меня смутило, так это Гуиналь, тщательно маскирующая свою ненависть. Убаюкивая спящий ум женщины коварным закливанием, она раскинула сеть чар, чтобы поймать и мужчин: сначала Мойна, потом молодого Дариджа. В этом не было той жестокости, с которой эльетиммы терзали Паррайла, но я знала наверняка, что Гуиналь может с лихвой отплатить им за его убийство, если захочет мстить. Я мысленно велела себе никогда не иг-

рать с барышней на деньги или одолжение, а потом спросила себя, знают ли остальные, о чем я подумала в это мгновение.

Гуиналь начала новое заклинание, совершенно иное по ритму и высоте тона, и новые образы повисли в воздухе. Текучие, искаженные формы совсем не походили на живые картинки гадания или магической связи, и мне стало интересно, что видят Райшед и Узара.

Непонятные фрагменты медленно срослись в серый каменный замок, стоящий на холме над гаванью, которая остро врезалась в занесенный дюнами берег. Я резко вдохнула, узнав то место, где нас с Райшедом и Шивом держали в плену. На этом берегу нас схватили во время наших бесплодных поисков ради спасения бедного Джериса. Меня, Райшеда, Шива и Айтена. Айтен был еще одним человеком, за чью смерть должны ответить эти подонки.

— Не разбуди их своим гневом, — беззвучно упрекнула меня Гуиналь. Образ поплыл, и нам открылся сад внутри замка. Он был почти такой же, каким я его помнила: не милое место для отдыха, а густые ряды жизненно важных культур, где по сторонам, в стеклянных теплицах, выращивали растения, слишком нежные для этого сурового климата. Меня пробрал озноб, не имевший отношения к холодным ветрам дальнего севера. Страх, обнаженный и простой, топорщил волосы у меня на затылке, но я с удивлением поняла, что это не мой страх.

Беловолосый мужчина ухаживал за вьющимся растением, обрезал лишние отростки и направлял выбившиеся усики в строгие пределы шпалер. Это был тот ублюдок, который привел в движение все это безумие последних лет. Это был тот выродец, который послал эльетимских шпионов в Тормалин и дальше. Они грабили и убивали с помощью его Высшего Искусства, когда охотились за артефактами колонии. Те артефакты дали бы их господину возможность убить всех, кто был способен сопротивляться его захвату богатых земель Келларина. Я почувствовала, как Темар подавляет свою ярость, и попыталась сдержать собственный гнев. Но наша ненависть

звучала приглушенной нотой под громким опасением трех спящих колдунов. Они были так же подвластны главарю, как эта глупая лоза. Они ничего не должны желать, кроме его приказа, чтобы их мастерство и знание Высшего Искусства расцветали под его руководством. Болезненное понимание таилось под такими мыслями. Малейшее отступление от его воли будет жестоко наказано. Их свобода урезана, ибо все, кого они любят, разделят их участь за самый ничтожный проступок.

— Илкехан, — выдохнула Гуиналь с удовлетворением. — Теперь мы знаем его имя.

Мы называли его просто Ледышкой, когда были его пленниками. Это прозвище вполне подходило его совершенно белым волосам, сухому, свирепому лицу и его намеренной жестокости, смертельной и бесчувственной, как лютый холод зимы.

Лица замелькали в нашем видении чередой ускользающих воспоминаний. Ребенок, слишком маленький, чтобы понять, мальчик это или девочка, появился и тут же исчез, но мы все успели почувствовать волну отцовской любви от спящего Мойна. Пара, пожилая по меркам Ледяных островитян, вызвала сыновнюю привязанность у Дариджа, которая тронула даже меня, без сожаления ушедшую от таких уз. Колдунья Ялда хранила преданность воину с бочкообразной грудью, чем-то похожему на Сорграда. Его кожаные доспехи были усеяны знаками ранга.

— Это отец того ублюдка Эрескена, — с интересом заметил Грен.

— Кто? — нахмурился Темар.

— Воин? — Я тоже была озадачена.

— Йон Илкехан.

Когда Грен назвал это имя, мы снова увидели Ледышку. Он обращался к запуганным эльетиммам среди россыпи убогих лачуг. Одетые в лохмотья, эти люди ждали зерна, выдаваемого откормленными приспешниками Илкехана. Мы не могли ощутить их голод, но почувствовали их трепет. Со всех

сторон застыли солдаты в черных мундирах, готовые пресечь даже намеки на недовольство.

— Нет, кто такой Эрескен? — Темар не мог сдержать досаду.

— Эльетиммский колдун, который в прошлом году подстрекал Горных Людей к войне. — Обретя уверенность, Перид присоединился к нашему молчаливому разговору.

— Который убедил Аритейн уйти от Шелтий. Она слишком легко поверила обещаниям Эрескена, что Высшее Искусство исправит вопиющие несправедливости, выпавшие на долю Горных Людей за последние поколения, когда жители низин все чаще посягали на их территории. Лично я отнеслась бы к таким посулам с подозрением. Тем более что Эрескен открыто признавал свое происхождение от клики, давно изгнанной из Гор за самое страшное преступление — использование колдовства в своих целях. Но я не испытала той вечной досады, с которой жила Аритейн, из-за ее обета безбрачия и всех ограничений, добровольно налагаемых Шелтиями на свою так называемую истинную магию.

Образ внезапно изменился. Мы увидели лицо Эрескена, холодно красивое, а потом жуткую кровавую маску над полуразрушенной шеей.

— Я подумал, что безопаснее всего отрезать ему голову, — добродушно объяснил Грен.

Эрескен исчез для какого-то там наказания, приготовленного ему демонами Полдриона. На его месте возник другой эльетиммский колдун, тот, кто добивался смерти Райшеда, кто устроил ему рабство среди опасностей Алдабрешского архипелага ради меча Д'Алсеннена, которым владел мой возлюбленный.

Темар знал его имя.

— Крамизак.

Я увидела быстрый как молния клинок Райшеда, отражающий удар булавы этого ублюдка и рассекающий его горло, когда поиски пропавших колонистов свели соперников лицом к лицу.

— Илкехан послал троих, потому что один слишком уязвим. — Гуиналь кивнула своим мыслям.

— Но они не так сильны, как те двое. — Может, Высшее Искусство Темара было не столь совершенным, но оно показывало ему что-то, скрытое от нас. Пери́д, Грен и я непонимающе пожали плечами.

— Он не любит делиться своим знанием, — задумчиво молвила барышня, читая спящие лица. — Никого сильнее у него нет.

— А почему этот гад не поехал сам? — Глаза у горца загорелись его неизменной готовностью к бою.

— Это не в его характере.

Стоило Д'Алсеннену произнести эту фразу, как мы увидели Илкехана в кабинете, который я по крайней мере ухитрилась ограбить. Я стянула оттуда карты и разные другие бумаги, прежде чем мы сбежали с Ледяных Островов. С пером в руке Илкехан делал пометки на карте. Этот мерзавец составлял планы, посылал на смерть невинных людей, но редко пачкал кровью свои руки. Это было ясно и без магии.

— Другие дела удерживают его дома. — Слова Гуиналь так резко изменили видение, что все мы вздрогнули.

Эта резня не имела того разгула, как наша сегодняшняя, но призрачные эльетиммы, без сомнения, лежали мертвые. Две армии сходились на бесплодном оловянно-сером берегу. За ними, на незначительном участке увядшей травы, громоздились разбитые камни, а вдали белели снежные шапки гор. Вспенивая сапогами мелкое серо-зеленое море, воины рубили друг друга на куски. Мы не чувствовали холодных брызг и пронизывающего ветра, не ощущали предательский песок под ногами, но их эмоции бурлили вокруг нас. Один испугался, что ему выпустят кишки, и в панике бросился потрошить другого. Третьего опалила ярость, да такая, что любой, попавший под его меч, прощался с жизнью, ибо лишь кровь могла охладить его гнев. Люди Илкехана носили мундиры из черной кожи, которые нам довелось видеть и презирать, а их противники были в тускло-коричневом.

Темар изучал эфирный бой.

— Он реальный или воображаемый?

— Трудно сказать, — пробормотала Гуиналь. — Однако это Мойн.

Мы увидели его на берегу стоящим в сухой траве. На нем был солдатский мундир, на шее блестела цепь. Мойн поднял руку, и фигуры в коричневом начали падать, как мушмула с тронутого морозом дерева. Раны на их лицах и груди обнажали красную плоть, будто мякоть лопнувшего фрукта, внося единственный яркий цвет в мертвенно-бледный пейзаж. Мундир Мойна отрастил новые украшения, а цепь затуманилась, превращаясь из серебряной в золотую. Мы снова увидели Эрескена у плеча Илкехана, затем его образ стерся и стал лицом Мойна.

— Этот парень рассчитывает на повышение, — заметил Грен.

— Значит, он там за старшего?

Я почувствовала, что Темар обещает Мойну раннюю смерть.

Барышня медленно покачала головой:

— Просто его мысли лежат на самом верху.

Я заметила, что Ялда беспокойно ворочается в своем далеком сне.

— Что случится, если они проснутся?

Едва задав свой вопрос, я ощутила тревогу Перида и прямое нетерпение Грена. За одно тошнотворное мгновение я узнала, как Эрескен попал в беду. Выбраться из головы друга оказалось совсем не так легко, как в нее попасть. Горец жаждал свести с ума и отправить к праотцам еще одного назойливого колдуна, используя лишь свободную силу разума, к его счастью, не отягощенного совестью.

Бросив на Грена слегка неприязненный взгляд, Гуиналь вновь сосредоточилась на спящих эльетиммах.

— Я только хочу посмотреть, что они знают об этом пирате.

Барышня извлекла воспоминания из их снов, как музыкант извлекает музыку из лиры. Мы увидели широкую гавань, укрытую мощным мысом, — убежище от диких скал и яростных морей океанского побережья Тормалина. За дюнами, поросшими пучками травы, раскинулся городок, гребные шлюпки перевозили людей и товары между берегом и кораблями, качающимися на якоре.

— Калавен, — удивился Перид. — Мы остановились там, прежде чем взять курс на Сатайфер.

— Сорград нашел в Калавене несколько хороших бойцов, — заметил Грен.

— Как и Мьюрдарч. — Гуиналь поощрила воспоминание Ялды о поразительно высоком мужчине с жесткими черными волосами и свирепым выражением в общем-то красивого лица, если не брать во внимание нечесаную бороду и морщины вокруг глаз — печать прожитых лет и утраченных иллюзий. В Калавене он явно бедствовал: бриджи грязные, рубаха в пятнах, сапоги в заплатках. Мьюрдарч разговаривал с Дариджем.

— Вот вам и император Тадриол, выкуривающий эльетиммских шпионов из своей соломы. — Я всегда питала сомнения на этот счет. Достаточно было послушать рассказы моего возлюбленного о бесплодной погоне за слухами и подозрениями — тогда он по поручению своего принца охотился на воров, избивших младшего сына Дома из-за фамильного кольца. Только позже, когда наши пути пересеклись, Райшед узнал, что это был келларинский артефакт.

— Гуиналь, — предостерег Темар.

— Хорошо.

Она сжала от досады губы, но успокоила эфир ритмичным заклинанием. Воздух опустел, спящие лица исчезли, и я внезапно осознала, что у меня онемели плечи и шея, а голова раскалывается от боли.

— Мне нужен свежий воздух. — Перид, пошатываясь, встал, и Райшед быстро открыл дверь.

— Я обойдусь выпивкой. — Даже Грен казался неуверенным в себе, а это случалось так же редко, как безлунная ночь.

Положив голову в ладони, я почувствовала сильные пальцы Райшеда, растирающие мои плечи.

— Что ты видел?

Мой возлюбленный подумал.

— Цвета, формы, но ничего конкретного. Зар не видел даже этого.

— Еще один пример, где Высшее Искусство и магия стихий не смешиваются? — Я слегка потеряла виски кончиками пальцев и, прищурившись, посмотрела на Райшеда. — Что теперь?

— Зар пошел за магами. С тобой все в порядке? — Его мрачный вид обещал кое-кому неприятности, если со мной что-то неладно.

Я осторожно кивнула:

— Вроде да.

Встав на колени, Райшед привлек меня к себе. Я положила голову ему на плечо и очень серьезно подумала о том, чтобы пойти спать и оставить все как есть по крайней мере до утра.

— Где Аллин?

Открыв глаза, я увидела Темара, трущего лицо тыльной стороной рук.

— С остальными магами. Они собирались обсуждать, какую магию могут себе позволить, не нарываясь на атаку эльетиммов. — Райшед встал и, подняв меня с табурета, сам на него сел. Я плюхнулась к нему на колени и обняла за шею.

— Узара говорил, что Аритейн помогла ему придумать за зиму некоторые способы защиты, — устало добавила Гуиналь.

Короткое время мы сидели молча, пока Хэлис не распахнула ногой дверь и втащила внутрь громоздкую корзину бутылок.

— Если вы закончили, давайте послушаем ваши сведения и составим план.

Мы поморщились от грохота и звона стекла. Все, кроме Грена, который тотчас оживился.

— Всегда лучше заканчивать с выпивкой в руке. — Он взял пузатую бутылку, залитую воском.

Хэлис предложила нам на выбор несколько разных вин.

— Так что вы узнали?

Пока Темар объяснял, не вызвав ни у кого большого удивления, что за пиратами стоит наш старый враг, прибыли маги. Шив обнимал Перида, с пристрастием осматривая его лицо: не повредило ли Высшее Искусство возлюбленному? Узара отнес вино молчащей Гуиналь, со всей учтивостью советуя ей выпить. Он даже ухитрился раздобыть где-то серебряный кубок, украшенный позолотой.

— Мы можем вытащить оттуда Налдета? — спросила Аллин. Судьба мага тревожила ее с тех пор, как нам пришлось оставить его у пиратов.

— Он один из нас, верно? — Сорград помог Грену отодвинуть стол к стене, и братья сели на него, лениво качая ногами. По примеру младшего старший отхлебнул белого бренди.

— Гуиналь? — Темар передал Аллин бледно-зеленую бутылку Каладрийского белого, и девушка сделала нерешительный глоточек.

— Слишком рискованно. — Дворянка вздохнула с красноречивой досадой и обвела взглядом всех урожденных магов. — Вам лучше ограничивать свою магию теми вещами, которые находятся в пределах досягаемости, которые вы можете видеть. Эльетиммы не должны вас атаковать, если вы не ищете что-то за гранью ваших непосредственных ощущений.

— Значит, мы все-таки можем вышибить пиратов из воды огнем и молнией? — Сорград подмигнул Лариссе, которая стояла немного в стороне от Шива и Перида, молчаливая и настороженная. Девушка робко улыбнулась в ответ.

— Что будет полезно, — сухо заметил Райшед, беря у Хэлис красное вино.

Сорград бросил на него загадочный взгляд, встреченный Райшедом с полной невозмутимостью. Из-за всего происходящего у них еще не было реальной возможности посмотреть друг к другу, но скоро это случится. Я взяла у Райшеда

бутылку и глотнула Ситалкского, его бодрящая терпкость прогнала усталость, затуманивающую ум. Мне лучше находиться рядом, чтобы не дать моим старым друзьям и моей новой любви дойти до рукопашной из-за их несомненных различий. Я не ожидала, что они понравятся друг другу, но надеялась, что они по крайней мере будут уважать таланты друг друга.

Хэлис заботило иное.

— Мы не избавимся от пиратов, пока их поддерживает эфирная магия.

— Мы тоже не безоружны. — Узара улыбнулся Гуиналь, но мы все увидели беспокойство в его глазах.

— Ты уверена, что выступишь против этих троих? От нас тебе будет мало проку. — Темар повел рукой, показывая на меня, Грена и Перида. — Узара, нельзя ли уговорить ту женщину-Шелтию помочь нам?

— Аритейн? — Гуиналь с сожалением покачала головой. — Даже если б Аритейн согласилась оставить Хадрумал, я не думаю, что она смирилась с предательством Эрескена, обманувшего ее и ее народ. Одно это сделало бы ее страшно уязвимой.

— Выходит, теперь у нас гораздо больше причин для беспокойства, чем пираты. — Райшед задумчиво покачал бутылкой. — Зачем Илкехану Сатайфер?

— Эльетиммы, захватившие эти острова, будут кинжалом у горла Витранселя и всех тормалинских портов, — нахмурилась Хэлис.

Не знаю почему, но мне привиделся Ледышка, подрезающий свое растение. Я вспомнила, как моя мать вела постоянную войну со спорышом. Этот зловредный сорняк вновь и вновь появлялся среди лекарственных трав и цветов, которые она выращивала на скромном участке, выделенном ей богатым купцом — владельцем того большого дома. Всякий раз, когда мать думала, что победила, словно в насмешку над ней появлялся еще один бойкий стебель с красновато-белыми цветами. Я была тогда глупой пухленькой малышкой и, помню, резвилась в саду, когда мой отец в один из своих редких и

таких долгожданных визитов осторожно выкопал все заботливо выращиваемые левкой и кусты анютиных глазок, каждый одревесневший побег нарда, закутанный кожистыми зелеными листьями. Он бережно положил их во влажную тень, а потом выкопал все до единого корни того проклятого спорыша, прослеживая каждый упрямый корешок до самого конца. Я вспомнила заговорщицкую усмешку отца, когда он лег на черную почву, чтобы дотянуться как можно дальше. Его медные волосы запылились, лицо было испачкано землей. Обычно мне запрещали копать в грязи, но, не устояв перед таким удовольствием, я присоединилась к отцу и к тому времени, когда мы закончили, стала такой же чумазой, но по крайней мере моя мать никогда больше не видела спорыша.

— Мы должны избавиться от Илкехана. — Было удивительно легко выразить словами такую важную мысль. Так же легко, как бросить горсть рун, которые или обогатят тебя или сломают тебе шею. — Все ведет к нему.

— Ты говоришь «мы»? — Райшед заглянул мне в лицо. Я знала, что он понял.

— Келларину никогда не собрать армию для сражения с эльетиммами. — До Темара явно не дошло. — Император пойдет воевать за наши интересы? Он мог бы набрать корабли, людей?

— Забудь ты о своих когортах, — не выдержал Сорград.

— Не думаю, что Тадриол решится на такой шаг, — медленно сказал мой возлюбленный. — Он успешно вышел из прошлогодней сумятицы, но съеры ведущих Домов по-прежнему следят за ним. Ему не позволят излишней самостоятельности.

Неожиданное прибытие Темара серьезно нарушило сложную игру за влияние, которую вели между собой принцы Тормейла. Императору пришлось проявить чудеса находчивости, чтобы сдержать их и не дать наброситься на него вместо Д'Алсеннена.

— Сюзерен он или нет, Тадриол правит с согласия съеров. А им не понравится, если он с ходу начнет убивать людей, кото-

рые его раздражают. — Хэлис задумчиво провела пальцем по широкому горлышку бутылки. Раздался тихий скрип. — Как бы то ни было, нож аккуратнее разобьет яйцо, чем камень величиной с твою голову.

— Нож — вот что тебе нужно, — со смаком заявил Грен. — Отряд, который перережет ублюдку горло и покончит с этой ерундой.

— Напади внезапно и ударь со всей силой, и ты сможешь убить кого угодно, — твердо молвил Сорград и неожиданно усмехнулся. — Как ты думаешь, почему твои дворяне тратят столько денег на присягнувших и наемников?

— Убийство? — пораженно спросил Темар. — Но это не благородно.

Гуиналь открыла рот, но ничего не сказала.

— Мы наемники, — мягко напомнила Хэлис. — Благородство, как правило, не приносит доход.

— Не убийство, а казнь, — строго поправил его Райшед. — Этот человек должен заплатить за неисчислимые смерти, даже если другие руки махали мечами по его приказу.

— Паррайл! — рявкнула Хэлис с внезапным гневом.

— Джерис, — коротко сказала я.

— Айтен. — Раздувая ноздри, Райшед боролся с яростью и горем, которые всегда таились где-то глубоко в его душе. Айтен много лет был его другом. Как присягнувшие Д'Олбриоту, они вместе охотились за теми, кто оставил при смерти молодого эсквайра Дома. Мы почти сбежали с эльетимских островов, когда заклинания Илкехана украли разум Айтена и заставили его наброситься на нас. Я нежно поцеловала Райшеда в лоб и почувствовала, как его руки сжались на моей талии. В те напряженные полуночные разговоры, что бывают у любовников, когда выпадает беспокойная ночь, Райшед признался мне, что дал зарок отомстить ради их общих клятв.

Я не стала его отговаривать. Мне самой есть за что мстить Илкехану. Только у меня была возможность убить бедного Айтена, пока он не прикончил нас всех. Смогу ли я смыть ту кровь со своих рук кровью самого Ледышки?

— Как насчет недостающих артефактов? Они могут быть у Илкехана?

Гуиналь вздрогнула. Я вспомнила, что рассказывала мне Хэлис о ее визитах на Равноденствие и Солнцестояние в пещеру Эдисгессета, о ее мучительных молитвах, когда ба-рышня жгла благовония Аримелин у алтаря, который воздвигла там.

— Вполне возможно, — задумчиво протянул Узара. — А мы, конечно, хотим вернуть тех последних. Благо опасность, от которой ты их спасала, теперь позади. — Он улыбнулся Гуиналь, но дворянка, как всегда, слишком мучилась раскаянием из-за их нынешнего положения, чтобы ставить себе в заслугу спасение этих людей от кровавой смерти в далеком прошлом.

Если слова Зара не нашли отклика у Гуиналь, то они взяли за сердце Райшеда.

— Мы оплатим мерзавцу его же монетой, — решительно сказал мой возлюбленный. — Он убивает исподтишка ради своих личных целей, не думая о невинных. Пусть Рэпонин взвешивает на своих весах наши действия против его действий.

— За такие преступления Илкехана приговорили бы к смерти в любом суде от Тормейла до столицы Солуры, — машинально заметил Шив. — Как вы предлагаете осуществить это правосудие?

Мы с Райшедом посмотрели на него и увидели, что маг уже знает, о чем мы думаем.

— Мы — единственные, кому знакомо расположение замка, — нехотя сказала я.

— Ты — единственный маг, который там был и может нас всех переместить, — добавил Райшед, виновато глянув на Перида.

Квадратная челюсть художника окаменела, и даже веснушки на его лице побледнели, но он ничего не сказал.

— Тогда мы тоже идем, — заявил Сорград категорическим тоном. Он ткнул пальцем в Райшеда. — Ты не потащишь нашу

девочку в это змеиное логово, если нас не будет рядом, чтобы ее защитить.

— Из избранного никогда не выйдет хороший убийца. — Грен отхлебнул из своей бутылки. — В тебе слишком много чести, но это твоя проблема. Мне все равно, кого я убиваю.

— Я это слышал, — мягко ответил Райшед.

Сорград вновь окинул его оценивающим взглядом, прежде чем обратиться к Темару.

— Мы должны Илкехану за всех горцев, погибших от козней Эрескена. — Он хищно усмехнулся. — Что скажете, если мы просто войдем туда и скажем, что прошлым летом познакомились с Эрескеном, который предложил нам новый союз? Мы могли бы вырезать сердце Илкехана и закончить все за полдня.

— Ты не хочешь выбраться живым? — Хэлис с громким стуком поставила бутылку на стол. — Если...

— Нет, — отрезал Райшед. — Для этого дела хватит нас пятерых. Если брать с собой больше, то можно с тем же успехом посылать флот, трубящий в рога и размахивающий флагами.

— Вам все равно придется иметь дело с Мьюрдарчем, — напомнила я подруге. — Вряд ли он поднимет лапки кверху только потому, что его колдуны вдруг лишатся своего господина.

— Мне не справиться с пиратами без твоей помощи, Хэлис, — поспешно вставил Темар.

— Без угрозы Высшего Искусства мы с ними быстро разделаемся. — Хэлис немного смягчилась. — Убийство Илкехана выведет из строя тех трех колдунов?

— Гуиналь? — Узара не сводил с дворянки пристального взгляда.

— Думаю, да. — Гуиналь подняла голову, продолжая с нарочитой нейтральностью: — Если его смерть будет публичной, если все о ней узнают и если весть о ней распространится быстро. Позорная смерть, что-нибудь гротескное или уни-

зительное, что подорвет его репутацию монстра, вселяющего ужас во все живое. — От голоса барышни повеяло холодом. — Сила Илкехана основана на страхе, а не на истинной преданности, поэтому его смерть выбьет опору из-под ног его адептов.

Райшед вскинул брови, глядя на меня, и я пожала плечами. Я рассчитывала вонзить отравленный кинжал в спину ублюдка и незаметно скрыться.

— Отрежем ему голову? — Сорград и Грен, наоборот, обменивались бутылками и идеями с ликованием заговорщиков. — И насадим на копье, чтобы все увидели?

— Судя по тому, что нам известно, Илкехан занимает выдающееся положение среди эльетиммских кланов. — Узара снова о чем-то задумался. — Если нам удастся сбросить его с верхушки дерева, остальные кланы, вполне возможно, предпочтут делить его добычу, а не атаковать нас.

— Особенно когда мы ясно дадим понять, что нападение на Келларин закончится для них такой ужасной смертью, — с увлечением подхватил Сорград.

— Люди вроде Илкехана крепко держатся за власть, срезая маки, растущие выше остальных, — медленно произнес Райшед.

— А это палка о двух концах. — Я так же ясно увидела потенциальную слабость в броне Илкехана, как и мой возлюбленный. — Крамизак и Эрескен мертвы, поэтому у него нет очевидного преемника.

— И не будет, если мы убьем здесь тех троих, — с решительным видом заявил Темар.

— Я довольствуюсь малым. Убийство Илкехана должно оставить колдунов Мьюрдарча без вождя и дать нам достаточное время, чтобы справиться с остальными подонками. — Хэлис посмотрела на Гуиналь, та неохотно кивнула.

Я вернула Райшеду бутылку.

— Мы снова видели, как его солдаты сражаются с теми людьми в коричневых мундирах.

— Те тоже шныряли по материку, грабя людей и усыпальницы. — Райшед поджал губы. — Мы так и не выяснили, чего они хотели, верно?

— Вот заодно и выясним, — услужливо предложил Грен.

— Это не торговая поездка. — Сорград бросил на брата испепеляющий взгляд. — Но мы могли бы найти себе союзника, какое-то безопасное место, чтобы скрыться в случае чего. — Он покосился на Райшеда.

Мой возлюбленный медленно кивнул. Я с облегчением увидела, что эти двое начинают постепенно попадать в тон, признавая боевую мудрость друг друга.

— Что мы скажем Планиру? — внезапно спросил Узара.

— Зачем ему что-то говорить? — возмутился Шив. — Он ясно дал понять, что мы сами себе хозяева.

— Но это было до того, как мы узнали о причастности Илкехана, — запротестовал Узара.

— Он сказал, что проблемы Келларина его не касаются и мы вольны поступать, как считаем нужным. — Шив покачал головой. — Верховный маг Хадрумала не может позволить себе участвовать в самосуде. Во всяком случае, не больше, чем император Тормалина. — Его голос стал резким от сарказма.

— А мы никому не скажем. — Сорград прикинулся невинным.

— Не скажем, пока наше молчание будет окупаться. — Грен с нарочитой серьезностью поднял палец.

— Планир бы не возражал, — с вызовом заявила Ларисса из своего угла. — Он бы не увиливал, если бы пришлось наказать какого-нибудь мага, чье злоупотребление магией заслужило смерть.

— Того психа Азазира он отпустил, — скептически обронил Шив в сторону Перида.

— Ты не знаешь и половины того, что делает Планир для Хадрумала, Шив. — Ларисса уставилась на него свирепым взглядом. — Без него маги оказались бы в ужасном положении.

— Я об этом ничего не знаю. Впрочем, мне и о магии мало что известно. — Сорград прыгнул со стола и очаровательно улыбнулся Лариссе. — Чтобы быть полезным и поддерживать Шива в этом путешествии, сударыня маг, мне бы не помешало взять у вас еще несколько уроков, прежде чем мы уйдем.

— Ливак! — Гуиналь перестала изучать свои руки и повернулась ко мне. — Мне нужно натаскать тебя в твоём Высшем Искусстве, чтобы у тебя в голове не было каши.

— Хорошо. — Перспектива была не из самых приятных.

— Давайте поспим, а завтра расставим фигуры и начнем игру. — Хэлис принялась собирать бутылки, кивнув Периду, чтобы он открыл дверь.

Я посмотрела на Райшеда.

— Даже простейшее Высшее Искусство могло бы спасти наши шеи.

— Да, конечно. Нам все пригодится. — Он поцеловал меня, потом поставил на пол и сам встал. — Мы спим на корабле или на берегу?

— Только на берегу, — горячо взмолилась я.

— Я принесу одеяла.

Райшед вывел из хижины Шива и Перида, долговязый маг все еще хмурился. Сорград последовал за ними, со всей учтивостью сопровождая Лариссу. Сзади вразвалку топал Грен.

— Проявил бы он столь похвальную страсть к учебе, если бы сударыня маг не была такой красавицей? — Темар подошел ко мне, неодобрительно глядя им вслед.

— А чем интересовался ты, изучая Высшее Искусство с Гуиналь тогда, в прошлом? — Я улыбнулась, чтобы смягчить резкость своих слов. Я не сомневалась, что главная цель Сорграда — добраться до шнуровки на корсете Лариссы, но никто не критикует моих друзей, кроме меня. Ну, меня и Хэлис.

Д'Алсеннен покраснел.

— Уже поздно. Увидимся утром.

Аллин вскочила с табурета, на котором незаметно просидела все это время, и бросилась за ним вдогонку.

— Доброй ночи. — Я оставила Узару, дабы он искал утешение для Гуиналь, чего она сама никогда не искала, и, зевая, вышла наружу. Мы встретились с Райшедом недалеко от хижины, там, где смятые растения уступали место песку. Он нес охапку одеял, и мы уютно устроились в укромной ложбинке.

Райшед лег на спину и протянул руку. Свернувшись в его объятии, я спросила:

— Мы правильно поступаем?

Смелые планы, разработанные с верными союзниками за бутылкой вина, должны быть пересмотрены на свежую голову, в холодном свете зари, чтобы не привести к катастрофе.

Я сосчитала пять гулких ударов сердца в груди Райшеда, прежде чем он ответил.

— Не представляю, что еще можно сделать.

— Ты очень меня успокоил, — проворчала я.

— Нет, я не то имел в виду. — Райшед слегка подвинулся и обнял меня обеими руками. — Мы должны убрать пиратов с островов, а для этого нам нужна магия, нужны маги. Мы не смеем рисковать Шивом и Заром или кем-то еще, пока Высшее Искусство эльетиммов в любой момент способно их убить. Несмотря на все мастерство Гуиналь, она явно не склонна использовать эфирную магию для атаки на людей. И, откровенно говоря, я сомневаюсь, что она сумеет это сделать, даже если между ними дойдет до боя. Это просто не ее путь. Поэтому ты права. Нам нужно убить Ледышку. Мы видели, что он пытается вызвать кровопролитие везде, где может: здесь, с этими пиратами, в том году — в Горах, еще раньше — на Архипелаге. Келларин никогда не будет в безопасности, пока он жив. Все просто.

— Просто, — повторила я. — Надеюсь, так и будет.

— Вы выжили в прошлый раз, верно? — Райшед поцеловал мои волосы. — А мы не знали, с чем пришлось столкнуться, и остались без магической поддержки, когда Шив получил тот удар по голове.

Я посмотрела на его лицо, оно смутно виднелось в темноте.

— Джерис и Айтен не выжили.

— Судя по твоим рассказам, в Джерисе не было ни агрессивности, ни подозрительности. — Райшед откашлялся. — Поэтому у него не было шанса. Айт, бедняга, ему просто не повезло. — Мой возлюбленный вздохнул. — Но он всегда говорил, что от судьбы не уйдешь.

— Предпочитаю самой ковать свое везение, — пробормотала я.

Райшед прижал меня к себе.

— Мы знаем, с чем имеем дело, и мы не одни. У нас есть Шив, Сорград и Грен.

— Да, есть. — Я запрокинула голову и поцеловала его колючую щеку. — Тебе нужно побриться.

— Утром. — Он зевнул. — Теперь спи.

И я уснула. Что еще оставалось делать?

ШЕРНАСЕКК, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 2-е ПРЕДЛЕТА

Итак, все согласились, что Илкехан должен умереть. С самого утра началась бурная подготовка, и, надо сказать, она порядком меня утомила. К тому времени когда мы стояли между Лариссой и Аллин, а Шив и Узара спорили, кто должен служить фокусом для их полной магической связи, я испытывала только облегчение, что мы наконец уходим. Это было до того как я вспомнила, насколько ужасно нестись через лиги в магическом вихре. Я чуть не зарыдала от счастья, когда под сапогами захрустел гравий. Я топнула ногой, чтобы снова услышать этот звук. Несколько глубоких вдохов помогли успокоить желудок, и болезненный звон в ушах исчез, сменившись тихим шорохом прибора. Я потеряла глаза, чтобы избавиться от желтых вспышек, и поморгала.

— Ты в порядке? — Райшед заботливо поддержал меня.

— Почти, — проворчала я. — А тебе, вижу, магия нипочем.

Он сочувственно усмехнулся.

— Я и морской болезнью не страдаю.

Я огляделась, ища остальных.

— Как вы?

— Отлично, — рассеянно проронил Сорград, о чем-то размышляя.

Я невольно улыбнулась.

— Ну, и когда ты освоишь этот фокус?

— Дай мне время, — подмигнул Сорград.

— Не пытайся перемещаться без меня или Зара, пока не приобретешь сноровку, — серьезно предостерег его Шив. — С двойным родством ты окажешься...

— Мы специально ждем, чтобы кто-то пришел и перерезал нам горло? — нетерпеливо спросил Грен.

Райшед оглядел каменистый пляж.

— Давайте найдем укрытие.

Предложений было очень мало. Темные валуны лежали, разбросанные по песку цвета пепла, серое море плескалось о пологий пляж. Между валунами скопились кучи смрадных водорослей, скрывая ямы, куда неосмотрительные проваливались по колено. Вечерние туманы над морем стерли границу между водой и небом. Они могут прятать и две горсти кораблей, подумала я. Мы должны убраться с этого открытого места.

Райшед направился к тропинке. Протоптанная людьми или животными, она начиналась под круто подмытым берегом, поросшим сверху пыльной травой. Осторожно высунувшись наверх, мы увидели пастбище с зарослями кустарника. Оно протянулось до острого, изломанного кряжа. Дальше высились тупые вершины гор, на которых даже сейчас, летом, по-прежнему белел снег. Казалось, эти угрюмые острова отделены половиной мира от буйной зелени Сатайфера, хоть карты Темара и говорили иное.

— Знакомый вид? — Сорград повесил котомку на другое плечо.

— Да. — Еще недавно я бы засмеялась в лицо тому, кто сказал бы мне, что я вернусь на эти острова. Но вот я здесь, и, хуже того, это была моя дурацкая идея.

— Мы довольно близко, Шив, — ухмыльнулся Райшед. Маг ответил ему легкой улыбкой.

— Пошли. — Грен был уже наверху и, с кинжалом наготове, озирался по сторонам.

— Нам туда. — Благодаря стараниям Перида у Шива имелась карта. Художник все утро возился с пером и чернилами, пока мы втроем вспоминали подробности своего предыдущего визита сюда. — Деревня вон там, так что надевайте капюшоны.

Мы с Райшедом не стали перечить, а Сорград демонстративно провел рукой по своим соломенным волосам.

— Попробуем сойти за своих, Грен.

— На первое время. — Грен хихикнул от радостного ожидания.

— Давайте не слишком приближаться, нам ни к чему вызывать их удивление. — Я не верила, что поблизости найдется много рыжеголовых, а также смуглых и черноволосых, вроде Шива и Райшеда. Не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел, что мы вооружены.

Дальше от берега, где ветер не так свирепствовал, появились чахлые деревца, по-летнему закутанные в листья.

— Здесь не хватит корма и для одного осла, — с беспокойством сказала я Райшеду. — Надо было взять больше еды.

— Понесешь слишком много, и нас заметят. — Он продолжал осматривать плоскую равнину.

— Не беспокойся, — улыбнулся Сорград. — Еще до наступления сумерек мы будем сидеть за столом как почетные гости.

— Что это было? — Грен остановился, и мы замерли.

Я услышала слабое царапанье и чье-то бормотание, приглушенное и непонятное.

— Откуда оно идет? — У меня по спине пробежал холодок.

Сорград упал на колени, и все последовали его примеру.

— Что вы делаете? — удивился горец.

— То же, что и ты, — язвительно ответила я. — Так в чем дело?

Сорград кивнул на дыру в траве.

— Кто бы это ни шумел, он там, внизу.

— В такую нору даже голодный кролик не пролезет. — Райшед встал, смахивая с коленей тонкую, пылевидную землю. — Думаю, нам незачем беспокоиться. — Его незатейливая шутка разрядила атмосферу.

— Мне интересно, кто это. — Грен потянулся рукой к норе.

— Какой-нибудь зубастый зверь, который откусит тебе пальцы, и ты окажешься с гноящимися обрубками, — предположила я. — Оставь его в покое.

— Кто-то идет. — Шив сунул карту за пазуху.

Вдалеке показалась одинокая фигура. Она остановилась и начала отодвигать крупные камни, которые служили воротами в одной из низких стен, разделяющих эту бесплодную землю.

— Шевелитесь. — Райшед зашагал достаточно быстро, чтобы со стороны не казалось, будто мы шатаемся без дела, но не настолько торопливо, чтобы привлекать внимание.

Край капюшона скрывал от меня незнакомца, и от беспокойства у меня зачесалась спина.

— Что он делает?

— Ничего. Просто иди дальше. — Сорград повел нас к низкой теснине в зубчатой гряде. Грен не обращал внимания на узкую тропинку и шел прямо по траве, топча сапогами редкие цветы, которые прятались среди грубых стебельков. Порывистый ветер приносил сладковатый запах мятой зелени.

— Следи за козами, — предупредила я Грена. — В прошлый раз мы то и дело натыкались на этих тварей.

— Давай посмотрим карту, Шив. — Сорград нырнул в укрытие меж двух высоких камней, торчащих из травы, будто сломанные зубы.

Мы с Райшедом прижали углы пергамента к пятнистой от лишайника глыбе.

— Нам нужно идти на север, — сказала я.

— Обходя ту деревню. — Райшед категорично ткнул в нее пальцем.

Шив провел ногтем по слабой голубой линии и более темной коричневой.

— Когда перейдем реку, отправимся по этой дороге в глубь острова.

Сорград с сомнением изучал маршрут.

— Пойдем по ней или будем пробираться стороной? У меня нет охоты объясняться, если мы столкнемся с кем-то нос к носу.

Райшед покачал головой:

— В стороне от дороги мы привлечем больше внимания.

— Хотим мы или нет, но придется идти по дороге. Там вокруг сплошные скалы и осыпи. — Я выдержала пристальный взгляд Сорграда, пока горец не решил, что я говорю правду, а не просто становлюсь на сторону Райшеда.

— Ну, скоро вы там? — заныл Грен.

Мы поднялись на вершину гряды и начали спускаться по противоположному склону. И здесь каменные стены разделяли пастбище. Общипанная трава, темный помет — вот все, что напоминало о козах. Удивляясь, почему их нет, я едва не полетела вниз головой в скрытый под камышами ров.

— Гляди под ноги. — Райшед схватил мою руку, и мы осторожно перешагнули через темно-коричневую воду.

— Я чувствую запах еды. — Грен смотрел на далекие крыши деревни, которую мы обходили. Из низких труб поднимался синеватый дым.

— На таком расстоянии? — хмыкнула я. — Тебе это чудится.

— Не стоит перебивать аппетит. Потерпи, пока дойдем до места, — строго велел ему Сорград.

— А что, если этот тип с коричневыми отрядами не захочет нам помогать? — задумчиво поинтересовался Грен. — Мы его тоже убьем?

Сорград пожал плечами:

— Смотря, что он скажет.

Братья пошли вперед, чтобы разведать путь. Райшед и Шив немного отстали.

— Что думает Узара об этой парочке? — услышала я за спиной вопрос Райшеда.

— Сорграда можно заставить прислушаться к голосу разума, — негромко ответил Шив. — Грен интересуется только выпивкой, едой, дракой и пригожими девицами. Пока он рассчитывает получить то или иное, причем в любом сочетании, он будет соглашаться с доводами брата.

Я улыбнулась и ускорила шаг, дабы не терять из виду Сорграда и Грена. В сравнительно укромной долине между грядой и холмом трава росла гуще. Она мягче стелилась под ногами и была усеяна голубыми колокольчиками, дрожащими на хрупких стебельках. Более храбрые белые цветы скапливались вокруг пучков волнистых кожистых листьев, увенчанных красными цветами, которые таили какой-то секрет в своих лепестковых шарах. Я опять удивилась, куда делись все козы. Почему такая прелесть осталась несъеденной?

Грену вскоре надоело шнырять вокруг, подражая глупой гончей, и он пошел рядом со мной.

— А здесь не так плохо.

— Тебе бы попасть сюда зимой.

Мы побывали на островах в самом начале зимы, и мне было от чего содрогнуться.

— Неженка ты, — пожурил горец. — Мы с Градом привыкли к более суровой жизни.

— К суровой жизни и смерти по прихоти Илкехана? — осведомилась я.

Грен беззаботно пожал плечами:

— Мы положим этому конец.

Я собиралась спросить, какого прорицателя он посетил, когда резкий свист Сорграда заставил Шива и Райшеда догнать нас. Мы присоединились к горцу у вершины холма, совсем недалеко от реки. Он присел на удобную каменную глыбу и стал рыться в кармане. Неугомонный ветер ерошил его тонкие соломенные волосы.

— Кураги? — Сорград протянул замшевый мешочек.

Я взяла липкий комок золотистых сушеных фруктов.

— В чем дело?

— Вон, смотрите. — Сорград небрежно махнул рукой, указывая на спуск к реке. Поток там был достаточно узкий для переправы, а под нами он расширялся в широкую дельту с песчаными отмелями и блестящими протоками. Черно-белые и пестрые птицы ходили по песку, клевали червяков, а над ними в полинявшей голубизне кружили темные силуэты морских разбойников.

— Вижу, — кивнул Райшед, когда за мелким бугром, увенчанным желтыми цветочными стрелками, взметнулась широкая треугольная сеть.

— Кого он ловит? — поинтересовался Шив.

— Их. — Я показала на толстую черную птицу с короткими ногами и крыльями, с белой грудкой и комичными пучками желто-алых перьев возле глаз. — Глядите, поймал.

И правда, охотник поймал одну птаху из прилетевшей стайки. Остальные глухо ударились о землю, хотя я ожидала худшего от этих неуклюжих с виду птиц, и исчезли в норах. Я засмеялась.

— Вот кто издавал те звуки.

Грен изучал убежище охотника.

— Что будем с ним делать?

— Мы перейдем реку вон там, а его оставим в покое, — твердо ответил Райшед, указывая на положенные для перехода камни.

— Да? — обратился Грен ко мне и своему брату.

— Нам не нужно его убивать, если он не пойдет за нами, — сказала я Сорграду.

Горец пожал плечами:

— Согласен.

Этого было достаточно, чтобы Грен направился к камням. Они были скользкие от зеленой тины, и Шив бросился вдогонку.

— Постой, Грен.

От водорослей шел пар. Высыхая, они сменяли свой ярко-изумрудный цвет на приглушенный зеленый, а потом на тускло-коричневый и рассыпались в хрустящую пыль, тут же подхватываемую ветром. Соград внимательно наблюдал за магией, а Грен продолжал следить за охотником, расположившимся ниже по течению.

— Он бы убил его, не моргнув глазом, верно? — В голосе Райшеда слышались одновременно осуждение и беспокойство. — И думать бы не стал.

Я пожала плечами:

— В этом его преимущество. Оно не раз спасало жизнь и ему, и мне. Поверь, в таком путешествии предпочтительнее быть с Греном, чем без него.

— Я знаю, он твой друг, но я бы не взял его под свое командование, — медленно проговорил Райшед.

— Я не прошу, чтобы ты его любил. Грен и сам не стал бы служить под твоим командованием, — заметила я своему вышколенному возлюбленному. — Но он наемник и понимает, что такое дисциплина в бою. Хэлис не потерпела бы разгильдяйства.

— Надеюсь, он понимает, что я тоже этого не потерплю, — пробормотал Райшед.

Мы спустились к реке и без происшествий перебрались на другой берег. Здесь внимание Грена сразу же сосредоточилось на дороге, птицелов был забыт, в чем я и не сомневалась.

Дорога уходила в глубь острова, и холмы по бокам поднимались все выше. Мы оставались настороже, но день посте-

пенно перешел в длинный вечер — ни с той, ни с другой стороны не появился ни один путник. Я даже немного расслабилась, пока не поняла, как это странно.

Нахмурившись, я обернулась к Райшеду и Шиву — они снова шли сзади.

— Где все?

— Сколько раз нам приходилось прятаться в прошлый визит? — Шив кивнул на спутанные кусты, растущие вдоль дороги, их злобные шипы прятались под пышными листьями и гроздьями розовых цветов.

— Нет даже козьего помета, в который мы все время вляпывались, так? — нахмурился Райшед.

Кое-что еще показалось мне неладным.

— Разве тут не было дорожных столбов?

— В чем дело? — Сорград и Грен вернулись к нам.

Пока я объясняла, Грен прихлопнул насекомое, жужжащее вокруг его лица.

— Проклятые комары.

Шив посмотрел на участок более ровной земли, где ушел, по которому следовала дорога, немного расширилось.

— Они летят вон оттуда.

Словно по сигналу, рой маленьких черных кровососов устремился к нам.

— Должно быть, самое время года для них. — Я скорчила гримасу.

— Идемте скорее, и они останутся позади, — поторопил нас Райшед.

Шив все еще изучал торфяник около дороги.

— Эти люди готовы убивать, чтобы убраться с этих скал, потому что здесь так мало приличной земли, верно? — Он указал на глубокие канавы, вырытые в болоте. — Так зачем давать траншеям засоряться? Это хорошая земля, если ее осушить.

По мне, эта земля совсем не выглядела хорошей, но я поверю Шиву на слово. Он вырос в Кевилских болотах Каладрии, ему виднее.

— Ливак, я нашел твои столбы, — крикнул Сорград.

— Я тоже. — Грен немного опередил брата и заглядывал в овраг, тянувшийся вдоль дороги.

Присоединившись к ним, мы увидели в навозных лужах темные камни, разбитые и грязные.

— Что это? — Сорград спрыгнул, чтобы рассмотреть поближе, и провел пальцем по глубоким следам зубила, под которыми едва проглядывал вырезанный квадрат с узором из перекрещенных линий внутри.

— Это была эмблема клана. — Райшед изучал столб Грена. — Этот тоже испорчен.

Шив зашипел с досады.

— Узара мог бы что-то прочесть по этим камням.

— Мы взяли не того чародея. — Грен был готов превратить это в шутку, но никому не хотелось смеяться.

Я посмотрела на дорогу: ее пустота принимала зловещий вид.

— Давайте пойдем дальше. — Я велела себе не выдумывать, но на всякий случай взялась за кинжал.

— На. — Райшед протянул мне несколько длинных маслянистых листьев. — Натрись ими. Это отпугнет комаров.

Сорград немедленно стал шарить по обочине, пока не нашел какое-то маленькое волосатое растение.

— Это лучше.

Я улыбнулась обоим и втерла растение Сорграда в запястья, а листья Райшеда — в шею. Чем скорее они поймут, что я не собираюсь выбирать между ними и никто из них не возьмет надо мной верх, тем лучше мы все поладим. Не знаю, какое из растений помогло, но комары меня больше не беспокоили. И это к счастью, иначе Грен стал бы считать мои укусы, просто чтобы поглядеть, кто останется в дураках, мой любовник или его брат.

Райшед и Шив ускорили шаг. Нам, коротконогим, пришлось почти бежать, чтобы не отстать от них. Но никто не жаловался, и вскоре мы достигли выступающего бугра из сплошного серого камня, призванного скрыть нашу цель.

Сорград тоже его узнал. Ему достаточно было лишь одного взгляда на карту.

— Кто идет первым?

Грен шагнул вперед, его глаза блестели от нетерпения.

Райшед посмотрел на меня, на Шива, потом кивнул Сорграду.

— Только мгновенный обзор — и возвращайтесь прямо сюда.

— Держись, моя девочка. — Сорград подмигнул мне, и братья исчезли за бугром.

— Я ничего не слышу, — поднял голову Райшед.

Я прислушалась.

— Птицы, ветер.

Но никаких голосов, никаких звуков орудий и суеты, которую мы видели здесь в прошлый раз.

Шив потер ладони.

— Может, мне...

Его перебил свист Сорграда. Мы бросились по дороге вокруг скалы, я — с кинжалом наготове, Райшед — наполовину вытащив меч.

— Что, во имя Сэдрины, здесь случилось? — воскликнула я.

— Зубы Даста! — Меч Райшеда со свистом выскочил из ножен.

— Не думаю, что мы найдем здесь каких-нибудь союзников. — Шив обвел взглядом пейзаж в долине цветущих холмов.

Низенькие домишки стояли вдоль дороги и дальше, на лугу. Раньше я думала, что эльетиммы то и дело стучатся головой о стропила, хотя среди них найдется не много высоких людей. Теперь же я поняла, что полы этих домов на целую руку ниже уровня земли снаружи. Я это видела, потому что все соломенные крыши были сорваны, оставив стены беззащитными перед суровым ветром и ненастьем. Все дома казались построенными по одному и тому же образцу. В одном конце — комната без окон с каменным полом. Что-то, похо-

жее на жернов ручной мельницы, вставлено в стену, отделяющую ее от смежной, более широкой комнаты. В той имелись окна, и выстланный плитами пол, и открытый очаг с вертикальной каменной плитой, чтобы не сквозило из дверей в переднюю комнату и следующие за ней. Земляные полы и кольца для привязи говорили о хлеве, и, наконец, еще одно хранилище, в конце которого находился круг упавших камней над топкой. Это могла быть печь для сушки зерна, пивоварня, чан для стирки или что-то еще, необходимое в хозяйстве, но не осталось никаких орудий или утвари, и мы могли только гадать.

— Ищите ключ к тому, что здесь случилось, — приказал Райшед. — Все время держите кого-то в поле зрения.

— Не очень-то шуруйте, — добавила я. — Незачем им знать, что мы тут были.

Райшед кивнул и, держа меч наготове, зашагал вниз по дороге. Шив отправился с ним, а Сорград, сжимая кинжал, свернул к обочине. Я решила, что безопаснее всего пойти с Греном вокруг деревни.

— Ничего. — Горец потыкал кинжалом в сырую массу полусгоревшей соломы. — Кто бы это ни сделал, он унес все подчистую.

— Не совсем. — Я заглянула в дом ниже по дороге. Центральная комната, почерневшая от копоти, и кучи угля на месте сложенных и сожженных бревен. — Ты много видел тут леса, годного на стропила? Жечь дерево на этих островах — все равно что расплавить стопку монет.

— Значит, кто-то доказывал положение. — Грен швырнул камнем в грызуна, бегущего через глубокую канаву со стоячей водой, отделявшую дома от дороги. — Но кто или что, сказать невозможно. Здесь ничего нет.

Я посмотрела на разоренные дома. Птицы, похожие на серых ворон, строили гнезда на неровных остатках стен, воюя рассыпанную солому и траву, которые когда-то покрывали крыши. Их карканье подчеркивало пустую тишину.

— Давай поглядим, что нашли другие.

Мы побежали по дороге и присоединились к Райшеду. Он стоял перед руинами, бывшими некогда центральной крепостью этого поселения. Райшед протянул мне руку.

— Думаешь, ты сможешь снова туда забраться?

— Если ты меня подсадишь.

Это была шутка. Когда мы искали Джериса, стена вокруг этого внушительного дома из сурового серого камня поднималась высоко над моей головой. Теперь я могла перешагнуть глыбы, обозначающие фундамент.

— Снесен до основания, — зловеще пробормотал Шив.

— Как в плохой балладе, — прибавила я.

Но это сказание было не из тех, с которыми так приятно коротать зимний вечерок.

— Надо посмотреть, нет ли кого внутри. — Я опасливо встала на обломки фундамента и, с кинжалом в руке, прыгнула во двор. Райшед медленно пошел в обход от бывшей караулки, а Шив направился в противоположный угол. Сорград и Грен разошлись, чтобы разведать дальнюю сторону крепости.

— Кажется, это была кузница? — Шив остановился, глядя на черные от огня камни. В прошлый раз, когда мы следили за этим местом, открывался целый ряд строений, примыкавших к стене с внутренней стороны.

— А это, вероятно, мельница. — Я пнула последнюю обугленную сердцевину беспорядочно рухнувших деревянных балок.

— Кто-то захотел сровнять этот замок с землей. — Райшед пробирался через груды камней возле передней части дома. Фасад обвалился весь, целиком, а от задней и боковых стен осталась рваная кладка высотой по пояс.

— Вот здесь я влезала в прошлый раз.

Я шагнула в разбитый проем, где раньше находилось окно. Обломки деревянных рам и осколки рога валялись по всему полу, со злостью разрубленные топорами. Жалкие остатки внутренних стен укрывали промокшие кучи серого пепла, из которых сочилась черная жидкость, оставляя разводы на свет-

лых плитах. Я ткнула ногой кусок деревяшки. Под ней обнаружился совершенно белый клочок пола.

— Я бы сказала, что здесь никого не было с тех пор, какстряслось это несчастье.

— Но что это было за несчастье? — поинтересовался Шив.

— Или кто, — мрачно добавил Райшед.

У меня имелись кое-какие догадки.

На этих полах лежали ковры, на стенах висели тканые драпировки, тут и там стояли полированные каменные столы. Здесь проживала семья, и еще много людей обитало в самой крепости и в соседней деревне. По меркам этих островов, они вели вполне приличную жизнь. Теперь же не осталось никого, кроме грызунов, шныряющих в канавах, и ворон, в тихих уголках высиживающих своих птенцов. Куда подевались люди? Или их поймали в сети, как тех жирных птиц на речном берегу?

Мысли Райшеда шли тем же путем.

— Я не обнаружил ни тел, ни костей, — сказал он, присоединяясь ко мне.

— Это хорошо или плохо? — спросил Шив.

Я пожала плечами.

Райшед поднял голову и с досадой огляделся.

— Где Сорград? Или Грен, коли на то пошло?

— Ты сам велел держать кого-то в поле зрения, — напомнила я своему возлюбленному. — Бьюсь об заклад, они друг друга видят. — Я издала особый свист, которым мы трое пользовались больше лет, чем мне хотелось бы вспоминать.

Белокурые головы появились над скальным гребнем позади брошенной крепости, и Сорград поманил нас.

— Идите посмотрите.

— Что вы тут искали? — К моей радости, Райшед смягчил тон.

— Козлиное дерьмо, — хихикнул Грен. — Поймаешь козу, она завизжит, и кто-то прибежит на визг. Нам нужны ответы...

Я взмахом руки велела ему замолчать.

— Что вы об этом думаете? — спросил Сорград, когда мы вскарабкались на гребень.

В свой прошлый визит мы сюда не ходили, потому и не видели каменный круг, который нашли братья. А жаль, потому что здесь было на что посмотреть до того, как священные камни оказались поваленными.

— Кто-то изрядно потрудился, чтобы это разбить, — заключил Райшед.

Мне не требовалось учиться на каменщика, чтобы это понять. Каждый камень был раза в два выше меня, массивные серо-голубые глыбы, грубо обтесанные и поднятые каким-то непостижимым для меня способом. Гигантские каменные пальцы образовывали внутренний круг в кольцах рва и насыпного вала. Не считая оставшегося позади холма, этот вал был самой высокой точкой на широком пространстве, покрытом растущей пучками травой. Местами она пропадала в мшистых оврагах и невысоких зарослях кустарника, и лишь на горизонте зеленые цвета равнины сливались с приглушенными оттенками далеких гор.

— Для чего предназначалось это место? — Грен поставил ногу на поверженный мегалит, как охотник, радующийся своей добыче. Рядом валялись куски расколотых бревен и обрывок лопнувшей веревки, сплетенной из шкур. Возможно, именно с их помощью разрушители свергли этих гигантов.

— Мы такой уже находили. То был могильный круг. — Райшед сморщил нос в бессознательном отвращении.

Соргрен присел на корточки возле кучи земли, вырытой из ямы, в которой стоял камень. Покопавшись там, он небрежно вытащил фалангу пальца.

— Знания Шелтий связывают кости людей с их землей, и я не думаю, что алиатиммы отличаются в этом от нас. — Он употребил древнее Горное название для изгнанников. — Вы, жители низин, сжигаете своих мертвых. Но в Горах доставать кости и ломать их — это осквернение. Акт войны не на жизнь, а на смерть.

Райшед кивнул:

— Преврати дом соперника в руины, выкопай его предков, и никто не оспорит твою победу.

— Если здесь это считается усыпальницей, то ее разрушение — самый верный способ покончить с магией врага. Разве нет? — Я не могла представить себе никого, кто бы по-прежнему верил в вожака коричневых мундиров, даже если тот еще жив.

Сорград хмурился.

— Здесь мы не найдем союзника.

Он словно читал мои мысли. Однако, твердо напомнила я себе, у нас есть Шив, а значит, есть и магия, пока Шив сможет ее творить, не подвергаясь атаке. Не важно. В прошлый раз благодаря стойкости Райшеда мы выбрались отсюда без магии. Коли на то пошло, я бывала и не в таких переделках, когда проворачивала рискованные дела с Сорградом и Греном. И сейчас не стану паниковать. У нас есть план, мы сделаем то, ради чего пришли, а потом уйдем. Зачем нам нужен кто-то еще?

— Про ужин можно забыть, — проворчал Грен.

— Про убежище тоже, — мрачно добавил Райшед.

Шив обходил поваленные камни, останавливаясь тут и там, дабы ткнуть палкой в ров, который отделял священное место от мирской земли.

— Кто-то еще приходит сюда. — Он указал на ровный камень, лежащий внутри круга, почти на самом краю.

— Грен, смотри в оба, — велела я, следуя за Райшедом к этой находке. Братья тоже пошли.

Камень был высотой с обеденный стол, за которым собираются обитатели большой фермы, и раза в полтора длиннее. Его верхнюю грань покрывали бороздки переплетенных окружностей. В центре некоторых имелись узкие выемки с крутыми стенками, наполненные дождем. Судя по траве, густо растущей со всех сторон, разрушители его не тронули.

Я ткнула длинный стебель травы в одно углубление.

— С пядь глубиной.

Грен подул на грубую лодочку, сделанную из куска дерева и сухого свернутого листа. Она закачалась на темной воде.

— Что это?

Сорград поковырял кинжалом и выудил из другого углубления в форме чаши грязный комок ткани.

— Солуране помешаны на обрядах. Когда им что-то нужно, они оставляют жертвенные знаки в своих святых местах.

— Молиться о безопасности корабля имело бы смысл на этих островах. — Райшед постучал пальцем по лодочке. — Она здесь недавно.

Сорград отжал воду из промокшего комка.

— Знак для ребенка. Просьба о благополучных родах или о здоровье новорожденного? — Связанная веревками грубая ткань имела безошибочную форму спеленутой куколки.

Райшед отошел, заинтересованный ближайшим опрокинутым камнем.

— Как ты думаешь, когда это было сделано? — обратился он к Шиву; тот как раз завершал обход рва.

Маг помедлил.

— Задолго до прошлой зимы.

— Кто-то продолжает сюда приходить. — Сорград бросил куколку обратно в углубление.

— Верность труднее убить, чем людей, — согласилась я.

Райшед окинул взглядом каждого из нас.

— Кто бы это ни приходил, у него вполне могут быть ответы.

— И никакой причины любить Илкехана, если это сотворил он. — Я посмотрела на опустошение, царящее кругом.

— Давайте поставим ловушку, — сказал Райшед, жестикулируя. — Спрячемся во рву на расстоянии друг от друга, пока тот, кто приходит с подношениями, не окажется внутри.

— А если никто не придет? Если тут по несколько дней никого не бывает? — возразил Грен. — Сколько мы будем ждать?

— Пока совсем не стемнеет, — спокойно ответил Райшед. — Во всяком случае, ночью нам идти безопаснее.

— Куда идти? — парировал Грен. — И ночь еще долго не наступит, приятель. Здесь север, и здесь сейчас лето.

— Заткнись, Грен. — Сорград повернулся к Шиву. — Если мы кого-нибудь поймает, а он закричит, то на крик может прибежать подмога. У тебя есть идеи, как этого не допустить?

Шив задумался, проводя длинными пальцами по волосам.

— Я не хочу творить магию внутри круга, это точно, но я могу обернуть его тишиной снаружи.

Сорград кивнул:

— Нам не нужны чары внутри. Если два человека перестанут слышать друг друга, они сразу насторожатся.

— Не в этом дело, — покачал головой Шив. — Когда мы в прошлый раз наткнулись на подобный круг, там была эфирная защита. Стоило мне призвать магию, и камни зазвонили как храмовый колокол.

— Я спою песенку, чтобы спрятать нас.

Порывшись в сумке у себя на поясе, я достала сложенный пергамент. Пока Перид наносил последние детали на карту Шива, я переписывала бессмысленные слова, собранные из баллад Лесного Народа, чьи стихи воспевали заклинания. На этом настояла Гуиналь, и в сложившихся обстоятельствах мне не хотелось спорить. Кроме того, именно я оказалась права, когда утверждала, что в этих песенках спрятано эфирное знание, хотя менестрели вроде моего отца всю жизнь их поют, пребывая в блаженном неведении. Зато у меня есть полное право использовать Высшее Искусство моих предков.

Сорград насмешливо щелкнул по пергаменту.

— Думаешь, сработает?

Я показала ему язык.

— Лучше, чем твоя магия, ученик чародея.

— Занимайте места, — кивнул Шиву Райшед. — Мы расположимся напротив друг друга?

— Хочу пить, — внезапно заявил Грен. — Где здесь ближайшая вода, годная для питья?

— А где твой мех? — недовольно взглянул на него Райшед.

— Пуст. — Грен провокационно помахал им.

— Наполни его из того рва, — отрывисто сказал Шив. — Я позабочусь, чтобы ты не отравился.

Грен собирался возразить, и я его не винила, но движение вдали привлекло мое внимание.

— Там что-то происходит.

Ссора тут же прекратилась, и все юркнули в ров. Я осторожно высунула голову.

— Вижу дым.

Серые клубы вяло поднялись в небо и растворились на фоне свинцовых туч. Ветер донес неосторожные крики, и я начала различать фигуры среди кочек и ям неровной земли.

— Кто-то разводит костры. — Райшед приподнялся на руках, чтобы лучше видеть. Дымы уже стелились по пастбищу, образуя отчетливую полосу.

— Не думаю, что они идут сюда. — Тем не менее я шепотом запела прячущую песню.

— Что они делают? — поинтересовался Сорград, досадуя, что нельзя выглянуть.

Люди медленно приближались. Одни несли тлеющие факелы, другие шли впереди с растянутыми сетями.

— Выкуривают кого-то.

Густые пучки травы медленно горели, образуя много дыма, но очень мало огня. Во мшистой влажности рва пламя нам не угрожало, зато появилась реальная возможность прокоптиться наподобие каладрийской ветчины. Переменчивый ветер подул в нашу сторону, и от едкого дыма защищало глаза и горло.

— Кто-то идет. — Мой возлюбленный распластался во рву.

Шепча заклинание, я наблюдала за одинокой фигурой, крадущейся позади охотников, которые разводили костры. Их цепь поворачивала к низкой седловине в далеких холмах. Человек бросился наземь, когда что-то длиннохвостое с рыжим мехом выскочило у него из-под ног и удрало. Убедившись,

что его не заметили, человек осторожно встал и снова направился к упавшим камням.

— Грен, Шив, обойдите сзади. Сорград, ты берешь ту сторону. — Райшед отдавал приказы, и никто с ним не спорил.

Мы разошлись по рву. Я оказалась между Сорградом и Райшедом, что очень меня устраивало. Присев в ожидании, я шепотом твердила заклинание, одновременно думая, не поменять ли кинжал на горсть дротиков. В той же сумке хранились яд и густая паста в крепком пузырьке, запечатанном воском и свинцом и обшитом кожей. Я ограничилась тем, что развязала сумку: дротики будут под рукой, если они мне понадобятся. Пузырек с ядом я оставила нетронутым. Нам нужны ответы, а человеку будет трудно говорить с идущей из рта пеной. Кроме того, я хотела приберечь яд для клинка, которому будет суждено прекратить злодеяния Илкехана. Если представится возможность, я с радостью посмотрю, как его опозорят, коль посрамление — это именно то, что советовала Гуиналь, но прежде всего я хотела увидеть, как он умрет, и желательно до того, как узнает свою судьбу и попытается ее отвортить. Пусть Райшед уповаet на правосудие — возможно, Рэпонин с ним согласится. Я довольствуюсь местью — это быстрее и проще.

— Дадим ему войти в круг. — Райшед напрягся, готовый к прыжку.

Я съезжилась на дне рва, стараясь сделаться как можно меньше, и всеми силами сосредоточилась на заклинании.

Ледяной островитянин даже не взглянул в мою сторону. Все его мысли занимал камень в ямках и то поручение, что привело его сюда. Пока мужчина подходил, я успела его рассмотреть. Коренастый, в грубой рубаше и тунике, которая представляла собой просто кусок сложенной ткани, грубо сшитый с боков. Такой же белокурый, как Сорград и Грен, но его волосы больше походили на сухую траву, чем на мягкий лен. Тлеющий факел небрежно висел в его руке, и я надеялась, что этот идиот не подожжет старую пожелтевшую траву со всех сторон.

— Вперед, — крикнул Райшед.

Одновременно с его криком раздался свист Сорграда, и мы все выскочили, окружая нашу жертву.

— Побежишь, и мы тебя убьем. — Грен шагнул вперед, подняв остро заточенный кинжал к глазам эльетимма.

— Закричишь, и никто тебя не услышит. — Сорград держал свой короткий меч опущенным, его голос был более спокойный, чем у брата.

Казалось, наш пленник отлично все понимает, несмотря на поколения, разделявшие их ветви. Интриги Эрескена в горах показали нам, что Горный и эльетиммский языки остаются взаимно понятными.

Шив и Райшед стояли молча, но было достаточно одного их вида, чтобы вызвать этого человека на бой, если он попробует что-либо сделать. Эльетимм с опаской посмотрел на них, а потом уставился на меня. Я встретила его твердый взгляд со всей бескомпромиссностью, на какую была способна.

Плечи у мужчины поникли, но это было лишь притворство. Он резко повернулся, замахиваясь головней. Тлеющая смола внезапно вспыхнула, и эльетимм ткнул факелом прямо мне в лицо.

Я ушла в сторону, целясь кинжалом в его руку. Райшед и Сорград почти схватили мужчину сзади, поэтому я просто стремилась ранить его достаточно глубоко, чтобы остановить. На свое несчастье, островитянин все еще пытался снести мне голову факелом. Мой клинок ударил снизу и прошел сквозь его запястье. Я почувствовала, как сталь проскребала по косточкам и крепко застряла между ними. Отскакивая, эльетимм выдернул рукоятку из моей руки, и горящая головня вылетела из его бессильных пальцев. Я вскинула руку, чтобы защититься, но удар все равно оказался сильным.

— Ливак! — Райшед в ужасе посмотрел на меня, когда они с Сорградом прижимали мужчину к земле.

— Все в порядке. — Я потеряла болезненный ушиб. Лучше немного походить с синяком, чем всю жизнь — со шрамом от

ожога. В миг нанесения удара расплавленная смола уже остыла и затвердела. — Спасибо, Шив.

— Не за что. — Маг ухмыльнулся и пинком отправил факел в ров. Оттуда донесся глухой стук.

— Вот тебе и на! Помнится, кто-то не хотел использовать магию внутри круга, — небрежно заметил Сорград. — Что ты там говорил об охранных эфирных заклинаниях?

Пока Шив хлопал глазами, сначала — с огорченным видом, а потом — с озадаченным, Грен схватил эльетимма за шиворот.

— Давайте уберем с глаз нашу добычу.

Втроем они подняли его и потащили спиной вперед. Каблуки пленника оставляли борозды в дерне, за который он тщетно пытался зацепиться ногами. Мы с Шивом отправились следом и ждали, пока эльетимма не прижмут к рябому камню. Райшед потянул его назад за плечи, чтобы позвоночник оказался в неудобной позе. Горец держал руку пленника с торчащим из нее кинжалом. Стекающая кровь окаймляла пальцы Грена, но он не обращал на это внимания.

Сорград встал перед эльетиммом, Шив и я — по бокам.

— Думаю, ты бы заплатился жизнью за то, что пришел сюда, а тем более за то, что оставил знаки, — непринужденно заговорил Сорград, обыскивая карманы пленника. В них нашлась вышитая лента, завязанная хитроумным бантом. — И я бы не удивился, если б не ты один.

Взгляд эльетимма лихорадочно метался между нами, ища в наших лицах хоть какой-нибудь намек на надежду. Шив, слегка хмурая черные брови, убедительно изображал угрозу. Наш пленник не должен догадываться, что маг понятия не имеет, о чем говорит Сорград. Я, по крайней мере на примитивном уровне, могла следить за разговором, но Райшеду и Шиву приходилось туго, они совсем не знают Горного языка.

— Давайте дальше, — поторопил Грен, злорадно скалясь. — Пока дружки его не хватились.

— Ты хочешь, чтобы я попробовала заклинание истины? — спросила я Сорграда на скороговорочном тормалинском, которым мы все пользуемся в Энсеймине.

— Пока нет. — Сорград вновь перешел на Горный язык. — Тебе повезло, что мы не друзья Илкехана.

При этом имени пленник напрягся.

— Расскажи нам, что случилось здесь и вон там, — предложил Сорград.

Эльетимм вздрогнул, глянув на кинжал, все еще торчавший из его руки. Но, несмотря на боль и кровь, пропитывающую рукав, не раскрыл рта.

Сорград кивнул мне, и я нараспев прочитала плавные слова заклинания, чтобы лжецы потеряли голос, пока не начнут говорить правду. Паника вспыхнула в глазах мужчины, как только он понял, что у нас есть Высшее Искусство. Я тепло улыбнулась пленнику, но внутри вся похолодела. Слишком легко я вселила в него ужас. Для честолюбцев вроде Илкехана эльетиммское Высшее Искусство — более мощное оружие, чем сталь. Неудивительно, что Шелтии так бдительно следят за тем, чтобы никого из их числа не обуяла жажда власти.

— Что случилось? — повторил Сорград.

— Илкехан напал в прошлом году, — задыхаясь, горько вымолвил эльетимм. — Ашернан пытался бросить ему вызов и сполна заплатил за свою глупость. Когда Эвадасекк пал, нас окружили. Реттасекк мог бы прийти на помощь, но Ашернан нарушил перемирие. Олрет защитил свои границы от Илкехана, но не пересек их. — Отчаяние причиняло нашему пленнику более чувствительную боль, чем рана. — Его дом сожжен, его род отрезан от прошлого и будущего. Мы больше не его люди, у нас нет харджирда.

Мы старательно делали вид, будто понимаем, о чем он говорит. Эльетимм помрачнел от горя, потом озадаченно наморщил лоб.

— Вы из Реттасекка? Никто больше не сопротивляется Илкехану. Или какой-то восточный секк все еще держится?

Сорград кивнул на Грена:

— Мы аниатиммы. Наши спутники из Трен Ар'Драйена.

Древнее название Горных людей, изгнавших предков эльетиммов, значило для этого человека не больше, чем архаичное название земель к западу от океана. Безысходность погасила мимолетный проблеск надежды на его широком лице.

— Тогда все, что вы способны принести, это война для нас и смерть для себя.

Сорград обдумал его слова.

— Нам не следует бросать вызов Илкехану?

— Это чудовище. — Ненависть усилила акцент пленника. — Илкехан поднимает армии, которым никто не может противостоять, и поддерживает их самой сильной магией на этих островах. Чтобы захватить Эвадасекк, он вымостил болота вокруг цитадели трупами своих людей. Он заключит перемирие на священном острове и нарушит его в тот же день. У Илкехана нет чести, но он снисходителен к тем, кто соглашается признать его своим владыкой. Многие покоряются, чтобы не навлечь на себя его гнев. — Теперь лицо эльетимма было искажено муками неуверенности. — Илкехан утверждает, что Мать благоволит к нему, что ее благословение осеняет его харджирд. Он клянется, что он — меч Творца, выкованный в горниле этих испытаний. Многие верят его словам. Да и как им не верить?

Мужчина спрашивал искренне, но Сорград молчал, глядя на него ласковым взглядом. Это был его любимый прием: молчать и ждать, когда противник выдаст руны, которые прячет в руке. Наш пленник энергично покачал головой.

— Горы говорят языком пламени и уничтожают врагов Илкехана потоками льда и огня. Те, кто не верит, умирают с голоду. У них нет другого выбора, кроме как упасть перед Илкеханом на колени, чтобы не погибнуть. Он станет верховным владыкой, хочется этого кому-нибудь или нет. Если вы не друзья Илкехана, значит, вы его враги. Иного он не потерпит.

Пленник замолчал.

— Значит, Илкехан убил Ашернана и владеет теперь его землей? — Сорград понимающе улыбнулся. — Если ты при-
мешь его правление, то будешь жить почти как раньше.

Я объяснила это Райшеду и Шиву, которые уже явно начинали злиться.

— Поэтому ты не собираешься бороться с ним. Ты уже думаешь, что сказал слишком много.

Пленник не шевелился, осторожно наблюдая за Сорградом.

— Я заставлю его рассказать больше, — услужливо предложил Грен. Он схватился за рукоятку моего кинжала с намерением повернуть его в ране эльетимма.

— Нет. — Райшед свирепо глянул на него.

Грен пожал плечами и быстрым движением выдернул кинжал. Пленник задохнулся, внезапно у него подогнулись колени, из открытой раны хлынула кровь. Грен перехватил кинжал и одним ударом слева перерезал ему горло. Островитянин умер прежде, чем захлебнулся собственной кровью.

— Проклятие! — Райшед отпустил труп, и он упал ничком на сухую траву.

Грен присел и стал очищать мой кинжал, вонзая его в дерн.

— Его нужно наточить, моя девочка. — Он вернул мне оружие, неодобрительно качая головой.

— Зачем ты это сделал? — потрясенно спросил Шив.

Райшед мрачно хмурился. Грен озадаченно поднял брови.

— Он уже все сказал.

Сорград предусмотрительно шагнул в сторону, чтобы не испачкаться кровью.

— Вы же слышали: по доброй воле или нет, но он был человек Илкехана. В таком деле нельзя рисковать. Он мог нас выдать, чтобы снискать себе какую-то милость.

Судя по выражению на лице Шива, магу очень хотелось поспорить, но возразить было нечего.

Я с мольбой посмотрела на Райшеда.

— Даже если б он молчал ради собственной шкуры, его рана вызвала бы у людей вопросы. И тогда адепты Илкехана любой ценой вытащили бы ответы из его головы.

— Верно. — Глаза Райшеда все еще метали молнии. — И все равно, только трусы перерезают человеку горло, когда он этого не ждет.

— Зато так его легче убить, — неукротимо парировал Грен.

— Заткнись. — Мне не нравилось быть в центре спора, как не нравились упавшие камни, окружающие нас. — Возможно, не следовало убивать его здесь, если это своего рода усыпальница.

— Дело сделано, поэтому мы идем дальше, — объявил Сорград. — Мы искали союзника, но этот Ашернан мертвее прошлогоднего барана. Если Олрет все еще держится против Илкехана, мы его найдем. — Он повернулся к Шиву. — Где?

Маг неторопливо вытащил свою карту.

— Если мы здесь, то это — остров с цитаделью Илкехана. — Он указал на длинный и широкий остров, пересеченный горным хребтом. В центральную равнину глубоко врезалась река.

— Кеханнасекк. — Сорград нетерпеливо кивнул. — Так где этот Олрет?

— Реттасекк? — Я ткнула пальцем.

Грен с сомнением посмотрел на острова, рассыпанные по значительному участку моря между нами и возможным союзником.

— Как мы туда доберемся?

— Ты говорила, есть броды и гати через пески и отмели? — Сорград вопросительно посмотрел на меня. — Будем идти по ночам, медленно и осторожно.

Райшед сухо засмеялся.

— Как я понимаю, вы двое так же не в ладах с лодками, как Ливак?

— Кому они нужны в горах, приятель? — В голосе Грена слышалась резкость.

Райшед улыбнулся.

— Я вырос в Зьютесселе, на берегу океана, а Шив — киви-лец. Мы украдем лодку.

— На воде нам будет легче избегать нежелательных встреч. — Я умоляюще посмотрела на Сорграда. — И так будет быстрее.

— Ладно. — Эта идея привлекала Сорграда так же мало, как меня.

Райшед смотрел на труп, едва скрывая недовольство.

— Мы не можем его оставить, иначе поднимется шум и начнется погоня.

— У нас ничего нет для погребального костра. К тому же дым привлечет внимание. — Я не знала, что делать. Если Сэдрин потребует с меня ответа за смерть этого несчастного, неуважение к трупу лишь отягчит мою вину.

— Его тень не поблагодарит тебя за сжигание его костей, невежественная жительница низин, — выбралил меня Сорград. — Они должны лежать там, где осталась его вера, несмотря на весь его ужас перед Илкеханом.

По кивку брата Грен помог ему отнести тело в одну из ям рядом с упавшим священным камнем.

— Позвольте мне.

Шив простер руки — земля, слежавшаяся за целый год дождей и солнца, раскрошилась в свежевспаханную зябь и полезла из-под брошенного тела, засыпая его сверху. Труп задергался, будто живой, и вскоре исчез из виду.

Сорград пробормотал что-то, смутно напоминающее молитву, на каком-то архаичном Горном наречии, не доступном моему пониманию.

Грен безмятежно посмотрел в яму.

— Да хранит Творец его кости, пока Мать не заберет обратно его душу. — Он использовал те же выражения, что и эльетимм.

— Мизаен и Мэвелин? — догадалась я.

Древним Горным людям хватало этих двух богов. И даже в наше время горцы не слишком почитают остальной пантеон.

Шив глубоко вдохнул, не отрывая взгляд от ямы. Почва осела, стенки разгладились, и вскоре яма стала такой же плотной, как была.

— Славная работа, Шив, — одобрил Райшед с противоположной стороны новой могилы. — Теперь пошли красть лодку.

САТАЙФЕР, ЧАСОВОЙ ОСТРОВ, 3-е ПРЕДЛЕТА

Хэлис быстро пересекла пляж. Длинная тень скользила за ней по золотистому от солнца песку.

— Ты ведь не гадаешь, нет? — Она посмотрела в блестящую лужу, оставленную среди мокрых камней отступающим морем.

— Нет, — заверил ее Узара, стряхивая с ладоней песок. — Хотя Гуиналь думает, что при работе с природными лужами эльетиммским колдунам будет труднее меня найти.

Наемница удивилась.

— Я думала, вам нужны антикварные серебряные чаши и бесценные чернила.

— Мелким магам и шарлатанам без них никак не обойтись, — развеселился Узара. — Да, чернила или масло облегчают работу, но я могу гадать в чем угодно.

Гуиналь куталась в мягкий серый плащ, спасаясь от расцветного холода.

— А твое Высшее Искусство не может показать нам, как у них дела? — поинтересовалась Хэлис.

— Думаю, их лучше оставить в покое, — бесстрастно отозвалась барышня. — Шив перенес их на край острова, далеко от владений Илкехана. Если по какой-то несчастливой случайности эти колдуны почувствуют мой интерес к тому месту, у Илкехана только появится повод для подозрений.

— Не стоит рисковать, — твердо заявил Узара.

— Ты уверена, что Илкехан не заметил их прибытия? — Хэлис посмотрела на мирный океан. Солнце, огромное,

оранжевое, стояло на горизонте, и на едва заметных волнах блестяла золотая дорожка. Берег был чист, приливы и отливы уже смыли все свидетельства резни.

— Я ничего такого не ощутила. — Гуиналь тоже обратила взор на северо-восток, в сторону невидимых Ледяных Островов.

— Типы вроде него подозревают всех и вся, — проворчала наемница. — Так они спасаются от ножей в спину.

— У них есть Шив, — напомнил Узара. — Если они столкнутся со злобой Илкехана, Шив свяжется с нами или с магами в Хадрумале.

— И кончит жизнь идиотом, пускающим слюни? — подбоченилась Хэлис.

— Не кончит, если он осторожен, а он будет осторожен, — настаивал Узара. — И теперь, когда мы вместе, нужны только я, Ларисса и Аллин, чтобы вернуть их обратно. Нам даже не нужен Шив для полной магической связи.

— Илкехан не сможет тронуть магов на таком расстоянии, пока их охраняет Высшее Искусство, — добавила Гуиналь.

— Если он не привлечет на помощь тех своих адептов. — Хэлис нахмурилась, глядя на центральные острова Сатайфера, скрытые в тумане за темно-синей водой.

— Главное, не позволить Илкехану учуять, что враги у него под носом. Значит, надо удержать его внимание здесь, на сражении его людей. — Узара кивнул на Гуиналь. — Мы обсуждали, как лучше всего это сделать. Ты не хочешь сотворить немного магии, Хэлис?

— Я? — изумилась наемница.

— Ты ведь умеешь петь? — простодушно спросил Узара. — Скажем, походный марш или канатную песню вместе с корабельной командой?

Гуиналь держала в руке книгу, ее пальцы белели на фоне потемневшей от древности кожи. Позолота, когда-то украшавшая корешок, почти стерлась, невозможно было прочесть название.

— Высшее Искусство в этих песнях старинное, но от того не менее действенное.

— Что вы задумали? — Наемница была заинтригована.

— У пиратов остался один парусник. Это только одномачтовый шлюп, но он мог бы прорваться к открытому морю, — хладнокровно ответила дворянка. — Мы обсуждаем, как отговорить их от этой попытки.

Хэлис вновь уставилась на море.

— «Эринго», «Кувшинка» и «Звезда» отрезали им бегство на юг. Другие наши три корабля стерегут здесь, на севере.

Узара поднял брови.

— А разве шесть кораблей на севере и шесть на юге — не лучше? А может, девять?

Наклонив голову набок, Хэлис скрестила руки.

— Как?

Маг ухмыльнулся.

— Эфирная иллюзия.

— Я уверена, что джалквезан в «Балладе о Гаридаре и ста его овцах» создает зеркальные образы, чтобы запутать врага. — Даже Гуиналь не смогла сдержать усталую улыбку.

Хэлис кивнула, но через минуту насупилась.

— А эти колдуны не дурачат нас каким-то маскарадом Высшего Искусства? Не показывают тебе то, что ты хочешь видеть, пока бандиты Мьюрдарча крадутся по проливу?

— Никаких шансов, — покачала головой барышня. — В этом состоит преимущество эфирного дальновидения над гаданием.

— Ты уверена? — Наемницу явно терзали сомнения. Новая мысль осенила ее. — Если ты можешь видеть сквозь любую иллюзию, какую они творят, почему бы им не раскусить твой трюк?

Гуиналь казалась оскорбленной.

— Потому что я сделаю так, чтоб они не раскусили.

Но тут вмешался Узара.

— Хэлис, пожалуйста, допусти, что мы так же разбираемся в своем деле, как ты — в своем.

— Конечно. — Примирительная улыбка озарила суровое лицо наемницы, и она поклонилась с притворной торжественностью. — Прошу прощения и у вас, и у вашей светлости, маги. Итак, каков план?

Гуиналь показала книгу.

— Мы убедим по одному человеку на каждом корабле, что это их защитит, а он уговорит остальных петь за работой.

— Тогда вам нужны боцманы. Свои корабли они любят больше, чем своих жен. — Хэлис вытянула мускулистые руки, а потом, скорчив гримасу, повела широкими плечами. — Хорошо, у нас будут и мистические корабли, и деревянные, чтобы блокировать этих крыс. Следующее, что нам нужно, это составить план нападения на их нору.

Узара заметил, как побледнела Гуиналь.

— Мы должны быть готовы действовать, как только Ил-кехан умрет, — мягко пояснил он.

— Хотела бы я знать, сколько им потребуется времени, — не унималась Хэлис. — Чем скорее мы сможем атаковать, тем меньше у сброда Мьюрдарча будет времени окопаться. С другой стороны, чем дольше мы станем натаскивать косарей Темара и портовый сброд Сорграда, тем больше шансов получить что-то, похожее на корпус. Ладно, с этого я и начну. Дай мне знать, что покажет твое дальновидение.

Маг и дворянка смотрели, как Хэлис идет по пляжу, пиная ноги спящих и стаскивая с них одеяла. Колонисты возмущались, что их разбудили в такую рань.

— А ну, быстро обувайтесь и беритесь за мечи. Пора поглядеть, так ли вы хороши, как похваляетесь. Когда получим сообщение, пройдете по тем пиратам, как триппер по дешевому борделю!

Узара улыбнулся, но тут же снова посерьезнел.

— Надо ли спросить у капитана «Урагана», в какое время лучше связаться с остальными кораблями?

Гуиналь не ответила, и, обернувшись, маг увидел в ее глазах отчаяние. Он импульсивно протянул руку, но барышня притворилась, что не замечает ее, и только крепче прижала к

груди древний песенник, словно талисман. Узара отвернулся и засунул руки за плетеный кожаный ремень. Поколебавшись, он продолжал атаковать барышню с деланной небрежностью.

— Ты что-то говорила о возможности вышибить ум из тех колдунов?

Гуиналь закрыла глаза и ответила с решительным спокойствием:

— Вопрос в том, какой ум мне следует вышибить первым?

Слабая обида в глазах Узары сменилась замешательством.

— Прости?

Теперь Гуиналь воззрилась на него с недоумением.

— Что тебя удивило?

— Ты говоришь «какой ум»? — Маг развел руками. — Я не понимаю.

— Я не могу решить, какой из пяти умов мне следует попытаться разрушить первым, — раздумчиво пояснила Гуиналь.

— Пять умов? — с живым любопытством спросил Узара.

— Ты собираешься повторять все, что я говорю? — Усталое лицо Гуиналь немного оживилось.

— Пожалуйста, объясни, — попросил маг. — Слова о пяти умах ничего для меня не значат.

— Это первое, чему меня научили в усыпальнице Острина. Самый заурядный адепт узнавал это прежде... — Гуиналь прикусила язык. — Хорошо. Есть пять умов, которые составляют целый разум, так меня, во всяком случае, учили. Обычный ум: повседневный здравый смысл, которым мы живем. — Она сунула песенник под мышку и подняла руку с выпрямленными пальцами без колец. Загнув большой палец, она продолжала: — Воображение: создание идей практического рода. Фантазия: неограниченный полет мысли. Суждение: способность выносить решение. Память: способность к воспоминанию. — Гуиналь загнула мизинец и с минуту разглядывала свой кулак, прежде чем открыть его, словно что-то выпуская. — Высшее Искусство — это влияние более сильной и более дисциплинированной воли на

чужие умы. Ведь Аритейн рассказывала тебе об этом? Ты говорил, что работал с ней всю зиму.

Узара медленно покачал головой.

— В традициях Шелтий нет ничего подобного. Они уподобляют свою истинную магию четырем ветрам рун: шторму, штилю, холодному сухому ветру с севера, теплomu влажному ветру с юга. — Он досадливо вздохнул. — Мы непременно должны выбрать время, чтобы сесть и тщательно разобрать, чему тебя учили. Если мы хотим найти соответствия между эфирной магией и магией стихий...

— Боюсь, с этим придется подождать. — Гуиналь указала на пиратскую хижину.

Пробираясь между людьми, торопливо готовящими завтрак из пиратских запасов, к ним направлялся Темар.

— Узара, Аллин нужна твоя помощь. — Д'Алсеннен махнул рукой назад, в сторону хижины.

— Есть известие от Шива? — Узара тотчас насторожился.

— Нет, нет, — успокоил его Темар. — Аллин думает о том, как осложнить жизнь пиратам. Она спрашивает, нельзя ли объединить ее огненное родство и твою власть над землей, чтобы высушить колодцы и родники вокруг их лагеря.

Узара погладил бороду.

— Интересная идея.

— Попробуйте, получится или нет, — посоветовала Гуиналь.

— Прежде всего мы позавтракаем. — Маг посмотрел на нее. — Тебе необходимо что-нибудь съесть.

— Через минуту. — Не встречаясь с ним взглядом, барышня повернулась к морю. — Хэлис хотела узнать, как дела у южных кораблей. Темар поможет мне с дальновидением. Это также успокоит мою душу.

Узара хотел возразить, но ограничился тем, что предостерегающе взглянул на Д'Алсеннена.

— Только недолго.

Темар посмотрел ему вслед.

— В чем дело?

— Ни в чем. — Гуиналь покраснела и протянула ему руку. — Поможешь мне?

Что-то в ее голосе вызывало беспокойство. Темар осмотрел лагерь.

— Я вижу там Перида. Давай-ка сначала позавтракай, а потом мы вдвоем тебя поддержим.

— Перида весь день будет копировать карты для Хэлис. — Гуиналь потянулась к руке Темара: — Мы справимся сами. Мы уже делали это раньше.

— Когда осматривали верховье реки для Ден Феллэмюна? — Воспоминание развеселило Темара. — Кажется, с тех пор прошла целая вечность. А ведь так и есть, верно?

— Не для меня. — Барышня сжала его руку.

Д'Алсеннен задохнулся.

— Не думаю, что это мудро.

— Позволь мне быть глупой, хотя бы ненадолго. — Гуиналь закрыла глаза. — Я хочу вспомнить что-то лучшее, чем вся эта война.

Воспоминания укутали Темара покоем и довольством. Высоко на косогоре, прямо над заливом, идеальный круг из тщательно подогнанного камня предлагал убежище от самой суровой непогоды, налетающей с океана. На стороне, обращенной к материку, подальше от господствующих ветров, открытые ворота впускали каждого, кто желал получить знания в этом отдаленном месте. Тропинка к тем воротам встречалась с рядами закругленных плиток, прикрывающих трубы, по которым подавалась вода от крытого источника немного выше по склону. За стеной стояли скромные жилища, круглые под коническими шиферными крышами. Вокруг каждого зеленел ухоженный садик. В центре возвышались три больших квадратных здания с высокими крутыми крышами и большими окнами. Зимние шквалы миновали, и ставни были открыты, давая свет сидящим внутри адептам.

Тоскующая память Гуиналь озарила это святилище ласковым солнечным светом. Она жила в простом доме вместе с еще двумя барышнями. Все они были счастливы сбежать от

бесконечных условностей придворной моды и этикета. Мысленный взор Гуиналь обратился к библиотеке, где развивающиеся способности к Высшему Искусству завоевали ей уважение, а не кровь и наследство. От ее пронзительной скорби по добрым и давно умершим учителям у Темара защипало глаза.

— Я была так счастлива там, — тихо молвила Гуиналь.

— Ты бы теперь ни за что не узнала Бремилейн, — начал он бодрым тоном. — Когда я был там в прошлом году...

— Я не желаю знать. — Девушка больно сжала его руку. — Тебе не хочется, чтобы все было таким, как прежде?

Поток воспоминаний обрушился на Темара. Зал с потемневшими стропилами, убранный зелеными ветками; огонь, ревуший в огромном очаге; шелка и драгоценности, блестящие в свете свечей, когда танцующие дамы кружились на усыпанном тростником полу, матроны столь же грациозны, как их стройные дочери и племянницы. Кавалеры не уступали им в блеске, золотые и серебряные пуговицы сияли на камзолах, сшитых из мерцающей парчи. Двустворчатые двери распахнулись в широкую залу, где столы ломились от яств, самых изысканных и дорогих, какими только мог располагать знатный Дом. Смех пронесся эхом в голове Темара, плывя над веселым шумом праздника и флирта и набожных благодарностей Полдриону за еще один благополучно прошедший год.

— И праздник тоже совсем не такой, каким ты его помнишь. — Темар попытался свернуть на свои воспоминания о летнем Солнцестоянии, которое он провел в Тормейле. Его усилие было тщетным. Гуиналь упрямо держалась за собственную память, и она была гораздо опытнее в этом, чем он. Темар заскрежетал зубами, призывая образ веселого, яркого, залитого солнцем Тормейла. Он вспомнил свое изумление при виде разросшихся районов, потеснивших старый город их прошлого, обнесенный все той же древней стеной, но кажущийся теперь таким маленьким. Он вспомнил свой восторг при виде роскошных Домов, кольцом опоясывающих столицу. Старые и новые сьеры строили свои дворцы, украшая их

со всем изяществом и великолепием, какие можно купить за золото.

— Мир ушел вперед, Гуиналь. Ты сама должна поехать и увидеть это.

— Увидеть что?

Под маской ее неотступного самоконтроля Д'Алсеннен почувствовал горе девушки, тоску по семье, так давно умершей, жгучую обиду на Дом, который так давно забыл свою дочь, а потом отрекся от нее.

— Нет смысла тосковать об утраченном. — Темар сделал все возможное, чтобы заглушить ее скорбь, стараясь показать Гуиналь, как он сам пережил свою боль и ярость. — Мы должны смотреть вперед, а не назад. Тормалин отстроили, возродили заново из руин Хаоса. То же самое мы сделаем для Келларина.

Если у людей Келларина больше нет места в этом новом Тормалине, несмотря на все его надежды на милость Сэдри-на, Темар построит им новый дом, создаст новую державу за океаном.

— Это и есть наше будущее? — Тихий голос Гуиналь стал напряженным. — Какая-то пародия на колонию, которую мы планировали, построенная по милости этих сьеров, которые правят этим твоим изменившимся новым миром? О, я устала, Темар, я действительно устала. Я целыми днями лечу больные животы, и перевязываю волдыри, и разбираю эти мелкие ссоры из-за клочков грязи или вонючих животных. Что это за жизнь? Я была принцессой. Имя Тор Приминаля вызывало уважение, оно первенствовало в любом собрании, оно управляло обширными землями и тысячами арендаторов!

— И, насколько я помню, ты сама отказалась от привилегий. — Темар с немалым трудом сохранял непринужденный тон. Он не хотел вызвать у девушки истерику, но, Сэдриновы потроха, он не собирался давать ей спуску.

— Я пожертвовала своим рангом, чтобы изучать искусства заклинаний. Служительница Ларазион, адепт Острина — теперь это ничего не значит, — подавленно ответила Гуи-

наль. — Я даже не могу потребовать обратно свое собственное Имя, меня просто передали Дому, почти мертвому еще до того, как мы отплыли.

— Благодаря Черной оспе, — холодно молвил Темар. — Тот мор и мой дед преподали мне суровый урок, когда я был очень юным, Гуиналь. Я мог рыдать весь день и всю ночь, но мой отец не слышал меня в Ином мире. Ни братья, ни сестры не могли снова переступить порог Сэдрина, чтобы меня утешить. Все, что я мог, это смириться с дарованной мне жизнью, чтобы почтить их память.

— Просто мне их так не хватает — Вахила, Эльсир, сьера Ден Ренниона, его супруги и всех остальных, погибших в кровавой бойне. — Хрупкая воинственность Гуиналь рассыпалась, и одинокая слеза выкатилась из ее карих глаз, темных омутов страдания. — Мой дядя, Ден Феллэмион, был олицетворением смелости и успеха. У него были такие надежды, такие планы, но он часто говорил мне, что, если все развалится, мы просто уедем домой. А куда нам ехать теперь? Где наш дом? — Она подавилась горьким смехом. — Ты говоришь, многое изменилось. Не все. Мы бежим от злых захватчиков, и я прячу тех, кто спасся, под заклинанием, уверенная, что не пройдет и сезона, как прибудет помощь. Но мы просыпаемся и обнаруживаем, что я обрекла нас всех на такую жизнь, где все, кого мы знали, мертвы, но те же самые гнусные мародеры опять пытаются убить нас! Потом я узнаю, что мое заклинание нарушило равновесие Эфира и вызвало всеобщую неразбериху, так как адепты по всей Империи лишились своих сил. И когда та последняя опора была разбита, хаос уничтожил наш мир, Темар, и все это было делом моих рук!

— Это не твоя вина. — Д'Алсеннен выбирал слова с исключительной осторожностью. — Я знаю, как это трудно, Гуиналь. Я думал точно так же, я плакал ночами от отсутствия ответов и просто от страдания. Во всяком случае, Немит сделал больше для развала Империи, чем могла сделать ты. Сама знаешь, каким он был. — Темар запнулся. — Но мы живы, а где есть жизнь, там есть надежда. И как бы сильно ни

изменился мир вокруг нас, мы по-прежнему можем надеяться на тепло и помощь, чтобы исцелить наши раны.

— Можем? — Девушка взяла обе руки Темара в свои и крепко сжала.

Он вспомнил живое, как сон наяву, свое желание при первом знакомстве с Гуиналь и нервирующее понимание, что ее не так легко покорить, как тех многочисленных девушек, кто возбуждал его мимолетную похоть во времена беззаботной юности. Память пронеслась сквозь его старательные ухаживания, чтобы задержаться на нечаянной радости Темара, когда барышня впервые приняла его поцелуй, позволила ему пристойные объятия и вскоре поощрила на большее.

— О, не надо, Гуиналь. — Д'Алсеннен боролся со смущением, чувствуя, как горят его щеки.

— Почему бы нам не предложить друг другу маленькое утешение? — дерзко спросила барышня.

— И после этого ты еще будешь говорить об этике Высшего Искусства! — разозлился Темар.

— Ты хотел разделить со мной все, — упрекнула его Гуиналь, вызывая образ своего обнаженного тела на лесной поляне. — Ты хотел на мне жениться.

— Ты отвергла эту честь, барышня, — резко ответил уязвленный Д'Алсеннен. Но эта рана не так болезненна, как раньше, понял он вдруг с немалым удивлением. — Во всяком случае, ты была права: мы никогда не были созданы друг для друга. Мы просто друзья.

Злобная волна ревности захлестнула Темара, ревности Гуиналь. Пораженный такой реакцией, он спросил:

— Что тебе сделала Аллин?

— То же, что любой другой маг. Просто отмела мое Высшее Искусство, как причудливое колдовство из забытой эпохи, которое годится для лечения, но не соперник их грубой, кричащей магии.

С Высшим Искусством, соединяющим их, сарказм Гуиналь не скрыл от Темара ее обиду. Но почему-то это не вызвало у парня сочувствия.

— Ты преувеличиваешь, и сама это знаешь. Узара чуть голову не сломал, пытаясь разгадать, где могут сойтись эфирная магия и магия стихий. Он не питает ничего, кроме уважения, к твоим знаниям. Сэдриновы потроха, Гуиналь, Высшее Искусство может лишит магов разума! Это для тебя не достаточное превосходство? — Д'Алсеннен поборол желание схватить барышню за плечи и хорошенько встряхнуть.

— Когда Узара поймет, как защититься от таких заклинаний, зачем я буду ему нужна?

Темар увидел, что она совсем запуталась в своих чувствах к магу.

— Не смей меня жалеть! — задыхнулась барышня, сразу отпуская его руки.

— Мы не можем вернуться в прошлое, Гуиналь. — Д'Алсеннен потер синяки, оставленные ее пальцами. — Я не стану делать этого с тобой ни сейчас, ни когда-либо еще. — Он с трудом глотнул и невольно глянул на пляж. Наемники, фермеры и матросы спокойно занимались своими делами, тогда как его разрывали мучительные эмоции. — Давай сосредоточимся на насущном деле, а? Споры о настоящем, прошлом и будущем окажутся совершенно бессмысленны, если мы умрем от рук пиратов или их эльетимских друзей.

В напряженной тишине он ждал, заплачет Гуиналь, закричит или ударит его по лицу. Но дворянка снова туго подпоясалась своим привычным самообладанием и протянула руку.

— Хэлис захочет узнать, что показало нам дальновидение.

Темар молчал в нерешительности. Он вспомнил, чего стоили ему в прошлом капризы задетого самолюбия. Например, отказ от изучения Высшего Искусства в отместку Гуиналь, отвергнувшей его юношескую любовь. Не поступи он так, он мог бы сейчас сам творить это дальновидение. Если он желает стать настоящим сьером для своих людей, то должен знать, что делает их враг. Темар сжал зубы, взял руку Гуиналь и попытался призвать всю защиту, которой научила его барышня, на случай, если ее чувства снова возьмут верх.

Но Гуиналь повернулась спиной к своему внутреннему смятению. Ее ищущий ум поднялся высоко над островами Сатайфера, ловя эхо надежд и желаний, разносящееся по невидимому эфиру. Ее строгая целеустремленность привела их к «Кувшинке». Капитан и команда настороженно следили за проливом. Гуиналь соткала множество их мыслей в образ пустой воды между мысами, где яркий солнечный свет плясал на волнах. За «Кувшинкой» Темар увидел утешительно массивный корпус «Эринго», его ярко-красный сурик приобрел от непогоды атласный коралловый оттенок. Вымпелы на каждой мачте заявляли о решимости корабля преградить путь любому пирату. Немного в стороне «Звезда» нарезала в море широкие круги, оставляя пенный след на ряби волн. Этот маленький корабль следил за тем, чтобы никакой пират не притаился в укромных заливах побережья. Его бдительный капитан твердо стоял у фок-мачты заодно со своим кораблем и командой.

— Кажется, тут все в порядке, — с облегчением заметил Д'Алсеннен.

— Давай посмотрим, что замышляют пираты. — Барышня произнесла это так, будто ее железная дисциплина никогда не давала трещину, не говоря уж о том, чтобы расколоться, выдавая ее уязвимость.

Темар молча поблагодарил Острина за его давно умерших адептов и их уроки, а потом вздрогнул, ибо ядовитая разногласица вокруг пиратского лагеря, словно набат, прозвучала в его голове.

— Ты можешь найти Налдета?

Аллин непременно спросит о маге.

— Я не смею подходить так близко. — Гуиналь держалась в стороне, издали разглядывая галечный берег. — Их Высшему Искусству недостает тонкости, но даже они почувствуют мое приближение. Я боюсь привести их к Налдету.

— Это пиратский шлюп, его готовят к плаванию. — Темар закрыл глаза, чтобы лучше изучить картинку, возникшую у него в уме. — Они что-то затевают.

— Мьюрдарч еще не осознал, с чем столкнулся. — Гуиналь бесстрастно наблюдала, как главарь пиратов шагает к воде. — Он не может составить план, пока не выяснит обстановку.

— Мы имеем дело не с дураком. — Чтобы это понять, Темару не требовалось Высшее Искусство.

— Они идут на север.

Мьюрдарч сел в пробитый баркас, наспех залатанный новыми, светлыми досками. Гребцы налегли на весла, направляясь к стоящему в проливе судну.

— Его колдуны сказали, что мы здесь.

— Что они делают? — нахмурился Д'Алсеннен.

— Ждут указаний. — Удовлетворение окрасило мысли ба-рышни. — Кажется, Илкехан не поощряет инициативу.

Тем временем пиратский шлюп начал с трудом лавировать против обескураживающего ветра, который Ларисса осторожно пряла из океанского бриза.

— Он хочет предложить переговоры. — Гуиналь отпустила руку Темара.

Он открыл глаза.

— Надо сказать Хэлис.

Реакция командира корпуса была немедленной и непреклонной.

— Вспрет! Дай сигнал «Ламинарии». Она нужна нам прямо сейчас. Роз! Собери свой отряд и приготовьтесь к чему угодно. Этот Мьюрдарч хочет поговорить.

— Я тоже иду. — Темар схватил наемницу за рукав.

Хэлис смотрела на него, соображая.

— Ладно. Дарни! Ты командуешь здесь. Не представляю, что они могут предпринять, но это не значит, что они не попытаются.

Наемники мигом приступили к делу, оставив Темара и Гуиналь озабоченно смотреть друг на друга.

Узара и Аллин вышли из хижины.

— Что за переполох? — встревоженно спросила девушка-маг.

— Мьюрдарч плывет на переговоры с нами, — ответила Гуиналь ровным голосом.

Узара внимательно наблюдал за ней.

— Ты предполагаешь какой-то обман?

Гуиналь наморщила лоб.

— Я так не думаю.

— Я бы хотел, чтоб ты присутствовала. — Темар обернулся к Аллин и Узару. — И вы оба тоже. На всякий случай.

— Тебе буду нужна я. — Ларисса вышла, никем не замеченная, и остановилась в нескольких шагах от магов.

Темар постоял в нерешительности.

— Дарни это не понравится.

— Дарни мне не сторож, — огрызнулась Ларисса.

— Нет, я имею в виду, что мы оставим его без мага. А если нам понадобится отправить ему сообщение?

— Любой маг может связаться с Дарни, — быстро ответила Ларисса. — У него есть родство, хоть и слишком слабое, чтобы от него был прок.

Это сбило Д'Алсеннена с толку. Пока он придумывал, что сказать, заговорила Аллин.

— Все хорошо. Я останусь.

Ни та, ни другая перспектива Темара не радовала. Ему не хотелось брать Аллин на опасные переговоры и боязно было оставлять девушку здесь, где ей могла угрожать непредвиденная беда.

— Тебе лучше взять Лариссу, — продолжала Аллин. — Все-таки ее стихия — воздух.

— Хорошо, — согласился он скрепя сердце.

— Шевелитесь! — Хэлис ждала у баркаса. — Мы должны встретить этого ублюдка. Пусть знает, что нам известен каждый его шаг.

Д'Алсеннен торопливо пошел по пляжу с Узарой и Лариссой по бокам. Он чудом удержался, чтобы не оглянуться на Аллин, пока не поднялся на «Ламинарию». Тогда он нашел ее возле утешительно могучей фигуры Дарни.

— С ним она будет в безопасности. — Узара встал рядом у борта.

— А он с ней — уж точно. — Темар повернулся и посмотрел на корму.

Ларисса стояла возле рулевого. Плохо скрывая торжество, она подняла руки и вызвала клубки сапфировой силы, чтобы надуть паруса.

— Что она пытается доказать, Зар?

— Честно говоря, не знаю. — Маг помолчал. — И думаю, она — тоже.

Что бы ни двигало Лариссой, Темару пришлось отдать должное ее мастерству. Ее магия так погнала «Ламинарию», что пена вскипела под носом. К тому времени, когда шлюп со взмокшими от усилий пиратами одолел пролив, «Ламинария» уже давно ждала, и Хэлис, стоящая со всеми на корме, начала терять терпение.

— Наконец-то, — пробормотала она, услышав крик наблюдателя.

— Вид у них измученный, — заметил Темар с удовлетворением.

Ларисса хихикнула, ее глаза блеснули.

— Мне немного ослабить ветер?

— Ты можешь их окружить? — спросил Д'Алсеннен. — Чтобы не улизнули?

— О да, — уверила его Ларисса.

— Приглуши свой магический свет, — внезапно потребовал Узара. — Мьюрдарч знает, что у нас есть магия, но ему необязательно знать, кто маги.

Ларисса покраснела и сделала, как ей велели.

— Темар, — Хэлис кивнула на вымпел со змеей, который спускался до середины единственной мачты шлюпа, — пора доказать, что ты сьер.

Д'Алсеннен тяжело вздохнул и в сопровождении наемницы спустился на главную палубу. Узара последовал за ним к борту, и одновременно по сигналу Хэлис рулевой искусно

повернул «Ламинарию», подводя ее ближе к пиратам. Не слишком близко. Не настолько, чтобы зацепить багром.

— Это игрушка богача, — заметил боцман «Ламинарии».

Он указал на золоченую резьбу вокруг всей кормы шлюпа, освинцованные стекла в окнах единственной тесной каюты. Палуба над ней была небольшая, — рулевому едва хватало места, чтобы поворачивать румпель, — зато украшена двумя до блеска отполированными фонарями и резным дельфином на кормовых перилах. Еще один дельфин выгнулся дугой под бушпритом.

— Интересно, кого он убил, чтобы ее получить, — пробормотал Темар. Его подташнивало, и он снова глубоко вдохнул, чтобы успокоить желудок. Не хватало еще опозориться перед пиратами.

Мьюрдарч стоял в середине корабля. Он барственно помахал Темару, и солнечные лучи высекли голубой огонь из бриллиантов, усеивающих его кольца.

— Нарядился, будто для аудиенции у Тадриола, да? — Узара оперся на перила, изучая их врага.

— Он явно преуспел с тех пор, как встретил колдунов в Калавене, — согласился Темар. — В чем дело? — Он увидел изборожденный морщинами лоб мага, и еще больше занервничал.

— Я заставляю воду идти против заклинания Лариссы. — Внимание Узара сосредоточилось на море. — Чтобы они никуда не шли без нашего разрешения.

С другой стороны от Д'Алсеннена появилась Гуиналь.

— На шлюпе нет никого из эльетиммов.

— Это хорошо. — Хотя Темар не думал, что они там будут.

— Эсквайр, — крикнул Мьюрдарч. — Как видишь, я предлагаю переговоры. Могу я подняться на борт?

— Нет! — Ответ Темара на полдыхания опередил хор отказа с «Ламинарии».

— Ты будешь обращаться к сьеру Д'Алсеннену с должной учтивостью, — проревела Хэлис.

— Мессир. — Мьюрдарч поклонился в пояс, и его немногочисленная команда сделала то же самое.

Темар был уверен, что над ним насмеются, и его гнев окончательно победил тошноту.

— Ты можешь сотворить для меня заклинание истины? — прошептал он Гуиналь. — Только на короткое время.

Барышня кивнула и отступила на шаг, шепча заклинание.

— Достаточно, — предупредила Хэлис с кормы, когда пиратское судно подошло почти к самому крамболу, поддерживающему якорь «Ламинарии».

— Итак, мессир Д'Алсеннен, чем я могу тебе помочь? — Мьюрдарч выпрямился, широко расставив сильные ноги в черных суконных бриджах и начищенных сапогах, чтобы легко удерживать равновесие на качающейся палубе.

— Это твои переговоры. — Темар положил руки на перила. — Это ты должен предлагать мне что-то, не так ли?

— Чувствую, сначала мне следует объясниться.

Зычный голос Мьюрдарча легко нес его слова над водой. Такого услышишь и в самый сильный шторм, подумал Темар.

— Вы, без сомнения, полагаете, что я просто пират. — Мьюрдарч поднял руку, хотя никто на «Ламинарии» не спорил с ним. — Ну, возможно. В молодости, да, якшался с контрабандистами, но в том-то все и дело. Каперство, награды и прочее — это игра для молодых, а вы видите отсюда мои седые волосы, верно? — Его самоуничижительный смех приглашал их присоединиться.

Темар держал себя естественно, ему претило всякое при творство. Узара неподвижно стоял рядом с ним, с другой стороны с непроницаемым видом застыла Гуиналь. Оценив их поведение, пират взглянул на Хэлис, вернувшуюся на ют. Его лицо окаменело, и, обернувшись, Темар увидел, что командир наемников не дает себе труда скрывать презрение и, насмехаясь, смотрит сверху вниз на пирата.

— Я ищу для себя новую роль, что-то более подходящее моим летам и опыту, — продолжал Мьюрдарч доверительным тоном. — Эти острова никому не принадлежат, и у меня есть

желание обосноваться здесь. — Он приветливо улыбнулся, потом добавил с ноткой угрозы: — Ты не можешь предъявить мне ни один указ, действующий здесь, ни твой, ни Тадриола.

Темар игнорировал это замечание. Возможно, Хэлис невысокого мнения о его подготовке в Императорских когортах, но даже он не так прост, чтобы ввязаться в заведомо проигрышный бой.

— Что именно ты хочешь основать?

Чувствуя растущую уверенность, Мьюрдарч улыбнулся еще шире.

— Когда ты поставишь свою колонию на ноги, ты захочешь торговать с заокеанскими купцами. Здесь я мог бы управлять для тебя хорошей водной станцией и, возможно, организовать место для покупки и продажи грузов. Тогда всем этим торгашам незачем будет плыть дальше. Ну, разве не стоит отдать за это какую-то долю из тех денег, что вы будете зарабатывать? Хорошая якорная стоянка, надежные склады и люди, которые позаботятся о том, чтобы каждый честный человек мог заключать выгодные сделки с большинством знакомых мне купцов.

— Я нахожу удивительным подобное предложение от пирата, который грабит наши корабли, — ответил Темар с холодной официальностью.

— А если бы я согласился оставить ваши корабли в покое? Вы не трогаете меня, я не трогаю вас: Нет, погоди, я могу сделать гораздо больше. — Доверительная нотка вплелась в потеплевший голос Мьюрдарча. — Если мне не изменяет чутье, через несколько лет вы будете могучим соперником Инглизу. Им это не понравится, верно? Будут выпущены каперские свидетельства против ваших кораблей, гильдии найдут для этого повод. Если б я находился здесь, имея для поддержки несколько хороших кораблей, то мог бы превратить охотников в объект охоты. Сокращая инглизскую торговлю по твоему кивку, я мог бы расширить твои рынки как раз тогда, когда тебе понадобится.

— Сомневаюсь, — сухо молвил Темар.

— Ты знаешь, что говорят в Инглизе, а? И в Калавене, Черлите? — с вызовом спросил Мьюрдарч, и его борода встопорщилась. — Что ты неопытный мальчишка, владеющий одним маленьким уголко́м необъятной земли, где реки полны золота, а песчаные пляжи — драгоценных камней. Говорят, земля и богатства достанутся тем, кто их захватит, то есть любому, кто отважится пересечь океан. Что ты будешь делать, когда эти смельчаки высадутся на твоём берегу и воздвигнут свой собственный город? Я мог бы положить этому инциденту конец до того, как он начнется. Никто не сбросит меня со счетов, как какого-то слабака. — В его последних словах звучала несомненная угроза.

Но Темар не уступал ему в решительности.

— Почему я должен жаловать тебе что-нибудь, когда ты украл товары моей колонии и превратил невинных людей в рабов?

— А у тебя есть характер! — Мьюрдарч засмеялся. — Ты хочешь вернуть тех людей? Как раз сейчас они строят для меня торговый город. — Он хитро прищурился. — Но, возможно, нам следует обсудить условия обмена. Для начала мне нужны канаты, парусина и смола.

— Ты меня не так понял, — холодно ответил Темар. — Ты сдаешь своих пленников и свои трофеи, и тогда я подумаю, сохранить тебе жизнь или повесить к удовольствию ворон за твои преступления.

Мьюрдарч нахмурился:

— Есть характер и есть бессмысленное упрямство, парень. Не думай, что здесь все принадлежит тебе. С чего ты взял, что сможешь меня остановить?

— Переговоры окончены, — заявил Темар, обращаясь к Хэлис в достойной подражании властной манере своего давно умершего деда.

Наемница кивнула и повернулась к рулевому.

— Ты молод и глуп, мальчишка! — сердито крикнул Мьюрдарч. — Жаль, что ты не успеешь пожить, дабы научиться уму-разуму. — Быстрый, как змея на его выпеле, пират за-

махнулся и метнул в Темара нож. Маленький клинок полетел точно в цель, но внезапный порыв ветра швырнул его вверх. Когда же он падал в воду, все увидели, что лезвие сложилось пополам, раздавленное невидимыми руками, после чего нож исчез в глубине.

Темар медленно покачал головой:

— Ты забыл, что у меня есть другие преимущества против твоих лет и опыта. Ты здесь почти такой же пленник, как те несчастные, которых ты похитил. Не думай, что твое суденышко может проскользнуть мимо нашей блокады. — Он презрительно махнул рукой на шлюп, который был почти на треть меньше «Ламинарии» и по длине, и по ширине.

— Ты бы так и сделал, верно? — ухмыльнулся Мьюрдарч. — Убежал бы и бросил своих людей умирать? Нет, мой мальчик, я останусь здесь со всеми моими людьми и всеми твоими товарами. И буду сидеть здесь столько, сколько захочу. — Пират ничуть не смутился. — У меня тоже есть магия, парень.

— Мы уходим. — Темар сделал знак Хэлис.

«Ламинария» ринулась вперед и, кренясь, ушла от шлюпа. Темар бросился на корму, чтобы не упускать из виду пиратский корабль.

— Никакого магического света, — встревоженно приказал он, когда Узара присоединился к Лариссе и неумолимая волна погнала Мьюрдарча обратно в пролив между островами.

Маги весело переглянулись.

— Нет, мы будем осторожны, — заверила его Ларисса.

— Жаль, я не могу соткать заклинание и просто оставить его работать. — Гуиналь следила, как водяной вал толкает шлюп по проливу.

— Это не так легко, как кажется, — с чувством сказал Узара. — И заклинание, оставленное без надзора, может вызывать хаос, поверь мне. Азазир...

— Магическая теория подождет. — Хэлис хлопнула его по плечу. — Итак, каковы выводы, мессир?

— Он это так не оставит, верно? — Темар погрыз ноготь большого пальца. — Мы сделаем все, чтобы Мьюрдарч никуда не ушел, и посмотрим, что он придумает в следующий раз? — Д'Алсеннен взглянул на своих спутников, ожидая согласия.

— Он, несомненно, думает, что ты обменяешь что-нибудь на пленников, — медленно сказала Гуиналь.

— Мы можем попросить, чтобы он обменял именно Налдета? — с надеждой предложила Ларисса.

— Нет, — отрезала Хэлис, — иначе Мьюрдарч сразу удвоит цену за его голову.

— Я бы не заключала с ним никакой сделки, — откликнулась Гуиналь с нескрываемым страданием. — Он не намерен держать свое слово.

— Это и без Высшего Искусства ясно, — брякнул Темар. Он тут же поспешил улыбнуться барышне, но Гуиналь была слишком озабочена, чтобы это заметить.

— Мьюрдарч человек без принципов, — продолжала она. — Он неглуп и не склонен к необдуманным порывам, поэтому не следует его недооценивать. Он может заглядывать далеко вперед и намечать масштабные планы. Он твердо решил превратить Сатайфер в оплот контрабандистов и стать его владыкой. Мьюрдарч не сомневается, что способен это сделать. Но на большее он не претендует. Мьюрдарч не видит себя правителем Келларина, например, он хочет только грабить его в разумных пределах.

— Какое место в его планах занимают эльетиммы? — вмешался Темар.

— Мьюрдарч даже не представляет, с кем имеет дело. — Удивление и беспокойство сквозили в ответе Гуиналь. — Он видит в них свое оружие и верит, что им понятны и близки его цели. — Барышня сухо улыбнулась. — Они об этом позаботились. Насколько известно Мьюрдарчу, Илкехан — един-

ственный правитель еще одной группы островов, он тоже промысляет морским разбоем, в основном у берегов Далазора, но гораздо успешнее скрывается. Мьюрдарч считает его равным себе потенциальным союзником и надеется с его помощью прибрать к рукам львиную долю океанской торговли.

— Так что мы делаем теперь? — Темар перевел взгляд с Хэлис на Узару.

Для наемницы ответ был очевиден.

— Держим их в ловушке, пока Илкехан не умрет. Потом нападём и всех уничтожим.

— Мы не могли бы обменять что-нибудь из вещей? — взмолилась Гуиналь. — Не столько для того, чтобы полностью оснастить корабль, сколько ради одной цели: вытащить оттуда хоть несколько человек.

— Это не игра в Ворона, — предостерегла ее Хэлис. — Не пытайся быть слишком умной. Мы имеем дело с реальными жизнями и смертями.

— Мы хотим, чтобы он сосредоточился на нас, верно? — спросил Темар у наемницы. — Даже при помощи другого эльетиммского вождя Ливак и Райшеду потребуется время, чтобы добраться до замка Илкехана. Затем им придется найти способ его убить. Возможно, переговоры с Мьюрдарчем послужат хорошей приманкой. Чем сильнее мы заморочим пиратам голову, тем эффективнее будет наша заключительная атака.

Хэлис одобрительно кивнула:

— Недурной план для человека, командовавшего Императорской когортой.

— Если Мьюрдарч будет занят нами и нашими действиями, его колдуны будут делать то же самое, — серьезно объяснил Узара Гуиналь, которая все еще казалась расстроенной. — Это должно отвлечь внимание Илкехана, направив его устремления на юг, и уменьшить опасность того, что он заподозрит нападение у себя под носом. Ты хочешь есть? Шив показал мне, как он помог Ливак...

Но дворянка сбросила его руку и отправилась аж на корму «Ламинарии», откуда стала глядеть поверх волн на Саттайфер.

— Пошли, Зар. — Д'Алсеннен быстро наклонил голову, когда парус бизани с хлопаньем распустился над ним. — Вернемся на наш остров и придумаем, как бы получше осложнить жизнь Мьюрдарча, а?

ГЛАВА 5

Размышления о древних племенах, представленные Селеримскому обществу антикваров Гамаром Тайлотом, ученым Университета Кола

Еще со студенческой скамьи нам исподволь внушают, что древние племена наших земель — это непостижимая тайна истории. Непреодолимая бездна времени отделяет их от нас, не позволяя узнать, как они жили. Но откуда взялось такое мнение? Почему эти древние люди должны так отличаться от нас с вами? Я докажу, что их так же легко понять, как вас, господа, собравшиеся сегодня в этом зале. Рассмотрим вопрос следующим образом.

Лесной Народ прошлого известен нам по песням странствующих менестрелей и преданиям, которые мы рассказываем нашим детям. Мы любим сказки о единорогах и грифонах, мифы о женщинах, рожденных от живых деревьев, и о таинственных головах, звучащих в темных священных рощах. Люди, живущие среди таких чудес, представляются нам невинными детьми. Необремененные имуществом, они счастливы в любви, не осложненной браком или домашним хозяйством. Такая идеальная жизнь — чудо, выходящее за рамки нашего понимания.

Но кто поет нам эти песни? Да это странствующие певцы, которые вышли из Леса, люди с такими же рыжими волосами,

что прославляются в их балладах. Они оставляют Лесные семьи, живущие не в праздности, но в лишениях и заботах, вынужденные добывать еду среди корней и ветвей. Менестрели, воспевающие романы Виенн или Ларила, не восхваляют потерянный идеал, а лишь просят денег, чтобы одеть и накормить своих детей. Их баллады — не мистическая история, но пустое развлечение, призванное отвлечь их народ от его холодного и голодного существования. Поглядите на свой город, и вы увидите множество рыжих голов. За минувшие поколения немало Лесных мужчин оставили Лес ради практических удобств оседлой жизни и торговли. Лесной Народ — не столь далекий образец более благородной эпохи; они — ваши торговцы, ваши слуги. Мы одинаково беспокоимся о наших детях, о нашем процветании и наших потомках. Мы поклоняемся одним и тем же богам. Так почему мы думаем, что так было не всегда? В конце концов, дерево узнается по его плоду, а яблоко никогда не падает далеко от яблони.

Теперь возьмем Горных Людей. Прочитайте саги, переписанные в библиотеках Ванама и Инглиза, и вы увидите племя далекое и неприступное, как пики Гидесты. Непонятные мифы повествуют о людях, твердых, как камень, и опасных, как драконы, якобы обитающие в их Горах. Ученые глубокомысленно кивают на суровый климат, который делает этих людей столь жесткими. Рудокопы и звероловы, живущие среди холмов и лесов к северу от Далаза, посмеялись бы над таким упорным невежеством. Где города северного Энсеймина научились своим знаменитым искусствам плавки и кузнечного дела, если не у бесчисленных сыновей Горной крови, которые поселились в более мягком климате и женились на местных женщинах, вполне довольные своим жребием? Не может быть между нами таких огромных различий, если они не мешают тем, кто делит брачное ложе. Сказания о древних войнах среди заснеженных скал бросают нас в дрожь, когда мы внимаем им, сидя у камина, но истина в том, что Горные Люди так же хорошо знакомы всем и безобидны, как нож, которым вы режете мясо за столом.

Однако пора спросить, а как же Народ Равнин? Это самая великая тайна из всех, о которой говорят только шепотом. Племя исчезло, мы лишь в страхе взираем на земляные стены, которые окружают кольцом их святые места, да могучие курганы, возведенные над их почитаемыми мертвыми. Такие же господа, как вы, раскапывают их и удивляются медным котелкам и топорам. Зачем их погребли вместе с умершими? Эти люди в самом деле верили, что такую утварь можно взять на паром Полдриона? Каждое открытие порождает все новые вопросы. Но испачканные землей кости не могут говорить, поэтому мы придумываем ответы за безмолвные черепа. Как дети создают чудовищ из страха и теней, толпящихся за кругом света, отбрасываемого свечой, так и мы вплетаем темноту невежества в миф об Элдрических человечках, хозяевах царства за радугой, правителях небезопасных земель — заливных лугов и морского побережья, о Народе Равнин, ушедшем в сумерки, куда мы не можем последовать.

Ничто не может быть дальше от истины, и никакое племя не может быть ближе к нам. Поросшие травой форты Далазора кажутся далекими и жуткими, но прозаичные плуги Каладри и Энсеймина в каждый весенний сев выкапывают из земли медные кольца и броши. Мы живем среди древних жилищ Народа Равнин. Мы не видим их лишь потому, что наши конюшни и дома, улицы и усыпальницы построены на их развалинах. Мы не видим потомков этого древнего племени, как видим потомков Леса и Гор, потому что Народ Равнин — это мы сами. Бесчисленные поколения мы живем на этих обширных и плодородных землях, проходя путь от примитивной жизни и примитивных верований к союзу с цивилизацией, принесенной с востока императорами Тормалина. Как основа и уток одной ткани, мы вместе создаем превосходство, которым наслаждаемся сегодня. Так растущий ребенок откладывает в сторону игрушки и, повзрослев, берется за инструменты. Горные Люди следуют нашему примеру, и со временем Лесной Народ отвернется от своей добродушной лени и в свою очередь примется за уроки.

ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 5-е ПРЕДЛЕТА

— Осторожно, там сходит растаявший лед. — Шив оглянулся через плечо. Он сидел на носу лодки — деревянного каркаса, обтянутого шурами. Маг стряхнул морскую воду со своей белой сморщенной руки. — Проклятие, холодно!

Райшед сидел на руле позади меня, твердо сжимая обеими руками длинный румпель. Он сощурился на молочный поток, бегущий по темно-серому пляжу, дабы отбелить зеленые воды пролива.

— Гребите сильнее.

Сорград и Грен обменялись мятежными взглядами, но снова взялись за весла. Я ободряюще улыбнулась им, стараясь не опускать ноги в воду, плещущую на дне лодки. Спина болела от сидения на жесткой скамейке, и непрекращающийся ветер насквозь продувал куртку. Я задрожала и начала тереть руки, пытаясь немного согреться.

— Сиди смирно, — отрывисто велел Сорград.

— Я замерзаю, — возмутилась я.

— Тут некуда идти и нечего делать. Ерзая, ты еще больше продрогнешь, — строго объяснил он. — Кто провел больше времени в горах, ты или я?

— Просто подвигай кистями и ступнями, — посоветовал Райшед. — Чтобы не отморозить пальцы на руках и ногах.

Сорград нахмурился. При всем желании ему нечего было возразить на этот дельный совет.

— Ты всегда можешь погрести, — заявил Грен, ворочая тяжелым веслом. — Это быстро тебя согреет. — Сам-то он уже разругманился.

— Я не хочу сесть на мель, — встревожился Шив.

— Тут под водой один песок, — фыркнул Грен. — Ничего с нами не случится.

Это верно. Здесь не было тех страшных рифов, что угрожали нам свирепыми когтями, когда мы обходили неудобно открытый берег Шернасекка.

— Давайте не рисковать, — предложил Райшед.

Сорград ничего не сказал, только бросил на Грена упреждающий взгляд.

— Ладно, сиди, как дворянка на светской прогулке, — проворчал Грен. Его раздражало, что кто-то бездельничает, пока он надрывается.

Но я не испытывала чувство вины из-за того, что у меня не хватает сил грести наравне с другими. Я как-то попробовала сменить обоих братьев, и, после того как мы внезапно свернули с курса, никто не стал спорить с Райшедом, который велел мне прекратить эти потуги.

— А ну поднажмите! — Райшед всей тяжестью навалился на румпель, и братья согнулись над веслами, отдуваясь сквозь зубы. Судя по сосредоточенному лицу Шива, он работал с магией. Мне оставалось лишь крепко держаться, так как легкая лодка встала на дыбы и свернула в сторону. Несущийся поток, полный мелкого белого песка, низвергался по горному склону, мутный от пепла. Он прочертил контрастную полосу в черном песке, а тот длинным языком врезался в серый пляж, где огромные каменные глыбы, еще не сглаженные водой и ветром, лежали, будто случайно рассыпанные кегли. Бледные пальцы протянулись к нам в темной воде, но всеобщими усилиями мы благополучно проскользнули мимо.

— Зар дорого бы дал, чтобы увидеть действующий вулкан, — заметил Шив, глядя на гору, возвышавшуюся над низким островом, который мы проплывали. За верхушки зубчатого пика, серого с желтым оттенком, цеплялись клочки облаков. Нет, не облаков, а постоянно обновлявшегося дыма или пара — соперника неугомонных ветров. Я подумала, обратит ли внимание Мизаен на вежливую просьбу полукровки вроде меня не раздувать огонь, пока мы не уплыдем от этого непредсказуемого места.

— Смотрите, это лава после недавнего извержения. — Шив показал на бесформенную массу черного камня, расползшуюся по пляжу и припорошенную белым. — Она была такой горячей, что выпарила соль из моря, прежде чем остыла. — Маг улыбнулся, убагодворенный своей версией.

Я мысленно ответила ему, что предпочитаю землю, которая имеет обыкновение оставаться такой, какой ее создали.

— Ливак, надень капюшон.

Когда я повернулась, Райшед уже прикрыл свою голову и послал мне воздушный поцелуй. Я бы откликнулась, но после трех дней резкого ветра, туманов и палящего солнца мои губы болезненно растрескались. Мы плыли по утомительно кружному пути, чтобы этот длинный травянистый остров заслонял нас от неприступных гористых владений Илкехана.

Наша лодчонка с мучительной медленностью проползла мимо каменистой горки посреди травы и коварных дюн. На этом твердом островке стояла приземистая сторожевая башня. Стены вокруг нее потемнели и были разрушены в нескольких местах. Маленькие фигуры восстанавливали их новым, светлым камнем; кое-кто прекратил работу, глядя в нашу сторону.

Сорград подмигнул мне.

— Мы не тронем их, они не тронут нас.

Но строители в форте не единственные, кто видел, как мы влетаем из мелких морей между внешними эльетимскими островами и океаном. Чтобы достичь владения этого таинственного Олрета, нам пришлось плыть по внутренним проливам, извивающимся между суровыми серыми островами, вокруг которых скапливались соляные отложения, претендующие на равное родство с морем и сушей. Мы увидели мужчин, женщин и детей, которые стояли по колено в грязи и что-то выкапывали из песка. Вокруг в жадном ожидании прыгали болотные птицы, черные и белые, украшенные желтыми или красными перьями.

— Почему мы не могли украсть лодку с парусом? — проворчал Сорград, как только невидимое течение замедлило наш ход.

— Эй, тормалинец, почему ты не берешь весло, если знаешь все о лодках? — пропыхтел Грен, наградив моего возлюбленного рассерженным взглядом. — Бьюсь об заклад, даже я

мог бы править, когда маг разглаживает воду под задом этой штуки.

— У лодки не зад, а корма, Грен, — усмехнулась я.

— Это тебя твой мужик научил? — завелся он.

— Скоро будем причаливать, — вмешался Шив, поворачиваясь, чтобы спрятать карту от любопытного ветра.

— Это легче сказать, чем сделать, — состроил гримасу Райшед.

Я изучила берег Реттасекка, изгибающийся перед нами. Черные каменные столбы, испещренные ступенями, были доступны только для морских птиц. Кричащие стаи теснились на каждом уступе, заливая утесы белизной, которая не имела отношения ни к соли, ни к снегу. Внезапно выглянуло солнце, высекая радужное сияние из мокрых камней. Радуги исчезли, и я взглянула на небо. Оно затягивалось тучами.

— Придется искать укрытие, — заметил Райшед.

— Я намерен еще до наступления ночи стать почетным гостем Олрета и сидеть у очага с выпивкой в одной руке и мясом в другой, — решительно заявил Сорград.

— Выпивка и покладистая девица меня устроят, — хихикнул Грен.

— Не вздумай распускать руки, — осадила я своего неумного друга. — Полезешь не к тем подвязкам — тебя высекут, если не хуже.

— Испортишь дело и будешь объясняться с Хэлис, — добавил Сорград. Это было одно из немногих соображений, которые могли осадить Грена.

— Попробуем вон там. — Райшед показал на разрыв в сомкнутых черных колоннах, где под травянистым обрывом пестрела галька.

— Снова твердая земля, — вождественно пробормотала я.

— Я упоминал, что высадка на сушу — самая опасная часть плавания? — небрежно спросил Райшед.

Я повернулась к нему и высунула язык. Сорград и Грен хихикнули.

— Гребите как можно быстрее. — Шив сосредоточился на воде. — Мы должны попасть туда с первого раза.

Сорград и Грен ускорили темп. Я вцепилась в сиденье и доверилась твердой руке Райшеда на руле. Когда мы приблизились, стал виден галечный берег — длинный, естественный склон, круто уходящий в глубокую воду. В то мгновение когда корпус врезался в камни, Шив выпрыгнул и зашлепал по холодной воде с носовым фалинем на плече. Сорград и Грен бросили весла на дно, перепрыгнули через борта и вместе с магом потащили лодку вверх по склону. Райшед за кормой толкал ее сзади. Я осталась сидеть, пока лодка не оказалась полностью на суше.

— Не желает ли моя госпожа сойти на берег? — Мой возлюбленный отвесил вычурный поклон и с ухмылкой протянул мне руку.

Прежде чем осторожно выйти из лодки, я передала Райшеду его сумку и бросила остальным их ношу.

— У меня новые сапоги. Не хочу, чтобы на коже остались соленые пятна.

Шив проводил руками по своим промокшим бриджам, на которых появлялись сухие полосы.

— Я думал, у тебя больше веры в мою магию, — сказал он с притворной обидой.

— Когда ты научишься каким-нибудь полезным чарам? — напустился Грен на брата, пытаясь отжать воду из подола куртки.

Сорград сузил глаза, и от его одежды повалил пар. Грен разинул рот.

— Осторожно, — предостерег Шив. — Ты станешь не первым учеником, который себя поджег.

— Ларисса тоже так говорила. — Через минуту Сорград выдохнул с торжествующей ухмылкой. — Ну, что ты об этом думаешь?

Я провела пальцем по манжете его рубахи.

— В самый раз для глажки.

— Найди мне хороший плоский камень, и я попробую его нагреть, — ухмыльнулся он.

— Ненавижу вечно командовать, но у нас нет времени, — сказал Райшед.

— А я ненавижу быть мокрым, — парировал Грен.

— Позволь мне. — Шив быстрым жестом извлек воду из одежды Грена. — Давайте спрячем лодку.

— Я больше не намерен никуда грести, — твердо заявил Грен.

— А я всегда оставляю возможность для отступления. — Сорград пошел помочь Райшеду, и я тоже. Мы заклинили лодку между расколотыми черными столбами и погрузили в нее несколько больших камней.

— Если нам придется разойтись, встретимся на этом месте. — Райшед аккуратно уложил весла на дно.

Шив изучал карту.

— Сюда.

Мы покорно полезли за ним на холм в форме перевернутой лодки, тупая корма которой образована сплошными утесами. Подъем был сущим наказанием, но с вершины открывался прекрасный вид на пролив, отделяющий этот остров от владений Илкехана. Из воды между песчаными берегами поднималась вереница скал, на более крупных стояли межевые пирамиды из камней, а одну почти не было видно под маленьким, но крепким фортом. Остров Илкехана на другой стороне прятался в тумане.

— Это, должно быть, Реттасекк.

Шив сложил карту, и мы посмотрели вниз, на кусок плодородной земли с несколькими домами, разделенный аккуратными каменными стенами. Вдали виднелось еще одно, более крупное поселение.

— Это владения главы клана, верно? — Грен был явно разочарован. — В чем они измеряют свое богатство? В скалах?

Если в скалах, то у этого Олрета имелся обильный запас. За узкой полосой тщательно ухоженной земли серая зубчатая

гряда разрывала тонкое покрывало травы. Скалы уходили в глубь острова, становясь все выше и круче, соединяясь в устрещающие валы, которые сгрудились вокруг гор, вонзающихся в небо в сердце острова. Одни склоны были черно-серые, крапчатые, как кроличья шубка, другие — черные с серыми полосками, как у кошки, заросли кустарника тут и там мало смягчали суровость пейзажа.

— Вот твои козы, — сказал Сорград: с вершины холма можно было увидеть внизу новые травяные уголья.

Там кипела будничная жизнь. Массивное, похожее на колесо сооружение было сложено из серого камня, который тут имеется в изобилии; одно отверстие в ободке впускало протестующее стадо одинаковых с виду коз. Мужчины гнали их между стен, слишком высоких, чтобы животные могли перепрыгнуть в полый центр, где проходила ось этого предполагаемого колеса. Другие островитяне как-то сортировали коз и толкали их в клинообразные загоны, образованные стенами-спицами.

— Что они делают? — удивилась я.

Райшед передал мне подзорную трубу, и я разглядела мужчин, которые держали непокорных животных, пока женщины ловко продевали оранжевые, черные и зеленые нити через дырки, проколотые в их висящих ушах.

— Козленок на ужин? — с надеждой предположил Грен.

— Постараемся пройти незаметно, чтобы никто не спрашивал, что у нас за дело, — сказал Райшед.

Я не думаю, что кто-нибудь спросил бы, даже иди мы вдоль того пологого берега в сопровождении маскарада с флейтами и барабанами. Во-первых, я сомневаюсь, что они услышали бы нас сквозь оглушительный шум, создаваемый возмущенным блеяньем и проклятиями из-за ударов рогов или острых как бритва копыт. Мы вздохнули с облегчением, когда та суматоха осталась позади и мы подошли к поселению в дальнем конце пахотной земли.

— Как я понимаю, это тоже могильный круг. — Шив кивнул на кромлех, который был значительно крупнее того, что

мы видели уже разрушенным. Очевидно, где-то поблизости скала раскололась на ровные плиты, потому что этот круг был образован из двойного кольца прямоугольных камней с точно подогнанными краями — барьер, которому не нужен ров, а вполне достаточно простой канавы. Два красновато-желтых монолита обрамляли единственный вход в этот прочный круг, и внутри такие же монолиты стояли парами и поодиночке, образуя какой-то не сразу понятный узор.

— Никогда не видел камня такого цвета, — нахмурился Райшед.

— Где вы собираетесь прятаться? — Сорград заслонил глаза рукой.

— Вы пойдете вдвоем? — Шив посмотрел на Райшеда, ожидая подтверждения.

Тот кивнул:

— Таков был наш план. Нет необходимости его менять.

Ответ удовлетворил Сорграда, и мы стали изучать лежащую впереди панораму. Длинные низкие дома теснились между могильным кругом и грозным замком в четыре этажа высотой, защищенным массивной стеной. Дальше стоял длинный ряд двухэтажных строений с трубами и каменными плитами на крышах, а не связками грубой травы, как на других домах. За замком и складами снова теснились маленькие домишки, а кончалось поселение навесами для коз. Еще дальше удивительно мощная дамба перегораживала ничтожный поток, создавая широкую запруду.

— Ничего не стоит переплунуть. — Так Грен обычно говорил о жалких деревушках Энсеймина, в которых мы побывали за долгие годы.

— Если ветер дует в нужную сторону, — уточнила я. Но мне пришлось признать, что деревня вызывает не слишком приятные эмоции.

Грен поежился.

— Ветер — это не проблема.

Он был прав. Все поселение было открыто любому ненастью, налетающему с пролива, и, очевидно, поэтому сети с

камнями по краям придавливали кровельную солому меньших домов.

Райшед, со своей стороны, одобрил такое расположение.

— Даже если это не единственное место, где можно причалить, запруда станет преградой для каждого, кто приходит через тот мыс.

— Никто не подкрадется к Олрету, — согласился Сорград. — Вся местность между домами и любым естественным укрытием хорошо просматривается.

— Если мы будем здесь торчать, нас заметят, — предостерег Шив.

Вокруг, несомненно, толпилось множество народу, но, к счастью, большинство были слишком заняты, чтобы смотреть в нашу сторону. Между замком и морем лежало широкое пространство, где мужчины катили бочки к большим корытам, окруженным женщинами, и обратно. На протянувшихся в воду каменных причалах стояли длинные навесы, откуда парни несли большие корзины, до краев наполненные серебряистой рыбой. У дальних концов покачивались привязанные лодки. Снова выглянуло солнце, и вода засверкала, а нена сытные морские птицы, кружащие над головой, стали ярко-белыми. Они пронзительно кричали и увертывались от камней, которые швыряли в них маленькие дети, чтобы не подпускать разбойников к вешалам, на которых вялилась рыба. Более ранний улов был сложен как дрова и придавлен плоскими камнями.

Райшед украдкой обозревал местность.

— Просите, чтобы вас отвели к главному, — сказал он Сорграду, складывая подзорную трубу. — Мы подождем вон там. — Он указал на темно-зеленые поля какой-то культуры, выращиваемой между ближайшим домом и могильным кругом. Растения выглядели редкими и иссохшими, но больше спрятаться было негде.

Сорград кивнул, и они с Греном потрусили прямо к замку. Мы вдвоем обошли могильный круг, используя его крепкие стены как покрытие.

— С ними будет все в порядке? — спросил Шив, когда братья скрылись из виду.

Райшед не ответил, поэтому мне пришлось успокаивать мага.

— Сорград и раньше ходил во вражеские лагеря. Хэлис часто доверяет ему вести переговоры об обмене ранеными или выкупать пленных за еду. Поверь мне, когда Сорград захочет, он может убедить кого угодно в чем угодно.

— Я беспокоюсь не о Сорграде. — Тон Райшеда был озабоченным, а не язвительным. — Что, если эти люди используют Высшее Искусство, дабы проверить, правду ли он говорит?

— Мы ищем союзника против Илкехана, — сказал Шив. — Это правда.

— А как насчет Грена? — не унимался Райшед.

— Он всегда верит тому, что говорит ему Сорград. — Я спряталась за группу неаппетитного вида растений. Как оказалось, они росли внутри еще одной каменной ограды, высотой всего по колено и наполненной чем-то зловонным.

— Зубы Даста, что это смердит? — Шив и Райшед присоединились ко мне, неуклюже приседая на корточки.

— Морские водоросли. — Шив подавил кашель и глянул поверх стены. — Еще гравий, и куча объедков, и что-то, смаживающее на дохлую козу.

Я проползла на четвереньках вдоль ограды, пока не удалось лечь на живот и получить неплохой обзор замка между растениями. Эльетиммы в грубой одежде коричневых оттенков толклись вокруг зданий. Такое скопление соломенных голов я встречала лишь в самых дальних горах. Грена и Сорграда нигде не было видно.

Я собиралась тяжело вздохнуть, но мерзкий запах по другую сторону стены остановил меня. Поэтому я удовольствовалась тем, что пососала больную губу. Райшед сел спиной к вонючим растениям, наблюдая за внутренней частью острова, а Шив, присев на корточки, следил за дорогой, по которой мы пришли.

Я молча заключила с собой пари и выиграла его, когда долговязый маг наконец пожаловался:

— У меня все тело затекло.

— Встань!

Но этот голос принадлежал не Райшеду. Какие бы чары ни содержались в том древнем песеннике, и Лесные мифы, и Горные саги упорно молчали о том, что придавало эльетиммам их ошеломительную способность возникать из пустоты. Сидя на земле, мы пребывали не в том положении, чтобы спорить с пожилым Ледяным островитянином, который свирепо смотрел на нас. Тем более что за ним маячила горсть молодых мужчин, вооруженных кошмарными булавами из дерева и железа. Все были в кожаных мундирах стального цвета, украшенных медными заклепками. Мы встали, стараясь держаться с достоинством.

— Мы ждем наших друзей, — старательно проговорила я на Горном наречии.

Обветренное лицо старика растрескалось от ироничной улыбки.

— Вы присоединитесь к ним.

Я перевела, и Райшед вежливо повел рукой, приглашая нашего нового знакомого показывать дорогу. Старик пошел впереди, а его воины с суровыми лицами, но небрежно положенными на плечо булавами последовали за нами.

— Что теперь? — шепотом спросил Шив.

— Посмотрим, чем все закончится.

Что еще нам оставалось делать?

— Они не забрали наше оружие, — заметил Райшед, — и не связали нас. — Он шел настороженно, зорко следя за движением каждого эльетимма.

Нас провели мимо людей, все еще работавших в невыносимой вони рыбьих кишков, и через главные ворота во внешней стене замка. Стражники в таких же кожаных доспехах почтительно склонили головы перед нашим провожатым. Эльетиммские битвы должны быть удивительно простым делом, размышляла я, поскольку каждого врага

так легко узнать по его одеянию. В хаотичных междубицах Лескара вам повезет, если все ваше воинство будет носить один и тот же боевой знак и хотя бы половина запомнит пароль. Не одно сражение выдохлось в путанице, когда обе стороны срывали один и тот же полевой цветок в качестве боевого символа и призывали милость Сэдрина в своем боевом кличе.

Такие несущественные мысли помогли мне справиться с боязнью, когда нас вели через оживленный двор, где ждущая толпа разглядывала нас с любопытством и подозрением. Игнорируя всех, старик повел нас по внушительной лестнице к двустворчатой двери из потемневшего от непогоды и обитого железом дуба. По его кивку еще один воин в сером мундире открыл створку, чтобы впустить нас.

Почти весь нижний этаж занимал огромный гулкий зал. Я быстро огляделась. Голый пол из светлых каменных плит, сводчатый потолок, опирающийся на толстые пилястры из полированного красноватого камня, серые стены. Мутное стекло в высоких узких окнах приглушало яркий солнечный свет, но мы знаем, что такие оконные стекла, над которыми посмеялся бы любой энсейминский крестьянин, означают богатство и положение на этих нищих островах. Тяжелые портьеры из мягкой бежевой шерсти, с геометрическими узорами приглушенных зеленого и оранжевого тонов, висели на стенах вокруг дальнего конца зала, где находился даже невысокий деревянный помост.

— Не хочешь выпить? — Грен с широкой ухмылкой протянул свой кубок.

Они с Сорградом сидели на табуретах за одним концом длинного стола, такого старого и отполированного, что он был почти черным. Рядом с ними стоял эльетимм в хорошо сшитой серой мантии поверх туники и бриджей отличного качества. Он весело шурился, и пухлые щеки подрагивали в улыбке. Его жесткие редкие волосы были такие же белокурые, как у Сорграда, но глаза оказались темными, что я не однажды замечала у этих островитян.

— Вот те, кто прятался, — пролаял старик, который нас привел. При этом он отвесил глубокий поклон своему повелителю.

Сорград аккуратно поставил кубок на стол возле тарелочек с закусками.

— Я объяснил, что мы не хотим злоупотреблять ничьим гостеприимством, пока не представимся, — спокойно молвил он. — Господин Реттасекка, я ручаюсь за Райшеда, присягнувшего одному из тех лордов материка, на которого напал Илкехан. — Он учтиво показал рукой на меня. — Ливак будет говорить от имени Лесного Народа, который пострадал от рук Эрескена прошлым летом, а наш друг Шиввалан родом из Каладрии. Его тоже это касается, ибо коварство Эрескена едва не довело жителей низин до войны с нагорьями.

Все это было правдой, хоть и не полной, если кто-то где-то шептал заклинание, чтобы проверить честность Сорграда. Горец повернулся к нашему хозяину.

— Это Олрет. Он любезно предлагает нам кров на время действия древнего дорожного перемирия. — Сорград улыбнулся, умело сочетая смирение с защитой своих прав. — Как видите, два наших племени не так уж расходятся в обычаях, несмотря на разделившие нас поколения.

Горное дорожное перемирие длится три дня и три ночи. Но значит ли оно, что на этот срок мы будем избавлены от эфирного любопытства? Я пыталась найти способ намекнуть на это Сорграду, но гулкий удар в двустворчатую дверь заставил меня подскочить. И не только меня. Олрет вежливо прикрыл рукой улыбку, когда повелительное требование повторилось. Он сказал что-то Сорграду, чего я не уловила.

— У Олрета есть дела, — сообщил нам горец. — Он хочет, чтобы мы остались здесь как его гости и наблюдали.

Кто-то где-то следил, возможно, за одной из портьер, подметающих пол, потому что из боковой двери тотчас появились лакеи с табуретами для нас. За ними прибежали служанки с тарелками снеди и глиняными флягами со спиртным, а также кубками, для которых разные козы пожертво-

вали рога. Одна девушка с соломенными волосами щедро налила мне светлого напитка, и я осторожно пригубила. Мягкий, безобидно благоухавший тмином, он легко пился и медленно стекал по стенкам, когда я небрежно покрутила свой маленький кубок в руке. Стоит выпить слишком много, и нашему хозяину не понадобится Высшее Искусство. Мы все начнем поверять свои сокровенные мысли нашему новому лучшему другу.

С другой стороны, отказ выпить, вероятно, сочтут оскорблением. Я взяла с тарелки кусок безмянного мяса с палец длиной. Вполне приятное на вкус, оно отдавало дымком, но я не могла понять, рыба это, птица или животное. Зато оно было соленым и отлично вызывало жажду.

Огромные двери распахнулись, и со двора гуськом потянулась толпа, склоняя головы при входе. Наш хозяин пошел к высокому креслу из желтой кости, задрапированному темной шерстью. В кости были вырезаны древние символы. Шив кашлянул, и я взглянула на него с любопытством. Он узнал какие-то из тех символов? Маг выразительно посмотрел на мой кубок и небрежно провел рукой над своим. Я рассеянно отвела в сторону свою выпивку, потянувшись за тем, что, как я горячо надеялась, было кусочком сыра. Шив подал Райшеду блюдо алых ягодок, и в этот момент рука мага коснулась моей. Когда я вновь глотнула из своего кубка, чтобы запить неожиданно едкий вкус сыра, спиртное оказалось разбавленным до более приемлемой крепости.

Снова вернулся старик, который привел нас в эту мышеловку. Он встал на краю деревянного помоста, держа в руке посох, вырезанный из единого куска гигантской кости, вокруг резного набалдашника сверкали драгоценные камни. Он ударил по деревянным доскам, и толпа послушно зашаркала, расступаясь, пока вереница мужчин не протолкнулась к помосту. Каждый нес кожаный мешок.

— Приступайте. — Олрет бесстрастно смотрел, как они по очереди выходят вперед, чтобы выложить на длинный стол содержимое мешков.

Это оказались птичьи клювы. Ближайшая кучка доказала смерть порядочного числа серых ворон вместе с несколькими черными воронами. Это остудило мою Лесную кровь. Отец говорил, что убийство ворона приносит страшное несчастье. Я увидела также хищный желтый изгиб орлиного клюва. Здесь явно никто не почитал Дрианон.

Охотники осмотрели кучки своих соперников, и те, кто оказался менее усердным, отошли от помоста. Осталась примерно половина. Они ждали с самодовольным видом, когда старик с посохом проходил вдоль ряда, протягивая каждому мягкий кожаный мешочек. Каждый сосредоточенно вытаскивал осколок рога и показывал его старику с посохом. Старик повернулся к собранию, и я разобрала достаточно слов из его объявлений, предоставляющих три сорта прав:

- Плавник без следов инструментов на отмелях Феса.
- Обработанная древесина, прибитая к берегу на Арнамли.
- Морские животные, выброшенные на мель от Черной протоки до мыса Мойя.

Когда ритуал завершился, Олрет выжидательно посмотрел на Сорграда.

Горец вежливо поклонился.

— Те, кто защищает твою землю от хищников, делят случайно принесенное богатство моря.

Олрет улыбнулся с удовлетворением.

— Илкехан оставляет все подобные дары себе. — При этих словах волна неодобрения и страха прокатилась по собранию.

Костяной посох снова ударил в пол, и толпа разделилась подобно стаду коз, когда гончие Олрета в серых мундирах повели к помосту горсть мужчин. На каждом была только грязная рубаха, руки крепко связаны впереди. Каким бы просвещенным ни считал себя этот Олрет по сравнению с Илкеханом, его узники страдали от обычных зверств. Глаза одного мужчины почти не открывались из-за синяков, у другого волосы были грязно-коричневыми от запекшейся крови.

Каждого пленника по очереди вытаскивали вперед, и Олрет объявлял приговор, ни разу не изменив выражения лица.

Если здесь и имелись суды, то дела этих несчастных, вероятно, слушались раньше.

— Белое.

Лицо узника стало безнадежным.

— Зеленое.

Кто-то невидимый в толпе поспешно подавил облегченное рыдание.

— Белое.

Третьего узника это почему-то обрадовало.

— Красное.

Это вызвало переполох в противоположной стороне зала, но подбежали стражники и быстро выволокли сопротивлявшегося юношу наружу.

— Белое.

Последний приговор кое-кого разочаровал, но им хватило ума закрыть рот после невольного восклицания.

Старик махнул костяным посохом, явно распуская собрание, и толпа растаяла так же быстро, как собралась.

— Он работает гораздо быстрее Темара, — саркастически заметила я Райшеду.

Огромные двери закрылись, оставив нас одних в огромном зале вместе с нашим хозяином. Одних, не считая того, кто следил, притаясь за портьерами. Конечно, наше оружие оставалось при нас, и я решила не осуждать с ходу этого человека за простое благоразумие. Он покинул свое впечатляющее кресло и, пододвинув табурет, стал накладывать себе еду с выставленных блюд.

— Что сделали те люди? — Я достаточно владела Горным языком для такого вопроса, но Олрет игнорировал меня, обращаясь к Сорграду.

— Вы по-прежнему налагаете три изгнания в землях ани-атиммов?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду. — Сорград искренне недоумевал.

Олрет казался слегка разочарованным.

— Красное изгнание — это изгнание из самой жизни. Того человека сбросят с утесов. Зеленое изгнание — от очага и из дома, но тот человек может найти себе убежище внутри секка, а его друзья могут спасти его от смерти, принося еду и воду. Белое изгнание — из секка и от его людей. Те трое должны оставить нашу землю до наступления ночи, и никто не смеет предложить им ни малейшей помощи. — Вежливая улыбка Олрета стала немного натянутой. — То было изгнание, которое аниатиммы прошлого наложили на наших предков. Мы бежали на северо-восток по льдам, не думая, что найдем эти земли, крепко запертые в холодных морях. Затем Мизаен растопил путь, и, как многие утверждали, оставил нас здесь для некой цели.

Шив и Райшед с досадой смотрели на меня, хотя я изо всех сил старалась одновременно слушать и переводить. Олрет подождал, когда я договорю, после чего удивил нас всех.

— Простите. Я знаю ваш язык только по книгам и плохо на нем говорю. — Его тормалинский был совершенно понятен, несмотря на все его колебания и резкий акцент.

— Ты имеешь преимущество надо мной, мой господин, — медленно ответил Райшед со всей учтивостью, которой он выучился, служа своему сыеру. — Это ты должен простить наше невежество.

— Могу я спросить, откуда ты знаешь наш язык? — Шив улыбнулся, но я видела: он думает то же, что и все мы. Теперь нам придется следить за каждым нашим словом, даже когда мы будем одни.

— Я посещал ваши берега. — Олрет не мог скрыть удовлетворение, поразив нас этим известием. — Не часто и никогда не оставался надолго, но мы давно торгуем с луговыми людьми.

Меня пробрала дрожь.

— Народом Равнин? — мягко осведомилась я.

— Именно так. — Олрет без труда узнал тормалинское название последнего из трех древних племен. — Некоторые избранные давно совершают такие плавания, бросая вызов

скитающимся по морям теням, хотя недостойных, рискующих собой, постигает несчастье.

— Я никогда не слышал о таких гостях. — Райшед прятал свой скепсис за показным хладнокровием.

— Мы не задерживаемся, — заверил его Олрет. — Луговые люди накладывают проклятия на тех, кто злоупотребляет их гостеприимством, оставаясь на зиму. Поэтому мы не разрешаем таким кораблям приставать к берегу. Слишком многие возвращаются, груженные только смрадными трупами, приносимые сюда морскими тенями.

Неужели на северных просторах еще сохранились остатки древнего Народа Равнин? Тормалинская история утверждает, что всех их выгнали, когда Старая Империя самовольно очерчивала свои провинции Далазор и Гидесту. С другой стороны, я знала немало бывших пастухов, которые порвали со своими семьями, пасущими стада на тех бескрайних пастбищах. Подобно мне, эти отщепенцы ходили по краю закона. У многих из них были острые черты лица, темная кожа и темные волосы и худощавое сложение — черты, которые легенды приписывают сгинувшему племени Равнин. Кроме того, большинство тех кочевых кланов из поколения в поколение передают родовую обиду на тормалинское господство, и это вполне могло заставить их молчать о случайных гостях, привозивших что-нибудь стоящее для обмена. Интересно, однако, что это может быть?

Олрет снова говорил с Сорградом:

— Прости меня, но вы не найдете радушного приема, если навлечете беду на мой несчастный народ. Мы выстрадали полную меру горя за последние три года.

— Горы извергаются? — с участием спросил Сорград.

Олрет мрачно кивнул:

— Творец первый раз высек искры из своего горна два года назад. Сначала мы надеялись, что кара Матери наконец постигла Илкехана, но каждый остров оказался сотрясен или расколот. Мертвая рыба всплыла из морских глубин. Козы

задохнулись от пепла или умерли позже, отравленные своим кормом. Целые семьи задохнулись во сне, когда ядовитый воздух заполнил самые низкие лощины.

— Тогда мы тем более ценим твою щедрость, — серьезно молвил Шив.

Избегая его взгляда, я взяла еще кусочек копченого мяса и отщипнула хлеба. Это Планир, Калион и пара других магов заставили горы извергаться, чтобы отвлечь Илкехана от погоны за нами, когда мы удирали из его когтей. Похоже, Верховный маг положил тогда начало чему-то такому, что идет гораздо дальше, чем он хотел.

Олрет криво улыбнулся.

— Мы разыскали те милости, что послала нам Мать. Нашлась репа для голодных, сваренная в самой земле. Очень много животных погибло, зато у нас остался лишний корм, чтобы разбросать по горячему пеплу. — Он увидел наши озадаченные лица и поспешил объяснить. — Это вызывает новый рост. Так мы быстрее можем вернуть плодородие земли. — Его лицо снова стало хмурым. — Но еды не хватало, и многие умерли за эти два прошедших года, да еще Илкехан нападает на более слабые острова как ворон, который преследует умирающее от голода стадо. Он насылает на них беду за бедой, прежде чем захватить землю силой оружия, и говорит, что люди сами этого захотели. Затем он дает голодающим немного еды, чтобы им хватило сил для работы, но не для того, чтобы ему сопротивляться.

— Это то, что случилось с самым западным островом? — вежливо спросила я.

Райшед увидел, что Олрет снова меня игнорирует, и задал свой вопрос.

— У вас нет верховного владыки или союза равных Илкехану, чтобы не допускать таких завоеваний?

Олрет застыл, словно его оскорбили. Потом выдавил улыбку и спросил Сорграда:

— Аниатиммы теперь подчиняются какому-то королю?

— Нет, никогда, — решительно ответил Сорград, опережая Грена. — Каждый род управляет своими делами и ни перед кем не отвечает, кроме своей крови.

— И все, кто делит кровные узы, работают вместе ради общего блага? — Олрет улыбнулся с удовлетворением, когда Сорград и Грен кивнули. — Так всегда было и в наших кланах.

Что, конечно, хорошо и совершенно необходимо в горах севернее Гидесты, где ближайшие соседи находятся в десяти днях пути по пересеченной местности в хорошую погоду и в тридцати — в плохую. Во время той же непогоды все работают вместе, потому что одному в горах легко погибнуть. Но я не понимала, как эта идея работает здесь, на этих тесных островах, где все торчат на глазах друг у друга.

— Как избираются ваши вожди?

Олрет снова меня игнорировал.

— Что тебе Илкехан? — резко спросил он Сорграда.

Ответ горца был прост:

— Враг. Всем нам.

Грен заговорил неожиданно:

— Он заслуживает смерть по нашему закону — и по вашему тоже, если такова цена зимовки за океаном.

Олрет посмотрел на него с острым любопытством.

— Что ты говоришь?

— Эрескен был сыном Илкехана?

Олрет кивнул, и Грен довольно улыбнулся.

— Я узнал от самого Эрескена, что его мать была рабыней, взятой с равнин. Илкехан зимовал там и привез ее уже беременную.

Надежда в темных глазах Олрета вскоре погасла.

— Еще одно преступление среди очевидных преступлений Илкехана? Ты не думаешь, что мы бы стояли плечом к плечу и выступали против него, если бы могли?

— А почему вы не можете? — осторожно спросил Райшед.

— Он черпает истинную магию из каждого харджирда. Илкехан владеет ею так, как никто не владел со времени вир-

мов. Он оставил нас без силы, которая позволяла безопасно ходить по океанам, и даже попытайся мы, Илкехан использует свои темные ритуалы, чтобы найти и потопить наши корабли. — Горечь переполнила Олрета. — Мне неизвестно, где он берет такие знания. Илкехан убивает каждого, кто проникает в царство заклинаний, кроме тех трусов, что ползают у его ног, изучая его секреты, пока он не пошлет их мучить до смерти его врагов.

Олрет помолчал.

— Неужели вы думаете, что мы бы не сбросили Илкехана на скалы под его крепостью, если бы могли? Но ему нипочем любая атака. Мы могли бы навалить наших мертвых до самых стен его замка, а он бы все равно смеялся, наблюдая, как мы умираем под бичом его магии.

— А вы не думали о том, чтобы послать одного человека убить его? — спросил Сорград. — Один не так бросается в глаза, как целое войско.

Олрет покачал головой:

— Илкехан убьет любого изгнанника, попавшего на его территорию, чтобы он не оказался шпионом. Разве я позволю моему человеку навлечь на себя проклятие Матери, лишь бы войти во владения Илкехана?

— Что такое харджирд? — резко спросил Грен, выковыривая из зубов ягодные зернышки.

— Вы не знаете? — Олрет насторожился и вместе с тем казался смущенным.

— Мы не знаем этого слова, — невозмутимо ответил Сорград. — На нашем языке оно, несомненно, имеет другое название.

— Харджирд посвящен и Матери, и Творцу, — сдержанно объяснил Олрет. — Это место, где мы хороним наших предков, чтобы истинное знание связывало наше прошлое с нашим будущим.

Сорград кивнул:

— У нас такие ритуалы совершаются в пещерах тайакара.

Мне это ни о чем не говорило, но Олрет заметно успокоился.

— Мы используем камни Творца.

Еще бы, ведь тот, кто похоронит тело в одной из этих разогретых гор, вернувшись на следующий день, обнаружил бы своего уважаемого предка отлично сваренным. Но мне лучше промолчать, решила я и попробовала одну ягодку, пока Грен не заграбастал себе все.

— Мы заставим Илкехана платить за его преступления. — Сорград решил, что мы достаточно времени выбирали позиции и оценивали других игроков. Пора бросать руны и смотреть, кто окажется победителем. Он уставился Олрету прямо в глаза. — Мы пришли убить его.

Искра надежды снова вспыхнула в глазах Олрета, и на этот раз она горела ярче.

— Клянешься своей верой в Мать?

— Клянусь костями моего дола. — Сорград был дьявольски серьезен.

Олрет слегка отодвинулся от стола.

— Но у него есть силы, которым никто не может противостоять.

Его это действительно уязвляло.

— Я убил Эрескена, — заявил Грен.

— У нас есть знания Лесного Народа, они нас защитят, — добавил Сорград, кивая в мою сторону.

Олрет едва взглянул на меня, все его внимание было устремлено на Сорграда. Если б мы сидели с ним за игровым столом, он бы ушел без штанов и сапог, ибо все его переживания были написаны у него на лице. Он отчаянно хотел поверить, что мы можем избавить его от ненавистного врага, но каждая крупница здравого смысла склоняла его к сомнению.

— Мы пришли, чтобы рискнуть собой, а не для того, чтобы подвергать опасности невинных, — заговорил Райшед со своей обычной взвешенной учтивостью. Он правильно оценил Олрета, поняла я, заметив, с каким облегчением вздох-

нул эльетимм. — Но если бы удалось отвлечь Илкехана, если бы какой-то маневр удержал его внимание, когда мы будем переходить на его земли, тогда бы выросли наши шансы на успех.

— Нет ли какого оскорбления или мародерства, за которое ты планируешь отомстить Илкехану? — небрежно спросил Сорград. — Нам не нужно знать, где или как, но если б мы знали, когда ты намерен действовать, мы могли бы переправиться на его остров, пока Илкехан смотрит в другую сторону.

Идея явно соблазняла Олрета, но он резко покачал головой.

— Если вас возьмут в плен при переходе с моей территории, у Илкехана будет повод убить всех нас.

— Значит, мы сделаем крюк и перейдем с чьих-то других земель. — Грен явно не видел никаких препятствий.

— Возможно. — В прищуренных глазах Олрета появилась хитрость. Я предположила, что есть у него на примете кто-то, кого он не пожалел бы подставить Илкехану. — Дайте мне подумать. А пока будьте моими гостями, хотя, боюсь, мы слишком заняты, чтобы доставить вам много развлечений. В этом сезоне Мать посылает свои дары и велит нам собирать все что можно, чтобы этих запасов хватило на сумрачные дни зимы. Итак, смойте вашу дорожную усталость, а потом мы предложим вам угощение и музыку. Мэдрор!

Олрет говорил слишком быстро, а его дружелюбие было довольно натянутым, но пока я удовольствуюсь тем, что вымоюсь, переоденусь в сухое и наполню свой живот. Как только Олрет громко позвал слугу, появился старик с посохом, и мы послушно отправились за ним на второй этаж замка. Оказалось, в этом квадратном здании есть две лестницы, расположенные по бокам. Они соединялись коридором, идущим посередине, с комнатами на той и другой стороне. Меня проводили в уютную клетушку, где едва умещалась кровать, покрытая тканым одеялом. В его узоры пре-

красно сочетались все оттенки шерсти местных коз. Повидимому, отдельная комната была призвана защитить мою добродетель, так как остальных поместили в одну большую спальню. Лакеи втащили ванны, и служанки забегали туда и сюда с кувшинами горячей воды. В основном они ухитрялись сохранять невозмутимость слуг, которым помешали неожиданные гости, но одна девушка тревожно поглядывала на лестницу, ведущую на верхние этажи. Я решила, что у нее есть наверху обязанности, которые должны быть выполнены, независимо от того, занята она или нет. Это одна из многих несправедливостей, которые восстановили меня против жизни в прислугах.

Ванна оказалась верхом блаженства, как и душистые мыла. Наконец-то я снова целиком согрелась и наслаждалась этим дивным ощущением. Кто-то заботливый поставил горшочек бледной мази на крошечный комодик возле узкой кровати. Она замечательно успокоила трещину на губе и мои обветренные руки. Я по второму разу втирала мазь, когда в дверь постучали.

— Ливак? — Это был Райшед.

— Входи.

Мой возлюбленный закрыл дверь и прислонился к ней, с явным одобрением улыбаясь моей наготe. Его влажные черные волосы завивались колечками вокруг ушей. Он побрился и надел чистые бриджи и рубаху, которую не потрудился зашнуровать.

— Что делают остальные? — Я села, обняв колени.

— Я вытащил счастливую руну, поэтому Шив только-только залез в ванну. Сорград и Грен спорят о том, кто наденет нарядный камзол, он у них один на двоих. — Райшед протянул полотенце, и я шагнула в его объятия.

Он прижал меня к себе и поцеловал с настойчивостью, пробудившей во мне желание.

— Я запру дверь?

— Здесь нет ключа. — Я тоже поцеловала его, запустив пальцы в его волосы. — Но я могла бы об этом позаботить-

ся. — Полотенце упало на пол, и я не собиралась его поднимать.

— А если кто-нибудь толкнется в дверь? То-то удивится. — Райшед наклонился поцеловать меня в шею, и я вздрогнула от восхитительного предвкушения, вызванного его щекочущим дыханием. Его пальцы коснулись моей груди, и я могла сказать, что кто-то тоже дал ему мазь для смягчения загрубевших рук.

— Придвинем к ней комод? — предложила я, когда мне снова удалось сосредоточиться.

— Хорошая мысль. — Он ласково шлепнул меня по задку.

Пока Райшед загораживал дверь, я откинула покрывала, и он повалил меня на кровать, осыпая поцелуями, ласками и смехом. Я стащила с него рубашу, и как только он скинул бриджи, мы потерялись среди мягких шерстяных одеял. Если я думала, что ванна — это предел мечтаний, то я ошибалась. Мне было плевать на адептов Олрета, шпионят они за нами или нет. Все, что им удалось бы узнать, это как могут два человека стать одним целым. Как могут слиться наши тела и души, когда нас только двое и мы открыты друг другу. Никакие различия в воспитании и опыте не могли нас разъединить, никакое расхождение во взглядах или ожиданиях не могло нас отдалить, никакие друзья или узы верности не могли нас разнять. Двигаясь в инстинктивной гармонии, чуткие к прикосновениям и поцелуям, мы познали абсолютную близость, и я поняла без всякого сомнения, что люблю Райшеда, а он любит меня. В те первозданные моменты ничто другое не имело значения. Мы лежали сплетенные, дыхание замедлялось, ленивая улыбка блуждала на лице Райшеда, когда я смахивала кудри с его лба, теперь влажного от пота.

В дверь деликатно стукнули.

— Если вы готовы, нас приглашают вниз на пир.

Я улыбнулась, услышав в голосе Сорграда едва скрытое веселье.

— Сейчас будем.

САТАЙФЕР, ЧАСОВОЙ ОСТРОВ, 5-е ПРЕДЛЕТА

— Темар! — Аллин помахала из двери хижины.

— Наконец-то, — выдохнул мессир. — Извините меня, мастер Джевон.

Капитан «Ламинарии» посмотрел на него с ожиданием.

— Что, пираты зашевелились?

— Будем надеяться, — пылко ответил Д'Алсеннен.

Он быстро пошел вверх по пляжу, заметив, что Хэлис прервала оживленный разговор с боцманом «Урагана» и направляется к хижине. Значит, не он один раздосадован прошедшими днями напряженной скуки. Темар занервничал. Что нового придумал Мьюрдарч? Справится ли он с этим?

— В чем дело? — Д'Алсеннен заморгал, оказавшись после яркого солнца в полумраке хижины. Внутри все еще была гнетущая духота, даже после того, как он велел нескольким плотникам Келларина прорезать в стенах окна и навесить ставни.

Узара стоял в окружении Лариссы и Аллин, пристально глядя на барышню Гуиналь.

— Мьюрдарч только что отплыл в шлюпе. Он идет на север. — В тусклом свете барышня казалась бледной, тени как синяки лежали под усталыми глазами. — Они взяли пленника из частокола и закутали его в мешок. Я не знаю, кто он. Эльетиммы слишком тщательно охраняют это место.

— Эти колдуны не изматывают вас? Вы можете поддерживать блокаду? — обратился к Узаре Темар.

— Пока мы работаем в пределах прямой видимости, мы для них недоступны, — заверил его Узара.

— Ветры все еще против Мьюрдарча, в каком бы направлении он ни пытался сбежать, — задорно сказала Ларисса.

— Те эльетиммы всегда работают только вместе, и это ограничивает их возможности. — Гуиналь оживилась. — Если они подойдут слишком близко, я предупрежу наших магов, чтобы прекратили чары.

Хэлис нахмурилась.

— А если они вдруг поумнеют и начнут работать по отдельности?

— По отдельности они будут уязвимы для меня. — Кажется, такая перспектива не вызвала у барышни восторга.

— Давайте посмотрим, что предложит Мьюрдарч, — сказал Темар.

Все направились к двери, Гуиналь — с огромной неохотой. Д'Алсеннен поспешил вперед — предупредить Дарни о том, что затевается.

— И на этот раз Ларисса останется с тобой, — закончил он, умышленно не реагируя на протест магини, раздавшийся за его спиной.

Ответ Дарни заглушил слова, которые сказал ей Узара.

— Вот и славно. — Здоровяк свирепо усмехнулся и проревел во весь голос: — Подъем! Первый корпус, заступить на стражу! Второй корпус — на тренировку с мечами! Если те ублюдки надеются прийти сюда, вы встретите их с клинком в руке.

Наемники Хэлис были ядром первого корпуса вместе с теми из рекрутов Сорграда, чье мастерство соответствовало их часто туманным утверждениям о боевом опыте. Деглейн и Минейр повели по одному отделению к мысам, где на верхушках деревьев теперь были устроены наблюдательные пункты с сигнальными огнями. Второй корпус собрался на пляже. На их лицах горело нетерпение. Мужчины Келларина были полны решимости затмить матросов, которые, в свою очередь, стремились улучшить мнение Хэлис об их фехтовальном искусстве. Когда команда «Ламинарии» поднимала паруса, Темар с растущей гордостью наблюдал, как его люди рубят, колют, парируют и делают выпады.

— Что ты думаешь? — спросил он Хэлис, когда командир наемников присоединилась к нему.

— Я хочу, чтобы они набрались гораздо больше опыта, прежде чем наступит решающий момент. — Хэлис бросила взгляд на Сатайфер. — И я хочу знать, какой такой стимул нашел сегодня Мьюрдарч.

Темар увидел на корме Узару и Аллин. Они разговаривали с Гуиналь.

— Как ты думаешь, сколько еще барышня сможет выдержать? — спросил он Хэлис, понизив голос.

— Трудно сказать, — откровенно призналась наемница. — У нее железная воля, это несомненно, но один сильный удар может разбить железо вдребезги. Все зависит от закалки.

Темара это совсем не утешило, но, продолжая скрыто наблюдать за Гуиналь, он немного взбодрился: часть напряжения покинула лицо барышни во время обсуждения чего-то важного с Узарой.

«Ламинария» отплыла, сигналив флагами кружащему «Урагану», что это — незапланированное плавание, а не ожидаемая смена. Большой корабль примирился с более долгим ожиданием, а «Ламинария» направилась к проливу между островами. Вскоре показался и медленно лавирующий шлюп Мьюрдарча.

— Мое почтение, мессир! — добродушно крикнул пират.

Темар слегка наклонил голову.

— Что тебе нужно?

— То же, что и раньше. — Выпрямившись в полный рост, Мьюрдарч стоял на корме в своем привычном наряде. — Канаты, паруса, гвозди и болты.

— Мы об этом уже говорили. — Д'Алсеннен попытался разглядеть, кого это два пирата держат на палубе одномачтового судна.

— На сей раз у меня кое-что есть. Я знаю, ты это захочешь. — Мьюрдарч кивнул своим подчиненным, и коренастый пират с густой бородой поднял несопротивляющегося пленника.

— Он должен стоять с непокрытой головой перед своим сьером, Грейк, — с притворным упреком сказал Мьюрдарч.

Пират стащил мешок с головы пленника.

Когда Темар увидел Налдета, он сделал над собой усилие, чтобы внешне сохранить бесстрастность.

— Я хочу получить всех моих людей сразу, а не по одному.

Лицо Налдета было покрыто грязью и синяками. Сквозь них проступала ужасающая бледность, вызванная страхом. Из всей одежды на нем болтались только рваные бриджи, подпоясанные обрывком ткани. Опухшие босые ноги изобиловали порезами, на руке гноилась алая рана. Он невольно съежился при неожиданном движении пирата Грейка, и у Темара защемило сердце.

— Ты хочешь одних больше, чем других. — Мьюрдарч кивнул другому пирату, и тот вывалил за борт содержимое ведра. Кровь и внутренности поплыли по волнам. — Мои друзья с севера хотят, чтобы я отдал этого парня им, — продолжал словоохотливый главарь. — Кажется, он один из ваших урожденных магов.

— Неужели? — Попытка Темара блефовать оказалась в лучшем случае тщетной.

— Любой, кого я не могу клеймить, испорчен колдовством! — рявкнул Мьюрдарч, прежде чем снова взял себя в руки. — Мои друзья с севера мечтают вывернуть ему голову наизнанку своими заклинаниями. Но я подумал, ты захочешь обменять своего парня на несколько уступок.

Он кивнул бородачу, который тут же ударил Налдета по почкам. У мага согнулись колени, и пират крепко завязал веревку вокруг его груди.

— Давай посмотрим, как дорого ты ценишь своих друзей. — В голосе Мьюрдарча звучала вкрадчивая угроза. Он посторожился, когда Грейк потащил Налдета на крошечный ют. Второй матрос бросил в море зловонное ведро крови и костей. Темар увидел острые плавники, рассекающие воду под кормой шлюпа, но это были не дельфины, фигурки которых резвились на корабельной резьбе.

— Акулы! — прорычала Хэлис рядом с Темаром. — Я слышала, что самые гнусные из пиратов обожают эту забаву.

Темные, зловещие силуэты скользили под поверхностью воды, исчезая, чтобы вновь появиться в тени кораблей, синесерые плавники возникали среди морской ряби, одни белые на конце, другие черные.

— Все, что я хочу, это заново оснастить корабль и получить твое письменное согласие на мое управление этими островами. — Мьюрдарч заговорил рассудительным тоном мирного человека. — Я могу быть весьма полезен тебе и твоим людям.

Д'Алсеннен откашлялся.

— Не в моей власти раздавать такие права.

Мьюрдарч прислонился к кормовым перилам, а Грейк тем временем привязывал свободный конец веревки, удерживающей Налдета.

— У тебя хорошие отношения с императором, и у тебя есть высокопоставленные друзья в Хадрумале. Если ты меня поддержишь, они не будут спорить с этим раскладом рун.

— У тебя преувеличенное мнение о моей влиятельности, — холодно возразил Темар. — Ни император Тадриол, ни Верховный маг Планир не признают мой указ по Сатайферу.

Мьюрдарч покачал головой:

— Но этот твой парень, который так отчаянно убеждал нас, что не стоит даже дерьма на моем сапоге, говорит, что император и Верховный маг предоставили тебя самому себе и не прибегут спасать ни его, ни кого-то другого. Значит, им не на что жаловаться, если ты распоряжаешься землей и торговлей так, как считаешь нужным. Особенно когда тебя вынуждают.

Темар уставился на главаря пиратов, решительно избегая взгляда Налдета.

— Нас не запугают подонки вроде тебя.

— Тогда у нас проблема. Вернее, у твоего друга. — Склонив голову набок, Мьюрдарч рассматривал мага. — На нем недостаточно крови, Грейк.

Бородач толкнул Налдета к своему главарю. Тот медленно, с нарочитой злобой достал кинжал и резкими взмахами нанес на голую грудь мага пылающие порезы. Налдет извивался, пытаясь уклониться от острия, но Грейк держал крепко.

— Возможно, Планир не вмешивается в дела Келларина, но причины вред одному из магов Хадрумала, и, клянусь самими ключами Сэдрина, он вмешается в твои! — яростно крикнул Темар.

По кивку Мьюрдарча бородач повернул Налдета, чтобы показать всем на «Ламинарии» наглую, с завитушками на концах, букву «М», вырезанную на груди мага.

— Если клеймо нельзя выжечь, его можно вырезать. — Мьюрдарч покачал головой. — И как я не подумал об этом раньше? Но тогда мы бы не раскрыли твоего чародея. Во всякой ошибке есть своя польза, как говаривал мой отец.

— Ты, скудоумное отродье поганой шлюхи! — крикнула Хэлис. — Если ты знал своего отца, то только потому, что он был посыльным в борделе.

Мьюрдарч игнорировал ее.

— Ну-с, начнем с высокой цены, и я буду сбавлять ее понемногу за каждый кусок, отъеденный от твоего человека? Нет. Давай поглядим, хватит ли тебе духу играть по-крупному, парень. Дай мне то, что я хочу, и ты получишь его обратно целым. Будешь упрямиться, и цена возрастет.

— Я не играю с тобой ни в какие игры. — Д'Алсеннен отвернулся от перил и увидел ужас на лицах Узары и Аллин. Гуиналь стояла между ними, в лице ни кровинки, глаза — словно черные ямы.

Отчаянный крик и плеск вынудили Темара повернуться обратно к шлюпу. Грейк бросил Налдета за борт, и маг, в панике озираясь, пытался идти по воде, хватаясь руками за грубые доски обшивки — новые ссадины и порезы добавляли в воду кровавый багранец. Хищные плавники, кружа, устремились к нему.

Бородач засмеялся, когда Мьюрдарч дернул веревку, завязанную под мышками Налдета, а потом и сам за нее ухватился.

— Осторожно, — предупредил главарь.

Остальные пираты выравнивали наклон шлюпа. Судя по лицам, им уже приходилось видеть эту игру.

Зазубренный плавник понесся как стрела, прямо на бьющегося мага. Плавник исчез под водой, и Налдет завопил от боли. Его истошный крик оборвался бульканьем — что-то рвануло беднягу под взбаламученную воду. Остальные акулы, толкаясь, сужали круги.

— Тащи! — Мьюрдарч вел себя, как заправский рыбак, забрасывающий удочку в мирный пруд. Он дернул веревку, и они вдвоем вытянули Налдета из моря. Маг повис, обмякший, с белого тела стекала морская вода. Одна нога была откушена прямо под коленом, и из рваного остатка хлестала алая кровь.

Потеряв свою добычу, тупая серая голова высунулась из воды, глаза как гагаты, в разинутой пасти ряды зубов ужасней самого смертельного капкана. Акула упала обратно в воду и, показав на мгновение белое брюхо, исчезла в опасных глубинах. Стрела, выпущенная без разрешения с «Ламинарии», ударила в воду и, бесполезная, поплыла прочь.

Налдет закашлялся, и его вырвало соленой водой. Грейк подтащил его к перилам. Маг уцепился за них, колотя в воздухе оставшейся ступней. К изумлению Темара, Мьюрдарч быстро завязал жгут вокруг кровоточащего бедра Налдета.

— Это может продолжаться долго, — уверенно заявил пират. — Ну, смотря как живо Грейк будет управляться с той веревкой. У нас был человек, который потерял обе руки и ноги и все еще был жив, верно, парни? — Он потрепал мага по мокрым и спутанным волосам, когда команда шлюпа покорно захихикала.

Хэлис сжала руку Темара.

— Прикажи, и я так утыкаю этого ублюдка стрелами, что им не понадобятся дрова, чтобы развести под ним погребальный костер!

— Мы можем убить их всех? — стиснул зубы Д'Алсеннен. — И кто займет место той помойной крысы? Скорее всего один из колдунов Илкехана. Мы поднимем ставки так высоко?

— Мы ведь хотим, чтобы Илкехан смотрел в эту сторону, верно? — Хэлис не испугалась.

Сзади Узара и Аллин что-то настойчиво шептали Гуиналь. Испытывают ли они такой же ужас от того, что делает Темар, как он сам?

— Предложений нет? — Мьюрдарч вздохнул с фальшивым сожалением. — Пора окунуть еще раз.

Грейк столкнул несчастного мага с перил, не обращая внимания на его отчаянные крики.

— Тогда действуйте как можно быстрее! — Гуиналь попятилась, концентрация искажила ее лицо, тогда как Аллин и Узара шагнули к перилам «Ламинарии».

В ясном голубом небе загромыхал гром, и копьё молнии зашипело в море у головы Налдета. Мьюрдарч онемел. Вторая слепящая вспышка, а затем третья прошили воду и разогнали акул. Мьюрдарч замахнулся на Темара своим окровавленным кинжалом, но никто не расслышал его угроз среди тревожных криков, когда море под пиратским судном начало вздыматься. Мьюрдарч со злобной гримасой вцепился в перила, только чтобы отскочить через минуту: золотая молния расколола дерево, освободив веревку, которая удерживала Налдета. Полированные фонари взорвались, осколки стекла изуродовали руки и лицо Мьюрдарча. Крича, главарь свалился в воду, но, хотя акулы уже сбежали, никто не бросил ему веревку.

Вялое тело Налдета поднялось из моря на полоске тусклого света.

— Аллин, скорее! — задыхаясь, крикнула Гуиналь.

Узара все еще занимался пиратами. Снова полыхнула молния, ее пылающее копьё разбило единственную мачту и превратилось в световые ножи, чтобы кромсать падающие паруса.

— Потопи ублюдков! — Хэлис подняла руку. Лучники на вантах ждали ее сигнала.

Узара нахмурился, сосредоточиваясь. Магический туман, подобный окровавленному шелковому газу, поднялся от враж-

дебного моря и стал сгущаться вокруг пиратов. В растущей панике они хлопали по кольцам, сжимающимся вокруг их рук и голов. Магия растворялась при их прикосновении, но через миг угрожающие усики вновь появлялись. Пираты визжали от страха.

— Стойте! Прекратите! — закричала Гуиналь, прижимая руки к вискам. Ее глаза оставались закрытыми, лицо еще больше побелело.

Налдет с глухим стуком упал на палубу «Ламинарии». Он был без сознания.

— Помогите мне, кто-нибудь. — Аллин стояла на коленях возле мага, ломая ногти на ужасно тугом жгуте. Отекшее бедро было темным от крови, контрастируя с его бледным, истощенным телом.

— Один выстрел! Заставьте их платить! — Хэлис махнула рукой.

В воздухе зашипели стрелы. Со шлюпа понеслись ругательства и крики — лучники попали в цель.

— Раз нет парусов, будем грести! Весла на воду! — Мьюрдарч был на палубе среди своих людей; он швырнул за борт чей-то труп, прежде чем схватиться за длинное весло. — Итак, тормалинский сьер, ты нарушил перемирие. — Мьюрдарч выпрямился, не опасаясь стрел. — Тебе придется многому научиться, парень, если хочешь, чтобы люди оставались тебе верны!

Опустив длинные весла в воду, пираты напрягали все силы, чтобы быстрее уйти от «Ламинарии».

— Ты первый предаешь доверие! — Ярость охватила Темара, и он не сразу понял, что говорит, как обиженный ребенок.

Мьюрдарч презрительно засмеялся.

— У меня целый частокол рабов и полный океан акул. Посмотрим, кто первый пресытится этой игрой! — Он отвернулся от Д'Алсеннена, чтобы помочь грести и подбодрить своих изнемогающих людей.

Хэлис мрачно смотрела, как они удирают к проливу между островами.

— Ты не можешь потопить шлюп? — резко спросила она Узару.

— Нет. Колдуны Мьюрдарча готовы атаковать в любой момент. — Узара посмотрел на Гуиналь, и та кивнула, плотно сжав губы.

— Мы должны доставить его на берег. — Аллин подняла глаза на Темара. Она положила культию Налдета к себе на колени и заматывала рваную плоть с зазубренной костью в полотно, оторванное от чьей-то рубахи. Осколки раздробленной кости мешали ей, кровь бежала меж ее пальцев и пачкала манжеты. Гуиналь села рядом, чтобы приподнять голову Налдета.

— Я могу вызвать нам ветер, — предложил Узара.

Барышня на минуту открыла глаза.

— Нет. Они ищут нас, используя все свое искусство.

— Возвращаемся. — Темар дал знак капитану «Ламинарии». — Как можно быстрее.

Узара свирепо уставился вслед исчезнувшим пиратам.

— Я бы истребил то разбойничье гнездо всеми средствами магии, какие только мог придумать.

— Помогите нам поднять его, — потребовала Аллин. — Осторожно. Не опускайте его ногу.

С помощью Гуиналь, державшей голову Налдета, и Аллин, которая заботилась об изувеченной ноге и оставшейся ступне, Темар и Узара внесли мага в кормовую каюту. Несмотря на их безграничную осторожность, от внезапного крена корабля все пошатнулось, из-под стиснутых зубов Налдета вырвался стон.

— На койку.

Темар и Узара положили мага, и Аллин начала снимать полотно, уже промокшее от крови, чтобы осмотреть рану. Потом снова закрыла ее легким слоем чистой ткани.

— Мы должны остановить кровотечение, а это придется делать горячим железом, — сказала она напрямик. — Я не

смею использовать магию, так как он — урожденный маг и терпит ужасную боль.

Приторный запах крови быстро заполнял тесную каюту. Чувствуя тошноту, Темар глотнул, но лучше не стало. Рот и горло казались сухими, сосало под ложечкой. В каюте потемнело: это Хэлис заполнила собой дверной проем.

— Я об этом позабочусь, — мрачно заявила она.

— А ты сможешь? — Темар взял испачканные повязки, которые протянула ему Аллин, и растерянно теребил их, не зная, что с ними делать. — Я имею в виду, что пираты ведь не смогли клеймить его.

Аллин погладила лоб Налдета.

— Пойди отыщи что-нибудь, что могло бы притупить боль — тахн, тассин, спирт. Спроси у матросов.

— Позволь мне это сделать. — Узара вышел вслед за Хэлис из каюты. Темар бы тоже ушел, но Налдет вдруг стал корчиться.

— Держи его! — в тревоге закричала Аллин, и Д'Алсеннен снова прижал плечи мага к койке. Глаза Налдета были закрыты, сжатые зубы оскалены, тяжелое дыхание скрежетало в горле. Пульс во впадинке у основания шеи бился часто и неровно. Темар держал мага, и жар обжигал его руки.

— Яблочное бренди. — Узара появился в дверях, протягивая темную бутылку, зашитую в кожаный чехол.

— Используй спиртное, чтобы очистить рану, — сказала Гуиналь из угла, где она стояла с невидящим взглядом, творя какое-то Высшее Искусство. — Если он его выпьет, это не оставит кровь. — Барышня повернулась к Узаре. — Колдуны пытаются прочесть намерения Мьюрдарча. Теперь, когда мы отступаем, они потеряли к нам интерес. Ты мог бы скорее вернуть нас домой с какой-нибудь маленькой магией, сотворенной прямо вокруг корабля. Но я не смогу тебя охранять, — предупредила Гуиналь, глядя на него огромными глазами, — если буду помогать Налдету выдержать боль прижигания.

— Узара знает кое-какие стихийные защиты против Высшего Искусства. — Аллин не отходила от Налдета, крепко

надавливая пальцами на культю, чтобы замедлить кровотечение.

Темар подвинулся ближе к двери и, когда маг выходил, успел глотнуть свежего воздуха.

Гуиналь ласково положила руку на лоб Налдета.

— Сосредоточься на моем прикосновении, на моем голосе. Позволь мне увести тебя от этой боли.

Изувеченный маг вздрогнул, но барышня не убирала своих нежных, неумолимых рук, наклоняясь ближе, чтобы шептать заклинания. Налдет всхлипнул где-то глубоко в горле, и его глаза закатились под дрожащие веки. Постепенно его затрудненное дыхание замедлилось, жесткое напряжение ушло из тела.

По лицу Аллин бежали слезы. Она раздраженно засопела, пытаясь вытереть щеку о плечо. Темар порылся в кармане и, найдя носовой платок, вытер ей лицо. Когда девушка благодарила его, он подумал, какой удивительно милой может быть ее улыбка.

— Осторожно, сзади. — Хэлис держала дверь каюты открытой, и корабельный плотник внес маленькую жаровню, крепко держа ее руками в толстых кожаных перчатках. За ним следовал его ученик, он тащил тяжелую сланцевую плиту.

— Положи ее тут. — Корабельный плотник установил жаровню на плиту.

— Я не знаю, какое железо вам могло бы понадобиться, сударыня, поэтому принес разное. — Парень положил клещи, щипцы, ломик и простую железную болванку в тлеющий уголь.

Аллин надела перчатку, протянутую ей учеником. Когда она взяла с углей железный брусок, его конец засветился белым жаром, до которого эта жаровня никогда бы не смогла его раскалить.

— Подержи ногу, — попросила она Темара.

Закусив губу, Д'Алсеннен встал на колени, чтобы как можно крепче зажать бедро Налдета. Аллин быстро открыла рану, свежая кровь текла из остатков порванной кожи, жеваных мышц и отломленной кости. Темар невольно отвел взгляд.

Он повидал достаточно боевых ранений, но это было страшнее: человек, жестоко покалеченный безмозглым морским животным.

Аллин наклонилась ближе, орудия толстым брусом с деликатностью изящного пера, порхающего по манускрипту. Налдет застонал, и Темар почувствовал, как бедро мага напруглось под его руками. Находясь так близко к Гуиналь, он всем своим существом ощущал, как барышня сражается с каждым порывом мага избавиться от этой пытки. Вонь горелой плоти атаковала ноздри Темара, щипала глаза, но он не мог отвернуться, чтобы не помешать Аллин и чтобы не встретить взгляд Налдета.

— Почти готово, — пробормотала магиня.

На второе прижигание понадобилась всего минута, но запах был не менее скверным. Чувствуя, что Налдет теряет сознание, Темар не удержался и зажал рукой рот.

— Он в обмороке. — Гуиналь попыталась встать, но ее ноги подкосились, и она упала бы, если б Д'Алсеннен ее не подхватил. Неожиданно для всех барышню начало рвать.

— Надо выйти на палубу. — Темар обхватил ее за талию. — Скорее.

На лбу Аллин выступил пот, но она решительно продолжала бинтовать культю Налдета чистым полотном.

— Чуть погодя.

Выводя Гуиналь на главную палубу, Темар вдруг осознал, что сам весь мокрый от пота и рубаха прилипает к спине. Лицо дворянки была пепельно-серым, но соленый ветер спас ее от рвоты.

— Вот что значит творить Высшее Искусство на воде, — слабо произнесла она. — Я только минутку отдохну и пойду назад.

— Он умрет? — Темар втянул глубоко в легкие чистый воздух и тоже избавился от тошноты.

— Прямо сейчас? Нет. — Гуиналь дрожащими руками пригладила косы.

— Тогда ты больше не станешь им заниматься, пока мы не окажемся на суше, — велел ей Д'Алсеннен. — Ты слишком себя изматываешь. Пусть поработают другие.

— Кто? Кто еще здесь есть? — Гуиналь впилась в него негодующим взглядом.

— Для борьбы с эльетимскими колдунами — никого, — резко ответил Темар. — Поэтому я не позволю тебе изнурять себя, ухаживая за Налдетом. Матросы и наемники и раньше лишались ног и пережили это без эфирного целительства. Уверен, Хэлис и мастер Джевон знают, что делать.

— Ты мне не позволишь? — От возмущения бледные щеки барышни порозовели. — Как ты намерен меня остановить? Какое право ты имеешь мне приказывать, если твоя бессердечность стоила бедному парню ноги?

— Моя? — изумился Д'Алсеннен.

— Ты мог бы получить его целым и невредимым! — Гуиналь обвиняюще ткнула пальцем в грудь Темара. — За несколько гвоздей и кусок парусины!

— И на этом бы все кончилось? — Он скрестил руки, чтобы не дать им волю и не оттолкнуть барышню. — Не будь такой глупой! Уступи однажды негодяю, и он вернется, требуя в два, в три раза больше.

— Какова цена человеческой жизни? — крикнула Гуиналь.

— Какой ценой станет довольствоваться Мьюрдарч, однажды обратив меня в бегство? — сердито парировал Темар. — Он хочет владеть этими островами, а на Келларин ему плевать с высокого дерева. Мы выстоим против него сейчас, или он сожрет нас с потрохами и выплюнет косточки.

— Это был трудный день для всех нас. — Узара сжал руку Д'Алсеннена, захватив его врасплох. — Почему бы вам не оставить этот спор для другого времени и другого места, не столь публичного? — Несмотря на мирные слова, голос мага был жестким от гнева.

Гуиналь неистово покраснела и отвернулась к морю. Ее напряженная поза выражала переполнявшую ее ярость.

Темар сделал глубокий вдох и медленный выдох.

— Что у тебя там?

Узара нес старую плетеную корзину со всяческими банками и бутылками.

— Похоже, половина матросов держит в своих сундучках какое-то всеильное средство, освященное усыпальницей, или целебную мазь с печатью Императорского аптекаря.

Барышня оглянулась через плечо.

— Ты знаешь, что в них?

Маг пожал плечами:

— Вообще-то нет.

— Я посмотрю, что из этого нам с Аллин пригодится. — Гуиналь без церемоний забрала корзину.

Узара пошел было за ней к каюте, но Д'Алсеннен схватил его за локоть.

— Это не я начал. Это Гуиналь.

Опять он говорит, как хнычущий ученик, зло подумал Узара.

— И что с того? — Маг был непреклонен. — Ты наш глава, ты должен подавать пример.

— Как уступать вымогательству?

Неужели никто не понимает его невыносимое положение? Темар покачал головой:

— Не важно. Я беспокоюсь о Гуиналь.

Узара немного смягчился.

— Мы оба беспокоимся, но барышня утверждает, что с ней все в порядке.

Темар с досадой махнул рукой:

— Она как лира, которую некий дурак настроил слишком высоко. Какое-то время мы будем слушать прекрасную музыку, но она может лопнуть без предупреждения, и тогда наш инструмент останется вообще без струн.

— Вернее, наш лук останется без тетивы. — Узара хотел пошутить, но потерпел сокрушительную неудачу.

— Адептов учат не допускать эмоции в свои заклинания. Гуиналь так эффективна в использовании Высшего Искусства, потому что хорошо умеет отстраняться от личных пережи-

ваний. — Помолчав немного, Темар продолжал: — Но, как всякая девушка, она иногда позволяет себе расслабляться, наслаждаться балами и флиртом. — И, наконец, спросил: — Ты ею не восхищаешься?

— Я питаю к ней глубочайшее уважение, — неловко пробормотал Узара. — У нее замечательный ум.

— Поверь, Гуиналь не только умная, она к тому же еще и женщина! — горячо воскликнул Темар. — О чем барышня, увы, забыла, и это лишь усугубляет положение. Ты, вероятно, единственный человек, кто может ей напомнить об этом и помочь немного расслабиться. — Он многозначительно посмотрел на мага.

— Ты предлагаешь мне бросить ее в ближайшую койку и взять ее, чтобы она стала более покладистой? — Узара был измучен смятением чувств.

Д'Алсеннен покраснел, но стоял на своем.

— Если потребуется. Только не говори мне, что ты не хочешь.

— Я скажу, чтобы ты не лез, куда не просят. — Узара погладил бороду. — Я спишу твою вопиющую бестактность на сегодняшние потрясения. И раз уж мы беседуем так откровенно, мессир, могу я посоветовать вам заняться своими собственными делами? — Он круто повернулся и исчез в кормовой каюте, не дав Темару возможности ответить.

Разговор мог бы пройти не столь бездарно, угрюмо подумал Д'Алсеннен. Нет, будь оно все проклято, кто-то должен достучаться до Гуиналь, и кому, как не Узаре, это сделать? Вон Хэлис разговаривает с мастером Джевоном. Может, присоединиться к ней? Поздравит его наемница за то, что не поддался Мьюрдарчу, или обвинит за увечье Налдета? Или она будет просто в ярости, что он не прикончил всех пиратов сразу, невзирая на переговоры? Сколько таких прегрешений запишет Рэпонин против имени Хэлис, когда ей придется давать отчет Сэдрину? Но, возможно, кисло подумал Д'Алсеннен, для наемников это не прегрешение.

«Ламинария» мчалась дальше, рассекая огромные валы, накатывающие с бескрайнего океана. Рулевой изменил курс — судно качнулось и вновь заскользило по волнам. Темар устоял на воду, отмечая каждый солнечный блик, сорванную ветром пену и мозаику света и тени на плотной голубизне. Как удастся птицам, беспечно плывущим на изменчивых гребнях, находить рыбу в этой необозримой пустоте? Они спят на воде или летят ночевать на сушу? Кто-нибудь когда-нибудь видел этих птиц, кроме нескольких человек, открывших те острова, затерянные в самом сердце океана?

Нет, решил Темар, он не будет думать о Сатайфере. Он сказал Гуиналь, что ей нужно отложить свои проблемы на какое-то время. Поэтому самое меньшее, что он может сделать, это последовать собственному совету. Но как найти ответ на угрозу Мьюрдарча? Никогда не тягайся с тем, кто сильнее, вот что всегда говорил его дед.

Чьи-то тихие шаги пробудили Темара от бесплодных раздумий. Рядом с ним оказалась Аллин, ее темно-коричневое платье промокло от крови и воды, на одном рукаве блестело жирное пятно от мази. Ее круглое лицо было печальным, в карих глазах стояли слезы, опущенные уголки рта дрожали.

— Я нужен? — спросил Д'Алсеннен, собираясь с силами.

Девушка покачала головой и помолчала с минуту, прежде чем ответить.

— Нет, Гуиналь и Узара сидят с Налдетом. — Она криво улыбнулась. — Они обсуждают магические теории, поэтому я решила подышать свежим воздухом.

— Магические теории? — Темар опешил.

Девушка-маг кивнула:

— Узара вспоминает какой-то старинный трактат, доказывающий, что стихийное родство — это продолжение пяти физических чувств в невидимые сферы природы. Они пытаются решить, есть ли какие-нибудь соответствия между этой теорией и доктриной о пяти умах, которая, по утверждению Гуиналь, лежит в основе Высшего Искусства. Узара всегда считал, что должно существовать какое-то фундаментальное

равновесие, на котором держится все. — Аллин явно скептически относилась к этой идее.

— Гуиналь нужно отдохнуть, а не ломать голову над загадками, — с досадой сказал Д'Алсеннен.

Короткий смех девушки удивил его.

— На самом деле мне кажется, что для них интеллектуальный спор — это желанное отвлечение от кровавой реальности, с которой мы имеем дело.

Тогда пусть спорят, подумал Темар.

— Как Налдет?

Аллин резко вдохнула и расправила плечи.

— Без сознания, но кровотечение остановилось.

— Ты спасла ему жизнь, — стремился утешить ее Д'Алсеннен.

— Пока. — Рот девушки сжался в скорбную линию, на глазах снова выступили слезы. — Все эти ошметки кожи и мяса... того и гляди, начнется зеленая гниль, и тогда он умрет за два дня. Мы должны удалить еще часть ноги, где-то до середины бедра, и найти достаточно кожи, чтобы закрыть культю. — Она изо всех сил старалась не плакать. — Налдет уже потерял так много крови, я не знаю, как он это выдержит. Но если мы промедлим, рана может загноиться.

Не зная, чем ее утешить, Темар просто обнял девушку и прижал к себе, чувствуя щекой ее гладкие, шелковистые волосы.

— Если б мы только могли доставить его в Хадрумал, — всхлипнула Аллин. — Но Гуиналь говорит, что колдуны следят, и мы будем рисковать, а больше всех — Налдет. Что я скажу Планиру, если он умрет?

— Почему Планир должен винить тебя? — Темар неловко нашарил свой носовой платок и снова вытер ей слезы. — Это я виноват, потому что не пошел на сделку с Мьюрдарчем.

Аллин вскинула голову, ее покрасневшие глаза широко раскрылись.

— Ты не мог ему уступить!

— Спасибо тебе за это. — Д'Алсеннен рассеянно поцеловал ее в лоб. — Я только надеюсь, что кто-нибудь еще с тобой согласится.

Девушка в порыве жалости обняла Темара за талию, согревая его.

— Я больше не играю в эту игру. — Появление Хэлис застало обоих врасплох. Аллин хотела отодвинуться, но Темар не отпустил, и она осталась в его объятиях.

— Мьюрдарч думает, что все руны в его руке, но я намерена испортить ему веселье. — Хэлис выглядела, как всегда, грозной. — Он не сможет мучить нас, убивая пленников, если мы их уведем.

— Но нам нельзя атаковать, пока Райшед и Ливак не убили Илкехана. — Темару едва удалось не превратить это утверждение в вопрос.

— Я совершу набег на их проклятый частокол, — с вероломной твердостью заявила Хэлис. — Мы освободим пленников и уведем их в лес. Это даст Мьюрдарчу и его проклятым колдунам новый повод для беспокойства; мы все равно сейчас бездельничаем, ждем, когда Грен всласть позабавится.

Темар вдруг сообразил, что никогда до конца не понимал, какие именно качества возвысили Хэлис до такого превосходства среди наемников Лескара.

РЕТТАСЕКК, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 6-е ПРЕДЛЁТА

— У этих людей странное понятие о съедобном, — прошептала я Сорграду. По времени суток это был завтрак, но он мало чем отличался от поданного накануне ужина. — Тебе не кажется, что вчера мы ели то же самое? — Возможно, Олрет считает себя господином всего, что он видит, но моя мать, простая экономка у зажиточного купца, не унизилась бы до того, чтобы подавать на стол вчерашние остатки.

— Маринованный мох? — Сорград невинно предложил мне миску соленых зеленых комков.

— Нет, спасибо. — Я потянулась за крошечными сладкими ягодами и покрыла их сверху чем-то похожим на густые сливки. А может, это был мягкий сыр, который, как это ни удивительно, не пах козой. — О, ты же не собираешься это есть!

Грен созерцал блюдо зеленовато-серых комков. Они показались мне неаппетитными еще до того, как я поняла: именно от них несет протухшим молоком вкупе с выгребной ямой чумного дома.

Горец поднял золотистые брови.

— Почему нет?

— Ешь, если хочешь. — Я взяла свою ложку. — Только отсыдь от меня.

— Ладно.

Прекратив меня поддразнивать, он оторвал ножку птицы, отдаленно напоминающей гуся. Я попробовала ее вчера вечером и, если б не сама ее отрезала, то поклялась бы, что ем рыбу.

— Где Райшед? — Шив отпиливал ножом кусок мяса, слишком темного и плотного для козлятины. Должно быть, это мясо какого-то морского животного, догадалась я. Возможно, трапезы проходили бы легче, если б я перестала все время гадать, что же такое я ем.

— Да вон он, как раз идет. — Я взяла хлеб, кивнув на дверь.

Хлеба было много, и если его зерно и структура были незнакомы, то по крайней мере вкус оказался узнаваемым.

Проходя сзади, Райшед коснулся рукой моего плеча и пододвинул табурет.

— Все это очень неофициально.

— По сравнению с прошлым вечером, — согласился Сорград, оглядывая длинный стол. Люди, которым нас еще не представили, собирались группками и, болтая, накладывали себе еду с выставленных мисок и блюд.

— О чем были все те сказания? — спросил Райшед.

Как почетные гости Олрета, мы высидели весь нескончаемый пир, устроенный вчера в нашу честь. Вечер завершился бесконечными декламациями, в которых звучали тяжелые ритмы древних Горных саг. Больше сотни людей Олрета набилось в зал, и все напряженно внимали, поэтому Сорград не захотел переводить.

— Как обычно, о духах и вирмах, — ответил Грен с набитым ртом.

— Одно предупреждало о путниках, которые появляются после заката солнца. — Сорград заглотнул прожеванное. — Это напомнило мне одно гидестанское сказание об Элдричских человечках, хотя здесь их так не называли.

— Передай, пожалуйста, воду, — задумчиво попросил Шив. — Джерис считал, что мифы об Элдричских человечках — это полузабытые сказания Народа Равнин.

Налив полный рог для мага, я и себе плеснула удивительно чистой на вкус воды.

— И какой из этого вывод?

— Еще один любопытный факт для ученых Ванама? — рискнул предположить Райшед.

— Было немало историй о здешней жизни эльетиммов. — Я вопросительно посмотрела на Сорграда.

— Которые подтверждают то, что говорил Олрет об отсутствии верховных владык, — кивнул он. — И, похоже, человек самого низкого происхождения может править здесь кланом, если убедит достаточное количество людей его поддерживать.

— Если у него кишка не тонка, — фыркнул Грен. — Половина тех историй рассказывала о смекалистом малом, который плохо кончает. Где тут веселье?

— Плохого и смелого изгоняют, если не хуже, тогда как кроткий и мягкий ест вдоволь и видит процветание своих внуков, — пояснила я Райшеду.

Он немного подумал.

— Значит, хотя теоретически любой мог бы возвыситься до главы клана, на практике здешние правители передают власть своим сыновьям?

— Вроде того. — Я нахмурилась. Моего знания Горного языка оказалось явно недостаточно. — Я не совсем поняла насчет дочерей, Сорград.

Согласно Горному обычаю, богатство их рудников и лесов всегда передавалось по женской линии, что имеет смысл, когда вы хотите сохранить такие ресурсы в семье. Всегда найдутся женщины, которые поручатся, что данный ребенок родился у данной матери, но попробуйте-ка отыскать независимых свидетелей зачатия.

— Судя по тому, что мне удалось разобрать, женитьба на дочери признанного клана, конечно, усиливает притязания на власть, но это не высеченный в камне закон, как традиция аниатиммов. — Сорград оглядчиво понаблюдал за людьми в зале, подходящими к столу и выходящими из-за стола.

— Им не нравится, когда их женщины становятся выше них, — заметила я. Несколько сказаний мимоходом упоминали жен, которые бросили своих мужей ради бесстрашного любовника и либо умерли от голода в изгнании, либо были зверски убиты своей родней.

Сорград все еще обдумывал вопрос Райшеда.

— Их сыновья восхваляют трудолюбие и послушание, но если ты не таков, пока ты побеждаешь, никто тебя за это не осудит. Последняя песня началась с женщины, которая не исполнила свой долг выбросить ребенка, рожденного у наложницы ее мужа. Мальчик выжил, рос диким и, наконец, вернулся из изгнания, чтобы сжечь дотла дом своего отца и убить всех внутри. Этот сын стал править, и никто не отрицал его право на власть — как по завоеванию, так и по крови.

— Это была та песня, которую Олрет оборвал? — спросил Шив.

Я кивнула:

— Наверняка потому, что на эту традицию полагается Илкехан.

— И нет ни верховного владыки, ни союза других правителей, чтобы сдерживать тех, кто склонен злоупотреблять своей силой. — Райшед скорчил гримасу.

— Обычно, если у двух вождей возникает спор, они приглашают третьего, который выступает как посредник, третейский судья, — мрачно сказал Сорград. — Но, кажется, эту традицию Илкехан уничтожил.

Мы умолкли, когда появилась служанка, чтобы собрать пустые тарелки и сложить недоеденные остатки на чистое блюдо.

Гулкий удар в двустворчатую дверь прервал общую трапезу. Вошел морщинистый слуга Мэдрор, размахивая своим посохом так, будто собирался кого-то ударить. За ним ступал испуганный стражник в мундире, который втащил приседающую от страха собаку. Пятнистое животное, выведенное для погони за дичью, судя по его длинным тонким ногам и узкой морде, имело жалкий вид. Припадая на палевый живот, оно вырывалось с поводка, душераздирающе подвывая, на месте одного глаза у него зияла кровавая впадина.

Взбешенный, Мэдрор закричал на служанку, и та бросилась наутек. И мы, и все остальные сидели в напряжении, захваченные врасплох таким поворотом событий. Некоторые слуги украдкой исчезли за настенными портьерами. Вскоре в зал вбежал Олрет в широких штанах и неподпоясанной тунике, обутый в домашние туфли из мягкой выделанной кожи, а не в свои гордые сапоги. Увидев пятнистого пса, он резко остановился.

— Это что такое? — процедил он с нарочитым спокойствием.

Запинаясь, Мэдрор что-то пролопотал в ответ, но я уловила имя Илкехана. Холодок пробежал по залу, словно кто-то открыл окно в пургу.

Олрет медленно проследовал через зал. Он обошел вокруг скулящей собаки и, наклонясь, посмотрел на ее крестец. Животное низко присело, поджав хвост. Разъяренный, Олрет схватил посох Мэдрора и ударил костяной палкой толщиной

с запястье по собаке, и все услышали звук треснувшего хребта. Животное взвыло от боли, не понимая, что происходит, задние лапы расползлись, кишки и мочевой пузырь опорожнились на пол. Его передние лапы царапали плиты, пока Олрет не обрушил ему на голову тупой конец посоха и проломил череп. Но этого оказалось мало. Он еще раз ударил жалкий труп, разбрызгивая повсюду кровь и мозги. Не жалея своих туфель, он снова и снова пинал разбитую кучу шерсти и костей, размазывая кровь по полу.

Я передернулась от омерзения, но не посмела отвернуться. Никто не сдвинулся ни на волосок, даже стражник с поводком, впивавшимся в его пальцы. Мэдрор стоял неподвижно, как статуя, и когда Олрет, отдуваясь, швырнул ему посох, старик не сумел его поймать. Тяжелая кость, тусклая от крови и грязи, с грохотом упала на пол. Олрет взглянул на своего слугу почти с той же ненавистью, какую он проявил к собаке. Мэдрор наклонился, чтобы подобрать посох, и даже с другой половины зала мы увидели на его лице страх.

Грен толкнул меня локтем и прошептал:

— Если это местный спорт, то меня он не вдохновляет.

Бой для Грена только тогда веселье, когда его противник понимает боль и осознает опасность, которая ему угрожает.

— Заткнись, — тихо приказал Сорград.

Олрет склонился над трупом пса и поднял его заднюю ногу. Не знаю, что наш хозяин там увидел, но он медленно кивнул. Злополучный стражник отпрянул в ожидании удара, ибо Олрет резко повернулся кругом, но господин просто зашагал обратно через зал, и его лицо казалось высеченным из камня. Мягкая испачканная обувь подвела его, и, поскользнувшись, Олрет едва не упал. Никто даже не выдавил улыбку, когда он остановился, чтобы снять туфли и идти босиком.

— Вы, ступайте со мной. — Олрет поманил нас окровавленным пальцем.

Лакей подскочил к двери, едва опередив своего хозяина, и распахнул ее. Мы бросились вслед за Олретом: перешагивая

через ступеньку, он стал подниматься по главной лестнице замка. Вместе с Мэдрором, наступающим нам на пятки, мы миновали этаж с отведенными нам комнатами и, не передохнув, поднялись на следующий. Олрет свернул в коридор и остановился перед массивной дверью.

— Илкехан послал мне ту собаку в качестве подарка для моего сына. — Эмоции сорвали холодную маску с его лица. — Они встретились на нейтральной земле в Равноденствие, чтобы договориться об условиях перемирия. Если б они не встретились, Илкехан мог заявить о своем праве делать что угодно. А теперь посмотрите, каким Илкехан вернул моего сына.

Он открыл дверь и поманил нас в комнату с закрытыми ставнями, богато обставленную по местным меркам. Вдоль одной стены стояли сундуки, вдоль другой — стулья с подушками и рядом кровать с вышитым пологом. Неподвижная фигура лежала в кровати под легким одеялом. Парень был ровесником Темара, а может, чуть младше. Трудно было сказать наверняка из-за повязок, скрывающих половину его лица. Хорошо были видны только соломенные волосы. Желтоватое пятно проступало на бинтах в том месте, где, вероятно, находилась глазница, пустая, как у той собаки. На табурете у окна, где щели в ставнях пропускали достаточно света для шитья, сидела женщина. Она посмотрела на нас настороженно. Олрет подозвал ее повелительным жестом. Медленно, с явной неохотой, сиделка откинула одеяло. Под мягкой шерстью парень лежал голый, не считая повязок на его паху, которые были испачканы кровавыми выделениями. Теперь я поняла реакцию Олрета на собаку.

Жалкая фигура на кровати пошевелилась. Нянька снова укрыла парня, а Олрет вытолкал нас из комнаты.

— Я не знаю, чего желать: чтобы он жил или чтобы он умер, избавленный от осознания таких увечий. — Олрет говорил так, словно каждое слово было для него пыткой. — Мне невыносимо видеть, как он на меня смотрит.

— Поэтому Илкехан и не забрал оба его глаза. — Холодная ярость душила Сорграда.

За все годы нашего знакомства я могла бы сосчитать те разы, когда видела его в таком состоянии, на пальцах одной руки. Я видела и кровавые последствия. Люди не понимают, что в действительности Сорград гораздо опаснее брата. Грен всегда действует импульсивно. А Сорград тщательно продумывает, какое увечье он собирается нанести.

На лице Райшеда застыло невыразимое отвращение.

— Такие злодеяния остаются безнаказанными?

Олрет посмотрел на Сорграда и Шива.

— Вы правда убьете Илкехана? Вы готовы отдать жизнь, чтобы это сделать? Если я помогу, вы скажете ему в конце, что мстите за моего сына?

— Я вырежу имя парня у него на лбу, — пообещал Сорград.

У меня екнуло сердце, так как это не было пустым хвастовством.

Олрет целую минуту смотрел ему в глаза, затем кивнул с удовлетворением.

— Вырежь «Аретрин», до самой кости.

— Возможно, Лесное знание облегчит боль твоего сына, — подумав, предложила я. Халкарион помоги мне, если есть какое-то заклинание, чтобы избавить парня по крайней мере от предсмертной агонии, я должна попробовать.

— Я нападу на один из форпостов Илкехана, чтобы вы могли незамеченными добраться до его земель. — Олрет игнорировал меня, обращаясь к Сорграду, Райшеду и Шиву. — Идемте, я вам покажу. — Он зашагал по коридору к противоположной лестнице.

Я не сдвинулась с места, чтобы посмотреть, какой будет реакция. Никакой. Грен стоял рядом, наблюдая, как остальные уходят.

— Мы — лишние ослы в этом караване мулов. — Он не казался огорченным. — Приятно знать, что у этого Олрета столько же поводов ненавидеть Илкехана, как у нас.

— Хм-м. — Я не была так оптимистична. — Может, Олрет его спровоцировал. Что посеешь, то и пожнешь, в конце концов.

— Ты ему не доверяешь, — заметил Грен с жадным любопытством.

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Не знаю, с кем мы имеем дело, а это всегда вызывает у меня беспокойство. Помнишь ту историю с Кордайнером?

— Нашему хозяину определенно есть что скрывать, — согласился горец. — Ты видела те ворота на лестнице?

Я что-то упустила?

— Нет.

— Сюда. — Грен повел меня обратно на главную лестницу. Металлические ворота, прочно врезанные в камень и запертые на первый приличный замок, попавшийся мне на этих островах, преграждали поворот на следующий этаж. — Как ты думаешь, что он там прячет? *

Внизу на лестнице появился стражник в мундире и уставился на нас с нескрываемым подозрением. Я твердой рукой повернула Грена, и мы пошли мимо стражника вниз. Я одарила его успокаивающей улыбкой, но в ответ получила лишь недоверчивый взгляд исподлобья.

— Что теперь? — надулся Грен. — Я не собираюсь сидеть и скучать, пока они суетятся над картами, тактикой и всем прочим.

Я тоже не жаждала больше терпеть пренебрежение Олрета и уже придумала, как лучше провести время.

— Почему бы нам не узнать, что эти люди думают о своем господине? Если они его любят, возможно, нам стоит ему доверять.

— Откуда начнем? — услужливо спросил Грен.

— Посмотрим, чем все так заняты.

Я повела своего друга через главный зал. Во дворе замка было пусто, если не считать нескольких стражников, которые упражнялись с деревянными палками, обшитыми кожей, чтоб

не раскололись. О дефицитном дереве здесь хорошо заботились.

— Они отлично двигаются, — отметил Грен тоном зна-тока.

— Должно быть, их начинают тренировать с колыбели, — проворчала я.

Даже без поддержки Высшего Искусства любой эльетимм-ский боевой отряд был грозным противником, в чем мы уже убедились.

Мы прошли через главные ворота, и никто нас не остано-вил.

— Посмотрим, что привезли лодки? — предложил горец с живым интересом.

На причалы выгружали полные корзины блестящей рыбы, каждая рыбешка — с кисть длиной. Потом их вываливали серебристыми потоками в длинные корыта, где матери и баб-ки ловко потрошили их ножами. Мальчишки, едва доросшие мне до плеча, тащили корзины выпотрошенной рыбы к дру-гому ряду корыт, где девушки всех возрастов отмывали ее до-чиста. Некоторые насвистывали и напевали бодрые мелодии. Я лениво подумала, а нет ли в этой музыке какого-нибудь Высшего Искусства, чтобы люди работали, несмотря на уста-лость и скуку. Меня бы это не удивило, я знала об эльетимм-ской бессердечности. За девушками четверо утрюмых стари-ков укладывали мытую рыбу слоями в бочки, добавляя горсти соли и пряности. Рядом стоял бондарь, готовый их запеча-тать.

— Рыба на всю зиму, — промямлил Грен без энтузиазма.

— Для здешних обитателей этого больше чем достаточно.

Никто из них даже не приостановил работу, чтобы на нас взглянуть.

— Ты же слышала, что говорили вчера. Есть фермы, раз-бросанные по всему острову. — Грен пожал плечами. — И все посылают людей, чтобы помочь во время путины.

Такие деревенские заботы никогда не волновали меня. В Ванаме я покупала рыбу, соленую или вяленую, у тех торгов-

цев, которых моя мать поддерживала деньгами своего хозяина. Иные извлекали немалую прибыль из той торговли. Мы с Греном наблюдали за работой островитян, и бесконечные вопросы донимали меня. Люди Олрета действительно питаются всеми плодами своих трудов? Где он достает пряности для рассола? Я съем одну из тех рыбешек сырой и прямо с костями, если где-нибудь на этих островах растет перец. Коли на то пошло, где он взял все это дерево для бочек? Похоже, Олрет чересчур скромничает насчет своей торговли с миром за этими бесплодными скалами. Неудивительно, что он жаждет видеть Илкехана мертвым, если этот ублюдок топит корабли, кроме своих собственных, рискнувшие выйти в океан. Это меня слегка успокоило. Обычно я доверяю мотиву, который можно оценить в деньгах.

Грен закашлялся.

— Пойдем куда-нибудь, где не так воняет.

За участком для потрошения и засолки мужчины и женщины нарезали более крупную рыбу на длинные полосы мастерски отточенными ножами. Мальчишки постарше вешали их вялиться на ветру, а дети помладше собирали выброшенные головы и раскладывали их для сушки. Уже проявленная рыба была сложена под тяжелыми камнями, и последняя влага медленно вытекала, образуя на утоптанной земле рыбную пленку, которую жадно лакали кошки, так и норовящие подкрасться ближе.

Одна молодая женщина увидела, что я смотрю на рыбы головы, и прервала работу, запястьем смахнув с лица белокурый локон, выбившийся из-под туго повязанного головного шарфа.

— На зиму, для коз.

— А, понятно. — Тогда у них даже молоко отдает рыбой.

— Вы гости?

— С запада. — Грен просиял, явно восхищенный ее стройной фигурой под грубым, испачканным солью лифом.

Женщина бы еще поговорила, но умолкла после резкого упрека старухи, сидящей дальше на каменной рабочей ска-

мье. Грен поклонился старой карге, но она была занята своим филе.

— Ты бы лучше сдерживал свое обаяние, — посоветовала я, когда мы зашагали к дальнему краю поселка.

— Как ты можешь об этом просить, когда вокруг столько прелестных женщин? — запротестовал он. — И очень мало мужчин.

Грен был прав.

— Все ловят рыбу? — предположила я.

— Не в это время дня. — Грен покачал головой. — Давай узнаем, нет ли ответа у этих красавиц.

Мы дошли до высокой ограды. За ней был загон все с теми же неуловимыми козами. Меня удивило, как терпеливо они стоят, пока девушки вычесывают зимний пух из их густых шуб, наполняя корзины мягкими клубками спутанного шерстистого волоса.

Полногрудая девушка выпрямилась, разминая спину, и застенчиво улыбнулась Грену. Две другие взглянули на него с любопытством.

— Добрый день.

Грен положил руки на стену, а сверху уместил подбородок.

— Я вам не помешаю?

Пожилая женщина, возможно, мать девушек, стоящая на страже их интересов, оценила его почти так же, как сортировала мотки козьей шерсти.

Я улыбнулась ей.

— Из этого выйдут чудесные мягкие одеяла, верно?

Будь я козой, она бы ни за что не угостила меня рыбьими головами. С другой стороны, Грен у всех работниц снискал одобрение.

— Попробуй что-то выведать без меня. — Я хлопнула горца по плечу, говоря на уличном жаргоне Селеримы. — Встретимся чуть позже в замке.

Грен кивнул, не сводя глаз с девушки, которая, наклонясь вперед, выбирала листья из лохматой челки козы. О, как про-

стодушно предлагала она ему прекрасный вид в вырезе своей сорочки!

— Мы здесь для того, чтобы заводить друзей, а не детей, — напомнила я ему.

— Я буду целомудрен вроде служанки без приданого... пока не узнаю, каким бывает наказание за маленькую шалость с девушкой, — добавил он с хитрой улыбкой.

Я толкнула его в грудь.

— Я сама была служанкой без приданого и знаю, что это за целомудренность.

— Я не собираюсь бросаться на первую же девицу, которая состроит мне глазки, — запротестовал он. — При таком большом выборе!

— Ладно, увидимся.

Зная, как Грен наслаждается флиртом, я решила вернуть-ся раньше, чем он будет готов рискнуть всеми нашими шеями ради белых ляжек какой-нибудь девицы.

Как только я отвернулась, девушки разом заговорили. Пока Грен не выпрыгнул из штанов, у него есть прекрасная возможность многое узнать об этих местах.

За навесами для коз оставались только пруд и дамба. В середине каменной плотины стояло крепкое здание с узкими окнами, и, подойдя ближе, я поняла, что это мельница. Занятые делом мужчины, которые не любят, когда им мешают, — вот все, что я там найду. Где же мне отыскать кого-нибудь небесполезного, вроде скучающих стражников, готовых сыграть в азартную игру и посплетничать?

Я лениво побрела обратно к замку, миновала прачечную с открытым фасадом, которая одновременно служила баней. Женщины колотили грубую неотбеленную ткань, наполняя лохани из горячего источника, бьющего из земли. В общем и целом, я бы предпочла таскать дрова, чтобы вскипятить воду, нежели опасаться, что земля расплавится подо мной. Тут же девушки без стеснения мылись после потрошения рыбы, поливая друг друга водой и намыливаясь чем-то похожим на обрезки жирной шкуры. Грен не слишком обрадуется, что

пропустил такое зрелище, но, учитывая, как эти люди одержимы чистотой, он быстро наверстает упущенное.

Неподалеку сидели другие девушки. Они хихикали и болтали, расчесывая на солнце влажные волосы. Я думала присоединиться к ним, но они наблюдали за юношами, которые боролись на гладком участке высушенной солнцем глины. Парни были только в коротких набедренных повязках, чтобы соперник не мог ухватиться за одежду. Еще у них имелись пояса на талии, соединенные плетеными кожаными ремнями с кожаными полосками вокруг каждого бедра. Кажется, целью было свалить противника с ног за эти плетеные ремни. Я постояла минутку, оценивая игру и игроков, но решила, что девушки мне не обрадуются.

Затем я услышала торопливо подавленный смешок откуда-то из-за прачечной. Делая вид, что небрежно прогуливаюсь, я обогнула здание и оказалась во дворе, где сохли рубахи и одеяла, хлопая на ветру. Я нырнула под мокрую ткань и обнаружила кучу детей, увливающих от своей работы. Одни кидали шишковатые кости от хребта какой-то здоровенной рыбыны в начерченный на земле круг, другие перебрасывались репой, утыканной перьями. Все посмотрели на меня с живым любопытством.

Я дружески улыбнулась.

— Добрый день.

— Как тебя зовут? — спросила бойкая девчушка со вздернутым веснушчатым носом и темными глазами, говорящими о смешанной крови в ее родословной.

— Ливак. А тебя?

— Глиффа, — быстро ответила она. — Ты не отсюда.

— Нет, не отсюда. — Я неопределенно махнула рукой в сторону моря. — Мой народ живет в лесу, где много деревьев, и все они выше, чем ваши дома. — Это должно заинтриговать юнцов — на их родине деревья редко вырастают выше колена.

— А как ты здесь оказалась? — Глиффа явно была из любопытных детей, которые вечно задают вопросы.

Я пожала плечами:

— Хотела увидеть море.

— Что с твоими волосами? — заинтересовался маленький мальчик. Сам он был подстрижен так коротко, что его волосы казались просто золотым пушком.

— Ничего. — Я села скрестив ноги. — Они всегда были такого цвета, как и у всего моего народа.

— Ты джебедим? — подозрительно спросил ребенок.

Вчера вечером я уже слышала это слово. Я покачала головой.

— А кто они такие?

— Джебедимы живут в западных землях. — Одна девочка, постарше, наклонилась ближе, чтобы изучить мои волосы и глаза. — На свету они выглядят, как настоящие люди. А в тени видно, что кожа у них голубая, а глаза черные, как у животного.

Младшие дети, которые заметно нервничали, расслабились после ее авторитетного объяснения.

Итак, Сорград был прав. Я снова улыбнулась.

— Мы называем их Элдричским Народцем.

— Ты их видела? — В голубых глазенках стриженного парня плескался благоговейный страх.

— Никто не видел уже давным-давно. — Я успокаивающе покачала головой. — Мы рассказываем о них сказки. Хотите послушать одну?

Все жадно закивали.

— Жил-был охотник по имени Марсайл. Погнался он как-то за зайцем в земляной форт Элдричского человечка. Элдричский человечек встретил его со всем радушием и преподнес своему гостю подарки.

Историю о Марсайле я готова рассказывать даже во сне, и для детей я выбрала тот вариант, который слышала в детстве от своего отца. Вариант, полный чудесных вещей, вроде листа, который заставлял рыбу выбрасываться из воды, когда Марсайл бросал его в пруд, и цветущей ветки, которая защищала его от всякого огня, даже от дыхания дракона. Моей же

любимой вещицей был кошелек, призывающий деньги в компанию к любой монете, которую клал в него Марсайл.

— Когда наступил вечер, Марсайл сказал Элдричскому человечку, что должен вернуться домой к своей жене. — Я понизила голос и наклонилась вперед. Дети бессознательно сделали то же самое. — Элдричский человечек рассердился. Он сказал, что преподнес эти подарки только потому, что думал, будто Марсайл женится на его дочери, и, по правде говоря, она была писаной красавицей.

Версии, которые я узнала позже, расписывали прелести Элдричской девицы в выражениях, которые решительно не годятся для детей, а также уточняли, что именно сделал с ней Марсайл, чтобы Элдричский человечек так разгневался. Я перешла к тому месту, когда Марсайл отчаянно торговался за свою свободу.

— Наконец Элдричский человечек согласился отпустить Марсайла, но, — я предостерегающе подняла палец, — только если он останется на одну ночь, а Элдричский человечек пойдет в дом Марсайла и возьмет, что захочет, взамен подарков, которые он ему подарил. Поскольку подарок, как всем известно, нельзя отобрать.

Дети понимающе кивнули. Очевидно, сие правило действует даже на этих нищих землях.

Я рассказала им о лихорадочной ночи Марсайла, как он страдал, не зная, чего может лишиться, а не о том, как он забавлялся с Элдричской дочерью, согласно версии пивных. В некоторых историях Элдричский человечек позволял себе такие же вольности с женой Марсайла. В тех историях незадачливый муж вернулся и обнаружил, что вместо каждого часа, проведенного им в земляном кольце, прошел год, и последним подарком Элдричского человечка был выводок черноволосых ребятишек у его очага и жена, которая с тех пор сжигала еду Марсайла, тоскуя по своему волшебному любовнику. Но и та сказка была не для детей. Они нуждались в воодушевляющем финале.

— Когда небо начало бледнеть, Элдричский человек вернулся и велел Марсайлу уходить. Он предупредил его, что спустит собак, если Марсайл не перейдет реку до рассвета. Марсайл побежал, но заря уже занялась, а до реки было еще далеко. Позади он услышал вой и топот бегущих лап. — Я забарабанила ладонями по бедрам, и малыши задрожали. — Марсайл побежал изо всех сил, а лай неумолимо приближался. Что-то схватило Марсайла за плащ, но он не посмел оглянуться. Он сорвал с себя плащ и бросил собакам, слыша, как они остановились и начали его рвать. Но вскоре Марсайл снова почувствовал за собой их ледяное дыхание, поэтому он бросил им свою сумку, потом куртку. Он опустошил свои карманы, он потерял лист, он потерял заколдованную ветку и волшебный кошелек, но когда солнце взошло над восточным краем земли, Марсайл достиг реки. Он бросился в воду и поплыл на другую сторону.

Дети испустили вздох облегчения.

— Он выбрался из реки и только тогда оглянулся. — Я помолчала, глядя на внимательные лица. — Огромные черные псы рыскали на том берегу. Глаза у них были белые как снег, и иней капал с зубов, застывая сосульками. — Я откинулась назад. — Затем солнце растопило их в дым.

Дети радостно закричали и захлопали, но, как всегда, среди моей публики нашелся один, менее благодарный.

— Они все равно не смогли бы до него добраться, — с уверенностью и презрением заговорил старший мальчик, сидевший позади малышей. — Джебедим не может пересечь воду.

— Как же они тогда попали в Кеханнасек... — Девчушка спохватилась и виновато посмотрела на меня. Возможно, я рассказала хорошую сказку, но я все равно была взрослой, и, голову даю на отсечение, им не полагалось это обсуждать.

— Мы в безопасности, пока стоит харджирд. — Старший мальчик сердито посмотрел на нее. — Так сказал мой отец.

Я заметила, что он нервно перебрасывает из одной ладони в другую три конические раковины и красноватый камушек, величиной с горошину.

— Что это за игра?

— Просто ерунда для малышей. — Он хитро взглянул на меня. — Ты сможешь найти камень?

Я поджала губы.

— А это трудно?

— Легко, — заверил он меня со всем пылом прирожденного барышника.

— Ты не должен в это играть, — возразила какая-то девочка.

— Я никому не скажу, — ухмыльнулась я.

Парень свирепо посмотрел на ханжу.

— Мы играем только ради забавы. Это разрешается. — Но его ответ был слишком вызывающим для чистой правды.

Пусть малый думает, что мы не играем ни на что ценное. Довольная, я следила за раковинами под его быстро движущимися руками. Там, дома, мы делаем то же самое с ореховой скорлупой и горохом и называем это беличьей игрой. Я была на горсть лет старше этого парня, когда впервые научилась такому трюку. И я тренировалась, пока пальцы не сводило судорогой, когда поняла, что скитающаяся девушка без гроша в кармане должна выбирать между обманом и проституцией, а мне никогда не нравилась роль шлюхи. Я точно знала, где находится камушек парня, и безошибочно ткнула пальцем в соседнюю раковину.

— Здесь.

— Нет!

Ему надо будет научиться скрывать свое торжество, если он хочет заставить людей играть подольше, чтобы опустошить их карманы.

— Дай, я еще попробую.

Мы сыграли еще несколько раз. Я позволила парню выигрывать достаточно часто, чтобы внушить ему самоуверенность, но несколько раз, притворившись, что задумалась, указала правильно. Это подхлестнуло его желание доказать, что он может меня перехитрить. Остальные дети вернулись к своим играм.

— Как харджирд оберегает вас от джебедимов? Там, откуда я родом, ни одна сказка не говорит, как защититься от Элдричского Народца. — Я подняла раковину, открывая камешек. Это был второй раз подряд.

Парень сжал зубы, твердо решив добиться превосходства так или иначе.

— Джебедимы живут за закатом, где нет ни света, ни воды, — надменно объяснил он мне. — Куда уходят мертвые.

Неплохое описание царства теней, куда, по утверждению набожных, попадают те, кого Сэдрин не пускает в Иной мир.

— И что?

— Мертвые имеют силу. — Парень говорил так, словно это было очевидно, и это соответствовало тому, что я знала о почтении Горных людей к костям их предков. — Харджирд связывает их силу с живыми. Пока у нас есть знание, чтобы использовать ту силу, джебедимы не могут причинить нам вреда. — Он взглянул на замок Олрета.

— И Олрет владеет этим знанием. — Я кивнула, словно парень говорил что-то, мне давно известное. В каком-то смысле так оно и было. Я подозревала, что Олрет имеет в своем распоряжении Высшее Искусство. — Но твоя подружка сказала, что в Кеханнасекке есть джебедимы?

— Так говорит мой отец. — От страха парень выглядел совсем юным. — Он говорит, что Илкехан использует их в своей армии, поэтому его никто никогда не побеждал.

— Но Олрет защищает ваш харджирд, а тот оберегает вас от всех опасностей, — напомнила я мальчишке.

Я не хотела, чтобы ему снились кошмары о злодеях. Наверняка они вызовут у родителей подозрение насчет того, с кем разговаривали дети. Я подняла раковину.

— Вот он. Теперь я поняла этот фокус.

Три — это волшебное число, и третий раз для парня оказался последней каплей.

— Я уже наигрался. Меня ждет работа.

Он потопал прочь, слишком обозленный, чтобы беспокоиться из-за Элдричского Народца. Когда парень отбросил с

дороги простыню, я увидела маленькую девочку, которая сразу попыталась спрятаться.

— Убирайся! — Глиффа сердито махнула рукой на девочку. — Тебе нельзя сюда приходить.

Незванная гостя убежала, мелькая грязными босыми пятками. Меня поразила одна странность. На малышке была только рваная сорочка, тогда как остальные дети носили опрятные юбки или штаны. Воротники их грубых рубах и сорочек украшала любовно выполненная вышивка, а их ногам было уютно в облегающей обуви, похожей и на сапоги, и на чулки.

— Ты расскажешь нам еще одну историю? — робко спросила Глиффа.

Я улыбнулась ей.

— Может быть, позже. А сейчас мне пора идти. Друзья будут меня искать, и мне бы не хотелось причинять вам неприятности. — Я заговорщицки подмигнула Глиффе и быстро ушла, чтобы не потерять из виду маленькую оборванку.

Та стремглав бежала через мошечный неровными булыжниками двор, расположенный позади складов. Взрослые, занятые своими делами, не обращали на нее внимания, кроме одного мужчины, который замахнулся на девочку с угрозой. Малышка сжалась от страха и исчезла в задних воротах в стене замка.

Джалквезан в припеве из «Баллады о Вьенн и Оленихах» должен сделать меня невидимой, если я только смогу его вспомнить. *«Фэ дар аменел, сор дар редикорл»*. И верно, никто даже не взглянул в мою сторону, когда я молча побежала вдогонку за ребенком. Нырнув в ворота, я успела заметить, как девочка лезет внутрь через окно. Быстро прикинув, я поняла, что оно ведет на малую лестницу.

Когда малышка подтягивалась, сорочка задралась, и стали видны болезненно худые ягодицы и тощие ножки. Этот заморыш не ел досыта пахнувших рыбой птиц или мясистых морских животных, и то, что она влезла в окно, означало, что в мыслях у нее не было ничего хорошего. Бедный заброшен-

ный ребенок, все чем ей придется набивать свой живот, — это обида. Если б я смогла поймать малышку, возможно, я бы склонила ее к рассказу о кое-каких неприятных истинах.

Вокруг никого не было видно, но я все равно поддерживала чары, когда протискивалась в узкое отверстие. Было слышно, как девочка, запыхавшись, бежит вверх по лестнице, шлепая босыми ногами по камню. Она не остановилась ни на втором этаже, ни на третьем, продолжая подниматься выше. Я не отставала от нее — и вдруг шаги стихли. Прижавшись к стене, я посмотрела за угол. Ребенок наткнулся на еще одни железные ворота. Это была надежная преграда, если вы не настолько худы, чтобы протиснуться между прутьев. Я наблюдала, как малышка осторожно пробралась на другую сторону. Но не одна. При ней было какое-то толстое шерстистое животное. Девочка схватила его за ногу и, легко протащив через прутья, поволокла за собой. Потом остановилась, чтобы вернуть форму своему сокровищу, и, с пылким извинением поцеловав этого безымянного зверя, исчезла на лестнице.

И тут меня словно ударило по голове. Я уже видела то шерстистое животное и вспомнила, где именно. Тогда эта малышка едва ходила, но она несла его через коридоры дома Шернасекка, от которого теперь остались одни руины. Как же она выжила? Если ее спас Олрет, то он не слишком хорошо о ней заботится.

Что еще он держит под замком? Я крадучись спустилась на площадку этажа, где находилась комната изувеченного сына Олрета. В коридоре было пусто, поэтому я легко сбежала еще на этаж и нырнула в свою уютную спальню. На кровати не осталось никаких следов наших страстных ночных утех, все одеяла были аккуратно расправлены. Моя котомка висела на спинке, и волосок, который я оставила в пряжке как бы случайно защемленным, теперь был порван. Не важно, я не держу в ней ничего интересного или ценного. Я села на кровать и растянула сумку у себя на поясе. Там, в стежках внутреннего шва, была воткнута отличная стальная отмычка. Я тер-

пеливо выдвинула ее и засунула в ножны кинжала, пристегнутые на внутренней стороне руки. Я также вытащила пергамент с моими скудными знаниями Высшего Искусства и разгладила его. С пергаментом в руке и невинным лицом — одно лишь желание помочь, — я смело зашагала вверх по лестнице на следующий этаж. Вокруг по-прежнему не было ни души, поэтому, сунув пергамент в карман, я на цыпочках поднялась к воротам.

Через прутья мне было никак не протиснуться, поэтому я встала на колени перед запертым замком. Большинство замков на этих островах я могла бы открыть мокрой соломинкой, но этот был другим. Нашупывая потайную пружину, я спросила себя, где Олрет достал такую вещь. Вокруг было слишком мало металла, чтобы у какого-нибудь эльетимма появилась возможность настолько отточить свое мастерство. Не важно, этот замок был не таким сложным, как Горные замки, на которых обучал меня Сорград. Он поддался с тихим щелчком, и я тихонько пошла наверх.

Я поднималась, низко пригнувшись, чтобы первой заметить стражника на площадке. Однако там тоже никого не было, только противно воняло конюшней. Сморщив нос, я выпрямилась и неслышно пошла по коридору. Приоткрытые двери с обеих сторон вели в пустые комнаты с голыми стенами и выскобленными полами. Без мебели девочке негде было спрятаться, разве что за дверью, но малышка словно испарилась. Проверив все комнаты, я остановилась перед последней, закрытой, откуда и шло это зловоние. Замка в ней не оказалось, но дверь была заперта на засовы сверху и внизу.

Что там внутри, кроме маленькой девочки? Что бы это ни было, если Олрет запирает комнату, значит, там хранится нечто ценное. Я потянулась к верхнему засову и остановилась. Как ребенок вошел сюда, а потом запер за собой дверь на засовы? Нет, должно быть, малышка прячется на другой лестнице. Я опустила руку и уже собиралась отвернуться, как вдруг оба засова сами собой пришли в движение. Они плавно выскольз-

нули из скоб, и шеколда поднялась. У меня волосы встали дыбом.

Однако дверь осталась закрытой. Я сама должна решить, открывать ее или нет. Откуда появилась эта мысль? Я устала на голые доски. Могу ли я уйти и не узнать, что они скрывают? Любопытство привело Амит на виселицу, как любила говорить моя мама. Возможно. Но раньше это меня никогда не останавливало. Я толкнула дверь, и она распахнулась на смазанных петлях. Я едва не поперхнулась от зловония, которым меня обдало.

Эта комната была самой большой из всех, что я видела на верхних этажах замка, и в ней стояли клетки. На земле, столь бедной металлами, я обнаружила целое состояние. При виде таких капиталов торговцы у нас в Энсеймине задохнулись бы от жадности. Однако я не думала, что женщины, смотрящие через те решетки, ценят, что их окружает такое богатство. Их было шестеро: тщедушная старуха, две совсем молоденькие девушки и три женщины, примерно мои ровесницы. Одна из них держала у своих юбок девочку-беглянку. Судя по цвету волос и чертам лица, все были эльетимками, а их хорошо сшитые платья по местным меркам считались дорогими. Но эти платья болтались на них, слишком свободные в воротах и в талии. Лица у всех были изможденные, благоразумный тюремщик едва кормил своих пленниц, лишь не давая им умереть с голоду.

Малышка гладела на меня, обнимая свое шерстистое животное. Шалфейное платье ее матери было заношенным и помятым, подол испачкан калом, куча которого скопилась в одном углу ее тюрьмы. Неужели Олрет не мог дать своим пленницам даже ночной горшок? Или в этом весь смысл? Как можно еще больше унижить достоинство женщины? Под ногтями у всех чернела грязь, такая же грязь въелась в морщины на лицах и шеях, светлые волосы засалились. Им не на чем было сидеть, не было даже одеяла, чтобы смягчить железную решетку под ногами. Только грубая шкура с закрученными и привязанными в углах краями лежала под каждой клеткой,

чтобы испражнения не попадали на половицы и не угрожали потолкам внизу.

Я еще не решила уйти, но думала попятиться из комнаты, когда поняла внезапно, что не могу. Ничто не мешало моим ногам, но я точно знала, что способна двигаться только вперед. Женщины внимательно наблюдали. Бьюсь об заклад, одна из них использовала на мне Высшее Искусство, но, странно, я не чувствовала особой угрозы.

— Добрый день, сударыни.

Шагнуть вперед оказалось довольно легко, но я мгновенно поняла, что путь назад по-прежнему отрезан.

— Пожалуйста, не стой на пороге, — настойчиво попросила мать девочки. Ее тормалинский был так же хорош, как мой Горный, если не лучше.

Просьба показалась мне справедливой. Я сделала еще шаг, и дверь захлопнулась за моей спиной. Засовы с тихим скрежетом заперли меня внутри, когда старуха пробормотала быстрое заклинание.

— Кто ты? — требовательно спросила мамаша.

Если б меня заперли в вонючей тюрьме, я бы тоже не утруждала себя любезностями.

— Гостя, из-за океана. — Возможно, это просто детский миф, что, сообщая Элдричскому Народцу свое имя, вы даете им власть над собой, но я не стану рисковать в обществе незнакомых практикующих Высшего Искусства. — А кто вы?

— Я была женой Ашернана, господина Шернасекка. — Мамаша ни с кем не переговаривалась, даже если кто-то ей помогал. — Мы все из того клана: моя мать, мои сестры и их дочери.

— Я думала, это Илкехан уничтожил Шернасекк. — Я не уступала ей в прямоте, сознавая, что нас в любую минуту могут прервать. Тогда я окажусь в беде, но не стоит беспокоиться раньше времени.

— Илкехан с Олретом, твякающим у его пяток. — Бабка сплюнула от отвращения.

Одна из сестер села спиной к решетке, подоткнув под себя золотистые юбки.

— Что Эвадасекк видит, того он жаждет. Чего Эвадасекк жаждет, Кеханнасекк крадет. Что Кеханнасекк крадет, Реттасекк прячет. — Это неясное заявление на эльетиммском языке несло горький отзвук старой, признанной истины.

— Как вы здесь оказались? — спросила я хозяйку Шернасекка.

— Олрет выкрал нас из-под носа Илкехана. — Она презрительно махнула рукой на их смрадную тюрьму.

— Он предлагает нам выбор: брак с его кровью или эта грязь, — с усталым смехом пролаяла ее мать.

— Брак даст Олрету право на землю Шернасекка, равное праву завоевания Илкехана? — догадалась я, увидев двух девушек на выданье. Похищение невест — это давняя и бесчестная традиция в Лескаре, где ссоры из-за наследования тянутся от поколения к поколению, и не одна герцогиня давала свадебные клятвы с ножом у горла.

— Он получит право только после рождения ребенка, который соединит обе линии крови, — хмуро сказала другая сестра из своей омерзительной клетки. Она стояла, теребя зеленые юбки.

Госпожа Шернасекка улыбнулась.

— Он отрезал нас от дома и харджирда, но мы можем призвать силу из наших общих корней, чтобы править внутри этой комнаты.

Значит, это заточение может быть не столько изошренной пыткой, сколько предосторожностью.

— Это и то, и другое, — ответила женщина в зеленом.

— Ты читаешь мои мысли? — настороженно спросила я.

Она пожала плечами:

— Довольно простой трюк.

— Трюк, который Олрету не по зубам. — Бабка подошла к передней стене клетки, щуря глубоко запавшие глаза, окруженные паутиной морщин. — И это — вторая причина, по которой он держит нас в плену, рискуя вызвать гнев Илкеха-

на. Мы владеем всем, что осталось от знания Шернасекка, и Олрет дорого бы дал, чтобы добавить то знание к своему собственному.

— Мама! — запротестовала сестра в зеленом платье.

— Зачем скрывать? — вмешалась другая сестра. — Лишив Шернасекк нашей защиты, Олрет обрек наш клан на смерть под пятой Илкехана.

— Эта девушка не друг Олрету. — Старуха уставилась на меня. Я сомневалась, что с ее подслеповатыми глазами она способна видеть намного дальше своей руки, но что-то давало ей неуютно точную проницательность. Бабка хмыкнула с удовлетворением. — И ее друзья — тоже.

— Ты здесь с другими? — в первый раз заговорила одна из юных девушек, и неприкрытая надежда появилась на ее лице.

— Ты можешь доставить послание в Эвадасекк? — Женщина в золотистом с трудом встала на ноги. — У нас есть там родственные узы.

— Дачасекк поможет нам, когда они узнают, что мы еще живы, — настаивала ее сестра в зеленом. — Фройласекк тоже.

— У нас вражда с Илкеханом, — осторожно заметила я. — Не в наших интересах ввязываться в распрю, которая не имеет к нам отношения.

Как говорится, не зная броду, не суйся в воду.

— Олрет продаст нас Илкехану, если судьба повернется так, что ему это будет выгодно, или если наша выдача окажется единственным средством спасти его собственную шкуру. — Хозяйка Шернасекка посмотрела на меня, и я почувствовала, что ее слова — истинная правда.

Эти женщины имели какое-то мощное Высшее Искусство и, подобно Гуиналь, умели творить свои чары без постоянных заклинаний. Мне стало легче, когда они сказали, что Олрет не может залезть мне в голову и узнать, что я была тут, наверху. В их колдовстве не было жестокости, как в заклинаниях Илкехана, с помощью которых он измывался надо мной и другими. Но все равно ни одна из этих женщин не испытывала никаких угрызений, когда брала, что ей нужно, из моих

мыслей или навязывала свою волю моему телу. Что я слышала в их словах? Отзвук неопровержимой истины или коварную магию, убеждающую меня в их прямоте? Кажется, в эльетиммском Высшем Искусстве нет ничего из этических традиций Гуиналь; оно было или зверским, или коварным.

— Ты действительно говоришь честно? — Я подняла брови, глядя на хозяйку Шернасекка.

Она пожала плечами:

— Ты сама должна это решить.

— Когда решу, тогда вернусь. — Я повернулась, чтобы уйти, и обнаружила, что заклинание мне больше не мешает. Засовы отодвинулись по шепоту младшей девушки. Выскальзывая за дверь, я увидела в ее взгляде страдание, которое ее старшие родственницы отказывались признать.

Я быстро пошла по коридору. Женщины, хоть и в небольшом количестве, получают еду и воду, и мне бы не хотелось встретиться с тем, кто там ее приносит. Замедляя шаг на лестнице, я откопала пузырек духов в сумке на поясе и капнула немножко во впадинку на шее. Сильный аромат прогнал тюремный запах из моих ноздрей, будем надеяться, он перебьет и вонь, пропитавшую мою одежду. Затем я услышала шаги в коридоре на том этаже, где лежал в горячке сын Олрета. Сперва я застыла, потом бесшумно прокралась на площадку и, украдкой заглянув за угол, увидела сиделку. Она шла к противоположной лестнице. Я бросилась вниз, но услышала, что кто-то тяжело поднимается мне навстречу. Поворачиваясь, я выудила из кармана свой пергамент и пошла обратно наверх, словно имела все права находиться здесь.

Ответа на мой стук не было, поэтому я подождала у двери, когда вернется сиделка. Сын Олрета не соединит свой род с родом Ашернана. Очевидно, этого и хотел Илкехан, когда отрезал ему яйца, будто какому-то жеребенку, не годному на племя. Хозяйка Шернасекка знает, что случилось?

Расскажу ли я нашим о своем открытии? Как они отреагируют? Легко понять, что Грен, с его любовью к женщинам, это дело так не оставит. Он потребует, чтобы мы ворвались на

верхний этаж и освободили пленниц. Коли на то пошло, Сорград наверняка согласится с братом, и его будет трудно переубедить.

Райшед, вероятно, сочтет потерю даже такого неприятного союзника, как Олрет, слишком высокой ценой за свободу этих женщин. Наша цель — убить Илкехана, а не ввязываться в здешние конфликты. Пленницы свободно владеют неизвестным нам Высшим Искусством. Несомненно, Райшед сочтет это достаточным аргументом, чтобы не доверять женщинам и оставить их в нынешнем положении, по крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем, друзья они или враги.

Но Шив, конечно, станет доказывать, что нам пригодится любое эфирное знание, работающее на нас и против Илкехана. Маг будет не прав? Сможем ли мы обстряпать дело так, чтобы Олрет ничего не пронюхал?

На обратной стороне пергамента я записывала счет какой-то пустяковой игры в руны с Греном. Но что это за игра — трехсторонняя распря между Илкеханом, Олретом и хозяйкой Шернасекка, которая, похоже, заняла за столом место своего убитого мужа? Почему я должна доверять ей больше, чем двум другим? Если я сделаю ход, принесет он нам прибыль или нет?

— Что тебе нужно? — Это вернулась сиделка.

Я помахала пергаментом.

— У моего Лесного народа есть песни, чтобы успокаивать больных и раненых. — Я не собиралась заявлять об эфирных навыках, поскольку совсем не была уверена, что смогу помочь парню.

Женщина подумала.

— Только недолго. — Ее лицо ясно говорило: если я не принесу никакой пользы, то и никакого вреда от меня не будет. Все равно у ее подопечного было очень мало надежды.

В комнате по-прежнему царил полумрак, и кисло-сладкий запах гниения стал сильнее, чем раньше. Парень неподвижно лежал на спине, нездоровый румянец горел на его щеках под забинтованными глазами.

Я откашлялась и тихо запела. Гуиналь считает, что в припеве «Баллады об исцеляющих руках Мазир» спрятано Высшее Искусство. Я сама видела, как мудрая женщина Лесного Народа пела ее над полуутонувшей девушкой, которая поплавилась гораздо быстрее, чем имела на то право. Нянька села у окна шить, и я заметила, что она улыбается, слушая сказку о Кеспаре, который поспорил с Полдрионом, кто быстрее переплывет реку между этим миром и Иным: он — вплавь или Перевозчик — на своей лодке. Кеспар проиграл пари и заплатил собственной кровью, настигнутый демонами Полдриона. Мазир исцелила своего любимого травами и мудрыми словами, все это время поддразнивая его за глупость. Продолжая петь, я подумала, есть ли у этого мальчика кто-нибудь, кто любил бы и утешал его? Мы не увидели ни жены Олрета, ни других детей. Однако, как сказал бы Сорград, все это не наше дело. Последний припев я запела тише и совсем тихо закончила. Возможно, мне почудилось, но, по-моему, парень дышал уже не так быстро и отчаянно, и в горле у него не так хрипело.

Сиделка отложила шитье и пощупала лоб у больного.

— Спит, но ему полегчало.

— Может, он еще поправится, — предположила я, хотя, Сэдрин знает, я не могу представить себе мужчину, который наслаждался бы такой жизнью.

Женщина с сожалением покачала головой:

— Отрезав его от его будущего, Илкхар отрезал его от прошлого. Без благословения тех, кто ушел раньше, он недолго проживет.

Что я могла на это сказать!

— По крайней мере он узнает немного покоя.

— Тебе не следует больше приходить. — На лице сиделки ничего нельзя было прочесть.

— Хорошо. — Дойдя до двери, я обернулась. — Я не расскажу об этом. И ты будешь молчать?

Она кивнула.

Успокоенная, я оставила комнату. Так будет лучше для всех. Мне не хотелось объяснять Райшеду или Сорграду, что я сделала, когда сама не вполне понимаю, почему я это сделала. Кроме того, как, несомненно, скажут мне Сорград и Райшед, незачем Олрету знать, каким Высшим Искусством мы располагаем.

ГЛАВА 6

Ответ Гамару Тайлоту и его «Размышлениям о древних племенах», представленный Диалектической Ассоциацией города Врида Пайрипом Марном, ученым Ванамского университета

Гамар Тайлот вносит существенный вклад в дебаты ученых и любителей, напоминая нам о том, как много людей с Лесной и Горной кровью живет среди нас. Я допускаю, что мы слишком упорно стремимся найти заумные объяснения тайнам прошлого, тогда как страхи и желания, управляющие нами, могли бы оказаться более мудрыми проводниками. Несомненно, древние племена хотели того же, чего хотим сегодня мы: есть, растить детей и процветать.

Тем не менее я не согласен с ученым Тайлотом. Действительно, часть нашего населения имеет общее наследие с Лесом и Горами, но ни то, ни другое племя не исчезли в море общей крови. Я подозреваю, что все путешествия Тайлота совершались внутри библиотек, но редко происходили за их пределами. Я же извездил всю Старую Империю и встречал Лесные семьи, где дети изумленно взирали на мои карие глаза, ибо всегда видели только зеленые или голубые. Эти семьи живут мирной жизнью в глубине леса, где нет ни дорог, ни деревень, опираясь на знание своего мира, который нам, горожанам, не дано понять. Я поднимался на перевалы гор,

отделяющих Солуру от Мандаркина, и видел Горные кланы, которые почти не знают языков низменности и не интересуются нашим образом жизни, довольные своими обычаями и положением.

Будучи молодым студентом, я надеялся, что когда-нибудь отправлюсь в самый далекий край Далазора и найду черты Равнинной крови — смуглую кожу и коренастые фигуры — в каком-то изолированном кочевом клане. Увы, теперь я корю себя за подобные фантазии, и не потому, что верю легендам о Народе Равнин, ушедшем за радугой. Просто теперь я знаю, что жестокие когорты Старой Тормалинской империи слишком хорошо делали свое дело. Странно, что путешествия Тайлота по библиотекам не привели его к бесчисленным документам, свидетельствующим о борьбе непокорных земель с завоевателями Старой Империи. Мирный союз — это сказка. Нигде борьба не была более свирепой, чем на равнинах Далазора. Архивы Тормалинских Домов то и дело говорят о незнакомом племени, живущем за болотами Аста. Жители Каладрии и Лескара, привязанные к деревням и городам, возможно, сдались захватчикам, чтобы не остаться на пепелище, без крова и средств к существованию. Но пастухи между Далазом и Драксом могли исчезнуть вдали, когда бы ни наступали когорты, и вернуться под покровом ночи, чтобы напасть на своих мучителей.

Мы имеем обширные собрания дневников и писем, оставленных молодыми эсквайрами — командирами тех когорт. Все говорят о Народе Равнин как о совсем другом, не похожем на них народе. Многие рассказывают, будто они закутываются в тень, чтобы проходить невидимыми. Мы читаем о расстроенных планах, когда сведения, известные одному пленному, передавались его товарищам за пределами лагеря, давая им возможность ускользнуть от погони или предпринять упреждающую атаку. И наоборот, акты милосердия и доброты вознаграждались дарами. Невидимые руки приносили их людям во время охоты или купания, хотя те никому не говорили, где намерены охотиться или купаться. Эти реальные и, несомненно, пугающие случаи дошли до нас в виде детских сказок об Элдричском Народе. Даже самая изобретательная фантазия не могла бы создать такие леденящие истории без какого-то основания.

Поэтому я призываю не присоединяться к Тайлоту в игнорировании вопроса Высшего Искусства. Всесторонние исследования нашего уважаемого ментора Керана Тонина — лучшее руководство для тех, кто интересуется этой темой, но достаточно сказать, что меня убедили его доводы, будто эта древняя магия была известна всем трем племенам и неразрывно вплетена в их верования. Именно от них власти Тормалина почерпнули эти знания и использовали их в своих интересах. Теперь мы видим, что в конечном итоге та сила оказалась палкой о двух концах, так как ее утрата принесла беды императорам Тормейла на вершине их могущества. Для Народа Равнин она не стала спасением, но, бесспорно, послужила источником для мистических талантов Элдричского Народца.

Какое отношение это имеет к доводам Тайлота? Подумайте вот о чем: события последних лет побудили ученых Ванама пересмотреть наши ранние предположения. И они обнаружили эфирную магию, хорошо спрятанную от любопытных глаз, и у Горных Людей, и у Лесного Народа. Если мы, жители Энсеймина и других прежних западных провинций Старой Империи, действительно происходим от Народа Равнин, то почему в нашей памяти нет даже воспоминания о таком знании? Увы, я боюсь, что секреты магии Равнин развеялись по ветру вместе с кочевниками, павшими под тормалинскими клинками. И теперь, когда повторное появление Высшего Искусства сулит нам интригующие открытия, я, конечно, не единственный, кто оплакивает такую потерю.

РЕТТАСЕКК, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 7-е ПРЕДЛЕТА

— Ты или скучаешь, или что-то замышляешь. — Сорград заглянул в дверь и, обнаружив, что я сижу на кровати со скрещенными ногами, смерил меня подозрительным взглядом.

Я печально усмехнулась.

— Скучаю. — Я лениво играла сама с собой в руны. — Никто не горит желанием сплетничать со мной. — Я лезла вон из кожи, предлагая женщинам свою помощь после еще одного странного завтрака, но ни одна из обитательниц замка не удостоила меня и парой слов.

Я бросила палочки на кровать и по старой привычке сосчитала очки. Моя правая рука выбросила Тростник, Барабан и Куранты. Под господством Солнца они победили Рог, Со-сну и Море моей левой руки.

— Они просто ревнуют. — Грен выглянул из-за плеча брата. — Ты так ослепительно красива, а тут ужасно не хватает мужчин, — вздохнул он в притворном сожалении.

— Где ты спал эту ночь? — спросила я, убирая руны.

— Рядом со мной и храпел так, что весь замок трясся, — ответил Сорград с легкой злостью.

— Я мог бы подцепить пять хорошеньких девиц. — Грен покачал головой. — Но мой целомудренный братец велел не связываться с местным населением.

— Пять — это рекорд даже для тебя. — Теперь мы шли по коридору. — Почему такого коротышку встречают с распростертыми объятиями, будто мечту всей жизни?

Грен показал мне язык.

— Потому что они потеряли четыре корабля после Равноденствия, все матросы утонули, и все благодаря Илкехану, если верить разговорам у источника.

Я поморщилась.

— Значит, тут полно вдов и сирот.

— Истощить ресурсы Олрета как раз тогда, когда ему не хватает сильных рук, чтобы скосить сено и собрать урожай! — Сорград пожал плечами. — Илкехан не глуп.

— Будет глуп, когда умрет. У нас уже есть план? — жадно спросил Грен.

— Есть скалистый островок в северном конце пролива между этим островом и территорией Илкехана, — улыбнулся Сорград. — Раньше он принадлежал Реттасекку, и Олрет дав-

но хочет его вернуть. Он его атакует, когда мы поплывем на лодке к северному концу Кеханнасекка.

Я нахмурилась.

— Если я правильно помню карту, нам придется страшно долго идти пешком, к тому же по пустынной местности.

— По словам Олрета, летом центральные горы вполне проходимы, — беззаботно ответил Сорград. — В любом случае нужно дать Илкехану несколько дней, чтобы он отослал все свои отряды сражаться и оставил замок без охраны.

— Но как мы убьем Илкехана? — не успокаивался Грен.

— Сообразим по дороге, времени у нас будет достаточно. — Сорград бросил на брата пронзительный голубой взгляд. — Ты вечно забегаешь вперед.

И если мы разработаем план по дороге, подумала я, никто здесь не сможет выдать его, случайно или намеренно.

— Ты не вспашешь поле, перекапывая его в уме, — возразил Грен. Но он оставил эту тему, когда мы вошли в главный зал и увидели Олрета в компании Райшеда и Шива. Они сосредоточенно изучали карту, расстеленную на длинном столе.

— Я соберу людей и лодки здесь и здесь. — Олрет ткнул пальцем в пергамент. — Мы можем атаковать завтра.

Сорград переглянулся с Райшедом:

— Тогда мы уйдем сегодня.

Я нырнула под руку Райшеда и обхватила его за талию, когда он кивнул Сорграду.

— Намыленный — наполовину побритый.

Олрет нахмурился, очевидно, не поняв эту народную мудрость.

— Так скоро?

Райшед обнял меня, а потом наклонился вперед и провел пальцем по горам, которые образовывали хребет Кеханнасекка.

— Переход нам предстоит нешуточный. Чем больше времени будет в нашем распоряжении, тем лучше.

— Как долго ты намерен сражаться с Илкеханом? — спросил Сорград. — Если вы сгоните его с тех скал прежде, чем мы одолеем половину пути, тогда мы почти погибли.

— Или если он загонит твоих людей в заблуждение, — добавил Грен с участливым видом.

Олрет хмуро покосился на него:

— Нас не оттеснят.

— Тогда мы тем более должны быть готовы нанести удар как можно скорее, — твердо заявил Райшед.

Шив все еще изучал карту.

— Ты не мог бы послать несколько лодок ловить рыбу или еще что, когда мы отплывем? Они отвлекут от нас любопытные взгляды.

— Мэдрор договорится с рыбаками, пока ищет вам лодку и команду, — нехотя уступил Олрет.

Сорград покачал головой:

— Мы сами будем грести. Если нас поймают, мы будем рисковать только своей шкурой. Но если захватят твоих людей, Илкехан поймет, что ты нам помогаешь.

— Мы не хотим навлечь беду на твой народ, — серьезно молвил Шив.

Олрет скривился от обиды.

— Илкехан считает себя таким могущественным, таким недосыгаемым.

— Мы его разубедим, — жизнерадостно заверил его Грен.

— Мы заберем свое снаряжение, пока Мэдрор договаривается о лодке. — Почтительная вежливость Райшеда не оставила Олрету выбора. Он подозвал стражника, настороженно ждущего у дальней двери. К тому времени, когда мы уложили наши немногочисленные пожитки и вернулись в большой зал, Мэдрор уже ждал.

— Господин встретит вас у воды, — коротко сказал он, вручая каждому сверток из промасленной кожи. В моем оказался хлеб и сушеное мясо. Я успела туда заглянуть, когда Мэдрор вел нас к каменным причалам, где покачивалась на привязи безымянная лодка, обтянутая шкурами.

От дурного настроения Олрета не осталось и следа. Он ждал нас с улыбкой, хотя я подозревала, что она такая же фальшивая, как моя собственная.

— Вы так недолго были моими гостями, но знайте, я ценю дружбу, которую вы предлагаете, — довольно громко заговорил Олрет, чтобы слышали любопытные, приостановившие разделку рыбы. — Так как вы уезжаете, примите эти подарки в знак наших будущих надежд.

Райшед и Шив получили по браслету, сплетенному из полосок светлой кожи с нанизанными бусинами из темно-красного камня.

— Мы называем его кровью Мэвелин. — Олрет протянул такие же браслеты Грену и Сорграду. — В сказке говорится, что Мать порезалась, создавая эти острые горы. — Он хихикнул, и мы покорно засмеялись этой шутке.

— В нем есть какие-то свойства? — Я едва не сказала «Высшее Искусство», но вовремя спохватилась.

— Никаких, кроме его красоты. — Олрет казался озадаченным. — Но он теряет блеск, если не видит света, и мы считаем, что в этом камне заключено благословение Матери.

Для меня он приготовил кулон на кожаном ремешке и хотел надеть мне его через голову, но я не дала, протестуя улыбаясь.

— Можно посмотреть?

Никто не наденет мне на шею удавку, даже самую прекрасную. Я изучила красный камень, светящийся на ярком солнце. Зеленые и желтые прожилки дразнили взгляд, исчезая в глубине подвески, искусно вырезанной в форме закрытого бутона.

— Красиво. — Я надела ремешок на шею, сияя от благодарности.

— Нам пора отчаливать, иначе они уйдут слишком далеко, чтобы служить нам прикрытием. — Райшед указал на другие лодки, уже рассекающие воду. Все шли на веслах, только на одной, более крупной, был поднят квадратный парус из красной кожи. Они направлялись к темной линии песчаных отмелей и подводных скал в южной части пролива.

Последний раз поклонившись Олрету, мы спустились в лодку и заняли привычные места.

— Держи ближе к берегу, — приказал Шив, когда Райшед оттолкнул нас от причала. Сорград заскрежетал зубами и взялся за весло. Сидящий рядом Грен потянул второе.

— Не вините меня, если нас обгадят эти птицы. — Райшед осторожно повел лодку к нагромождению черных скал, усеянных гнездами крикливых пернатых.

Я помахала на прощание Олрету, который наблюдал за нами со странно голодным выражением лица.

— Прощайте! — пробормотала я. — Прощайте теплые ванны, чистые постели и еда, приготовленная чужими руками, даже если я никогда не пробовала ничего более необычного.

Грен засмеялся.

— Осторожно, поток из шлюзов! — предупредил Шив, когда мы проплывали мельницу наверху дамбы. Из ворот под ней вырывалась пенная струя.

Все замолчали, сосредоточив внимание на веслах, руле и напоре воды под тонким корпусом. Единственным звуком был ритмичный плеск весел.

Я обернулась — проверить, видит нас Олрет или нет. Убедившись, что не видит, я быстро сняла кулон.

— Не надо, — резко сказал Сорград, видя, что я собираюсь бросить его в море.

— Это единственная вещь, которую стоило бы украсть, — согласился Грен. — Больше здесь ничего ценного нет. Поверь мне, я смотрел.

— Я не доверяю Олрету и потому не доверяю его подаркам. — Я надеялась, что никто не потребует у меня объяснений. Я предпочла бы не усложнять дело рассказом о тех женщинах Шернасекка.

— Ты чувствуешь, что они заколдованы? — Райшед посмотрел на нос лодки. — Шив?

Шив огорченно покачал головой:

— Опять же — я не тот маг. Но я не ощущаю ничего неправильного, а я всегда это чувствовал, держа в руках келларинские артефакты.

— Они могут нести заклинание, которое поможет Олрету следить за нами, — предупредила я. — Или слышать, что мы говорим.

— Если здесь есть какой-то подвох, то, избавляясь от этих вещей, мы лишь дадим Олрету знать, что подозреваем его. — Сорград на минуту осушил весло.

— Возможно, он дарил их без всякой задней мысли, — заметил Грен, отдыхая вместе с братом.

Я уставилась на него с недоумением.

— И ты говоришь мне никому и ничему не доверять, пока Сэдрин не встретит меня у двери и не скажет иное?

— Я не должен доверять людям, чтобы брать их ценности, — беззаботно отмахнулся Грен. — Между прочим, эти штучки могут нам пригодиться, если понадобится кого-то подкупить, прежде чем мы разделаемся с Илкеханом. Лучше потратить богатство Олрета, чем свое.

— Мы спрячем их на дне сумки, — твердо решил Сорград. — Тогда его магия ни шиша не покажет, но Олрет не подумает, что мы презираем его или обманываем, избавляясь от подарков. Я их возьму.

Я повернулась к Райшеду, который смотрел невидящим взглядом, облокотившись на румпель.

— Райшед?

Мой возлюбленный улыбнулся.

— Я только что вспомнил, где видел этот камень. У одной из сестер мессира Д'Олбриота есть несколько украшений, доставшихся ей от тетки, принадлежавшей к одной из младших линий Дома. А та получила их от своей бабки или прабабки, которая вышла замуж в семью торговца, живущего в Черлите.

— Когда вернемся, поинтересуйся у своего Д'Олбриота, где именно торговала его родня и с какими из далазорских кочевых кланов, — посоветовал Сорград, опуская весло в воду. — Ну, куда мы направляемся?

— Отойдем от Реттасекка и, как только скроемся из виду, пересечем пролив, — сказал Райшед. — Будь я проклят, если потащу вас до того места, что предложил Олрет.

— Я тебя точно прокляну. — Грен посмотрел на моего возлюбленного. — Ты ему не доверяешь?

Всегда приятно, когда находятся люди, думающие так же, как я.

— Я не доверяю его рассуждениям. — Проверив ветер и волну, Райшед снова оперся на румпель. — Его маршрут займет слишком много времени. А я хочу покончить с Илкеханом как можно скорее.

— Если атака Олрета пойдет плохо, он просто выдаст нас, чтобы спасти свою шкуру, — заметила я. — Олрет обсуждал какое-то перемирие, когда Илкехан изувечил его сына.

Сорград скорчил гримасу.

— Даже если малый выживет, он наверняка потеряет и другой глаз. Я такое уже видел.

Воспоминание о парне, подвергшемся надругательству, породило долгое молчание. Мы медленно продвигались вдоль побережья Реттасекка.

— Вот самое узкое место в этой части пролива, — объявил Райшед какое-то время спустя. — Шив, возьмите с Ливак вторую пару весел и, ради нас всех, равняй свои гребки с ее.

Реттасекк протянулся в море длинным мысом из сплошных отвесных скал. На другой стороне едва виднелся далекий Кеханнасекк, его низкий берег прятался в туманной дымке. Я осторожно пробралась к носу лодки и присоединилась к магу.

— Я не дам нам перевернуться, — заверил меня Шив.

— Что мы обнаружим, когда высадимся, как вы думаете? — спросил Грен. — Вы верите, что у Илкехана есть Элдричские человечки, выполняющие его волю?

Я пожалела, что передала горцу слова детей.

— Давайте сперва благополучно доберемся до берега, ладно?

— Если духи тумана не схватят нас по пути, — хихикнул Грен.

— Что еще за духи? — возмутилась я.

— Они напускают туман и заманивают детей, козлят и глупых собак, — со смаком объяснил Грен. — А потом уносят их на спине северного ветра.

— Думаешь, у вас с эльетиммами много общих мифов? — задумчиво спросил Шив у горца. — Из детских кошмаров вышли бы отличные иллюзии. Они бы помогли нам расчислить путь отсюда.

— Дельная мысль, — одобрил Райшед.

— Что бы тебя испугало, Грен? — поинтересовалась я и тут же поправилась. — Что бы испугало нормальных людей? Горец засмеялся.

— Есть призраки. Они высасывают свет из твоих глаз.

— Призраки живут в темных норах, и их вполне можно избежать, — парировал Сорград. — Меня всегда больше тревожили гвелгары. Они создаются из грязи и травы, а это есть везде.

— Гвелгары разрывают злодеев на куски, — радостно сообщил Грен.

— Если кости предков дола чувствуют, что кто-то, виновный в смертельном преступлении, проходит через их пещеру, они вызывают гвелгара, — объяснил Сорград. — Он следует за виновным по пятам, и ничто его не остановит, ничто его не убьет, ничто не собьет со следа.

— А когда гвелгар убьет того, за кем охотится, он идет искать непослушных детей, чтобы хорошенько их отшлепать, — кисло добавил Грен. — Так говорила наша тетка Мов.

— Я никогда ее не любил, — заметил Сорград.

Я бы не назвала это развлечением, но у братьев имелся большой запас сказок о разных ужасах, таящихся в горных расщелинах, чтобы отвлечь наши мысли от изнурительной гребли. И все равно, к тому времени, когда мы достигли протяженного лабиринта соленых болот и коварных песков Кеханнасекка, мои плечи горели, а руки дрожали, с трудом удерживая весло.

Райшед осматривал берег в поисках сравнительно твердого места.

— Вон там.

Как только мы оказались на сером песчаном берегу, усеянном камнями, Сорград вытащил кинжал и прорезал дыру в шкуре корпуса.

— Брось ее плыть по течению, — приказал он. — Чтобы никто не подумал, будто здесь высадились люди Реттасекка.

Райшед ногой толкнул лодку в волны и успокаивающе улыбнулся мне.

— Мы уйдем с помощью магии или не уйдем вообще.

— Вперед. — Закинув за спину котомку, Грен уже направлялся в глубь острова к дюнам, поросшим пучками травы.

Не тратя дыхания на пустую болтовню, мы поспешили в укрытие дюн. Пески сменились узким пространством обсеянной травы, но, к счастью, все козы сгрудились в отдалении, где их вычесывали на лето. Я прошептала Лесное заклинание маскировки, и мы побежали по траве, чувствуя себя такими же уязвимыми, как вспугнутые зайцы, пока не добрались до враждебной пересеченной земли, раскинувшейся за пастбищем. Мрачные серые холмы встали со всех сторон. Не острые пики Реттасекка, а низкие бугры, выветрившиеся за бессчетные поколения холода и шторма. Каменистые осыпи испещрили полосами крутые склоны утеса, на который вела единственная тропка.

— Куда мы побежим, если на кого-то наткнемся? — Я скептически посмотрела на опасные склоны.

— Мы не побежим, — ответил Райшед, вытаскивая меч.

— Мы их уьем. — Грен с нетерпением устремился вперед, чтобы разведать путь.

К счастью, за весь нескончаемый день мы никого не встретили, только преодолевали каменистые поля, которые выворачивают лодыжки, огибали болота, способные поглотить лошадь вместе с телегой, и крались мимо нескольких пастбищ и клочков земли со следами плута. Мы поели на ходу, пока наконец эти странные, бесконечные сумерки северных земель не начали скрадывать мир вокруг нас. Тени собрались в оврагах и лощинах, под редкими тонкими деревцами сгустился мрак. Лавандовое небо просвечивало в разрывах туч, их скользящие тени обманывали глаз, и я могла понять, почему люди верят в существа Иного мира, использующие такую полутьму для прохода из своего царства в наше. Я даже

пожалела, что Грен не оставил при себе хоть несколько тех ужасных мифов, от которых кровь стынет в жилах.

— Вот хорошее место для ночевки. — Шив указал на купу низкорослых березок; под ними виднелась голая, сухая земля.

Сбросив свою котомку, Сорград порылся в ней в поисках еды.

— Давайте составим план до наступления утра, — предложил он. — Что-то более определенное, чем просто «убьем Илкехана». Все будет решать внезапность. Поэтому, если мы хотим войти и выйти живыми, мы должны точно договориться, кто что будет делать, дабы потом не тратить зря ни минуты.

Райшед лег на сухую землю и закинул руки за голову.

— Первый вопрос: как мы попадем в замок?

— И как мы узнаем, где Илкехан? — добавил Сорград. — Мы ведь не можем бродить по замку, стуча во все двери подряд.

Я похлопала сумку, в которой захрустел мой пергамент.

— Я могу использовать одно из Лесных заклинаний для поиска добычи, чтобы найти Илкехана.

— Ты уверена? — не удержался Райшед.

— Конечно, она уверена, и мы тоже. — Грен подмигнул мне. — Вера — это все в Высшем Искусстве, не так ли?

— Помните, что сказала Гуиналь о Высшем Искусстве и Илкехане? — Шив стоял на коленях у маленького родника; струйка, не успев далеко убежать, всасывалась обратно в иссохшую землю. — Чем более позорной мы сделаем его смерть, тем эффективнее разрушим силу, на которую полагаются те колдуны на Сатайфере.

— Унижение трупа можете предоставить мне, — с готовностью откликнулся Грен.

— Это безопасно пить?

Шив кивнул, я зачерпнула из родника горсть воды и с наслаждением выпила ее.

— Кажется, все знание и Высшее Искусство эльетиммов сосредоточены в харджирдах, этих каменных кругах. Мы могли бы снести круг Кеханнасекка?

— Это непременно нужно сделать, — согласился Сорград. Райшед сел и отыскал себе еду.

— Шив?

— Если мы найдем харджирд, я сумею его разрушить. — Маг вскинул руку с зажатым в ней ломтем хлеба. — Пока какой-нибудь эльетимм не начнет выцарапывать ум из моей головы.

— Значит, нам нужно прежде найти харджирд, а уж потом набрасываться на Илкехана. — Райшед поджал губы. — Как только он умрет, мы сбросим их священные камни.

Грен захихикал в предвкушении.

— Нас обязательно увидят, если мы будем все крушить. — Я мокрыми руками потерла лицо, чтобы смыть грязь, накопившуюся за день. — Все, что мы делаем, должно работать на нас. Помнишь, дети сказали, что Илкехан в союзе с джебедимами или Элдричским Народцем, кем бы они ни были. Можем мы как-то замаскироваться под мстительных духов? Если хорошенько напугать людей, они не станут нас разглядывать.

— И не догадаются, откуда мы приехали, — кивнул Райшед.

— Если люди примут нас за бессмертных, возможно, они не будут пытаться нас убить. — Грену понравилась эта идея.

— Главное, чтобы никто не бросился с ножом на мою спину, потому что в этом проклятом капюшоне мне ничего не видно, — с чувством сказала я.

Райшед озабоченно сдвинул брови.

— Проблема в том, что Шив не может творить иллюзии, пока Илкехан жив.

— Если мы найдем нужные растения, я превращу нас в черноволосых и голубокожих без всякой магии. — Шив захихикал. — Живя с Перидом, я столько узнал о красках и красителях, сколько нормальному человеку за всю жизнь не узнать.

Сорград засмеялся.

— Интересно будет посмотреть на лицо Хэлис, когда мы вернемся.

— Что мы ищем? — Грен отправился к ручейку и стал шарить среди растущей вдоль него зелени, словно огромный пес, вынюхивающий трюфели.

Шив встал.

— Попробуй найти флажник, а я поищу крапиву.

Он ушел и вскоре вернулся с целой охапкой бледных узловатых корней, на которых еще висели комочки темной земли, и зеленых стеблей.

— Осторожно с листьями, они жалят. — Он вывалил половину охапки мне в руки.

— Хорошо, что сейчас лето, — заметила я.

Райшед почесал затылок.

— Можно мне посмотреть карту, Шив, пока ты не начал раскрашивать нас как марионеток?

Маг бросил остальные корни на траву и вытер руки о бриджи, прежде чем вытащить сложенный пергамент.

— Мы в двух или трех днях пути от Илкехана. Но переход будет тяжелым. — Он поводил пальцем над тем участком карты, где мы остановились, затем легко коснулся места за маленьким замком — символом, которым Перид обозначил крепость Илкехана. — Здесь нас захватили в плен в прошлый раз.

— Место хорошее, есть где спрятаться, — вслух размышлял Райшед. — В тех холмах у самого берега.

Сорград подошел посмотреть.

— Нам нужна высота, чтобы наблюдать за стражей, по крайней мере в течение одной полной смены караула.

Появился Грен с пучком мокрых корней, и Шив торопливо убрал карту, дабы ее не намочили.

— Я готов сражаться с кем угодно в любое время дня и ночи.

— Мы знаем, — отрезала я. — Наберись немножко терпения. Для начала Шив должен раскрасить нас как Элдрических человечков.

Сорград с любопытством посмотрел на мага.

— И как ты собираешься это делать?

— У кого есть свеча? — Шив сел на корточки и начал строгать своим ножом крапивные корни на тонкие полоски. — И мне нужно что-то для воды.

Сорград вздохнул, извлекая из сумки на поясе маленькую серебряную чашу.

— Обычно я использую ее для вина.

— Что-то я его здесь не вижу. — Грен порылся в карманах и достал свечной огарок. Я нашла две короткие свечки в своей котомке.

Райшед протянул магу простой рог.

— Спасибо, — сказал Шив. — Полагаю, безопаснее использовать магию, чем разводить костер. Он потребует в десять раз больше времени. К тому же будут видны дым и огонь.

Мой возлюбленный нехотя кивнул.

— Пока Илкехан не подозревает, что кто-то на его острове творит магию, он не будет тебя искать, но чем быстрее ты закончишь, Шив, тем лучше. Мы все равно будем сторожить.

У меня в спине покалывало от страха, когда мы с Райшедом направились в разные стороны вокруг нашей уединенной лошины. Оглядывая узкое извилистое ущелье, мы напрягали слух, чтобы услышать шаги или тихий шепот в ступающих тенях. Я пыталась обуздать свою фантазию, но помимо воли снова и снова перебирала в уме разные причины, из-за которых наш сумасбродный план мог пойти насмарку. Да, ставки в этой игре высоки, очень высоки, но секрет победы в том, чтобы при каждом броске принимать руны такими, какими они падают. Вдобавок на моей стороне немало преимуществ: мозги Райшеда, магия Шива и способность братьев убивать без колебаний. И именно Сорград научил меня выигрывать, объяснив, что даже в самой пустяковой игре надо сражаться так, будто держишь пари с Полдрионом на плату за перевоз в Иной мир.

— Готово, — тихо позвал Шив.

При виде Грена, втирающего в лицо голубое свечное сало, я от души рассмеялась — в первый раз за этот день и изрядное количество прошедших.

— Думаете, мы введем новую моду? — Сорград стоял на коленях, наклонив голову, а Шив помаленьку лил ему на волосы черную жидкость.

— Оно легко смывается? — Я с подозрением макнула палец в дымчато-голубое сало.

— Не уверен, — откровенно признался Шив. — Не накладывайте слишком густо. Небольшого количества хватит надолго, а избытков у нас нет.

— Я намажу тебя, если ты намажешь меня, — сказал Райшед, зачерпывая немного сала в ладонь.

— Это лучшее предложение за весь день. — Я кокетливоostroила глазки.

Пальцы Райшеда нежно скользили по моему лицу, пока я в свою очередь наслаждалась ощущением колючей кожи на его сильном подбородке и гладкой — возле самых волос. Он коснулся губами внутренней стороны моего запястья, и мы тайком улыбнулись. Если это единственная близость, которую мы можем себе позволить, прежде чем рискнем своей жизнью, то извлечем из нее все что можно.

— Итак, мы наблюдаем за замком и выясняем, где Илкехан. — Сорград вернулся к планированию деталей нашей атаки. Он задрал голову, чтобы покрасить шею. — Как мы войдем внутрь?

— Через канализационные трубы и погреба, — предложила я. — Этим путем мы в прошлый раз убежали.

— Мы пойдем прямо к Илкехану и набросимся на него все сразу, — заключил Райшед.

Сорград кивнул:

— Пока он будет решать, кого из нас атаковать первым, мы успеем его убить.

Я невольно вздрогнула.

— Того, что было в прошлый раз, не будет, — пообещал Райшед, удерживая мой взгляд.

— Надо добавить немного черного цвета, когда станем красить кожу в последний раз, — внезапно сказал Грен. — Нанести его вокруг глаз, как делают Шелтии. — Его волосы были теперь черными, как полночь, а зубы — поразительно белыми на лице, которое по цвету напоминало сумеречное небо у нас над головой.

— Это ты здорово придумал. — Я и забыла, какой жуткий вид это придавало Горным практикующим Высшего Искусства.

— Интересно, что Шелтии знают о Народе Равнин и Элдрическом Народце, — размышлял Райшед.

— Спросим Аритейн, когда вернемся, да? — Я улыбнулась моему возлюбленному.

— Когда вернемся, — эхом откликнулся он.

— Кто будет покупать выпивку? — подбоченился Грен.

Ему даже в голову не приходило сомневаться, что мы выберемся отсюда. Я решила перенять его уверенность. Вера — вот что главное на этих островах, не так ли?

САТАЙФЕР, ЧАСОВОЙ ОСТРОВ, 7-е ПРЕДЛЕТА

— У тебя нет права запрещать мне идти с вами. — Темар молча проклял того бога, который сделал Хэлис выше него.

— Мы разработали план, и ты с ним согласился. — Командир наемников сидела на грубой скамье перед хижинкой и точила свой меч равномерными ударами оселка. — Менять коней на переправе — это быстрый и глупый способ утонуть. Да, Перид?

— наброски колдунов. — Художник помахал пачкой пергаментных обрезков. — Я сделал все возможное по описаниям Гуиналь.

Хэлис кивнула:

— Отдай их Минейру и Розарн. Если увидишь Веспрета, скажи, что он мне нужен.

Художник дурашливо отдал честь и неторопливо ушел.

— Если я пойду с вами, то смогу возглавить еще одну атаку. — Д'Алсеннен не собирался так легко сдаваться.

— Возглавлять атаки — не твоя работа, — отрезала наемница. — Ты больше не командуешь когортой, ты руководишь колонией.

— Если повести всех наших людей, мы могли бы сегодня же закончить это дело! — закричал Темар. — Убить Мьюрдарча — и готово!

— Ты забываешь о колдунах, — возразила Хэлис. — Мы ударим по частоколу и все. — Она приблизила клинок к свету костра и осмотрела лезвие. — Я бы голыми руками придушила Мьюрдарча за то, что он сделал с Налдетом, но всему свое время, мой мальчик. Сегодня ночью мы освободим столько пленников, сколько сможем. И пока те колдуны ищут свои сапоги, мы убежим. — Хэлис легко держала в своей широкой ладони рукоятку тяжелого меча, коим очень осторожно сбрила полоску в темных волосах на своей руке. — Как только Ливак сообщит нам, что Илкехан мертв, мы заставим и пиратов, и эльетиммов пожалеть о том дне, когда их дорожки пересеклись.

А если не удастся убить Илкехана? Темар пытался найти слова поделikatнее, чтобы задать этот вопрос без риска услышать отповедь, когда из хижины вышел Узара.

— Нельзя ли потише? — попросил маг. — Гуиналь очень устала. А вы со своими спорами не даете ей отдохнуть.

— Как Налдет? — поинтересовалась Хэлис.

— Спит. — Маг сам выглядел измученным. — По словам барышни, состояние такое, как и следовало ожидать. Если сможете выведать у нее побольше сведений, дайте мне знать.

— Пираты по-прежнему уверены, что ночью нам до них никак не добраться? — спросила наемница.

Узара кивнул:

— И колдуны тоже.

— Тогда Гуиналь лучше поспать. А мы тем временем докажем, что они ошибаются. — Хэлис вложила меч в нож-

ны. — Темар, скажи барышне, что она будет нужна нам свежей и полной сил, когда мы принесем назад раненых. Может, она прислушается к этому. Дарни!

Здоровяк-воин стоял на пляже недалеко от них, окруженный наемниками и матросами.

— Она говорит, что не может спать. У Налдета вот-вот наступит кризис. — Мысли Узары по-прежнему были в хижине с дворянкой. — Он потерял столько крови. Гуиналь беспокоится, что ей придется снова укреплять его сердце. Я мог бы это сделать с помощью магии, но барышня не позволяет мне даже попробовать.

Темар думал о своих обидах.

— Не понимаю, почему Дарни — единственный, кто может командовать вторым отрядом.

Маг не слушал. Он смотрел на Аллин, которая подошла к Дарни и Хэлис. Здоровяк вдруг засмеялся, а наемница почесала свои короткие волосы. Вид у нее был заинтригованный.

— Что они затевают? — Д'Алсеннен встал и бросился догонять Хэлис и воина, исчезающих в тенях за хижинкой. Узара последовал за ним.

— Проклятие! — Темар споткнулся о предательский корень.

Малая луна скрывалась в облаках вместе со своей большей сестрой. Первая только начала прибывать, вторая была на ущербе, и все вокруг тонуло в путанице теней.

— Я понимаю, что вы хотите атаковать в самую темную ночь, которая выдастся до Солнцестояния, но вашим бойцам темнота будет мешать так же, как врагу. — Невозмутимый голос Лариссы только подогрел обиду Д'Алсеннена на то, что его исключили.

— Мне некогда восхищаться умными магами, — предупредила Хэлис. — Сэдриновы потроха!

Темар испуганно замер. Узара тоже.

— Как вы это сделали? — робко спросила наемница через минуту.

— Сделали что? — с досадой воскликнул Узара, опережая сердитый вопрос Д'Алсеннена.

— Свет состоит из теплоты разных степеней. — В голосе Лариссы неудержимо звенела гордость. — Если ты видишь тепло...

— ...то ты можешь видеть в темноте. — Хэлис с нескрываемым удивлением закончила фразу за девушку-мага. — Сколько это длится и скольких из нас ты сможешь заколдовать?

Ларисса огорченно вздохнула.

— Полчаса, не больше.

— Мы можем заколдовать двоих или троих, — кротко предложила Аллин.

— Каждая из нас, — быстро пояснила Ларисса. — Считайте, горсть на двоих.

— Это лучше, чем проткнуть глаз острым сучком. — Смех заурчал в груди Дарни. — Калиону придется поднапрячься, когда вы, дамы, вернетесь в Хадрумал, или одну из вас назначат госпожой Очага в пределах года.

— Это была идея Аллин. — Однако Ларисса казалась довольной похвалой. — Когда мы решили не провоцировать Мьюрдарча, вышивая его колодцы.

— А Ларисса поняла, как ее осуществить, — уточнила Аллин.

— Нам нужно усовершенствовать эти чары для большей эффективности.

Облака немного рассеялись, и Темар увидел, что Ларисса помахала рукой.

— Узара, ты не сможешь?

— Как нам это использовать? — рассуждала Хэлис. — И что я могу видеть там, где есть какой-то свет? — Она направилась обратно к пляжу, окруженная магами.

Д'Алсеннен поспешил за ними.

— Вам понадобится заместитель командира, у которого зрение не изменено.

— Ты не идешь. — Дарни вытянул руку как шлагбаум, задерживая его. — Мы не можем допустить, чтобы ты погиб или попал в плен.

— Я умею сражаться, — возмутился Темар.

— Императоры падают лицом в дерьмо точно так же, как крестьяне. — Дарни твердо посмотрел на молодого дворянина. — Мы заменимы. Ты — нет.

— Долго ли продержится Гуиналь, если увидит, что тебя опускают к акулам? — Хэлис повернула за угол хижины и выругалась. — Проклятие, я вообще не могу смотреть в сторону костра. Боль дикая. — Она вытерла слезящиеся глаза.

— Стой спокойно. — Ларисса провела руками по ее лицу.

— Так-то лучше, — удовлетворенно хмыкнула Хэлис. — В нужном месте это могло бы дать нам выигрышную руну. Вы трое сумеете это сделать?

— Узара легко освоит этот фокус, — уверенно подтвердила Ларисса.

— Вы все уходите? — Темар обошел вокруг руки Дарни. — Но мне понадобится маг. Аллин может остаться здесь.

Пусть Ларисса, с ее плохо скрытыми амбициями, рискует своей шеей, но Аллин ему слишком дорога. Внезапное понимание этого факта ослепило Д'Алсеннена так же основательно, как свет костра слепил заколдованные глаза Хэлис.

— На этот раз нам нужны все маги, — сухо ответила наемница.

— Что, если вам понадобится связаться со мной? — возразил Темар. Может ли он как-то настоять, чтобы Аллин осталась на корабле, а не участвовала в самом нападении?

— Тебе придется рассчитывать на собственные силы. Просто будь осторожен, — урезонивал его Дарни. — Нам нужны маги, чтобы доставить нас на берег без огней.

— Есть одна вещь, которую ты можешь сделать для нас, мессир Д'Алсеннен. — Хэлис щелкнула пальцами. — Скажи им, зачем мы идем. Это работа сьера.

Темар собирался с мыслями: на него смотрели бойцы, стоявшие в строю среди костров на пляже. Заметив лицо Аллин,

светящееся надеждой и доверием, он понял, что должен найти слова, которые убедят этих людей сражаться с такой яростью, чтобы она вернулась обратно невредимой. Д'Алсеннен поклонился готовым ему внимать мужчинам и женщинам, наемникам, матросам и людям Келларина, золотистый свет пламени уравнивал их всех на фоне бархатной черноты моря и неба. Они поклонились в ответ, и молодой дворянин откашлялся.

— Я знаю некоторых из вас, а вы знаете меня, ибо вот уже несколько сезонов мы вместе работаем на благо Келларина. Но для многих имя сьера Д'Алсеннена мало что значит. Очень жаль, что до сих пор мне не представилась возможность пообщаться с вами. Простите меня. Мы постараемся исправить дело, когда вы вернетесь. Вы могли бы захватить сюда несколько бочек келларинского вина, которое похитили те воры. Всегда легче заводить новых друзей за кубком доброго вина.

По пляжу прокатилась волна благодарного смеха. Ободренный, Темар небрежно махнул рукой.

— Само собой разумеется, вам хорошо заплатят. Но все золото в мире не может купить жизнь, и именно за жизнь невинных в том мерзком частоколе вы должны сражаться сегодня ночью. Вы слышали, что сделали с Налдетом, и не потерпите, чтобы кто-то еще пострадал, как он, не так ли?

Суровый хор согласия ответил ему, и Темар увидел праведный гнев на лицах, окрашенный свирепым ожиданием.

— Помните, еще не пришло время заставить негодяев платить за их преступления. Оно наступит довольно скоро, не бойтесь. А сегодня ночью вы отнимете дубинку, которой эти подонки вздумали нас бить. Затем мы подождем, когда наши друзья в другом месте срубят подпорку их коварной магии. Как только она рухнет, мы отправим их всех к теням, и так быстро, что на пароме Полдриона будут только стоячие места. Сам Сэдрин заставит их тянуть жребий, чтобы решить, кого первым призвать к ответу.

Никто не засмеялся, поэтому Темар перестал изощряться в красноречии.

— Идите, заберите пленников и вернитесь сюда целыми и невредимыми. — Он пожал плечами. — Вы знаете, что для этого надо делать.

Его речь снискала ему горячую овацию и хлопок по плечу от Хэлис.

— Мы еще сделаем из тебя вождя, мой мальчик.

— Сначала перестань меня так называть, — резко ответил Д'Алсеннен.

— Это будет наш маленький секрет, — ухмыльнулась наемница без тени раскаяния. — Аллин, Узара, идемте.

Не оглядываясь, Хэлис зашагала по пляжу, ее отборный отряд собирался вокруг своего командира. Она перестанет называть Темара «мальчиком», когда он заслужит уважение в придачу к титулу, которым наградили его происхождение и случай. Нет, парень не так плох, подумала Хэлис, хотя романтическая жилка давно отправила б его в Иной мир в разгар свирепых лескарских войн.

— Над чем смеетесь, босс? — Минейр шел рядом с ней, остальные следовали сзади.

— Ни над чем. — Хэлис стерла с лица улыбку. — Мы готовы сеять боль и смерть?

— Без жалости и без пощады, — подтвердил Минейр. — Я должен был догадаться, что за мирную жизнь в Келларине придется платить.

— Убей каждого, до кого дотянется твой клинок, и мы все сможем к ней вернуться. — Именно на это была нацелена тактика Хэлис. — А ну, живее! — приказала она боевому отряду, подгоняя воинов к лодкам.

Капитан «Ламинарии» ждал на главной палубе, когда наемница поднимется на борт.

— Как близко я должен подойти к берегу?

— Мы скажем тебе, когда доберемся туда. — Хэлис проверила, надежно ли привязаны баркасы к корме «Ламинарии». — Дождись сигнала, затем подходи, чтобы нас забрать.

— Света мало, и вода черным-черна, — предупредил ее мастер Джевон.

— Это забота магов, — успокоила его наемница. — Узара, сюда!

Маг последовал за ней на палубу невысокого бака, где Хэлис нашла темноволосого мужчину с бухтой тонкой веревки в руках. Кожаные и костяные метки на ней обозначали разные отрезки длины.

— Джил, это Узара. Ладно, мастер маг, докажи, что эта ваша идея работает, прежде чем я рискну всеми нашими шеями, полагаясь на тебя.

Она кивнула Джилу. Матрос ловко бросил свинцовый груз, который держал над носом судна. Его пальцы машинально отмечали продвижение шнура.

— Мы имеем...

Хэлис взмахом руки заставила его замолчать.

— Узара?

Маг нахмурился:

— Под килем глубина в пять размахов рук. Дно здесь песчаное, но есть камни примерно с длину плута там. — Он указал в темноту. — И вон там.

— Джил?

— Так говорят карты, — подтвердил матрос, измеряющий лотом глубину.

— Мы еще сделаем из него лоцмана, а? — ухмыльнулась наемница.

— Эдак он и меня оставит без работы, — без особой радости заметил Джил.

Хэлис покинула мага — пусть успокаивает моряка — и спустилась в среднюю часть корабля, балансируя руками, когда корабль пришел в движение. Ее отряд собрался у одного борта, отряд Дарни — у другого. Хэлис прислушалась краем уха, как здоровяк разговаривает с теми, кто находится под его началом. Еще раньше, когда они с Дарни формировали свое пестрое войско в некое подобие корпуса, Хэлис с облегчением убедилась, что он хорошо обращается со своими людьми. Дарни был вежлив с несколькими женщинами, входящими в его группу, но никому не спускал нерадивость, из-за которой

мог пострадать весь отряд. Хэлис такую политику всецело одобряла.

Команда «Ламинарии», встревоженная опасностью ночного плавания, сновала вокруг них. Мастер Джевон, подболевшись, стоял на корме. Рулевой не отрывал глаз от своего капитана, ощущая через румпель каждое движение моря и судна.

— Это будет похоже на взятие того сторожевого поста? — озабоченно спросил молодой Глейн.

— Даже легче, если мы сохраним спокойствие духа, — бесстрастно ответила Хэлис. — Следи одним глазом за врагом, вторым — за твоими товарищами, а третьим — за Веспером.

Глейн нерешительно засмеялся:

— Я попробую.

— Ты знаешь, где находится третий глаз, парень? — Пейт точил меч, остро отточенный и сверкающий; последний резко контрастировал с небритым лицом и растрепанным видом своего хозяина.

Глейн озадаченно покачал головой.

Пейт с непристойной ухмылкой схватился за пах.

— У чего здесь есть один глаз?

— Думай тем, что у тебя между ушей, а не между ног, — перебила его Хэлис. — Рискнешь своей рукой, как ты сделал в Шарлаке, и я оставлю тебя на берегу.

— И пойдет наш Пейт обратно пешком, прямо по воде, — засмеялся Деглейн со своего места в тени грот-паруса.

Пейт насмешливо улыбнулся, но, прежде чем он открыл рот, Хэлис наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Не думай, что ты сможешь остаться и пойти в пираты. У меня есть кое-кто, готовый пустить стрелу тебе в голову, если я кивну. И тебе, и твоим закадычным друзьям.

Наемница наблюдала за ним с грозной улыбкой, и Пейт вдруг осознал, что люди, на поддержку которых он полагался там, в Келларине, разбросаны между двумя отрядами. Надежность исчезла с его лица.

Хэлис встала в центре палубы.

— Сегодня ночью мы нагоним на них страху. Сделайте это хорошо, и они сломаются как тростник, когда мы предпримем нашу главную атаку. Проверьте свое оружие и готовьтесь идти, как только мы прибудем на место.

Она направилась к укрытой части палубы прямо под ютом, где Розарн увязывала пучки стрел в промасленные кожи, чтобы защитить их от соли и сырости.

— У нас меньше пяти колчанов на лук, — предупредила арбалетчица, подняв глаза. — И меньше запасной тетивы, чем мне хотелось бы.

— Это набег, Роз, — напомнила ей Хэлис. — Мы не собираемся снова захватывать поле боя против герцога Парнилесса.

Розарн улыбнулась:

— Ему бы хватило здравого смысла, чтобы не сражаться в темноте.

— Дворянам полагается быть мудрыми. Это наемники безумнее бешеных псов. — Хэлис наблюдала за женщиной, проверяющей свой арбалет и стрелы. — Ты получила от Перида те портреты?

Розарн похлопала себя по нагрудному карману куртки.

— Мы узнаем их быстрее родной матери.

— Если получишь шанс, используй его, но не надо убивать их любой ценой. — Хэлис повысила голос, чтобы все лучники ее слышали. — У вас другая цель. Вы должны испугать их, чтобы эти мерзавцы не смели поднять голову, пока мы освобождаем пленных.

К ним присоединился Дарни.

— Все готовы?

— Вполне, — подтвердила Хэлис. — А твои?

Здоровяк кивнул:

— Опытные парни знают, что часть похлебки мы оставляем на другой день. Они не позволят новичкам сражаться насмерть.

— Главное, чтобы они приняли боевое крещение, прежде чем мы возьмем их в настоящий бой. — Хэлис оглядела корабль. Ее взгляд остановился на Узаре, который все еще находился на баке. — Насколько проще было сражаться без магии.

— Не вини магов, — усмехнулся Дарни. — Планир всецело стоит за простую жизнь.

— Дай мне знать, если у него получится, — сухо откликнулась Хэлис. — Я разолью этот секрет по бутылкам и буду торговать на ярмарках. — Где его любимое осложнение?

Дарни кивнул на кормовую каюту.

— Отдыхает, вместе с малышкой Аллин. — Квадратное лицо воина Хадрумала было непроницаемым во тьме.

Хэлис поманила его, и Дарни поднялся за ней на ют. Рулевой и мастер Джевон игнорировали их, всецело поглощенные своей миссией — безопасно провести корабль через темные воды.

— Как твой отряд? — тихо спросила Хэлис у здоровяка. — Против кого бы ты послал их? От кого бы ты бежал?

Дарни подумал немного, прежде чем ответить.

— Они бы выстояли в стычке с «Парнями Бревера», если б мы напали из засады. Но я бы не хотел встретиться с ними в боевом строю. И я бы первый бежал, если б мы столкнулись с Аркади или Уинальдом.

— Согласна.

То, что Дарни сражался в Лескаре по приказу Верховного мага, было для Хэлис второстепенным обстоятельством, пока их мнения совпадали.

Здоровяк разглядывал людей на главной палубе.

— У нас еще останется немного времени, чтобы их натаскать. Но я не думаю, что Сорград будет мешкать ради нашего удобства. — В голосе воина звучало уважение к горцу.

— Нет, не будет.

Наемнице хотелось в ответ соорудить гримасу. Она бы предпочла иметь при себе Сорграда в роли второго командира в этом набеге. Но, как говорится, на безрыбье и рак —

рыба. Кроме того, Дарни завоевал уважение Сорграда, когда они вместе сражались в Горах прошлым летом. Это сделало хадрумальца членом избранной компании.

Однако, признала Хэлис, если верность этого большого пса студентке хозяина приведет его к смерти, она не будет плакать из-за Дарни. А если он допустит, чтобы кого-то из ее людей убили ради этой девушки-мага, Хэлис срежет с него по куску шкуры за каждого из них. Во всяком случае, попытается. Сможет ли она с ним справиться? Женщина мысленно оценила длину его руки и ширину шага. Она давно не выступала против второго командира корпуса. Последний раз это было еще до того, как она сломала ногу.

Хэлис рассеянно потеряла бедро, ощущая, как всегда, небольшое утолщение сросшейся кости. Она была почти такой же калекой, как Налдет, пока Высшее Искусство не вернуло прежнюю форму ее искривленной и укороченной конечности. Несомненно, магия усложняет боевую жизнь, но нельзя отрицать ценность навыков — например, Гуиналь и магов, коли на то пошло. Если ей приходится снова браться за меч, то лучше ради такого дела, чем просто из-за какого-то сундука с золотом.

— Твоим знаменным сержантам ясны их задачи?

Дарни отвинчивал головку эфеса своего меча.

— Абсолютно. — Он вытащил монету из углубления в рукоятке и отполировал ее о свою куртку, прежде чем положить обратно. Потом ухмыльнулся наемнице. — Талисман от Стрелл, моей жены. А ты что несешь?

Хэлис коротко улыбнулась:

— Доброе точило.

Она вновь осмотрела свой отряд, с удовлетворением отмечая, что Минейр и Веспрет размещены так, чтобы усилить менее опытных парней вроде Глейна.

Корабль скользил по безмолвным водам. Все бойцы на борту погрузились в собственные думы. Когда на фоне звезд возникли темные очертания Сатайфера, все головы поверну-

лись к островам и бьющему в берег прибою. Матросы полезли наверх, чтобы свернуть паруса, и корабль замедлил ход.

— Как близко мы подходим? — спросил мастер Джевон у Хэлис.

— Следи за магом. — Она указала на Узару, стоявшего на носу плечом к плечу с Джилом.

Маг пристально смотрел на черное море под бушпритом, и весь корабль притих, наблюдая за ним. Рулевой с мучительной деликатностью поворачивал румпель при каждом движении руки Джила. Корабль подкрадывался все ближе и ближе ко входу в пролив, где притаились пираты. Зловещие острова сомкнулись по обе стороны «Ламинарии», затмевая те немногие звезды, что пробивались сквозь разрывы туч.

— Буди девочек, — тихо велела Хэлис.

Дарни бесшумно скользнул по трапу, чтобы вызвать Лариссу и Аллин. Они присоединились к нему на палубе — лица бледные в мимолетном проблеске скудного лунного света.

— Готовь лодки.

По ее приказу мастер Джевон шелкнул пальцами, давая сигнал боцману, и команда «Ламинарии» начала подтаскивать баркасы, которые следовали за кормой, как выводок утят. Тихое хлопанье и шуршание парусины над головой смешалось со сдержанным топотом по палубе: оба отряда начали спускаться по веревочным трапам и сеткам, спущенным матросами с обоих бортов. Только несколько произнесенных шепотом проклятий нарушили тишину, когда кого-то толкнули, и затем весла бесшумно погрузились в воду.

— До встречи, командир, — сказала Розарн.

Нагруженные стрелами и луками, лучники осторожно полезли в лодку, экипаж которой состоял из матросов с «Ламинарии».

Хэлис спустилась на главную палубу, где ее ждала Аллин, закутанная в темный плащ.

— Пойдем.

Она первой спустилась по трапу, готовая поймать девушку-мага, если та поскользнется: малейший переполох

был бы сейчас очень некстати. Когда они без происшествий оказались в баркасе, Хэлис поверх чернильной воды высматривала баркас с Дарни. Воин, словно гора, возвышался на носу, рядом с ним сидела Ларисса в капюшоне. Хэлис кивнула Минейру, и тот молча дал сигнал гребцам. Лодки поползли вперед, скользя кильватерной колонной. Тишина была дороже скорости. Дарни повел остальных на другую сторону пролива.

Медного цвета нить зажглась в черноте ночного моря, словно отблеск костра, горящего в самой воде, которая должна была полностью его убить. Нить вилась довольно далеко впереди, чтобы рулевой мог ее видеть. Аллин сидела рядом с командиром, ее круглое лицо было сосредоточенным и серьезным — направляющий свет вел их через усыпанные рифами тени сужающегося пролива. Хэлис рассеянно потерла бедро.

Весло проскребло по невидимой скале, и знаменной сержант торопливо проглотил упрек. Россыпь огромных камней, упавших с утесов, оказалась в воде. Словно тени, они скользили за бортом под прерывистым светом Большой луны. Хэлис сердито посмотрела на небо. Жаль, эти маги не могут придумать способ, чтобы призвать обратно облака.

Ветерок донес едкий запах сырой, обгорелой древесины, и Хэлис отбросила все мысли, кроме предстоящей ей задачи. Она уже различала черные остовы сожженных кораблей дальше по проливу, когда нить магического света свилась в клубок слабого сияния у самого края галечного пляжа. Хэлис в немом одобрении хлопнула Аллин по руке, спрятанной под плащом, и осторожно вылезла из лодки. Бесшумно раздвигая сапогами воду, она аккуратно пошла по скользким камням.

Оглянувшись, женщина увидела, что новобранцы смотрят на нее и их глаза блестят от нетерпения. Те, кто уже проливал кровь под ее началом, следили за врагом. Хэлис изучала расползающийся лагерь на дальней стороне берега. В некоторых кривобоких хижинах было уже по две и по три комнаты, и лунный свет блестел на окнах, снятых с кормовых

кают «Звона» и корабля Ден Харкейла. Одна даже хвасталась толстой трубой, шаткой на вид, но большинство предпочитали готовить на кострах, разведенных прямо на траве или в выложенных камнями ямах. Угасающие в этот самый тихий час ночи, они едва светились красноватым светом.

Только один костер горел ярко. Темный силуэт мелькнул на его фоне, когда кто-то бросил в пламя бревно из близкого штабеля. Ведя свой отряд на берег, Хэлис наблюдала за тем одиноким костром. Он находился в стороне, довольно далеко, хотя и на возвышенном месте, но беспорядочно расположенные хижины и накрытые парусиной трофеи заслоняли ему вид на воду. С другой стороны той монеты Хэлис не могла разобрать, сколько пиратов бодрствуют и стоят на часах. Горсть? Две горсти?

Ее отряд был теперь на самом краю галечного пляжа, подкрадываясь все ближе и ближе к частоколу. Парни Минейра первыми оставили предательские камни и быстро побежали по траве, заглушающей звуки шагов. Как только обнесенная бревенчатой стеной тюрьма оказалась между ее отрядом и спящими пиратами, Хэлис молча дала знак разделиться. Минейр повел свою группу вокруг частокола, чтобы следить за тыльной стороной. Вторая группа по сигналу командира спряталась под стеной. Оставив их, Хэлис с Веспретом вдвоем нырнули в темноту, пока не добрались до места, откуда просматривалась вся дуга пляжа и косогор, ведущий к пиратскому лагерю. Хэлис вытащила меч.

— Пошел.

По ее тихой команде Веспрет, пригибаясь, побежал к частоколу. Он двигался бесшумно, как гончая, преследующая дичь. Часовой, который лениво дремал у ворот, умер без звука, не успев проснуться. Веспрет выдернул нож из ребер пирата и, продолжая зажимать рукой его рот и нос, начисто вытер лезвие.

Пока отряд ждал, Деглейн принес громадные кузнечные клещи, дабы перекусить цепь, пропущенную через ворота. Он вложил в это дело всю свою силу, и выбранное им звено по-

далось с резким звуком. Все застыли, но в спящем лагере по-прежнему царила тишина.

Васпрет дал сигнал, и остальные бойцы подбежали, чтобы исчезнуть в воротах. Хэлис следила за далеким костром, отметив пронзительный крик внутри частокола, за которым последовал истерический плач, умолкший через минуту. Вновь появился первый из людей Васпрета. Он подбадривал более крепких пленников, которым не требовалось объяснять, что идти надо быстро и незаметно. Они исчезли в черной ночи, когда раздались первые тревожные крики часового, его испуганный силуэт заметался на фоне пылающего костра. Тем временем группа Васпрета уже выводила и выносила оставшихся пленников, не обращая внимания на суматоху среди пиратских хижин и шатров. Сам Васпрет вышел последним — с потерявшей сознание женщиной через плечо.

Хэлис мысленно побожилась, что это та самая женщина, у которой началась истерика. Потом сделала несколько шагов вперед, выпрямившись в полный рост. Она подняла сверкающий меч — вылитая героиня баллад, сочиненных менестрелем, который никогда не поднимал даже кинжала. Пираты теперь наступали. Некоторые колебались, не зная, куда направиться — к ней или к частоколу. Минейр разрешил их сомнения. Его наемники, сидевшие в засаде, обрушились на пиратов, используя все преимущества внезапности.

— Как действуем? — крикнула Хэлис Васпрету, проходившему мимо нее. Время тишины решительно кончилось. Лязг стали и крики боли уже разбудили весь контингент Мырдарча.

— Просто задержите их, пока мы не доберемся до лодок. — Васпрет остановился, услышав боевые крики, более подходящие лескарским войнам.

— Если сможем.

Хэлис наблюдала, как пираты у хижин и шатров начали собираться для более согласованной атаки, но поспешно отказались от этой идеи, когда новый отряд налетел с ревом и разогнал их.

Васпрет хихикнул.

— Хороший мужик этот Дарни.

— Слишком хороший, чтобы пропустить такую потеху. — Хэлис шлепнула Васпрета по свободному плечу. — Грузите лодки.

Наемник исчез в темноте, а с косогора донесся зычный голос, и могучая фигура Мьюрдарча появилась на миг в свете сторожевого костра. С его приходом пираты стали перегруппировываться быстрее и эффективнее, чем хотелось бы Хэлис.

Она взглянула на частокол, чтобы понять, насколько тяжелое положение у людей Минейра, и по знакомым звукам боя, бушующего на другой стороне лагеря, попыталась определить, как дела у отряда Дарни. Пора было досадить Мьюрдарчу, пока он не сплотил своих людей для контратаки.

— Отходим! — проревела Хэлис.

Мужчины и женщины Минейра с удвоенной свирепостью заработали мечами, чтобы прорваться к берегу. Пробегая мимо Хэлис, они направлялись напрямик к невидимым лодкам. Пираты радостно закричали, осыпая бойцов насмешками. Некоторые побежали вдогонку, обнаженные мечи серебрились в темноте, рубя отставших, так как несколько колонистов не успели отступить — сказывалось отсутствие опыта.

— Ко мне! — крикнула Хэлис, и горсть наемников инстинктивно свернула в сторону, чтобы присоединиться к своему командиру, которая мчалась назад — для нападения на передовую группу пиратов.

Первый напрочь лишился головы от палаша Деглейна, его кровь окатила испуганного Глейна. Мальчишка опустил меч и был ранен вторым пиратом, который повидал достаточно смертей, чтобы не скорбеть по бывшему товарищу. Выпад Пейта стал спасением, его клинок проткнул плечо пирата, и тот пошатнулся. Глейн в панике рубанул мечом, и бандит с криком упал, хватаясь за раздробленную челюсть и зияющий порез на шее. Пейт прикончил его ударом в глаз, потом встал ему на грудь и вытащил свой меч,

оставив кровавый след, ясно видный на светлой рубахе мертвого пирата.

— Живей! — проревела Хэлис, когда Глейн с выпученными глазами шагнул к ней. Кровь пропитала весь его бок, ноги не слушались, безумие битвы потрясло его до основания. Наемница побежала к парню и, схватив за руку, потащила с собой. — Ты ранен?

— Они убили Реддига, — задыхаясь, промолвил мальчишка. — Разрезали, как борова.

— Шевелись, пока с тобой не сделали то же самое.

Хэлис толкнула его к берегу, а сама повернулась назад. Все больше пиратов бежало по открытому пляжу, крики Мьюрдарча гнали их в атаку.

Они зря так спешили. Смертельный град обрушился на бандитов. Стрелы пронзили их головы и тела. Одни умерли сразу, другие с дикими воплями рухнули на землю, держась за ноги или руки, раненные острыми как бритва наконечниками. Второй залп вылетел из темноты дальней стороны залива — это Розарн и ее лучники выпустили град стрел между пиратами и их неожиданными врагами. Тут и там стрелы арбалетов сражали тех, кто оказался настолько невезуч, чтобы представлять соблазнительную мишень.

— Васпрет! — закричала Хэлис. — Мы закончили?

Вероятно, у Розарн осталось не слишком много стрел.

Ответ Васпрета утонул в шуме нового переполоха, вспыхнувшего на другой стороне бухты. Хэлис не могла разобрать, что происходит.

— Аллин! — Она торопливо попятилась к баркасам, стараясь не упасть на задницу.

— Да? — Магиня появилась рядом, ее голос дрожал.

— Пора испробовать твой новый трюк, — благодушно сказала Хэлис, протянув ей руку.

Аллин глубоко вдохнула. Она с удивительной силой сжала пальцы командира наемников, и Хэлис снова ощутила ту странную шекотку, которая поползла по ладони, прежде чем проникнуть глубоко в кости.

— Спасибо. — Заслонившись рукой от света сторожевого костра, наемница уставилась в темноту противоположного края пляжа. — А, чтоб тебя!

— В чем дело? — Голос Аллин звенел от страха.

— Пираты спали на корабле Ден Харкейла и «Звоне». Они отрезали Дарни от его лодок. — Хэлис замолчала и потеряла костяшками пальцев глаза, когда огненные стрелы прочертили дуги через пролив.

Подбежал Васпрет.

— Роз закончила, командир, мы готовы уходить.

Хэлис кивнула:

— Назад к лодке, девочка!

— Что с отрядом Дарни? — Девушка-маг не шевельнулась.

— Оставайся за мной.

Хэлис держала меч наготове, пока ее отряд отступал к баркасам. Пираты подвинулись ближе. Теперь они стали осторожнее, и наемница рассудила, что эта осторожность задержит их еще на несколько минут. Все — глупые и смелые — лежали трупами или истекали кровью на взрытом дерне.

— Он отступает в лес, а мы уходим.

Все краски были выщелочены из этого любопытного зренья, подаренного магией, но у Хэлис на счету было достаточно схваток, дабы понять то, что она видит. У Дарни не было другого выхода, и ему хватило ума это сообразить. Чего наемница не видела своим заколдованным взором, так это неровную землю под ногами, и чуть не упала.

— Сними чары! — пролаяла она.

Испуганная магиня шлепнула Хэлис по лицу. Игнорируя боль, наемница схватила Аллин за руку и побежала с ней к лодкам. Невысокая девушка семенила мелкими шагами рядом с длинноногой Хэлис. Они забрались в последнюю лодку, ждущую на берегу, остальные уже вышли в пролив. Выстраданные рыдания и прочувствованные слова благодарности смешались с бойкими криками наемников, ведущих переключку.

— Все налицо? — крикнула Хэлис, когда их лодка оттолкнулась от берега. Сержанты хором подтвердили, что все на месте.

— Они идут.

Пираты подбежали к кромке воды, и лучники Розарн, стоя в лодке, выпустили по ним последний залп. Их визги и проклятия заглушил плеск весел, глубоко врезающихся в воду.

— Гребите ровнее! — яростно крикнул сержант. — Где этот маг?

— Здесь! — Аллин пробиралась по лодке, руки со всех сторон подталкивали ее к носу.

— Назад к «Ламинарии»! — проревела Хэлис.

Едва магия Аллин наметила путь через рифы и мели, баркасы рванулись к выходу из пролива.

Пришурившись, Хэлис смотрела на берег, но ничего не могла разглядеть, кроме суеты вокруг пиратского лагеря. Тут и там вспыхивали костры, когда пламя набрасывалось на свежие дрова, да случайные крики упрека и гнева летели над водами пролива. С дальней опушки доносился только треск срубаемых кустов.

— Дарни их увел? — Скомканным лоскутом полотна Минейр стирал с клинка кровь и волосы, слипшиеся в сероватые комки.

— Радостных криков не слышно. — Хэлис вложила свое незапятнанное оружие обратно в ножны. — Я бы сказала, да.

— Когда ты в последний раз пачкала свой меч? — ухмыльнулся Минейр.

— За это платят вам, подонкам, — отрезала Хэлис с притворным возмущением. — Я зарабатываю золото своими мозгами.

— Твоя красота не принесла бы тебе и свинцовой лескарской марки, — согласился Минейр. — Итак, нам будут платить за голову или одну награду за всю кучу? — Он указал на пленных, съевшихся на дне лодки.

— Мы всех забрали? — спросила Хэлис.

Минейр пожал плечами:

— Кроме горсти. Двое были уже безнадежны, а несколько просто потеряли головы и убегали от всех, не разбирая, друзья или враги.

— Сколько у нас раненых? Потери есть? — Восторг победы проходил, и непосредственной заботой Хэлис стал теперь ее отряд.

— Реддигу выпустили кишки. В остальном это обычные порезы и переломы. — Минейр бросил испачканную тряпку за борт. Она поплыла, белая на черной воде, пока не намокла и не исчезла в глубине. — Реддиг был хороший мужик, хоть и простой ткач. Д'Алсеннен должен расквитаться за него с этим отребьем.

— Хэлис! — Розарн встала на носу, когда баркас лучников поравнялся с их баркасом. — Скажи юной Аллин расширить свое заклинание, чтобы мы могли его видеть. У нас нет Лариссы.

— Что? — Минейр вскинул голову, перестав выковыривать запекающуюся кровь из оплетки своей рукояти. — Она должна была оставаться с тобой.

— Сэдриновы потроха! Где она? — крикнула Хэлис.

— Пошла на берег с Дарни. — Розарн развела руками. — Что я должна была делать? Пытаться ее остановить, чтобы меня за это поджарили?

— Д'Алсеннен не обрадуется. — Хэлис испустила тяжкий вздох. — И Узара тоже.

— Когда это крупные нападения проходили точно по плану? — беспечно откликнулся Минейр. — Просто надо придумать, как извлечь из этого пользу.

— Верно. Лишь бы Дарни увел своих людей и ту глупую магиню подальше в лес. — Хэлис заметила молящее, испуганное лицо Аллин на другом конце баркаса. Отвернувшись, командир сосредоточила свои мысли на этом вопросе. Если будет что ответить Темару, она сохранит свои позиции, что всегда важно для наемника.

КЕХАННАСЕКК, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 10-е ПРЕДЛЕТА

— Надеюсь, Олрет держится, — пробормотал Райшед.

— Похоже на то. Иначе зачем Илкехану высылать подкрепление? — заметила я.

Мы лежали бок о бок на вершине дюны, ближайшей к деревне, что раскинулась под крепостью Илкехана, и сквозь траву смотрели на замок. Он стоял отдельно, на холме, и возвышался над окружающей местностью. Подходы со всех сторон расчищены, чтобы негде было укрыться наступающей армии. Это не важно, твердо сказала я себе. Мы — не армия.

— Лишь бы это было подкрепление для войск Илкехана, которых сильно теснят, а не дополнительные отряды для захвата Реттасекка. — Райшед твердо держал в руках подзорную трубу.

Массивные деревянные ворота с металлическими засовами открылись, и колонна мужчин в черных мундирах с привычной дисциплиной, вбитой в них Илкеханом, зашагала по дороге. Все были вооружены до зубов. Повсеместная нехватка дерева и металла на этих островах нисколько не стесняла Илкехана.

— Сколько их прошло сегодня?

— Почти когорта. — Удовлетворение Райшеда успокоило меня. — Все меньше останется по нашу душу.

Я глубже зарылась в песок. Прохлада под верхним слоем была особенно желанной после долгого лежания на дюне под безжалостным солнцем, которое наконец-то спускалось к горизонту. Но по крайней мере мы больше не сбиваем ноги, топая пешком через пустынное сердце этого бесконечного острова. Мы шагали с рассвета и дотемна, пока не кончались эти жуткие сумерки. Мы проскальзывали мимо изолированных поселений, приткнувшихся среди бесплодных холмов, и злились, делая крюки, чтобы избежать отчаянных банд, которые опровергали хвастовство Илкехана, что его земли не дают пристанища никаким изгнанникам. Я облизала сухие губы,

мечтая о глотке воды. Но мы опустошили свои бутылки какое-то время назад.

— Сколько мы еще ждем?

— Давай сначала пропустим этих. — Темные глаза Райшеда сияли на его голубом, окрашенном лице, а тень щетины только усиливала общее элдричское впечатление.

Колонна промаршировала к гавани. Запуганные деревенские жители быстро склоняли головы перед теми, чьи мундиры были гуще усеяны знаками ранга. Я лениво спросила себя, чем они заработали свои заклепки? Одну за каждое убийство? Одну за каждого замученного невинного?

— Ты видишь какие-нибудь цепи на шеях?

Райшед глянул в подзорную трубу.

— Одна на переднем, серебряная. Еще одна на замыкающем, тоже серебряная.

— Значит, на двух колдунов меньше. Уже легче.

— Лишь бы Илкехан не передумал и не решил сам вести своих людей в бой. — Райшед наблюдал в подзорную трубу, как колонна подождала лодки, которые перевезли их на большие корабли, стоящие на якоре в глубокой воде залива. Он именно здесь врезался в берег. — Мне совсем не хочется пробиваться к нему через эту толпу. Сколько у него адептов, как ты думаешь? Сколько времени требуется для их обучения?

— Их не может быть много, правда? — робко предположила я. — И не число имеет значение, а их мастерство в Высшем Искусстве.

— Мы не видели никаких золотых цепей. — Райшед отнял трубу от глаз, чтобы ободрить меня улыбкой. — Кажется, Гуиналь говорила, самых лучших Илкехан послал на Саттайфер.

— Будем надеяться, что она права. — Я подавила стон досады. — Скорей бы закончить с этим.

— Ты говоришь, как Грен. — Райшед вернулся к своей подзорной трубе. — Почему бы тебе не пойти к Шиву и не покараулить с ним?

— Ты пытаешься от меня отделаться!

— Это верно. — Ласковая улыбка смягчила резкость его слов, но он не сводил глаз с далекого замка. — Ты меня отвлекаешь. Иди и болтай с Шивом.

Я сбежала с дюны в ложбину. Мы нашли ее уже под утро, после того, как всю ночь напряженно крались вдоль берега. Она стала для нас большим облегчением, но я с радостью ее покину, как только Райшед и Сорград решат, что из наблюдений мы узнали все что можно и теперь пора действовать. Это бесконечное ожидание только дало мне время оценить все слабости нашего плана и до опасной степени взвинтило Грена.

Я осторожно проползла по песку к тому месту, где лежал Шив. Опустив подбородок на руки, он внимательно смотрел в глубь острова.

Там, где кончались подвижные дюны, росли колючие темно-зеленые кусты, усыпанные желтыми цветами. Там началась твердая земля, сухая и песчаная. Она поднималась и падала мелкими холмами, передразнивая океан. Стайка пестрых коричневых птиц прыгала неподалеку, выискивая червяков, которые ближе к вечеру стали выползать наверх.

— Что-нибудь видно? — прошептала я.

— Нет. — Шив был так расслаблен, словно лежал у себя дома на кровати.

— Если б их схватили, мы бы что-то услышали. — Я начала уставать от собственных сомнений.

— По крайней мере крики. — Рот мага дернулся в улыбке. — Грен рвется в бой.

— Осталось направить его рвение в нужное место. — Я нахмурилась. — Это они?

Шив приподнялся на локтях.

— Думаю, да.

Мы с тревогой следили, как братья кинулись в заросли колючих кустов. Им еще бежать и бежать до нашей укромной ложбины с холма, через который они только что перелезли.

— Я мог бы прикрыть их невидимостью, — пробормотал Шив. Маг явно жалел, что мы не разрешаем ему использовать магию.

Я попыталась сообразить, видят ли братья лодочные сараи на берегу, где дюны подходят к реке, за которой уже высятся холмы. Если видят, то их оттуда тоже видно.

— Вот они, идут. — Шив напрягся, словно кот, не знающий, наброситься ему или удрать.

Сорград и Грен побежали через враждебное пространство, разгоняя коричневых птиц. Я съежилась при мысли, что кто-то услышит их пронзительные крики. Братья мчались дальше, не замедляя бег даже на мягких песках дюн, и бросились мимо нас в убежище.

Я выплюнула изо рта песок.

— Вас заметили?

— Скоро узнаем. — Грен держал руку на мече, жадно повернув лицо к невидимым лодочным сараям.

Сорград бросил мне несколько влажных и грязных корней.

— Пожуй, если голодная.

— Спасибо, — буркнула я без энтузиазма.

Райшед обернулся — посмотреть, что принес горец.

— Лопух?

Сорград кивнул:

— И еще осока.

Пока мы путешествовали по этому негостеприимному острову, Райшед и Сорград без труда набивали свои животы. Оба все с большим уважением относились к умению друг друга добывать продовольствие, поэтому я помалкивала, сталкиваясь с едой, которую только истинно голодающий мог полностью оценить. Я лишь надеялась, что мы вернемся домой к настоящей еде раньше, чем я сотру свои зубы до десен.

Сорград уже лежал рядом с Райшедом.

— Наш друг не появлялся?

— Пока нет, — тихо сказал мой возлюбленный.

Грен моргнул, и я невольно вздрогнула. Он с любопытством взглянул на меня.

— Чувствуешь прикосновение Мэвелин?

— Это твои глаза. — Я снова поежилась, ледяные пальцы все еще гладили мою шею. — Глаза Айтена превратились в черные ямы, когда Илкехан поработил его своим Высшим Искусством. Поэтому мне пришлось убить Айтена, давнего друга Райшеда. Дрианон спаси меня от необходимости сделать то же самое для кого-то из этих четверых.

— Не будем накликать беду. — Сорград строго посмотрел на нас обоих. — Сосредоточьтесь на деле. Об остальном будем беспокоиться, когда оно случится.

— Если случится, — с ударением добавил Райшед. — Вы нашли харджирд?

Горец кивнул:

— Он довольно далеко, за тем вторым холмом со всеми этими ягодными кустами.

— Он огромный, — хихикнул Грен.

— Народ увидит, что мы его разрушаем, — нахмурился Сорград. — Но это не проблема. Вот уйти после этого будет потруднее. Есть...

Райшед напрягся.

— Часовые сменяются.

— Вход там? — Сорград смахнул песок с бриджей, кивая на небольшие ворота, прорезанные в боковой стене.

— А что с другой стороны? — Сгорая от нетерпения, его младший брат немного выдвинул меч из ножен.

Мудрая женщина однажды сказала Грену, что ему суждено быть повешенным. Поэтому он уверен, что выйдет невредимым из любой ситуации, не связанной с веревками.

— Сад. Непосредственно в замок мы войдем через канализацию. — Я ощутила комок в горле от внезапного беспокойства. Что, если люк спрятан? Что, если я не смогу его найти? Что, если нас, как крыс, поймают в капкан в сточной трубе Илкехана?

— А вот и наш друг, — медленно проговорил Райшед. — Отлично, приятель, найди себе хороший, теплый уголок.

За время слежки мой возлюбленный установил, что этот часовой — ленивый ублюдок, который укрывается от постоянного ветра за высокими зубцами в углу замка.

— Пошли! — Он сунул подзорную трубу в карман и съехал по открытому склону дюны.

— Где Илкехан? — спросил Грен, когда мы перебежали открытое место.

У нас было ровно столько времени, сколько требуется для шести куплетов песни, которой мать Райшеда определяет готовность своего джема, прежде чем более сознательный часовой дойдет в своем обходе до этой стороны замка.

Я глубоко вдохнула и вызвала в памяти образ того ненавистного лица: темные, безжалостные глаза, совершенно белые волосы и бледная кожа, сморщенная от старости.

— *Тедри на фаралир, асмен эк лайеран.*

Возможно, эти древние слова не имели смысла в Лесной балладе об Уриоле и его бесконечных поисках оленя с серебряными рогами, но здесь, всего на миг, Высшее Искусство показало мне Илкехана, изучающего книгу, взятую с набитых полок за его спиной. Я уже бывала в замке и точно знала, где сидит этот колдун.

— По-прежнему в своем кабинете.

Райшед ускорил шаг.

— Мы входим, убиваем его и уходим.

— Все просто, — откликнулся Грен со счастливым удовлетворением.

Эфирные заклинания промелькнули в моем уме: одно — чтобы спрятать нас; другое — чтобы люди не испытывали к нам интерес; третье — чтобы заставить кого-то побеспокоиться об оставленном на огне пустом котелке. Гуиналь нашла горсть способов отвлекать людей, но я не смела использовать их так близко к Илкехану. Почувяв рядом Высшее Искусство, колдун мог насторожиться.

Мы добежали до стены. Мужчины прижались к ней по сторонам ворот, а я занялась замком, исследуя его с быстротой и точностью, которым научилась за все эти годы.

— Шив.

Маг положил руку на металл, и я отперла замок. Так как мы не владели секретами женщин Шернасекка, нам пришлось рисковать и дополнить мои навыки взломщика его магией. Раздался слабый шорох, и засовы на другой стороне выскользнули из своих гнезд. Что ж, обратного пути нет, подумала я. И тут же яростно себе возразила: нет, мы вернемся. Это Ил-кехан никуда не пойдет, когда мы с ним покончим. Он должен нам — мы получим с него тот долг и уйдем.

Выхватив мечи, братья вмиг прошли через ворота. Я бросилась за ними, следом вбежали Райшед и Шив. Какая-то женщина собирала бобы и закричала, уронив корзину. Сорград зашипел на нее с архаичной злобой:

— Это ты осквернила невидимый мир?

— Мать спрячет тебя от нашей мести, или Творец защитит тебя? — Грен шагнул вперед, волосы черные, кожа голубая, глаза пронзительные.

Женщина попятилась, давя растения. Грен погрозил ей мечом, — она закричала, упала, вскарабкалась на ноги и побежала к двери в другом конце сада.

— Забудьте о канализации, — велел Райшед.

Сорград не нуждался в указаниях. Он догнал истеричку, когда та возилась со щеколдой. Женщина проскользнула в самую узкую щель, но зацепилась рукавом и оторвала его в панике. Сорград сунул ногу в щель, не позволяя двери закрыться. Что бы он ни говорил, это заставило женщину бежать без оглядки и не удивляться, почему Элдричский человек не может просто пройти сквозь стену.

Грен ворвался в дверь, как зимняя вьюга с гор. Следуя за ним, я увидела коридор, братья уже прикрывали его с двух концов.

Райшед захлопнул дверь за Шивом.

— Куда теперь?

— Наверх, сюда.

В прошлый раз, когда я кралась вверх и вниз по этому замку, я пользовалась черной лестницей. Но в моем новом

обличье Элдричского человечка я почувствовала, что имею право на главную лестницу. Мы побежали так, словно за нами самими гнались по пятам мстительные тени. Шив увидел, что мы готовимся сбросить сумки для боя, и сделал то же самое.

— Как только он умрет, отрежь эту лестницу, — приказал Райшед магу.

Мы игнорировали этаж, принадлежащий семье, которая еще осталась у Илкехана. Когда мы мчались вверх, одолевая следующий марш, с нижнего этажа, где находились кухни, донесся испуганный шум. Где-то внизу распахнулась дверь, и озадаченный голос что-то крикнул.

А вот и этаж с покоями Илкехана. Каждая деталь этого места врезалась в мою память, как та боль, что мы испытали в совершенно белой темнице в подвале. Илкехан не знал таких лишений. Полированные сундуки из темного дерева стояли вдоль коридора, на полках красовались отборные предметы керамики и бронзы.

— Которая дверь? — Грен бросил свою котомку.

Я указала:

— Та.

Сорград ворвался в комнату, сразу сворачивая в сторону. Не отстающий от него Грен свернул в другую. За ними следовал Райшед — он летел прямо, как стрела.

Илкехан сидел за широким письменным столом и уже тянулся к кинжалу. Грен и Сорград набросились на него с обеих сторон. Вокруг вспыхнул магический свет, высекая отражения из наших клинков. Поразительно голубые — любимый цвет Элдричского Народца, — эти сияющие ножи ударили в колдуна и, проткнув его насквозь, вонзились в стены. Магия потекла по светлой штукатурке, как вода по запотевшим стеклам. Ублюдок открыл рот, но не смог издать ни звука. Ярость исказила его лицо, костлявые руки потянулись ко мне и Шиву.

Держа дротики наготове, я метнула их быстрее молнии. Первый впился в щеку колдуна, и он отшатнулся, толкая назад свое кресло. Схваченный им кинжал не принес ему

спасения. Райшед из всех сил уперся ногой в стол, поднял его и с грохотом опрокинул на ноги Илкехана. Колдун оказался в ловушке. Перепрыгнув через поваленный стол, Райшед обрушил свой меч на падающего Илкехана. Удар пришелся в основание шеи и был настолько силен, что, когда колдун грохнулся на пол, клинок врезался в половицы. Райшед вырвал меч, и я увидела в зияющей ране белые осколки костей.

— Это за Айтена. — У него не хватало слов, чтобы адекватно выразить свою ненависть.

Удар моего возлюбленного не вызвал мгновенную смерть, но Грен и Сорград добавили свои гири на весы Рэпонины. Меч Грена почти выпотрошил колдуна, кишки вываливались из кровавой раны, нанесенной сквозь тонкую шерстяную тунику и мягкую рубаху. Илкехан в отчаянии схватился за живот, его руки уже покрывала темная кровь, которая растекалась вокруг него, просачиваясь под стол, придавивший его ноги. Человек с такой раной должен был бы кричать, как свинья на бойне, но даже без магии Шива, отнимающей голос, Илкехану не хватало воздуха для крика. Алые пузыри скопились вокруг его рта, кровь поднималась в горле, не давая дышать, и хлестала из ребер, расколотых безжалостным ударом Сорграда. Ублюдок умер или умрет через несколько минут. Я позаботилась об этом раньше остальных.

— Смотрите-ка, шелк. — Сорград потрогал рубаху Илкехана, ногой отбросив его клинок с костяной рукояткой.

— Приятно видеть, что он хоть какую-то малость получил от алдабрещев. А где, по-вашему, он взял вот это? — Грен подобрал кинжал и попятился с возгласом досады.

Илкехан бился в конвульсиях, свежая кровь лилась струями, неудержимые спазмы разрывали его внутренние раны. Голова колдуна металась из стороны в сторону, он рычал как дикий зверь, скаля стиснутые зубы. Раскинутые по полу руки все шире размазывали кровь, и вдруг слабый стон сорвался с его губ, обведенных кровавой пеной.

Сорград внимательно наблюдал за агонией Илкехана.

— Я допускаю, что твой яд эффективен. Но пока он действует, тебя десять раз успеют заколоть.

— А ты не стой рядом. — Я закашлялась и отошла подальше: вонь опорожненных кишок и мочевого пузыря добавилась к едкому запаху крови.

— Обделался, как та бедная собачка, — с удовлетворением заметил Грен. — Ну, что теперь?

Шив покачал головой, не сводя глаз с остывающего тела.

— Не думал, что это будет так быстро.

Райшед с каменным видом стоял над трупом.

— Это компенсация за Айтена? — Я обхватила моего возлюбленного за талию.

— Нет. — Он обнял меня. — Ничто не искупит его смерть. В этом проблема с мезтью. Вот почему я довольствуюсь правосудием.

— Правосудие, мезть. — Я твердо встретила его взгляд. — Важно то, что Илкехан мертв.

— Сколько у нас времени, чтобы осквернить тело? — Сорград протянул руку Грену. — Давай используем его собственный нож.

— А сколько времени нужно той кухарке, дабы убедить кого-то, что она видела в саду Элдричских человечков? — поинтересовалась я.

Райшед покачал головой:

— Необязательно кому-то верить, чтобы пойти и выяснить, чего он испугался.

— Тогда мы уходим.

Я бы предпочла продлить страдания Илкехана. Я бы хотела уравновесить чаши весов за те пытки, которым он подверг Джериса, но мезть это или правосудие — я наконец победила в многотрудной игре. Колдун, чья злоба преследовала меня в ночных кошмарах, отравляя страхом мои надежды, лежит мертвый у наших ног, а я все еще жива. И намерена и впредь оставаться живой.

— Скорее, пора уходить.

— Как насчет всех этих книг? — Шив смотрел на ряды тесно заставленных полок. — Это бесценный архив. Здесь должны быть ответы на все вопросы Планира и великое множество других.

— Знание — сила. — Я обвела глазами кабинет. — Сила, которую мы не хотим подарить тому, кто окажется здесь самой главной собакой.

Сидя на корточках рядом с трупом Илкехана, Грен поднял голову.

— Книги горят.

— Я могу это сделать. — Сорград шелкнул пальцами, и между ними запорхало пламя.

— Огонь — лучшее средство отвлечь погоню, — согласилась я.

Мы вдвоем не раз убегали под прикрытием большого пожара. Я открыла сундук у стола. Он оказался полон пергаментов.

— *Талмия меграла элдрин фрес.*

Языки пламени заплясали на исписанных листах, стирая слова. Возможно, теперь, когда Илкехан слишком мертв, чтобы копаться в моих мозгах, я поучусь еще чему-нибудь из Высшего Искусства.

— Вот. — Сорград сорвал гобелен и обернул им сундук. Как только дерево займется, гобелен перенесет огонь на ковер.

— Мы не можем взять несколько книг? — взмолился Шив.

— Каких? — воскликнула я.

— Лучше поспешите. — Грен отрывал переплет от тонкого тома, сваливая листы вокруг сундука, где уже вовсю пылали пергаменты.

Сорград взламывал другой сундук. В нем обнаружили три серебряные цепи и одна золотая, а также значительная россыпь монет. Горец сгреб их, не обращая внимания на кровь Илкехана на полу.

— Мы разделим это позже, — заверил меня Грен, запоздало включив в свой взгляд Райшеда и Шива.

Не то чтобы мои счета с эльетиммами могли быть оплачены золотом. Я добавила в свой костерок горсть тростниковых перьев, а Грен убрал в карман серебряный стакан, в котором они стояли.

— Если Келларин хочет возродить изучение Высшего Искусства, нам нужно все это знать. — Маг в отчаянии озирает заставленные книгами стены.

— Знание нельзя уничтожить, Шив, — нетерпеливо сказал Райшед. — Только утратить. Кто-то когда-то заново его откроет. — Он резко остановился. — Что мы должны найти, так это артефакты, которыми владел Илкехан.

— Спящие в Келларине! — Сэдрин прости меня, но я на чисто забыла. — Ну же, Шив, люди важнее эфирных абстракций. — Я оставила счастливого Грена присматривать за горящим сундуком.

— Помогите мне здесь. — Сорград уже пытался поднять опрокинутый стол. Райшед помог, и они оба взламывали кинжалами ящики.

— Дайте что-нибудь такое, что будет гореть. — Грен протянул руку.

Под нами хлопнула дверь — мы тотчас умолкли. Горестные крики и топот бегущих ног замерли в отдалении.

— Думаю, кровь просачивается сквозь потолок, — задумчиво протянул Сорград.

— Позвольте мне связаться с Планиром, — снова взмолился Шив. — Если ему удастся собрать связь, они могли бы спасти часть этих книг, прежде чем они сгорят.

Райшед закашлялся. Воздух мутнел от дыма.

— Не следует поджаривать Илкехана, если мы хотим потрясти людей элдричской мстью на его теле. Вытащите его в коридор и изуродуйте, пока мы ищем артефакты.

Грен и Сорград тотчас бросились к окровавленному труп и за руки выволокли его из комнаты.

— Шив, по нашему плану ты должен творить иллюзии, нагоняя страх на людей Илкехана, когда мы будем пробиваться наружу. — Райшед с минуту колебался. — Ладно, по-

пробуй связаться с Планиром, пока караулишь, но смотри, чтобы нас всех не убили ради горстки изъеденных червями книг.

— Мне тоже дорога моя шкура, — заверил его маг. Он схватил полированный серебряный поднос и вышел в коридор; зеленый магический свет закружился вокруг него.

Райшед снова закашлялся.

— Если здесь есть артефакты, нужно найти их быстро.

Сундук пылал, как жаровня часового, и штукатурка над головой уже чернела от копоти.

Закрыв глаза, я представила себе огромную пещеру Эдиссета, пустую, если не считать тех немногих, что все еще связаны древним заклинанием. Я услышала тихие шаги дежурных, раздающиеся в тишине. Я увидела освещенные солнцем ступени у самого входа, ощутила мягкий ветерок, благоухающий летней зеленью снаружи. Я вспомнила легкий озноб, охвативший меня, когда я шагнула из света во всепоглощающую тьму.

— *Тервир эманет виз алад эгадир.*

Это было даже не заклинание, просто бойкий отрывок из смешной сказки о растяпе по имени Нигадин. Он пошел искать свой нож, а найдя, вспомнил, что оставил где-то свой пояс. Отыскав пояс, он обнаружил, что нет сапог. Найдя сапоги, он вдруг понял, что не хватает штанов, и так далее. Но я уже использовала это заклинание, когда потерялся юный Тедин, и оно привело меня к парню. Я удержала в уме образы тех, чьи тела лежат в той пещере. Старик Дженс: землистое лицо с запавшими щеками и крючковатым носом, пряди волос, удивительно темных, зачесаны поперек лысой макушки. Мальчишка, чье имя я не запомнила: кожа белая, как молоко, взерошенные волосы отливают рыжиной, намекающей на Лесную кровь, голова выглядит слишком большой для его тщедушного тела. Велейв, давняя подруга Зигриды: загрубевшие от работы руки с опухшими суставами сжаты под свисающими грудями, даже заклинание не смогло разгладить морщины беспокойства и тяжелого труда, выгравированные меж-

ду ее бровями. Рядом Порса, ее дочь: глупое, хорошенькое личико закутано в кокетливую кружевную шаль, локоны такие же жесткие, как в тот день, когда их завили щипцами.

— *Тервир эманет виз алад эгадир.*

Воинственные крики с лестницы вынудили меня открыть глаза.

— Ну? — Райшед пристально наблюдал за мной.

— Соседняя дверь.

Коридор напоминал картину дебоша из пьяного кошмара. Тени играли на стенах, подобно черным языкам пламени, они облизывали пол и поднимались к потолку. Какие-то фигуры появлялись и исчезали на краю зрения, искаженные головы и изогнутые тела, бегущие на неестественно удлинённых конечностях. Одна прыгнула на лестницу, воплощенная темнота, глаза из звездного сияния, зубы и ногти — бледное серебро окутанной дымкой луны. Храбрая стрела пролетела сквозь нее и ударилась в стену. Фигура быстро нагнула голову, сворачиваясь, тени складывались и формировались заново. На лестнице послышались тяжелые шаги и крики, подгоняющие кого-то наверх.

Тьма встала на дыбы с новой маской. Огромная волчья голова рычала и покачивалась, венчая человеческое тело с белыми как лед когтями на руках. Зверь схватил упавшую стрелу и, запрокинув голову, завыл. Казалось, буря налетела с замерзших высот. Ледяное облачко дыхания вырвалось из его утробы и покатилося по ступеням. Мы услышали лихорадочный топот. Кто-то удирал еще до того, как стрела закувыркалась вслед.

— Приятно видеть, что Шив уделил внимание рассказам Грена, — пробормотал Райшед.

Мне было не до замечаний, я во все глаза смотрела на мага. Поразительная иллюзия наложила на грубую маскировку Шива образ Элдричского человечка, который может привидеться лишь в горячечном бреде. Он был слишком высокий и слишком тонкий, в костлявой руке — луч лунного света, кожа — бездонная синева неподвижной заводи,

окутанной сумерками. Волосы — тень, более темная, чем самые редкие из ночей, когда обе луны, и Малая, и Большая, покидают небо ради своих собственных таинств. А глаза — черные ямы, угрожающие высосать жизнь из того, кто поймает их взгляд.

Сорград и Грен присели возле него, призраки, способные ужаснуть самих демонов Полдриона. Чья-то голова появилась на лестнице, и челюсть эльетимма отвисла, когда он увидел, что его грозного владыку кромсают два жутких существа.

— Он вырезал тому парню яйца и глаза. Почему бы не сделать с ним то же и не поменять их местами? — тихим голосом предложил Грен.

Райшед посмотрел на меня. Мне стало любопытно, какой он меня видит. Такой же неземной, каким кажется сам?

— Ты сам велел его изуродовать, — напомнила я, не давая моему возлюбленному открыть рот. — Просто не смотри туда и не беспокойся. Грен на нашей стороне.

— Поверю тебе на слово, — хмыкнул Райшед. Его тон обещал, что мы еще поговорим об этом, когда никто не будет пытаться нас убить.

Ужасный Элдрический человечек — творение Шива — шагнул вперед, направляя свое холодное, золотое копьё на побелевшего эльетимма. Тот оцепенел от страха, дрожа в темноте.

Грен поднял голову и прошипел с вкрадчивой злобой:

— Благослови предков, избравших тебя в свидетели нашего возмездия.

— Мы проклинаем Илкехана до девятого колена. Да будут прокляты все, кто извращает священное знание! — подхватил Сорград.

Он встал — призрак, рожденный из кошмаров, кровь капает с ножа с костяной рукояткой и жадно всасывается снующими крысоподобными тенями.

— Так будет со всеми, кто оскверняет договор между мертвыми, живыми и еще не рожденными.

Его слова отразились от каменных стен таким жутким эхом, что им явно помогала магия Шива. Раскаты гремели, следуя за убегающим солдатом вниз по лестнице.

Тут Шив подмигнул мне, и я вновь увидела реальность сквозь обман света и магии.

— Поторопитесь.

Мы обошли Грена и Сорграда, теперь злорадно хихикающих. Райшед ударил ногой в дверь, и мы оказались в комнате, где господствовал большой стол, заваленный картами и пергаменами. Под окном стоял крепкий сундук, несомненно, тормалинского происхождения.

— В нем.

Сундук был заперт. Я полезла за отмычками.

— Нет времени. — Райшед схватился за ручку. — Зубы Даста! — прокрипел он, взваливая сундук на плечо.

Сорград появился в дверном проеме.

— Надо уходить, или их набежит столько, что нам не пробиться.

— Мы идем, — заверила я горца.

Алое пламя заплясало на его вытянутой ладони.

— Посторонитесь.

Сорградова горсть огня прокатилась по столу, воспламеняя все на своем пути. Настенные драпировки запылали, и, клянусь, когда мы выбегали в коридор, я почувствовала, что волоски на моей шее хрустят.

— Проклятие, Град, ты нас чуть не поджарил!

— По главной лестнице или по черной? — Грен стоял у тела Илкехана. Его руки были по локти в крови. Я старалась не смотреть, что братья сделали с трупом, и почти преуспела. Только нечаянно заметила, что изо рта колдуна торчит вовсе не язык. Райшед глянул вниз и с трудом глотнул. Клянусь, даже под голубой краской было видно, как он побелел.

Шив держал перед собой серебряный поднос. Магический огонь от клочка горящей ткани бросал странный отсвет на его выкрашенное лицо.

— У меня нет для этого времени, Планир. Просто сделай что можешь. — Шив сунул металл за пазуху куртки и отшвырнул тряпку.

— По черной, — мотнул головой Райшед.

— Сорград, — настойчиво позвала я. — Мы уходим.

— Всего минуту.

Он присел над Илкеханом, спиной ко мне.

Я вытянула шею, чтобы лучше видеть, а потом решила — не стоит.

— Вы сделали достаточно!

— Я обещал вырезать имя мальчишки на лбу этого ублюдка, — медленно ответил горец, сосредоточенно орудуя ножом.

— А это не приведет их прямо к Олрету? — огрызнулся Райшед.

— Нет, если не найдется грамотей, умеющий читать мандаркинский шрифт. — Последний росчерк Сорграда забрызгал стену каплями крови.

— Идемте же, — взмолилась я.

— Оставайтесь рядом, — предупредил Шив, поднимая руки.

Он свел их и швырнул вперед еще один шар сверкающей магии. Тени приняли мшистый оттенок, превращаясь в призраки деревьев. Мы пошли, и они двинулись вместе с нами. Пятнистая темнота смешалась и менялась, Элдричские фигуры сопровождали нас со всех сторон, мелькая на самом краю зрения.

— Давай. — Сорград потянулся к ручке сундука, и Райшед сбросил его с плеча, чтобы нести вдвоем.

Наконец показалась черная лестница, более узкая и крутая, чем та, по которой мы поднялись. Мы с Шивом возглавили отход, спускаясь быстро, но осторожно. Вокруг попеременно сгущались и бледнели тени. Из бесформенной черноты возникли лисицы, крысы и вороны — они бежали впереди. Свистящий звук, предвестник самых неистовых бурь в лесу, раздался над нашими головами и устремился вниз по лестнице.

— Период — не единственный художник в вашей семье, верно? — Я оглянулась на повороте. Сорград и Райшед несли сундук, держа клинки в свободной руке. За ними в арьергарде Грен задом спускался по лестнице с мечом и кинжалом наготове. Ему часто приходилось так делать, и я не боялась, что он упадет.

Когда мы добрались до следующего этажа, горсть храбрецов напала на нас с булавами. Шив отбросил их порывом града, кристаллизующимся из самого воздуха. Острые льдинки в кровь резали руки и лица, а на полу сливались, покрывая плиты гибельно скользким льдом. Тщетно пытаюсь устоять на ногах, солдаты тяжело падали, они уже не думали о погоне, а лишь об отступлении. Мы побежали дальше, вниз, пока не выскочили в коридор, где не толпились паникующие эльетиммы. Новые крики страдания и ужаса эхом слетали с этажа, где мы оставили Илкехана.

Когда мы оказались в высоком холле, Райшед кивнул на крепкую двустворчатую дверь.

— Туда.

Шив поднял руку, и дерево потемнело, набухло и прорвалось. Металлические скрепы и запоры ржавели прямо у нас на глазах.

— Скорее. — Грен поднял ногу, на которой отчетливо виднелся банальный сапог, и попытался вышибить дверь. Гнилое дерево прогнулось, отрываясь от петель, оставшиеся от них металлические чешуйки держались только на ржавчине. Я обрушилась на деревяшку, и мы пробили дыру, достаточно большую для Райшеда и Шива.

— Что там на выходе? — Сорград был едва различим, когда Шив заполнил холл мельтешащими тенями, чтобы сбить с толку наших преследователей, которые нерешительно остановились на краю таинственной темноты.

Я прищурилась, осторожно выглядывая в пролом.

— Двор и главные ворота заперты на все засовы. Есть охрана, и бьюсь об заклад, пополнение уже в пути.

— У тебя еще есть силы? — Райшед остро посмотрел на Шива.

— Сколько угодно, — заверил нас маг. Иллюзии скрывали его все так же основательно, но мы все слышали в его голосе нотку усталости. — Пусть Сорград попробует кое-что из трюков, которым научила его Ларисса, если хочет.

— Разрешены любые приемы?

За все годы нашего знакомства я никогда не видела Сорграда растерянным и с безмерным облегчением убедилась, что этот раз не стал исключением.

— Таковы правила на поле боя, как сказала бы Хэлис. — Я взглянула на Райшеда.

Мой возлюбленный пожал плечами:

— Может, это не обычная война, но они ее начали. Грен, помоги мне с этим.

Братья поменялись местами у сундука, и Сорград шагнул к пролому в двери. Он хлопнул в ладоши, и нас окружила пелена пламени. Сырые куски разбитого дерева зашипели, от них повалил пар, и пугающие отблески огня заиграли среди теней, по-прежнему черных и непроглядных, благодаря магии Шива.

— Давайте убираться отсюда, пока они разевают рты, — предложила я. Если люди Илкехана едва могли видеть нас, то и мы едва могли видеть их, и это заставляло меня нервничать.

— Медленно, концентрируйся.

Спокойный голос Шива ободрил Сорграда, и мы пошли к главным воротам. Камни из пращей просвистели в воздухе. Влетая в пламя, они разбились на острые как бритва и раскаленные докрасна осколки. Я проглотила неэддричский визг, когда один такой осколок обжег мое лицо.

— Как насчет ворот? — напряженно спросил Райшед.

— Приготовьтесь бежать, — ответил Сорград сквозь стиснутые зубы.

Языки пламени исчезли, тени съежились. Все, что защищало нас, это наша примитивная маскировка и ужас, питающий воображение зрителей. Но прежде чем кто-нибудь успел

нас разглядеть, ворота взорвались огненным шаром. Горящие щепки и обжигающие куски металла полетели во все стороны. Люди побежали к укрытию, те, что замешкались, кричали от боли. Этот беспощадный дождь опалил бы и нас, если б не пылевой вихрь, который поднялся с земли и окутал нас, увлекая за собой смертоносные осколки. Мы стояли в тихом центре безмолвно воющих ветров, стена пыли и обломков скрывала нашу группу от вражеских глаз.

Я сохранила ориентировку. Еще бы! Я столько лет пробиралась без помощи света, чтобы не вызвать подозрение у чрезмерно любопытного стражника или какого-то возмущенного главы семейства.

— Вперед, — сказала я, и мы двинулись вместе со смерчем.

— Быстрее, — прошипел Сорград.

Мы побежали. Райшед и Грен мычали, неся за ручки тяжелый сундук. Шив пытел, как человек, который целый день провел на поле боя, даже ноги Сорграда казались налитыми свинцом — я следила за поверхностью земли, по которой мы шагали: изменения под нашими ногами будут означать, что мы миновали ворота.

— Где мы спрячемся? — требовательно спросила я, как только мы оказались за стеной.

— В харджирде. — Сорград нахмурился, оглядывая непроходимую завесу из ветра и пыли.

— Туда, — показала я.

— Там есть, где укрыться? — Райшед с беспокойством посмотрел на Шива. — Мы не можем полагаться на легенды о джебедимах. Никакие суеверия не помешают этим людям вздернуть нас, если мы попадем в их лапы.

Я вздрогнула. Быстрая смерть на виселице будет самой милосердной участью, на какую только можно надеяться.

— Доверьтесь мне. — Глаза Сорграда блеснули, ярко-голубые на фоне черных век.

Мои страхи немного отступили. В конце концов, Сорград еще никогда меня не подводил.

ГЛАВА 7

*Пайрипу Марну, ученому,
От Керана Тонина, ментора*

Дорогой Марн,

Я слышал, ты ведешь интересную работу по древним племенам. Возможно, это окажется тебе полезным. Могу поручиться, что это точная копия одного старого документа. Его привезли с островов эльетиммов несколько лет назад, когда человек Верховного мага и те двое присягнувших Д'Олбриоту пытались спасти бедного Джериса. Я до сих пор жалею, что бедный мальчик не остался дома, в безопасности, но по крайней мере из подобных документов мы получаем некоторое представление о том, с чем имеем дело.

Кстати, ты собирался посетить Келларин? Если надумаешь, дай мне знать.

С поклоном, Тонин.

Подлинная запись встречи между Итилеком из Фройласекка и Джинведжином из Хелдасекка в эту священную ночь безлунного неба. Да свидетельствуют нейтральные камни острова Хевал костям каждого клана, что обе половины этой шкуры несут одни и те же слова.

Итилек говорит, что слышал о несчастье, постигшем Кеханнасекк в его домогательстве пустых земель на юге.

Джинведжин подтверждает, что слышал то же самое. В его клане преобладает мнение, что Мизаен карает Кеханнасекк за чрезмерную уверенность Рекрена в жрецах Мэвелин.

Итилек сообщает, что его жрецы тоже утратили силу.

Джинведжин признает, что его советники также пострадали.

Оба помолчали, размышляя над этой загадкой.

Джинведжин заявляет, что его предки с подозрением относились к жрецам Мэвелин с тех пор, как злоба Шелтий изгнала всех нас из нашего истинного дома.

Итилек допускает, что столь внезапная утрата жреческих сил кажется божественным возмездием, но спрашивает, с какой целью Мизаен мог наслать эту беду?

Джинведжин задается вопросом: чего требует от всех нас Мизаен в менее тревожные времена? Чтобы мы стремились улучшить свою судьбу через усердную работу и единство цели. Из страха перед столь непреклонной силой Шелтии и сплотили более слабые кланы, чтобы выгнать наших предков из их дома. Только такая решимость привела изгнанников по льдам к этим изолированным скалам. Возможно, Мизаен карает Кеханнасекк за поиски нового дома на юге, ибо наша цель — вернуться, дабы посредством мастерства и доблести потребовать обратно наше истинное наследие.

Итилек указывает на то, что со времени изгнания наших предков прошло много поколений. Надежды на возвращение в наш истинный дом кажутся теперь все более далекими, ибо потомки тех, кто нас изгнал, сами терпят нападения южан, выгнанных со своих земель людьми Трен Ар'Драйена.

Джинведжин напоминает Итилеку, что южанами правят священники, преданные Мэвелин и Аримелин. Они давно предпочли отступить, а не защищать свои святыне места. Трусость сеет свои собственные семена разрушения.

Итилек спрашивает, что предлагает Джинведжин.

Джинведжин советует прервать все связи с южанами и в течение полного цикла лет жить в согласии, заботясь о своих очагах. Мизаен ясно показал, что у нас нет друзей, кроме нашей

кровной родни. Злоключения Кеханнасекка доказывают, что весь остальной мир поднимется против нас. Давайте оттачивать наши искусства и ждать, воспитывая в наших сыновьях силу и целеустремленность ума. Если мы окажемся достойными, возможно, Мизаен вновь придаст нашим разящим мечам остроту истинной магии.

Итилек соглашается обдумать предложение и обязуется положить эту шкуру в свой харджирд, дабы кости предков могли сообщить ему о своих желаниях.

ОСТРОВНОЙ ГОРОД ХАДРУМАЛ, 10-е ПРЕДЛЕТА

— Огромное тебе спасибо, моя дорогая. — Планир убрал руки с ободка серебряной чаши. Он улыбнулся Аритейн, и его напряженное лицо смягчилось. Но даже эта любезность не смогла прогнать морщинку между тонкими темными бровями.

— Приятно, что хоть кто-то оценил мои таланты, — язвительно ответила горянка, твердо глядя глубоко посаженными голубыми глазами.

— Я хотел бы услышать твое мнение о том, что может случиться дальше. — Верховный маг встал из-за стола. — Могу я предложить тебе вина?

— Белого, если не трудно. — Аритейн улыбнулась какой-то мимолетной мысли, и лицо ее снова стало замкнутым.

Планир налил два бокала золотистого вина из темной бутылки с крошащейся сургучной печатью. Возвращаясь на свое место, он передал один бокал сидящей напротив девушке.

— Итак, Илкехан мертв. Что это значит для нас? — Верховный маг был без мантии, но в шелковой рубахе, подобающей его рангу.

— Меня интересует, как он умер.

Экзотический акцент горянки странно сочетался с ее повседневным платьем каладрийского фасона из прочной шер-

сти, выкрашенной в нейтральный желтовато-коричневый цвет. Соломенные волосы свободно падали на плечи.

— Насколько я понимаю, та жестокость имеет какой-то смысл, помимо простой кровожадности? — Планир указал на пустую воду. — И этот маскарад?

— Если его люди поверят, что надменность Илкехана вызвала возмездие джебедимов... — Девушка крепко сжала свои полные губы. — Уверенность его служителей, а значит, и их сила, будут основательно подорваны.

— Когда мы сможем установить, какая эфирная сила осталась у эльетиммов или на Сатайфере? — раздумчиво спросил Верховный маг. — Я не хочу рисковать никем из наших магов, если есть хоть малейшая вероятность, что их постигнет участь Отрика.

Аритейн отвела от своего узкого лица завесу волос. Планир терпеливо ждал.

— Завтра, — молвила она наконец. — Завтра я поищу ум, открытый истинной магии. Тогда мы сможем судить о последствиях смерти Илкехана.

— Последствий будет много, и нам найдется, о чем поразмыслить, — весело заметил Верховный маг, игнорируя кислый тон девушки. — Поскольку Илкехан больше не угрожает тебе или твоему народу, ты должна рассмотреть свои возможности в мире за пределами Хадрумала. Университеты в Коле и Ванаме приветствовали бы твою помощь в изучении эфирных заклинаний.

— Я встречала этих ученых в ваших библиотеках. Я бы не провела ночь на голой горе ни с одним из них. — Слова Аритейн сочли сарказмом. — Значит, ты хочешь от меня избавиться?

— Ни в коей мере. — Спокойный ответ Планира лишь подкрепил его искренность. — Я высоко ценю твое мастерство. Верховный маг или нет, я никогда бы не отважился на это гадание без защиты твоего Высшего Искусства. — Он махнул бокалом на серебряную чашу. — Но я хотел бы знать, что ты нашла место, где твоим исключительным талантам оказы-

вают должное уважение — и я имею в виду не только твое совершенное владение эфирными искусствами.

Уклончиво хмыкнув, Аритейн глотнула вина.

— Илкехан мертв, но Шелтии остаются.

— Ты никак не можешь помириться с ними? — мягко спросил Планир.

— После того, как я посвящала твоих ученых в тайны мудрых? — Горянка со стуком поставила свой бокал, и вино пролилось на полированную столешницу. — Вряд ли.

Верховный маг был невозмутим.

— Книги, которые мы только что забрали из библиотеки Илкехана, должны содержать более чем достаточно секретов, чтобы удовлетворить менторов Кола, Ванама или любого другого места. — Он показал на дверь, искусно скрытую в панелях дальней стены. — Я бы хотел, чтоб ты помирилась с Шелтиями, чтобы ты стала свободной и могла жить так, как пожелаешь. Пока тот день не настанет, я буду защищать тебя по мере моих сил от Шелтий, эльетиммов и всех, кто мог бы третировать тебя здесь.

Аритейн вспыхнула алым цветом, чуждым ее бледной коже.

— Увидимся завтра.

— Как пожелаешь. — Планир встал и учтиво поклонился. — Но помни, моя дверь для тебя всегда открыта.

Девушка ушла не оглядываясь. Было слышно, как она то-ропливо сбегает по лестнице. Планир постоял минуту у двери, запустив длинные пальцы в волосы. Потом тяжело вздохнул, то ли от досады, то ли от усталости, и ногой захлопнул дверь.

Оставив волосы встопорщенными, Верховный маг подошел к высокому окну, игнорируя нетронутый бокал с вином. Он пристально посмотрел вдаль, за каменные крыши Хадрумала.

— Как скоро я смогу гадать на тебя, моя дорогая? — пробормотал Планир. Зеркало стояло на подоконнике перед ним, блестящая сталь в темной раме из красного дерева, рядом — пустой серебряный подсвечник.

Что-то во дворе привлекло его внимание.

— Как всегда вовремя, мастер Очага, — сардонически протянул Верховный маг.

Приглаживая волосы, он быстро пошел к двери и схватил с крючка на внутренней стороне свою парадную мантию. Надевая ее, Планир убрал со стола бокал Аритейн и вытер рукавом пролитое вино. Затем потянулся к гадалочной чаше, но, слегка улыбнувшись, оставил ее на месте.

— Входи.

Калион постучал и, едва дождавшись разрешения, открыл дверь. Верховный маг сидел на подоконнике, водрузив ноги на стул, небрежно отодвинутый от стола. Рядом стоял бокал вина. В руке Планир держал маленькую книгу, переплетенную в кожу, вытертую от старости и выцветшую до бледно-зеленого цвета.

— Ты когда-нибудь читал дневники Азазира? — Он нахмурился, вглядываясь в неразборчивые слова, все еще яркие черные на пожелтевших страницах.

Калион был заметно сбит с толку.

— Азазира?

— Ага, — рассеянно протянул Верховный маг. — У этого опасного безумца водились бесспорно любопытные идеи. — Он покачал головой. — Я бы дорого дал, чтобы узнать, как он вызвал того своего дракона, но, боюсь, этот секрет умер вместе с Отриком.

— Тем более жаль. — Неподдельное переживание смяло жирное лицо Калиона. — Ты нашел какие-нибудь намеки? — Он впился в книжку алчным взглядом.

— Пока нет. — Планир захлопнул дневник. — Но это могло бы стать интересным проектом. Я думал о роли Верховного мага в свете того, что говорили вы с Троанной. И пришел к довольно мрачному выводу, что мы с моими предшественниками затрачиваем слишком мало времени на саму магию, на действительное увеличение суммы наших магических знаний. Мы так погрязли в мелочах повседневной жизни Хадру-

мала, что забыли первое и главное требование Трайдека к этой должности. — Он выжидательно посмотрел на Калиона.

Мастер Очага снял случайную нитку с переда своего бархатного платья.

— Трайдек установил много заповедей, когда основал здесь свою школу магов. Какую из них ты имеешь в виду?

Планир улыбнулся:

— Ту, что Верховный маг возглавляет исследование в области объединенной магии всех четырех стихий.

Калион сел на стул, не дожидаясь приглашения.

— Это интересный план.

— Это обязанность моей должности. Обязанность, которой давно пренебрегают. — Планир больше не улыбался. — Я твердо намерен исправить эту ошибку.

— Поэтому ты только что вызвал Гериона и Рафрида? И Саннин? — Сквозь возмущение Калиона проглядывало подозрение. — Чтобы изучать потенциал объединенных стихий, ты, как Верховный маг, должен работать с магами, выдающимися в своих стихиях.

— Как без усталости напоминает мне Троанна, у нас нет мастеров для полной магической связи, верно? — Планир внезапно оживился. — Мы довольно часто это обсуждаем. Надеюсь, нечто более увлекательное привело тебя сюда в этот солнечный день?

Толстяк пытался вернуть себе решимость, которая толкала его вверх по лестнице.

— Насколько я понимаю, у тебя здесь была та женщина — Аритейн. — Он с недоверием взглянул на гадальную чашу.

— Вижу, Эли по-прежнему проводит больше времени у окна, нежели за книгами. — Верховный маг спокойно встретил взгляд Калиона. — Я был бы признателен, если б ты умерил тон. Ибо ты говоришь так, будто мы тут с Аритейн развлекаемся. Почему я не должен советоваться с единственным знатоком Высшего Искусства, какой у нас есть, когда эльетиммы вновь угрожают всем нам?

— Что она тебе сказала? — строго спросил толстяк. — Что происходит? Мы имеем право знать, я и Троанна, и все мастера Залов.

— За океаном? — Планир пожал плечами. — Тебе известно, как опасно было бы гадать или связываться с любым из тамошних магов...

— Ты имеешь какое-нибудь представление, что затевают Шив и Узара? — От досады лицо Калиона приняло кислое выражение. — Ты в курсе, что они наняли корабль, набитый головорезами, которых они собрали из разных портов на океанском побережье?

Планир невозмутимо кивнул.

— Они могут натворить бед и повредить репутации магов. — Мастер Очага сверкнул глазами. — Огромное множество людей не одобряет, что ты позволил им уехать без разрешения Совета. А Совет против того, чтобы маги вмешивались в дела Д'Алсеннена.

— Интересно было бы узнать, кто считает себя вправе критиковать меня в такой спесивой манере. — Верховный маг выжидательно посмотрел на Калиона, но толстяк упрямо молчал. Планир пожал плечами и продолжил с недоумением: — Мне непонятно твое возражение. Сколько лет ты доказывал, что пора кончать с изоляцией Хадрумала, что надо участвовать в делах всего мира? Ты очень убедительно доказал, что угроза эльетиммов дает нам благоприятную возможность показать народам материка, что мы можем сделать для их защиты.

— Под руководством Совета, — огрызнулся Калион. — Всегда.

— Увы, это вечный камень преткновения. — Планир с сожалением покачал головой. — Все, от принцев до свинаярей, не доверяют магам с их верностью этому таинственному Совету и всем его скрытым целям. — На лице Верховного мага появилось простодушное выражение. — Конечно, Высшее Искусство избавит их от такого риска. Я очень боюсь,

как бы эфирная магия не стала нашей гибелью без всякой нужды в атаке эльетиммов.

— О чем ты? — подозрительно спросил Калион.

— Я слышал, — Верховный маг поднял палец, — но имей в виду, это только слух, что Тадриол сманивает менторов Ванама.

— Чем? И для чего? — тотчас насторожился мастер Очага.

— Полагаю, он обещает им Императорскую грамоту, чтобы основать новый университет в любом городе по их выбору, — задумчиво ответил Планир. — Университет, где ученые будут собирать все остатки эфирного знания из молебнов тормалинских храмов, из архивных источников вроде того песенника, найденного Ливак, и из всевозможных документов, спрятанных в сундуках великих Домов. — Планир вздохнул. — Добавь те знания, какими захочет поделиться барышня Тор Примиаль, и, я полагаю, довольно скоро у Тадриола появится свой избранный круг колдунов — и все они будут связаны с императором узами благодарности и, разумеется, материального долга.

Калион помолчал минуту, обдумывая эту неприятную перспективу, потом снова ринулся в атаку.

— Тем больше оснований вернуть Шива и Узару, прежде чем они дискредитируют магов в глазах императора.

Планир улыбнулся:

— Ты напрасно беспокоишься. У меня есть новости с Саттайфера...

— Ты сказал, что не смеешь гадать... — яростно возразил краснолицый маг.

— А ты не дал мне закончить. — Голос Планира стал холодным. — Благодаря любезности Аритейн я могу заверить тебя, что Шив и Узара проявляют настоящую доблесть. Их магия может лишь прославить Хадрумал.

Калион боролся с собой, но был вынужден задать вопрос:

— Что они делают?

— Всему свое время. — Планир махнул рукой, на которой сверкал перстень его должности. — Я рад, что ты пришел на-

вестить меня, потому что крайне беспокоюсь об Аритейн. Она не жалуется, но я слышу из нескольких источников, что Эли продолжает открыто высказывать пренебрежение к Высшему Искусству вообще и к Аритейн в частности.

— Кто это говорит? — спросил толстяк с деланной небрежностью.

— Не важно, кто. Мне сказали — и этого достаточно. Я не хочу подливать масло в огонь вражды, так усиленно раздуваемой Эли. — В тоне Верховного мага сквозило презрение. — Ты мог бы предупредить свою протеже, что такое поведение не делает ей чести у магов вообще и рискует вызвать мое неодобрение в частности. Я бы сам ей сказал, но Эли, вероятно, считает, что я предубежден против нее, после того как она с наслаждением распространяла злые сплетни о Лариссе. — Планир тонко улыбнулся. — Возможно, она в чем-то права, но мы поговорим об этом в другой раз.

Калион откашлялся, смущенный.

— Я поговорю с девушкой.

— Буду весьма признателен. Если Аритейн почувствует себя здесь слишком несчастной, она вполне может уехать в Ванам или в тот новый университет, что Тадриол основывает для изучения Высшего Искусства. В конце концов, приезжие ученые — чуть ли не единственные люди, мало-мальски вежливые с ней. — Планир казался задумчивым. — Учение Шелтий стало бы значительным дополнением к какому бы то ни было эфирному знанию, какое удастся скопить Тадриолу.

Насупленные брови мастера Очага предвещали беду для злополучной Эли.

— Я позабочусь об этом.

— Я бы это оценил. — Планир снова поднял свою книгу, но положил ее, словно осененный внезапной мыслью. — Есть еще кое-что, что ты можешь для меня сделать. Точнее, для Велинды.

— Что? — Калион был озадачен.

— Ты поощряешь ее стремление быть госпожой Туч. — Планир скорбно улыбнулся. — Было бы любезно с твоей сто-

роны, если б ты предупредил ее заранее, что я не буду предлагать ее кандидатуру Совету.

— Почему нет? — В толстяке вновь возобладало негодование.

— Потому что я буду выдвигать Рафрида, — просто ответил Верховный маг. — Ты не можешь отрицать, что он самый достойный кандидат и по мастерству в своей стихии, и по своему опыту главы Зала Хайвана. Рафрид предпочтительнее по возрасту, ибо внушает гораздо больше уважения, чем Веллиндра, и, несмотря на ее недавние путешествия, он имеет гораздо более широкий круг друзей и знакомых, как здесь, в Хадрумале, так и за его пределами. Он говорил мне, что обменивается мнениями с алхимиками из половины городов между Тормалином и Колом. — Планир хихикнул.

— Он не может оставаться еще и главой Зала, — брызгая слюной, прошипел Калион.

— Действительно. — Планир улыбнулся. — Вы с Троанной убедили меня в этом, будьте уверены. Он уходит с поста в пользу Гериона.

— Того ничтожества? — От удивления у толстяка отвисла челюсть. — Чья это была идея?

— Думаю, это предложение поступило от Шаннет. — Верховный маг добродушно засмеялся. — Эта старая перечница все еще способна нас удивить, верно?

— Она не отходит от своего камина. — Калион был так огорошен, что не скрывал огорчения. — У нее не хватает сил, чтобы подняться по лестнице.

— Это не мешает людям заходить к ней, — заметил Планир. — Может, Шаннет и стара, но с головой у нее все в порядке. И у нее по-прежнему очень много друзей.

— Я скажу Троанне, — отрывисто молвил Калион. Он встал, чтобы уйти.

— Можешь также сказать ей, что я подумал о ее беспокойстве из-за моего положения. — Планир спустил ноги со стула и наклонился вперед. — Она, конечно, права. Каждому Верховному магу нужна поддержка полной магической связи

мастеров стихий. Я буду предлагать Совету нового мастера Камней.

— Галена?

— Нет, — решительно ответил Планир. — Мои сомнения в его пригодности не исчезли, и даже его ближайшие друзья не могут утверждать, что его попытки заискивать перед людьми, предпринятые за прошедший сезон, снискали Галену расположение более широкого круга магов. Я буду выдвигать Узару.

— А как насчет моих сомнений в его пригодности? — вспыхнул мастер Очага. — И Троанна наверняка будет против, — предупредил он, строго глядя на сидящего Верховного мага.

— Знаешь, я так не думаю, — заверил его Планир. — Ей нечего будет возразить, когда Зар расскажет Совету о своем эффективном использовании магии в защите интересов Келларина этим летом.

— Что именно он делает? — сквозь зубы спросил толстяк.

Планир помолчал в нерешительности.

— Лучше, если Узара сам объяснит это Совету, когда тот соберется в полном сборе. Надо соблюдать приличия.

— Раньше ты редко беспокоился о таких вещах, — возразил толстяк.

— Справедливая критика, — кивнул Верховный маг. — Я прислушиваюсь к ней и к упрекам Троанны тоже.

Калион испустил тяжелый вздох.

— Значит, Шив и Узара топят этих пиратов? Обращают в бегство их эльетиммских колдунов? — Он тяжело сел на стул, с которого только что поднялся, и скрестил руки на бочкообразной груди.

— Полагаю, такова общая идея, — сказал Планир. — Узара тесно работает с барышней Тор Приминаль — и это еще один довод, склоняющий чашу весов в его пользу. Если Зар станет мастером Камней, его дружба с Гуиналь может оказаться бесценной для Хадрумала. Что бы Тадриол или кто-либо другой ни предпринимал для объединенного изучения Высшего Искусства, барышня будет в курсе их дел.

Толстяк кивнул, неохотно соглашаясь.

— Когда нам ждать новых вестей?

— Аритейн полагает, что мы сможем безопасно гадать через несколько дней.

— Буду ждать с нетерпением, — с резкостью в тоне произнес Калион.

— А я с нетерпением жду, когда вся эта проблема разрешится, — мрачно откликнулся Верховный маг. — Я хочу, чтобы эльетиммская угроза была устранена раз и навсегда.

— Тогда мы сможем заняться своим делом, — воодушевился мастер Очага. — И упрочить влияние магов на материке.

Планир засмеялся:

— На самом деле мне просто хочется снова увидеть Лариссу. Ты знал, что она помогает Зару и Шиву? Думаю, она намного продвинется в понимании возможностей двойного родства. — Он снова взялся за книгу. — У Азазира есть любопытные теории, и я жажду обсудить их с ней. И, кто знает, возможно, Ларисса наконец согласится выйти за меня замуж.

— Выйти за тебя замуж? — ошеломленно переспросил толстяк.

— Если она согласится терпеть мой вздорный характер и все тяготы моей должности. — Верховный маг приветливо улыбнулся. — Я должен поискать для Лариссы какие-нибудь драгоценности, достойные выразить мое к ней уважение.

Калион встал.

— Я прощаюсь с тобой, Верховный, — натянуто молвил он. — Надеюсь, меня сполна информируют, как только ты получишь новости из Келларина или Сатайфера.

— Разумеется. — Планир махнул рукой на прощание, когда толстяк, кипя от досады, оставил кабинет.

Верховный маг откинулся назад и отыскал в помятом дневнике то место, на котором остановился. Перевернув страницу, Планир перестал читать, заложил книгу пером и посмотрел на ждущее зеркало. Качая головой, он встал и быстро пошел к двери в панелях.

— Итак, что мы добыли? — Верховный маг проскользнул в дверь и сморщил нос от запаха дыма и горелой кожи.

— Тебе нужен кто-нибудь из библиотеки, чтобы правильно составить каталог. — Средних лет маг с мягким лицом изучал свиток, который трещал, когда его разворачивали. — Разве мы, ничтожества, способны понять, на что смотрим? — со смехом добавил он.

— Возможно, нам и вправду стоит пригласить библиотекаря. — Крепкий мужчина, почти ровесник Планира и Гериона, стоял на коленях возле камина, складывая в него сильно обугленные тома. Он смахнул черные хлопья со своей голубой манжеты. — Эти лучше рассортировать тебе, Саннин. Никто не удивится, почему от тебя пахнет гарью. — Он улыбнулся статной женщине, сидевшей на кровати под шелковым пологом.

— Спасибо, Рафрид, но я не хочу, чтобы люди думали, будто я теряю хватку. — Саннин заправила за ухо прядь глянцевого каштанового волос, пролистывая какую-то книжицу. — Тот маленький маскарад заставит Калиона гоняться за своим хвостом, пока мы не получим более определенные известия.

— А Троанна будет гоняться за Калионом, — хихикнул Рафрид. — И за каждым, кто мог бы знать, что мы затеваем.

— Меня действительно интересует объединенная магия. Я бы хотел заняться ею всерьез. — Герион поднял глаза от свитка.

— Разумеется, когда мы разделимся с эльетиммами. — Планир прислонился к двери. — Вы же не думаете, что я лгал нашему уважаемому мастеру Очага?

Рафрид положил страшно обгоревшую книгу и проворно отряхнул руки.

— Первое, о чем Калион будет говорить Троанне, это твой план возвысить меня над остальными равными мне магами. За что моя самая искренняя благодарность, Верховный. — Вид у него был не столько обрадованный, сколько покорный.

— Если не хочешь такой чести, можешь обсудить это с Шаннет, — предложил Планир.

Рафрид притворился, что обдумывает это.

— Нет, я предпочту бремя этой должности попрекам Шаннет.

— Она бы тебя никогда не простила, — улыбнулась Саннин, все еще погруженная в чтение.

— У тебя есть какие-нибудь притязания на честь госпожи Очага? — невзначай спросил Верховный маг.

— У меня? — Саннин в полном изумлении подняла голову. — Нет, совершенно никаких.

— Ты бы так и сказала людям, если б возник столь любопытный слух? — заботливо уточнил Планир.

— Именно так. — Саннин вернулась к своей книжке.

— Когда все узнают о выдвижении Рафрида, половина Совета будет стучаться в наши с ним двери. — Герион взглянул на Рафрида, потом на Верховного мага. — Нам лучше заранее договориться об ответах.

Планир кивнул:

— Идите и учите свои роли. Эти книги могут подождать.

— Я пришлю кого-нибудь надежного из библиотеки Хайвана, — предложил Рафрид, когда они вдвоем выходили на лестницу через вторую дверь.

— Спасибо.

Планир проводил их до двери, но оставил ее приоткрытой и обернулся к Саннин, которая все еще была поглощена чтением.

— Ты готова рисковать своей репутацией, если тебя обнаружат наедине с Верховным магом в его спальне? — Под этой шуткой скрывалась горечь.

— У тех, чьим мнением я дорожу, моя репутация не вызывает сомнений. — Не поднимая головы, Саннин рассеянно теребила пуговицу на приятно округлом лифе своего алого платья. — Ты действительно хочешь просить Лариссу выйти за тебя замуж?

— Я же сказал, что не лгу Калиону. — Планир сел на кровать рядом с Саннин. — Ты не одобряешь?

Магиня внимательно посмотрела на него.

— Это не мое дело — одобрять или не одобрять. — Она с дружеской нежностью поцеловала его в щеку, прежде чем встать. — И я перестала указывать на волчьи ямы на выбранном тобою пути, когда мы еще были учениками. Просто будь осторожен.

— Я тронут твоей заботой, — ухмыльнулся Планир. — Но что за жизнь без риска?

— Спокойная и безопасная. Я гораздо больше тревожусь о Лариссе, — с упреком заметила Саннин. — У тебя шкура деревенского быка и такое же мужество, но Ларисса еще ученица. Я знаю, у нее двойное родство и хороший ум, но она не так сильна, какой хочет казаться. Ларисса всегда считала, что должна соответствовать твоему уровню, особенно в глазах других, потому что ты оказал ей предпочтение. Она стремится во что бы то ни стало оправдать твои ожидания. Я не раз видела, как Ларисса лезет вон из кожи, чтобы доказать, на что она способна... не она первая, конечно. — Саннин печально улыбнулась, качая головой. — Я рада, что у нее есть Узара. Он удержит девочку от беды. А теперь мне пора вернуться: проверю, как там мои ученики, не поджег ли кто себя.

Саннин не оглядываясь пошла к двери и закрыла ее за собой, только широкие юбки прошелестели по деревянному полу.

Верховный маг посидел минуту, затем пошарил под подушками. В самом углу, возле кроватного столбика с привязанной к нему желтой шелковой занавеской, Планир нашел прозрачную газовую шаль, вышитую легкомысленными голубыми цветами. Он поднес нежную ткань к лицу и глубоко вдохнул, закрыв глаза. Его ласковая улыбка оживилась озорной решимостью.

Планир подошел к окну и поднял руку с огромным перстнем Верховного мага. Центральный бриллиант поймал яркий солнечный свет и разбил его на мириады радужных осколков, оказавшихся в ловушке внутри граней. Сняв с соседнего пальца помятое серебряное кольцо, Планир бережно надел его рядом с символом своей должности. Серые глаза Верховного

мага сузились, и новый огонь мягко засветился в драгоценных камнях, окружающих бриллиант. Чистый янтарный свет усилил таинственное изумрудное сияние, а рубин запылал багряным теплом, контрастирующим с холодной голубизной сапфира. Лицо Верховного казалось высеченным из мрамора, когда он направил всю свою концентрацию на светящиеся драгоценные камни, теперь затмевающие блеск самого солнца. Бриллиант загорелся еще ярче, черпая цвет у других драгоценных камней, мимолетные радуги окаймляли его блеск. Старое серебряное кольцо потерялось в этом сиянии, пока магия, ослепительно вспыхнув, внезапно не исчезла. Планир стал задыхаться. Его лоб был мокрым от пота, по телу пробежала дрожь.

Морщась от боли, Верховный маг осторожно снял с пальца серебряное кольцо, на месте которого теперь краснела полоска вздувшихся волдырей. Планир изучил дело рук своих. Некогда тусклое, истертое кольцо стало ярким, ни царапинка, ни пятнышко не портили его гладкую поверхность. Оно сияло богатым серебряным блеском, смягченным лишь малой примесью золота. Выходя из спальни, Верховный махнул рукой, и замки на обеих дверях, ведущих в коридор, тихо щелкнули запираясь.

Планир надел кольцо на указательный палец, взял свечу с каминной полки, а с подоконника — зеркало и подсвечник. Щелкая пальцами, он снова поморщился от боли, но свеча все равно загорелась неистовым пламенем. Его отражение засияло в стали, и Планир положил руки на темную деревянную раму, сосредоточиваясь на заклинании, сжатом до диска живой яркости величиной с ноготь большого пальца.

— Ларисса? — прошептал Планир. — Дорогая?

— Верховный? — Ее испуганный голос прозвенел в заклинании.

— Просто слушай. — Он наклонился к самому зеркалу. — Илкехан мертв. Они убили его и изрезали его тело, поэтому

Д'Алсеннен сможет атаковать пиратов без страха перед Высшим Искусством в пределах дня.

— Я свяжусь с Заром... — начала Ларисса.

— Нет, — перебил Планир. — Нет, пока я не узнаю, что это безопасно. Какой-то колдун все еще может найти остаток силы и попытаться причинить неприятности. Просто жди... и у меня есть для тебя кое-что. Оно поможет тебе, если дойдет до боя...

Хмурясь, Верховный маг затаил дыхание. Потом дернулся от внезапного шока и отшвырнул от себя зеркало, сбивая свечу. Горячий воск брызнул на руку. Уже не чувствуя этой опалюющей боли, Планир без сознания привалился к спинке кресла, из одной ноздри сочилась струйка крови. Но серебряное кольцо исчезло с его пальца, остался лишь красный след ожога.

САТАЙФЕР, ЧАСОВОЙ ОСТРОВ, 10-е ПРЕДЛЕТА

— Узара, проснись!

Чей-то настойчивый голос разбудил мага.

— Гуиналь? — Он резко сел и выругался, слетев с гамака. Потом огляделся, потирая ушибленный бок.

— Нет, это я, Ларисса.

— Зар? — Услышав голоса, Хэлис пошла к навесам из свежих веток, построенных по ее приказу для защиты постелей от ночного дождя и раннего утреннего света. — По-моему, я велела тебе отдохнуть.

— Во что ты играешь, во имя всего святого? — Узара уставился на яркий вихрь бело-голубого света.

— Илкехан мертв, — с ликованием объявила невидимая девушка-маг.

— Как ты узнала? — строго спросила Хэлис. Не глазея попусту на магическую связь, наемница схватила со своих одеял кожаную сумку с картами.

— Планир мне сказал.

Пока Узара удивлялся застенчивой нотке в голосе Лариссы, с пляжа прибежал Темар. Вопросы молодого съера перебивали вопросы Хэлис:

— В чем дело?

— Когда он умер?

— Планир только что со мной связался.

Хэлис нахмурилась, с пергаментом в руке повернувшись к ослепительному сиянию.

— Как насчет Ливак? Где она?

— И Райшед? — Темар снял свой пояс для меча с ободранного молодого деревца, подпирающего навес, надел его и застегнул пряжку. — Они вернулись в Хадрумал, или они идут сюда?

— Планир сообщил мне только, что Илкехан мертв, и все, — защищаясь, ответила Ларисса.

— Но колдуны Мьюрдарча живы, — поспешил напомнить Узара. — Нам нельзя долго болтать.

— Значит, Планир говорит, чтобы мы готовились к походу? Он сказал что-нибудь еще? — Хэлис направилась к костру у пиратской хижины.

— Ничего существенного.

Узара вновь услышал в словах Лариссы ту странную застенчивость. Но его любопытство рассеялось от шума, который создавала Хэлис, колотя длинной металлической ложкой по железному котелку.

— Шевелитесь, или я сама вас расшевелю! — дружески проревела она. — Я хочу, чтобы все приготовились к походу.

— Мы свяжемся с тобой, когда решим, что делать дальше, — обратился Узара к мерцающему витку магии, и заклинание Лариссы, закрутившись спиралью, исчезло.

Аллин уже вышла из хижины и во все глаза смотрела на пустой воздух.

— Когда она этому научилась? — вслух удивилась девушка-маг.

Узара сидел в гамаке, натягивая сапоги, но вопрос заставил его призадуматься.

— Это был один из любимых трюков Отрика. Ларисса была когда-нибудь его ученицей?

— Если Илкехан мертв, почему мы не услышали об этом от Ливак? — Хэлис взяла чайник и пронзительно свистнула, подзывая ближайшего матроса.

— Возможно, Шив не в состоянии творить магию, — предположил Узара.

— А Сорград не может с тобой связаться? — осведомилась наемница, передавая чайник. — Наполни его.

Маг покачал головой:

— Он еще не довел свое умение до совершенства.

— Если Шив ранен, я хочу знать, что у них происходит, — мрачно изрекла Хэлис.

— Я тоже, — пробормотал Перид. Он стоял позади Аллин, сосредоточенно выравнивая стопку рисунков.

— Это не важно... Прости, это, конечно, важно, но... — Темар виновато глянул на художника и снова повернулся к Хэлис. — Если Илкехан мертв, мы должны атаковать, пока пиратские колдуны еще потрясены смертью своего хозяина.

— С Шивом все в порядке, я уверена. — Аллин утешающе улыбнулась Периду, и Д'Алсеннен удивился, что когда-то мог считать ее некрасивой.

— Эта новость способна и Мьюрдарча выбить из колеи, — сказал Узара.

Хэлис кивнула:

— Но мы должны быть уверены, что те колдуны сняты с доски и возвращены в свой ящик.

Аллин поворошила костер. Новые дрова охватило веселое пламя.

— Планир не велел бы Лариссе сообщать, если б нам угрожала какая-то опасность.

— Ларисса — последний человек в Хадрумале, кого он подверг бы риску, — согласился Узара. Ему стало больно от собственной правоты.

— Пусть Гуиналь выяснит, как чувствуют себя эльетиммы Мьюрдарча. — Темар протянул руку в сторону деревянной хижины с закрытыми ставнями.

— Прошлой ночью барышня спала еще меньше, чем я, — резко возразил Узара. Но, увидев возмущение Д'Алсеннена, он постарался смягчить тон. — Ухаживать за Налдетом очень утомительно. Ты не слишком много требуешь от Гуиналь?

— Но это несложно. — Открытое лицо Темара выдало его досаду. — Будь у меня побольше опыта, я бы сам это сделал.

— Я приготовлю ей хороший настой. — Аллин встала, смахнув с юбок песок и золу, и порылась в сундучке, где Перид бережно хранил свои банки с пряностями. — А ты его отнесешь, ладно, Зар?

— Конечно. — Узара надеялся, что никто не заметил его смущения, вызванного ободряющей улыбкой Аллин.

— Допустим, смерть Илкехана вырвала жало у колдунов Мьюрдарча. — Темар воинственно повернулся к наемнице. — Мы должны решить, как будем атаковать. Мы достаточно долго обсуждали варианты.

Хэлис покосилась на Перида.

— Если Ливак и Шив в беде, наша атака может отвлечь того, кто их преследует, да будет на то воля Сэдрина.

— Как только мы отправим пиратов к парому Полдриона, мы сможем спасти наших. — Аллин с надеждой перевела взгляд с Хэлис на Темара.

Наемница сдвинула брови, в раздумье притопывая ногой.

— Прежде всего надо решить, как лучше использовать Дарни и Лариссу. С ним большая часть отряда, и они бы здорово помогли нам, если б атаковали с тыла.

Д'Алсеннен покачал головой:

— Не думаю, что мы можем полагаться на Дарни. Мы понятия не имеем, сколько у него раненых и как далеко они убежали, чтобы ускользнуть от погони.

— Дай я тебе помогу, Аллин. — Узара пошел за чашками. Он не хотел снова ввязываться в этот спор.

Хэлис помрачнела.

— Потребуется слишком много времени, чтобы корабль с одним из наших отрядов обогнул Сатайфер и поднялся по проливу с юга.

— Все равно те два сожженных пиратских судна почти загородили пролив, — напомнил Узара. — Двусторонняя атака — это, конечно, хорошо, но мы ничего не выгадаем, раскалывая наши силы. Мьюрдарчу будет проще разделаться с нами по частям.

— Гуиналь может вызвать «Эринго» Высшим Искусством, или я могу, — поспешно уточнил Темар, заметив упрек во взгляде мага.

— Те корабли нужны для блокады. — Хэлис покачала головой. — Мы не поймаем всех крыс, но будь я проклята, если позволю им сбежать обратно в Калавен, чтобы досаждать нам в какой-нибудь другой сезон. Так что используй свое Высшее Искусство для передачи приказа «Эринго» и остальным: пусть топят любую лодку, какую увидят.

— На келларинских берегах пираты тоже ни к чему, — добавила Аллин, завязывая лоскутки муслина, наполненные шепотками трав.

— Действительно. — Темар скрестил руки в бессознательном подражании Хэлис. — Поэтому мы ударим по стоянке всеми силами одновременно. Это значит, что вам потребуется каждый человек, способный держать меч. Я тоже иду.

— Конечно, идешь. — Улыбка наемницы была столь же свирепой, сколь неожиданной. — Это твой первый настоящий бой за твою колонию. И ты возглавишь его, даже если мне придется стоять позади тебя с кнутом.

Аллин, разливавшая воду в чашки, так и замерла с чайником в руке.

— А нельзя опять атаковать ночью? — озабоченно спросила она. — Это не безопаснее для всех вас?

— Дважды нам тот фокус с рук не сойдет. Если Мьюрдарч не удвоит стражу на закате, то я — избранная Кола.

Слова Хэлис служили скорее объяснением, чем упреком. Темара это порадовало, хотя у него мелькнула мысль, что было

бы приятно, если б наемница хоть изредка проявляла такое же терпение по отношению к нему.

— Кроме того, ночной набег — это одно, а массовая атака — совершенно другое дело, — продолжала Хэлис. — Нам нужно видеть, кто что делает, и когда пираты будут сломлены, нам нужно знать, куда они побегут. В том лесу и днем легко скрыться, а в темноте мы бы сразу их потеряли. Весь бой оказался бы таким же бестолковым, как драка двух кошек в мешке.

— Вряд ли нам удастся так же эффективно использовать лучников, как в прошлый раз. — Узара взял горячий настой, в раздумье наморщив лоб.

— Не удастся, — согласилась Хэлис и благодарно кивнула, беря у Аллин чашку. — У них осталось очень мало стрел, и это еще один повод ввести в дело Дарни. Зар, когда свяжешься с Лариссой, скажи ей, что нам нужна от них диверсия. Пусть те, кто там еще может ходить и махать палкой, хорошенько пошумят. Если удастся хоть немного разрознить пиратов, мы сумеем вбить клин.

Аллин поставила чайник на землю.

— Многие из пленных, кого мы спасли, захотят пойти. Так они говорят.

Темар скорчил гримасу.

— Они еще слишком слабы, как бы ни была сильна их ненависть. — Парень с сожалением вздохнул. — Налдет был едва жив, когда те гады бросили его акулам.

— Несколько дней отдыха и еды не вернут им силы для настоящего боя. — Хэлис повернулась к открытому пляжу. — Сержанты, ко мне! — проревела она. — Приступим к разработке плана, а? — Морщась, наемница еще раз глотнула обжигающий настой, затем бросила промокший муслиновый комок в костер, где он зашипел и начал тлеть. Остаток она вылила на землю, дабы ее увлажнить, и подобрала палочку — процарапать контур в почве.

— Позволь мне, — предложил художник, но земля начала корчиться под веткой Хэлис, создавая очертания пиратской стоянки, окутанные туманной охровой дымкой.

— Тогда позволь мне отнести настой. — Пери́д взял у Аллин одну из чашек и постучал в дверь хижины.

— Войдите, — слышался тихий голос барышни.

При виде художника Гуиналь предостерегающе прижала палец к губам. Люди храпели и ворочались на своих тюфяках, в спертom воздухе пахло потом и ранами.

Перид вручил ей чашку.

— По-моему, ты должна отдыхать.

— Когда Хэлис кричит так, что ее слышно в Ином мире? — Барышня недоуменно подняла брови. — Что за новости?

Она встала в дверях и посмотрела на Хэлис, Темара и Узару. Русая, черная и лысая головы склонились вместе над импровизированной картой, тогда как Аллин занялась более прозаичным делом — срезанием мяса с тушек местных грызунов. Его она добавила к лущенной пшенице, которую поставила замачиваться еще раньше.

— Планир сообщил, что Илкехан мертв, — объяснил художник.

— О, эти маги. — Гуиналь с досадой шелкнула языком. — Неужели нельзя было подождать, когда я проверю, свободен ли путь?

— Никто не хочет тебя обременять, — дипломатично заметил Пери́д. — Все понимают, как много требуют от тебя твои обязанности.

Барышня улыбнулась, глядя в чашку с ароматным настоем.

— Шив — счастливый человек.

Улыбка художника не смогла пересилить гнетущее его опасение.

— Мы не знаем, что именно случилось на Ледяных Островах.

— Значит, Темар хочет, чтобы я выяснила. — Гуиналь потянулась к широкой, испачканной чернилами руке Пери́да. — Давай вместе посмотрим. — Она повела художника в душный мрак хижины и поставила свою чашку на свободный уголок доски, заменяющей стол. — У вас такая любовь, что,

следуя за ней, я могла бы найти Шива в диких землях за Со-
лурой. — Барышня прошептала заклинание.

Внезапно для них обоих они увидели Шива, сидящего под
колючим кустом. Пери́д сжал пальцы дворянки.

— Шив прячется? Они в опасности? — Невообразимая
боль пронзила невысказанные мысли художника. — Что-то
неладно.

— Все хорошо. — Почувствовав эту боль, Гуиналь обрати-
лась прямо к его здравому смыслу, чтобы прогнать страхи,
порожденные его воображением. — Что бы они ни делали,
это утомило Шива, но он восстановится. И, кажется, твой
друг весьма доволен своей работой.

«Где он?» — молча поинтересовался Пери́д, и эта мысль
прозвучала в тишине, созданной в границах заклинания.

— Не знаю, — покачала головой барышня. — Но он чув-
ствует себя в безопасности.

Художник без объяснений понял двойной смысл ее отве-
та. Шив считает, что он в безопасности, и Гуиналь не чув-
ствует непосредственной угрозы, нависшей над ним.

— Они все в безопасности? Ливак? Райшед?

— Насколько я могу судить.

Барышня нахмурилась. Как же трудно читать мысли ма-
гов, когда они не творят свою магию стихий. Гуиналь не со-
мневалась бы так в Узаре, если б могла ощутить, что он чув-
ствует к ней на самом деле. Возможно, тогда ей не пришлось
бы полагаться на кого-то вроде Пери́да и искать себе опору в
его обязательствах и привязанностях. Дворянка торопливо
отбросила эти неуместные размышления, пока художник не
уловил их, и на нее тут же обрушился целый поток образов.

Убитая горем женщина прятала истерические слезы за
вымазанными кровью руками и длинными, спутанными во-
лосами. Ее безумные эмоции ударили Гуиналь как пощечина.
Ужас, вызванный смертью ее защитника, переплетался со
стыдливым облегчением, оттого что ее жизнь больше не будет
зависеть от его прихотей и жестокости. Новая страшная ис-
тина придавила то слабое утешение. Если нет Илкехана, кто

станет теперь ее господином? Если она избежит рабства или участи наложницы, что она будет есть?

Безжалостная, Гуиналь резко освободилась от бессвязных мыслей женщины, вытаскивая с собой Перида. Бесшумные голоса и мелькающие лица заполнили эфир. Какого рода Высшему Искусству учатся эти эльетиммы, если у них так мало дисциплины, так мало самообладания? Их эфирная магия — зверское, разьедающее искусство, оно заставляет людей бурно реагировать и, используя их несдержанность, предает их в чужие руки.

Необузданное Высшее Искусство порождало необузданные эмоции. Гуиналь увидела лысоватого мужчину с крупным обветренным лицом. Он давно дожидался смерти Илкехана и теперь был полон решимости защитить свою землю и людей от ее последствий. Другой, более молодой, с тревогой понял, что потеря союзника оголяет его фланг. Образ незащищенного замка на открытом песчаном берегу возник в его мысленном взоре и исчез, сменившись более ужасным зрелищем его собственной наготы под опускающимся клинком. Живое воображение представило, как сияющая сталь вонзается в белую трепещущую кожу, увидело алую кровь на серебристом клинке, рассеченную плоть и сухожилия. Живот скрутило страхом, когда мужчина осознал, что никто не станет слушать его оправданий. Он сдался Илкехану, чтобы спасти свою жизнь, но теперь всему конец. Внутри у Гуиналь все сжалось от сочувствия, и барышня испугалась такой реакции.

Перид задохнулся.

— Я больше не могу, госпожа моя.

Ну конечно, художник гораздо впечатлительнее, чем она. Вот почему Гуиналь так потрясена.

— Оставайся со мной.

Барышня соткала заклинание, чтобы дать Периду небольшую передышку от гомона эмоций. Она укрепила свою собственную защиту, когда надежды, страхи, предположения и воспоминания закружили в эфире, колотясь о ее самообладание.

Морщинистое лицо старухи ликovalo. Она радовалась смерти своего врага, думая, что теперь может умереть спокойно. Рядом молодая женщина ярилась на кого-то или что-то, борясь с каким-то непонятным Гуиналь принуждением, и на миг дворянка увидела тень решетки на изможденном и напряженном лице. Отчаяние губит эту женщину, с жалостью осознала Гуиналь. Негодуя на свое положение, она все глубже впадает в немыслимую тоску по тому, что ушло и никогда не вернется.

Потрясенная видом этой женщины, столь ограниченной своими чувствами, Гуиналь отвлеклась и не заметила приближения чужого могучего ума. Его мимолетное касание было таким леденящим, что у нее по рукам побежали мурашки. Столкновение с этим хитрым разумом смело все другие шепчущие эмоции, и барышня поспешно укуталась всеми маскирующими заклинаниями, каким ее научили. Та жадная, ищущая мысль двинулась дальше. Гуиналь не смогла определить, мужчина это или женщина, но она уловила его скрытые чувства. Незнакомец был осторожен и честолюбив и жаждал извлечь выгоду из такого поворота событий. Кто бы это ни был, он был так же хорошо обучен секретности, как любой адепт усыпальницы Острина.

— Лицо, спрятанное от всех. — С этим заключением Гуиналь осторожно отступила по проверенным тропам ритмичного заклинания и увела Перида от непроходимой трясины горя, смятения и ожидания. — Смерть Илкехана вызвала хаос. Эльетиммы мечутся, как муравьи в разворошенном муравейнике.

Художник открыл глаза и потер занемевшую шею.

— Верно сказано, моя госпожа. — Он печально поморщился. — Я чувствую себя так, будто полдня просидел за копировальным столом.

— Это справедливое сравнение для требуемой концентрации. — Гуиналь указала на свою коллекцию бутылок, выстроенных по цвету и высоте. — Если у тебя болит голова, я могу

дать тебе хорошее снадобье. — Жаль, у нее нет средства, чтобы успокоить дрожь в собственном уме.

— Спасибо, но я, пожалуй, обойдусь. — Перид встал, потирая шею. Его взгляд был обращен внутрь. — Это замечательный опыт, даже более замечательный, чем в прошлый раз.

— Гуиналь!

Услышав голос Темара, оба вздрогнули и повернулись к двери. Д'Алсеннен стоял на пороге и нетерпеливо манил барышню.

— Через минуту, — отмахнулась Гуиналь. — Когда у нас будет свободное время, я дам тебе несколько уроков. Думаю, ты мог бы стать настоящим адептом.

— Жаль, что я раньше не догадался поучиться Высшему Искусству. — Художник не скрывал горечи. — Я бы не чувствовал себя здесь таким бесполезным.

На Гуиналь снизошло вдохновение.

— Ты можешь быть полезен мне и Налдету, если захочешь. Спасибо Острину, его рана заживает, он молод и силен, и это поможет ему справиться с физической болью, — заговорила барышня тихим, доверительным тоном, забирая с доски на козлах свежие повязки, горшок целебной мази и бутылочку темно-коричневого стекла. — Но у него нет желания жить. Он считает, что опозорил свое призвание, подвел своих учителей, Паррайла и всех остальных несчастных, захваченных пиратами.

— Он проснулся? — Перид был заметно огорошен.

— Вряд ли, но я слышу его мысли.

Вспоминая об этом, Гуиналь невольно закусила губу. Ей действительно нужно выпасться, и как можно скорее. Общество художника также побуждало ее к слабости. В конце концов, его открытое дружелюбие обезоруживало многих людей, не только ее.

Перид энергично покачал головой:

— Их кровь на руках Мьюрдарча, не Налдета.

— Я не могу убедить его в этом, — вздохнула барышня. Она осторожно пошла меж тюфяков к кровати в задней части хижины.

Художник последовал за ней.

— Что я должен сделать?

— Поговори с Налдетом. Он может слышать тебя, несмотря на боль и лекарство, притупляющее чувства. — Гуиналь положила пальцы на руку Перида. — Напомни ему обо всем, ради чего стоит жить. О любви, красоте, дружбе, честности, которые борются с ложью.

— Ты не можешь сделать это своим Высшим Искусством? — полюбопытствовал Перид.

— Нет, пока я сама не убеждена, — откровенно призналась барышня. Потом вдруг замерла и отдернула руку. Она сказала это вслух или только подумала?

Художник сочувственно обнял ее. Гуиналь еще больше испугалась и резко отступила.

— Налдет так уязвим. Я бы злоупотребила своими силами, если бы стала ему что-то внушать.

Это маг уязвим, не она. Адепт Высшего Искусства не может позволить себе быть уязвимой. Барышня посмотрела на Налдета. Он спал в одной помятой льняной рубаше, достаточно длинной, чтобы сохранить его скромность.

— Подержи.

Перид взял бинты и мазь, и Гуиналь почувствовала его инстинктивное сострадание, когда осторожно снимала повязки с культи мага. Она снова отвлекается на пустяки, мысленно укорила себя дворянка. Должно быть, это последствие того грубого потрясения, что устроили ей те недисциплинированные эльетиммы.

— Его рана выглядит намного опрятнее. — Художник старался говорить бодро.

Гуиналь внимательно осмотрела швы, черные на белой коже.

— Нам пришлось отпилить кость посередине бедра, чтобы иметь достаточно кожи для культи. — Она нежно стерла

темную корку. — Но это даже хорошо, потому что мы надежно удалили всю разорванную плоть, которая могла бы омертветь. Теперь нет никаких признаков гниения, и рана хорошо застывает. — Дворянка многозначительно посмотрела на Перида и кивнула на мага, чье лицо было не расслабленным во сне, а неестественно застывшим.

— Такого остатка ноги хватит для протеза, если Налдет предпочтет его костылю, — с удовлетворением заметил художник, а сам встревоженно посмотрел на Гуиналь.

Барышня одобрительно улыбнулась и начала смазывать рану свежей мазью. Все тело мага напряглось под легкими прикосновениями ее пальцев, и Перида съежилась от сочувствия. Да, решила Гуиналь, лучшего помощника для ухода за ранеными ей не найти. И в отличие от нее художника не будет мучить постоянное самобичевание Налдета, осознанное или неосознанное. Барышня вздохнула и снова обновила свои защиты. Ей просто необходим безмятежный сон.

— Почему мазь голубая? — внезапно спросил Перида.

— Цвет дает индиго. Это растение останавливает кровотечение. — Гуиналь ловко забинтовала рану. — Самое полезное растение, но ужасно воняет при варке. — Она быстро связала концы бинта. — Я нужна сыеру Д'Алсеннену, мастер маг. Перида останется здесь и присмотрит за ранеными, пока я занята. Когда понадобится, он даст тебе твоё лекарство. — Обхватив Налдета под мышки, она умело приподняла его и поудобнее устроила на подушках. После чего аккуратно заглянула под повязку на его руке — оценить, как заживает язва. — Когда боль разбудит Налдета, заставь его принять ложку вот этого. Мы не хотим, чтобы стихийные силы вырвались на свободу из-за его мучений. Аримелин даруй, чтобы остальные продолжали спать, а те, кто проснется, пусть немного подождут. Но если у кого-то будут сильные боли, сходи за мной. Я вернусь, как только смогу.

Перид усмехнулся, но маг по-прежнему лежал с каменным лицом. Пряча свои опасения под мягкой улыбкой, Гуиналь быстро пошла к выходу. По крайней мере она чего-то

достигла: дала Периду задание, чтобы он не думал об опасности, с которой мог бы столкнуться Шив. Если б только художник со своим живым восприятием окружающей жизни смог вывести Налдета из уныния, проникающего глубже, чем та пила для кости. Барышня невольно вспомнила, как пилила его ногу, и у нее защемило под ложечкой.

— В чем дело? — резко спросил Д'Алсеннен, когда она дошла до двери хижины.

Гуиналь вызывающе подняла подбородок.

— Я забочусь о своих пациентах. В частности о Налдете.

— О-о, — смутился Темар. — Как он? Уже проснулся?

— Отвечать ясно он еще не в состоянии, но Высшее Искусство говорит мне, что он утомлен болью и страданием, — с неохотой сообщила Гуиналь.

То же самое она могла бы сказать о себе, мелькнула предательская мысль. Но дворянка одернула себя. О чем она только думает? Как можно выказывать свою подавленность? Это вообще нельзя сравнивать. У нее есть священный долг, который составляет цель ее жизни: использовать свои навыки и знание ради других.

Появился Узара с горстью длинных плетенок. Наемники обычно пекут их на кострах.

— Хлеба не хочешь?

— Спасибо.

Когда же она перестанет скучать по восхитительным белым булочкам, к которым привыкла, спросила себя Гуиналь. Ну, это действительно бессмысленное сожаление, достойное тех недисциплинированных эльетиммок, подумала она с резкостью.

— Не стоит благодарности, — тепло улыбнулся ей маг.

Барышня опустила глаза и оторвала кусок грубой плетенки. Не важно, что сейчас Узара кажется ласковым. Когда эта распря закончится, маг вернется в Хадрумал, напомнила себе Гуиналь. А она вернется к своей жизни в Келларине, скудной жизни. Одно дело — сетовать на хлеб, и совсем другое — остаться с разбитым сердцем. Так стоит ли рисковать ради того,

что Узара мог бы облегчить ее печаль? Нет, слишком опасно. Она уже искала пустяковое утешение в объятиях Темара, отлично зная все его недостатки, а бывший поклонник лишь ясно продемонстрировал ей свое презрение. Больше Гуиналь не поддастся такой слабости. Но как бы отрадно было найти опору в любви, такой, как у Шива с Перидом! О, это нелепо, рассердилась барышня. Возьми себя в руки!

— Ларисса передала, что Илкехан мертв... — начал Темар, когда они шли к костру.

— Перид мне сказал, — перебила его Гуиналь. — Я наблюдала за тем, что думают эльетиммы, и, кажется, это правда.

— Кажется? — резко переспросила Хэлис. — А они не водят нас за нос?

— Нет. — Барышня тщательно выбирала слова. — Илкехан действительно умер. Но я не могу установить, от чьей именно руки или когда.

— Где Ливак и остальные? — не успокаивалась Хэлис.

— Пока в безопасности. — Гуиналь пожала плечами. — Те, кто имеет власть на островах и кто знает о судьбе Илкехана, пребывают в смятении.

— Нам нужно знать, как реагируют эльетиммы Мьюрдарча. — Узара был поглощен этим новым вопросом, и нежность упорхнула с его лица. Предательское разочарование кольнуло дворянку, но она выбрала себя за глупость.

— Гуиналь? — Хэлис смотрела на нее с любопытством. — Что-то не так? Ты кажешься рассеянной.

— Я устала. — Барышня изобразила вымученную улыбку. Должно быть, поэтому ее отвлекают те пустые фантазии.

— Слишком устала? — встревожился маг.

— Не волнуйся.

Гуиналь отмахнулась от руки Темара, отбросив в сторону все свои переживания, не относящиеся к делу. Хорошо знакомые заклинания оградили ее чистотой Высшего Искусства. Защищенная эфирной магией, она дотянулась до логова пиратов и поискала колдунов.

— Они знают, что Илкехан мертв. — Дворянке не удалось скрыть ликования. — Больше того, они потеряли свою хватку на эфире. Все их обучение фокусировалось на Илкехане, никакого понимания независимого колдовства. Они совершенно растерялись.

Гуиналь открыла глаза. Темар и Узара пристально смотрели на нее. Хэлис с непроницаемым видом жевала витой хлеб. Рядом стояла Аллин, держа ложку над кипящим котлом. Круглое лицо магини было озабоченным.

— Они смогут вернуть свое Высшее Искусство? — настойчиво спросил Д'Алсеннен.

— Когда первое потрясение пройдет, возможно, — допустила барышня. — Но прежнюю силу им уже не обрести.

— Нужно атаковать, пока они выбиты из колеи. — Хэлис шагнула в сторону открытого пляжа.

— Это еще не все, — заторопилась Гуиналь. — Они не рассказали Мьюрдарчу. Колдуны боятся, что если не будут ему полезны, то он попытается обменять их жизни на свою и ближайших сообщников.

— Напрасно боятся, — отрезал Темар.

— Мы обязательно должны атаковать, пока Мьюрдарч не знает, что его колдуны бессильны. — Наемница приняла от Аллин миску с горячей мясной кашей.

— Мы отплывем, как только наполним животы. — Д'Алсеннен нашел в кармане ложку из рога и взял кашу. — Спасибо, сударыня моя. — Он с аппетитом набросился на еду, все время улыбаясь магине.

Получив свою миску, Гуиналь смаковала разбухшие зерна с кусочками мяса. Аллин даже нашла сушеное яблочко, чтобы добавить туда, несомненно, ради Темара.

Хэлис ткнула в него ложкой.

— Тебе нужно решить, что мы делаем с пленными. Если я не дам указаний моим парням, пока они еще достаточно спокойны, чтобы прислушаться ко мне, они просто убьют всех, как обычно, и доверят Сэдрину их рассортировать.

Д'Алсеннен рассудительно произнес:

— Пираты заслужили смерть, это ясно. Но мы должны дать их пленникам возможность сдаться. Потом устроим суд и определим их вину, верно?

Хэлис выгребла со дна остатки каши.

— Похоже, Мьюрдарч довольно крепко связал всех той клятвой. — Она посмотрела на Гуиналь. — Что будет с теми, кто ее дал, если они захотят перейти на нашу сторону в бою?

Барышня опустила ложку.

— Понятия не имею.

Что за извращенная магия у этих эльетиммов, подумала она, что за надругательство над эфирной силой. Если ее присутствие в этой эпохе ничего не изменит, оно хотя бы поможет остановить скверну. Эта неожиданная мысль пришла к ней как бальзам на раны.

— Твое предположение? — упорствовал Темар.

— Предположения — не добро и не золото. Мы могли бы говорить до заката и не продвинуться дальше прыжка блохи. — Хэлис бросила свою деревянную миску в опустевший котел. — Мы возьмем пленных, но никто не освобождается под честное слово, даже женщины. А теперь в путь.

Она стремительно зашагала вниз по пляжу, где все, кроме недавно освобожденных пленников, готовились к битве.

— Трудно отличить наемников от людей Витранселя и Эдисгессета, — пробормотала Гуиналь.

Мужчины и женщины проверяли клинки и перевязи, поправляли ремни и куртки, сапоги и пояса. Лица у всех были полны решимости. Некоторые матросы уже гребли на баркасах к стоящей на якоре «Ламинарии».

— Это все муштровка, — заметил Узара.

Гуиналь вспыхнула от раздражения. Она не собиралась говорить это вслух.

— Мы все сражаемся за наше будущее, будь оно в Келларине или просто на дороге с полным карманом золота. — Темар отдал свою миску Аллин, которая наливала в котел горячую воду из чайника. — Оставь это кому-нибудь другому. Нам пора на корабль.

Магиня нервно улыбнулась.

— Надеюсь, сегодня все закончится.

— Я буду рад вернуться в Келларин и спать в приличной постели. — Темар взял ее под локоть.

— Пойдем? — Узара предложил руку Гуиналь. — Мы все должны ехать, если это последняя атака.

Барышня глубоко вдохнула.

— Будет ли это конец?

— Если каждый из нас сделает все, от него зависящее, — убежденно сказал Узара. — Потом мы сможем подумать о будущем.

У Гуиналь не нашлось ответа. Она уклончиво улыбнулась и легко положила свою кисть на руку мага.

Они последовали за Темаром и Аллин, их разговор был напряженным.

— Я хочу, чтобы ты оставалась на «Ламинарии», в безопасности, — настаивал Д'Алсеннен.

Девушка резко остановилась.

— Я не смогу творить оттуда магию, нужную Хэлис.

Темар схватил ее за плечи.

— Тогда будь осторожна, будь крайне осторожна.

Аллин пристально посмотрела на него.

— Буду, и ты тоже.

Оторопевшая, Гуиналь наблюдала, как Д'Алсеннен целует магиню. Мысли дворянки снова путались. Значит, так он сумел подняться над муками памяти и сожаления?

— Нет времени для этого, мессир. — Какой-то матрос похотливо захихикал, благоразумно прячась за чужими спинами.

Аллин вся покраснела, но ее глаза сияли, и она встала на цыпочки, чтобы в ответ поцеловать Темара.

— Приятно видеть съера, вносящего свою лепту в поднимание боевого духа, — ухмыльнулась Хэлис, в то время как Д'Алсеннен, с горящим на скулах румянцем, шел сквозь строй под одобрительные скабрезности и свист наемников и колонистов.

Темар засмеялся, беззаботный.

— Командиры когорт всегда напоминали нам, что мы сражаемся за очаг и дом, за жен и дочерей.

Он помог Аллин сесть в баркас, готовый доставить их на «Ламинарию», и девушка весело прыснула.

— Барышня.

Следуя за Узарой к лодке, Гуиналь не знала, что и думать. Все сомнения, вся неуверенность, казалось бы, надежно отстраненные, закружились в ее голове.

Хэлис подала ей руку. В глазах наемницы сверкал злобещий огонек.

— Давайте выиграем эту битву.

КЕХАННАСЕКК, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 10-е ПРЕДЛЕТА

— Погони не видно? — оглянулся Райшед.

— Пока никого.

Немного отстав, Сорград заметал следы, оставленные нами в непроходимых зарослях ягодных кустов. Шив поддерживал кружащуюся завесу пыли, пока мы не скрылись за первым от замка холмом. Когда мы исчезли, как кролики в вереске, он отправил свой пыльный вихрь к морскому берегу. Если повежет, эльетиммы решат, будто мы растворились вместе с ним. Разумеется, это не значит, что мы полагались на везенье. Мы не собирались рисковать, понимая, что нас могут схватить и изобличить как подосланных Планиром убийц, раскрашенных под Элдричских человечков.

Поэтому мы сидели в кустах, на холме, с которого открывался вид и на замок, и на харджирд — нашу следующую цель.

— Все слишком заняты погоней за собственным хвостом, — заметил Грен с удовлетворением.

Ветерок принес к нам неясные крики с крепостных стен и со двора. Крошечные фигурки в черных мундирах и простой

одежде бегали взад и вперед через пролом, зияющий на месте ворот.

— Хорошо, — страстно выдохнул Шив.

Я взглянула на него с беспокойством: маг выглядел измученным.

— Не уверен, — нахмурился Райшед. — Нам нужны зрители. Кто-то должен видеть, как мы разбиваем их харджирд. — Он ударился локтем о спасенный сундук и шепотом выругался.

— Ты в состоянии обрушить каменный круг? — спросила я Шива.

Обычно я радуюсь, когда магическое ремесло наносит такой урон своим творцам. Гораздо спокойнее знать, что ни один маг, мечтающий править миром, не добьется своего, ибо прежде умрет от истощения. Но в данный момент я склонялась к мысли, что Сэдрин, Мизаен или любое другое божество, какое о том позаботилось, слегка переборщило.

— Мы еще не раздумали это делать? — Грен перекладывал свою добычу в более надежные карманы, а вещи покрупнее засовывал в котомку. — Может, плюнем на него и вернемся? Мы бы успели как раз вовремя, чтобы сразиться с пиратами.

— Наемники, — внезапно ухмыльнулся Райшед, блеснув белыми зубами на фоне голубого лица, — никогда не хотят закончить работу, как положено.

— Регулярные войска, — парировал Сорград с притворным сожалением, присоединяясь к нам. — Никакого воображения, только приказы. — Он кивнул на сундук. — Открой его, моя девочка. Я не потащу эту тяжесть к Олрету.

— Не хватало еще с ним делиться. — Грен застегнул свою котомку, издавшую приятный лязг. — А знаете, с такой игрой теней мы могли бы ограбить даже тормалинского императора.

— Попробуй, и половина присягнувших в Тормейле погонятся за тобой, — прорычал Райшед с нарочитой свирепостью.

— Ты не думаешь, Грен, что Планир стал бы возражать? — рассуждал Сорград. — Хотя он никогда не испытывал недостатка в деньгах. Может, он именно так пополняет свою казну?

Я отперла сундук и подняла крышку. Внутри лежали свертки выцветшего бархата.

— Может, оставим эту болтовню для посиделок у камина? — Но я тоже чувствовала восторг, который наступает после безумного риска, завершившегося удачей. — Желательно у того, что стоит в трактире.

— Кто выбирает первым? — Грен потянулся к плотному свертку, но я хлопнула его по руке.

— Это не трофеи, Грен, это человеческие жизни, не забывай. — Я сцепилась с ним взглядом, пока не убедилась, что горец внял моим словам, затем осторожно пошевелила бархат острием кинжала, открывая горсть пивных кружек. Сорград присел на корточки рядом со мной и взвесил их в руке, прежде чем передать брату.

— У меня и так тяжелая сумка, — возразил Грен.

— Тогда выброси свои трофеи, — заявил Сорград непрекаемым тоном. — Если по твоей милости кто-то из той пещеры не вернется из сна, ты ответишь за это мне.

— И Хэлис, — добавила я.

— И половине людей Келларина. — Райшед, встав на колени, взял мой кинжал и отодвинул в сторону мелкие предметы. Под ними обнаружили два меча и горсть кинжалов.

— По одному на каждого, — подсчитал неугомонный Грен.

— Раздадим их по кругу. — Райшед подкрепил свои слова делом, передавая каждому из нас оружие со старинным литьем и потускневшим украшением. У моего на рукояти был великолепный аметист. — Но лучше их не использовать. Нам не нужны незваные гости в голове. — Мой возлюбленный хотел превратить это в шутку, но ничего не вышло.

— Насколько поняла Гуиналь, только чувство опасности и сильные эмоции проникают сквозь заклинание и будят спрятанный ум. — Лицо Шива выдавало сильное напряжение, возле рта пролегли глубокие морщины. — Эти люди не должны были

так долго находиться без своего тела. Заклинание ужасно истончилось.

Судя по выражению на лице Райшеда, слово «ужасно» точно описывало последствия рвущегося заклинания. Он с заметной неохотой достал один из мечей.

— Я его возьму. — Шив засунул оружие за пояс прямо в бархатной обертке.

— Ты умеешь им пользоваться? — насмешливо спросил Грен.

— Нет, но в этом суть, — возразил маг. — Я не рискну пустить его в дело и не разбуду спящий внутри ум. Кто берет второй?

Райшед, несомненно, считал это своим долгом. Но пока мой возлюбленный собирался с духом, я его опередила.

— Я возьму.

— Ты уверена? — Райшед посмотрел на меня. В его карих глазах плескалось беспокойство.

Я не была уверена, но признаваться в этом не хотела. Избегая взгляда Райшеда, я приладила к поясу нескладное оружие, стараясь хорошо его закрепить, чтобы при ходьбе оно не ткнуло меня нечаянно в ногу. Хромая, я бы стала всех задерживать.

— Дай мне, — предложил Грен. — Я имел дело с Эрескеном, когда он рыскал в моих мозгах.

— Ты убил его, Грен, — напомнила я. — А мы хотим вернуть этих людей к жизни. Ну, сам подумай, как долго ты мог бы нести оружие, не используя его?

Горец глубокомысленно кивнул:

— А ты любишь прятаться за спиной и предоставлять другим воевать за тебя.

Я ухмыльнулась:

— Совершенно верно.

Грен довольно хохотнул.

— Вы помните, сколько людей еще спит в Эдисгессете? — Шив хмурился, а я раздавала оставшиеся маленькие свертки, более ценные, чем золото или алмазы.

— Кажется, около тридцати по последнему подсчету? — К своему стыду, я не могла сказать точнее. Я спрятала свертки за пазуху, ощущая тяжесть в груди и пустоту в желудке от невероятной ответственности, которую я теперь несла.

— Тридцать семь, — отчеканил Райшед.

Сорград расстроился.

— Тогда нам по-прежнему не хватает несколько штук.

— Еще неизвестно, все ли из этих вещей — келларинские артефакты, — печально сказала я.

— Значит, остальные — законная добыча? — Грен вытряхивал лоскутки, оставшиеся на дне сундука, дабы убедиться, что ничего не пропущено.

Шив и Райшед смотрели на замок Илкехана.

— Похоже, им сейчас не до нас, — заметил Райшед. — Давайте снесем тот харджирд, чтобы покончить с колдунами Мьюрдарча.

Маг ту же затянул пояс и передвинул завернутый меч на бедро.

— Сорград, тебе придется мне помочь.

— Хорошо, — бесстрастно ответил горец.

Но я увидела в его голубых глазах проблеск азарта и спросила себя, будет ли это совершенно безопасно.

— Нам сюда. — Сорград дал брату легкий подзатыльник, и Грен нехотя отказался от попытки оторвать медную оковку сундука.

Осторожные, как горностаи в шубках не того цвета, мы пробрались через заросли ягоdnика. Среди густой листвы висели бледно-розовые цветы в форме колокольчиков и толстые зеленые ягоды, еще не созревшие. Я застыла в неверии, когда услышала хорошо знакомый звук из-за торчащей среди кустов скалы. К первому веселому звяканью добавилось второе, а затем раздался стук маленьких копыт.

Я посмотрела на Райшеда, тот — на Сорграда и по кивку горца подошел ко мне. Я вытащила кинжал и направилась в одну сторону от скалы, Грен и Сорград — в другую. Шив присел и затаив дыхание наблюдал. Обогнув заросли, мы с

Райшедом обнаружили каменистую расселину, укрывающую самые густые, старые кусты, и родник, почти сухой в эту летнюю жару.

Козы, как водится, с целеустремленной решимостью объедали ягоды с кустов, прежде чем перейти к листьям и нежным веточкам, до которых они могли дотянуться. Их пастушкí, как водится, баловались. Они махали веткой с ягодами на конце, заманивая смелого козленка пройти по острому как нож каменистому выступу. Каждый раз, когда козленок делал еще один осторожный шажок своими черными копытцами, первый мальчишка с кудлатой головой отодвигал ягоды немножко дальше. Второй тоже хотел поучаствовать в этом поддразнивании и тянул руку к ветке.

Райшед наклонился и прошептал мне на ухо:

— Мой отец говорил: один парень работает в полную силу, двое — вполсилы, а трое не работают вообще.

Эта парочка была так поглощена своей забавой, что ничего бы не услышала, даже если бы Райшед кричал. Более того, мальчишки не заметили, что козы перестали жевать и устали на нас своими глазами-щелками.

В верхней части теснины появились Сорград и Грен. Увидев их, пастушки испуганно попятились. Козленок легко прыгнул с осыпающейся скалы и с приглушенным торжественным блеянием проглотил упавшие ягоды. Одна коза задумчиво слизнула прилипший к бороде листок, следя, как мы с Райшедом подкрадываемся к мальчишкам со спины.

Схватить их было минутным делом. Мой парень застыл, а потом с опаской повернул голову, чтобы посмотреть, кто его поймал. Резко вздохнув, он почти перестал дышать, замороженный, как кролик перед пляшущей лаской. Я улыбнулась, но меня беспокоило, насколько эффективна наша маскировка на таком близком расстоянии.

Если мой мальчишка одеревенел от ужаса, то парень Райшеда едва стоял на ногах. Согнув колени, он сгорбился, закрыв руками лицо, когда Сорград и Грен подходили размеренным шагом. Я почувствовала, что мой пастушок дрожит

до самых подметок, и крепче сжала его плечи. Мальчишка тут же избавился от своей неподвижности.

— Кто вы? Что вам нужно? Мы никто, никто. Возьмите коз, только не делайте нам больно.

Сорград дошел до нас и, не говоря ни слова, положил палец на губы мальчишки, дабы заставить его замолчать. Другой парень, съездившийся между безжалостными руками Райшеда, поднял голубые глаза, широкие от страха, и посмотрел на горца сквозь спутанные белокурые волосы, рассыпавшиеся по лицу. Если бы мы испугали его чуть больше, он бы обмочился.

Поманив их одним пальцем, Сорград повернулся и пошел обратно. Грен, как и раньше, шагал рядом с братом нога в ногу.

Дав моему парню разок-другой вздохнуть, я сильно шлепнула его между лопаток. Мальчишка невольно шагнул вперед, и, следуя за ним вплотную, я вдохновила его еще одним ударом.

Другой пастушок не мог сдвинуться с места. У него подгибались ноги, словно ему подрезали поджилки. Райшед зарычал, запрокинул ему голову, схватив за взъерошенные волосы, и с холодной угрозой уставился в его глаза. Спотыкаясь о каменистую землю, мальчишка бросился догонять приятеля, который велел своим ногам идти дальше уже без моего вмешательства.

Райшед вопросительно посмотрел на меня, и я пожала плечами. Мы шли все той же свинцовой поступью, которая страшно нервировала меня. Театральность — это хорошо, но что, если нагрянет отряд эльетиммов, чтобы мстить за Илкехана, пока мы играем в маскарад? С другой стороны, мы не хотим, чтобы мальчишки сбежали и подняли тревогу. В верхней части теснины появился Шив и встал рядом с Сорградом и Греном. Я мотнула головой, молчаливо приказывая этой троице продолжать то показное разрушение, какое они там запланировали.

Сорград повел всех через уступ, и я впервые увидела харджирд Илкехана. Как символ его беспредельного могущества, он был довольно устрашающим даже без родовых костей и неизбежного Высшего Искусства, которые делали его святым для людей Илкехана. Мы шли теперь вокруг подножия этого огромного кургана. Благодаря плоской вершине он походил на перевернутую чашу с такими крутыми склонами, что для отпугивания нечестивых не требовался даже ров. Вытоптанная в дерне тропинка показывала, где проходили до нас бесчисленные ноги. Оба парня от страха начали спотыкаться, а тот, что слабее, в ужасе поскуливал.

Я замедлила шаг, чтобы сориентироваться. Замок был почти за моей спиной, невидимый за низкими холмами, которые образовывали здесь полукруг, обрамляя харджирд. Со стороны берега небольшие бугры и горки спрятали дюны и море. На противоположной стороне трава доходила до обрывистой скальной стены. Земля там напоминала лопнувшую корочку пирога, и этот серый камень врезался в нее как нож. Ближе к харджирду он был совсем невысокий, а вдали поднимался, становясь в пять или шесть раз выше человеческого роста. Впереди открывалось веерообразное пространство, заросшее травой и кустарником. Дорога, обозначенная высокими серыми столбами, шла по этой длинной равнине, и на внутренней стороне каждого столба виднелся вырезанный круг. Это были впечатляющие камни, но воздвигать их было плевым делом по сравнению со священными камнями, венчающими курган. Я сделала все возможное, чтобы не глазеть на них, подобно деревенщине, впервые приехавшей в Тормейл. Грозному посланнику Элдричского Народца не подобает замирать с отвисшей челюстью.

В том склоне, где дорога встречалась с курганом, были вырезаны ступени. Грен, Шив и Сорград встали на них друг за другом.

— На колени! — приказал Грен, стоявший ниже всех и ближе всех к нам.

Мальчишки упали на колени. Повинуясь жесту горца, мы с Райшедом оставили их в унижении, а сами расположились по бокам от него.

— Мы требуем от вас быть свидетелями! — возгласил Сорград. Он говорил в той высокопарной и архаичной манере, которую я слышала у Шелтий. — Жизнь не может процветать без смерти. Признайте этот долг, и те, кто ушел раньше, будут охранять и направлять вас.

Мальчишки побледнели под своим летним загаром, глядя на него огромными глазами.

— Но должно соблюдать равновесие. Илкехан презрел его. — Слова Сорграда были так же неумолимы, как поступь палача, идущего к виселицам. — Он воздавал злом за зло в троекратной и пятикратной мере. Он карал смертью невинных и осквернял кровью изгнание виновных. Он умер от наших рук за эти преступления.

Трусливый парень все теснее жался к своему приятелю. Более смелый уставился на Сорграда в ужасе и удивлении.

— Мы в корне уничтожим силу Илкехана. Злоба и алчность оскверняют это место, и мертвые не потерпят такого позора. Свидетельствуйте, — повторил Сорград. — Кто бы ни стал править этой землей, он должен прийти с чистыми руками и воздвигнуть новое святилище, или испытает наш гнев.

Он повернулся и медленно пошел вверх по лестнице. Сразу за ним поднимался Шив, а следом пошли и мы троим.

— Что теперь? — спросила я краешком рта.

— Стой в середине и молчи, — прошептал маг.

Если Шернасекк довольствовался грубо обтесанными камнями для своего харджирда, то камни Илкехана были гладкие и ровные. Расставленные с одинаковыми промежутками, они казались строго вертикальными, хоть проверяй отвесом. Их круг был такой же идеальный, как начерченный циркулем Перида. Каждый камень был вдвое, если не втрое, выше Райшеда, и не плоский на вершине, а стесанный под углом, и края такие острые, что можно порезаться.

Но эти камни были не самым высоким памятником высокомерию Илкехана. Внутренний круг составляли деревья, точнее, их гладкие стволы. Огромные сосны были очищены от веток и коры и прозаично просмолены, чтобы защитить их от гнили. Этот темный, безжизненный лес грозно возвышался над нашими головами, окружая самое внутреннее святилище, где четыре камня высотой по пояс, высеченные в виде пирамидок с тремя вогнутыми гранями, отмечали углы мощной площади, находящейся в центре всего сооружения.

— Какова, по-вашему, ширина этого харджирда по сравнению с харджирдом Олрета? — Райшед посмотрел вокруг расчетливым взглядом. — Бьюсь об заклад, здесь используется какая-то постоянная величина.

— Это так важно сейчас? — язвительно спросила я.

Мы впятером стояли между камнями. Шив — в центре, Райшед позади него, Сорград впереди, а мы с Греном по бокам. Я нахмурилась.

— Где эти пастухи?

— Они не могли далеко убежать, — успокоил меня маг. — Они все равно это увидят.

Шив поднял руки, и харджирд отозвался на магию стихий грохочущим лязгом. Казалось, рухнула огромная колокольня. Я поспешно зажала уши. Плевать на элдричское достоинство, я не хотела вернуться домой оглохшей. Невозмутимый маг соткал свои чары, и град заколотил по камням. Только по камням. Льдинки таяли, испаряясь на вечернем солнце, и по серым граням потекли темные струйки. Вдруг они побелели, замерзая. Теперь от камней поплыл холодок, словно дыхание зимы. Гладкие монолиты начали раскалываться, тонкие, как волосы, трещины расширялись до глубоких разломов, от них отваливались целые куски, мелкие и крупные.

Шив сосредоточился на одном конкретном камне. Этот огромный монолит дрожал, пока зелено-голубой нож магического света не рассек его сверху донизу со звуком, подобным хлопку двери Сэдрины. Из-за этого я не расслышала, что

сказал маг Сорграду, но результаты говорили сами за себя. Горец потерял ладони, вызывая шар магического огня, и бросил его на деревянный столб слева от лестницы. Огонь обвился вокруг гладкой черной поверхности, словно сказочный вьюнок. Яркие усики побежали по стволу, цепляясь за каждую трещинку, языки пламени расцветали на мертвой древесине. Малиновый огонь корчился, как живой, под тянущимся кверху дымом. Вездесущий ветерок раздул пламя, и бывшее дерево превратилось в колонну золотого огня и черного дыма.

Нас обдало невыносимым жаром. Мне совсем не хотелось испечься, но я прикусила язык, чтобы не умолять Сорграда быть осторожным. Отвлекать его было бы еще опаснее. Затем вокруг замерцал бирюзовый туман, охлаждая нас. Я молча возблагодарила Шива.

Сорград поднял руку, и алый огонь потек от горящего дерева к следующему, пламя рушилось вниз как вода, попутно впитываясь в смолу. Естественное пламя уже разгоралось, когда малиновый магический огонь покатился по земле, оставляя траву неопаленной, но соседний деревянный столб вскоре запылал.

— Как ты думаешь, где Илкехан достал эти деревья? — спросила я Райшеда.

Он пожал плечами:

— В Далазоре. Или на какой-нибудь верфи, когда совершал набег на чей-то мачтовый склад.

Грен, которому тоже нечем было заняться, присоединился к разговору.

— Мы с Градом спрашивали себя, а не крал ли Илкехан часовые сосны?

— Интересная мысль. — Райшеду пришлось повысить голос, чтобы перекричать рев пламени.

— Деревья, отмечающие гуртовые маршруты?

То, что я знаю о Далазоре, уложилось бы в один стишок для варки джема, так любимого матерью Райшеда. Меня не

привлекают бесконечные пастбища, в которых можно потерять даже самое большое стадо скота.

Райшед кивнул:

— Их посадил Народ Равнин. Возможно, Илкехан владел неким знанием, нами давно утраченным.

Я виновато посмотрела на Шива.

— Думаешь, Планир унес какие-нибудь из тех книг?

Маг не ответил, все еще поглощенный разрушением харджирда. Равномерный треск горящей древесины завел со всех сторон угрожающую погребальную песнь, грохот огромных распадающихся камней — свирепый аккомпанемент.

— Этот шум услышат и в самом замке! — заметила я с преувеличенной громкостью.

Шив ухмыльнулся:

— И даже увидят.

Языки пламени взметывались в вечернее небо, расцветивая дым красным и оранжевым заревом.

— Я понятия не имела, что ты можешь творить эту магию, — сказала я с неподдельным восхищением.

— Никто не знает, на что он способен, пока не попробует. — Маг стал серьезным. — В том-то и беда с Хадрумалом в наши дни. Лекции и библиотеки — это все хорошо, но в результате ученики думают, что если какой-то авторитет не скажет им, что они могут сделать то или другое, то нечего и пытаться. Нам нужно больше магов вроде Отрика. Если несколько разных источников не утверждали категорически, что что-то невозможно, и не давали внятного объяснения — почему, он всегда говорил, что стоит попробовать.

— Это похоже на Отрика, — согласилась я, почувствовав комок в горле. Магический огонь распространялся все быстрее, перепрыгивая через груды каменных обломков. Скоро мы будем окружены. — Как мы планируем уходить?

— Смотрите! — крикнул Грен, указывая на колонну мужчин в черных мундирах, бегущих по дороге. Они развернулись веером, покачивая булавами в опытных руках.

— А вот и свидетели. Мы ведь хотели, чтобы кто-то увидел, как улетучивается сила Илкехана? — Сорград взвесил в ладони новый шар магического огня, выбирая мишень.

— Ты видишь цепи на шеях? — Райшед стоял возле меня, осматривая приближающийся строй.

— Разве на таком расстоянии да еще в дыму что-нибудь разглядишь? — Я схватила Шива за локоть. — Мы не можем рисковать тобой или Сорградом, если там идет кто-то с Высшим Искусством. Без вас нам не уйти с этих скал.

— Сорград, отпусти огонь. — Шив провел вокруг руками, словно баюкая невидимую сферу. — Мы активировали слишком много стихий, а я слишком устал, чтобы справиться с их конфликтами.

Сорград подчинился, и Грен взглянул на него с изумлением. Лазурный магический свет пробился сквозь дым и, игнорируя дразнящие ветерки, соткал непроницаемую завесу вокруг горящих ярким пламенем столбов.

— Пора исчезать, — весело объявил Сорград.

Я посмотрела на Шива, собираясь с силами для колдовства, которое перенесет нас через океан, и еще одного приступа тошноты. Вместо этого маг опустил на колени и рычагом стал взламывать плиту, на которой только что стоял. Со скрежетом, от которого заныли зубы, она поднялась, открывая узкую, выложенную камнем лестницу.

Я разинула рот.

— Куда она идет?

— Куда-то туда. — Грен уже спускался по первым ступенькам.

— Там внизу есть комната. — Сорград наклонил голову, недоуменно глядя на меня. — Мы обнаружили ее, когда разведывали это место.

— А с чего вдруг вы стали ее искать? — Я спустилась на одну ступеньку.

— Никто бы не взялся за такое хлопотное строительство, если бы не собирался использовать весь внутренний объем. — Райшед подтолкнул меня в спину.

— Его построили? — глупо спросила я.

— Ты же не думаешь, что предки Илкехана совсем случайно нашли идеально круглый холмик? — развеселился Сорград. — Шевелись, девочка.

Следуя за Шивом, я поняла, как воздвигался этот курган, увидев последовательные слои того местного камня с полезным свойством ломаться на удобно плоские и ровные куски. Затем Райшед отпустил плиту. С еще одним невыносимым скрежетом она упала на место, и нас окутала крошечная тьма.

— Я знаю, Горный и Лесной Народы славятся своим ночным зрением, но это, пожалуй, чересчур. — Я протянула руку и шарила ею, пока не нащупала плечо Шива.

Я скорее почувствовала, чем услышала его тихий смешок. Слабое свечение поднялось от камней, словно они покрылись влагой, отражающей далекий свет. Бледно-бледно-зеленый, он слегка отливал голубизной, незаметно переходящей в оттенки красного и золотого.

— Мы не хотим себя выдать, — предупредил Райшед откуда-то сзади.

— Они знают, что здесь есть эта комната. — Сорград подтолкнул меня локтем, и я осторожно двинулась вслед за Шивом.

Сияние зеленоватыми струйками стекало по камням рядом с нами. Лестница странно изгибалась, поворачивая кругом, но ровные ряды камней сбивали с толку, мешали определить направление. Я столько раз кралась по неосвещенным домам, никогда не теряя ориентацию, что теперь начала нервничать.

— Им тоже придется идти по одному. — Голос Грена изменился, зазвучав громче в более обширном пространстве. — Значит, мы сможем убить их всех.

— Если они осмелятся сюда спуститься. — Шив осмотрительно сошел с нижней ступеньки, слишком высокой даже для человека его роста. Я села на нее, чтобы достать ногами до темного пола.

Магический свет стек с лестницы, и она зияла черной дырой в стене конической комнаты. Имелись и другие пустоты, ниши длиной в поперечнике с размах вытянутых рук. Захваченная врасплох, я содрогнулась, увидев длинные кости, беспорядочно лежащие между целыми еще скелетами. В стороне громоздились черепа, частично поставленные друг на друга, и сардонически смотрели на нас своими полыми, сухими глазницами. Одни ниши были завалены костями, но без черепов. Другие, почти пустые, приберегались для нескольких костяных лиц, несущих стражу. Что-то заскрипело под моим сапогом на плитах пола. Глянув вниз, я обнаружила фалангу от пальца руки или ноги и похолодела от ужаса.

— Устроим этим людям приличное сожжение?

— Нет, — эхом прокатился по склепу резкий ответ Сорграда.

Я посмотрела на Райшеда, но он изучал стену между двумя нишами. Вся комната была облицована большими каменными плитами, закрывающими слои, из которых состоял курган.

— Мы здесь для того, чтобы уничтожить место силы Илхехана. — Шив огляделся и вновь повернулся к Сорграду.

— Мы не трогаем эти кости. — Горец был непреклонен.

— Как скажешь. — Я опять вздрогнула. — Значит, мы ждем, пока те, кто наверху, не уйдут?

Словно в ответ, из темноты лестницы донесся скрежет поднимаемой наверху плиты. Очевидно, как только магия перестала раздувать пламя, кто-то достаточно смелый — или боящийся своего командира — пробежал между горящими стволами.

Грен прижался спиной к стене возле лестницы.

— Иди и присоединись к своим предкам, — азартно пробормотал он, приготовив кинжал.

— А может, лучше попробовать это? — Райшед навалился всей своей тяжестью на одну сторону плиты, которая так его заинтриговала. Она повернулась на невидимой оси, открыв еще одну черную пустоту.

— Снова кости? — спросила я с отвращением.

Райшед всмотрелся внутрь, когда стихийный свет исследовал дыру.

— Нет.

— Похоже на крысоловку. — Грен едва взглянул в ту сторону. — Убьем их со страшным шумом, и остальные дважды подумают, прежде чем соваться к нам.

Сорград уже осторожно пробирался на четвереньках мимо наклонившегося камня.

— Если это что-то вроде тайакара, здесь может быть другой выход.

После этих слов я не раздумывая бросилась за ним. Шив мне помог, пихнув под задницу, за что кто-нибудь другой получил бы пощечину. Согнувшись в три погибели, он протиснулся мимо меня и сел рядом с Сорградом.

— Лезь сюда, Грен, — отрывисто приказал Райшед.

Горец с неохотой подчинился, гаснущий свет Шива подгонял его. В склепе воцарилась прежняя безмолвная чернота.

— Что будем делать, если они постучат? — проворчал Грен, втискиваясь в узкое пространство напротив меня.

— Тс-с. — Райшед осторожно закрыл плиту, которая встала на место с тихим шорохом. Какое счастье, что мой возлюбленный родился в семье каменщика, подумала я.

Сгорбившись, мы сидели вплотную друг к другу. Не знаю, как кому, но мне очень мешали их ноги. Все постарались утихомириться, чтобы слышать, что происходит по другую сторону плиты, и не выдать наше убежище. На лестнице раздались шаги, и мы затаили дыхание, напрягая слух.

Халкарион знает почему, но мне вдруг безумно захотелось смеяться. Мысленно ругая себя, я закусила палец. Эта глупая выходка могла стоить нам жизни. Но мы набились в эту дыру, как рыба в бочки Олрета, и Райшед почувствовал, как трясутся мои плечи. Он молча сжал мою руку, чтобы меня успокоить. Я накрыла свободной рукой его сильные пальцы, ощущая хорошо знакомые квадратные ногти и шершавую кожу на костяшках.

Раздался глухой стук. Кто-то решительно прыгнул с той последней, обманчивой ступеньки. Второй стук и третий означали, что еще двое присоединились к тому, кто вытащил перевернутую руну и спустился первым. Ободренные тем, что они еще не мертвы, новоприбывшие рискнули зажечь факел. Его оранжевый свет пробился в тонкую щель вокруг защищающей нас плиты. Я не могла разобрать, что говорят приглушенные голоса, но в их интонациях ясно слышались недоумение и скрытый ужас. Я немного взбодрилась.

— О, кости наших почтенных предков, простите нам это вторжение, — возгласил строгий голос.

Мы окаменели. Прибыл кто-то, наделенный властью. Меня прошиб холодный пот, когда этот новый голос начал скандирование, которое могло быть только эфирным колдовством. Что там говорил Сорград о втором выходе из этой смертельной ловушки?

— Где я?

От этого крика кровь застыла в моих жилах, а колдун поперхнулся своим заклинанием.

— Что тебе нужно? — Второй голос, более низкий, говорил, как Шелтии, которым подражал Сорград.

— Где я? — повторил первый испуганный голос.

До меня вдруг дошло, что он говорит на старом тормалинском — языке первых поселенцев. Можно спорить на чистое золото, что эльетиммы в склепе понятия не имеют, о чем он спрашивает.

— Это ты?

То был голос еще одного потерянного тормалинца, и я почувствовала, как Райшед напряжился. Я понимала, как ково ему оказаться в темном, замкнутом пространстве, да еще в компании теней, к которым он едва не присоединился.

— Что ты хочешь от нас? — Это снова говорили эльетиммские кости, сразу несколько голосов, усиленных каменными сводами.

Я зажмурила глаза, но бесполезно. Я не могла избавиться от зрелища, созданного моим воображением: говорящие су-

хия черепа шелкают челюстями, словно какие-то жуткие марионетки.

— Где люди, которых мы ищем? — спросил колдун, возглавлявший погоню. Я искренне надеялась, что он паникует из-за того, что испортил вторжение своим неосторожным Высшим Искусством. Сжимая руку Райшеда, я мстительно представила, как душу этого ублюдка его собственной цепью.

— Потерины, так давно потеряны. — Тот древний эльетимм вздохнул, новые голоса добавили свои горестные стенания, заглушая его слова бессмысленным воем.

— Я ничего не вижу! — Тормалинский вопль прорвался через это бормотание, вызвав еще один отчаянный крик. — Мы мертвы?

— Темнота, о, эта темнота. Я не могу ее выносить!

Этот голос был с нами в нише. Клянусь, мое сердце пропустило удар, и волосы на шее встопоршились, как у испуганной кошки. На наше великое счастье — хвала Мизаену! — мы все, впятером, так дернулись в своем инстинктивном желании убежать, что не дали друг другу сдвинуться с места. Затем страх, что нас обнаружат, пересилил страх освобожденного от телесной оболочки голоса, и мы снова замерли, как прячущиеся зайцы. Кровь так громко стучала в моей груди, что я удивилась, не услышав эха этого стука, отраженного от камней. Артефакты, спрятанные в куртке, свинцом давили на пустой желудок, а в ногу, которую кто-то нечаянно пнул, пульсировала боль.

— Темнота — это покой, — с упреком заявили снаружи эльетиммские кости.

— Темнота — наша.

— Темнота — это знание.

— Мы защищаем нашу темноту.

Упреки сыпались один за другим, перерастая в угрозу. Во всем этом было только одно хорошее, о чем стоит сказать: за шумом стало не слышно голоса, пойманного в ловушку вместе с нами.

— Кто бросает нам вызов? — Этот пыльный скрежет звучал как ритуал. Что-то подобное говорится перед официальной битвой или поединком не на жизнь, а на смерть.

— Вы демоны!

— Мы покинутые.

— Нас забыли!

— Здесь нет света? Где свет?

Это тормалинское исступление почти заглушило топанье сапог по каменным ступеням, когда эльетиммы, пришедшие за нами в склеп, дрогнули и побежали. Если бы кто-то не придавил мои ноги, я бы последовала за ними — и плевать на последствия.

Эльетиммские голоса теперь кричали, а тормалинские разрывали этот гам пронзительными воплями.

— Сорград! — прошипела я в темноту. — Ты сказал, здесь есть еще один выход.

— Я сказал, может быть, — возразил он. — Если есть, то я не могу его найти.

— Ищи лучше, — решительно сказала я. — Используй магический свет.

— Я не пойду через ту компанию, — твердо заявил Грен.

— Я не стану творить магию стихий, пока не узнаю, как они к ней отнесутся, — с такой же твердостью молвил Сорград. — Шелтии запрещают урожденному магу даже приближаться к тайакару, и бьюсь об заклад, у них есть на то веская причина.

— Способны ли тени причинить вред живым? — В Шиве проснулся беспристрастный ученый. Но его отрешенности хватило лишь на первую половину вопроса, затем голос мага дрогнул от беспокойства.

— Я не собираюсь это выяснять, — резко ответил Райшед.

Я почувствовала острый запах его свежего пота, а затем поняла, что и сама вся взмокла от страха.

— Как насчет Высшего Искусства, Ливак? — спросил Сорград с похвальным спокойствием. — Нет ли чего-нибудь, что ты могла бы использовать?

— Как я должна читать в темноте?

Впрочем, свет бы тут не помог. Насколько я помнила, пергамент, лежащий в моем кармане, не содержал ничего, что подходило бы для такого случая. Шум снаружи нарастал, и голос рядом с нами тихо заплакал, как раненая кошка.

Я не испытывала подобного ужаса с тех пор, как была ребенком. Это не шло ни в какое сравнение с тем чувством, когда просыпаешься в холоде непроглядной зимней ночи: свечной огарок потух, и кругом висит зловещая чернота. В те годы я боялась темноты, но еще больше страшилась того, что может наброситься на меня, если я вылезу из своей кровати, или того, что я могу разбудить, если кого-нибудь позову. Однако тогда, в детстве, моя мать всегда слышала, что я зашевелилась, и появлялась с новой свечой, обращая тени в бегство деловитыми словами утешения, смешанного с упреком. Мой отец, в тех редких случаях, когда он оставался с нами, обычно пел мне песню, превращая темноту в уютное одеяло, окутывающее меня со всех сторон. Это была Лесная песня, в ней нет никакого джалквезана, но попробовать стоит.

Бежим быстро, быстро, быстро, Бежим быстро, Малышка, Бежим быстро, быстро, быстро, Бежим быстро, Малышка.

Я никак не могла выровнять дыхание, из-за чего пропустила больше нот, чем взяла, но я упорно продолжала петь эту старую колыбельную.

Деревья здесь растут густо, И собираются Тени ночи, Бежим быстро, быстро, быстро, Бежим быстро, Малышка.

Неблагозвучный голос Шива дал понять, что эту песню знают и в далеких Кевилских болотах. Мы вместе замедлили бойкий темп мелодии в полном соответствии со словами.

А теперь не так быстро, быстро, быстро, Теперь не так быстро, Малыш, А теперь не так быстро, быстро, быстро, Те-

перь не так быстро, Малыш, Видишь, луны и звезды над нами, И успокаиваются Тени ночи, А теперь не так быстро, быстро, быстро, Теперь не так быстро, Малыш.

Вариант, пробормоченный Райшедом, имел немного другие слова и мотив, но суть была той же самой, и я горячо понадеялась, что только это имеет значение.

Иди тише, тише, тише, Иди тише, Любовь моя, Иди тише, тише, тише, Иди тише, Любовь моя, Видишь, лампы горят в окнах, И не страшны уже Тени ночи, Иди тише, тише, тише, Иди тише, О любовь моя.

Я оставила эту историю другим и сосредоточилась на тихой партии второго голоса, которую добавлял мой отец, как только я стала достаточно большой, чтобы самой вести основную мелодию. Может, именно в этой гармонии содержится Высшее Искусство? Братья присоединили свои голоса. Грен подхватывает любую мелодию так же легко, как прикарманивает все, что плохо лежит.

Теперь мы засыпаем, засыпаем, засыпаем, Теперь мы засыпаем, В безопасности, дома, Теперь мы засыпаем, засыпаем, засыпаем, Теперь мы засыпаем, В безопасности, дома, Сделана работа, окончен день, И спят давно Тени ночи, Теперь мы засыпаем, засыпаем, засыпаем, Теперь мы засыпаем Все в мире и покое.

Мы закончили более или менее в унисон и сидели в черноте. Голоса за плитой молчали. На это я и надеялась. Чего я никак не ожидала услышать, так это храп.

— Если это — Высшее Искусство, то оно сработало на Шиве, — изрек Грен, едва сдерживая веселье.

Я сама боролась со смехом. Слишком легко можно было поддаться неуместной истерике.

Райшед зашипел рядом со мной.

— У меня судороги начинаются.

— Давайте выберемся отсюда, — предложил Сорград. — Кто бы за нами ни охотился, он уже давно ушел.

— Меня куда больше беспокоят те, кто ушел очень давно. — Но я тоже жаждала распрямиться и на карачках вылезла из тесного пространства, как только Райшед наполовину выполз, наполовину вывалился наружу.

— Зубы Даста! — Он споткнулся обо что-то, и оно загремело в темноте.

У меня заколотилось сердце, пока я не сообразила, что это не глухой звук кости, а твердый стук дерева. Кремь и огниво высекли искры, ослепившие мои глаза. Пока я их терла, Райшед зажег найденный факел. Мягкие языки пламени были теплые и успокаивающие.

— Думаете, они караулят? — Грен подошел к черной дыре лестницы с кинжалом в руке.

— Я бы караулил, — коротко ответил Райшед.

— А я говорю, мы останемся здесь. — Сорград все еще стоял у ниши, в которой мы прятались, и подкладывал свой плащ под голову Шива. Маг спал так крепко, словно находился в лучшем трактире Тормейла. — Нам всем нужен отдых, а здесь мы будем в большей безопасности, чем в любом другом месте на этих островах.

Мне бы очень хотелось разделить его беззаботную уверенность.

— Если настоящий Элдричский Народец не явится, чтобы призвать нас к ответу. — Я не шутила.

Сорград повернулся и обвел глазами ниши с их грудами костей и бдительными черепами.

— Мы должны быть в безопасности, пока никто не использует какую бы то ни было магию.

Райшед передал мне факел, а сам наклонился, чтобы размять пальцами икры ног.

— Проклятие! — Он осторожно подвигал стопой вверх и вниз. — Мы должны как можно скорее сообщить Темару и Хэлис. — Его голос оживился от решимости думать о чем

угодно, кроме того кошмара, который мы только что пережили.

— Завтра — это достаточно скоро. — Грен лег у подножия лестницы, пристраивая голову на котомку. Всякий, кто будет спускаться, наступит на него, и это будет последней ошибкой в их жизни.

— Тебе все равно придется ждать, когда проснется Шив. — Сорград вернулся в нишу и улегся рядом с магом.

Я села, сосредоточиваясь на пламени факела, чтобы не смотреть на высохшие кости со всех сторон. Обычно я сажусь спиной к стене, если таковая имеется, но здесь за каждой стеной хранились кусочки древних скелетов. При мысли о них у меня по телу побежали мурашки. Вскоре я снова встала и, хмурясь, пошла вокруг склепа. Я никак не могла найти место без костей за спиной.

— Обопрись на меня, — предложил Райшед.

Мы сели спиной друг к другу и согнули колени.

— Что такое тайакар, Сорград? — спросила я внезапно.

— Пещера, где мы храним кости наших предков в горах, — сонно ответил он. — Куда Шелтии приходят за советом в Солнцестояние. — Мрачное удовлетворение окрасило тон горца. — Что все жители низин отбрасывают как суеверную чепуху. Мол, наши шарлатаны-жрецы обманывают нас, невежественных дураков, морочат нас своими выдумками, которые служат только им самим.

Райшед откашлялся.

— Это действительно некромантия?

— Спроси Шелтий, — зевнул Сорград. — Если осмелишься.

Кто бы ни пошел их спрашивать, это буду не я. Мелкие чары Леса или серьезные заклинания для лечения и защиты, в которых преуспела Гуиналь, — это все Высшее Искусство, в каком я нуждалась. Меня и раньше бросало в дрожь от таинственных сил Шелтий, и мне вовсе не хотелось знать, что они бродят по пещерам, вызывая тени умерших. Это слишком напоминало более темную практику эльетиммов. Я правильно

делала, что столько лет не доверяла магии, решила я. Во всех ее видах.

Вокруг повисла тишина. Я была совершенно уверена, что Сорград и Грен спят.

— Спи, если можешь, — сказал Райшед. — Я посижу за факелом.

Я привалилась к его широкой, надежной спине.

— Я бы не смогла здесь уснуть, даже если б меня за это озолотили.

— Я тоже, — признался он.

— Я даже не предлагаю сыграть в руны, — заметила я, выдавливая из себя веселье. — Я сама видела, как Лесной Народ использует их для предсказания.

Мой возлюбленный слегка усмехнулся.

— Давай не делать ничего, что потревожило бы эфир.

Мы посидели в молчании.

— Так что мы собираемся предпринять, когда вернемся домой? — внезапно спросил Райшед. — Огород, поди, совсем зарос.

— Хорошо, что я так и не удосужилась ничего посадить. — Я ласково потерлась головой о его плечо. — Я говорила тебе, что думаю заняться винной торговлей?

— Кажется, нет. — Райшед протянул мне руку, и я сжала его пальцы. — Тебе понадобится склад. Желательно с настоящими погребам.

— Думаю, Темар уже задолжал мне землю под строительство такого склада. — Я притворилась озабоченной. — Ты, случайно, не в курсе, где я могла бы достать кирпичи?

— Пожалуй, я знаю кое-кого, кто мог бы помочь.

Я услышала смех в его голосе и улыбнулась.

— Вин так много, есть из чего выбрать, — задумчиво продолжал мой возлюбленный. — Тебе надо побывать на виноградниках, посмотреть, как там хранят вина.

— И попробовать их, — прибавила я.

Райшед сжал мою руку.

— Мы отправимся в Тормалин, как только покончим с этим делом, идет? Проведем постлето и обе половины предосени, собирая груз для корабля.

— Отличная идея, — одобрила я. — Откуда начнем?

САТАЙФЕР, ВНУТРЕННИЙ ПРОЛИВ, 10-е ПРЕДЛЕТА

Темар стоял на корме и смотрел на Аллин. Внимание девушки сосредоточилось на парусах все ускоряющейся «Ламинарии». Ее пальцы, сжимавшие перила, побелели от напряжения.

Хэлис поднялась с главной палубы.

— Может, у нее нет родства Лариссы, но малышка отлично справляется. — Наемница вручила Д'Алсеннену его меч. — Можешь побриться им, если захочешь идти в бой с чистым подбородком.

— Я подожду, когда мы закончим, и тогда вымоюсь. — Темар продолжал наблюдать за Аллин — ее концентрация не дрогнула ни на йоту. Он все еще чувствовал губы девушки на своих губах.

Хэлис смотрела на вздымающиеся паруса.

— Зар что-то говорил о парности огня и воздуха.

Она повернулась к «Огненному Гольяну», рассекающему полосу белой пены рядом с «Ламинарией». Его паруса не имели постоянного изгиба парусов «Ламинарии», но он разрезал волны, как меч разрезает шелк. Темар проследил за взглядом наемницы. Узара стоял на носу корабля. Опираясь рукой на бушприт, маг вытягивал шею, чтобы видеть море внизу.

Под ними открылась дверь каюты, и Гуиналь вышла на качающуюся палубу. Д'Алсеннен перегнулся через перила.

— Как там сторожевой пост?

Барышня устала на вырубку среди густого леса.

— Все сбиты с толку и разбрелись кто куда. До самой ночи никто не вспомнит свою цель. — Голос дворянки звучал решительно, но лицо выдавало отвращение.

Она могла бы по крайней мере лишить их сознания. Темар прикусил губу, чтобы не высказать эту мысль вслух. Нет, Гуиналь никогда не нарушит свои клятвы, творя такое агрессивное Высшее Искусство.

— Мы нападём на них как гром среди ясного неба, — пробормотала Хэлис, тихо водя точилом по кинжалу.

Д'Алсеннен задрал голову. Небо, хоть и ясное, заметно темнело.

— Мы успеем выиграть сражение до наступления сумерек?

— Если поторопимся, — усмехнулась Хэлис. — Вряд ли они ждут атаку в такой поздний час, а значит, преимущество на нашей стороне.

Тем временем судно круто повернуло и, едва замедляя скорость, понеслось в узкое отверстие пролива. Гуиналь снова отступила в убежище каюты.

— Зубы Даста! — нервно воскликнул какой-то матрос.

Темар взглянул на снасти. Команда работала на редкость слаженно. Бдительные, как кошки на водяной мельнице, матросы делали все, что нужно, часто еще до свистка боцмана.

«Ламинария» мчалась по узкому приливу, и Д'Алсеннена распирала гордость за умения Аллин. Маленький корабль пронёсся мимо нависающих зеленых холмов, где сплетенные ветви деревьев склонялись над самой водой, а воинственные корни, будто когти, сжимали берег. Бойцы, собравшиеся на главной палубе, покачнулись, ругаясь, когда корабль накрепчился и вильнул, как несущаяся стрелой лошадь. Многие побледнели. Глейн бросился к перилам, одной рукой схватившись за живот, а другой зажимая рот. Всеобщую тревогу вызвал ужасный крик, донесшийся с носа судна. Но боцман успокоил всех, махнув своей широкой рукой. Волна нервного смеха прокатилась по кораблю.

— В чем дело? — спросил Темар у Хэлис.

— Что-то касательно рифов. — Она посмотрела за борт и неожиданно хихикнула. — Взгляни-ка.

Д'Алсеннен ухмыльнулся вместе с наемницей при виде яростно бурлящих вод. Зазубренные глыбы и гладкие валуны кувыркались друг через друга и громоздились у берега, освобождая русло для мчащихся кораблей. Наклонив голову, Узара стоял на «Огненном Гольяне» и направлял свою магию на невидимые под водой опасности.

— Осторожно. — «Ламинария» снова накренилась, и Хэлис схватила Темара за руку.

— Спасибо. — Парень глубоко вдохнул: его желудок протестовал против этой сумасшедшей гонки.

— Когда высадимся на берег, играй свою роль, но следи за своей спиной, — строго предупредила его Хэлис. — Ты должен остаться в живых, чтобы пожать плоды для Келларина... и закончить то, что ты начал с юной Аллин.

— Позаботься о собственной шкуре, — резко ответил Д'Алсеннен. — Я не собираюсь тебя оплакивать.

Хэлис ухмыльнулась.

— Я наемница. Нас можно расходовать. За это нам и платят. — Ее слова заслужили одобрительные возгласы бойцов, ближе всех стоящих к юту.

— Ты только обеспечь, чтобы нам заплатили, командир! — крикнул Минейр.

— Чур, я первый выбираю трофеи, — заявил довольный Пейт.

— Захватишь их первым, тогда и поспорим о долях, — с вызовом откликнулась Хэлис.

— Мы почти на месте. — Отрывистые слова Аллин изгнали все другие соображения из головы Темара. Стихийный ветер исчез, и корабль закачался. Матросы полезли вверх по вантам и стали убирать паруса.

— Готовьтесь к высадке! — крикнула Хэлис, и ее сержанты построили свои отряды.

— Готовы? — «Огненный Гольян» был немного сзади, но крик Узары эхом прокатился над водой.

— Да! — Голос Аллин дрогнул от напряжения.

— Да! — Темар выхватил свой меч и взмахнул им. Он увидел пиратов, бегущих к воде, солнце блестело на полных ненависти клинках, свирепые крики вскоре утонули под бранью, которой осыпали их наемники на палубе. Первые из бандитов остановились в волнах прибоя и насмешливо заорали, призывая захватчиков высадиться.

Оглушительный рев прорвался сквозь их гвалт. Корабли на пляже, разбитые и обесчещенные, вспыхнули языками пламени. Магический огонь разорвал мачты в куски, дерево раскалывалось, металл плавился. Горящие головешки и докрасна раскаленные осколки разогнали ждущих пиратов. Отряды на «Ламинарии» издевательски захохотали, когда корабль въехал на гальку. Камни заскрежетали под корпусом, киль глубоко врезался в берег. Матросы поймали последний ветер, чтобы помочь судну идти вперед, присоединяя свои навыки к этой новой магии.

— Зар весьма хорош с водой, — с одобрением заметила Хэлис.

Темар оглянулся на Аллин. Ее ноги твердо стояли на палубе, руки были крепко скрещены. Все свое искусство девушка направляла на разрушение украденных кораблей. Она не вздрогнула, даже когда кто-то, охваченный пламенем, спрыгнул с кормы «Звона» и с воплями упал в воду, тщетно надеясь потушить огонь.

— Берегитесь, стрелы! — Минейр с мечом в руке уселся на перила борта, другой рукой держась за канат.

«Огненный Гольян» встал рядом с «Ламинарией». Опасно наклонившись, Узара заставил гальку валом окружить корпус и надежно удерживать корабль.

Темар встал между Аллин и вражескими стрелами, но они почти утратили свою силу к тому моменту, когда замелькали среди мачт и тросов. Затем стрелы арбалетов с глухим стуком ударили в деревянный борт «Ламинарии». Одна попала в бойца-келларинца. Он покачнулся, с криком хватаясь за грудь. Второй выстрел пиратов — и стрелы зашипели в воздухе как

гуси. Но в этот раз Аллин была начеку. Мерцающая завеса магического света отбросила стрелы обратно к берегу. Куврыкаясь, они падали на гальку или в воду.

— Жаль, она не проткнула этими стрелами хотя бы нескольких подонков. — Розарн появилась возле Темара, протягивая руку к своему колчану.

Д'Алсеннен удивился.

— Я думал, вы потратили все запасы.

— Почти. — Розарн прищурилась на далекую мишень. — Но не стрелы делают лучника... — Она натянула лук одним плавным движением и выпустила стрелу. Далекий крик сообщил Темару, что стрела нашла свою жертву. — А меткость, — закончила Розарн с удовлетворением.

Другие лучники, выбранные специально, чтобы извлечь наибольшую пользу из каждой драгоценной стрелы, собрались теперь на юте. Вторая группа на корме «Огненного Голыяна» повергала одного за другим вражеских арбалетчиков.

— В атаку! — проревела Хэлис.

Матросы сбросили за борт канаты и сети. Едва держась за них, наемники спрыгивали в воду и бежали на пляж, чтобы вступить в бой с теми пиратами, кто еще удерживал свои позиции, несмотря на пылающие угли и случайные стрелы, сыплющиеся на них.

— Пошел! — Розарн толкнула Д'Алсеннена к трапу.

Темар не нуждался в понукании, ощущая на себе взгляды бойцов. Только он и никто другой должен вести людей Витранселя и Эдисгессета в эту битву. Верные арендаторы обширных владений Д'Алсенненов однажды доверились ему, юному эсквайру, и пошли за ним сражаться в Императорских когортах во славу Тормалина. Теперь его долг вести этих людей к победе. Такой победе, чтобы как можно больше его бойцов остались в живых и могли насладиться ею.

Темар уже был за бортом по колено в воде. Впереди Хэлис вела свой отряд вверх по пологому галечному склону. Волны прибоя тянули их за сапоги, но рычащие наемники были сплочены как никогда. Держась на расстоянии вытянутой руки

друг от друга, готовые защитить товарища, они атаковали врага с неимоверной свирепостью. Пираты валились, словно пшеница под серпом, кровь убитых окрашивала пену в алый цвет.

Д'Алсеннен со своим отрядом следовал по пятам за наемниками.

— Ко мне! — крикнул Темар, когда они добрались до твердой земли.

Хэлис и ее бойцы встретились с главной силой пиратов в центре стоянки. Перед носом у Д'Алсеннена Минейр послал своих наемников в разные стороны, чтобы взять противника в клещи и раздавить — давняя, хорошо известная тактика. Иные пираты дрогнули и побежали к хижинам и шатрам, стоящим дальше на холме. Люди Минейра набросились на остальных, как оголодавшие псы на мясо.

Кровь, сорвавшаяся с чьего-то меча, обрызгала лицо Темара, но парень не обратил на это внимания. Он бежал, выставив перед собой меч.

— Вперед! За Келларин!

Его клич подхватили бойцы, но они и без слов, лишь с криками ненависти преследовали бы удирающего врага. Д'Алсеннен обрушил меч на спину пирата, карабкавшегося вверх по склону: наточенный Хэлис клинок рассек кожаную куртку, рубаху и плоть до самых костей. Пират резко повернулся, выгнув спину от боли, но Темар легко парировал его неловкий замах и, повернув свой меч, рубанул противника по шее. Почувствовав, как раскалывается кость, он сразу выдернул клинок, чтобы тот не застрял в позвоночнике при падении пирата. Следя за передвижениями врага, Д'Алсеннен побежал дальше, топча сапогами трупы. Обогнавший его боец одним яростным взмахом палаша срубил другого пирата. Тело покатилося по склону, и Темар перепрыгнул через него на бегу, выхватывая свой кинжал. Его дед всегда говорил: два клинка лучше, чем один.

Оказавшись у хижин и шатров, люди Келларина с яростью принялись рубить и резать всех без разбору пиратов и кричащих женщин.

— Проверяйте каждую крысиную нору! — крикнул Д'Алсеннен.

Из грубого укрытия со стенками из рустеров — решеток, снятых с люков торгового судна, — выскочил мужчина. Он замахнулся секирой, когда-то предназначенной для мирной работы в чашах Витрансея. Темар вскинул меч, защищая голову от обоюдоострого и беспощадно тяжелого оружия, но при этом ему невольно пришлось попятиться. А бандит наступал, тыкая в него своей секирой. Тогда Д'Алсеннен сделал обманный выпад, целясь в его открытый бок. Пират снова замахнулся, и Темар бросился вперед, чтобы поймать древко своим кинжалом сразу под нижним острием рубящей стороны секиры. Одновременно он ударил мечом по древку, почти отрубив пирату одну кисть. Тот закричал, кровь хлынула из раздробленного запястья, но секиру он не выпустил. Рывком освободив ее от кинжала Д'Алсеннена, бандит пошатнулся и одной рукой закрутил секиру над головой. Ореховое древко просвистело в воздухе. Темар отскочил назад, и блестящее лезвие пронеслось всего в нескольких пальцах от его лица. Тяжелый металлический топор опустился к земле, пират не смог удержать его одной рукой, и Д'Алсеннен с силой наступил на его плоскую сторону. Острый выступ металлического полумесяца глубоко вонзился в почву, дернув пирата вперед. Бандит потерял равновесие — Темар воткнул свой меч прямо в его живот.

Отпрянув от запаха крови и внутренностей, Д'Алсеннен обнаружил возле себя Глейна и незнакомого горняка из Эдисгессета, прикрывающих его с двух сторон.

— Снесите их! — закричал он, пиная непрочную решетчатую стенку.

Из-под рухнувших досок раздался приглушенный крик. Глейн кинулся туда и вытащил из-под обломков девушку. Темные спутанные волосы падали на ее лицо, слишком большой лиф был криво зашнурован поверх грязной сорочки. Девушка съежилась от страха и захныкала, как дитя.

— Мы не причиним тебе вреда, — стал успокаивать ее огорченный Глейн.

— Свяжите ее, — приказал Темар. — Не доверяйте никому, пока бой не кончен.

Глейн колебался, но горняк — нисколько. Он швырнул девушку на землю лицом вниз и, презрев ее рыдания, уперся коленом в спину; разрезанной на полосы парусиной он связал ей лодыжки и запястья.

Д'Алсеннен перевел дух и оценил ситуацию. То, что он увидел, вызвало у него ликование. Ветхий лагерь падал под келларинскими сапогами и клинками, пираты, мужчины и женщины, валялись тут и там в неопрятности смерти. Мстительные колонисты, к которым с каждой минутой присоединялись жадные наемники, окружили нескольких бандитов, все еще сражающихся.

Горняк толчком ноги перекатил туго связанную девушку на спину.

— Отнеси ее туда, парень. — Он мотнул головой на береговую полосу, где Васпрет раздавал указания мужчинам, стерегущим пленных. Все пленные были связаны, и у каждого во рту торчал кляп.

Глейн выглядел несчастным, но поднял девушку на плечо и понес вниз по склону, будто мешок зерна. Горняк тем временем бросился к своим товарищам. Они схватились с какими-то глупцами, которые вздумали отсидеться в шатре.

Не теряя бдительности, Темар осмотрел берег. Отряд Хэлис сражался с самыми отчаянными головорезами. У этих зверей была лишь одна надежда — убить или быть убитыми. Они неохотно отступали, сражаясь за каждый шаг, они вонзали свои сапоги в окровавленный дерн, плевали и сквернословили в адрес неумолимых наемников, полных такой же решимости их оттеснить. Клинки скрипели и скрежетали, у противников почти не оставалось места, чтобы свободно размахнуться. В ход пошли кулаки с зажатыми в них кинжалами, бьющие по головам и лицам. Д'Алсеннен наблюдал за строем

пиратов, и уроки, полученные в когортах, всплыли в его памяти.

— Проклятие, они поворачивают! Ко мне! — взревел Темар, размахивая мечом, чтобы созвать свой отряд. — Не дайте им добраться до берега!

Если этот бой пойдет дальше по кругу, у пиратов появится шанс броситься к прикрытым водорослями лодкам, притаившимся в камнях за частоколом. Матросы с «Ламинарии» и «Огненного Гольяна» топили все, что может плавать, в главном проливе, но эти несколько баркасов были видны только с холма. Исполненный гнева, Д'Алсеннен побежал, тяжело топая сапогами по примятой траве. Будь он проклят, если позволит ускользнуть хоть кому-нибудь из этих подонков.

Пока Темар бежал, у частокола возникло движение. Ворота грубого укрепления распахнулись, и Мьюрдарч повел улюлюкающую толпу самых верных своих мародеров на подмогу отступающим. Утомленные боем пираты разбежались, многие истекали кровью, а их свежие силы ударили по строю наемников. Противники встретились с грохотом, подобным ураганному реву. Мьюрдарч находился в самом центре, безошибочно узнаваемый по великаньему росту. Его огромный двуручный меч взлетал по смертоносной дуге, оставляя вокруг груды мертвых и раненых.

Бесплодно жалея, что у него нет лука или арбалета и умения пользоваться тем и другим, Д'Алсеннен со своим отрядом помчался дальше. Они должны отрезать пиратов от берега. Они не успевают. У парня сжалось сердце. Он не успевает. Еще одна неудача, и все проклянут его.

Затем дрожь пробежала по сражающимся. Злоба пиратов сменилась изумлением, которое превратилось в ужас. Наемники Хэлис воспользовались этим первым признаком слабости и с удвоенной силой набросились на врага. Поскальзываясь на гальке, Темар и его люди пробились мимо неприятельского фланга с твердым намерением не дать прохода пиратам.

Д'Алсеннен изо всех сил старался увидеть, что покатило руны битвы в другую сторону. Это был Дарни и его бег-

лый отряд. Они вынеслись из леса за лагерем. Кое-кто вместо мечей нес дубинку, но эти куски свежесрубленных веток свирепо лупили по открытым рукам и лицам. Как и опасался Темар, бойцов у Дарни осталось мало, но решимость искупить свое постыдное бегство заставляла каждого сражаться за двоих.

— Держитесь! — Зычный голос Мьюрдарча прорвался сквозь громкий ропот вновь дрогнувших пиратов.

Собравшись с силами, пираты устояли — они представляли собой сейчас зловещую пародию на обученное войско.

— Назад!

По команде своего главаря это войско начало медленное отступление.

— Бей их! — Рев Хэлис поднялся над возобновленной бранью наемников.

— Ко мне!

Отряд Темара выстроился с двух сторон от него — прочная шеренга из кожи и стали. Д'Алсеннен колот и рубил, жажда крови и мести, но пираты еще держали строй. Они не старались ранить его людей, а лишь отражали встречные удары. Это было не беспорядочное бегство, но дисциплинированное отступление, шаг за шагом, к безопасности частокола.

Если Мьюрдарч запрется внутри, его придется оттуда выкуривать, яростно подумал Темар. Словно в ответ на его мысли, алые языки пламени взвились за рукопашной схваткой. Захваченный врасплох, Д'Алсеннен отвлекся, и тут же пиратский меч полоснул его по руке.

— Будь ты проклят! — Темар вогнал свой клинок прямо в лицо бандиту, оборвав его торжествующий крик. Затем выдернул меч со сгустками крови и слизи на потускневшей стали. Когда умирающий пират упал навзничь, Д'Алсеннен вырвался из строя, бойцы по бокам от него инстинктивно сомкнули брешь. Темар бросился туда, потом сюда в надежде увидеть, что происходит у частокола, и напряг слух, пытаясь что-нибудь расслышать в этом гаме.

Частокол горел. Алый магический огонь взмывал все выше, черный дым валил в ясное голубое небо. Это делала Аллин? Не успел парень это подумать, как боль взорвалась в его голове. Он пошатнулся от шока, прижимая руку к виску. Не нащупав дротика или раны от стрелы, Д'Алсеннен сощурился и сквозь слезы посмотрел на ладонь. Крови не было.

Битва превратилась в хаос, всепроникающая боль терзала друга и врага одинаково. Мужчины и женщины падали на четвереньки. Одни расцарапывали свои головы до крови, другие сжимались в комок и вопили, как младенцы. У Темара подкашивались ноги, но парень заставил себя стоять. Волоча онемевшие ступни, он направился к «Ламинарии», неуклюжих взмахов меча хватило, чтобы прогнать с дороги пронзительно кричащего пирата.

— О, мой маленький сын, кто взрастит тебя? Кто воспитает тебя мужчиной? Я горю, все горит, огонь со всех сторон. У меня нет силы воли, чтобы его погасить. Прости мою слабость. — Страдание Мойна разрывало душу Темара. Такую же невыносимую боль, такое же опаляющее горе испытывал его отец, стора в лихорадке Черной оспы?

Даридж оплакивал утрату родителей, но глаза пересыхали быстрее, чем слезы успевали смочить их. Липкие, обожженные веки уже не опускались и не могли скрыть яркую смерть, трепещущую со всех сторон.

— Как вы проживете без щедрот, которые я зарабатываю для вас? Кто принесет вам топливо и еду, чтобы спасти от убийственного холода зимы? — Его кожа покраснела, вздулась пузырями и, опаленная, стала трескаться. Но Даридж видел перед собой лишь образ своего старого отца, серого и замерзшего, умершего от голода в своей постели.

Из глаз Темара брызнули виноватые слезы. Если бы он не отправился в Кель Ар'Айен, смелый и глупый, он был бы со своим дедом, чтобы утешить его на смертном одре. Почему он оставил старика умирать в одиночестве, не имея рядом ни одного родного человека?

— Почему я никогда не говорила тебе, что люблю тебя, Дахел? Теперь я умру, и ты об этом так и не узнаешь. Я никогда не почувствую твоих губ, твоих объятий и твоего сильного тела. Илкехан сказал, что мы должны быть свободны от таких уз, но где он теперь, когда я умираю совершенно одна? — Ялда задыхалась. Обманчивый воздух обжигал ей горло и легкие, но она продолжала бороться. Ее волосы завились, тщетно отступая от языков пламени, и рассыпались в прах — вся красота, которой колдунья так гордилась, превратилась в уродство.

Неистовые крики пожираемых огнем эльетиммов заполнили разум Темара. Сражаясь с болью, мучительными воспоминаниями и сожалениями, он добрался до корабля и схватился за просмоленную сеть, свисающую с борта. Пальцы правой руки скользили, залитые кровью из раны. Вой и плач нападали со всех сторон, а боль в голове была такая, что, казалось, череп вот-вот треснет.

— *Тар-риал*, — задыхаясь, произнес Д'Алсеннен. — *Тар-риал эн арвенир*. — Это придало достаточно ясности внутри убежища его ума, чтобы подняться на несколько ячеек сети. — *Тар-риал эн арвенир мел эдразет*.

Эфирная защита толкнула боль к наружной стороне кожи. Темар все еще чувствовал себя освеженным заживо, но это было просто ощущение горения, а не опаляющая горечь напрасного самобичевания. Парень застыл от страха, когда его коснулось желание смерти, и лишь потом осознал, что не представляет интереса для трех адептов Мьюрдарча. Свои последние вздохи они собирались потратить на кровавое возмездие магам, которые принесли им эту огненную гибель.

Д'Алсеннен почувствовал, как умирающие эльетиммы направили свою убийственную волю на Лариссу. Взвизгивающие языки пламени заполняли его зрение не только при открытых, но и при закрытых глазах, и он увидел девушку, окруженную кольцом серебряного магического света. Ее защиты тускнели, плавились под натиском эльетиммов, и Темар в который раз пожалел, что бросил изучать Высшее Искусство.

Он напрягал свою память в поисках заклинания, которое могло бы помочь магине. Бесполезно, он просто не знал. Понимание своего бессилия оказалось страшнее агонии, терзающей его полузащищенный ум. Должно же быть что-то, что он в силах сделать. Если он не может добраться до Лариссы, то должен попытаться помочь другим магам. Д'Алсеннен перевалился через борт и с гулким стуком рухнул на палубу «Ламинарии». Матросы со всех сторон боролись с сокрушительной болью. Один кричал, свалившись с мачты, из разбитых ног торчали осколки костей.

С трудом встав, Темар увидел на корме Гуиналь. Его сердце сжалось от самой страшной муки. Барышня стояла на коленях возле Аллин, лежащей без чувств.

— Гуиналь, — прохрипел он и, шатаясь, пошел на корму.

— Если надеешься на милость Сэдрина, помоги мне! — Барышня подняла голову, отчаянно стискивая руки Аллин. Лицо ее было пепельным. — Это эльетиммы. Я заслонила Аллин и Зара, но не могу дотянуться до Лариссы.

Д'Алсеннен кивнул и пожалел об этом.

— Они там, внутри. — Он указал на полыхающий часток и глубоко вдохнул. — Ты должна закончить это. Ты — единственная, кто может до них добраться. Нет иной возможности спасти магов.

Гуиналь посмотрела на него с ужасом.

Темар схватил ее руки.

— Ты одна можешь их пощадить. Клянусь глазами Острина, ты бы позволила им умереть в таких мучениях?

Если барышня и раньше казалась бледной, то теперь ее лицо стало совсем бескровным, цвета старой кости. Она так сильно прижала руку Д'Алсеннена к холодным пальцам магини, что парень испугался: вдруг он до конца дней своих будет ходить с их отпечатками?

— Сделай для нее все что можешь, — хрипло прошептала Гуиналь, зажмуривая глаза. Темные круги под ними казались синяками. — И для Зара.

Темар попытался обернуть свою хрупкую защиту вокруг Аллин. Но его умений не хватило. Стихийный холод, скользкий и твердый как лед, немедленно спутал его заклинания, как только Д'Алсеннен попытался проникнуть сквозь него. Неподвижный холод лишенных света пещер, затерянных под землей, пронизал девушку до костей, опровергая коварное хвастовство эльетиммского Высшего Искусства, что ее поглотит неумолимый огонь. Темар старался оделить Аллин хоть какой-то своей силой, чтобы девушка не поддавалась этому коварному призыву к ее стихийному родству: эльетиммы стремились освободить стихийный огонь, чтобы уничтожить мага изнутри. Как там Узара? Ум Д'Алсеннена онемел от холода, словно он нырнул в студеную воду. Но он снова попытался найти мага, держа его образ в своем мысленном взоре. Холод стал обжигающим, как ветер морозной зимы, и Темар отпрянул от него, но, прежде чем какие-то умения совершенно покинули его, парень успел понять, что холод, защищающий Аллин, оберегает и Узару.

— *Эда верлас Мойн ар дрион эда. Верлас Ялда мал ар дрион эда. Даридж верлас ар дрион эда.* — Гуиналь скандировала заклинание, которого Д'Алсеннен никогда прежде не слышал. Из закрытых глаз барышни лились слезы. — *Острин ан абрач нур фел,* — добавила она в страстной молитве.

Крики умирающих колдунов медленно затихали. Темар все еще чувствовал муки агонии через обломки своей необученной защиты. Стирая с лица холодные слезы, он посмотрел на берег. Люди начали приходить в себя, одни раньше, другие позднее.

Мьюрдарч был из первых. Верзила мчался вверх по склону к краю леса, где Дарни, покачиваясь, стоял над упавшей фигурой. Это могла быть только Ларисса. Поглощенный своей ненавистью, главарь пиратов не осознавал, что его преследует Хэлис. Наемники за ее спиной с отчаянной решимостью поднимали себя на ноги.

— Позаботься об Аллин.

Темару стоило нечеловеческих усилий отойти от девушки, но он погнал себя к канату, свисающему с борта корабля. Он радовался даже ожогу от веревки на своих ладонях, пульсирующей боли в раненой руке, любой боли, которая отвлекла бы его от дикого беспокойства за Аллин.

Д'Алсеннен побежал мимо шевелящихся и лежащих без сознания пиратов и наемников, эхо предсмертных мук колдунов становилось тише с каждым шагом. Жажда сполна расплатиться с Мьюрдарчем наполнила его новой энергией. Главарь пиратов теперь рубился с Дарни. Воин защищался, но куда делось его обычное мастерство? Каждое его движение было слишком замедленным, каждое парирование слабее, чем нужно для выживания. Темар едва не закричал, чтобы придать здоровяку отваги, но, видя, что Хэлис уже там, промолчал. Дарни упал, и Мьюрдарч торжествующе завопил, но наемница оборвала его ликование. Она напала на незащищенную спину мародера, ее меч в запекшейся крови ударил наискосок, обнажая кровоточащую плоть и белый блеск ребер.

Взревев как раненый бык, Мьюрдарч круто повернулся и набросился на Хэлис. Его огромный двуручный меч должен был разрубить ее пополам. Наемница обеими руками схватила свой палаш и встретила этот удар, намертво останавливая пиратский клинок. Она стояла, напрягая мускулы, затем ткнула в глаза Мьюрдарча рукоятью своего меча, выскальзывая из-под убийственной дуги его оружия, стоило лишь пирату отшатнуться. Главарь снова размахнулся, чтобы отрубить ей ноги, но Хэлис выставила низкий блок и сама сделала режущий выпад. Потом гибко ушла от опасности и плюнула в Мьюрдарча.

Темар хотел крикнуть, предупредить Хэлис, что он идет к ней, но побоялся ее отвлечь. Мьюрдарч поднял над головой свой могучий клинок, однако наемница не ждала, когда ее зарубят. Она метнулась вперед и ударила главаря мечом в подмышку. Запыхавшийся Д'Алсеннен издал одобрительный возглас, увидев свежую кровь, алевшую на солнце.

Хэлис проскочила за спину Мьюрдарча, и пират, прижав руку к боку, уничтожающим взглядом посмотрел на Темара. Он и одной рукой мог держать тот исполинский меч. Совершенно обезумевший, главарь ринулся к Д'Алсеннену. В тот же миг Хэлис ударила его в спину, острие ее палаша прошло насквозь и теперь торчало из живота. Мьюрдарч упал на колени, и Темар одним ударом снес с плеч его мощную голову. Теплая струя крови из обрубленной шеи окатила бок и бедро парня, но он едва почувствовал это в горячке ликования.

— Хорошая работа, мессир. — Хэлис выдернула свой клинок из трупа Мьюрдарча и салютовала Темару. Пот и грязь битвы не могли скрыть ее бледность. — Как я понимаю, эти колдуны пытались расколоть все наши черепа?

Д'Алсеннен скорчил гримасу.

— Решили поделиться своей смертельной агонией, когда оказались в огне.

— Это Аллин подожгла частокол? — спросила наемница. У Темара сжалось горло от страдания.

— Не знаю. Я так не думаю. Она без сознания. — Д'Алсеннен шагнул по направлению к кораблям, но был остановлен чьим-то стоном.

— Проклятие, Дарни. — Хэлис упала на колени подле воина.

На его залитое кровью лицо было страшно смотреть. Щека срезана, челюсть разрублена, в ней белеют сломанные зубы. Второй удар Мьюрдарча пришелся ниже. Он оставил глубокую рану в плече здоровяка, разрезав мышцы и сухожилия. Кровь Дарни пропитала лежащую под ним фигуру.

— Помоги мне, — приказала наемница. — Это Ларисса.

Руки Д'Алсеннена дрожали, когда он срывал с себя куртку и рубаху, влажную от пота и грязную от крови — своей и чужой. Дарни положили на окровавленную траву, и он застонал, грудь его тяжело вздымалась. Морщась при виде его ужасных ран, Темар пытался остановить кровотечение.

— Он выживет?

— Возможно, ему было бы лучше не выжить. — Хэлис с мрачным лицом искала пульс Лариссы. — Эта уже приносит свои оправдания Сэдрину. Проклятие. Дарни мог разделиться с Мьюрдарчем. А вместо этого пытался защитить ее тело, глупец! — Но тон женщины был скорее печальный, чем сердитый.

Д'Алсеннен нахмурился.

— Я не вижу никаких ран.

Он почти ожидал увидеть магиню почерневшим, скрюченным трупом. Но вся кровь на Лариссе была кровью Дарни, пролитой за возлюбленную его хозяина.

Хэлис озадаченно покачала головой, осторожно ощупывая тело магини.

— Один Полдрион знает, что ее убило... а он не скажет.

Дарни снова застонал; закатывая глаза, он пытался сморгнуть кровь, ослепляющую его. Он с трудом поднял свою уцелевшую руку, чтобы указать на все еще пылающий круг, ставший погребальным костром эльетиммов.

Темар догадался, что хочет сказать воин.

— Ларисса подожгла частокол?

Дарни закрыл глаза, подтвердив это.

Д'Алсеннен посмотрел на наемницу.

— Ларисса приняла полную силу их ненависти. Я почувствовал это. — Темар уже был на ногах. — Я должен увидеть Аллин и Зара.

Не дожидаясь ответа Хэлис, он, спотыкаясь, побежал к кораблям. Наемники, оправившись от нападения Высшего Искусства, со зверским отчаянием резали все еще оглушенных пиратов. У них не возникло даже мысли о том, чтобы предложить им сдаться. На берегу Розарн отправляла свой отряд снимать с убитых и плененных оружие и ценности. Д'Алсеннену было все равно. Пусть Хэлис делит трофеи, как считает нужным. Его интересует только Аллин.

Каждый сустав, каждая косточка в его теле протестовали, когда он снова втаскивал себя на борт «Ламинарии». Раненая рука горела огнем.

— Барышня Гуиналь, где она? — закричал он какому-то матросу, который медленно сматывал трос больше по привычке, чем по необходимости.

— В каюте, — ответил матрос безжизненным голосом.

Д'Алсеннен распахнул дверь.

— Она жива?

Гуиналь стояла на коленях на полу, спрятав лицо в ладонях, ее плечи тряслись. Аллин неподвижно лежала на койке, лицо повернуто к стене. С другой стороны лежал Узара: руки аккуратно сложены на груди, голова запрокинута, щеки впалые и бескровные во мраке.

— Она жива? — в ярости, порожденной ужасом, пролаял Темар.

— Еле-еле. — Гуиналь вытерла слезы, оставляя на лице грязные разводы. — Я не могу их согреть, — зарыдала она внезапно. — Никого из них. Не важно, что я делаю. Я не могу их согреть.

Ее глаза закатились, и Темар едва успел схватить барышню, чтобы она не рухнула на твердый пол.

ГЛАВА 8

*Гамару Тайлоту, ученому Университета Кола,
От Эли Лейзен, Хадрумал*

Дорогой Гамар,

В последнее время в наших библиотеках обнаруживаются любопытные документы, и наш общий друг подумал, что эта вещь тебя заинтересует. Кажется, она была написана в прошлое поколение, возможно, даже в последнюю горсть лет. Оригинал — стихи, но горянка, которая их перевела, слишком глупа, чтобы зарифмовать свое творение.

СКАЗАНИЕ О СОЖЖЕНИИ ХЕЛДАСЕККА

Люди Дачасекка давно поделили Серый Тюлений остров с людьми Хелдасекка. На острове не было священных камней, поэтому мужчины каждого клана возвращались на главный остров своего рода за правосудием и руководством, неся свои мольбы в тамошние круги.

Случилось так, что в самую белую из ночей предки послали видение главе клана Дачасекка, и он поклялся воздвигнуть круг на Сером Тюленьем острове на каменистом холме, где нет ни земли для пахоты, ни травы для животных. У главы клана Хелда-

секка не было такого видения, но он, хоть и более влиятельный, не отрицал право Колбина из Дачасекка почитать мертвых в пределах его собственных границ.

Все было хорошо, пока не настало время сенокоса и жатвы. Тогда люди Дачасекка пригласили людей Хелдасекка, живущих на Сером Тюленьем острове, зайти в их круг, дабы почитать тех, кто покоится под землей. Этот круг ближе к вашим домам, сказали они. Давайте владеть им сообща, ведь у нас общая кровь. Раз Дачасекк так щедр, решил глава клана Хелдасекка, почему бы не забрать у него немного земли. И когда Дачасекк закончил жатву, он передвинул межевые пирамиды, захватывая себе всю Малую Топь.

Глава клана Дачасекка рассердился и призвал Скафета из Хелдасекка встретиться с ним на черных песках Договорного острова, что лежит в проливе между его твердыней и Серым Тюленьим островом. Он пригласил Федина из Эвадасекка стать третейским судьей, но люди Хелдасекка не приняли его. И они не предложили своего судью, отрицая любое преступление со своей стороны, которое оправдывало бы появление в их владениях такого посредника. Глава Хелдасекка не стал обсуждать межевые пирамиды, но сказал Колбину из Дачасекка о своих намерениях породниться с кланом Кеханнасекка, когда настанет время резать коз.

Колбин из Дачасекка понял, что будет с обеих сторон окружен недругами. Он не стал требовать обратно землю и, убив тех, кто пригласил людей Хелдасекка в их круг, отступил в свою крепость. Во время резки коз Осмелд, сын Скафета из Хелдасекка, женился под травяной аркой на Ренкане, дочери Рафекана из Кеханнасекка. Осмелд был способным, сильным юношей, а Ренкана была совершенна телом и прекрасна лицом. Ни один представитель других кланов не был позван, дабы стать свидетелем этой свадьбы, ибо Скафет из Хелдасекка и Рафекан из Кеханнасекка согласились, что выкуп за невесту и приданое — это вопросы, о которых лучше договориться между собой. Оба клана пировали до самого утра.

Настали дни темноты и голода, и все люди держались поближе к своим очагам. Пришла самая темная из ночей, и когда солнце снова встало, перед крепостью Кеханнасекка нашли

презрительный столб. На нем был вырезан образ Ренканы, используемой Скафетом, как кобель использует сучку. Никто не знал, чья рука поставила его. Рафекан сжег столб и развеял пепел в море, не слушая тех, кто назвал его поведение немужским.

Замок Хелдасекка сгорел следующей ночью. Все в замке были убиты. Когда пожар потух, мертвых нашли запертыми в их спальнях, а главная дверь была закрыта снаружи на засов. Все кости оказались сломаны и обуглены, и никого не удалось похоронить без позора. Глава клана Трилсекка, чья сестра была женой Скафета из Хелдасекка, потребовал, чтобы Рафекан из Кеханнасекка пригласил третейского судью, дабы установить истинного виновника этого бесчинства. Глава клана Кеханнасекка отказался, говоря, что Скафет понес кару своих предков за бесчестье, нанесенное жене своего сына.

В ранние дни следующего лета Илкехан из Кеханнасекка сверг своего отца Рафекана, и будучи одаренным человеком, был провозглашен главой клана. Во время сенокоса и жатвы Илкехан из Кеханнасекка и Колбин из Дачасекка поделили между собой Серый Тюлений остров. Главы кланов Трилсекка и Эвадасекка потребовали, чтобы они объяснили свои действия перед третейским судьей, но не нашли никого, на ком все могли бы согласиться.

Во время резки коз глава Кеханнасекка воздвиг круг для людей Серого Тюленьего острова уже из клана Кеханнасекка на каменистом холме, где не было ни земли для пахоты, ни травы для животных.

КЕХАННАСЕKK, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 11-е ПРЕДЛЕТА

Открыв глаза, я в первый момент изумилась, что все-таки сумела заснуть. Но это изумление тут же сменилось твердой решимостью выбраться из этой черной норы. В следующий миг я уже была на ногах.

— Ливак? — пришел откуда-то из черноты голос Райшеда.
— А ты кого ждешь? — весело поинтересовался Сорград.
— Какого-то давно умершего эльетимма? — со смаком осведомился Грен.

— Это не смешно, — сурово отрезала я. Сообразив, что куртка Райшеда лежала у меня под головой, я наклонилась, чтобы ее поднять. Никто не мог меня видеть, поэтому я прижала ее к лицу и вдохнула его успокоительный запах.

Камни засветились магическим светом.

— Доброе утро. — Шив вылез из ниши и зевнул, расправляя свои длинные конечности. — Вы не представляете, как у меня все болит.

— Еще как представляем. — Я вытянула руки над головой в тщетной попытке унять судороги в спине. — Давайте следующую ночь спать в нормальных постелях.

Свет усилился, добираясь до Райшеда, сидящего у подножия лестницы. Он улыбнулся мне многозначительно. Игриво подмигнув моему возлюбленному, я опять стала серьезной.

— Кто-нибудь знает, эльетиммы еще стерегут эту нору или нет?

— Я поднялся наверх лестницы, когда проснулся. — Грен пожал плечами в бледном свете, исходящем от дальней стены. — Но ничего не услышал.

— Это хорошая новость. — Сорград беззаботно сидел в одной из заваленных костями ниш. — Плохая та, что отсюда есть лишь один этот выход.

— Точно, — подтвердил Райшед.

Если братья, выросшие в пронизанных пещерами горах, и Райшед с его знаниями каменщика не смогли найти еще одну дверь, значит, ее здесь нет.

— Шив, ты можешь сказать, есть ли кто-нибудь там, наверху?

Неопределенного оттенка свет потемнел вокруг мага, становясь густо-зеленым, и в его сложенных чашей ладонях собралась вода. Шив скорчил гримасу.

— Кто-нибудь, капните сюда чернил, пожалуйста.

Райшед полез в свою сумку.

— Зачем ты носишь чернила? — с интересом спросил Грен.

— Никогда не знаешь, когда они могут понадобиться. — Райшед внимательно смотрел на мага. — Только быстрый взгляд, Шив. Мы не хотим, чтобы ты столкнулся с адептом, вышедшим мстить за Илкехана.

Маг кивнул:

— Нас никто не ждет.

Он плеснул водой в лицо, дабы прогнать сон. Я собиралась сказать, что в ней были чернила, но какой в этом смысл, если мы все еще вымазаны голубой краской?

— Куда мы направляемся? — Сорград спрыгнул на пол и пошел к лестнице, его шаги эхом отражались от каменных стен. Я присоединилась к нему, а Грен пропустил вперед Шива и занял место в арьергарде.

— Уберемся подальше отсюда и дадим знать Хэлис и Темару, что Илкехан вышел из игры. Пусть начинают швырять Мьюрдарча и его портовых крыс в океан. — Райшед втащил меня за руку на нижнюю ступеньку. Оказавшись рядом с ним, я чмокнула моего возлюбленного в щеку и возвратила куртку.

— Мне нужно побриться, — скривился Райшед.

— Так и быть, на этот раз я тебя прошу, — ответила я с ласковой насмешкой.

Сорград первым поднимался по узкой лестнице, нарочно построенной так, чтобы запутать незваных гостей. Я шла за Райшедом и еле сдерживалась, чтобы не подтолкнуть его, настолько я была рада покинуть этот склеп. Но мой возлюбленный не спешил. Он старался бесшумно ставить ноги на каждую плиту, и это напомнило мне, что мы не будем в безопасности, пока не уберемся от всех эльетиммов с их загадочными силами и интригами. До тех пор нам нужно следить за каждым нашим шагом. Еще никто не попал на виселицу за излишнюю осторожность.

Но никто с нее и не разбогател, мысленно возразила я. Интересно, какую награду предложит нам сьер Д'Алсеннен? С Хэлис, командующей его отрядами, Темар должен отвоевать у пи-

ратов достаточно трофеев, чтобы исправить горестное положение с деньгами в Келларине. Мне ведь понадобится некоторая сумма, чтобы начать винную торговлю, не так ли?

Райшед остановился, грубо возвращая меня к реальности. Он согнулся под каменной плитой и напрягся, чтобы ее поднять. Сорград, с кинжалами в обеих руках, кивнул. Райшед толкнул вверх массивную плиту и отбросил ее с грохотом.

Они выскочили из дыры вместе. Райшед резко повернул налево, готовый к любой неожиданности. Сорград кинулся направо. Обойдя круг, они встретились.

— Все чисто.

— Здесь никого.

Удовлетворенная, я вылезла наружу. Оказывается, уже позднее утро — в первые несколько минут свет казался болезненно ярким. В бледно-голубом небе сомкнутыми рядами вставали с запада невероятно пушистые облака. Прохладный ветер освежил мне лицо после неподвижного воздуха sklepa. Вслед за этим в нос ударила едкая вонь горелой древесины. В горле запершило, и я неудержимо закашлялась.

Райшед схватил меня за локоть.

— Смотри под ноги.

Моргая сквозь слезы, я увидела, что вершина кургана усыпана кусками разбитых камней и сгоревших, расколотых деревьев.

— Отличная работа, я бы сказал, — с гордостью заметил Сорград.

— Несомненно, — криво улыбнулся Шив.

— У кого-нибудь есть еда? — Грен осторожно пошел к краю кургана, прячась за обломком священного камня.

Я наконец справилась с кашлем.

— У меня нет.

Райшед пожал плечами:

— Прости.

— В балладах героя всегда ждет пир и на все согласная принцесса, — проворчал Грен. — Давайте хотя бы вернемся вовремя, чтобы помочь Хэлис сражаться с пиратами.

— Чем быстрее мы дадим им знать, что случилось, тем лучше, — напомнил Райшед.

— Мне творить заклинание прямо здесь? — воззрился на него Шив.

— Время поджигает, — сказала я.

Райшед пожал плечами.

— Посмотрим, что будет.

— Не знаю, удастся ли это сделать с нужной тонкостью. — Порывшись в рюкзаке, маг достал серебряный поднос, но тут же спохватился: — У меня нет свечей.

Сорград поднял мокрую от росы головешку.

— Попробуй это.

— Я постараюсь. — Обугленный кусок дерева в руке Шива замерцал приглушенным алым пламенем. — Узара?

Мы все выжидательно уставились на поднос. Ничего не случилось. Маг нахмурился и будничным жестом погасил пламя.

— Наверно, он спит. — Расправив плечи, он снова зажег головешку. — Аллин? Аллин, это я, Шив.

Блестящее серебро упорно оставалось пустым. Мы посмотрели на мага. На его лице отражалось замешательство, которое мне совсем не понравилось.

— Дать тебе что-то другое блестящее? — Грен потянулся к пряжке своей котомки.

Шив нахмурился.

— Это ничего не изменит.

— А что изменит? — строго спросил Райшед.

Маг не ответил. Он снова поднял поднос и сфокусировал на нем все свое внимание.

— Ларисса? — Головешка вспыхнула яростным малиновым пламенем. — Чтоб тебя! — Шив замахал ею в воздухе, чтобы погасить огонь, и снова зажег его через несколько вздохов. — Дарни!

— Они ведь не могут все спать? — Мой голос дрогнул от беспокойства.

— Какая-то эфирная помеха? — в растерянности спросил Райшед.

Шив отрицательно покачал головой.

— Здесь больше нет никакой силы, — заговорил Сорград. — Нечему реагировать на магию, как и в харджирде Шернасекка. — Он медленно пошел кругом. — Мы бы услышали тот звук колокола, если бы что-то сохранилось.

Мысли Райшеда были за много лиг отсюда.

— Мы должны дать знать Темару и Хэлис, что они могут атаковать пиратов. Шив, что еще ты можешь сделать? Ливак, у тебя есть какое-нибудь Высшее Искусство, чтобы связаться с Гуиналь?

— Боюсь, что нет. — Мне было очень жаль его разочаровывать.

— Давайте посмотрим, что покажет нам гадание.

Шив отбросил почерневшую деревяшку и встал на колени на влажную траву. Он положил перед собой поднос, и роса заискрилась, скатываясь с травинок. Перетекая на металл, она разливалась по нему изумрудным слоем, который становился все толще и толще. Райшед протянул свою баночку чернил, и маг дал одной-единственной капле упасть с пробки.

Мы столпились вокруг. Я не сразу поняла, что зеленые туманы уже рассеялись, ибо поначалу мы видели только зеленые листья почти такого же оттенка. Шив повел свои чары вдоль берега, пока не появился лагерь. Видение показало аккуратные костры и занятых возле них людей.

— Кажется, там все в порядке. — Я старалась сдерживать и облегчение, и беспокойство. Костров было больше, чем я ожидала, но вот людей заметно не хватало.

Райшед видел то же, что и я.

— Где Хэлис? Темар?

Маг не слушал. У него вырвался вздох облегчения, когда гадание нашло Перида. Художник стоял перед хижинкой, оставленной нам пиратами, и разговаривал с кем-то, кого я не узнала. Кто бы это ни был, ему здорово досталось. Мне толь-

ко в лагерях наемников приходилось видеть, чтобы кого-то так избивали.

Я молчала, отсчитывая пять биений сердца, чтобы Шив мог убедиться, что его возлюбленный цел и невредим.

Грен не обладал такой деликатностью.

— Где Хэлис, чума тебя побери!

— Дай мне минуту.

Лицо Перида исчезло, и вода потускнела до цвета стоячего болота, прежде чем новая магия залила ее зеленым сиянием.

— Вот она, — обрадовался Шив.

Я прищурилась, разглядывая образ, заключенный в серебряном подносе.

— Где?

— Они захватили стоянку Сатайфера, — воскликнул Райшед.

— Захватили? — Сорград прекратил задумчивый обход кургана и присоединился к нам.

— Мы безнадежно опоздали, — недовольно заявил Грен. — Не с кем сражаться, и никакого шанса на долю в добыче.

Шив все еще был поглощен своим гаданием.

— Как вы думаете, что здесь случилось? — Магия показала нам выгоревшие остатки пиратского частокола и группу грязных наемников, которые сносили его.

— Похоже, вы не единственные, кто увлекся игрой с огнем. — Я улыбнулась Сорграду, с интересом изучавшему эту сцену.

— Как Хэлис узнала, что можно атаковать, не опасаясь колдунов? — вслух поинтересовался Шив.

— Хороший вопрос. — Но Райшед был вполне удовлетворен. — Однако бой окончен, и мы победили.

— Этот бой не мог быть легким, даже без эльетиммов, — заметила я. — Если Зар и остальные использовали всю свою магию, они, вероятно, еще спят.

Не было никакого сомнения, что наши друзья — хозяева стоянки. В бухте спокойно стояли на якоре «Ламинария» и

«Огненный Гольян», похожие на те миниатюрные кораблики, что продают старые матросы, переставшие ходить в море. Одиноким сторожа расхаживали по палубам и нисколько не напоминали людей, ожидающих атаки. Часовые с той же неторопливостью шагали вокруг стоянки, а отряды Хэлис выносили келларинские грузы из ветхих остатков пиратского лагеря.

— Розарн, Веспрет, Минейр. — Я перечисляла знакомые имена, загибая пальцы на руках, и вдруг закусил губу, когда блуждающая магия Шива пронеслась над сваленными в кучу трупами. Видимо, это пираты. С нашими мертвыми обращались бы с гораздо большим уважением, чтобы не рассердить Острина, который любит появляться среди людей, переодевшись простым смертным.

— Ни магов, ни Гуиналь, — заметил Райшед.

— Они, небось, на корабле, садятся за роскошный завтрак, — презрительно откликнулся Грен. — Знатные платят наемникам, чтобы те ели свою кашу на холодной земле.

— Шив, ты можешь заглянуть в каюты?

— Нет, без... — Маг застыл, и я услышала самый нежеланный звук, принесенный порывистым ветром.

— Колокольчики.

— Опять эти козы, — проворчал Грен. — Я готов биться об заклад, что вчера мы их надолго отпугнули. — Он вытащил свой длинный нож.

— Оставим их в покое, — взмолилась я. — Сатайфер уже наш, так давайте не рисковать своими шеями в какой-то бессмысленной стычке с местными.

— Это должно считаться мстью Элдричского Народца. — Райшед махнул рукой на разрушенный круг. — А если выпотрошить какого-то пастуха, все начнут искать обычного человека с ножом. — Он провел рукой по взъерошенным ветром кудрям. — Шив, ты можешь вернуть нас на Сатайфер с помощью Сорграда?

Маг покачал головой:

— Всех сразу — нет. Только по одному. На это уйдет два дня, и мне потребуется безопасное место, чтобы отсыпаться между разами.

— Мы с братом не разделимся, — предупредил Грен. — И Ливак не оставим.

— Нам нужно спрятаться и подождать. Когда удастся собрать полную магическую связь, мы уберемся отсюда все вместе, — авторитетно заявил Сорград.

— Самым безопасным местом будут владения Олрета, — сказал Райшед.

— На такое расстояние я мог бы перенести нас всех одним заклинанием, — уверенно сказал Шив.

— Насчет Олрета. — Я отодвинула этого эльетимма и его секреты в заднюю часть ума, пока Илкхан господствовал на переднем плане. — Вы предлагаете вернуться в его замок? — Я села на обломок камня.

— Его прачки могли бы поделиться с нами мылом, а то я похож на какого-то актера маскарада. — Сорград почесал руку, грязную от сажи и жирной краски. — Если Хэлис увидит меня раскрашенным, насмешкам не будет конца.

— Там полно хорошеньких девиц. Может, некоторым будет интересно узнать, куда доходит эта голубая краска? — Похотливое хихиканье Грена свело на нет его притворную невинность.

Райшед пристально смотрел на меня.

— Что насчет Олрета?

Грен продолжал развивать свою мысль.

— Держу пари, он накормит нас до отвала.

— Вы помните те запертые решетки на его лестнице? — небрежно спросила я.

Это привлекло ко мне общее внимание.

— Да, — медленно ответил Шив.

Я не стала ходить вокруг да около.

— Олрет держит там, наверху, несколько женщин. Они заперты в клетках, как животные, вынужденные сидеть в своем дерьме. Женщины утверждают, что они из Шернасекка,

что Олрет захватил их в плен, когда вместе с Илкеханом атаковал их дом.

— Почему ты раньше не сказала? — недоверчиво спросил маг.

— Ты им не поверила? — Райшед не тратил зря время на обвинения, но его строгий взгляд предупредил меня, что, когда мы останемся наедине, мне придется объясниться.

— Я не знала, чему верить. У них есть мощное Высшее Искусство, но Олрет как-то ограничивает их силы той одной комнатой. Они хотели, чтобы я передала сообщение их родне в Эвадасекке. — Я порылась в памяти. — И Фройласекке, и где-то еще.

— Зачем Олрет их держит? — поинтересовался Сорград, пока Шив разворачивал свою карту.

— Надеется получить кровные права на земли Шернасекка, когда одна из девушек решит, что его постель — более подходящее место, чем тюрьма. — Я нахмурилась, так как Грен явно собирался отпустить неуместную шутку. — И еще кое-что. Похоже, эти эльетиммские адепты держат свои знания в строгом секрете. Женщины Шернасекка считают, что они могут творить Высшее Искусство, которым Олрет до сих пор не овладел. Вот он и хочет выведать те секреты.

Сорград пожал плечами:

— Звучит вполне правдоподобно. На месте Олрета я бы тоже этого хотел.

— Но женщины могли и солгать, — возразил Райшед. — У Олрета могла быть серьезная причина, чтобы посадить их под замок. Я ненавижу говорить, как Мисталь, но у тебя есть только их слово.

Грен взглянул на него с недоумением.

— Брат Райшеда, — напомнила я горцу, — адвокат.

Шив оторвался от карты.

— Я не могу найти Эвадасекк, но думаю, что Фройласекк здесь. — Он поднял пергамент и указал, где.

— Это же совсем на другом конце архипелага, — протянула я без энтузиазма.

— Ради пылкой благодарности от спасенной девицы я бы пошел и дальше. — Настроение Грена улучшалось на глазах.

Мой возлюбленный бросил на него непонятный взгляд, затем повернулся ко мне.

— Раньше ты думала, что нам не стоит вмешиваться. А теперь почему говоришь?

— Козы приближаются, — предупредил Сорград.

— Олрет был счастлив помочь нам, пока мы собирались убить Илкехана. — Я начала горячиться. — Но я не уверена, что он обрадуется нашему возвращению, если у него есть свои собственные тайны.

— Он не знает, что нам известно об этих женщинах. — Райшед задумался.

— А я говорю, мы не полезем к Олрету. Пусть делает что хочет. — Сорград хмуро посмотрел на брата, у которого заблестели глаза от предвкушения нового боя. — Реттасекк или Шернасекк ничего для нас не значат. Нашим общим врагом был Илкехан. Мы пришли отомстить ему и отомстили. Теперь пора вернуться домой и получить свою награду.

— Согласна. — Я подняла руку, останавливая довольный возглас Сорграда. — Но я не хочу возвращаться сюда следующим летом, потому что Олрет занял место Илкехана.

— Так что вы предлагаете? — с вызовом спросил горец, глядя на меня и Райшеда. — Убить еще и Олрета?

— Я не знаю.

С меня было достаточно убийств. Пусть многие из тех людей были виновны, но я не хотела новых смертей. Только говорить об этом Сорграду не имело смысла. Все равно он сочтет, что это не относится к делу.

Райшед втянул воздух сквозь зубы.

— Олрет был с нами любезен, но, как хозяин, он обязан был проявить гостеприимство.

— И если Олрет держит этих женщин взаперти, они обязаны чернить его имя. — Я развела руками. — Теперь вы видите, почему я не хотела мутить воду, рассказывая вам о них?

— Значит, мы возвращаемся? — Грен перевел взгляд с меня на Сорграда, держа наготове длинный нож.

— Но не в замок. Туда мы пойдем лишь в крайнем случае. — Не услышав возражений, Райшед повернулся к Шиву. — Ты можешь перенести нас в какое-то тихое место на землях Олрета? Нужно где-то отсидеться, пока не удастся разбудить Узару и оставить все это позади.

Маг кивнул.

— Я видел одно подходящее место, когда мы плыли вдоль берега.

— А как же завтрак? — заныл Грен.

— А как же эти женщины и их утверждения? — помрачнел Шив.

— Попросим Гуиналь узнать правду, — предложила я. — Из снов Олрета, например.

— Пожалуйста, Шив, вытащи нас отсюда. — Райшед снова наклонил голову, прислушиваясь к колокольчикам. — Друг Олрет или враг, его люди должны отнестись к нам приветливо. А тут, Даст знает, никто приветливым не будет.

— Смотря, что они думали об Илкехане, — парировал неутомонный Грен.

Его голос затих, когда Шив обернул нас своим заклинанием. Ветер закрутился спиралью, обдавая кожу прохладой. Он был мягкий и влажный, как ветры южных морей, и крутился все быстрее, спираль сжималась вокруг нас, мерцая неуловимым лазурным блеском. Курган и серые скалы исчезли в этом сиянии. Затем вихрь, казалось, проник в мою голову, и приятная прохлада вдруг превратилась в холод и промозглую сырость, пробирающие до самых костей. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. С трудом сглотнув, я зажмурилась, ноги оторвались от земли, а когда в них снова толкнулась твердая почва, я поспешно бросилась в сторону.

— Хорошо, что мы не позавтракали, — весело заметил Грен. — Ты бы только зря перевела еду.

Когда меня перестало рвать, я свирепо посмотрела на него. Райшед передал мне бутылку с водой. Я выполо́скала рот и сплюнула, вытирая губы тыльной стороной руки.

— Где мы?

— Немного севернее поселения Олрета.

Шив перенес нас к краю бесплодной холмистой пустоши. Серый камень разрывал чахлую зелень на крутых склонах тех холмов. От замка нас укрывал мощный отрог одной из гор, защищающих внутренние районы острова. Он был полосатым от необычно светлых каменистых осыпей, а его гладкие очертания нарушал обвалившийся склон, под которым громоздились кучи щебня.

Сорград вглядывался в длинную полосу утреннего тумана, скрывающего море.

— Как вы думаете, тот бой за форт кончился?

Грен смотрел в другую сторону.

— Интересно, кто там живет?

Он указал на длинный низкий дом, окруженный группой убогих построек. На крышах сушились приколотенные козлиные шкуры, которые издали казались светлыми заплатами. Сменившийся ветер принес слабые запахи дыма и стряпни.

— Думаете, там можно попросить еду? — Я взглянула на Райшеда.

— Боюсь, им самим нечего есть. — Он посмотрел на одну постройку, из окна которой вырвался клуб пара, тут же унесенный порывистым ветром. — Но я бы не прочь вымыться и побриться.

Сорград уже направился к усадьбе.

— Мы помоемся и поедим, а потом снова попытаемся связаться с Заром.

— Постой, — раздраженно воскликнул Шив. — Ты хочешь до смерти испугать бедных фермеров?

Воздух снова замерцал вокруг нас, и магия выщелочила большую часть краски с наших рук и лиц. Правда, кожа еще сохраняла неестественный оттенок, но, с благословения Халка-

рион, эти крестьяне решат, что мы просто грязные и усталые, а не грозные посланники Элдричского Народца.

Грен ускорил шаг, когда мы пересекали открытое пастбище. Люди, работавшие во дворе усадьбы, уставились на нас.

Мы дошли до низкой стены из плотно подогнанных камней.

— Ждите здесь, — приказал Сорград.

Они с Греном пересекли еще один отрезок травы, за которым начинался мощный неровным булыжником двор. Перед распахнутой дверью длинного центрального дома стояли двое мужчин, опираясь на узкие лопаты, покрытые темной коркой засохшей земли. И дом, и беспорядочно построенные надворные службы были сложены из камней, вероятно, тех самых, что обрушились с горного склона, их неотесанные грани выпирали из толстых стен. Несколько маленьких окон едва пропускали свет через закопченные роговые пластинки.

— М-да, похоже, едой здесь не разживешься, — пробормотала я, стараясь выглядеть безобидной под подозрительным взглядом эльетиммов.

— Посмотрим, на что способно Горное обаяние, — откликнулся Райшед с явным сарказмом.

Один из мужчин что-то крикнул в черноту дверного проема. Почти сразу на пороге возникла коренастая женщина в тускло-оранжевом шарфе, туго обмотанном вокруг головы. Очевидно, она наблюдала через какую-то щелку. Сорград вежливо поклонился, показывая широким жестом в сторону замка Олрета. Женщина вышла из дверей и ткнула пальцем в одну из служб.

— Это не оттуда шел пар? — с надеждой спросил Шив.

Грен повернулся и махнул нам рукой. Я сразу воспрянула духом.

— Не знаю, как вы, но я от ванны не откажусь.

Хозяйка осталась с Сорградом и Греном, а ее сыновья, или кем они ей там приходились, пошли выполнять свою ежедневную работу. Женщина твердо стояла на неровных булыжниках, скрестив руки на обширной груди. Морщинистое

лицо, почти беззубый запавший рот — она, несомненно, была самой старой из всех эльетиммок, кого я до сих пор видела. А ее речь была такой быстрой и невнятной, что я не поняла ни слова.

— Мы можем помыться в прачечной, — сообщил нам Сорград. Грен уже отпирал дверь. — Позже она придет еду.

— Пожалуйста, поблагодари ее за нас. — Я улыбнулась, чтобы выразить мою признательность, но в ответ получила только угрюмое хмыканье.

— Что ты ей сказал? — тихо спросила я, когда нелюбезная хозяйка вернулась в дом, а Сорград повел меня к прачечной, низкому строению под двускатной крышей с отвалившимися кое-где сланцевыми плитками.

— Я сказал, что мы — путешественники и хотим торговать с Олретом. Мы уже навестили его, а теперь смотрели, что могут предложить его земли в обмен на наши товары. — Горец выглядел задумчивым. — Я сказал, что мы хотим привести себя в приличный вид, прежде чем вернуться в его замок.

— Старуха смягчилась, когда услышала имя Олрета, — вставил Грен. — До тех пор я боялся, что она спустит на нас собак.

— Вряд ли здесь бывает много гостей, — заметил Райшед.

Как только мы переступили порог прачечной, он расстегнул куртку и бросил ее прямо на пол. Потом расшнуровал рубаху и стащил ее через голову, гримасничая от запаха пота и въевшихся пятен краски и грязи. Мне тоже не нравилось, что от него воняет, как от взмыленной лошади, но я сама благоухала отнюдь не розами.

— Она не успеет высохнуть, даже если ты ее постираешь, — неохотно сказала я, сбрасывая свои собственные вонючие одежды.

Райшед ухмыльнулся:

— Шив! Вы, маги, случайно, не подрабатываете в прачечных Хадрумала?

— Ты насмехаешься над великими тайнами магии стихий? — Шив уже расшнуровывал бриджи. — У нас только ученики опускаются до стирки, когда сотворят что-то глупое или опасное и нужно смыть улики. — Он засмеялся над каким-то воспоминанием. — Давайте вымоемся, а потом я займусь бельем.

— Ты ведь не хочешь, чтобы Перида задохнулся от вони, верно? — хихикнула я.

Дверь была закрыта, вокруг клубился теплый пар, и я начала расслабляться в первый раз с момента нашего прибытия на эти острова. Возможно, все дело было в хорошо знакомых запахах влажной ткани и едкого щелока. Так же пахнет в прачечных у нас дома. И, конечно, теперь я знала, что Илкехан совершенно мертв, и это во многом успокоило мои нервы. Сейчас мы вымоемся, наедемся и вскоре присоединимся к празднованиям на Сатайфере. Опасность благополучно миновала, и будет приятно обменяться рассказами с Хэлис. Мое настроение еще больше поднялось.

— Полезем туда? — Грен всмотрелся в широкий каменный бассейн в центре пола, над водой там висело плотное облако пара. Горец был совсем голый, и я опять поразились, какая белая у него кожа.

Сорград швырнул в сторону свои бриджи и нижнее белье и присоединился к брату, облакачиваясь на бортик высотой по пояс и достаточно широкий, чтобы поставить на него ведро или сесть, как Грен, голой задницей.

— Нет. Там горячий источник, не стоит его загрязнять.

— Никто не видит здесь ванны? — Я осталась в одной рубашке и поежилась, оглядывая прачечную.

Окна в ней были больше, чем в главном доме, и затянуты каким-то желтым пузырем или пленкой, высушенными до жесткости и порезанными на куски нужного размера. Неплотно подогнанные костяные рамы впускали озорные сквозняки, а заодно и дневной свет. Холодный воздух со свистом неся вдоль грубого водостока, идущего посередине наклонного пола и исчезающего в стене.

— Можешь залезть сюда. — Райшед стоял перед раковиной, немного похожей на водопойную колоду.

Их было несколько. Длинные, узкие, с крутыми стенками, они размещались у одной стены и казались вырезанными из единого куска бледно-серого камня с тончайшими белыми прожилками. Над ними висели длинные отрезки грубой ткани. Во всех раковинах, кроме одной, крайней, виселись груды толстых коричневых одеял. Замоченные в щелоке, они ждали, чтобы кто-то налил воды и выбил грязь отбеленными костяными вальками, лежащими на полке.

— Найди затычку. — Я схватила ведро с каменного бортика и погрузила его в бассейн. Вода была горячее, чем я люблю, но я не собиралась жаловаться.

Сорград изучал содержимое корзинок и чаш на полках.

— Мыльный корень. — Он бросил мне спутанную массу скользких волокон.

Я скривилась. Что ж, не будем расстраивать нашу нелюбозную хозяйку, тратя ее скудные запасы драгоценного мыла. Моя мать не раз читала мне нотации о том, сколько оно стоит и сколько времени и труда нужно, чтобы его сварить. А я была глупой девчонкой и думала только о своей внешности. Мне хотелось выглядеть хорошенькой и сладко пахнуть для того олуха, с кем мне приспичило тогда флиртовать.

Я вылила ведро в корыто, а Райшед принес еще одно. Вода слегка отдавала лекарством, чем-то вроде кассии. Но все равно, лучше пахнуть аптекой, чем несвежим потом и гарью, когда мы вернемся на Сатайфер принимать поздравления с победой.

— Залезай, — улыбнулся мне Райшед. Уроженец южного Тормалина, он отличался смуглой кожей, и его широкая грудь и сильные руки, поросшие черными волосками, весьма причудливо смотрелись вместе с синими кистями.

Я бросила свою несвежую рубаху на грязные мостки и осторожно перекинула ногу через твердый край раковины, чтобы не поскользнуться на гладком дне. Присев в мелкой

воде, я потеряла руки мясистым корнем, пока не появилась слабая пена, быстро ставшая грязно-голубоватой.

— Краска сходит. — Я старательно потеряла лицо крошащимися корнями.

— Закрой глаза.

Я едва успела внять предупреждению Райшеда, как он вылил на меня ведро горячей воды. Кожу приятно защипало, и, оправившись от шока, я почувствовала, что вода смыла не только пот, но и усталость.

— Погоди. — Я кое-как выжала пену из мыльного корня в свои волосы.

— Позволь мне.

Я закрыла глаза, наслаждаясь прикосновением сильных пальцев Райшеда. Намыленные, его руки скользнули к моим плечам, большие пальцы мягко разминали мышцы, ноющие после сна на холодном каменном полу. Кровь быстрее побежала в жилах, но я надеялась, что мой внезапный румянец припишут горячей воде.

— Глаза закрыты? — Руки Райшеда оставили меня, и еще одно ведро воды обрушилось на мою голову. Отдуваясь, я вытерла глаза и в ужасе уставилась на черную воду, на коленях в которой стояла. Неужели я такая грязная?

— Кто это был? — Сорград намыливал растертым корнем свои волосы, когда за окном кто-то пробежал.

Грен не останавливаясь оттирал лицо.

— Понятия не имею.

— Я тоже. — Через мутную пленку я не могла разглядеть, мужчина это был или женщина, юный или взрослый.

— Осторожно! — Грен, вместо того чтобы ополоснуть брата, вылил ведро прямо ему в лицо.

— Ты видел? — Райшед повернулся к магу, но Шив сидел на краю бассейна, медленно рисуя пальцем круги в горячей воде. Его сосредоточенность выглядела нелепо в сочетании с тощей наготой. Я отметила про себя, что Перид — счастливый человек.

Маг поднял голову.

— Прости?

— Что тебя так увлекло? — Сорград смыл почти всю краску со своих волос, но они стали серовато-коричневыми и безжизненными, а краска на руках оказалась более въедливой.

Шив начал тереть свои кисти.

— То, как огонь под скалами реагирует с водой. Мне интересно... — Он вдруг замолчал и внимательно посмотрел на жалкую пену. — От него не слишком много толку.

— Можешь сделать лучше? — с вызовом спросил Грен, швыряя в мага мыльный корень.

Шив ловко поймал его и сделал вид, будто кидает обратно. Грен быстро наклонился в сторону, и маг засмеялся.

— Давайте посмотрим, чем может помочь небольшая магия.

Он вплеп свежую зелень тростника в спутанный клубок волокон и бросил нам с Райшедом по комку. Пока Грен разевал рот, стараясь увидеть, что у нас получается, Шив бросил третий комок прямо ему в лицо. Сорград пришел на помощь брату и окатил мага ведром воды.

— Дети, ведите себя хорошо, — выбрала я их, стараясь не рассмеяться.

Что бы Шив ни сделал с мыльными корнями, это здорово помогло, и чернота полилась из моих волос, когда я еще раз их вымыла.

— Как я выгляжу? — сощурилась я.

Райшед склонил голову набок.

— Грязно-каштановой.

Я показала ему язык и встала, чтобы он смыл остатки пены чистой водой. Если приглядеться, можно было заметить на руках голубоватый оттенок, но когда я оденусь, люди будут думать, что мне просто зябко.

— Твоя очередь. — Я выдернула пробку из отверстия в дне раковины и вышла, с удовольствием глядя, как элдрическая маскировка течет по водостоку и исчезает под стеной. Пока я снова наполняла корыто, я не чувствовала холода, но когда начала мыть волосы Райшеду, сразу задрожала. Он в это время оттирал свои руки.

— Как насчет свежего белья, Шив? — Мысль о том, чтобы надеть грязную рубаху на чистое тело, вызвала у меня отвращение.

— Дай мне минуту.

Мокрые волосы мага прилипли к голове, оставаясь такими же черными, как раньше. Но это был их природный цвет.

Райшед провел рукой по своей щетине и соорудил гримасу.

— Ты не принесешь мне бритву?

Пока я рылась в его сумке, Грен пощупал свой подбородок.

— А я, пожалуй, обойдусь.

— Ты полсезона можешь не бриться, и никто не заметит твоей бороды, если она не заблестит на солнце, — поддразнила я.

От стука в дверь все вздрогнули.

— Кто там? — Сорград вытер мыло с лица.

— Полотенца? — с надеждой поинтересовался Грен.

Голос снаружи что-то сказал.

— Еда! — Лицо Грена расплылось в широкой улыбке. — Еще лучше.

Я отодвинулась, дабы не соблазнять какого-нибудь проходящего мимо пастуха. Грен открыл дверь, совершенно не обращая внимания на то, что он голый и с него капает вода. Жилистый и мускулистый, горец присел, чтобы поднять нагруженный поднос.

— Чем нас угощают? — Сорград взял бутыль, и они перенесли добычу на широкий край бассейна.

Райшед наскоро побрился и, мокрый, пошел к нам.

— Это ешьте сами. — Вареная козлиная голова, сидящая в бульоне с травами, мне не приглянулась. Я предпочитаю еду без выражения на морде. Вместо этого я потянулась за сочной запеченной птичкой и с приятным удивлением обнаружила, что она начинена сладким тестом.

— А наша хозяйка расположена к нам лучше, чем кажется. — Шив откусил толстую, блестящую жиром колбасу и не-

внятно выругался, когда куски горячих потрохов высыпались ему на грудь.

Райшед закашлялся.

— Похоже, кто-то хочет, чтобы мы напились.

Он передал мне бутылку. Я сделала глоточек и тоже за-
кашлялась.

— Кто дает путешественникам неразбавленный спирт? —
От крепкого спиртного духа у меня заслезались глаза.

Грен замер с набитым ртом, сжимая в руке кусок плоской
лепешки, обжаренной на сковородке.

— Здесь хватит еды, чтобы занять нас на некоторое время.

— От женщины, которая совершенно не обрадовалась при
виде нас. — Сорград быстро кусал темную кровяную колбасу.

Мы все переглянулись. И Райшеда, и братьев, и меня жизнь
приучила к подозрительности, но сейчас даже Шива охвати-
ли сомнения.

— Что видно во дворе? — Райшед положил на кусок хлеба
горку странного сыра, прессованного с обрезками мяса и тра-
вами. Жую, он подошел к дальнему окну, дернул костяную
раму и выглянул наружу.

— Там никого, — медленно ответил Сорград. — Даже вед-
ра помоев никто не выносит.

— А куда делись люди? — Я наблюдала, как Райшед роет-
ся в своей сумке.

— Не знаю. — Сорград вытянул шею, чтобы лучше видеть
из мутного окна.

— Это не похоже на дружелюбный прием. — Грен ловко
содрал пальцами мясо с козлиной головы и завернул его в
лепешку.

Шив вопросительно посмотрел на Райшеда.

— А что с твоей стороны?

Райшед положил подзорную трубу на подоконник.

— Люди, целый отряд, бегут сюда строем.

— Старуха сообщила Олрету, — проворчал маг.

— И он послал нам почетный эскорт, чтобы проводить в
замок? — скептически поинтересовался Сорград.

— Чего только в жизни не бывает. — Райшед быстро доел хлеб. — В любом случае надо приготовиться к встрече.

Мы натянули рубахи и куртки, бриджи и сапоги, игнорируя дорожную грязь и несвежесть. Мелькнувшая за окнами тень привлекла мое внимание. Подойдя к ближайшему окну, я увидела сквозь пожелтевшую пленку несколько фигур, крадущихся между размытыми очертаниями дома и служб.

— Вот и здешние работнички. Окружают прачечную, чтобы не дать нам уйти.

Сорград запихивал всю оставшуюся еду, какую можно было взять с собой, в их с Греном сумки.

— Если дойдет до боя, мы с ними мигом справимся.

— А нельзя ли оставить их глазеть на пустой капкан? — спросила я Шива, зашнуровывая рубаху. — Долго еще Зар будет спать?

— Что здесь можно зажечь? — Маг откопал свой серебряный поднос и огляделся. — Мне нужно дерево или воск.

Увы, вокруг были только кости. С тоской думая о деревьях, не растущих на этом проклятом острове, я вспомнила про Лес и бросила Шиву одну из своих повседневных палочек-рун.

Маг не колебался, вызывая пламя, но почему-то оно имело странно зеленый оттенок. Он сотворил свою теперь хорошо знакомую магию один раз, затем второй, затем третий, палочка-руна сгорала с неестественной быстротой. Растущее беспокойство избороздило морщинами его лоб. Чтобы не стоять у Шива над душой, я застегнула свою сумку и сумку Райшеда. Мой возлюбленный напряженно смотрел в подзорную трубу у своего окна, тогда как Сорград наблюдал за двором.

— Ну, чародей? — поторопил его Грен. Их с Сорградом котомки висели у него за спиной, а ножи в руках обещали прикончить каждого, кто к нам сунется.

— Я не могу ни с кем связаться, ни с Узарой, ни с Аллин, ни с Лариссой. — В голосе Шива звучала тревога.

— Как насчет Планира или кого-то еще в Хадрумале? — резко спросил Райшед.

— Дайте мне минуту.

Маг положил свой поднос и наполовину сгоревшую палочку рун и устало вздохнул. Темные круги под глазами — вовсе не краска, поняла я с замиранием сердца. Если Шив потратит все свои силы, мы останемся без магии, и именно тогда, когда не сможем рассчитывать на помощь извне. Что же случилось с другими магами?

— Они вот-вот будут у пограничной стены, — предупредил Райшед со своего наблюдательного пункта.

— Вижу тех двух бездельников с лопатами. Они прячутся за углом дома, — зловеще молвил Сорград.

Мы с Греном смотрели, как Шив снова творит свои чары.

— Планир, это я, Шив. — Голос мага стал жестким, когда он наклонился ближе к янтарному сиянию. — Откройся моему заклинанию, чума тебя поberi! Я должен с тобой поговорить!

Но свет неумолимо исчез с холодного металла.

— Не поступай так со мной! — вскричал Шив, не обращая внимания на палочку рун, обжигавшую пальцы. Он так сильно сжал поднос, что серебро выгнулось. С щелчком, который испугал нас всех, поднос вырвался из руки мага и, почерневший, упал на пол. Шив уставился на него в ошеломлении. — Магия повернулась против меня.

Ужасная мысль закралась мне в голову.

— Это из-за палочки рун? Предсказания Лесного Народа — тоже Высшее Искусство, даже если они не называют его так...

Маг не слушал.

— Что-то очень неладно.

— Будет неладно, если мы не пробьемся через эту ораву. — Райшед сложил подозрную трубу и сунул ее в карман.

Во дворе раздался топот бегущих ног. Мы разом выхватили свои клинки.

— Их всего две горсти, — презрительно обронил Грен.

— Шив, ты не можешь просто унести нас отсюда? — спросила я.

— Куда? — спросил он, раздосадованный. — В замок Олрета? Это единственное место в округе, которое я знаю настолько хорошо, чтобы перенести нас туда... и это меня почти прикончит.

— Мы и не в таких переделках бывали, — беззаботно заметил Грен, но он всегда беззаботен.

За окнами прошли какие-то люди.

— Мы должны беспокоиться о тех, кого прислал Олрет. — Сорград спокойно оценил ситуацию. — Если мы с ними справимся, фермерские парни не выступят против нас.

Райшед не отрывал глаз от двери.

— Как мы это сделаем?

Сорград уже расшатывал своим ножом костяную раму в ближайшем оконном проеме.

— Мы впустим их через дверь. — Рама почти вывалилась. — А сами выйдем здесь.

Райшед нахмурился.

— Вы трое, возможно. Но не мы с Шивом.

— Я могу их задержать, — заверил его маг.

— Когда мы вылезем, атакуем их сзади. — Я решительно игнорировала мои собственные опасения.

— Время вышло. — Грен прыгнул к двери: кто-то с другой стороны поднял щеколду. Он рывком открыл ее, и эльетиммский солдат, захваченный врасплох, упал в прачечную. Он унес свое удивление в загробную жизнь, когда горец отрубил ему голову. А Грен, расправившись с эльетиммом, отскочил от обнаженного клинка второго солдата и попятился к окну.

— Пошла! — Сорград встал между мной и эльетиммами, пробивающимися в тесное здание, готовый устроить им безобразную резню.

Подставив ведро, я швырнула в сторону расшатанную раму и ногами вперед пролезла в окно. Грен нырнул вслед за мной, кувырком покатавшись по твердым булыжникам с ловкостью ярмарочного акробата. Он вскочил на ноги, размахивая клинками, прежде чем люди Олрета поняли, что происходит.

Большинство были уже в прачечной. Трое оставленных снаружи вытаращили глаза при нашем внезапном появлении. Двое набросились на Грена, третий кинулся ко мне. Я не собиралась фехтовать с человеком на полголовы выше меня, поэтому быстро наклонилась и схватила шатающийся булыжник величиной с мой кулак. Я целилась в висок, но попала в щеку — тоже неплохо. Покачнувшись, солдат жестко шлепнулся на задницу, и я сразу вонзила меч ему под челюсть, предоставив дергаться в пыли. Я не убиваю с беспечностью Грена, но если кто-то пытается убить меня, то я отвечу перед Сэдрином за его смерть, когда придет мое время. И лишь подумав об этом, я поняла, что безумно рисковала, используя древний клинок Кель Ар'Айена.

Благодаря проворству и свирепости Грен добавил своих противников к тому счету, что надолго займет внимание старшего бога и заставит всех прочих умерших томиться в длинной очереди. Услышав крики товарищей, еще один эльетимм выскочил из прачечной. Я быстро отступила, засовывая меч за пояс, и полезла в сумку за дротиками. Но он не интересовался боем, а удирал так быстро, что даже Грен не успел его поймать. Солдат перепрыгнул через пограничную стену и убежал.

Чувствуя, как любопытство борется во мне с осторожностью, я рискнула подойти ближе. Два эльетимма стояли в дверях спиной ко мне. С кем бы они ни сражались, это был один из моих друзей, и потому я бросилась к ближайшему, чтобы подрезать ему поджилки самым длинным моим кинжалом. Солдат упал и был тут же убит Сорградом, а я мельком увидела Райшеда, который дрался с кем-то в глубине прачечной.

Дикий крик боли потряс всех. И мы, и эльетиммы застыли как вкопанные, но мы с Сорградом оправились первыми. Я полоснула по сухожилиям другого солдата, а горец пырнул врага под грудину. Эльетимм умер, его тщетная мольба захлебнулась в потоке крови. Сорград попытался сбросить тело со своего клинка. Чтобы помочь ему, я наступила на труп одной ногой и, пользуясь возможностью, заглянула в дверь.

Мой возлюбленный рубил двоих солдат, необъяснимо запутавшихся в кольцах промокнутой ткани.

— Шив привлёк прачечную на нашу сторону, — ухмыльнулся Сорград.

Маг стоял на бортике бассейна, узкий столб обжигающего пара, не потревоженный холодным воздухом из открытой двери, изгибался и обвинялся вокруг человека, чьё лицо было бледным, мягким и, несомненно, мертвым.

— Ты сделал из него пудинг, — брякнула я не думая.

— И ещё какой, — вздохнул маг. — Я действительно почти выдохся.

Райшед пнул спеленутые тела у своих ног, дабы убедиться, что они мертвы. Из прорезей в одеялах хлынула кровь и потекла по полу, присоединяясь к воде и щелоку, струящимся по водостоку.

— Уходим отсюда.

Они с Сорградом первыми вышли из прачечной, а я подождала Шива, готовая в любой момент его поддержать. Грен стоял в центре двора, гордый и воинственный, как петух, обещая оставить всех до одного противников истекающими кровью в пыли.

— Разрешите отплатить за ваше гостеприимство, — насмехался он над невидимыми обитателями этой усадьбы. — Такой хлеб, как пекут ваши женщины, моя мать только собакам бросает!

— Мы уходим, — предупредил его Сорград, проходя мимо. Грен помочился на булыжники и побежал вдогонку.

Райшед чуть отстал, пропуская братьев вперёд.

— Шив?

— За меня не волнуйся, — натянуто ответил маг. — Мне просто надо отдохнуть и понять, почему моя магия не реагирует так, как должна. — Сквозь усталость в его голосе пробивалась досада.

— Конечно, тебе нужен отдых, — подхватила я. — Как часто ваши маги делают хотя бы половину того, что сделал ты за эти последние несколько дней?

Однако я начала разделять беспокойство Шива, что где-то что-то должно быть очень неладно, раз мы не смогли связаться ни с одним магом.

Мы миновали пограничную стену. Райшед все время проверял, нет ли погони.

— Найдём место, где спрятаться, и продумаем наш следующий шаг, — решительно сказал он. — И желательно, чтобы нам не мешали. Ливак, ты можешь сотворить то эфирное заклинание, чтобы нас никто не выследил?

Мы бежали по неровной, каменистой земле, и я запела на бегу ту веселую песенку, надеясь, что мое прерывистое дыхание не повлияет на Высшее Искусство.

САТАЙФЕР, СТОЯНКА ФЕЛЛЭМИОНА, 11-е ПРЕДЛЕТА

— Вы уже готовите погребальные костры? — Темар прилагал усилия, чтобы голос его звучал спокойно.

— Незачем откладывать, — устало ответила Хэлис.

— Я забыл, как это бывает, — с горечью произнес Д'Алсеннен, не утаивая от наемницы терзающее его чувство стыда. — Я полтора года сражался в когортах, но мы никогда не участвовали в похоронах. Эсквайры из самых знатных Домов не занимались мертвецами. Мы были воплощением чести и доблести и торопились покинуть поле боя, как только командиры нас отпускали. Запоминаются товарищи, дурачество в лагерях, празднования и благодарные шлюхи. Не смерть.

— На этот раз ты сам командир, — без осуждения молвила Хэлис. — Теперь ты знаешь, почему более мудрые, чем мы, люди называют битву выигранную и битву проигранную одинаковым злом.

Они вдвоем смотрели, как завернутые в саван тела почтительно кладут в ряд на вершине холма. Скорбную тишину нарушал лишь стук ломов и топоров, разбивающих остатки «Звона» и злополучного корабля Ден Харкейла.

— Пейт выжил? — спросил Темар после продолжительного молчания.

Хэлис покачала головой:

— Умер еще до полуночи.

Угрюмая вереница пиратов, избежавших общей бойни, несла отломанные доски на холм.

— Они должны сгореть почти без остатка, — заметил Д'Алсеннен, когда бремя молчания стало невыносимым. Не отдавая себе отчета, он ущипнул край повязки на своей руке.

— Думаю, да. — Хэлис наблюдала за другими пленными, которые зашивали мертвых в парусиновые саваны, чтобы почтить их очишающим огнем. Среди пленных расхаживали Минейр и его бойцы с дубинками наготове, дабы наказать любого, кто не выказывал уважения к павшим. — Хотя немного магического искусства нам бы не помешало. Аллин еще не оправилась?

— Пока нет, — тяжело вздохнул Темар.

— Значит, сами будем поддерживать их жар. — Хэлис указала на погребальные костры. Группа мрачных наемников в испачканных кровью одеждах складывала их с привычной сноровкой. — Дег знает, как поймать ветер и создать хорошую тягу.

— Во что мы положим прах? — беспокоился вдруг Д'Алсеннен.

— Надо поговорить с Розарн. Она составляет опись возвращенного имущества. Там должны быть банки с солениями, глиняные горшки с маслом, широкогорлые графины и тому подобное.

— Ты бы послала чьего-то сына домой в банке из-под солений? — Темар пришел в ужас и от этой идеи, и от понимания, что он не может предложить ничего иного.

— Мне доводилось отправлять людей домой в виде горстки обугленных костей, завернутых в промасленную мешковину. — Хэлис отвела взгляд от методичного разрушения многострадальных судов, и Д'Алсеннен увидел слезы в ее глазах. — Я всегда говорила себе: будет лучше, если их се-

мы узнают о случившемся, чтобы не ждать в надежде и страхе от сезона к сезону.

— Прости, — выдавил Темар. — Мне очень жаль.

Хэлис скупно улыбнулась:

— Я совсем не жалела, думая, что все это уже в прошлом. Я, и Дег, и все наши, кто предпочел остаться в Келларине.

— Вы останетесь? — спросил Д'Алсеннен.

— О да, — заверила его наемница. — Мы пролили слишком много крови, чтобы бросить тебя теперь.

— В когортах каждый, раненный в бою, получал компенсацию в соответствии с тяжестью его ран, — вспомнил Темар. — Не знаю, существует ли еще этот обычай, но я намерен его соблюдать.

Они еще какое-то время постояли в задумчивом молчании, наблюдая за продолжающейся работой. Другие пленные без особых церемоний сваливали в баркасы убитых пиратов. «Огненный Гольян» ждал на середине пролива, чтобы отбуксировать мертвецов в открытое море. Его команда приготовилась отплыть, валы белой парусины колыхались на мачтах, и выпел Д'Алсеннена бойко трепетал на самом верху.

— Достаточно ли далеко их отвезут? — озабоченно спросил Темар. — Нам не нужны трупы, принесенные обратно приливом!

— Акулы с ними быстро разделяются, — изрекла Хэлис с мрачным удовлетворением. — Напомни мне сказать об этом Налдету.

Д'Алсеннен снова посмотрел на возводимые костры, рассеянно скользя пальцем по своей повязке, пока случайно не коснулся болезненной раны под ней. Он отогнал предательскую мысль, что Гуиналь могла бы исцелить эту рану. Таланты барышни нужны в другом месте. Темар исцелится сам, как позволит время и Острин.

— Нам нужна усыпальница, — заявил он с внезапной решимостью. — Уж если мы храним прах в скромных сосудах, то должны по крайней мере поместить их в священное место.

— Согласна, — кивнула наемница. — Некоторые семьи пожелают захоронить прах там, где пали их любимые. Нам надо составить список всех убитых и с первыми же кораблями отправить его в Тормалин. Как ты думаешь, Тадриол позволит нам использовать Императорскую курьерскую почту, чтобы послать сообщение семьям в Лескаре и Каладрии?

— Император не вправе отказать признанному сыеру в услугах курьеров, — ответил Темар с изрядной долей мужества. — Если потребуется, Императорская курьерская почта доставит известие о наших потерях до дальней стороны Солуры — или ответит передо мной.

— Через Бремилейн сообщение быстрее достигнет Тормейла, но самый быстрый способ доставить новости в Каладрию и Лескар — это послать кого-то в Зьютесселу, чтобы курьер мог сразу сесть на корабль до Релшаза. И кому-то придется доставить сообщение в Хадрумал. — Хэлис полезла во внутренний карман куртки и, порывшись там, вытащила толстое серебряное кольцо. — Это кольцо Лариссы. Оно должно вернуться с ее пеплом.

Д'Алсеннен был озадачен.

— Не помню, чтобы Ларисса его носила.

— Я тоже. — Жалость и опасение смешались в словах наемницы. — Думаю, оно принадлежит Планиру.

— Мы обсудим, кто куда поедет, когда соберем вместе все наши корабли. — Темар знал, что уходит от вопроса, но он скорее выступит против императора Тадриола и всего Собрания принцев, чем скажет Планиру, что женщина, которую он любит, мертва. — Мы должны вернуть их сюда. И привезти всех с Часового острова.

— Не сегодня, — категорично возразила Хэлис. Она кивнула на работающих наемников. — Сегодня ночью они напьются и будут злее помойных крыс. И если ты не хочешь, чтобы они устроили самосуд, лучше запри пленных в трюме «Ламинарии».

— О-о. — Д'Алсеннен помолчал в нерешительности. — Думаешь, будет разумно позволять им такую свободу? Что,

если кто-нибудь из сбежавших пиратов проберется обратно в надежде свести счеты с нами или украсть лодку?

— Тогда они проживут ровно столько времени, сколько потребуется нашим парням, чтобы забросить веревку на дерево или выпотрошить их как рыбу. — Новая энергия зазвучала в голосе Хэлис. — И все же ты прав. Одна искра наделает немало дел, если разгорится. Надо бы поручить Розарн вывести завтра своих разведчиков.

— Как только Гуиналь выкроит минутку, она сможет нагнать меня в Высшем Искусстве, в заклинаниях для поиска беглецов. — Темар выпрямил спину и расправил плечи. — Пусть Роз начнет разведку и попутно истребляет паразитов. Вспрет ей поможет. Чем скорее мы узнаем, что здесь имеется, тем лучше спланируем, как использовать этот архипелаг.

Наемница улыбнулась:

— Будешь докладывать Тадриолу, что Келларин претендует на эти острова? В качестве сьера?

— Да, — твердо ответил Д'Алсеннен. — У тебя есть возражения?

— Никаких. — Хэлис посмотрела на быстро растущие погребальные костры. — Будет приятно увидеть на полях сражений что-то более постоянное, чем пепелища, смытые зимними штормами.

Несмотря на вновь обретенную решительность, Темар невольно поддался скорбным мыслям; вряд ли ему удалось вскорости снять с себя бремя печали, если б не чье-то виноватое покашливание у его плеча. Это оказался Глейн.

— Прошу прощения, мессир, но что нам делать с работающими пленными? Некоторые говорят, что они никогда не были пиратами, только пленниками. И потом, есть раненые...

— Я позабочусь о раненых. — Хэлис шлепнула Темара по плечу. — Правосудие и милосердие — это твоя привилегия, мессир.

Д'Алсеннен закусил губу, а высокая наемница зашагала прочь.

— Розарн! У нас уже готова опись? Мне нужна приличная еда для раненых, — крикнула Хэлис. Она пнула шаткие остатки какой-то хибары, и они рухнули с грохотом. — И какое-нибудь укрытие, понадежнее этого!

Темар обернулся к Глейну:

— Где эти пленные?

Мальчишка повел его по гальке и пыльной траве к утرو-мому сборищу, охраняемому мрачными горняками из Эдис-гессета. У одних пленников лица были пустые от страха: они подавленно смотрели в землю, даже не пытаясь ослабить болезненные путы. Другие горбились, нетерпеливо подстерегая любую возможность сбежать, глаза злые, как у бешеных псов. Одна женщина молча сидела, обняв свои колени. Подол ее зеленого платья был испачкан кровью, один рукав опален, кожа под ним покраснела и вздулась пузырями. Темар почувствовал, что женщина не столько пострадала, сколько тайно экономит силы. Ее волосы все еще были заплетены в опрятную черную косу, заколотую вокруг головы.

— Постройте виселицы, — велел он прозаичным тоном. — Чтобы вешать по горсти за раз.

У некоторых лица перекосились от ярости или жалко сморщились, слова Темара подтверждали их самые худшие опасения. Иные пришли в ужас, кто-то пытался встать на связанных ногах, и все разом запротестовали:

— Нет, ваша честь...

— Ваша милость, мы умоляем вас...

— Они заставили меня...

— Тихо! — Д'Алсеннен поднял руки. — У вас у всех будет возможность просить о помиловании.

— И давать показания? — Растрепанная девушка с трудом встала на ноги, покрытые синяками. Связанные руки неуклюже придерживали одеяло, которое бросил ей какой-то наемник, чтобы прикрыть разорванную сорочку. — Повесьте меня, если хотите, мессир. Мне все равно. Но не позволяйте этой гадине избежать смерти, какой она заслуживает! — Она набросилась на женщину в зеленом платье;

все еще глядящую в землю. — Шлюха Мьюрдарча, грязная потаскуха, она хранила все его секреты. — Девушка разрыдалась, пиная молчаливую женщину. — Она сделала из меня шлюху! Позволяла каждому из них насиловать меня... — Когда она снова лягнула, женщина в зеленом ловко сделала ей подножку. Истеричная девушка упала, сильно ударившись о землю, и другие пленные набросились на женщину в зеленом, а потом друг на друга.

— Прекратите это! — велел Темар.

Мужчины Эдисгессета уже растаскивали дерущихся, безжалостно обращаясь с одними и более мягко с другими.

Кто-то из них встал, держа на руках затоптанную девушку. Она была без сознания.

— Что с ней делать, сьер?

— Отнеси ее к раненым. — Д'Алсеннен указал на опушку леса, где ухаживали за ранеными в стороне от кровавого поля боя. Он пристально смотрел на женщину в зеленом платье, которая вновь сидела неподвижно и молчаливо. Ее коса сползла набок, на щеке лиловел синяк.

— Как твое имя? — спросил Темар.

— Инджелла! — прорычал один из пленников.

— Ты действительно была женщиной Мьюрдарча?

Инджелла не ответила; она не отрывала взгляд от пучка травы, словно околдованная им.

Д'Алсеннен знал, что все смотрят на него.

— Молчи, — мягко произнес он. — Мьюрдарч был не единственный, кто мог призвать на помощь Высшее Искусство. Так или иначе, мы вытащим из тебя правду и узнаем, виновна ты или невиновна.

Инджелла вскинула голову, в ее темных глазах разрастался ужас. Темар немедленно ткнул пальцем и в прочих, кто так же испугался.

— Заберите этих и запирайте как следует в нижнем трюме «Ламинарии». Никто здесь не избежит наказания за свои преступления. Что касается остальных, то я не повешу никого,

кто этого не заслуживает. Вы можете работать, или вас запрут на грузовой палубе корабля.

Сквозь отчаяние в устремленных на него взорах проглянула слабая надежда, и Д'Алсеннен быстро пошел прочь, пока никто не увидел внезапную дрожь в его руках или спине — от тяжести навалившегося на него груза ответственности.

— В чем дело? — Хэлис появилась рядом. Темар даже не заметил, как она подошла.

— Мой дед всегда твердил, что ранг — не привилегия, а долг. Теперь я знаю почему. — Парень заскрежетал зубами. — Я должен видеть Гуиналь. Нам придется устроить суд. И если мы хотим отделить тех, кто охотно пошел к Мьюрдарчу, от тех, кого принудили, мне понадобится заклинание истины, и притом сильное. — Д'Алсеннен вдруг заметил, что наемница выглядит еще мрачнее, чем раньше. — В чем дело?

— Дарни умер, — коротко ответила Хэлис.

Темару стало совсем тяжело, хотя казалось — тяжелее уже некуда.

— Может, это и к лучшему, — выдавил он после долгой паузы. — Его лицо нельзя было залечить.

— И плечо. Я хотела даровать ему милосердную смерть, как только он увидел, что мы убили Мьюрдарча. — Женщина вздохнула. — Но потом спросила себя, не сможет ли Высшее Искусство его спасти. — Хэлис нахмурилась. — Без этой магии все было проще.

Черное отчаяние захлестнуло Д'Алсеннена.

— У Дарни есть жена, верно? И ребенок?

— Двое.

— Как я хочу, чтобы Райшед был здесь, — слетели с губ Темара непрошенные слова.

— И Ливак. — Наемница провела вымытой рукой по коротким непослушным волосам. — Ты был утром на борту? Может, Узара уже проснулся, или Аллин?

— Думаю, Гуиналь сообщила бы. — Д'Алсеннен взглянул на Хэлис. — Но не мешало бы их проведать. — Они уже шли вдвоем к галечному берегу, ускоряя шаг.

— Эй, ты! — Наемница окликнула матроса, отталкивающего от берега груженный баркас с единственным веслом на корме. — Нам на «Ламинарию»!

Темар молчал все короткое плавание до корабля и так же молча лез по веревочной лестнице на палубу.

— Где барышня Гуиналь? — Хэлис остановила проходящего мимо матроса.

— В каюте, — кивнул он на корму и пошел дальше.

Ноги Д'Алсеннена словно налились свинцом. Наемница оглянулась на него.

— От незнания легче не станет. — Она открыла дверь, как вышколенный лакей в доме его деда. Парень глубоко вдохнул и вошел.

— Темар, — приветствовали его женские голоса, приглушенные переживаниями и изнурением.

— Гуиналь. — От облегчения его охватила слабость. — Аллин. Как вы?

Барышня сидела на низком табурете, прислонясь спиной к деревянному корпусу корабля.

— Устали, но время все исправит.

Аллин сидела на койке, спутанные волосы падали на ее бледное лицо. Д'Алсеннен встал на колени и притянул к себе девушку. Она сделала долгий прерывистый вдох и крепко-крепко обняла Темара.

— Если ты собираешься обнимать меня, Хэлис, будь осторожна. — Лежа на другой койке, Узара попытался приподняться на локте. — Я чувствую себя так, словно вот-вот сломаюсь.

— Ты похож на череп, насаженный на палку, — сообщила ему наемница с дружеским участием.

— Так я и думал. — Маг отказался от неравной борьбы и снова лег.

— Что произошло? — спросил Темар, садясь на койку рядом с Аллин. И сразу понял, что это глупый вопрос.

— Гуиналь нас спасла, — приглушенно ответила магиня, уткнувшись лицом в его шею.

— Я не могла позволить ни одному магу повторить судьбу Отрика. — Гуиналь из всех сил старалась говорить как можно проще. — И ваши собственные защиты против Высшего Искусства себя оправдали.

— Приятно сознавать, что я не напрасно тратил время с Аритейн, — заметил Узара.

— Ларисса мертва, верно? — Аллин цеплялась за Темара. — Я чувствовала, что она умирает.

Д'Алсеннен осторожно высвободился из ее объятий, чтобы увидеть ее лицо.

— Да, любовь моя, мне так жаль.

Глаза Аллин затуманились горем. Темар снова прижал ее к себе и ощутил ее теплые слезы.

— Адепты нашли ее первой, — с горьким сожалением объяснила Гуиналь. — Они хотели всех вас забрать вместе с собой в Иной мир. Но Ларисса продержалась достаточно долго, чтобы я успела оградить вас двоих от самой страшной их злобы.

— Это слабое утешение за ее утрату. — Узара повернул голову и внимательно посмотрел на всех. — Должна быть какая-то причина нашей уязвимости перед Высшим Искусством, когда мы творим свою магию.

Д'Алсеннен открыл рот, дабы описать то, что он видел перед гибелью Лариссы, но Гуиналь его опередила.

— Думаю, теперь я кое-что понимаю.

Аллин застыла в объятиях Темара. Ее слова затмили все другие соображения:

— Если пираты мертвы, мы должны вернуть их домой — Ливак, Райшеда и Шива.

— И Сорграда, и Грена. — Хэлис делала все возможное, чтобы сдерживать нетерпение. — Когда кто-нибудь из вас наберется достаточно сил, чтобы с ними связаться?

— Нельзя так долго ждать, — откликнулся Узара с мрачной решимостью. Он свесил ноги с койки и с видимым усилием сел.

— Ты еще не оправилась для магии, — запротестовал Темар, но Аллин уже выскользнула из-под его руки.

Встав на колени, девушка вытащила из-под койки сундучок.

— Позволь мне, Узара. Огонь — моя стихия.

Она уже вызвала скромное пламя свечи, которую взяла из сундучка, и передала Д'Алсеннену позолоченное серебряное зеркальце. Темар проглотил возражения под ее упреждающим взглядом и молча смотрел, как усиливающийся золотой свет играет на лице магини. Парень снова удивился: как он мог когда-то считать Аллин некрасивой? Янтарные блики превратили ее карие глаза в гобелен света и тени, глядящий в тайну, которую ему не дано постичь.

— Проклятие! — Девушка огорченно задудла свечу. — Я не могу ни с кем из них связаться.

— Что-то не так? — спросила Хэлис. — С ними, я имею в виду.

— Нет, просто я слишком устала, — со злостью ответила Аллин.

Темар не удержался от смеха.

— Вы, маги, когда-нибудь будете верить людям на слово, не проверяя все на собственной шкуре?

— Не раньше, чем обзаведемся третьим комплектом зубов, как сказал бы Отрик. — Узара слабо усмехнулся. — Я попробую гадание. Это более легкие чары.

Аллин полезла в свой сундучок за мелкой серебряной чашей, а Гуиналь принесла со стола узкогорлый кувшин. Узара бережно поставил чашу на колени и рассматривал ее, пока барышня наливала воду.

— Сейчас узнаем, что у нас получится, — пробормотал Узара и кивком поблагодарил Аллин за флакончик. Он осторожно капнул на воду зеленое масло, пахнущее травами, и, обхватив чашу руками, сделал глубокий вдох.

Д'Алсеннен напряженно ждал, когда в воде появится магическое сияние. Вода закружилась, но слабый зеленоватый свет едва достиг низкого края чаши. У Темара упало сердце.

Узара нахмурился, и мерцающая вода закружилась быстрее, но только Темар подумал, что это зеленоватое свечение вот-вот превратится в неземной блеск магии, как все кончилось. Магия исчезла, и лишь капли масла бесцельно плавали на упрямой воде.

Узара сильно сжал губы.

— У меня дела не лучше, чем у тебя, Аллин.

— Нам просто нужен отдых. — Девушка-маг удрученно посмотрела на Темара и Хэлис. — Мне так жаль. Мы просто...

— Тише, милая. — Д'Алсеннен потянулся к ее руке. — Никто вас ни в чем не обвиняет! — Он уже собирался подробно перечислить все, чем воины обязаны магам, как Гуиналь начала тихое заклинание. — Что ты делаешь?

— Смотрю, могут ли помочь нам мои навыки. — Барышня сидела на своем табурете, закрыв глаза. — *Тиадар, вел, эзар лек, Ливак эман фрер. Соргрэн ан вел аримел, лек ал трерадир.*

Ее ритмичное скандирование громко звучало в тишине каюты. Узара наклонился вперед, устремив на Гуиналь полный вопросов взгляд. Темар обнял Аллин за плечи. Девушка все еще страдала из-за своей неудачи с магией, в которой он нуждался. Хэлис скрестила руки и с бесстрастным видом прислонилась к двери.

— Я не могу найти ни ее, ни его. — Гуиналь развела руки в недоумении. — Вот тебе и превосходство Высшего Искусства над магией стихий.

— Ты устала точно так же, как Узара и Аллин, — сказал Д'Алсеннен.

— А ты не могла бы вместо них поискать Райшеда или Шива? — предложил Узара.

Барышня покачала головой:

— Любого мага ужасно трудно найти — если он не творит магию, конечно, а недоверие Райшеда к Высшему Искусству так велико, что само по себе стало почти защитой. Во всяком случае, проблема не в этом.

— Тогда в чем? — нетерпеливо спросил Темар.

— Ливак прячет их своим заклинанием. — Гуиналь сдвинула брови. — Она хочет, чтобы ничье Высшее Искусство их не нашло, даже мое.

— Но Илкехан мертв... — начал Д'Алсеннен.

— Значит, она прячется от кого-то другого, — перебила его Хэлис. — Вероятно, их кто-то преследует.

— Вероятно, этот кто-то обиделся на них за убийство Илкехана, — сухо ввернул Узара.

— Что мы можем сделать? — вскричала Аллин.

— Отдохнуть и восстановить силы, и тогда вы сможете связаться с Шивом или Сорградом, — ответил Темар, стараясь не выдать свое разочарование.

— Нельзя сделать больше того, что позволяет ваш организм. Так говорят мастера, верно, Аллин? — Узара зарычал от гнева. — Отрик, как всегда, оказался прав, но это страшно некстати!

Хэлис с досадой щелкнула пальцами и порылась в нагрудном кармане.

— А это вам не поможет?

— Где ты его взяла? — изумился маг.

— Кольцо Отрика, — одновременно с Узарой воскликнула Аллин.

— Отрика, а до него — Азазира. — Узара протянул ладонь, и Хэлис положила в нее кольцо. — Но отполировано как новое. Планир его заколдовал. — Он с удивлением посмотрел на безупречный круг.

— Что это значит? — встрепенулся Темар.

— Это — кольцо стихийной силы. — Узара надел его на средний палец левой руки. Его изможденное лицо порозовело, и он засмеялся. — Если бы Калион об этом узнал, его бы родимчик хватил!

— Почему? — Гуиналь подалась вперед, любопытство побеждало усталость.

— Уже несколько поколений маги не вселяли присущую им силу в предметы. — Узара поднял руку, изучая кольцо. —

Люди вроде Калиона когда-то постановили, что нельзя давать магию простым смертным. Это уменьшает её тайну.

— То есть с этим кольцом любой из нас может творить заклинания? — недоверчиво переспросила Хэлис. — Это похоже на плохую балладу!

— Нет, это все выдумки менестрелей. — Узара снял кольцо и бросил его Аллин, та едва успела его поймать. — Но маг может связаться с обычным человеком, носящим такую вещь.

— Нам бы это пригодилось, — с возросшим интересом сказал Темар.

— О! — Аллин надела кольцо и вспыхнула от удивления.

Д'Алсеннен посмотрел на нее с новым беспокойством.

Узара ухмыльнулся.

— Калион и ему подобные не понимают, что главное назначение таких вещей — не одаривать простых смертных силой урожденного мага, а обновлять и делить стихийные силы между магами.

— Оно дает тебе силу, чтобы гадать на Ливак и остальных? — тотчас спросила Хэлис.

— Стоит попробовать еще раз. — Узара протянул руку, чтобы взять у Аллин кольцо, но остановился и внимательно посмотрел на Гуиналь.

— В чем дело? — Барышня слегка покраснела.

— Мне просто интересно, — медленно ответил маг, — что случится, если ты его примеришь?

РЕТТАСЕКК, ОСТРОВА ЭЛЬЕТИММОВ, 11-е ПРЕДЛЕТА

— Вы готовы? — Сорград посмотрел на Райшеда и Шива.

— Не волнуйся. Мы уже делали это. — Я с притворным спокойствием улыбнулась Райшеду. Он держался невозмутимо, но я видела, что он тревожится за нас обоих.

— Пошли! — Грен уже выглядывал из колючих кустов, растущих вдоль длинной запруды между нами и замком Ол-

рета. О дамбу плескалась вода. Недавний прилив загнал ее в открытые шлюзы, и теперь, закрытые, они будут удерживать ее, сколько нужно. Мы связывали наши планы с той водой.

— Вперед, — приказал Сорград, и Грен побежал, держа наготове длинные ножи. Мы с Сорградом мчались за ним по пятам, выбивая сапогами пыль из утоптанного верха дамбы. Высокие стены мельницы заслоняли нас от замка, но мы не собирались рисковать.

Дверь была незаперта, в этом просто не было необходимости. Не останавливаясь, Грен влетел в нее и прямо с разбега ударил какого-то мужчину, разинувшего рот от неожиданности. Эльетим рухнул на пол, темная кровь растеклась по муке, запорошившей все кругом. Его рот так и остался разинут, как стоящий рядом мешок, в который сыпалась из желоба мука. Я не ждала, когда Грен ударит второй раз, чтобы убить этого человека, а помчалась за Сорградом вверх по лестнице на второй этаж просторного здания.

Мельник, следивший за огромными жерновами, услышал внизу суматоху, но, не имея под рукой никакого оружия, встретил смерть под бесстрастным клинком Сорграда. Мне было жаль этих двух бедняг, погибших только из-за того, что они оказались не в том месте, но пока меня больше заботило спасение собственной шкуры.

— Останови зерно! — приказал Сорград.

Я уже была у желоба, по которому оно поступало из загрузочной воронки на верхнем этаже. Костяная заслонка бросалась в глаза, и я вогнала ее до упора. Сорград тем временем разбирался с рычагами. Эти рычаги управляли жерновами и соединялись с водяными колесами, находящимися далеко под нами. Я услышала нарастающий рев воды, хлынувшей через шлюзы.

— Грен нашел нужные канаты! — Мне пришлось повысить голос, чтобы перекричать грохот мельницы, теперь стремительно набирающей обороты.

— Он не дурак. — Сорград сделал что-то, и жернова за-
вращались быстрее. — Особенно когда есть возможность по-
веселиться.

Я наблюдала, как зерно, оставшееся между жерновами,
перемалывается в мелкую пудру. Она сыпалась через край
камня все более тонкими струйками.

— Мы здесь почти закончили.

Сорград открывал люки, через которые мешки с зерном
поднимались лебедками на верхний этаж мельницы. Снизу
вырвались белые клубы, и он закашлялся.

— Закрой ставни.

Деляя, как он велел, я внимательно следила за жернова-
ми. Скрип, подобный скрежету ножа по глиняной тарелке,
подсказал мне, что зерно в них кончилось.

— Пора уходить, — предупредила я горца.

Сорград знал не хуже меня, что случится, когда те шерша-
вые камни, не имея зерна для помола, высекут искры друг из
друга. Не тратя времени на лестницы, каждый из нас схва-
тился за плетеную кожаную веревку и скользнул через бли-
жайший люк на нижний этаж. Воздух здесь был непрозрач-
ный от белой пыли. Я закашлялась и стала щуриться. Грен
все еще вспарывал ножом мешки, горстями разбрасывая во-
круг муку.

— Бежим!

Ему тоже не надо было повторять дважды. Весь белый,
словно заметенный снегом, Грен без промедления кинулся к
двери. Я едва не наступала ему на пятки, а Сорград бежал
сразу за мной.

— Насколько остры те жернова? — крикнул Сорград, ког-
да мы неслись обратно по дамбе. — Насколько тверды?

— Я не разглядывала!

Впереди, за колючими кустами, я увидела насторожен-
ный взгляд Райшеда. Рядом стоял Шив, его костлявое лицо
явно выражало опасение.

— Ложись! — махнула я им рукой.

В тот же миг мельница позади нас взорвалась. Грохот был невероятный. Он так ударил по ушам, что у меня в голове зазвенело. Следом налетела воздушная волна, заставившая споткнуться сначала меня, потом Грена. Когда она докатилась до Райшеда и Шива, я услышала, как трещат кусты, за которыми они скрывались. Не причинив им большого вреда, эта волна понеслась дальше, чтобы потеряться на поросшем кустарником просторе. Тучи испуганно кричащих птиц взлетели с пруда и скалистых берегов за дамбой.

Со всех сторон посыпались обломки. Ставни, целиком сорванные с незастекленных окон, летели далеко через мельничный пруд или шлепались в освобожденные воды, несущиеся к морю. Осколки шифера, просвистев в воздухе, стучали по камням дамбы. Порядочный кусок ударил меня прямо в спину, и я невольно сгорбилась, проклиная его. Куски поменьше забарабанили по голове и плечам. Раздался еще один мощный грохот, и дамба содрогнулась. Значит, рухнул пол или стена. Но я не обернулась, пока мы не достигли относительной безопасности колючих кустов. Райшед вышел, чтобы поймать меня, и я прыгнула с дамбы прямо в его объятия. Нырнув обратно в кусты, я прижалась к моему возлюбленному, тяжело отдуваясь.

Грен бросился на землю рядом с нами, его грудь вздымалась, лицо светилось ликованием.

— Вот так-то, Шив. Ни капли магии не понадобилось!

Шив взирал на развалины мельницы с ужасом и смехом.

— Неудивительно, что ты не чувствуешь нужды учиться в Хадрумале, Сорград.

Горец с любопытством оглянулся.

— А вы, маги, можете мне объяснить, почему от одной искры мука в воздухе взрывается как рудничный газ?

Я изогнулась в объятиях Райшеда, чтобы посмотреть, чего мы добились. В тот единственный раз, когда я позволила Грену уговорить меня на это безумие, мы имели дело с маленькой ветряной мельницей. Тогда мы превратили ее в щепки. По-

этому я поразились, увидев нынешние развалины. Я никак не ожидала, что это большое, прочное здание так пострадает.

— Жаль, хорошего пожара не будет. Эти люди используют слишком мало дерева, — разочарованно заметил Грен.

— Нам и этого довольно, — покачал головой Райшед, глядя на руины.

В каждой стене мельницы зияла огромная брешь, из которой все еще сыпались камни. Сломанные балки и стропила падали на груды валов и зубчатых колес, которые раньше вращали жернова, поднимали мешки и творили все остальные тайны мельничного ремесла. Стремительно разгорающийся огонь заполнил пустое сердце поврежденного здания, прожорливые языки пламени взлетали все выше. Когда вездесущий ветер услужливо раздул пожар, его жадный рев заглушил резкие звуки дальнейшего обрушения.

— Ты сказала, вы уже делали такое раньше? — Райшед крепче обнял меня.

— Дважды, — радостно подтвердил Грен.

— Со мной только один раз, — напомнила я горцу.

— Зачем?

В голосе Райшеда сквозило недоумение, и я повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Нужно было отвлечь внимание. — Я пожала плечами.

— Как и здесь. — Сорград еще не вполне разделял простодушное ликование Грена, но его глаза блестели от азарта. — И, думаю, мы его отвлекли.

Внезапный взрыв мельницы поверг людей Олрета за дамбой в полное смятение. Из загонов для коз, крича, выскочили девушки, забыв в испуге запереть ворота. За ними тотчас погнались блеющие стада. Девушки и козы столкнулись с мужчинами и женщинами, выбегавшими из складов возле замка. Одни мчались к берегу, другие останавливались, глядя на горы в глубине острова, их дикие жесты красноречиво говорили о страхе, что какой-то огонь вот-вот вырвется из-под земли и уничтожит их. Более мудрые головы могли бы овладеть ситуацией, но их голоса остались не-

услышанными: еще одна толпа повалила от длинных навесов рядом с причалами, усиливая гвалт вопросами, на которые никто не мог ответить.

Несколько смельчаков направились к развалинам, но, к счастью для нас, им помешали козы. Пользуясь свободой, животные разбежались кто куда. Одни перепрыгивали через стены, огораживающие насыпные поля, торопясь наестся досыта на драгоценных посевах. Другие скакали вокруг корыт с потрошеной рыбой, грозно тряся рогами. Во избежание поимки некоторые козы выбегали на причалы, но, оступившись, падали с плеском в море или в лодки, вызывая еще больший переполох.

— Пора, Шив. — Райшед притянул меня еще ближе.

— Мы должны переместиться быстро, так что сразу предупреждаю, ощущение будет не из приятных, — сказал маг.

— Береги свой завтрак, — посоветовал Грен.

Я хотела показать ему язык, но решила, что будет разумнее сжать челюсти. На этот раз магия была другой: одеяло холодного тумана, белого с голубым отливом, окутало нас за одно мгновение. Колючие кусты, дамба и мельничный пруд — все исчезло в белизне. Перемещение было зверским, меня тряхнуло с головы до пят, но — вот парадокс — я почти не чувствовала тошноты. В глазах еще стоял туман, и я потеряла их.

— Ах! — У Шива вырвался хриплый вздох. — Я освоил еще одно заклинание.

— Давайте вести счет, — предложил Грен.

— Где мы? — вмешался Сорград.

Когда перед глазами прояснилось, я увидела, что мы стоим в коридоре, этажом ниже пленных женщин. Я направилась к лестнице, Райшед держался рядом, обнажив свой меч. Грен о чем-то шептался с Сорградом. Не расслышав слов, я обернулась. Братья мчались по коридору в другую сторону.

— Куда они бегут? — возмутился Райшед.

Шив с досадой пожал плечами:

— Грен что-то вспомнил.

— Оставьте их. — Разбирая отмычки, я встала на колени у металлических ворот.

— Мы разработали план, — кипятился мой возлюбленный.

— Братья действуют по плану, только пока их это устраивает. — Я взглянула на Райшеда. Судя по его лицу, он бы дорого дал, чтобы указать мне на все опасности такого разгильдяйства. — Сторожи и дай мне открыть решетку.

Шив стоял там, откуда было видно коридор, а Райшед пошел караулить лестницу. Внизу царил суматоха, шум накатывал волнами, настойчивые крики заглушали гневные голоса, отвечающие на невозможные вопросы. Люди бегали, двери хлопали, но, как мы и добивались, все внимание захватила необъяснимая катастрофа на дамбе. Именно туда все направлялись, либо на помощь, либо — что вероятнее — просто поглазеть и поохать над несчастьем.

— Ты можешь сотворить то заклинание маскировки? — тихо спросил Райшед.

— Хочешь, чтобы я отпирала замок и при этом жонглировала ножами?

Я прошептала непонятные слова и, мысленно повторяя их, попыталась разобраться с механизмом. Чтобы лучше сосредоточиться, я закрыла глаза. Мои пальцы вспомнили, что делали в прошлый раз, и замок щелкнул.

— Готово. — Я встала и толкнула решетку.

— Запри его за нами, — приказал Райшед.

— А как же Град и Грен? — возразила я.

— Оставь. — Шив уже перепрыгивал через ступеньки. — Все равно у Олрета есть ключ.

Райшед зашипел сквозь зубы. Я пожала плечами, и мы оба бросились догонять мага.

— Это я.

Я дважды стукнула в запертую дверь. Райшед встал на колени, чтобы отодвинуть в сторону нижний засов, Шив потянулся к верхнему.

— С друзьями. — Я торопливо выбросила из головы желание спрятаться, искренне надеясь, что кто-то в комнате сумеет прочесть мои честные намерения. Иначе мы окажемся в большой беде и без союзников за спиной. Я глубоко вдохнула, готовясь встретиться с вонью, и подняла шею.

— Ты привела помощь? — Как и прежде, хозяйка Шерна-секка не тратила время на любезности. — Ты поговорила с нашей родней?

— Мы поможем вам, если вы поможете нам, — с той же прямоотой ответила я. — Мы убили Илкехана, а теперь Олрет хочет прикончить нас. Дайте слово, что ваши друзья нас защитят, и мы выпустим вас отсюда.

— Я клянусь своим долгом перед землей моего рода и людьми моего рода, которые в ней лежат. — Бледно-голубые глаза женщины сверкнули на изможденном, грязном лице.

— Хорошо. — Райшед осторожно двинулся к ее клетке. — Отойди назад.

Ногой в тяжелом сапоге он со всей силой ударил по замку — один раз, другой и, выругавшись, третий. Возможно, для женских пальцев этот грубый замок был достаточно прочен, но он не устоял перед бешеной атакой Райшеда. И замок, и дверца искривились, и мой возлюбленный рывком открыл клетку. Женщина схватила свою дочурку за руку и, поскальзываясь на испражнениях, выбралась из своей тюрьмы.

Шив караулил у двери.

— С какого расстояния твое Высшее Искусство позволит тебе связаться с родней?

Эльетиммка тупо посмотрела на мага.

— Твое знание. — Я вспомнила Горное слово для эфирных заклинаний Шелтий. — Истинная магия.

Лицо женщины прояснилось и тут же скорчилось в гримасе.

— У вас нет ничего поесть? Я жутко голодна.

Я собиралась сказать, что у нас нет времени обедать, когда Райшед вытащил из своей сумки лепешку, начиненную козлиным мясом.

— Пожалуйста, госпожа моя, — предложил он с учтивостью, вмуштрованной в него годами службы Д'Олбриоту.

— Я теперь ничья госпожа, добрый господин. — Женщина криво улыбнулась и набросилась на еду с далеко не изысканной жадностью. — Просто Фрала Шернасдир.

— Выпустите нас, — настойчиво потребовала бабка. — Если мы соединим руки, то сможем работать вместе!

Пока Райшед освобождал старуху, я отомкнула замки клетки одной из сестер Фралы. Когда я распахнула дверь, женщина сжала мою руку.

— Гислин Шернасдир будет благодарна тебе до конца жизни. — В ее пылких словах звучала официальность, плохо соответствующая ее испачканному зеленому платью и чумазому лицу.

— Не за что.

Я двинулась к следующей сестре, которая в отчаянии гремела решеткой. Райшед тем временем освободил двух девушек. Они бросились друг к другу в объятия и замерли, дрожа.

— Соберитесь с мыслями, — рявкнула бабка. — Забудьте вашу боль и ваши животы и сосредоточьтесь на главном.

Ну конечно, поняла я запоздало. Олрет держал их в этой грязи не просто из мести. Он хотел, чтобы физические неудобства ослабили их способность творить Высшее Искусство, а еще лучше — совсем ее подавили. Я порылась в своей котомке в поисках еды, припрятанной там Греном, и поделила ее между Гислин, ее сестрой и их дочерьми.

Райшед отдал старухе помятый кусок колбасы и снял с пояса бутылку с водой.

— Шив...

Маг нетерпеливо махнул рукой.

— Кто-то поднимается по лестнице. — Он спрятался за дверь, наблюдая в щелку у петель.

Женщины окаменели, забыв про еду. Райшед прижался к стене возле открытого проема и поднял меч.

— Шив, ты можешь ее запереть?

Настойчивый свист пронзил напряженную тишину.

— Нет, подожди. — Я оставила свои последние дротики в сумке. — Это наши.

Райшед что-то зло пробормотал. Шив не закрыл дверь, и я быстро выглянула наружу. Сорград и Грен бежали по коридору с противоположной лестницы. Каждый нес на плече узел с вещами, сжимая в свободной руке кинжал.

— Сюда! — Я поманила их внутрь, и братья сбросили свою ношу, которая приглушенно звякнула.

— Нашли время красть! — рассердилась я.

Сорград невинно поднял брови. В его голубых глазах не было ни капли раскаяния.

— Тебе не нужны келларинские артефакты? — Узорчатая ткань упала в сторону, открывая блеск древней стали и медной оковки рукояти кинжала. — Возможно, последние, которых вам недостает?

Грен тоже ухмылялся.

— Все, что не понадобится Гуиналь, наше, запомните.

— Ты выделишь мне долю, или я тебе уши оторву. — Я невольно улыбнулась, пока не увидела кровь на клинке Грена. — Кого ты убил, чтобы это добыть?

— Никого, — запротестовал оскорбленный горец. — Это кровь мельника. Сиделка чуть не описалась и унеслась как ошпаренная.

— Я догадался, что Олрет спрятал ценности в той комнате, где лежит его сын, — ответил Сорград на невысказанный вопрос Райшеда, подбивая воина на какую-нибудь резкость.

Грен уже отбросил эту тему и повернулся к женщинам, которые с живым любопытством смотрели на братьев.

— Сударыни, мое почтение. — Он низко поклонился им, затем подмигнул мне. — И зачем мы так старались вымыться?

Райшед думал о более важных вещах.

— Шив, вытаскивай нас отсюда.

Прежде чем маг успел ответить, старуха поперхнулась колбасой.

— Олрет идет, — задыхаясь, промолвила она.

Три ее дочери мгновенно соединили руки. Фрала стояла в центре.

— Быстрее. — Гислин настойчиво поманила свою дочь и племянницу.

Бабка проковыляла к другому концу шеренги, а маленькая девочка спрятала лицо в юбках Фралы.

— Придется рискнуть, — сжал челюсти Шив.

— Нет!

— Гуиналь? — Я знала, что барышни здесь нет, но не удержалась и огляделась по сторонам.

— Что? — Райшед и Шив уставились на меня так, словно я потеряла рассудок.

— Ливак, это я.

Я снова услышала голос дворянки, но, судя по растерянными лицам окружающих, я была единственной, кто его слышал.

— Не позволяй Шиву творить никакую магию, — торопливо продолжала барышня. — Олрет его убьет.

— Никаких чар, Шив. Гуиналь говорит, никаких чар. — Я изо всех сил пыталась одновременно слушать ее и говорить. — Узара гадает на нас, а Гуиналь творит свое Высшее Искусство через его чары.

— Как они это делают? — Шив был заинтригован.

— Это не может подождать? — Я бросила на него свирепый взгляд. — Просто запомни, тебе нельзя творить никакую магию без защиты Высшего Искусства, иначе Олрет тебя убьет!

— Мечи убьют нас куда быстрее. — Сорград стоял у двери, Грен рядом с ним. — Сюда идет полкогорты, не меньше.

Топот кованых сапог зловещим эхом раздавался на каменной лестнице.

— Закройте дверь, — приказал Райшед. — Кто-нибудь из вас, запирайте ее. — Он махнул мечом в сторону женщин.

Лязгнули засовы, и я сосредоточилась на далеком голосе Гуиналь.

— Я должна поговорить с адептами, которых ты нашла. Присоединись к их шеренге.

Мне ужасно не хотелось это делать, и не только потому, что рука ближайшей ко мне девушки была такой грязной. Но положение становилось безвыходным, и я схватилась за нее.

Комната вокруг потускнела, и я испугалась, что падаю в обморок. А затем вдруг поняла, что оказалась заперта в уголке собственного разума. Моим телом, моим голосом, моими жестами управляла воля Гуиналь. Я могла видеть все своими глазами, но смотреть могла только вперед, словно в подзорную трубу Райшеда. Я старалась успокоить панику, нарастающую внутри меня, пока не осознала, что кричать, протестовать и сражаться с заклинанием просто бесполезно. Я не имела ни голоса, чтобы позвать на помощь, ни силы, чтобы дать сдачи.

— Я Гуиналь Тор Приминаль, служительница Ларазион, присягнувшая учению Острина. — Она заговорила моими губами и протянула мою руку к старухе. — Вы поможете мне во имя всего, что считаете святым?

— Мы поможем. — Голоса всех шестерых эльетиммских adeptов эхом раздались в моей голове, когда бабка взяла руку Гуиналь, чтобы завершить смотрящий внутрь круг.

На комнату мгновенно наложились новые образы, мимолетные видения сменяли друг друга: Сатайфер и отвоеванная у пиратов стоянка, Витрансель и оживленная рыночная площадь, Эдисгессет и суровое царство горняков. Каждое место и каждый человек в этих образах были так же постоянны и так же эфемерны, как реальность, которой я больше не чувствовала под ногами, которая мне больше не принадлежала. Что-то застыло вокруг меня, затем Гуиналь разбила это нечто, как разбивают зимний лед, чтобы открыть под ним быстро текущие тайны реки. Никогда не играй на замерзшей реке, предупреждала меня мать, пугая красочными рассказами о детях, которых унесло под лед. Те дети утонули, не сумев пробиться к воздуху и свету. Но страх, который я испытывала тогда, был ничто по сравнению с ужасом, парализующим меня сейчас, хотя я ощущала, что женщины Шернасекка, давно лишенные своего источника силы, тянутся к этому эфирному

потоку с отчаянной жадой путников, заблудившихся в безводной пустыне.

Я не хотела ничего из той силы. Я боролась, чтобы не упасть в тот поток тайны и опасности, я напрягалась, чтобы увидеть мир за пределами заклинания, держащего меня в ловушке. Райшед и Шив разламывали клетки, Сорград и Грен сваливали искривленные прутья и рамы у двери и вбивали металлические обломки в нижнюю щель, в петли и под щеколду, чтобы ее заклинить.

Все это было менее реальным, чем Гуиналь, теперь стоящая передо мной и одетая с гордой элегантностью дамы Старой Империи. Кольца блестели на каждом ее пальце, в волосах сверкал полумесяц из золота с бриллиантами, еще бриллианты окружали шею и горели огнем, высеченным каким-то невидимым светом, сияющим на шелке ее платья цвета пламени. Грязные лица изголодавшихся женщин исчезли за их подобиями — образами, в которых они хотели предстать. Волосы Фралы посветлели до бледного золота отбеленной солнцем соломы. Они были собраны в высокую прическу и заколоты костяными шпильками, украшенными кроваво-красными драгоценными камнями. Ее густо-бордовое платье с широкими юбками оттеняло молочную белизну кожи. Гислин и другая сестра были в платьях того же фасона, только голубых, двух разных оттенков. Шею Гислин обвивали бусы из множества ниток любопытных молочных камней. Их дочери носили менее дорогие оттенки зеленого. Платья девушек были сшиты так, чтобы подчеркнуть юные прелести будущих невест, а не уподобляться скромности матрон. Бабка носила черное. Несколько серебряных украшений лишь придавали строгости ее облику. Но со своим худым лицом и острым носом она больше, чем когда-либо, походила на ворону. Только малышка осталась в своей замаранной сорочке. Она все еще цеплялась грязной рукой за юбки матери, стискивая в другой руке свое взъерошенное животное.

Грохочущий удар в дверь помог вернуть мой разум к реальному миру, где Райшед и Шив держали оборону, навалив-

шись на дверь, а Грен и Сорград продолжали укреплять баррикаду.

— Если мы не хотим умереть от руки Олрета, мы должны получить помощь, — начала Гуиналь.

Будь проклята эта вежливость, разъяренно подумала я. Действуйте!

— *Селдвиар намайенар эк тал рат*, — хором произнесли эльетиммки, и их поиск потащил меня с собой. Теперь третий слой реальности или иллюзии наложился на все окружающее, и я знала без всяких сомнений, что мне грозит реальная опасность быть унесенной прочь течениями эфира, обвиняющимися вокруг меня.

— *Нар даг Вадесорна абригал*. — Фрала вызвала коренастого мужчину, лысого, как яйцо. Его плечи сторбились от гнева, когда эльетиммка заговорила с ним так быстро, что я даже не пыталась разобрать слов. Мужчина повернулся и унесся в невидимость, тая, как завиток дыма.

— *Эдач гер вистал мор дин*. — Гислин и ее дочь умоляли нервную женщину, у которой челюсть отпала от изумления. Призрачные фигуры спешили собраться вокруг нее.

— *Олрет эвид энаmez Фройлазен рал Ашерназен*. — Бабка непреклонным тоном заговорила с мускулистым юношей, на которого наткнулось ее заклинание. К счастью, он оказался таким же решительным, как старуха. Копье появилось в его руках в ответ на его невысказанное желание, а рубаха превратилась в темный панцирь из затвердевшей кожи.

Фрала повернулась к Гуиналь:

— Мы вызвали помощь. Они придут как можно быстрее.

Но будет ли это достаточно быстро? Даже сквозь Высшее Искусство, затуманивающее мое восприятие, я услышала стук топора и треск двери. Я заставила появиться перед моим мысленным взором воспоминание о комнате, представляя себе лицо Райшеда и лицо Сорграда, долговязую фигуру Шива и невысокую, жилистую — Грена. Мысль стала реальностью, и я увидела дерево, раскалывающееся под сильными и быстры-

ми ударами. Райшед и Шив были вынуждены отступить, чтобы не лишиться глаза или головы.

— Олрет идет! — Подobie Гислин повернулось к двери, хотя ее истинная фигура осталась стоять в круге.

Даже через стену я почувствовала безмерную убежденность Олрета, что его намерение достаточно сильно, дабы сокрушить физические преграды из дерева и металла, стоящие у него на пути. Олрет не ошибся. Дверь разлетелась в щепки, как та мельница, деревянные осколки глубоко ранили Райшеда и остальных. Их мечи встретились с мечами солдат, лезущих в узкий дверной проем. Райшед и Грен набросились на передних стражников, а Сорград и Шив били изогнутыми металлическими прутьями по второму ряду.

Высшее Искусство Олрета врезалось в круг женщин, но тот устоял. Я видела этого ублюдка, он прятался за схваткой в дверном проеме, и ненависть искажала его лицо.

— Гуиналь! Гуиналь! — Этот голос звучал так, словно его хозяин был за пол-лиги отсюда, но это, несомненно, был голос Узары. — Дай мне кольцо! Темар, надень его!

— Я могу защитить вас только на короткое время, — предупредил голос Темара, мрачный, но твердый.

— Этого хватит. — Аллин говорила так решительно, что я поразилась. — Шив! Сорград! Мы собираемся образовать полную связь, так что приготовьтесь.

Светящаяся сфера возникла между ними двоими: образованным чародеем и необученным урожденным магом. Она горела красным огнем, не малиновым цветом стихийного пламени, но более темным, более зловещим, утяжеленным силой земли. Шив протянул к ней руку, и цвет еще больше потемнел, но вместе с тем стал гореть неистовей, когда собственный магический свет Шива окружил мага изумрудной аурой. Шив кивнул Сорграду. Горец сжал челюсти, он никогда не уклонялся от вызова и сейчас не собирался отступать. Странно дерзким жестом Сорград вскинул руки, и голубое сияние окружило его, тонкие волосы развевались, словно он угодил в зимнюю бурю. Быстро наклоняя голову, как бык перед ата-

кой, горец толкнул выставленные ладони к смешанному сиянию полной связи сил. Сфера всосала его голубой свет, и все магические цвета сгорели в одной слепящей белизне.

— Давайте! — приказал Узара.

Сфера лопнула и обратилась в широкую полосу пламени. Оно пронеслось через комнату, поджигая людей Олрета. Солдаты с криками бросились прочь, увидев, как первый из них уже сгорел до лохмотьев обугленной плоти и голых костей, падающих на нетронутый пол. Дверной проем был свободен. К счастью, огонь не опалил ни Райшеда, ни Грена, и они кинулись на Олрета, который тоже был как-то защищен от магии.

Эльетимм поднял руку, и невидимая сила отбросила Грена на Райшеда. Они вдвоем грохнулись среди мусора расколотой двери и сломанных клеток. Олрет пошел вперед, на его лице читалась явная угроза. Любопытным двойным зрением Высшего Искусства я увидела, что он представляет себя намного выше и красивее, чем показывает зеркало. Каждая деталь его подобия была четкой, кожа гладкая и чистая, богатый коричневый плащ выткан оранжевыми узорами и отброшен с плеч, чтобы открыть мундир из серой кожи, украшенный медными заклепками.

Все во мне кричало: двигайся, беги, вытащи кинжал или швырни грязь с пола в этого человека, но Гуиналь управляла моим телом, и я не смогла пошевелиться. Я б заплакала от досады, если бы все еще могла распоряжаться своими собственными глазами.

Шив и Сорград встали между Олретом и кругом неподвижных женщин. Эльетимм что-то прорычал и двигал руками, словно давил мух, но полоса белого света обернулась вокруг магов, и ничего не случилось. Во всяком случае, я ничего не заметила.

Беспощадное продвижение Олрета замедлилось. Казалось, он увязает в болоте. Сорград поднял руку, и молния шелкнула как хлыст. Перекосившись от ярости, эльетимм отмахнулся от нее, но все равно на его рукаве появилась почерневшая

зарубка. Сорград хлестнул его снова и снова, и в первый раз ужас заплескался в глазах колдуна.

Шив расправил плечи, и теперь сапоги Олрета почти прилипали к полу. Теперь он едва шаркал ногами по половицам, как узник, прикованный к ядру. Но это был только реальный Олрет. Его подобие вырвалось наружу, промчавшись сквозь Шива, Сорграда и окружающий их свет, словно их вообще не было.

Эфирные воплощения женщин круто повернулись, чтобы образовать новый круг: локти соединены, лица решительные. Высокомерие Олрета промаршировало сквозь кольцо их физических тел — явно не преграда для него — и дало пощечину двойнику Гислин. Она зажмурилась и стиснула зубы, тогда он ударил ее прямо в рот.

— Не смей! — в бешенстве крикнула Фрала.

Олрет схватил ее за волосы и повернул голову с такой силой, что сломал бы шею реальной женщине.

— Будь ты проклят, — задыхнулась Фрала. — Ты и твоё семя до девятого колена!

— Я убью тебя! — взревел Олрет, дергая ее голову взад и вперед. Но этого ему показалось мало, и он стал избивать женщину кулаком.

Эльетиммки не размыкали круг, поэтому Фрала не могла защищаться. Ее образ не кровоточил, на нём не появлялись синяки, но я наблюдала с растущим ужасом, как он начал расплываться и блекнуть под этими ударами.

— Нет! — крикнули сразу три новых голоса.

Откуда ни возьмись, появились люди, которых Фрала и ее сестры просили о помощи. Теперь Олрет был окружен. Юноша схватил его поднятую руку, выкручивая ее за спину, а лысый мужчина выпутал пальцы ублюдка из волос Фралы. Они оттащили Олрета, заставляя его повернуться лицом к нерешительной женщине, и та без раздумий вlepила ему затрепину.

Удар был не сильный, но какая бы сила ни лежала за ним, она причинила больше вреда, чем мог бы это сделать палаш.

Лицо Олрета перекошилось, съехало набок, как детская глиняная модель, смятая в злости за то, что вышла неудачной. Женщина снова дала ему пощечину, и цвет начал вытекать из его одежды, коричневый, серый и медный сливались в одну тусклую, грязную неопределенность. Она ударила его третий раз, не сильнее, чем раньше, — и Олрет начал исчезать. Не сразу, не как дурной сон, когда ты понимаешь, что просыпаться, нет. Просто в его голове и теле стали появляться огромные дыры, сквозь которые виднелась комната. Дыры расширялись, и вскоре его эфирное подобие разорвалось на куски, которые падали на пол и исчезали. Последней исчезла перекошенная голова, глаза дико вращались, высунутый язык метался туда-сюда.

Лысый мужчина посмотрел вниз, затем повернулся к Фрале.

— Мы идем, — коротко сказал он, и все трое исчезли.

— Я не могу остаться, — задыхаясь, проговорила Гуиналь, и ее образ исчез в никуда.

Падая от слабости, я вырвала свои руки из безжалостных пальцев бабки и девушки с другой стороны. Как только круг разомкнулся, все рухнули на пол, дыша тяжело и часто. Только малышка осталась стоять, ошеломленно глядя на упавших вокруг нее женщин.

— Мама? — Встав на колени, она толкнула плечо Фралы.

Я стояла на четвереньках и не смогла бы подняться на ноги, даже если б сам Сэдрин потребовал этого. Но из коридора все еще доносился шум боя. Я так ожесточенно потеряла глаза, что они заболели, но я должна была убрать всякий след эфирного тумана из своего зрения. А еще мне нужны дротик, кинжал — все, что возможно использовать против врагов, которые могли войти сюда.

Нащупывая пояс, я вынудила себя поднять голову и яростно заморгала, ибо мои глаза наполнились слезами. Олрет стоял сразу за дверным проемом — реальный Олрет. Магический свет кружился вокруг него, не давая колдуну пошевелиться. Мерцающие узоры многих оттенков бежали по этому магическому кольцу, сотворенному полной связью стихий. Остав-

шиеся солдаты делали все возможное, чтобы добраться до своего господина, но Райшед и Грен стояли по обе стороны, с неколебимой твердостью преграждая им путь.

Этот ублюдок еще не умер, что бы там ни случилось с его эфирным двойником. Я глубоко вдохнула и осторожно полезла за дротиком, напоминая себе, что было бы высшей глупостью самой случайно отравиться. Мне не стоило утруждать себя.

Сорград швырнул молнию в Олрета, и на этот раз она прожгла в нем борозду с головы до ног. Почерневшее лицо пошло пузырями, выставленная вперед ступня оказалась разбитой вдребезги. Если б магия не удержала его, колдун бы рухнул, но он только вскрикнул от боли.

— Ничто не спасет тебя теперь, дерьмо поганое, — возликовал Сорград.

— Давай просто убьем его, — устало предложил Шив.

Крутящийся свет сомкнулся вокруг Олрета, и эльетимма охватили языки пламени. Огонь горел без запаха и был такой горячий, что я ощущала его жар на своем лице. Рубин, изумруд, янтарь и сапфир сияли до того ярко в мятушемся пламени, что было больно глазам.

Все, кто сражался за Олрета, бросились наутек, страх пересилил верность. Райшед и Грен ввалились в комнату. Оба были в крови, но своей или чужой — я не могла разобрать.

— Сожгите его, сожгите каждую кость в его теле. Развейте его по ветру, чтобы он потерялся в безбрежном океане, — потребовала бабка. Она стояла на четвереньках, больше похожая на готовую к прыжку кошку, чем на побитую дворняжку. Белый огонь, пожирающий Олрета, отражался в ее голодных глазах.

Райшед, шатаясь, подошел ко мне и упал на колени, кровь сочилась из горсти мелких порезов на его руках и ногах. Я прильнула к моему возлюбленному, и мы вместе смотрели, как умирает Олрет. Желание старухи исполнилось. Когда языки пламени в последний раз взметнулись и исчезли, вместо колдуна на пороге стоял изгибающийся столб пепла. По стеклам

застучал град — это Шив разбивал окна, и Сорград вымел все, что осталось от Олрета, наружу, к забвению.

— Мы закончили? — Я так дрожала, что едва смогла выговорить эти слова.

— Зубы Даста, надеюсь, что да.

Райшед сжал меня в объятиях, грубо, крепко, но я не сопротивлялась, ибо его сила подавляла изнуряющую меня дрожь. Пока я могу обойтись и без дыхания. Он прижал свою голову к моей и прошептал для меня одной:

— Все хорошо, все хорошо. Я знаю, я знаю.

Это было не бессмысленное утешение, и я уцепилась за то далекое обещание покоя. Райшед знает. Это правда. Я слышала ее в каждом биении его сердца, колотящегося под ребрами. Он тоже был в плену у Высшего Искусства, им тоже управляла чужая воля. Я никогда больше не буду злиться на его недоверие к заклинаниям, мысленно зареклась я. Мне следовало придерживаться моих старых убеждений: магия приносит только беду.

— Мне нужна вода и чистое полотно! — Отчаянный крик Сорграда пробудил меня от этих бессвязных мыслей.

— Что?

— Где?

Сорград стоял на коленях над братом. Грен лежал ничком на грязном полу, а Сорград разрезал его куртку, уже разорванную и пропитанную кровью.

— Один солдат ранил его, когда он повернулся, — коротко объяснил горец.

— Проклятие.

Райшед попытался вытереть кровь, заливающую спину Грена, но ее было слишком много. Она пропитывала его бриджи и растекалась лужицей вокруг коленей Райшеда. Сорград был уже по локти в крови.

Я подняла голову Грена из грязи и погладила его лицо, до крови кусая свою губу. Но я приветствовала эту боль, она прояснила мой ум и успокоила мои трясущиеся руки.

— Просто держись, — велела я ему с улыбкой, пряча страдание, которое ворочалось внутри меня, словно горячий нож. Дрианон, Халкарион, Сэдрин, Полдрион, любой бог, кто слышит меня, пожалуйста, не дайте этому случиться, пожалуйста, не дайте ему умереть. Мы победили, не так ли? Почему мы не можем просто уйти с победой? Почему она должна быть запятнана кровью?

Грен прищурился на меня одним голубым глазом, стекленеющим от боли.

— Больно, девочка. Проклятие, как же больно. — Он попытался усмехнуться, но у него получилась лишь недоуменная гримаса.

Райшед отодвинулся, пропуская Шива, и вода полилась из ладоней мага на обнаженную спину Грена. Когда она смыла всю кровь, мы увидели в его боку глубокую рваную рану. Она почти сразу вновь исчезла в крови. Райшед сорвал с себя куртку и рубаху, Сорград делал то же самое и туго связывал полотно в узел.

— Давай же, мерзавец ты тощий, — пробормотал Райшед. — Прояви свое хваленое упрямство. Скажи Полдриону, куда он может засунуть свой паромный шест. — Грен очень мало значил для Райшеда, но Айтен десять лет был его ближайшим другом, и память о той утрате не отпускала моего возлюбленного.

— Дайте мне посмотреть. — Бабка появилась возле меня.

— Не смей прикасаться к ране своими грязными лапами, — прорычал Сорград. Если б он не был так занят, пытаясь остановить кровотечение, клянусь, он бы ее ударил.

Но старуха не хотела прикасаться к ране. Вместо этого она мягко положила руку на голову Грена, лежащую в моих руках.

— Что ты за человек? — тихо спросила бабка.

Грен был едва в сознании.

— Каким создал меня Мизаен.

— И это...

Я знала причину ее резкого вздоха. Я любила Грена как брата, но это не заслоняло от меня его недостатки. Он весел

до беспечности, его никогда не мучает совесть, он уложит в койку любую девушку, стоит ей согласиться, и сразится с любым мужчиной, решившим по глупости, что горец не убьет его просто так — ради удовольствия доказать свою удаль и наполнить кошелек выигранной ставкой.

— Он мой друг, — взмолилась я. — И он рисковал жизнью, чтобы спасти всех вас.

Лицо старухи окаменело.

— Это могло бы иметь значение, если б он ценил то, чем рискует, если б он ценил то, за что сражается, если б он когда-нибудь думал о будущем, а не жил одной минутой.

Я тотчас разъярилась. Да что эта старая карга знает о Гре-не и о том, что он значит для меня? Не важно, каков он есть. Я не оставлю его мертвым на этих проклятых богом скалах. Хватит того, что я потеряла Джериса и Айтена в этом ужасном месте с его жестокими людьми и их обледенелыми сердцами.

— Просто сделай все что можешь. — Теперь я не умоляла, я приказывала, ломая голову над тем, как заставить старуху действовать. К сожалению, мне ничего не удалось придумать. Разве что пнуть ее по костлявой заднице? Но вряд ли от этого будет прок. И вряд ли это будет для нас безопасно.

Бабка попыталась встать, но пошатнулась. Фрала схватила ее под руку, помогая матери подняться, и что-то прошло между ними, отчего смущение на лице Фралы сменилось настороженным отвращением.

— Кто вы такие, чтобы требовать что-то от нас? — огрызнулась она. — Вы все чужаки, оскверняющие истинную магию своим испорченным прикосновением.

Страдание Шива превратилось в горькую ярость.

— Без нашей магии, сударыня моя, Олрет оторвал бы вам голову!

— Тихо! — Старуха взмахнула рукой, призывая дочь промолчать.

— Она останавливается, кровь останавливается! — Облегчение и неверие смешались в голосе Райшеда.

Я перевела взгляд на ужасную рану. Кровавый поток действительно сокращался и прямо на моих глазах прекратился совсем. Края опасного разреза начали смыкаться, быстро срастаясь в бугорчатый лиловый шрам.

— Спасибо, — натянуто молвил Сорград.

— Мне не нужны твои благодарности. — Бабка устремила на него холодный взгляд. — Я не хочу, чтобы его кровь заявляла права на эту землю, даже будь то земля моего худшего врага. И я не обреку мой собственный харджирд на беду от погребения в нем таких зловещих костей.

— Жизнь вашего друга оплачивает все долги между нами, — объявила Фрала с ноткой враждебности. — Не предъявляйте к нам больше никаких претензий.

— Они здесь, Вадезор и его люди. — Гислин дотащилась до окна и посмотрела во двор. Я вдруг поняла, что слышу далекую суматоху. — Люди Олрета сдаются.

Две юные девушки взглянули на окна и друг на друга. Страх на их лицах говорил яснее слов, что они предпочли бы столкнуться с армией, которая внезапно появилась внизу, чем с нами четырьмя, все еще стоящими тут.

— Вы можете идти, — процедила Фрала. — Как только будете готовы.

— Тогда мы уходим. — Сорград отбросил пропитанные кровью остатки своей рубахи и кивнул на Грена, все еще без сознания распростертого на полу. — Помогите мне поднять его.

Райшед твердо положил ладонь между лопаток Грена.

— Нет. Чем меньше мы будем его двигать, тем лучше.

Меня снова начала бить дрожь. Я слишком устала, чтобы выдержать спор между Райшедом и Сорградом. Я была слишком испугана и слишком сердита, чтобы сказать этим неблагодарным стервам, что я о них думаю, и слишком зла на себя за саму идею вернуться на эти богом проклятые острова.

— Шив, — выдавила я, — используйте вашу полную связь и верни нас скорее домой.

И когда нас закрутило в вихре магии, я обрадовалась даже своей тошноте.

ГЛАВА 9

*Керану Тонину, ментору в Университете Ванама,
От Казуела Д'Эвуара, проживающего в Доме
Д'Олбриота, Тормейл, благодаря любезности назначенного
этого Дома*

Уважаемый ментор Тонин,

Изучая архивы, относящиеся к временам Хаоса, я продолжаю обнаруживать весьма интересные документы. Посылаю Вам копию открытого письма, распространяемого Хафрейном Ден Феллэмионом на последнем Собрании, устроенном в царствование Немита Мореплавателя. Я не удивлен, что Немит Последний косо смотрел на такие радикальные новшества для колонии Кель Ар'Айена. Но, возможно, пришло время вспомнить о желаниях Ден Феллэмиона. Темару следует знать, к чему стремились его предшественники. Поэтому я послал такую же копию сыеру Д'Алсеннену для его личного архива.

Со всем почтением к Вам,
Ваш коллега Казуел,
эсквайр Д'Эвуар.

*Да будет известно всем доблестным и отважным мужам, что
недавно я вернулся из своих плаваний в дальнем океане и привез ново-
сти, которые ободрят всех добродетельных и доблестных людей.*

Я привез известия о свободной земле за океаном. На плодородных пастбищах там пасутся стада оленей, щедрые реки предлагают безопасные гавани в своих широких устьях и дают легкий доступ к густым лесам, изобилующим дичью и зрелой древесиной. За теми лесами встают гостеприимные холмы, где мы уже нашли строительный камень, руду и даже драгоценные камни среди гравия на дне ручьев и рек.

Давайте обратимся к этой новой земле, открытой милостью Дастеннина и щедростью Сэдрина, вместо того чтобы из последних сил подпирать рушащиеся границы наших старых провинций перед лицом мятежной неблагодарности и эгоистичной злобы. Давайте не расточать силу нашей молодежи на авантюры, от которых и Талагрин, и Рэпонин отвернули свои лица, не оставляя нашим когортам никакого выбора, кроме беспорядочного отступления.

Я приглашаю всех смелых людей присоединиться ко мне в укрощении этой дикой и красивой земли. Те, кто родился знатным, но лишился своих родовых земель за долгие годы бедствий, смогут восстановить свое состояние. Торговцы и ремесленники, разоренные последними ограничениями торговли, найдут и новые рынки, и новые ресурсы. Народ, у которого нет ничего, кроме широких спин и сильных рук, получит за свой труд незаложенную землю, которую будет возделывать для себя.

Пусть никто, плывущий с нами, не уклоняется ни от каких обязанностей из ложного ожидания привилегий. Уважение в этой новой земле следует заслужить, как хлеб и мясо, которые вознаграждают тех, кто сеет, и тех, кто охотится. Любой человек, с честью исполняющий свой долг, возвысится над теми, кто не захочет измениться или сбросить мертвый груз устаревших обычаев. Каждый будет призван взять на себя ответственность и за свою судьбу, и за своих товарищей.

Я не обещаю неги или роскоши. Я предлагаю вам труд и пот. Но эта работа даст вам возможность построить такое будущее, какое вы захотите, с полным и несомненным правом передать все, чего вы могли бы достичь, вашим наследникам и преемникам.

САТАЙФЕР, СТОЯНКА ФЕЛЛЭМИОНА, 29-е ПРЕДЛЕТА

Некоторые из наемников танцуют так же ловко, как фехтуют. Иные, выйдя в круг, превращаются в увальней, однако плясать любят все. Я наблюдала, как неровные квадраты и круги строятся, ломаются и торопливо меняют направление под крики, заглушающие звуки дудок и барабанов. Наши музыканты старались вовсю. Мелодия летела в вечернее небо вместе с внезапным взрывом смеха: это три наемника потрясаяще неправильно выполнили фигуру.

— Думаешь, они научатся танцевать к Солнцестоянию? — прыснула я. — Или мы по какой-то причине заранее празднуем середину лета?

Я еще на рассвете ушла в лес с охотничьей партией и не ожидала, вернувшись, угодить на праздник.

— Просто небольшое веселье в честь двойного полнолуния.

Моя подруга экспансивно махнула рукой на вертелы у самого берега, где парни Минейра жарили разрубленные туши диких животных, добытых нами в здешних лесах. Розарн и Деглейн присматривали за котелками, в которых варились коренья и пряности, и за большим котлом, где кипели моллюски. Огромные лепешки, украшенные ранними ягодами — дарами леса, пеклись на выскобленных досках, поставленных так, чтобы ловить жар костров.

— Выпей. — Хэлис протянула мне рог.

Я с подозрением понюхала напиток и вскинула брови, приятно удивленная ароматом Калиферийского красного.

— Это не та бурда, которую Васпрет делает из ягод, сахара и надежды.

— Д'Алсеннен велел погрузить на «Ураган» все, что осталось в его винном погребе. — Моя подруга указала на корабли, стоящие на якоре в проливе. — На обратном пути в трюмах было достаточно места.

— Они быстро обернулись. — Я глотнула вино, смакуя его изысканный вкус. — Если Темар опустошил свой погреб, он захочет купить у меня вино, как только Каролейя отправит груз.

— Лучше подумай, что еще ты собираешься привезти, — хихикнула Хэлис.

Я не поняла.

— О чем ты?

Подруга ухмыльнулась во весь рот.

— Самый последний указ Д'Алсеннена: каждый, кто везет на продажу предметы роскоши, должен платить за эту привилегию, захватывая с собой немного скучных предметов первой необходимости, которые едва окупают свою перевозку.

— Гвозди и тому подобное? — Я постоянно слышу, как Райшед сетует на их нехватку. — Чья это была блестящая идея?

— Очевидно, деда Д'Алсеннена. Такое правило существовало, когда поместья этого Дома были разбросаны по половине Далазора. — Хэлис, которая всегда оставалась воином, имела собственное мнение о предметах первой необходимости. — Я бы лично предложила луки и фургон стрел.

— Я напишу Каролейе, — согласилась я без энтузиазма.

— Она первая использует все эти новости в своих интересах. — Подруга обвела взглядом стоянку.

От частокола не осталось и следа, и благодаря участию Райшеда деревянные домики, построенные на месте обломков недолгой оккупации пиратов, уже имели постоянный вид.

— Новостей у нас тьма-тьмушая. Каролейе будет на что сослаться, чтобы убедить нужных людей открыть свои кошельки. — Я взглянула на пустую виселицу, чернеющую на фоне неба. Последнего из повешенных уже сняли и бросили акулам. — Интересно, как гильдии Инглиза отреагируют на новость о смерти Мьюрдарча?

Хэлис развеселилась.

— Темар будет писать их Совету. Он потребует награду за голову Мьюрдарча, а заодно перечислит тарифные уступки за оказание Инглизу такой услуги.

— Каролейя рекомендовала бы то же самое, — засмеялась я. — Кто первый это предложил?

— Сорград только намекнул, но наш молодой съер все схватывает на лету. — Подруга огляделась в поисках Темара. — Хорошо бы присмотреть за ним сегодня. После всех неприятностей он в первый раз позволяет себе расслабиться.

— Двойное полнолуние — такой же хороший повод напиться, как любой другой.

Бьюсь об заклад, эта идея принадлежала Хэлис: устроить ночное гулянье, чтобы все ели, пили, веселились и забыли несчастья прошедшей половины сезона. Те, кто мог, воссоединились, кто не мог — оплакали свои утраты. Все имущество, какое удалось вернуть, было возвращено, остальным Темар возместил убытки из денежных сундуков Мьюрдарча. Пусть сегодня ночью Большая и Малая луны светят гуляющим, а завтра Халкарион укажет всем нам новый путь. Всем нам и всем людям Келларина, ибо доставленные нами артефакты помогли Гуиналь разбудить последних спящих Эдисгессета, теперь уже всех до единого.

Я вдруг поняла, что Хэлис смотрит на меня с подозрением.

— Что?

— Ты опять будешь заползать в винный мех и завязывать его за собой? — спросила она с вызовом.

— Нет, — твердо ответила я. — Даже лучшее вино Д'Алсеннена не стоит того, чтобы мучиться потом от похмелья.

Однако дикая головная боль и изжога были ничтожной ценой за то забвение, которое подарило мне спиртное, когда мы вернулись от эльетиммов. Выпрошенное у наемников спиртное было гораздо крепче вина, и я сама не заметила, как напилась в стельку. Райшед убедил тогда Хэлис оставить меня в покое, но уложил меня в постель, когда мой язык стал заплетаться, и на следующий день нашел мне холодной воды, сухарей и тенистое место, чтобы сидеть и сожалеть о собственной глупости. Райшед понял, что я боюсь заснуть, боюсь снова очутиться во власти Высшего Искусства. Он на себе испытал этот парализующий страх и знал: еще больше я

боюсь проснуться и обнаружить, что я все еще заперта в своей голове и кто-то другой управляет моими конечностями.

Хэлис удовлетворенно кивнула и налила мне еще вина.

— Он что-нибудь говорил об Инджелле? — спросила я.

— Темар? — Наемница покачала головой. — Он все сказал на суде.

— Правосудие — долг сьера. — Я невольно взглянула на виселицу. — Люди видели, как неохотно он казнит женщину, но не думаю, что его авторитет от этого пострадал.

— Не пострадал, потому что парень довел дело до конца, — жестко ответила Хэлис. — Эта гадина получила по заслугам.

Инджелла и другие уцелевшие подонки Мьюрдарча предстали перед судом Темара. Нас всех поразила та беспристрастная твердость, с которой он выносил приговоры. Исполнив тот неприятный долг, парень заслужил все вино, какое только поможет ему стереть воспоминания об осужденных, вырывающихся, плачущих и проклинающих свой путь к виселицам.

— Не нам присматривать за Темаром, — сказала я подруге. — Теперь это работа Аллин.

Хэлис хихикнула, уткнувшись в свой рог.

— Каролейя озолотится на этой новости.

Я широко раскрыла глаза.

— А как знатные Дома Тормейла отнесутся к магине в качестве жены сьера Д'Алсеннена?

— Вряд ли им это понравится, но мы на другой стороне океана, и они ничего не смогут поделать, — с огромным удовлетворением ответила наемница.

— Свадьба будет в Солнцестояние? — любопытствовала я. — Здесь или в Витранселе?

Если они поженятся быстро, ни один принц не успеет им помешать, и все-таки я считала, что Аллин заслуживает лучшего.

— Нет, свадьба назначена на осеннее Равноденствие. Со всем почтением к Дрианон по старому обычаю. Все сьеры, их дамы и эсквайры приглашены в Витрансель.

— Вместе с их новыми торговыми предложениями, — подхватила я.

— И по дороге они остановятся здесь, дабы воочию убедиться, что эти острова уже нашли своего законного хозяина, — закончила Хэлис. — А кто начнет спорить, пусть бережет свои пятки от магического огня.

— Никто не выкажет свою неучтивость, — хмыкнула я и задумалась. — Через год-другой это место станет очень интересным.

— Особенно если Узара привезет разрешение из Хадрумала, — согласилась наемница. — Ты видела сегодня Гуиналь? Я покачала головой:

— Кажется, нет.

— Ты ее избегаешь? — обвиняющим тоном спросила Хэлис.

— Она же все время занята, — возразила я, но мой протест звучал неубедительно. — То проверяет, хорошо ли Перид ухаживал за ранеными, пока ее не было, то обсуждает магические соответствия с Узарой.

— Только этим они и занимаются, верно? — Моя подруга ухмыльнулась.

Я покачала головой. Интересно, когда барышня поймет, что веселое удовлетворение на лице Узары по утрам делает такие оправдания неуместными? Тем временем Хэлис не желала оставить меня в покое.

— Надо бы угостить Гуиналь хорошим вином, пока его не выпили. Найди ее и отдай ей эту бутылку. А я раздобуду еды. — Не давая мне раскрыть рот, она вручила вино и ушла.

Стиснув длинное горлышко, я покачала пузатой бутылкой, раздумывая, кому еще ее можно дать. Перид и Шив стояли под ручку возле площадки для танцев, по-доброму шутя с теми, кто пережил пиратов и пытался сейчас веселиться. Гуиналь, вероятно, утешает тех, чьи воспоминания слишком живы и болезненны для плясок. Хэлис права, чума ее побери. Барышня заслужила бутылку хорошего вина. И пока Гуиналь будет пить, она не станет выпрашивать мое

мнение об эльетиммском Высшем Искусстве, в которое меня втянула. Пора барышне смириться с тем, что у меня нет никакого мнения, кроме решимости никогда больше не связываться с эфирной магией. Поднимаясь по склону к лесу, я поймала себя на том, что держу бутылку как для драки в таверне. Я взяла ее по-другому. Я не собираюсь вколачивать правду в голову Гуиналь. Я потолкую с глазу на глаз с Узарой, когда он вернется, и попрошу Райшеда обронить пару намеков.

В хижине с парусиновой крышей, где жила барышня, кто-то разговаривал, и я остановилась, не доходя до двери.

— Все твердят, будто знают, что я чувствую, — раздался желчный голос Налдета.

— Откуда им знать? — Гуиналь, как всегда, оставалась бесстрастной. Нет, вру, недавно я видела ее улыбающейся, с румянцем на щеках. Бьюсь об заклад, тот румянец вызвал Узара. — Хотя я так же несомненно была отрезана от своей прежней жизни, как твоя нога. — Меня удивила прямолинейность барышни. — Учись на моих ошибках, и ты избавишь себя от лишних страданий.

— Можно подумать, это так легко, — грубовато возразил маг.

— Это самое трудное, что я когда-либо делала, — резко ответила Гуиналь. — Но единственная альтернатива — отчаяние, а ты не большой трус, чем я.

— У меня нет твоей силы, госпожа моя. — Налдет неожиданно закашлялся.

— Тогда возьми силу у тех, кто готов ее предложить, — мягко посоветовала барышня. — Не жалуйся на то, что потеряно, и не мучайся из-за того, что нельзя изменить. Не отгораживайся от людей, которые хотят тебе помочь. Может, одному и проще забыть про боль и сожаление, но это не стоит такой цены.

— Я не могу вернуться в Хадрумал, — промолвил маг убитым голосом. — Я не вынесу всех этих вопросов, жалости, шепотов в углах...

— Поговори с Узарой, — предложила Гуиналь. — Да и кто сказал, что тебе нужно возвращаться в Хадрумал?

— А что мне делать в Келларине? Строить новую жизнь на одной ноге и костыле? — Неуверенность Налдета вновь сменилась гневом. — Люди до конца моих дней будут видеть дело рук Мьюрдарча, госпожа моя. С тем же успехом ты могла бы оставить его клеймо на моей груди.

Им обоим не мешает выпить. Я тихо отошла и снова приблизилась, напевая мелодию, которую играли сейчас на берегу.

— Хэлис не хочет, чтобы вы остались без вина. — Я просунула голову в дверь и весело помахала бутылкой. — Тут есть какие-нибудь стаканы, от которых не воняет лекарством?

— Я найду.

Гуиналь встала с кровати, где Налдет сидел, опираясь на свернутые одеяла. Несмотря на протесты мага, Минейр каждое утро приносил его сюда. Барышня твердо решила, что Налдет не будет сидеть в одиночестве и размышлять над своей горькой судьбой.

— Попроси Хэлис научить тебя пользоваться им. — Я кивнула на прислоненный в углу костыль, который стоял там без дела с тех самых пор, как Райшед его туда поставил.

— Она, поди, уже не помнит, как с ним обращаться, — проворчал Налдет.

— Хэлис целый год никуда без него не ходила, — заметила я. — И спрашивала себя, что делать со своей жизнью. Увечный наемник имеет куда меньше возможностей, нежели маг. Тебе не нужны обе ноги, чтобы творить магию.

— Даже не знаю, хорошая ты сиделка, Ливак, или плохая. — Гуиналь закрыла свой сундук с настойками и мазями. — Твои пациенты выздоравливают, лишь бы сбежать от твоих утешений?

Налдет неохотно рассмеялся, поэтому я простила леди ее сарказм, особенно после того, как увидела расчетливый юмор в ее глазах.

— Наслаждайтесь. — Я отдала бутылку и отмахнулась от барышни, когда она хотела заново наполнить мой рог. — Нет-нет, спасибо. Я ишу Райшеда.

Я неторопливо ушла, вполне довольная своим бегством. Я сделала то, что просила Хэлис. Я скажу ей, что Гуиналь была занята с Налдетом, а заодно намекну, что надо помочь магу встать на ноги — вернее, на ногу и костыль. Если барышня подумала, что я неделикатна, то пусть поглядит, как Хэлис вытаскивает кого-нибудь из хандры. Я сама видела полумертвых от ран наемников, которые возвращались к жизни только потому, что подчинялись приказам Хэлис, а не вызову от Полдриона.

От костров соблазнительно пахло жарившимся мясом. Мы с Минейром поспорили, на что будут похожи по вкусу животные с заячьей губой, которых Васпрет нашел в одной из узких долин. Минейр утверждал, что на кролика, а я была уверена — на оленя.

— Ливак! — окликнул меня Сорград и помахал бутылкой.

Они с Греном стояли у поленницы. Нам всем полагалось ежедневно собирать дрова, и Райшед назначал людей, которые укрывали их ветками от дождя.

— Выпьешь? — спросил Грен.

Я покачала головой:

— Чем вы занимались сегодня?

— Говорили с Перидом и Шивом. — Грен рассеянно почесал бок, где все еще зудела, заживая, рана, которая должна была его убить. — Ты видела, как они планируют расписать усыпальницу?

— Ты хочешь сказать, что отвлекал Периду, когда он должен был составлять летопись для Д'Алсеннена? — Сорград устремил на меня сардонический взгляд. — Перид беседует об изучении Высшего Искусства с Гуиналь. Он думает, что мог бы стать адептом.

— Это оживит их с Шивом семейные отношения. — Я пожала плечами. — Желаю им всяческого преуспевания в магии и Высшем Искусстве под одной крышей.

— Боишься? — поддразнил Грен.

— Безумно, — кивнула я. — Лесные трюки — это интересно, но более сложное Высшее Искусство — это уже не по мне. Пусть барышня и дальше хранит свои тайны. Я предпочитаю безраздельно владеть своей шкурой и обеими ногами стоять на земле. — Я повернулась к Сорграду. — А как насчет тебя? Ты почувствовал вкус к магии? Мы помашем тебе на прощание, провожая в Хадрумал?

Горец не попался на удочку и продолжал лениво улыбаться.

— Я подожду, посмотрю, какой ответ привезет Зар от Планира.

— В Лескаре вовсю идут бои, — вмешался Грен. — Мы можем присоединиться, когда узнаем, какая сторона больше всех платит. Еще я хочу узнать, сколько мы можем получить за те красные камешки, что дал нам Олрет.

— Полсезона мира и покоя, и тебе уже скучно, — съязвила я. — Ты не понимаешь своего счастья.

Я давно пришла к выводу, что у скуки больше достоинств, чем я думала. Кроме того, моя мать всегда говорила: если тебе скучно, значит, ты просто недостаточно усердно ищешь, чем заняться. Я склонялась к мысли, что она права. Разумеется, я не имела в виду ее обычные готовые предложения, чтобы я полировала медь, начищала каминные решетки или чинила белье.

— Я мог бы написать Лессаю, если бы кто-нибудь сказал, куда отправить письмо, — рассуждал Сорград.

Грен думал уже о другом.

— Им не хватает одного человека для танца. Присмотри за моим вином, Град.

— Значит, рана его не сдерживает? — Я наблюдала, как горец ловко поклонился девушке, неуверенно высматривающей партнера. — Как и мысль, что он должен был умереть на Ледяных Островах?

— Ты же знаешь Грена, — беспечно откликнулся Сорград. — Ему все нипочем.

Боязливая девушка расцветала под комплиментами Грена.

— Как я понимаю, у бедняжки еще не было возможности узнать, сколь многим она ему обязана, увидеть его шрам, а еще лучше — поцеловать?

Сорград кивнул:

— Она выглядит лучше, чем раньше, не правда ли?

Рассматривая девушку, я смутно вспомнила ее истерический плач. Но имя ее так и не всплыло в моей памяти.

— Гуиналь много делает для тех, с кем хуже всего обращались, — продолжал Сорград. — Притупляет остроту воспоминаний, прогоняет кошмары. Кажется, Высшее Искусство может исцелить не только тело, но и ум.

— Меня это все равно не интересует, — твердо сказала я.

— Райшеду это понравится. — Теперь настал черед Сорграда забрасывать удочку.

— Когда это я пряталась за желаниями мужчины? — Я насадила свой пустой рог на его бутылку. — Ты не уговоришь меня усесться за уроки с Гуиналь, чтобы дать тебе повод слоняться рядом и болтать о магии с Шивом и Заром.

— Стоило попробовать, — без малейшего раскаяния ухмыльнулся горец.

Я наблюдала за Греном, весело кружащим темноволосую девушку.

— Его это действительно не беспокоит, верно?

— Как я должен пить, когда у меня все руки заняты? — нахмурился Сорград. — Что? Нет, ты же знаешь Грена. В пережевывании прошлого нет будущего, вот что он говорит.

— Разумная философия, — сказала я. — Но будущему не повредит небольшое планирование.

— Слова, призванные согреть сердце Райшеда, — съязвил Сорград.

Я опять не клюнула на его приманку.

— Его отец — каменщик, Град. Составление плана означает, что здание не рухнет тебе на голову.

Мы едва не погибли под обломками, когда все вокруг рушилось. Теперь самое время вернуться к жизни, где наибольш-

ший риск — в падении рун, которые могут облегчить мой кошелек.

— Где он? — Сорград окинул взглядом оживленную сцену у воды. — Лучше найди его, не то твой дружок останется без пищи.

— Только не вылакайте все хорошее вино.

Я осмотрела берег. Ни среди танцующих, ни в голодной толпе, собирающейся у костров, Райшеда не было.

— Загляни в усыпальницу, — посоветовал горец.

ОСТРОВНОЙ ГОРОД ХАДРУМАЛ, 29-е ПРЕДЛЕТА

Полуденная жара висела над Хадрумалом. Солнце било по крышам, высекая серебряные искры из шиферных плит, и заливало теплым золотом каменные стены зданий. Верховный маг стоял у окна, глядя вниз, на оживленный двор. Юные ученики бежали выполнять поручения мастеров. Ученики постарше неторопливо возвращались в свои покои, отягощенные сознанием собственного достоинства и увесистыми связками книг. Фасоны мантий и пристрастие к цветам стихий были общими для всех, но покрой и качество ткани неизбежно отличали потомков богатых семей, чьи родители не захотели отказаться от своего отпрыска, по воле случая родившегося магом.

Одетый без всяких причуд, во дворе мелькал простой народ Хадрумала, не имеющий понятия о возвышенных делах магов. Прачки, служанки, мальчишки-подмастерья приходили и уходили, принося то, относя это, дабы никакие мирские заботы не отвлекали тех, кто наделен привилегией стихийного родства, от изучения тайн своего призвания.

Планир наблюдал, лицо его было холодным. Когда в дверь постучали, он не шевельнулся.

— Войдите.

Узара шагнул в кабинет.

— Верховный.

Молодой маг носил повседневные бриджи из полинявшего бордового сукна, рубаху с широкими рукавами и куртку из буйволоовой кожи с костяными пуговицами. И рубаха, и куртка были ему явно велики. С плеча свисала простая кожаная сумка на плетеном ремне.

— Зар, — Планир стоял все так же неподвижно, — я слышал, ты вернулся.

— Всего на один день. Я принес тебе кое-что. — Узара подошел к столу, пустая поверхность которого блестела от усердной полировки. Вся комната, аккуратная, ухоженная, сверкала, точно брошка. — Во-первых, это письмо.

Верховный маг резко повернул голову.

— От кого?

Узара вздрогнул, заметив опасение и надежду на его лице.

— Всего лишь от Темара.

Планир выдавил холодную улыбку.

— Чем я могу помочь сьеру Д'Алсеннену?

— Как я подозреваю, он хочет получить твое разрешение жениться на Аллин. — Узара положил на стол запечатанное письмо. — Темар думает, что должен просить его у тебя.

Планир снова уставился в окно.

— Долг Верховного мага — заботиться о тех, кто ищет знаний и руководства Хадрумала. — Его голос был резким от самообвинения.

Узара вынул из сумки маленькую медную урну и бережно поставил ее на стол. Пузатый сосуд был украшен яркими эмалевыми листьями и птицами, деревянная крышка запечатана воском и обвязана веревкой.

Планир невольно обернулся на легкий стук.

— Ларисса?

— Она спасла бесчисленные жизни. — Узара скорбно посмотрел на урну, потом снял с шеи шнурок. К нему было надежно привязано серебряное кольцо. — Без него мы бы никогда не смогли использовать Высшее Искусство вместе с магией стихий и не спасли бы тех женщин от Олрета.

— Как Верховный маг, я, конечно, должен радоваться, что оно вам пригодилось. — Планир снова отвернулся к окну. — Прости. Я пока не могу оценить всю выгоду от потери женщины, которую я любил и которая погибла такой ужасной смертью.

— Эту урну дала нам Хэлис. Она всегда носила ее с собой, полагая, что рано или поздно ее убьют. — Узара положил кольцо на стол. — Темар хочет назвать один из островов Сатайфера в честь Лариссы. Мы построили усыпальницу, и Лариссу будут вспоминать с почтением, если там будет покоиться ее прах. — Он помолчал в смущении. — Но я подумал, что ты, возможно, захочешь оставить его здесь. Тебе решать.

— Мой последний долг как ее Верховного мага? — с сарказмом произнес Планир, хотя в глазах его читалась нестерпимая боль.

— Твое право как ее возлюбленного, — тихо ответил Узара.

— Это все? — отрывисто спросил Верховный маг.

— Нет. — Узара провел рукой по несуществующим волосам. — Извини, но я попросил Калиона и Троанну присоединиться к нам.

Планир свирепо глянул на него.

— Решил доставить мне полное удовольствие?

Узара расправил свои узкие плечи.

— Я должен сообщить вам кое-что важное, что касается и Верховного мага, и мастеров стихий.

Искра интереса пробилась сквозь горе в серых глазах Планира.

— Неужели мечта Калиона о более тесных связях с Тормалинской империей наконец осуществится, раз Темар понял, что малышка Аллин давно его любит?

Под песочной бородой на лице Узары выступила краска.

— Я тоже надеюсь породниться с тем Домом.

— Ты? — Планир слабо улыбнулся. — Гуиналь дала свое согласие?

— Вообще-то я еще не делал ей предложение, — признался молодой человек.

— Д'Алсеннен — ее законный господин. — Верховный маг пошел к камину, где стояли два кресла с высокими спинками, и жестом пригласил Узару сесть. — Ты должен просить руки барышни у него. Хочешь, чтобы я сказал Темару, что он не женится на Аллин, если откажет тебе? — Эта идея внезапно рассмешила Планира.

— Вовсе нет, — пролепетал шокированный Узара. — Мне и в голову не приходило, что у Темара есть права в этом вопросе.

На лестнице за открытой дверью раздались торопливые шаги.

— А вот и Калион. — Верховный маг поудобнее устроился в кресле, предлагая Узаре сделать то же самое. — Я не сомневался, что ему не потребуется много времени.

Узара пытался принять такую же непринужденную позу, но, не справившись с волнением, сел прямо, словно кочергу проглотил. Слушая в тишине звук приближающихся шагов, он побледнел от решимости.

— Мастер Очага, проходи. — Планир махнул рукой, когда Калион появился в дверном проеме, лицо толстяка побагровело, грудь тяжело вздымалась. — Троанна, присаживайся.

Госпожа Наводнений быстро обошла Калиона, который никак не мог отдышаться. Кроме румянца на круглом лице, ничто в ней не выдавало чрезмерной спешки.

— Узара, какая приятная неожиданность. — Троанна села на стул возле стола, окидывая взглядом письмо, урну и кольцо. Вид у нее стал задумчивым.

Калион рухнул на соседний стул.

— Узара. — Он помолчал, снова переводя дух. — Я должен тебе заметить со всем дружелюбием, что у меня есть серьезное беспокойство насчет твоей пригодности для этой должности. По совести говоря, я не могу позволить твоей кандидатуре пройти в Совет, не изложив мотивов.

Узара озадаченно нахмурился.

— Прошу прощения?

Калион посмотрел на Планира.

— Это насчет мастера Камней?

— Ты хочешь выдвинуть меня? — поразился Узара.

Верховный маг загадочно улыбнулся.

— Вас сюда пригласил Узара. Кажется, он хочет что-то сказать всем нам. — Планир с вызовом взглянул на молодого мага.

Узара выпятил подбородок.

— Я не знал, что меня прочтат на место мастера Камней, но при всем моем уважении — и при всей моей огромной благодарности — я должен отказаться от такой чести.

— Что? — воскликнул Калион. От негодования он лишился речи.

Троанна хлопнула его по руке.

— Дай ему сказать.

Узара откашлялся.

— Я пришел сообщить вам, что остаюсь на Сатайфере вместе с Шивом и Аллин.

— Тогда мы желаем тебе всего хорошего. — Троанна хотела встать.

— И мы с радостью примем любого мага, желающего присоединиться к нам в изучении магии стихий и Высшего Искусства, — торопливо продолжал Узара. — Мы хотим основать Зал для исследования магии во всех ее формах. Мы начнем с использования наших навыков в строительстве новых поселений на Сатайфере и в Келларине. Я распространю это приглашение во всех здешних Залах, прежде чем вернуться на острова.

Калион задохнулся.

— Я запрещаю!

— Прости меня, мастер Очага, но ты не имеешь права запрещать. — Узара перевел взгляд на Планира. — И насколько я могу судить, нам не требуется и твое разрешение как таковое, но мы очень хотели бы получить твое благословение.

— Долг Верховного мага — пресекать любые крайности среди магов, — яростно возразил мастер Очага. — Если открытие какого-то Зала, конкурирующего с Хадрумалом, не является крайностью, то я хотел бы знать, что является!

— Подожди. — Троанна сжала руку Калиона. — Узара, ты считаешь, что вы трое и те недовольные, кого вы убедите рисковать собой, создадите школу, которая будет соперником Хадрумалу?

— О нет, госпожа Наводнений. Наша цель — не конкуренция, а расширение магического горизонта. — Узара махнул рукой на невидимые Залы и дворы за окном. — Здесь столько знаний, что они подавляют своей тяжестью всякое новое мышление. Стоит ученику придумать любопытную идею, как он тут же отправляется в библиотеку искать свидетельство, что кто-то когда-то уже пробовал такое сделать. Он даже не пытается самостоятельно ее развивать. И если он не находит никаких указаний в накопленном знании Хадрумала, то зачастую совсем отказывается от своей идеи.

— Ты считаешь себя умнее магов, посвятивших жизнь учению, которое дало тебе и твоим неблагодарным друзьям сами эти навыки для овладения вашей врожденной магией? — разгневался Калион.

— Мы хотим использовать те навыки для развития магии, — резко ответил Узара. — Что не всегда можно сделать, ибо великие традиции Хадрумала, к сожалению, душат инициативу.

— Это серьезное обвинение, — вмешалась Троанна. — О какой инициативе идет речь? О разрушительных действиях некоего безумца вроде Азазира?

— Конечно, нет, — выдавил из себя Узара.

— Ты можешь привести пример хорошей идеи, не получившей развития? — мягко спросил Планир, соединив пальцы под подбородком.

Молодой маг перевел дух и продолжал:

— Возьми Казуела, Верховный. В прошлом году, когда напали на Темара и сыра Д'Олбриота, он помешал негодьям

сбежать, заставив резную виноградную лозу на каменных воротах вырасти и опутать их руки и ноги. Это была впечатляющая магия, и я бы дорого дал, чтобы узнать, как она Казуелу удалась. Но он сам этого не понимает. Хуже того, он отказывается это повторить без разрешения какого-то мертвого мага, чьи записи заверили бы его, что это безопасно.

— Вы намерены опробовать всякую дикую идею на тех островах? — Троанна строго посмотрела на Узару. — Вы будете держаться вдали от людей Д'Алсеннена, чтобы не сжечь всех в пламени и не похоронить под развалинами?

— Мы примем все меры предосторожности против глупости, госпожа Наводнений, — натянуто ответил Узара. — Мы будем использовать всю защиту, давно испытанную здесь. Мы не отворачиваемся от Хадрумала, мы просто делаем шаг в сторону.

Калион возмущенно открыл рот, но Планир его опередил.

— Ты прав насчет Казуела, Зар. Он никогда не верил в свои способности, не так ли? — Верховный маг посмотрел на мастеров стихий. — К несчастью, он не первый, кто оказался запуган беспочвенными вымыслами и превратно истолкованными легендами, окружающими это место.

— Казуел страдал от своей неполноценности еще до того, как попал на эти берега, — огрызнулся Калион.

— Возможно, — согласился Планир. — Но кто сказал, что он не смог бы расстаться со своими комплексами, если б не чувствовал себя окруженным предшественниками, с которыми, по его убеждению, ему никогда не сравняться? Как насчет Эли, Калион? Она ничего не делает из страха провала. — Верховный маг пронзил толстяка суровым взглядом. — У нее такое же сильное родство, как у любого другого мага, но она предпочитает заниматься сплетнями и отравлять людям жизнь. Да, я не люблю эту девушку, но, честно говоря, я просто не верю, что она создана для обсуждения недостатков и достоинств теорий. Если бы ей дали возможность самой решить, как лучше применить свои способности, даже Эли добились

бы успеха. — Его слова уязвляли. — Скажи мне, Троанна, сколько учеников не оправдали твоих ожиданий или разочаровали тебя, довольствуясь скромной жизнью мага-поденщика? Я видел слишком много таких, кто сбегал в какой-то мирской городок, удаленный от любого большака, потому что они выросли в подобных захолустных городках и не смогли привыкнуть к высоким залам и целям Хадрумала.

— Никаких пальцев не хватит, чтобы их пересчитать, — отрывисто сказала Троанна. — Я согласна с тобой.

— Ты не можешь разрешить такое отщепенство, — закричал Калион. — Я этого не допущу. Совет этого не допустит!

— Как он остановит это начинание? — мягко осведомился Планир. — Ни один из принципов, установленных Трайдеком для этого места, не запрещает магам основать какой-либо другой центр изучения стихий. Ни один из тех принципов не дает Совету права действовать против других магов. Это обязанность Верховного мага.

— А обязанность Совета — направлять его, — рявкнул толстяк.

— Вернее, следить, чтобы он не вступил на путь магической тирании. — Планир кивнул. — Запрещать Шиву и Зару какую бы то ни было попытку расширить пределы магических знаний представляется мне самой настоящей тиранией.

— Все маги подчиняются Хадрумалу. — Калион свирепо глянул на Узару.

— Власть которого основана на согласии, как ты любишь мне напоминать. — Планир выпрямился в кресле. — Если увидят, что им злоупотребляют без веской причины, то согласие исчезнет, как снег под жарким солнцем. Что будет тогда с магами? — Он ткнул пальцем в Калиона. — Ты так жаждешь вернуть магию на материк. Почему же ты не понимаешь, что маги, помогающие людям в их повседневных делах, рассеивают страхи и суеверия, давно ставшие нашим проклятием? Могущественные маги со скрытого острова, приезжающие только для того, чтобы уединиться с лордами, которые и так держат в своих руках жизнь и смерть простых людей, вызыва-

ют у народа только подозрение. Я вижу в идее Зара и другие преимущества. Маги, находящиеся в центре того, что обещает стать крупной торговой сетью, первыми услышат разногласия или гармонию среди властей материка.

Пока мастер Очага искал ответ, Планир безжалостно продолжал:

— Не каждый создан для магической науки Хадрумала, но это не пятнает и не обесценивает ее. Исследования всегда будут иметь свое место, Калион. Я не думаю, что нам нужно опасаться угрозы со стороны новой школы Зара. Фактически она будет служить той же цели — науке — и не оставит без работы изготовителей бумаги и переплетчиков. Саннин говорила с кем-либо из вас двоих о своей теории, что способность к магии усиливается с ее фактическим применением? Ей будет интересно посмотреть, что выйдет из затеи Зара. — Он взглянул на молодого мага. — Рафрид и Герион с удовольствием выпьют с тобой бокал вина, прежде чем ты уйдешь. Их интересует объединенная магия, в ее официальной полной связи и других сочетаниях. Вам с Шивом следовало бы поделиться тем, что вы узнали, даже если ваши находки во многом обязаны удаче и случайности.

Упрек в тоне Планира не успокоил мастера Очага, его лицо по-прежнему пылало возмущением.

Троанна размышляла о другом.

— Этот Зал, или как вы его там назовете, будет также местом для изучения Высшего Искусства?

— Ты же ясно дала понять, что считаешь такие исследования здесь бессмысленным отвлечением, — лаконично ответил Верховный маг. — Кроме того, если такой Зал будет основан под покровительством Д'Алсеннена на Сатайфере, у императора не будет повода открывать новый университет. Что касается соперничества с Хадрумалом, то меня гораздо больше беспокоила бы школа Высшего Искусства, с которой мы не имеем никаких связей, нежели затея Шива и Узары, где испытанные и проверенные друзья руководят обеими дисциплинами.

— Мы намерены исследовать всякое сходство и различие между эфирным колдовством и нашей собственной магией, — твердо заявил Узара.

Калион с презрением фыркнул.

— По-твоему, это не стоит внимания? — резко спросил Планир. — Ты не хочешь знать, как спастись от беспамятства, которое постигло Отрика, или смертельного шока, рикошетом ударившего по Лариссе? Бьюсь об заклад, каждый второй маг в Хадрумале будет благодарен за такое знание. Многих обрадует, что есть какой-то другой объект для эльетиммской ненависти, если она когда-нибудь снова себя проявит. Я лично только приветствую создание нового бастиона против их атаки или убежища, если сам Хадрумал когда-нибудь падет. Мы все сидим в одной лодке, Калион. Скрываться за туманами и магией — это, конечно, хорошо, но ты не можешь отрицать, что тем самым мы почти полностью отрезаем себя от материка. А такая изоляция уже не идет нам на пользу. Ты ведь сам всегда стоял за широкое участие в делах мира. — Планир улыбнулся, чтобы смягчить жесткость своих слов. — Этот спор начинает ходить по кругу. У кого-нибудь из вас есть что добавить?

Наступила тишина. Узара встал.

— Если ты извинишь меня, Верховный, я хочу поговорить с Аритейн. — Он не удержался, чтобы не взглянуть на Троанну. — Гуиналь узнала, что среди эльетиммов все еще практикуется древний ритуал изгнания. Она хочет обратиться к Шелтиям и на основании этого ритуала доказать, что они должны приговорить Аритейн к изгнанию, а не к смерти. Тогда она тоже сможет поехать на Сатайфер.

— Минутку. — Планир указал на стол. — Калион, будь так добр, передай мне то кольцо.

Мастер Очага взял шнурок и нахмурился при виде серебряного ободка.

— Кольцо Отрика?

— А до него — Азазира. — Троанна наклонилась вперед, чтобы лучше видеть.

Калион сузил глаза.

— Ты тоже его заколдовал.

Верховный маг улынулся и, подняв руку, показал выжженный на пальце шрам.

— Теперь оно наполнено тремя стихиями из четырех, — молвила госпожа Наводнений. — Остается только огонь.

— Который учетверит его силу. — Планир наклонил голову. — Калион?

Толстяк отдал ему кольцо.

— Я не обладаю той глубиной родства.

Верховный маг пожал плечами:

— Ты мог бы удивиться. Впрочем, ты — мастер, тебе видней. Остается вопрос, что мы сделаем с ним?

Никто из магов не решился что-либо сказать, все старались не смотреть друг на друга. Узара медленно опустил в кресло, Планир надел кольцо на свой указательный палец.

— Я знаю, тебе очень хочется заверить нас, что вы не встаете в оппозицию Хадрумалу, Зар, но мне пришла в голову мысль, что некоторая конкуренция может стать полезным толчком к познанию. Ученые Ванама и Кола редко достигают значительных успехов, пока кто-то из соперников не вырвется вперед в их общей гонке за знаниями, добившись нового понимания какой-либо проблемы. — Он поджал губы. — Мне интересно будет увидеть, где раньше появится маг, способный завершить квадрат в этом конкретном кольце, в Хадрумале или на Сатайфере. До тех пор...

Планир бросил кольцо Узаре. Тот поймал его, удивленный.

— Возьми его. Ты сказал, что это кольцо сыграло главную роль в защите твоих магов от эфирной атаки. Отныне вы будете первой линией обороны против нее.

Калион нахмурился:

— Прости, Верховный, но мне пора идти. Узара, я свяжусь с тобой, когда мне понадобится то кольцо.

Тяжело ступая, он вышел из кабинета.

— Ты не одобряешь, Троанна? — поинтересовался Планир.

— Для меня и моих учеников это не имеет большого значения. — Госпожа Наводнений посмотрела на Узару. — Вы все еще считаете эльетиммов грозным противником?

— В данный момент — нет, — ответил молодой маг. — Будем надеяться, что у нас больше не появится повода для вражды. Гуиналь говорит: среди соперничающих эльетиммских кланов есть четыре или пять наиболее сильных, которые примерно равны между собой в отношении людей, земли и адептов. Все они достаточно благоразумны и понимают, что никто из них не добьется превосходства, ибо не справится с остальными, объединяющимися против возможности появления нового Илкехана. Они опасаются нас так же, как мы — их, поэтому мы вряд ли когда-нибудь станем друзьями, хотя Д'Алсеннен возвращает им пленных из рудников Келларина в качестве жеста доброй воли.

— Хорошо, — кивнула Троанна. — Ты хотел найти Ари-тейн? Не смею тебя задерживать.

Сама она вставать явно не собиралась.

— Тогда я с вами прощаюсь. — Узара поднялся и машинально отвесил поклон обоим. — Мне еще нужно увидеть Стрелл. Темар просил сообщить, что она всегда может обратиться к Д'Алсеннену, если ей что-нибудь понадобится.

— Надеюсь, это хоть как-то утешит бедняжку, — с сомнением протянул Верховный маг.

Узара тихо закрыл за собой дверь.

— Ты хочешь мне что-то сказать, Троанна? — потухшим голосом спросил Планир.

Женщина обвела глазами кабинет.

— Даже учитывая старательность твоих слуг, я не вижу никакого признака, который бы свидетельствовал, что ты швыряешь посуду. Судя по обычному изобилию вин и ликеров в твоём буфете, ты не топишь горе в вине. Ты осунулся, но я видела, что ты обедаешь со своими учениками, значит, ты не моришь себя голодом.

Лицо Верховного мага превратилось в холодную маску.

— К чему ты клонишь?

— Я похоронила двух мужей и троих детей, Планир. — Троанна скрестила руки. — Я не скажу, будто знаю, что ты чувствуешь, ибо каждая утрата тяжела по-своему и ранит так же глубоко, как предыдущие. Но я знаю, что ты должен горевать, или Ларисса останется для тебя такой же мертвой, как пепел в той урне.

Ответ Планира был хлестким:

— По-твоему, я должен представлять, что она счастливо живет в Ином мире? Что Сэдрин признал ее добродетели и спас ее от демонов Полдриона?

— Не говори глупости, — спокойно молвила госпожа Наводнений. — Ты не больше меня нуждаешься в жрецах и их суевериях.

— Тогда чего ты от меня хочешь? — огрызнулся Планир.

— Я хочу, чтобы ты признал свою утрату и ее несправедливость, — решительно ответила Троанна. — Любым способом, который даст тебе освобождение. Поднимись на самый высокий холм на этом острове и выкрикни свое негодование ветру, богам или равнодушной судьбе, наславшей на бедную девочку безвременную смерть. Это то, что я делала раньше. Посмотри честно на путь, который привел ее туда, и избавь себя от бесконечных упреков в том, что ты сделал или чего не сделал. Мы не алдабрешские варвары, чтобы верить, будто каждый поворот судьбы предсказывается особыми предзнаменованиями, и что всякое зло можно предотвратить, если мы умеем читать эти знаки. Ларисса умерла, и ты имеешь право горевать, но не бичевать себя без конца из-за злого рока, в котором ты никак не повинен.

— Я толкнул Лариссу на путь, который привел ее к смерти, — жестко возразил Планир.

— Чушь. — Троанна покачала головой. — Ты унижаешь ее, думая так. Ларисса была молода, но она была умной девочкой и сделала свой собственный выбор. Я никогда не одоб-

ряла вашей близости, однако никто не может обвинить тебя во влиянии на ее решения.

— Ты слишком добра, — холодно ответил Верховный маг. — Я не влиял на ее решения, потому что любил ее, а вовсе не из уважения к ее самолюбию. Но Ларисса все равно мертва.

— Пока ты не начнешь горевать, она останется мертвой. — Госпожа Наводнений провела пальцем по выпуклости яркой урны, словно не замечая, как Планир напрягся. — У алдабрешцев есть одно поверье, с которым я совершенно согласна. Люди не умирают, пока хотя бы один человек, знавший их при жизни, вспоминает их такими, какими они были. Окажи Лариссе такую честь.

Она быстро встала и кивнула на прощание.

— Ты знаешь, где меня найти, если тебе надоест скручивать хвост Калиону и захочется еще поговорить. Загляни к Шаннет. Она пережила почти все свое поколение и знает все об утратах. Возможно, это единственное, в чем мы всегда сходились.

Верховный маг ничего не ответил на последнее замечание, брошенное Троанной через плечо. Он еще долго сидел в своем кресле все с тем же застывшим лицом, пока наконец слезы не потекли по его щекам.

САТАЙФЕР, СТОЯНКА ФЕЛЛЭМИОНА, 29-е ПРЕДЛЕТА

— Как сын каменщика, ты, видимо, станешь отличным плотником, но не мог бы ты на один вечер отложить свой пояс с инструментами? — Я немного преувеличила, ибо у Райшеда в руках был только молоток.

Мой возлюбленный протянул руку, и я шагнула в его объятия.

— Красиво, верно?

Я оглядела усыпальницу. Гладкие камни неукоснительно ровного цвета служили прочным фундаментом для деревян-

ных стен из плотно подогнанных досок. Крыша поддерживалась стропилами, вытесанными с той же тщательностью. Пряный аромат свежей древесины вдохнул жизнь в ниши, где стояли прозаические сосуды с пеплом первых умерших Сатайфера. Угольные метки и слабые зарубки на дереве предвещали будущую резьбу: я увидела ключи Сэдрины, орла Дрианон, корону Халкарион и весы Рэпонины. В центре усыпальницы возвышался постамент из самого белого камня, какой удалось найти Райшеду и его товарищам-ремесленникам. На нем в свое время воцарится то божество, которому будет посвящена усыпальница. Широкие двери стояли открытыми, и солнечный свет падал на пустой круг.

Я обняла Райшеда за талию, чтобы почувствовать его успокаивающую силу и тепло.

— Темар уже сказал что-нибудь о статуе?

Мой возлюбленный покачал головой:

— Гуиналь предложила Ларазион.

На мой взгляд, это имело смысл.

— Правильно, ведь каждый моряк перед плаванием захочет помолиться о хорошей погоде.

— Дастеннин — Владыка Моря, и четыре человека из пяти в Зьютесселе в первую очередь молятся ему. — Райшед ласково прижал меня к себе. — Впрочем, Гуиналь передумала. Разговоры об этом новом Зале, который они с Заром хотят основать, напомнили ей, что в Старой Империи все эфирное знание хранилось в усыпальнице Острина.

— Сделайте постамент побольше, — предложила я. — Пусть они стоят тут все вместе, как в Релшазе.

Мой возлюбленный засмеялся.

— Сатайфер еще не скоро сможет похвастаться чем-то столь же великолепным. Вся эта стоянка уместилась бы внутри того храма.

— В завершенном виде эта усыпальница будет не хуже любого храма Империи. — Я потянула Райшеда за собой, чтобы рассмотреть слабые наброски на стене. — Надеюсь,

Периду есть что сказать на этот счет. Это Ларисса рядом с Халкарион?

Райшед кивнул:

— Перид хочет запечатлеть всех погибших, кого он помнит.

Я восхитилась широким изгибом фрески, которую наш художник наметил для первой половины круга. Она так точно передавала пейзаж за стеной, что казалось, будто в усыпальнице есть окна. Приходящие за утешением увидят богов и богинь среди людей стоянки. Вот Тримон сидит со своей арфой, окруженный пляшущими детьми. Рядом Ларазион плетет венки для девушек, которые вместе с Халкарион расчесывают свои волосы над зеркальной гладью пруда. Такого пруда в действительности не существует, но это не важно. Райшед его, несомненно, выроет. Дрианон плетет тростниковую корзину у двери крепкого дома, вокруг нее толпятся хозяйки. Поодаль стоит Талагрин с группой мужчин, собирающихся на охоту, чтобы было чем наполнить котелки, которые Мизаен кует в своей кузнице.

— Мне нравится, — сказала я.

— Мне тоже. — Райшед поцеловал мои волосы.

Закрытые крышками горшочки, слишком маленькие для урн, привлекли мое внимание.

— Что это?

— Шив помогает Периду с красками. — Мой возлюбленный усмехнулся. — Он говорит, что госпожа Наводнений Троанна пришла бы в ужас от такого мирского использования его стихийного родства. Но Троанны здесь нет, а значит, она этого не увидит.

— И потому не оскорбится, — закончила я за него.

Повисло неловкое молчание.

— Перид говорит об изучении Высшего Искусства, — с нарочитой небрежностью проронил Райшед.

— Пусть тогда забирает тот песенник, — сказала я, тщательно выбирая слова. — Мне он больше не понадобится.

— Нет?

— Лесные загадки и чары, спрятанные в песнях, — было довольно забавно. Шелтии, эльетиммы, Гуиналь и ее адепты — это уже слишком серьезно для меня. — Я невольно вздрогнула. — Слишком опасно. Пусть хранят свои секреты, мне все равно.

— Так что ты собираешься делать? — Темные глаза Райшеда изучали мое лицо.

— В Витранселе скучно. — Я не мигая встретила его взгляд. — Но там наш дом, и в нем есть стены, крыша и приличная уборная. Как только Сатайфер сможет предложить столько же и еще больше, например, таверны, где моряки будут спускать свое жалованье, и рынки, я захочу вернуться сюда. Я уже написала Каролейе, чтобы она с первым же кораблем выслала мне груз вина. — Я ухмыльнулась. — Собираюсь попробовать себя в торговле. Это тоже азартная игра.

Мой возлюбленный добродушно кивнул.

— Тогда я могу взяться за работу, которую Темар пытается мне всучить.

Меня охватил внезапный страх.

— Он предлагает тебе службу на Д'Алсеннена? Клятву?

— Нет, — твердо ответил Райшед. — Темар знает, что я бы ее не принял. Он предлагает мне должность управляющего Сатайфера. Кто-то должен здесь все организовывать, и он считает, что я самый подходящий для этого человек.

Казалось, мой возлюбленный и польщен такой оценкой, и смущен.

— Ты служил Д'Олбриоту, ты знаешь Зьютесселу вдоль и поперек, ты знаешь о Келларине больше, чем кто бы то ни был. Он не мог сделать лучший выбор.

— Надеюсь, ты права. — Райшед обнял меня.

— Конечно, права. — Я нахмурилась. — Но ты не будешь ему присягать? — Я не хотела, чтобы те или иные узы опять разделили нас.

— Нет. — Он снова поцеловал мои волосы. — Пора мне жить своим умом. Кроме того, императору будет приятнее

видеть Сатайфер в какой-то мере независимым от Д'Алсен-нана. Так ему будет легче протолкнуть эту идею Собранию принцев.

Сьер Д'Олбриот наверняка поддержит кандидатуру Райшеда, поручившись за его честность и умение против доводов других принцев.

— Так перед кем ты будешь отвечать? — Я уже прикидывала, какие возможности сулит мне эта перспектива.

— Со временем появятся купеческие гильдии, братства усыпальниц, товарищества ремесленников. Все они захотят распоряжаться. Если Узара и Гуиналь откроют свою школу, они тоже сунут ложку в этот котел. — Мой возлюбленный посмотрел на меня и ухмыльнулся. — Чтобы держаться на шаг впереди остальных, мне нужно будет знать, о чем толкуют в пивных и на рынках.

— Разумеется, — согласилась я, широко улыбаясь. Гордость от того, что таланты Райшеда наконец получили должное признание, согрела меня даже больше, чем предвкушение грядущего веселья.

— Пока что, — продолжал мой возлюбленный, — я буду отвечать прежде всего перед собой. Так сказал Темар. Когда я ему понадоблюсь для решения какой-то задачи, он изложит свои доводы или пошлет капитана своей когорты. — Райшед хмыкнул. — Надо было побиться с тобой об заклад, что твоя подруга однажды примет клятву тормалинского сьера.

— Хэлис? — Я разинула рот. — Она хочет стать его капитаном? И при полной церемонии обмениваться клятвами?

— Темар спросил ее сегодня, и твоя подруга согласилась. Она будет носить эмблему Д'Алсеннана, как только он найдет серебряных дел мастера, чтобы ее изготовить. — Одобрение Райшеда было очевидным. — Он считает, Хэлис уже не раз доказала, на что она способна. Она более чем готова принять его амулет и получить права в стране, за которую сражалась.

— Сорград и Грен будут разочарованы, — не думая, пробормотала я. — Они хотят посмотреть, что принесет сражение в Лескаре нынешним летом.

Я почувствовала, как мой возлюбленный встревожился.

— Но ты останешься на этой стороне океана?

— Да, — заверила я его. — Сорград и Грен могут отправляться куда угодно и строить свои безрассудные планы быстрого обогащения. Мы с Хэлис остаемся здесь. Нам кажется, что пора начинать долгую игру.

— Мы все сделаем, чтобы награда того стоила.

Сняв руку с моего плеча, Райшед полез во внутренний карман куртки и вытащил бронзовый медальон. Это был не тот медальон, который я видела на нем, потому что тот он вернул мессииру Д'Олбриоту вместе со своей клятвой.

— Айтен хотел бы, чтоб его амулет находился здесь, — тихо сказала я.

— Хотел бы, и Джерис тоже, верно? — Райшед перебрал горсть гвоздей в поисках одного — для петельки. Через эту петельку был когда-то пропущен кожаный ремешок с этим медальоном, который висел на шее его друга.

Я улыбнулась.

— С каким восторгом присоединился бы Джерис к исследованиям Зара и Гуиналь!

Райшед прикрыл одну створку двери. Однажды вся ее внутренняя сторона скроется под знаками принесенных обетов или просимых у богов милостей, но пока она была чиста.

— Мы свели тот давний счет с эльетиммами?

— Полагаю, да. — Здесь еще не было благовоний, но я нашла несколько ароматных древесных стружек и сложила их кучкой на постаменте. Райшед наблюдал, как я достаю из кармана огниво. Он ударил по гвоздю — и амулет Айтена оказался на двери. Я зажгла стружки, надеясь, что дым отнесет этот звук в Иной мир. Может быть, таким образом они узнают, что за них отомстили.

Райшед медленно опустил молоток, глядя в дверной проем.

— Ты выйдешь за меня замуж?

Это было не предложение руки и сердца с акцентом на втором слове. И этот вопрос был не из тех вызовов, что поджуживают тебя ответить «нет». В словах Райшеда звучало только

любопытство, но я знала — мне придется найти то же самое равновесие между легкостью и значительностью, ибо это был не праздный вопрос. Ведь теперь перед нами открывалась новая жизнь, которую мы могли бы разделить на равных началах.

— В это Солнцестояние? Нет. Мои волосы не успеют отрасти для свадебной косы, и они все еще будут этого ужасного цвета. В Равноденствие? В Зимнее Солнцестояние? Вряд ли. У меня что-то нет желания затевать эти хлопоты. В следующем году? Через два года? Через пять лет? Понятия не имею. Не думаю, чтобы я когда-нибудь захотела выйти замуж. — Я была абсолютно честной, и сердце мое бешено колотилось. — Но я уверена, что не хочу быть без тебя. Я не представляю своей жизни без тебя. Я никуда не пойду, если тебя не будет рядом со мной.

Райшед молча кивнул.

Подождав немного, я добавила:

— Это самый лучший ответ, какой я могу тебе дать.

Мой возлюбленный повернулся и, отбросив молоток, заключил меня в объятия.

— И я принимаю его. Пока у меня есть ты, я обладаю всем, чего когда-либо мог желать.

Я поцеловала его, и в эту блаженную минуту ни в чем ином не нуждалась. Нашей любви было достаточно, более чем достаточно, и я чувствовала: так будет всегда.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Воршавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Маккенна Джульет Э.

Кинжал убийцы

Фантастический роман

Редактор В.Н. Науменко

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: А.В. Массарский

Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Эйнаринн. Мир, которым правит магия — магия, подвластная лишь избранным великим мастерам, живущим на загадочном острове Хадрумал. Мир, где прошлое и настоящее сплелись в опасной игре, которую, сама того не зная, начала смелая воровка, укравшая один из величайших магических артефактов древности...

Мир, который в силах спасти от зловещей Силы эльетиммов — магов ледяных островов — лишь бесстрашный воин-одиночка, поклявшийся некогда отомстить эльетиммам за смерть друга...

«Чудесно! Умная речь, точная мысль».

Джулия Джонс

Игра воровки
Клятва воина
Удача игрока

Долг воина
Кинжал убийцы

ISBN 5-17-025956-5

